Федор Федорович

УШАКОВ

СВЯТОЕ РУССКОЕ ВОИНСТВО

«Не красноречие, но сущие дела ответствовать за меня будут»

ВЕЛИКИЕ ПОЛКОВОДЦЫ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Только два полководца были причислены Русской Православной Церковью к лику святых. Первый – Александр Невский, второй – Федор Ушаков.

В Деянии о его канонизации сказано: «Сила его христианского духа проявилась не только славными победами в боях за Отечество, но и в великом милосердии, которому изумлялся даже побежденный им неприятель… милосердие адмирала Феодора Ушакова покрывало всех…»

Это правда: крупнейший русский флотоводец, не проигравший на море – как великий Суворов – на суше! – ни одного сражения, адмирал Федор Федорович Ушаков (1745—1817), обладая всеми качествами выдающегося военачальника, стратега и дипломата, был начисто лишен презрения к человеческой жизни. Ни азарт боя, ни ожесточенность неприятеля, ни необходимость нанести ему наибольший урон,– ничто не могло заставить славного адмирала забыть о главном: сражения ведутся не для истребления людей, а для прекращения войны.

Неоднократно битые русским адмиралом турки с почтением и страхом называли его «Ушак-паша». Именно выигранные Ушаковым все основные сражения Русско-турецкой войны привели к заключению Ясского мирного договора, закрепившего за Россией все Северное Причерноморье, включая Крым, и значительно усилившего политические позиции России на Кавказе и Балканах.

После победоносного завершения войны император Павел назначил Ф. Ф. Ушакова командующим российскими военно-морскими силами в Средиземном море. Его задачей была поддержка войск антифранцузской коалиции. Во время Средиземноморского похода 1798—1800 гг. Ушаков проявил себя как крупный флотоводец, искусный политик и дипломат, показал образцы организации взаимодействия армии и флота. Успехи русского флотоводца были столь впечатляющи, что это вызвало острую ревность его британского визави – знаменитого адмирала Нельсона. Ушакова называли «Суворовым на море». Вот почему столь насущна потребность отечественного читателя ближе узнать этого гениального военачальника и великого человека.

В предлагаемой книге знаменитый адмирал Федор Федорович Ушаков предстает перед читателем и как автор, и как главный герой повествования. Документы, вышедшие из-под пера великого русского флотоводца, удачно дополняются рассказом о

перипетиях его полной опасностей жизни и помогают понять, почему этот суровый воин был причислен к святым Русской Православной Церкви.

Электронная публикация включает полный текст бумажной книги и избранную часть иллюстративного документального материала. А для истинных ценителей подарочных изданий мы предлагаем классическую книгу. Как и все издания серии «Великие полководцы» книга снабжена подробными историческими и биографическими комментариями; текст сопровождают сотни иллюстраций, с многими из которых современный читатель познакомится впервые. Прекрасная печать, оригинальное оформление, лучшая офсетная бумага – все это делает книги подарочной серии «Великие полководцы» лучшим подарком мужчине на все случаи жизни.

-
- Р. К. Скаловский. ЖИЗНЬ АДМИРАЛА Ф. Ф. УШАКОВА[1]
  - Глава I. Первые годы службы Ф. Ф. Ушакова
  - Глава II. Первая война с Турцией в царствование императрицы Екатерины II. Служение Ф. Ф. Ушакова в Черноморском флоте с 1768 по 1775 год
  - Глава III. Служение Ф. Ф. Ушакова в Балтийском флоте с 1775 по 1783 год
  - Глава IV. Служение Ф. Ф. Ушакова в Черноморском флоте с 1783 года
  - Глава V. Вторая война с Турцией в царствование императрицы Екатерины II, в 1787 году
  - Глава VI. Кампания 1788 года
  - Глава VII. Кампания 1789 года
  - Глава VIII. Кампания 1790 года
  - Глава IX. Кампания 1791 года. Заключение
  - Глава X. Состояние черноморских портов и флота с 1785 по 1798 год. Пребывание адмирала Ушакова в Севастополе с 1791 по 1798 год
  - Глава XI. Военные приготовления Черноморского флота со времени Ясского мира
  - Глава XII. Отплытие русской эскадры из Севастополя в Константинополь в 1798 году и пребывание ее там
  - Глава XIII. Покорение островов Цериго, Занте, Кефалония и Св. Мавры
  - Глава XIV. Покорение острова Корфу
  - Глава XV. Распоряжения адмирала Ушакова после взятия Корфу. Награды
- ПИСЬМА И ДОКУМЕНТЫ

- Инструкции и распоряжения
- 1764–1774. Командование отдельными кораблями
- 1783–1787. Служба в Черноморском флоте
- 1787–1792. Русско-турецкая война
- 1792–1797. Командование Черноморским флотом
- Январь – август 1798 г. Приведение Черноморского флота в боевую готовность
- Август 1798 г. – май 1799 г. Совместные действия русского и турецкого флотов. Освобождение ионических островов
- Кампания 1800 г. в Средиземном море
- 1807–1817. Последние годы жизни и деятельности

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21
  - 22
  - 23
  - 24
  - 25
  - 26
  - 27
  - 28
  - 29
  - 30
  - 31

- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75

- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102
- ○ 103
- ○ 104
- ○ 105
- ○ 106
- ○ 107
- ○ 108
- ○ 109
- ○ 110
- ○ 111
- ○ 112
- ○ 113
- ○ 114
- ○ 115
- ○ 116
- ○ 117
- ○ 118
- ○ 119

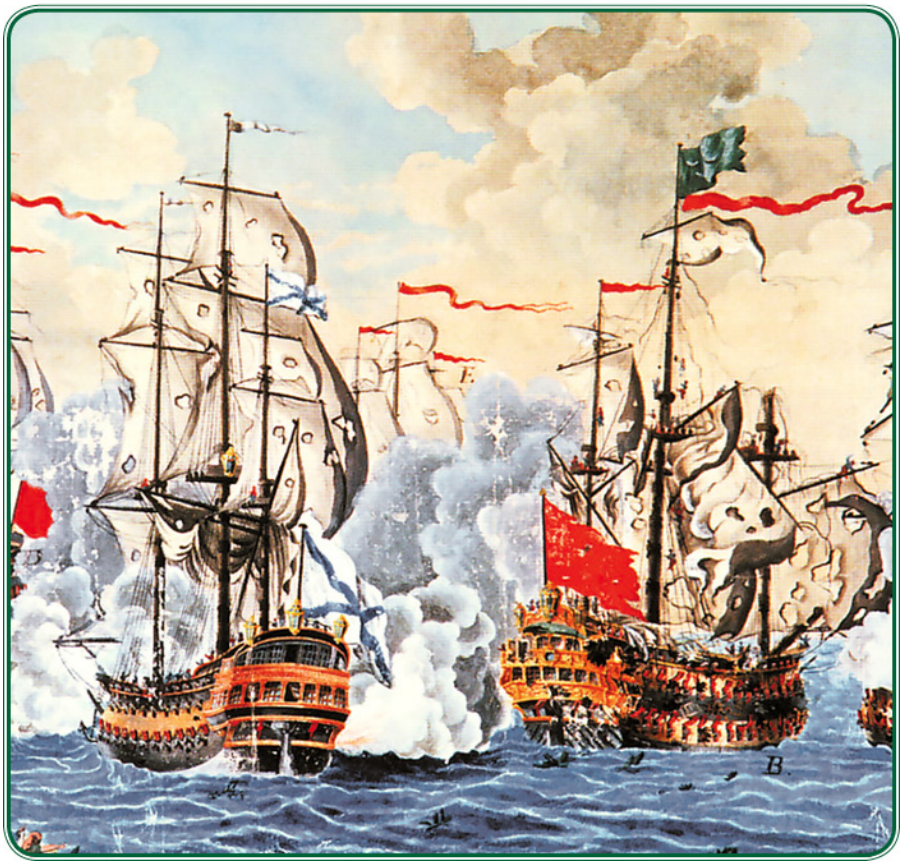
- ○ 120
- ○ 121
- ○ 122
- ○ 123
- ○ 124
- ○ 125
- ○ 126
- ○ 127
- ○ 128
- ○ 129
- ○ 130
- ○ 131
- ○ 132
- ○ 133
- ○ 134
- ○ 135
- ○ 136
- ○ 137
- ○ 138
- ○ 139
- ○ 140
- ○ 141
- ○ 142
- ○ 143
- ○ 144
- ○ 145
- ○ 146
- ○ 147
- ○ 148
- ○ 149
- ○ 150
- ○ 151
- ○ 152
- ○ 153
- ○ 154
- ○ 155
- ○ 156
- ○ 157
- ○ 158
- ○ 159
- ○ 160
- ○ 161
- ○ 162
- ○ 163

- ○ 164
- ○ 165
- ○ 166
- ○ 167
- ○ 168
- ○ 169
- ○ 170
- ○ 171
- ○ 172
- ○ 173
- ○ 174
- ○ 175
- ○ 176
- ○ 177
- ○ 178
- ○ 179
- ○ 180
- ○ 181
- ○ 182
- ○ 183
- ○ 184
- ○ 185
- ○ 186
- ○ 187
- ○ 188
- ○ 189
- ○ 190
- ○ 191
- ○ 192
- ○ 193
- ○ 194
- ○ 195
- ○ 196
- ○ 197
- ○ 198
- ○ 199

Федор Федорович Ушаков (1745—1817)

Ф. Ф. Ушаков

Святое русское воинство



Р. К. Скаловский. ЖИЗНЬ АДМИРАЛА Ф. Ф. УШАКОВА [1]

Глава I. Первые годы службы Ф. Ф. Ушакова

Продолжительные и упорные войны на суше и на море в царствование императрицы Екатерины II представляли обширное поприще для военных дарований и указывали на военачальников, умевших возвеличить оружие России и смирить всех врагов ее. В ряду таких имен, озаренных славой и отмеченных Историей, видное место занимает адмирал Ушаков, скоро угаданный князем Потемкиным и избранный им в начальники Черноморского флота.

Но не одному славному веку Екатерины II принадлежит лучшая часть подвигов Ушакова. Судьба определила ему счастье служить трем царствованиям и быть деятельным участником в войне, поднятой императором Павлом на защиту союзных держав Западной Европы от гибельных учений и дерзких завоеваний Французской республики, и он понес русский флаг по водам Средиземного моря так же величаво и победоносно, как прежде того ограждал Черное море от нашествий турецких морских сил.

Кроме этих подвигов беспримерной храбрости – затруднительные положения, военные и политические, в которые Ушаков был часто поставляем; достоинство, с каким он всегда и везде преодолевал их; блистательные успехи с малыми средствами и, наконец, сношения со многими замечательными лицами той эпохи, увеличивают историческое значение его личности и придают особенную цену всем подробностям многосторонней его деятельности.

Для описания жизни адмирала Ушакова, во всем ее объеме и в полной ее обстановке, я заимствовал сведения из дел Главного Морского архива и находящихся в Николаеве; из бумаг, принадлежащих некоторым частным лицам, и других источников, стараясь заключить достоинство моего рассказа в простом и верном очертании событий.

Здание Морского кадетского корпуса.
Фотография XIX в.

Морской кадетский корпус — правопреемник московской «навигацкой школы» (1701—1715), основанной по личному указанию Петра I. В этом старейшем в России военно-морском училище получили образование многие выдающиеся флотоводцы: В. Я. Чичагов, Я. Ф. Сухотин, Ф. Ф. Ушаков, Д. Н. Сенявин, П. С. Нахимов, И. Ф. Крузенштерн, Ю. Ф. Лисянский, О. Е. Коцебу, В. М. Головнин, Ф. Ф. Беллинсгаузен, М. П. Лазарев, А. А. Попов, П. И. Истомин, А. В. Колчак.

* * *

Федор Федорович Ушаков родился в 1745 году, в Темниковском уезде Тамбовской губернии[2], от недостаточных родителей, оставивших ему в наследство 19 ревизских душ[3]. Фамилия Ушаковых принадлежит к древним дворянским и происходит от косогского князя Редеги; она была также в родстве с графом А. И. Ушаковым.

До 16-летнего возраста Ушаков провел жизнь в уединенной деревне отца своего, предоставленный более самому себе, чем кем-либо руководимый; но строгая нравственность и высокие религиозные чувства, возбужденные примерами его семейства, отличавшегося особенной правдивостью и набожностью, глубоко запечатлелись в его сердце и сохранились во всю последующую жизнь.

Воспитание его ограничивалось теми скромными познаниями, какие мог передать сельский священник, и, предаваясь более развитию физическому, чем умственному, он находил лучшим для себя удовольствием пренебрежение опасностями, удовлетворявшее врожденному бесстрашию его характера, и нередко, в сопровождении таких же смельчаков, отваживался на занятия не по летам, – так, со старостою деревни своей он хаживал на медведя.

Поступив в Морской шляхетский кадетский корпус, 16 февраля 1761 года, Ушаков не встретил там почти ничего, что способствовало бы к смягчению его наклонностей и привычек. Заведение это, не насчитывавшее тогда и десяти лет со времени своего учреждения, пребывало еще в переходном состоянии, без хорошего внутреннего порядка, без правильного преподавания наук и, главное, без должного наблюдения за нравственностью.

Это не была бурса, но немногого недоставало для того, чтобы вполне походить на нее; там можно было приобрести познания, необходимые для морского офицера, но трудно было не усвоить себе также, более или менее, сурового обращения, грубых привычек, недостатка общежития и вообще какого-то особенного типа, неизбежно рождаемого таким образом воспитания.

Каждый юноша, а их полагалось тогда иметь в Морском корпусе до 360, почти совершенно предоставлен был своему произволу внеклассного времени; мышцы были в постоянном упражнении для водворения прав сильного над слабейшим; дурные наклонности одного прививались другому, и если еще не более 30 лет тому назад воспитание в Морском корпусе, на языке кадетов, называлось «спартанским», то нетрудно представить себе состояние этого учебного заведения почти за сто лет.

Поэтому некоторую строгость и суровость, замечаемые в характере Ушакова, не столько, быть может, надобно отнести к природным свойствам, сколько принимать за следствие обстановки, сопровождавшей его юношеские годы, – за отпечаток его века во флоте нашем, отразившегося на многих морских офицерах того времени.

Через два года после поступления в Морской корпус, Ушаков произведен был в гардемарины (12 февраля 1763 года) и спустя

еще год в капралы (10 апреля 1764 года). На практических эскадрах он ежегодно плавал до Готланда и Дагерорта и в 1766 году 1 мая произведен в мичмана, будучи 21 года от роду. В списке 59 воспитанников, выпущенных с ним в офицеры, он поставлен четвертым, что, конечно, свидетельствует о его хороших успехах и нравственности[4].

В том же 1766 году на пинке[5] «Наргине», под командой капитан-лейтенанта Глотова, отправился из Кронштадта в Архангельск, откуда возвратился в Кронштадт в следующем году на том же судне. В 1768 году на корабле «Трех Иерархов», под командой капитана 1 ранга С. К. Грейга, находился в практическом плавании по Финскому заливу. В исходе того года назначен в Черноморский флот.

Глава II. Первая война с Турцией в царствование императрицы Екатерины II. Служение Ф. Ф. Ушакова в Черноморском флоте с 1768 по 1775 год

Царствованию императрицы Екатерины II суждено было изгладить следы Прутского и Белградского договоров. Повод к этому подала сама Турция, в 1768 году вмешавшись в дела Польши, по внушениям Франции, и обратившись к России с предложениями, на которые можно было отвечать одним только оружием.

Вместе с приготовлением двух армий, под начальством князя Голицына и графа Румянцева, для отражения турок, собиравших огромные ополчения, приступлено было к восстановлению Днепровской и Донской флотилий. Последняя из них имела еще тогда 92 малые судна: лодки, дубель-шлюпки[6] и проч., и в ноябре 1768 года высочайше повелено было: генерал-кригс-комиссару Селиванову исправить верфь в Таврове и истребовать на Дон три тысячи мастеровых из губерний подмосковных; а Адмиралтейской коллегии придумать чертежи судов, которые могли бы с достаточной безопасностью плавать по Азовскому морю.

Мелководья устьев Дона и Таганрогской гавани, служившие всегдашним препятствием к достижению этой цели, и на этот раз привели Коллегию в затруднение, почему она избрала четыре рода парусно-гребных судов: 16-пушечных, из которых одни сидели в воде 9 футов, а другие 8; бомбардирских 10-пушечных, с одной двухпудовой мортирой; и 12-пушечных, сидящих в грузу 5 футов[7].

В исходе 1768 года посланы были из Балтийского галерного флота 1300 нижних чинов на Дон, и тогда же Ф. Ф. Ушаков, находившийся в числе офицеров, назначенных в Азовскую экспедицию, отправился с партиею матросов и прибыл в Воронеж, под начальство вице-адмирала Алексея Наумовича Сенявина, избранного главным начальником Азовской флотилии.

Первые приготовления к военным действиям состояли в поспешной постройке на Тавровской верфи 12 судов по чертежам Коллегии, в восстановлении укреплений Азова и Таганрога и углублении Таганрогской гавани. В то же время голландские, датские и английские морские офицеры получили приглашение вступить в русскую службу и в портах Балтийского моря

приготовлялась эскадра.

1769 год проведен был в снаряжениях судов Азовской флотилии и крейсерстве небольших отрядов, не ознаменованном никакими случаями. В эскадре капитана 1 ранга Пущина, плававшей некоторое время против устьев Дона, находился, на праме № 5, Ф. Ф. Ушаков, произведенный в лейтенанты 30 июля того года (в чине мичмана служил три года).

Но если начинания эти на Азовском море мало озабочивали Порту и не встречали никаких почти препятствий, зато приготовления для действий на Средиземном море готовили ей удар с той стороны, где она менее могла ожидать его. По предложению графа А. Г. Орлова, императрица приняла намерение сделать диверсию через восстановление против Порты всех жителей Архипелага[8] и Греции.

Насильственные и варварские поступки оттоманского правительства с христианскими народами, ему подвластными, и всеобщая их ненависть к туркам делали восстание это возможным и удобным; поэтому в исходе 1768 года посланы были агенты на Черную гору, в Албанию, Молдавию, Валахию и другие турецкие области; оружие же, снаряды и деньги для жителей Архипелага отправлены из Кронштадта на голландском корабле.

Грекам предложено было снаряжать за свой счет отряды сухопутных войск или суда для крейсерства, и лица, наиболее участвовавшие в этих пожертвованиях, награждены были военными чинами. Все жители оживились надеждой на избавление от турецкого владычества, и граф Орлов, избравший Флоренцию местом своего пребывания и тайных сношений, ожидал только прибытия русской эскадры к берегам Греции, чтобы приступить к открытым действиям.

Эскадра под начальством адмирала Спиридова, к нему отправленная, оставила Кронштадт в июне 1769 года и состояла из 7 кораблей, 1 фрегата, 1 бомбардирского судна и 6 мелких; в 1770 году к ней присоединены были 3 корабля, 2 фрегата и 3 мелких судна, пришедшие в Архипелаг под начальством контр-адмирала Эльфинстона, и потом еще 3 корабля и 13 транспортов с десантными войсками, под начальством контр-адмирала Арфа.

Портрет императрицы
Екатерины II. *Шталера. 1833 г.*

В 1770 году действия Азовского флота ограничивались прикрытием устьев Дона со стороны моря, и лейтенант Ф. Ф. Ушаков, на том же праме № 5, участвовал в этих крейсерствах. Морские силы неприятеля были обращены тогда к Архипелагу, и потому суда наши беспрепятственно плавали до сентября, после чего некоторые из них остались для зимовки в Таганрогской гавани, которая была уже достаточно углублена и исправлена.

Иные действия происходили между тем в Архипелаге и в главной армии, и 1770 год ознаменован истреблением

значительной части турецкого флота в Чесменской бухте, 26 июня, и поражением турок при Кагуле, 21 июля. Флот графа Орлова и адмирала Спиридова, истребивши 15 неприятельских кораблей, 6 фрегатов и до 50 мелких судов, остался повелителем вод Архипелага и Греции, продолжал повсюду преследовать и поражать турецкие военные суда, беспокоя неприятеля на всем протяжении его берегов, завладел множеством призов, пресек подвоз продовольствия в Константинополь, заставил Диван опасаться за безопасность самой столицы, и вообще действиями своими отвлекал значительную часть турецких войск от главной армии нашей.

Такие же важные последствия доставила Кагульская победа, уничтожившая 150-тысячную турецкую армию и доставившая графу Румянцеву возможность вскоре после того занять левый берег Дуная с крепостями: Измаилом, Килией, Бендерами, Аккерманом, Браиловым, Бухарестом и Журжей. Оба поражения эти – Чесменское и Кагульское, имели решительное влияние на судьбу Крыма, лишив его защиты сухопутными турецкими войсками и сделав не столь опасным появление неприятельского флота на Черном море.

Чтобы воспользоваться столь благоприятными последствиями, положено было в следующем году покорить Крым, и для этого назначена была вторая армия, предводимая генералом князем Долгоруковым, при помощи Азовской флотилии, на которую возлагалось доставление мостовых принадлежностей для переправы и обеспечения продовольствия войск.

12 июня 1771 года князь Долгоруков с сорокапятитысячной армией подошел к Перекопу и через два дня взял приступом его линии, защищаемые пятьюдесятью тысячами татар и семью тысячами турок, под предводительством самого хана Селим-Гирея. Для отвлечения внимания неприятеля и нападения на него с двух сторон, отделен был от армии небольшой отряд, под командой генерал-майора князя Щербатова[9], которому надлежало проникнуть в Крым по пути, избранному в предшествовавшую войну фельдмаршалом Лассием, т. е. достигнуть Арабатской косы через Генический пролив, и потом, при помощи флотилии, овладеть Арабатом, Ени-Кале и Керчью, составлявшею, по выражению императрицы, «ключ прохода из Черного моря в Азовское».

А. Рослин. Портрет
В. М. Долгорукова-Крымского. *1776 г.*

Согласуясь с намерениями главнокомандующего, вице-адмирал Сенявин вышел из Таганрога 25 мая, имея под своим начальством восемь новопостроенных 16-пушечных кораблей («Хотин», «Новопавловск», «Азов», «Таганрог», «Морея», «Модон», «Корон» и «Журжа»), два бомбардирских корабля, 37 канонирских лодок и 3 транспорта; но, удерживаемый дурными качествами судов, придуманных Адмиралтейской коллегией, и крепкими противными ветрами, причинившими несколько несчастий на

флотилии, Сенявин не прежде 14 июня мог прибыть к Геничи, потерявши на этом переходе один бомбардирский корабль, три канонерские лодки и часть мачтовых лесов, выброшенных за борт для облегчения судов.

Князь Щербатов прибыл в Геничи двумя днями прежде флотилии, 12 июня, и, не дожидаясь понтонов для моста, успел переправить вплавь два полка через мелководный пролив этот на Арабатскую косу; остальные же войска перешли по наведенному мосту, и Сенявин готовился следовать за отрядом, но полученное им уведомление от князя Долгорукова о намерении неприятельского флота появиться на Азовском море, заставило несколько изменить первоначальный план.

Оттоманская Порта в мае 1771 года выслала на Черное море четыре отделения судов, направив их к Батуму, Очакову, в Дунай и Азовское море; последнее из них, в котором находилось 45 галер, шебек и транспортов, должно было перевезти с румельских берегов многочисленное вспомогательное войско татар и турок, поэтому Сенявин поспешил к Керченскому проливу, с семью кораблями, навстречу неприятельской флотилии, оставив один корабль и все канонерские лодки у Арабатской косы для содействия войску князя Щербатова.

19 июня, поутру, он увидел на ветре и близ мыса Кезандибы (Казаншин) 14 турецких галер и шебек, которые немедленно удалились под защиту керченских укреплений и там остановились на якоре; суда же наши заняли Еникальский пролив для наблюдения за неприятелем и заграждения ему входа в Азовское море.

Две недели обе эскадры оставались в этом положении, не предпринимая ничего решительного, и, когда князь Щербатов, совершивши удачный переход по Арабатской косе, 18 июня взял приступом Арабат и занял Ени-Кале и Керчь 3 июля, все турецкие суда немедленно вышли из Керченского пролива и возвратились в Константинополь; после этого эскадра Сенявина, разделенная на две части, пробыла еще несколько недель в крейсерстве у крымского и таманского берегов; к середине сентября она возвратилась в Ени-Кале и разгружалась. Ф. Ф. Ушаков не участвовал в экспедиции этого года; состоя на фрегате «Первом», под командой капитан-лейтенанта Кузьмищева, в отряде капитана Тишевского, он находился при проводке фрегата рекой Доном до Азовского моря, и потом назначен был командиром четырех речных транспортных судов, доставлявших леса из разных мест к Таганрогу для достройки того фрегата.

Поход князя Долгорукова также вполне достиг предположенной цели. Армия его, овладев Перекопом, вскоре

проникла вовнутрь Крыма и 21 июня заняла Евпаторию, а 29-го взяла приступом город Кафу (Феодосию). Крымские татары вынуждены были заключить договор, по коему совершенно отказались от союза с Портой и объявлены независимыми, под покровительством России; многие, однако, семейства бежали в Турцию и сам Селим-Гирей должен был искать убежища в Константинополе.

Со значительными успехами действовали войска и на других поприщах войны. Румянцев твердо стоял на левом берегу Дуная, удерживая за собой крепости, занятые им в прошлом году, и делал неоднократные нападения на Тульчу, Исакчи и Бабадаг, лежащие на правом берегу реки. Флот адмирала Спиридова, состоявший уже тогда из 10 кораблей, 21 фрегата, 2 бомбардирских кораблей, 5 шлюпов и 13 мелких судов, по-прежнему оставался повелителем Архипелага и имел главное свое местопребывание у о. Фороса.

Все греческие острова просили вступить в подданство России. В августе три отряда судов, забрав десантные войска, обошли весь берег Румелии, от острова Негропонта до Дарданелл, весь анатолийский, кораманский, и остров Родос, нанося повсюду всевозможный вред и опустошение, для привлечения турецких войск к защите берегов своих и ослабления их армии, действовавшей против графа Румянцева.

На острове Митилини сожжены были два новые 74-пушечных корабля, несколько малых судов и разорена верфь; корсары беспощадно истребляли все, принадлежавшее неприятелю, и адмирал Спиридов с несколькими кораблями и фрегатами блокировал Дарданеллы, чтобы турецкая эскадра, изготовлявшаяся в Константинополе, нечаянным появлением своим в Архипелаге не нанесла вреда нашим крейсерам.

Портрет генерал-фельдмаршала
П. А. Румянцева-Задунайского

Стесненная таким образом с разных сторон и пораженная отторжением Крыма, Турция предложила перемирие, которое заключено было 19 мая 1772 года в армии графа Румянцева, и вскоре за тем на флоте адмирала Спиридова. Обе стороны должны были тогда прекратить всякие военные действия на сухом пути и на море, и Порта обязалась не делать никаких новых приготовлений и не высылать судов своих к крымским берегам и в Архипелаг; однако казавшаяся непрочность этого перемирия и

вероломная политика Дивана заставляли главнокомандующих наших деятельно следить за всеми движениями неприятеля и собирать разные известия.

Поэтому одна главная армия фельдмаршала Румянцева ничего не предпринимала в течение 1772 года, оставаясь на твердой позиции своей по левому берегу Дуная и ожидая окончания мирных переговоров, начатых в Фокшанах и Бухаресте; но флот Спиридова, разделенный на эскадры, показывался в разных пунктах, на которые указывало сомнение, и Сенявин озабочен был охранением крымских берегов.

В августе месяце он ввел эскадру свою в Балаклавскую бухту, получив известие, что татары начинают возмущаться в ожидании значительного вспомогательного войска, отправленного на флоте из Константинополя. Убедившись, однако, в несправедливости этого слуха, вице-адмирал прекратил крейсерство в начале сентября и повел суда свои на зимовку в Ени-Кале и Таганрог. Ф. Ф. Ушаков получил в этом году командование над палубным ботом «Курьер», и вместе с фрегатом «Первым» отправился из Таганрога до Кафы, а оттуда послан был к эскадре, стоявшей в Балаклавской бухте; по возвращении же эскадры в Еникальский пролив, занял брандвахтенный пост у Керчи.

Плавания этого года замечательны были тем, что несколько небольших военных судов наших совершили первые переходы по Черному морю, доставляя депеши из Дуная в Азовское море и обратно[10].

К. Л. Христинек.
Портрет А. Г. Орлова. *1779 г.*

Алексей Орлов (1737—1807) — русский военный и государственный деятель, генерал-аншеф (1769), граф (1762). В молодости, как и его старший брат Григорий — фаворит Екатерины II, прославился своими кутежами и победами в кулачных боях и был очень популярен в среде петербургских гвардейцев. Именно через брата он познакомился и сблизился с Екатериной Алексеевной, супругой наследника престола, а затем императора Петра III. Алексей был одним из организаторов переворота 27 июня (8 июля) 1762 г., в результате которого Петр был смещен с престола и на него взошла Екатерина II.

В 1768 г. Алексей Орлов составил план военной операции против Турции в Средиземном море, был назначен командующим русской эскадрой; за победу в Чесменском бою 1770 г. получил право именоваться Орловым-Чесменским.

В 1775 г., в связи с опалой брата, Алексей Григорьевич подал в отставку. В 1787 г., после начала очередной русско-турецкой войны, Екатерина предложила А. Г. Орлову возглавить русский флот в Средиземном море, однако он от этого предложения отказался.

В исходе августа перемирие с Турцией было расторгнуто и снова заключено в начале декабря того же года. В продолжение этого трехмесячного разрыва, в армии Румянцева и в Азовском флоте не было ничего предпринято; но Архипелагский флот наш, увеличенный тогда еще тремя кораблями, прибывшими из России, немедленно возобновил военные действия и успел прославить себя новыми подвигами.

Отряд капитана Коняева, состоявший из двух кораблей, двух фрегатов и четырех мелких судов, сжег восемь дульцинотских фрегатов и восемь шебек в Патрасском заливе; лейтенант Алексиано с фрегатом и двумя поляками оказал значительную помощь сирийскому паше Али-бею, воевавшему против Порты; отряд контр-адмирала Грейга блокировал Дарданеллы и опустошил окрестности Чесмы. Много судов, военных и купеческих, взяты были в приз.

Второе перемирие с Турцией продолжалось до 9 марта 1773 года. Не успев в требованиях своих о возвращении прежней власти хану Селим-Гирею над Крымским полуостровом, Порта

опять вознамерилась обратиться к оружию, начала собирать значительные силы на Дунае и готовилась высадить двадцатитысячное войско на крымские берега, к чему призывали ее татары, искавшие освобождения от влияния России. Все снова пришло в движение, хотя ничего решительного и не последовало в этом году.

Вице-адмирал Сенявин, задержанный чумною заразою в Таганроге, составил два крейсерских отряда из судов, зимовавших в Ени-Кале, поручив начальство над ними капитанам Сухотину и Кинсбергену; для охранения же Керченского пролива оставлены были два бомбардирских корабля и мелкие суда.

Первый отряд, состоявший из новоизобретенных кораблей: «Новопавловск», «Азов», «Морея» и «Модон», двух фрегатов и одного палубного бота, вышел в море в начале апреля; 26 мая Сухотин напал в Кизильташской бухте на несколько вооруженных турецких лодок и пять транспортных судов, везших порох и снаряды, и через короткое время все транспорты, оставленные своими командами, преданы были огню, за невозможностью стащить их с мели, а лодки успели войти в р. Кубань и укрыться.

30 мая под южным таманским берегом еще сожжен был один большой неприятельский транспорт и другой взят в плен с 80 турками. 8 июня, в Кизильташской бухте снова появилось до двадцати турецких транспортов, которые, при нападении на них, поспешили войти в Кубань, за исключением двух, ставших на мель и сожженных самим неприятелем.

В отряде капитана 2 ранга фон Кинсбергена находились два корабля: «Таганрог» и «Корон», назначенные крейсировать у южных берегов Крыма. 23 июня, рано поутру, против Балаклавы появились три турецких 54-пушечных корабля и 24-пушечная шебека, под флагом вице-адмирала. Кинсберген смело вступил с ними в бой, продолжавшийся шесть часов подряд, и нанес им совершеннейшее поражение; неприятельские суда неоднократно загорались от действия нашей артиллерии, имели большие повреждения в рангоуте и снастях и вынуждены были наконец бежать на фордевинд.

Отряд наш также много потерпел в этом неравном сражении, потерял пять убитыми, в том числе одного офицера, и 27 ранеными, и для исправления зашел в Балаклавскую бухту, откуда возвратился в Керчь. 21 августа Кинсберген вышел на новое крейсерство, к абхазским берегам, с четырьмя кораблями, одним фрегатом, одним вооруженным палубным ботом и одним брандером. На другой день поутру, находясь против Суджук-Кале, заметили до 18 неприятельских судов, имевших очевидное намерение достигнуть крымских берегов, и к полудню 24 числа

четыре 64-пушечных корабля, два фрегата и одна шебека приблизились на расстояние двух кабельтовых к русскому отряду.

Кинсберген, будучи на ветре, спешил атаковать их по частям; смелыми и хорошо рассчитанными движениями он, вскоре подойдя со всеми судами своими на пистолетный выстрел к двум передовым неприятельским кораблям, начал осыпать их ядрами и картечью, располагая пустить брандер для довершения поражения, но внезапная перемена ветра расстроила это намерение, сделав турецкие суда на ветре и дав всем им возможность укрыться в бухте Суджук-Кале.

28 августа к отряду Кинсбергена присоединился вице-адмирал Сенявин, вышедший из Керчи с двумя кораблями, фрегатом и четырьмя палубными ботами; в бухте Суджук-Кале эскадра эта преследовала 5 турецких кораблей, 2 фрегата, 2 шебеки и 1 галеру, которые успели, однако, уйти от погони, и, осмотрев после того Кизильташскую бухту, возвратилась к мысу Таклы.

Пребывание неприятельских эскадр в соседних водах делало крейсерство необходимым до поздней осени, для прикрытия Керченского пролива и конвоирования транспортов с провиантом сухопутному войску нашему, расположенному в Крыму; поэтому Сенявин разделил флот свой на отряды и сборным местом для крейсеров, плававших у крымских берегов, служила Балаклавская бухта. Лейтенант Ф. Ф. Ушаков, командуя в 1773 году тем же ботом «Курьер», ходил в Кафу, Таганрог и находился в крейсерстве; по прибытии же к эскадре в Балаклаву, в исходе сентября, получил в командование корабль «Морея», но вскоре ему поручен был другой корабль «Модон»[11], для следования в Таганрог; однако корабль этот по ветхости своей не мог отправиться осенью и зимовал в Балаклаве, вместе с несколькими другими судами.

Портрет адмирала
Яна Хендрика ван Кинсбергена

Дунайская флотилия больше не принимала участие в кампании этого года. Еще в феврале 1772 года послан был на Дунай адмирал Ноульс[12], для исправления и вооружения всех судов, взятых у турок под Исакчей, Тульчей, Измаилом и Килией; к флотилии этой должна была присоединиться половина кораблей и фрегатов азовских, но перемирие с Турцией приостановило приготовления на Дунае, так что в 1773 году не имелось еще ни одного судна, которое с безопасностью могло появиться на море.

Однако к июню месяцу, по распоряжению генерала Вейсмана, командовавшего войсками на левом берегу Дуная, в Килии и Измаиле снаряжен был отряд из четырех шхун и двух галиотов, большей частью ветхих, для ограждения дунайских устьев от неприятельских покушений.

Суда эти, под начальством капитана 2 ранга Третьякова, в начале июня крейсировали между островом Фидониси и Варной, но, поврежденные сильным волнением, вскоре должны были искать убежища в Судинском устье; спустя несколько дней пришли туда же три турецких корабля и восемь малых судов, для отражения коих Третьяков устроил сильные береговые батареи. Однако неприятель, не отважившись на нападение, через короткое время удалился; суда же наши оставались в Судине до поздней осени и потом возвратились к Измаилу.

Армия фельдмаршала Румянцева, состоявшая всего из 34 тысяч, по прекращении перемирия с Турцией, перешла на правый берег Дуная и возобновила нападения, действуя, впрочем, большей частью малыми отрядами; в половине июня она приступила к крепости Силистрия, но вынуждена была возвратиться без успеха, после жаркого боя, в котором пал генерал Вейсман; два отряда, посланные в октябре к Варне и Шумле, равным образом не достигли своей цели.

Не более успеха имел и флот адмирала Спиридова; эскадры, блокировавшие Дарданеллы, не встречали неприятельских судов и не нанесли большого вреда берегам его; эскадра контр-адмирала Елманова, из 4 кораблей, 3 бомбардирских и 3 фрегатов, сделала неудачную попытку на Будрум и Станко, у Анатолийского берега; только легкая эскадра капитана Кожухова и графа И. Войновича, из пяти фрегатов и одиннадцати мелких судов, назначенная действовать у берегов Египта и Сирии для вспомоществования паше Али-бею, продолжавшему воевать против Порты, успела захватить несколько хороших призов и содействовала друзам при взятии Бейрута, за что получила от них, по условию, значительное денежное вознаграждение.

1774 год привел к действиям более решительным, положившим окончание войне. Вошедший тогда на престол султан Абдул-Хамид призвал все средства к достижению успеха, но, подобно предшественнику своему, испытал только непобедимость русского воинства. Турция, со времени Чесменского пожара, успела уже значительно пополнить морские силы свои и, ежели не отваживалась выказать их в Архипелаге, где по-прежнему господствовал русский флот, приготовлялась к наступательным действиям на Черном море, против немногочисленного Азовского флота, в котором к весне 1774 года

состояло восемь кораблей 16– и 20-пушечных, четыре больших фрегата, два бомбардирских корабля, восемь палубных ботов, четыре галиота и один военный транспорт.

Сенявин готовил отпор неприятелю, суда, зимовавшие в Балаклавской бухте (в том числе корабль «Модон», под командой лейтенанта Ф. Ф. Ушакова), оставлены были там для защиты гавани и крепости от нападения турецких десантных войск, прибытия коих татары ожидали с нетерпением и готовились к восстанию. В апреле вышел в море отряд капитана Кинсбергена, четыре корабля и один бот, для прикрытия транспортов наших на протяжении между Керчью и Балаклавой, и другой отряд из двух кораблей и трех фрегатов для крейсирования у Керченского пролива, под начальством контр-адмирала Чичагова, прибывшего с Балтийского флота в ноябре прошлого года[13].

До июня неприятель нигде не показывался; 9-го же числа к Керченскому проливу подошла турецкая эскадра: 5 кораблей, 9 фрегатов, 10 шебек, 26 галер и 15 меньших судов, под флагом одного адмирала и одного вице-адмирала, имевшая намерение прорваться в Азовское море и высадить десант на крымский берег.

Неприятель приближался с попутным SW ветром, разделившись на две части, и передовое его отделение, состоявшее из фрегатов, шебек и галер, к 8 часам вечера на расстоянии пушечного выстрела открыло огонь по линии наших судов, лежавших правым галсом, между тем как корабли их под всеми парусами спешили в пролив; но Чичагов, видя в этом движении своего противника намерение отрезать слабый русский отряд от пролива, поворотил на другой галс и к ночи стал на якорь у мыса Таклы; это заставило турок отойти в море. На другой день к полудню пять кораблей их и девять фрегатов возобновили нападение; Чичагов решился понемногу отступать и, наконец, занял место в самой узости пролива для преграждения неприятелю входа в Азовское море.

Восемнадцать последующих за тем дней проведены были без всяких покушений со стороны турок, и они успели только свезти на таманский берег корпус сухопутных войск; отряд же Чичагова был в продолжение этого времени усилен двумя кораблями, и сам Сенявин принял над ним начальство, поспешив из Таганрога при известии о появлении сильного неприятеля. 28 июня турки показали намерение атаковать и с попутным ветром подходили к русской линии, открывая пальбу ядрами и бомбами на далеком расстоянии; все гребные суда их шли под крымским берегом.

Однако огонь с двух бомбардирских кораблей наших был до того действенен, что через короткое время привел в

замешательство передовые корабли неприятеля, и они, прибавив парусов и прекратив пальбу, начали отходить прочь, чему последовали все остальные суда их и остановились на прежнем якорном месте у мыса Таклы. Тут пробыли они в бездействии еще около двух недель; но в это время другая турецкая эскадра успела высадить войско на крымский берег, между Судаком и Ялтой, под начальством паши Хаджи-Али, что произвело между татарами сильное волнение, и малочисленные русские отряды, в тех местах находившиеся, не могли успокаивать жителей или противостоять неприятелю, и вынуждены были отступать.

Суда, назначенные для защиты Балаклавы, много способствовали подкреплению войск наших и удержанию турок и татар от завладения этой крепостью и гаванью. Вскоре получено было известие о заключении мира, и турецкая эскадра, стоявшая у мыса Таклы, немедленно удалилась в море, 16 июля, забравши войска свои с таманского берега; но войска Хаджи-Али, в ожидании повеления Дивана, до августа месяца оставались еще в Крыму.

Порт Константинополя

Действия главной армии на Дунае блистательно вознаградили неудачи предшествовавшего года. Фельдмаршал Румянцев, имевший до 46 тысяч войска, переправился на правый берег реки и предупредил попытки верховного визиря, намеревавшегося со значительными силами перейти на левый берег и теснить русских. Генерал Салтыков нанес совершеннейшее поражение 15-тысячному турецкому корпусу при Туртукае и 16 июня окружил крепость Рущук; генерал Каменский разбил 25 тысяч турок у Козлуджи и 18 июня остановился перед Шумлой; сам фельдмаршал 21 июня обложил Силистрию.

Неприятель, везде разбитый и стесненный, потерял прежнюю решимость свою; верховный визирь, запершись с главными силами в Шумле, отрезан был от всякого сообщения с Константинополем и вынужден склониться к миру, который заключен в Кучук-Кайнарджи 10 июля 1774 года, в стане войск Румянцева.

Архипелагский флот не предпринимал ничего особенного в течение этого года, и только появлялся перед Дарданеллами и в разных местах турецких владений, нигде не встретив неприятельских военных судов. Главное начальство над ним принял в том году вице-адмирал Елманов, заступивший место адмирала Спиридова, уволенного по болезни в отставку; по заключении мира с Турцией, он получил повеление со всевозможной поспешностью возвратиться в балтийские порты, куда прибыл благополучно, оставив, по особому распоряжению, пять малых фрегатов в Ливорно, а два фрегата и несколько транспортов под купеческими флагами вошли в Черное море и присоединились к тамошнему флоту.

Флот вице-адмирала Сенявина также прекратил плавания свои, коль скоро дошло до него известие о мире. Часть судов осталась в Керчи, под начальством капитана 1 ранга Касливцева, которому поручен был и порт; большая же часть прибыла в Таганрог, под командой контр-адмирала Чичагова; но Балаклавская эскадра (в том числе корабль «Модон» лейтенанта Ф. Ф. Ушакова), вверенная начальству капитан-лейтенанта Хвостова, оставалась в Балаклаве и крейсировала у соседних берегов до августа, покуда турецкие войска Хаджи-Али не сели на суда свои и отплыли в Константинополь, после чего она прибыла в Таганрог.

В Азовском флоте нашлось тогда всех годных на службу судов 30, а именно: 7 кораблей 16-пушечных, 6 фрегатов, 4 галиота, 7 палубных ботов, 5 транспортов и 1 бомбардирский корабль. Все суда Дунайской флотилии, годные для плавания в море, повелено было перевести в Таганрог, но из числа 106 разного названия судов только четыре шхуны могли быть доставлены.

Мы прекращаем здесь рассказ о действиях Черноморского флота, чтобы дать место описанию служения Ф. Ф. Ушакова на Балтийском флоте, и возвратимся к прерванному повествованию в главе IV.

Глава III. Служение Ф. Ф. Ушакова в Балтийском флоте с 1775 по 1783 год

Прослужив шесть лет в Азовском флоте, Ф. Ф. Ушаков переведен был в 1775 году в Санкт-Петербургскую корабельную команду и в том же году, по возвращении из трехмесячного отпуска, 20 августа произведен в капитан-лейтенанты; в чине лейтенанта пробыл шесть лет.

В то время снаряжался отряд в Средиземное море. «Для расходов вне государства и для сохранения курса от упадка» императрица Екатерина повелела «отправить из Петербурга русские товары на казенный счет, для продажи в иностранных местах». Поэтому три военных фрегата: «Павел», «Наталия» и «Григорий» подняли купеческие флаги; на каждом из них оставлено было только по 18 пушек и всего взято ими 17 тысяч пудов груза, состоявшего из железа, юфти, кабельтовых, тросов и проч. Четвертый фрегат, «Северный Орел»[14], с военным флагом и под командой начальника отряда капитана 2 ранга Козляинова назначен был для конвоя.

Один из этих фрегатов отвез товары в Ливорно, а два в Константинополь; кроме того, повелено еще было нагрузить товарами в Ливорно и отправить в Константинополь два фрегата: 26-пушечный «Св. Павел» и 24-пушечный «Констанция»[15], оказавшиеся благонадежными и находившиеся в числе тех нескольких судов, которые при возвращении русского флота из Архипелага, в 1775 году, оставлены в Ливорно под надзором генерал-майора Ганнибала.

Командиры и команды на оба судна эти посланы были с отрядом Козляинова, и на «Св. Павел» назначен капитан-лейтенант Ушаков, который поступил, для отвоза, на фрегат «Северный Орел». Отряд этот отплыл из Кронштадта 15 июля 1776 года, прибыл в Ливорно 12 сентября того же года и в мае 1779-го, т. е. через два года и девять месяцев, возвратился в Кронштадт.

В течение этого времени фрегат «Св. Павел» ходил из Ливорно в Константинополь и Гибралтар, а при обратном плавании в свои порта Ушакову поручено было отправиться (9 апреля), вместе с фрегатом «Констанция» в Кале, для перевоза дюшеса Кингстон на фрегат «Северный Орел», доставивший его в Россию; с отрядом же он соединился в Доунсе.

Галера «Тверь» — императорская яхта Екатерины II

В конце 1766 г. императрица Екатерина задумала совершить инспекционную поездку по волжским городам и распорядилась заложить на верфи в Твери целую флотилию парусно-гребных судов для будущего путешествия. В следующем году на воду были спущены галеры «Тверь», «Вологда», «Ярославль», «Казань», «Углич», «Кострома», «Симбирск», «Нижний Новгород». Эта флотилия приняла на борт 1122 человека, включая посланников Пруссии, Саксонии, Дании и Испании.

После завершения плавания, длившегося больше месяца, суда флотилии передали Казанскому адмиралтейству, причем флагманскую галеру «Тверь» государыня повелела хранить вечно. Уникальный памятник русского кораблестроения хранился до 1956 г., когда его уничтожил случайный пожар.

По возвращении отряда в Кронштадт и когда все суда, его составлявшие, втянулись в гавань, Ушаков назначен был

командиром корабля «Св. Георгий Победоносец»; потом, через несколько месяцев, переведен в Санкт-Петербургскую корабельную команду, и в конце того же 1779 года, по определению Адмиралтейств-коллегии, послан в Рыбинск и Тверь для поставки корабельных лесов, зазимовавших в прошлую навигацию.

Поручение это было исправно выполнено весной 1780 года, и в августе, по определению Адмиралтейств-коллегии, Ушаков назначен командиром императорской яхты, с которой стоял против Зимнего дворца до половины сентября, после чего прибыл в Кронштадт, будучи назначен командиром 64-пушечного корабля «Виктор».

В марте 1781 года в Кронштадте и Ревеле приготовлялась новая эскадра, под начальством контр-адмирала Сухотина, для отправления в Средиземное море. Назначение ее было то же самое, как и двух эскадр: контр-адмирала Борисова и капитана бригадирского ранга Палибина, посланных туда в прошлом году, и ее составляли следующие пять кораблей и два фрегата: 74-пушечный «Пантелеймон» под флагом контр-адмирала Сухотина (капитан 1 ранга Берх); 66-пушечные: «Не тронь меня» (капитан Мельников); «Память Евстафия» (капитан 1 ранга Повалишин); «Европа» (капитан Скуратов); «Виктор» (капитан-лейтенант Ф. Ф. Ушаков); 32-пушечные фрегаты: «Воин» (капитан-лейтенант Шубин) и «Мария» (капитан-лейтенант Прусаков).

Сухотину предписано было взять провизии на шесть месяцев и по возможности не заходить ни в какой порт[16]. Содержание инструкции от Адмиралтейств-коллегии было следующее: «Вследствие принятого Ее Величеством правила защищать торговлю и плавание подданных своих от всякой обиды, Ее Величество намерена сохранять наиточнейший нейтралитет против воюющих держав: Англии с Францией, Испанией и Голландией…

Следовать из Кронштадта до Ливорно и стараться в том же году возвратиться обратно… В военных действиях никакого участия не принимать; но, в случае нападения на купеческие суда, защищать их силой… С королем Датским и Шведским и с Республикой Голландской заключена конвенция, 1781 г. марта 15, в пользу торгового плавания, доколе настоящая война Англии с Францией и Испанией продлится. Итак, прибегающие под вашу защиту шведские, датские и голландские купеческие корабли брать должно только те, которые не имеют военной контрабанды и верные паспорта; но о голландских сие разуметь должно в рассуждении Франции и Испании; что ж до Англии касается, то голландские купеческие суда под сей артикул не подходят, как в

войне находящиеся с Англией».

Контр-адмирал Сухотин должен был еще взять на эскадру свою вещи (26 пушек, 4 якоря и несколько такелажа), спасенные с корабля «Слава России» (разбившегося в 1780 году у Йерских островов) и находившиеся в Тулоне; также привезти 2600 бочонков пуццолана для Кронштадтского каменного канала, и всех греков, которые ожидают переселиться в Россию.

Эскадра вышла из Кронштадта 25 мая; остановилась на несколько дней в Копенгагене, где встретилась с возвращавшимся в Россию отрядом бригадира Палибина (из трех кораблей и одного фрегата), и, снявшись оттуда 27 июня, пришла в Ливорно 15 августа, никуда не заходя. Однако Сухотин не мог возвратиться в том же году в свои порта, по ветхости корабля «Европа» и имея много больных на эскадре[17]; поэтому он расположился провести зиму в Ливорно со всеми судами своими, а корабль «Европа» отправил в порт Феррайо для исправлений.

Адмиралтейств-коллегия нашла причины эти уважительными. В марте 1782 года его императорское высочество генерал-адмирал Павел Петрович с супругой своей, находясь в то время в Италии, посетили эскадру и были встречены со всеми почестями. 11 апреля Сухотин оставил Ливорно, но за крепким противным ветром и значительными повреждениями вынужден был возвратиться; на флагманском его корабле «Пантелеймон» зашатались русленя и было до 60 дюймов воды в трюме; на корабле Ушакова, «Викторе», сломался фок-рей и на прочих судах были большие или меньшие повреждения.

Ушедши вторично из Ливорно 2 мая, эскадра пришла в Доунс 3 июня, имея во все время туманную и дождливую погоду и крепкие ветры, июня 1 прибыла она на Кронштадтский рейд, и 7 числа все суда втянулись в гавань.

В это время изготовлялись два фрегата: «Проворный», обшитый белым металлом, и «Св. Марк», обшитый медью, для испытания их качеств и преимущества одной обшивки перед другой. На первый из них назначен был командиром Ушаков, сдав, на время этого отсутствия, другому офицеру корабль свой «Виктор», находившийся в гавани. Главное начальство над обоими фрегатами поручено было капитану 1 ранга Ханыкову, и плавания их продолжались с 2 августа по 11 сентября.

1 января 1782 года Ушаков произведен в капитаны 2 ранга, прослужив капитан-лейтенантом 7 лет 4 месяца; в июне 1783 года командирован в Херсон, в состав тамошней третьей эскадры. В 1784 году 1 января произведен в капитаны 1 ранга, и хотя находился в Херсоне, но до 1785 года считался по спискам в Балтийском флоте, в 1-й дивизии и командиром того же корабля

«Виктор». Будучи потом переведен в Черноморский, он, через 19 лет, в чине адмирала, опять назначен был в Балтийский, где и окончил военное поприще свое.

Глава IV. Служение Ф. Ф. Ушакова в Черноморском флоте с 1783 года

Кучук-Кайнарджийский мир 1774 года, подтвержденный в 1779 году, доставил русским судам свободное плавание по Азовскому и всему Черному морю и одинаковые торговые преимущества с французскими и английскими купеческими судами в турецких водах. Россия приобрела в вечное свое владение земли между Днепром и Бугом, Азов, Таганрог, Керчь, Ени-Кале и лежащий против Очакова замок Кинбурн с его округом; кроме того, признана была независимость крымского хана Шахин-Гирея, расположенного к России, и татар кубанских, буджакских и ногайских; река Кубань назначена границей между двумя империями.

За Турцией осталась Очаковская крепость, защищавшая вход в лиман Днепровский, и ей возвращены были занятые нами: Бессарабия, Молдавия, Валахия и все острова Греческого Архипелага, с обязательством не мстить жителям и не стеснять исповедания христианской веры.

Приобретение стольких вод и прибрежных земель давало возможность расширить военные морские силы соответственно видам и потребностям; поэтому, вскоре после заключения мира, усилено было судостроение на Дону и, кроме прежних верфей выше Воронежа, в Таврове, Павловске и Хоперске, учреждены были новые близ устья Дона: в Рогожских Хуторах, в Гнилой Тоне и Таганроге; часть же судов имела постоянное пребывание в Керчи.

В 1761 г. в Британии стали обшивать подводную часть судов медными листами, и так как железное крепление не могло при этом противостоять окислению, то начали употреблять также и медное крепление. Это нововведение позволило известному физику сэру Хэмфри Дэви сделать открытия, касающиеся причин ржавления металлов.

Для определения способа обшивки, величины листов, укрепления и устройства рулевых петель, в 1780 г. в Англию был послан корабельный подмастерье Масальский, и, вследствие доставленных им сведений, 23 октября 1781 г. последовал высочайший указ Екатерины II Адмиралтейств-коллегии: «По удостоверении из опытов о пользе и необходимости медной обшивки кораблей, отправляемых в дальние моря, мы соизволяем, чтобы и во флоте нашем в нужных случаях то введено было в употребление; для чего и повелевали Адмиралтейской коллегии, через вице-президента ее, уяснить соглашение с нашим действительным тайным советником и генерал-прокурором князем Вяземским, о снабжении адмиралтейств наших потребным количеством меди российской, для обшивки судов, в разные моря наряженных».

В декабре 1775 года Адмиралтейств-коллегия получила повеление об избрании на Днепровском лимане, неподалеку от урочища, называемого Глубокая Пристань, и сколько можно ближе к Александровским шанцам, выгодного места для гавани и адмиралтейства, со всеми необходимыми к нему принадлежностями и в котором, для построения больших военных судов, имелось бы 20 или по крайней мере 15 эллингов, расположенных в таком близком между собой расстоянии, чтобы все адмиралтейство с будущими строениями удобно было обнести укреплениями.

В том же указе, между прочим, сказано: что, «как по отдаленности Адмиралтейств-коллегии от заводимой верфи и гавани, она не может, без потери большого времени, снабжать часто повелениями и наставлениями, то для избежания сего избрать одного члена Коллегии с особенной доверенностью, а обо всех новых положениях сочинить штат».

В августе 1776 года с Балтийского флота назначен был контр-адмирал Клокачев[18] главным морским начальником на Дону, а в

1777 году контр-адмирал Шубин, имевший поручение приискать место для кораблестроения на Днепре, указал на берег, занимаемый теперь Херсоном, и по представлению его в том же году заложен был город с адмиралтейством и верфью; на правой стороне Лимана, у Глубокой Пристани, построен редут.

Устройством нового города заведовал инженерный полковник Гакс, под надзором генерал-цейхмейстера морской артиллерии Ганнибала и под главным начальством новороссийского генерал-губернатора князя Потемкина. В короткое время все необходимые постройки Херсонского адмиралтейства были готовы и в девяти его эллингах строили 66-пушечные линейные корабли и камели.

В 1778 году Адмиралтейств-коллегии высочайше было предписано из находившихся судов в Азовском море, оставив несколько для охранения Керченского пролива, прочие, в числе коих были три новых фрегата, препроводить в Херсон, и для почты между Константинополем, Херсоном и Керчью содержать до шести легких судов. В 1780 году сверх строившихся восьми кораблей повелено было заготовить леса еще для четырех, чтобы содержать в Херсоне двенадцать 66-пушечных кораблей, а фрегатов и прочих судов по соразмерности.

В Таганроге, под распоряжением Клокачева, судостроение также шло успешно, и к 1777 году построено им семь фрегатов и один бомбардирский корабль; а в 1779 году всех больших судов в Азовском флоте состояло 52. В этом же году бригадир Круз крейсировал с эскадрой на Черном море.

Не прочны, однако, были основания мирного договора с Турцией, видевшей неизбежное присоединение Крыма к России и искавшей возвращения прежнего своего на него влияния. Поэтому, поселяя беспрестанные неудовольствия между татарами и подстрекая их к восстанию, Порта обнаруживала свои замыслы; наконец она перешла к явному нарушению мирных условий, заняв Тамань в 1782 году и намереваясь переправить войска в Крым, где татары вторично взбунтовались и принудили хана своего искать убежища в Керчи.

Вследствие этого повелено было: генерал-поручику Потемкину заставить турок удалиться за Кубань, и Суворову усмирить буджакских и ногайских татар; генерал же поручик граф де Бальмен двинулся для успокоения Крыма, проник вовнутрь полуострова, занял Ахтиар и построил в нем укрепление. В начале осени того же года многочисленный турецкий флот, под начальством капудан-паши, подойдя к Кинбурну, намеревался сделать высадку, но Суворов, успев усадить Кинбурнские укрепления, готовил решительный отпор и

неприятельский флот, ничего не предприняв, вынужден был удалиться.

В 1783 году последовало присоединение Крыма к Российской империи, совершенное без всякого кровопролития, даже без выстрела, и доставившее титул Таврического князю Потемкину; в апреле того же года начальник Азовского флота вице-адмирал Клокачев по повелению императрицы отправил фрегат «Осторожный», под командой капитана 2 ранга Берсенева, для описи крымских берегов и осмотра Ахтиарской бухты (Корсунского Сиваша). Получив донесение, что вновь приобретенный порт представляет все удобства, Клокачев прибыл туда из Керчи в начале мая с четырьмя фрегатами и столькими же мелкими судами; вслед за ними пришли туда с контр-адмиралом Мекензи еще шесть фрегатов Азовского флота и несколько купеческих транспортов, и основали там свое местопребывание.

Контр-адмиралу Мекензи поручено устройство порта, первоначально названного Ахтиаром (что значит «белая или медовая гора»), по имени небольшой татарской деревни, там находившейся; вскоре, однако, императрица наименовала его Севастополем, что значит на греческом языке «Знаменитый город».

Фрегат в морском порту

В половине 1783 года прибыли из Петербурга в Херсон первые морские команды на семь кораблей и фрегатов, и в числе многих офицеров, посланных тогда с Балтийского флота, состоял и Ф. Ф. Ушаков. Повелено было в Херсон и Севастополь высылать работников из внутренних губерний; леса из Белоруссии, Польши, Воронежа и Крыма; железо с сибирских заводов доставляемо было через Таганрог. Чума, проникшая из Крыма, приостановила на некоторое время адмиралтейские работы в Херсоне, и Ушаков, находившийся при постройке тамошних кораблей, принимал также деятельное участие в прекращении заразы, за что, по особому ходатайству президента Адмиралтейств-коллегии графа И. Г. Чернышева, награжден в 1784 году орденом Св. Владимира 4-й степени и получил письменную благодарность от Коллегии.

Построение судов в Херсоне производилось, однако, деятельно, невзирая на многие недостатки и затруднения,

первоначально встретившиеся, и на развившуюся болезнь. В 1783 году там спущен был на воду первый черноморский линейный корабль, 74-пушечный «Слава Екатерины», под командой капитана 1 ранга графа М. Войновича[19], и 50-пушечный фрегат «Св. Георгий Победоносец»; а в следующем году спущены: 66-пушечный корабль «Мария Магдалина», 66-пушечный «Св. Павел», под командой капитана 1 ранга Ф. Ф. Ушакова, и 50-пушечный фрегат «Св. Апостол Андрей»; все суда эти построены корабельным мастером Афанасьевым.

Корабль «Слава Екатерины», фрегат «Св. Георгий» и несколько мелких судов в 1784 году крейсировали уже у крымских берегов, и небольшая эскадра эта, состоявшая под начальством капитана графа М. Войновича, вошла в Севастополь, избранный в этом году главным портом для Черноморского флота.

Указом от 13 августа 1785 года князю Потемкину-Таврическому поручен был в полное ведение Черноморский флот со всеми адмиралтействами и портами на Черном и Азовском морях и на Дону, и вскоре за тем ему пожалован кейзер-флаг. В том же году утвержден штат Черноморского флота и Адмиралтейства, которым положено было иметь 12 линейных кораблей (два 80-пушечных и десять 66-пушечных), 20 фрегатов (восемь 50-пушечных, шесть 32-пушечных и шесть 22-пушечных), 23 ластовых и транспортных судов, три камели и 13 500 матросов, солдат и артиллеристов, кроме портовых и адмиралтейских команд.

По спискам того года в Черноморском флоте старшими офицерами состояли: вице-адмирал Яков Сухотин; контр-адмиралы: Роберт Дугдал, Томас Мекензи; капитаны 1 ранга: Николай Мордвинов, Марк Войнович (считался в Донской флотилии), Панайоти Алексиано, Ф. Ф. Ушаков, Тиамин Тиздель и Павел Пустошкин. Потемкин возложил попечение об устройстве портов: в Севастополе на контр-адмирала Мекензи, в Херсоне на капитана 1 ранга Н. С. Мордвинова и в Таганроге на П. В. Пустошкина; устройство же и обучение корабельного флота было поручено капитанам 1 ранга графу Войновичу и Ф. Ф. Ушакову.

Тогда же капитан-лейтенант Д. Н. Сенявин назначен был к нему генерал-адъютантом по управлению Черноморским флотом, и приняты были в морскую службу много греков и два англичанина: Мессер и Белле.

Йохан-Баптист Лампи Старший. Светлейший князь Григорий Александрович Потемкин-Таврический. *1790 г.*

Во время путешествия Екатерины II в 1787 году по вновь приобретенным землям, в сопровождении австрийского императора Иосифа II, принцев Нассау и де Линя и французского, английского и австрийского посланников, государыня посетила Херсон, где присутствовала при спуске кораблей: 80-пушечных «Рождество Христово» и «Иосиф II», 66-пушечного «Св. Владимир» и 50-пушечного фрегата «Св. Александр Невский».

22 мая императрица прибыла в Севастополь и тут впервые

увидела юный Черноморский флот, стоявший в стройных линиях на рейде. Он состоял тогда из 3 линейных кораблей, 3 бомбардирских, 12 фрегатов, 2 брандеров и до 26 судов двух– и трехмачтовых, под военными флагами, доставленных из Архипелага, где они служили корсерами при флоте адмирала Спиридова. Всем флотом этим начальствовал граф Войнович, произведенный тогда, вместе с Мордвиновым, в контр-адмиралы; командир же корабля «Св. Павел» Ф. Ф. Ушаков пожалован был в капитаны бригадирского ранга (в чине капитана 1 ранга прослужил около трех лет).

С большим торжеством и предупредительностью князь Потемкин принял в Севастополе императрицу, обрадованную видом стольких военных судов русских на Черном море и важными удобствами нового порта; военное празднество продолжалось два дня, и произведено было примерное нападение на деревянную крепость, нарочно устроенную на северном берегу рейда, которую разрушил и сжег бомбардирский корабль «Страшный».

Все флагманы и командиры судов представлены были императрице и допущены к целованию руки, в том числе Ф. Ф. Ушаков. 24 мая ее величество со всеми гостями отбыла из Севастополя в обратный путь; но едва смолк гром салютов, которыми была приветствуема великая монархиня, как разрыв с Турцией, последовавший в сентябре того же года, подал флоту новый случай ниспослать гром побед на врагов своих.

Глава V. Вторая война с Турцией в царствование императрицы Екатерины II, в 1787 году

Турция, как мы уже упомянули, не могла спокойно сносить потери Крыма, столь чувствительной для ее выгод и значения; и, невзирая на обязательства вечного мира, не отказывалась еще от надежды возвратить утраченное. Домогательства ее беспрестанно увеличивались, и новые причины к разрыву были изыскиваемы. Желая, однако, всеми способами отклонить войну, государыня вызвала из Константинополя посланника, действительного статского советника Булгакова, и в бытность свою в Херсоне имела с ним совещание.

Между тем в начале мая сильная турецкая эскадра подошла к Кинбурну; движения ее не предвещали миролюбивого окончания несогласий, и хотя с возвращением Булгакова в Константинополь она удалилась, но Черноморскому флоту, вскоре по отъезде государыни из Крыма, повелено было находиться в готовности к выходу в море по первому востребованию, и даже суда гребной флотилии, сопровождавшей императрицу по Днепру, возвращены были в Лиман и вооружены пушками для усиления защиты Кинбурна и Херсона.

Севастопольский рейд.
Литография 1840-е гг.

Ожидания оправдались, и Порта, искавшая войны, сделалась еще настойчивее в своих притязаниях, следуя притом внушениям некоторых европейских дворов, с неудовольствием взиравших на быстрое усиление России. Она считала случай благоприятным в том отношении, что Австрия, отвлеченная тогда беспокойствами в Бельгии, не могла подать нам никакой помощи.

Главнейшее требование Порты состояло в возвращении Крымского полуострова и уничтожении с ней торжественных договоров о вечном мире; получив же на это решительный отказ, она немедленно приступила к военным действиям; 5 августа заключила посланника Булгакова в Едикуль, или Семибашенный замок, и к Очакову выслала эскадру из трех линейных кораблей, одного фрегата, одного бомбардирского бота, восьми шебек, шести фелюг и пятнадцати галер и прочих гребных судов.

Начальствовал ими капудан-паша Эски-Гассан, или Эль-Гази[20], прозванный соотечественниками Крокодилом моря битв, или Крокодилом морских сражений, за его искусство, предприимчивость и необыкновенные подвиги и храбрость. Он командовал «Капуданой» или адмиральским кораблем во время Чесменского боя в 1770 году и был в числе немногих спасшихся с этого корабля, истребленного пламенем. По возвращении в Константинополь, султан Махмуд сделал его капудан-пашой, и теперь он жаждал случая загладить прежнюю неудачу.

Августа 16-го турецкая эскадра остановилась перед Очаковом и, прежде чем обнародована была там война, сделала нападение 21 августа на фрегат «Скорый» (капитан-лейтенант Обольянинов) и 12-пушечный бот «Битюг» (штурман Кузнецов), стоявшие в Лимане, близ Кинбурна, в ожидании прибытия от Глубокой Пристани новопостроенных корабля «Владимир» и фрегата «Св. Александр Невский» с несколькими транспортами.

Преследуемые всеми мелкими турецкими судами, фрегат «Скорый» и бот «Битюг», после храброй защиты, продолжавшейся шесть часов, успели наконец удалиться к Глубокой Пристани, имея только трех матросов убитыми и одного раненого, и потопив один турецкий кирлангич; но неприятель заградил выход в Черное море. Контр-адмирал Мордвинов, бывший тогда старшим членом Черноморского адмиралтейского правления, находясь на фрегате «Александр Невский», наблюдал за действиями судов в Лимане.

Оскорбление, нанесенное Булгакову, и вероломное нападение на суда наши перед Кинбурном были со стороны Порты первыми вызовами к войне, ознаменованной богатырскими подвигами русского воинства и покрывшей его славой почти баснословной.

Высочайший манифест о войне с Турцией был обнародован в Санкт-Петербурге 9 сентября 1787 года; но на первое время сухопутным войскам назначено было одно охранение пределов России, и только Севастопольскому флоту, состоявшему под начальством контр-адмирала графа Войновича, у которого под командой находился Ф. Ф. Ушаков, повелено действовать наступательно и истреблять неприятельские суда всеми средствами.

«Подтверждаю вам, – писал Потемкин графу Войновичу, – собрать все корабли и фрегаты и стараться произвести дело, ожидаемое от храбрости и мужества вашего и подчиненных ваших. Хотя бы всем погибнуть, но должно показать свою неустрашимость к нападению и истреблению неприятеля. Сие объявите всем офицерам вашим. Где завидите флот турецкий, атакуйте его, во что бы ни стало, хотя б всем пропасть».

Однако в 1787 году никакой встречи с неприятелем не последовало и плавание флота было несчастливо. 31 августа он вышел в крейсерство близ Севастополя, чтобы не допустить турок к Таврическим берегам. 4 сентября граф Войнович с тремя кораблями линейными, двумя 50-пушечными и пятью 40-пушечными фрегатами шел к Варне; авангардным дивизионом в этой эскадре командовал Ф. Ф. Ушаков; но жестокий шторм, 8 сентября, рассеял все суда, и корабль «Св. Мария Магдалина» (капитан Тиздель) унесен был в Босфор, где взят турками в плен[21], а 44-пушечный фрегат «Крым» (капитан-лейтенант Селиверстов) потонул.

Остальные суда были до такой степени повреждены, что едва могли возвратиться в Севастополь и почти все без мачт и бушпритов. Флагманский корабль графа Войновича «Слава Екатерины» лишился всех трех мачт, свалившихся за борт, и вынужден был в открытом море стать на якорь, чтобы откачать воду, возвысившуюся в трюме до 10 футов; корабль Ушакова, 66-пушечный «Св. Павел», также был близок к гибели и несколько дней носился по морю; но фрегат «Легкий» (капитан 2 ранга Вильсон), невзирая на свое гибельное положение, истребил одно турецкое судно и снятых с него людей привез в Севастополь.

А. Г. Варнек. Портрет
Николая Семеновича Мордвинова.
1810—1820 гг.

Неудачные эти плавания корабельного флота не позволили ему также отвлечь турецкую эскадру, имевшую намерение проникнуть в Лиман и разорить Херсонский порт. Контр-адмирал Мордвинов расположился с судами своими у Глубокой Пристани для заграждения пути неприятелю, а генерал Суворов, командовавший войсками на Днепре, избрав Кинбурнский замок главной квартирой, укрепил его по возможности и собрал в нем до четырех тысяч пехоты и конницы, чтобы из этого пункта, как ближайшего к неприятелю, останавливать все его замыслы.

В распоряжении Мордвинова находились тогда три корабля: «Иосиф II», «Св. Владимир» и 50-пушечный «Св. Александр Невский»[22]; три фрегата: 40-пушечный «Скорый», 24-пушечные «Св. Николай» и «Бористень»; 12-пушечный бот «Битюг», семь галер, две плавучие батареи, пять баркасов и несколько транспортов, но большая часть судов этих сооружена была наскоро и за недостатком пушек имели только половинное их число. Семь раз турецкая эскадра, подкрепляемая Очаковским гарнизоном, усиленным свежими войсками, делала нападение на Кинбурн – 26, 30 и 31 августа, 13, 14, 16 и 30 сентября.

При нападении 13 сентября один неприятельский корабль взорвался и погиб со всеми людьми; самая же решительная атака произведена 30-го числа: пять тысяч турок высажены были на Кинбурнскую косу, но, отраженные Суворовым, при содействии судов наших, они потеряли на месте до трех тысяч; остальные же были потоплены, и едва 500 человек достигли вплавь судов своих. Две турецкие канонерские лодки и шебека пущены на дно, одна шебека взорвана.

11 октября Мордвинов, перешедший за несколько перед тем дней к Кинбурну, отрядил семь галер и плавучую батарею для нападения на турецкие суда, стоявшие под Очаковом, и нанес этим значительный вред неприятелю; но батарея, увлеченная успехом, слишком удалилась, была окружена и, не имея возможности возвратиться, прошла в море, где, близ Гаджибея, взята турками. 12 октября вся турецкая эскадра оставила Очаковский рейд и ушла в море. Русские же суда расположились на зиму у левого Лиманского берега, кроме корабля «Св. Владимир», фрегата «Св. Александр Невский» и галер, которые зимовали у Глубокой Пристани.

Глава VI. Кампания 1788 года

Военные действия, прекращенные на зимнее время, возобновились весной 1788 года, и главную цель предстоявшей кампании составляло взятие Очаковской крепости, которая давала туркам возможность иметь влияние на Крым. Для исполнения этого готовилась стотысячная армия, названная Екатеринославской, под начальством фельдмаршала князя Потемкина; и так как отнятие у гарнизона возможности возобновлять свои запасы через доставку их морем и недопущение неприятеля усиливать крепость новыми войсками служили важными условиями для успеха осады, то вторая, сорокатысячная украинская армия, предводимая графом Румянцевым, должна была с этой целью расположиться между Днестром и Бугом, а корабельному флоту и флотилии предстояло не допускать турецкий флот содействовать Очакову.

Панорама Севастополя.
Литография. Середина XIX в.

Поэтому в продолжение зимы Мордвинов исправил и построил несколько дубель-шлюпок и плавучих батарей и вооружил в Херсоне все суда, какие могли быть только высланы в Лиман; канонерские же лодки построены были в Кременчуге. Из всех судов, находившихся в тех водах, составлены были к весне 1788 года две эскадры: гребная из 7 галер, 7 дубель-шлюпок, 7 плавучих батарей, 7 вооруженных палубных баркасов, 22 канонирских лодок и одного брандера; и парусная, в которой

состояло: 2 корабля, 4 фрегата и 8 транспортов.

Вместо контр-адмирала Мордвинова, назначенного пребывать в Херсоне и только следить за общим ходом морских действий, начальство разделено было между двумя лицами: гребная эскадра поручена принцу Нассау-Зигену, вступившему на русскую службу в 1787 году в чине контр-адмирала, а парусная – контр-адмиралу Пол Джонсу[23].

Оба начальника эти, исполненные личной храбрости, были достойными сподвижниками Суворова, занимавшего Кинбурнскую косу, где устроены им были сильные батареи для совокупного действия с эскадрами при отражении неприятеля. Подавая один другому помощь, они 7, 17 и 18 июня и 1 июля нанесли совершеннейшее поражение турецкому флоту в лимане Днепровском.

Нассау-Зиген
принц Карл-Генрих-Николай-Оттон

Парусная эскадра наша в апреле расположилась поперек Лимана, между Станиславским мысом и устьем Буга; Поль Джонс поднял флаг свой на корабле «Владимир»; капитан Алексиано находился при нем за советника. Вскоре прибыла туда гребная эскадра и заняла места в промежутках между кораблями и фрегатами; в то же время Севастопольский флот должен был показаться перед Очаковом и предупредить прибытие туда флота неприятельского.

16 мая Войнович вышел из Севастополя, имея 4 корабля, 8 фрегатов, 23 мелкие судна и 2 брандера; авангардом по-прежнему командовал Ф. Ф. Ушаков; но эскадра, опять застигнутая

штормом близ острова Фидониси, потерпела большие повреждения и вынуждена была возвратиться. Крейсерные же отряды, высланные в исходе апреля из Севастополя, успели нанести некоторый вред неприятелю; 2 мая шкипера Кундури и Купа истребили одно большое судно против дунайских устьев; шкипер Гонале сделал то же самое у анатолийских берегов, и шкиперы Нелиси и Келимери удачно действовали у румельских берегов; к 11 мая все крейсерские суда возвратились в Севастополь с несколькими призами, нагруженными хлебом для Константинополя.

Расстроенный бурей и укрывшийся в Севастополе, флот наш оставил море свободным, и капудан-паша, тот же самый Эски-Гассан, беспрепятственно достиг Очакова в исходе мая, с 10 линейными кораблями, 6 фрегатами и 47 галерами, кирлангичами и канонерскими лодками, имея султанский фирман, предписывавший ему непременно истребить русский флот в Лимане, овладеть Кинбурном, Херсоном и оттуда следовать в Тавриду; другая же часть турецкого флота: 8 кораблей, 8 фрегатов, 4 бомбардирских судна и 20 шебек, вышедшая из Константинополя несколько прежде, остановилась на якоре у дунайских устьев.

Заняв все пространство между очаковским берегом и Кинбурнской косой, турецкий адмирал вскоре обнаружил желание напасть на суда наши, и военные действия в Лимане начались геройским поступком командира дубель-шлюпки капитана 2 ранга Сакена, предпочитавшего взорвать шлюпку свою, чем отдаться в плен окружившим и преследовавшим его турецким судам. 6 июня парусная и гребная эскадры подошли на пять верст к неприятельской, стоявшей тогда на пушечный выстрел от Очакова; 7-го числа обе стороны, движимые одинаковым желанием сразиться, сблизились в 7 часов утра, и четыре часа подряд продолжалось упорное сражение.

Пятьдесят семь турецких судов, предвидимых самим капудан-пашой, претерпевали повсюду поражение, и вскоре огонь неприятельский начал ослабевать. Гассан обычной своей отважностью и искусством ободрял сражающихся, разъезжая среди их на легком судне; но когда одна турецкая шебека загорелась и две канонерские лодки разом взорвались, неприятельская линия совершенно расстроилась и пришла в такое замешательство, что устрашенные турки искали только спасения в бегстве под очаковские укрепления, невзирая на угрозы паши, стрелявшего даже по бегущим.

Перед вторым сражением, происходившим 17 июня, капудан-паша напомнил флоту своему султанский фирман о непременном

истреблении русских в Лимане и сделал распоряжение, чтобы на каждое из судов парусной эскадры нашей направлены были два турецкие; но гребная флотилия, предводимая принцем Нассау-Зигеном и контр-адмиралом Алексиано, желая предупредить турок, показывавших еще накануне намерение атаковать, снялась с якоря и смело напала на неприятеля.

Бой продолжался с четырех часов пополуночи до восьми часов утра; турки были разбиты и бежали под защиту очаковских укреплений, потеряв два 64-пушечных корабля, ставших на мель и преданных огню; один из них был корабль самого капудан-паши, и упорное сопротивление, оказанное турками при защите этих судов, сделало истребление их неизбежным[24].

Флаг и вымпел капудан-паши достались нам. На другой день, 18 июня, около одиннадцати часов пополудни, при ночной темноте, турки вознамерились удалиться из Лимана, но, остановленные пятидесятипушечной батареей, построенной Суворовым на оконечности Кинбурнской косы, должны были претерпеть новое поражение. Пальба с батареи продолжалась всю ночь, между тем принц Нассау, построив эскадру свою в две колонны, погнался за бегущим неприятелем и окружал все суда его, ставшие на мель.

Четыре с половиной часа продолжалось сражение это, и девять кораблей и фрегатов достались в руки победителей; но из них семь, загоревшиеся от брошенных брандскугелей, поднялись на воздух, и, по ожесточенному упорству турок, едва только с одного корабля спасены люди. Более двух тысяч человек, погибающих в пламени и воде, представляли ужасное зрелище, и быстрое течение не позволяло подать им помощи.

В этот день, 18 июня, сожжены: два корабля линейных 60-пушечных, три корабля от 40 до 50 пушек; действием Кинбурнской батареи и гребными судами потоплены: один корабль бомбардирский, два фрегата 34-пушечные, две шебеки 28-пушечные, одна галера, одно транспортное судно; взят в плен один 50-пушечный корабль, годный к исправлению (названный потом «Мученик Леонтий»).

Потеря неприятеля и в людях была также весьма велика, всего экипажа убитыми, погибшими в огне и воде и взятыми в плен было в оба эти дня до шести тысяч, и между пленными находились капитаны кораблей и многие другие чиновники. Урон с нашей стороны состоял в убитых двух офицерах и 16 рядовых, и в десяти офицерах и 57 рядовых раненых. Принц Нассау-Зиген награжден был орденом Св. Георгия 2-го класса и чином вице-адмирала, и в память этого сражения выбита медаль.

Таким образом, прежде чем армия князя Потемкина,

выступившая в мае из Ольвиополя, подошла к Очакову, морские силы турок в тех водах были уже значительно ослаблены. Капудан-паша, со всеми оставшимися у него большими судами, удалился в море, но 20 июня снова показался от острова Березани, стараясь расположиться на очаковском фарватере, ниже Кинбурна, чтобы спасти галеры и другие мелкие суда свои, укрывшиеся под крепость от поражения и содержимые в блокаде эскадрами нашими.

Кинбурнские батареи не допустили его, однако, до исполнения этого намерения, и, когда, 28-го числа, войска русские расположились лагерем в виду Очакова, при Аджиголе, турецкий адмирал снялся с якоря и пошел навстречу приближавшемуся тогда Севастопольскому флоту, с которым намеревался сразиться.

Но так как суда, оставленные им под крепостью, имели большие пушки и могли много препятствовать войскам нашим приближаться для бомбардирования города, то Потемкин приказал принцу Нассау атаковать их, и 1 июня, после восьмичасового беспрерывного сражения, сожжены неприятельские суда: два фрегата 20-пушечных, один бригантин 16-пушечный, одна бомбарда с мортирою, один кирлангич 12-пушечный и четыре галеры пятидесятивесельные с одной 36– и четырьмя 12-фунтовыми пушками на каждой; взяты: одна пятидесятивесельная галера с пятью большими пушками, две канонерские лодки с 12– и 24-фунтовыми пушками на каждой, и одна транспортная лодка.

Взято в плен 100 человек; убитых же, раненых и потопленных у неприятеля было большое количество, и в числе последних находился Лада-паша, командовавший галерами. Потеря с нашей стороны заключалась в 23 убитых нижних чинах и 80 раненых. Сражение это происходило под выстрелами Очаковской крепости, которая вскоре, однако, вынуждена была замолчать и самый город был во многих местах разрушен и выжжен пальбой с флотилии; после того суда наши, в продолжение шести недель, постоянно бомбардировали город, покуда береговые батареи были окончены.

Во все время этих разрушений на Лимане особенной неустрашимостью отличили себя контр-адмирал Алексиано; капитан 2 ранга де Винтер; капитан-лейтенанты: Киленин, получивший множество ран, хотя неопасных, Ахматов, Демора и Бурдин; лейтенанты: Поскочин, Перский, Кузнецов, Лелли, граф Войнович, Нелидов, граф Башуцкий, Литке, Сорокин, Тимченко, Константинов и Кориани; подполковники: Фенш, командовавший галерами, и Бентам, командовавший бомбардирскими судами и

брандерами; королевской французской службы офицер граф Дамас, начальствовавший частью канонерских лодок, и обер-квартирмейстер де Рибас.

Капудан-паша, оставивший Очаков при известии о появлении флота нашего, получил незадолго перед тем значительное подкрепление из Константинополя и имел тогда под своим начальством: 17 линейных кораблей, в числе коих пять 80-пушечных, восемь фрегатов, три бомбардирских корабля и 21 шебеку, кирлангичи и поляки, с одним вице-адмиралом и одним контр-адмиралом.

Джезаирли Гази Гассан-паша
(1713—1790)

Капудан-паша, или каптан-и-дерья,— титул командующего флотом Османской империи. С 1770 по 1790 г. (с перерывами) этот пост занимал Джезаирли Гази Гассан-паша — опытнейший полководец, начинавший свою карьеру с самых низов.

Он участвовал в Чесменском сражении, руководил действиями турецкой армии на начальном этапе русско-турецкой войны 1787—1791 гг.

1 января 1790 г. Гассан-паша был назначен великим визирем, однако уже 17 марта того же года скончался.

Силам этим мы могли противопоставить только два 66-пушечных корабля, два фрегата 50-пушечных, восемь фрегатов 40-пушечных и 24 разных мелких судна, составлявших Севастопольскую эскадру, которой начальствовал граф Войнович, имевший флаг свой на корабле «Преображение Господне». 18 июня он вышел из Севастополя, по повелению Потемкина, но противные ветры десять дней замедляли его плавание; 29-го числа оба флота увидели один другого и до 3 июля оставались во взаимном наблюдении, стараясь сохранять линию баталии, расстраиваемую легкими переменными ветрами.

На рассвете 3 июля, будучи вблизи острова Фидониси, оба флота, лежавшие контргалсами, находились не в дальнем между собой расстоянии, так что сражение сделалось неизбежным. Капитан бригадирского ранга Ф. Ф. Ушаков начальствовал второй эскадрой и на корабле «Св. Павел» вел линию баталии, имея впереди фрегаты: 50-пушечный «Берислав» (капитан 2 ранга Саблин), 40-пушечные «Стрела» (капитан-лейтенант Неделинский) и «Кинбурн» (капитан 2 ранга Кумани).

Первоначально линия наша построена была на левый галс и держала SO самый полный бейдевинд, или почти на перпендикуляре ветра, чтобы узнать какое нападение располагает сделать неприятельский флот, находившийся тогда прямо на ветре; в авангарде его состояло шесть кораблей, предводимых самим капудан-пашой, в кордебаталии шесть, в арьергарде пять, и против каждой эскадры по одному бомбардирскому судну. Сначала стесненной кучей спустились они на линию нашу, обнаруживая намерение атаковать авангард; поэтому, чтобы большая часть судов наших не оставалась в бездействии, Ушаков приказал передовым фрегатам «Бериславу» и «Стреле» прибавить

парусов и держать ближе к ветру; за ними в линии следовали корабль «Св. Павел» и остальной флот.

Благодаря этому, несколько судов могли выйти на ветер у неприятеля, повернуть потом на другой галс и открыть огонь с наветра[25]; но капудан-паша, угадав намерение противника, сам начал придерживаться к ветру и этим растянул свою линию; линия же русского флота, начав держать круче, образовала правильную погибь, так что передовые суда, составлявшие эскадру Ушакова, были тогда более прочих на ветре и ближе к неприятелю.

Наконец турецкий флот всей линией спустился на расстояние пушечного выстрела, и одна часть устремилась на авангард наш, а другая на центр и арьергард; против каждого из линейных кораблей наших и 50-пушечных фрегатов направлены были по пяти неприятельских, и капудан-паша, с двумя другими кораблями, прибавив парусов выдвинулся вперед, чтобы напасть на передовые фрегаты, а против корабля «Св. Павла» оставил два 60-пушечных и один 80-пушечный.

Но Ушаков, не желая допустить капудан-пашу обойти или абордировать передовые фрегаты и вместе с тем намереваясь отрезать два передовых его корабля, сам немедленно прибавил парусов и сделал необходимые сигналы «Бериславу» и «Стреле». Все эти движения еще более удалили оба фрегата и корабль «Св. Павел» от остальной части флота; но маневр удался вполне, потому что, когда турецкие корабли заметили, что скоро могут быть отрезаны, и что ядра и брандскугели с фрегатов начинают наносить им вред, они, не ожидая сигнала своего главнокомандующего, с поспешностью поворотили оверштаг и начали удаляться на ветер.

Недовольный этим поступком, капудан-паша палил по ним ядрами, призывая вступить в свое место, но напрасно; таким образом корабль его остался передовым и открыл сильный огонь по «Бериславу» и «Стреле». Однако не более сорока минут мог он выдерживать огонь русских фрегатов; получив большие повреждения, он вынужден был удалиться, и, когда для этого поворачивал оверштаг, фрегаты успели пустить в него весь свой лаг и разбили ему всю корму, так что большие доски полетели в воду.

Некоторые корабли турецкой кордебаталии также подходили к передовым судам нашего флота, желая поддержать капудан-пашу, но были отбиты. У одного неприятельского корабля сбита фок-мачта, у другого фор-стеньга, а третий, имея много подводных пробоин, удалился к Инкерману. На вице-адмиральском и контр-адмиральском кораблях два раза

начинался пожар от брандскугелей, брошенных с фрегата «Кинбурн»; корабли эти во все время сражались с флагманским кораблем графа Войновича «Преображение Господне» (капитан 2 ранга Селивачев и флаг-капитан, капитан-лейтенант Д. Н. Сенявин); турецкие же бомбардирские суда беспрерывно бросали бомбы, но не произвели никакого вреда.

Сражение, весьма ожесточенное, продолжалось с 2 до 5 часов вечера, и, невзирая на превосходство в силе, капудан-паша видимо понес большое поражение и вынужден был оставить место битвы. Только два корабля и два 50-пушечных фрегата русского флота имели артиллерию, соответственную неприятельской 36– и 24-фунтового калибра; все же прочие суда наши не могли наносить чувствительного вреда выстрелами малых орудий своих. Корабль «Св. Павел» успел потопить одну турецкую шебеку; на нем был несколько поврежден рангоут, такелаж и паруса и ранены три человека нижних чинов.

На фрегате «Берислав» разбиты были фок-мачта и грот-стеньга, паруса и много такелажа; в корпусе судна сделано несколько больших пробоин огромными каменными ядрами весом до 100 фунтов, ранен один человек. На фрегатах «Стрела» и «Кинбурн» также перебито много парусов и снастей, но раненых не имелось.

Кроме упомянутых выше судов и их начальников, в деле этом отличились еще мужеством и неустрашимостью командиры фрегатов: «Св. Андрей», капитан 1 ранга Баскаков; «Св. Георгий», капитан-лейтенант Поскочин; «Легкий», капитан 2 ранга Вильсон; «Таганрог», капитан-лейтенант Алексиано; «Перун», капитан-лейтенант Ознобишин, и «Победа», капитан 2 ранга Заостровский. Сам граф Войнович получил легкую контузию.

В ночь на 4 июля турецкий флот удалился на значительное расстояние к северу, а граф Войнович держал к OZO, чтобы прикрыть крымские берега; 5-го числа, около полудня, неприятель снова показался, направляясь к Ахмечетской бухте, но русский адмирал успел пресечь ему путь и тем заставил его удалиться на запад, к румельским берегам. 7 июня турки скрылись из виду, и тогда Войнович, послав несколько крейсеров для наблюдения за их флотом, сам со всеми судами пошел в Севастополь для исправлений.

В сражении 3 июля, по-видимому, главное дело происходило в авангарде нашего флота. Распоряжения Ф. Ф. Ушакова были смелы и решительны, и движениям его следовал весь остальной флот, как было о том предварительно условлено с главнокомандующим. Действия передовых фрегатов заслужили от него полное одобрение; поэтому он в донесении своем графу

Войновичу просил о награде орденом Св. Георгия 4-го класса командиров «Бериславa» и «Стрелы», капитан-лейтенантов Шишмарева и Лаврова, унтер-лейтенанта Копытова с корабля «Св. Павел»; также просил о прочих офицерах и нижних чинах своего корабля, потому что «это была первая на здешнем море генеральная нашего флота баталия»[26].

На донесение это Войнович отвечал дерзким письмом, которое вывело Ушакова из терпения. Надобно заметить, что как в кампанию предшествовавшего года, так и в течение 1788-го Войнович ничего важного не предпринимал без Ушакова во время крейсерств против неприятеля и беспрестанно с ним переписывался, называл его «сердечным другом» и пр. В одной из таких записок, написанных вскоре после сражения 3 июля, он выражается: «Поздравляю тебя, батюшка Федор Федорович; сего числа поступил весьма храбро; дал ты капитан-паше порядочный ужин. Мне все видно было. Что нам Бог даст вперед!»

Но полагал ли Войнович, что, излагая обстоятельства сражения и испрашивая особые награды своим подчиненным, Ушаков намерен был приписать себе весь успех дела или имел еще другие какие-либо причины к открытой вражде, только вражда эта началась между ними через два дня после сражения, вследствие чего Ушаков жаловался Потемкину, в оправдание свое приложил несколько записок графа Войновича и просил, как особой милости, увольнения от службы с пенсионом полного жалованья, потому что «пенсию кампаниями уже вдвое заслужил».

«С начала нашего знакомства, – писал он князю Потемкину 11 июля 1788 года, – когда были еще полковниками и оба под командой других, восчувствовал он (Войнович) некоторую отменную ко мне ненависть, все дела, за которые я иногда был похвален, не знаю причины, отчего отменно его беспокоят».

Ушаков говорит, что Войнович реляцию о сражении «составил по собственным своим мыслям, не соображаясь с рапортами начальников эскадр»; что он был недоволен рапортом его; показал не то число неприятельских кораблей, участвовавших в сражении, какое действительно было; скрыл действия передовых судов и «реляциею своей хотел отнять у нас честь и славу, которую отменным случаем заслужили. Вот, ваша светлость, вся важная причина и величайшая моя вина, ежели она так почтена быть может». В ответ на просьбу эту Ушаков награжден был орденом Св. Владимира 3-й степени за сражение 3 июля, и в исходе того же года назначен начальником корабельного флота в Севастополе.

Встреча с турецким флотом у острова Фидониси не имела

никаких последствий для дел кампании, и только победы принца Нассау доставили армии существенную помощь, лишив на некоторое время Очаковский гарнизон морской защиты. Зная важность присутствия своего в Лимане, Гассан-паша недолго оставался в удалении и, наскоро исправив суда свои у дунайских устьев, снова появился перед Очаковом 29 июля, с 15 кораблями, 10 фрегатами, 10 шебеками, 12 кирлангичами, 15 канонирскими лодками, и бомбардами и тремя транспортными судами.

Вторичное прибытие неприятельского флота снова затруднило осаду крепости. Войнович, опасаясь покушения на Крым, не решился удалиться и до поздней осени крейсировал у Таврических берегов; притом он находил, что силы его недостаточны дабы заставить капудан-пашу вовсе отойти от Очакова. Дунайская же флотилия наша могла только запереть вход в Лиман и для этого расположилась по Очаковскому фарватеру, наблюдая малейшие движения неприятеля.

Начальство над одной частью ее, или парусной эскадрой, снова принял контр-адмирал Мордвинов, а другая часть, или гребная эскадра, вверена была начальству капитана 2 ранга Киленина; прежние же, неустрашимые предводители ее, принц Нассау-Зиген и Пол Джонс, вследствие некоторых недовольствий с князем Потемкиным, оставили начальство, и первый из них уехал в Варшаву, а второй в Петербург.

Орден Святого равноапостольного князя Владимира 3-й степени

Расположившись на якоре в десяти милях от очаковского берега, Гассан-паша поместил шебеки и бомбарды между флотом и островом Березань, а кирлангичи и канонерские лодки у самого острова, на котором начал строить сильные укрепления. Все показывало, что он располагал держаться до последней возможности на избранной им позиции: «Капитан-паша делает большое препятствие, – писал Потемкин, – прилепился к Очакову как шпанская муха».

Однако усилия турецкого адмирала оказать более действительную помощь крепости не имели успеха, и хотя 9

сентября десять легких турецких судов, пользуясь темнотою ночи и сильным попутным ветром успели прорваться к Очакову, но были на другой же день все истреблены флотилией нашей. Осада длилась, и, чтобы сколько-нибудь отвлечь внимание капудан-паши от Очакова, Потемкин приказал послать к берегам Анатолии небольшой отряд крейсеров, для истребления транспортных судов, приготовленных там к перевозке войск и провианта в турецкую армию.

Начальство над экспедицией этой поручено было генерал-адъютанту Сенявину, который вышел из Севастополя 16 сентября с пятью крейсерскими судами; 19-го числа подошел к Синопу и истребил два купеческих судна; 20-го числа, будучи у города Вонны, сжег четыре судна и значительные хлебные запасы, проходя мимо большого города Гересинда, он еще истребил четыре судна, взял несколько призов и 6 октября возвратился в Севастополь, «исполнив с успехом возложенное на него дело, – как доносил Потемкин, – разнес страх по берегам анатолийским, сделав довольные поражения неприятелю, истребив многие суда его, положив препятствие в перевозе войск и возвратившись с пленными и знатною добычей»[27].

Экспедиция Сенявина не произвела, однако, желаемой перемены, и капудан-паша до поздней осени оставался у Очакова, в ожидании, что ненастное и холодное время года заставит русскую армию снять осаду; но 4 ноября он со всем флотом своим ушел в море и 9-го числа прибыл в Константинополь, потеряв на пути несколько малых судов от шторма. Вскоре по его отплытии, черноморские казаки, предводимые полковником Головатым и при пособии канонерских лодок, коими начальствовал бригадир Рибас, завладели островом Березань, на котором турки оставили значительное войско и построили сильные укрепления, почему победа эта стоила много крови.

Наконец, 6 декабря, в день Св. Чудотворца Николая, последовало взятие Очаковской крепости, после кровопролитного штурма, при котором русская армия потеряла до 1000 человек убитыми, в том числе двоих генералов и 119 штаб– и обер-офицеров, и до 1800 ранеными.

Глава VII. Кампания 1789 года

Во вторую войну с Турцией, в царствование Екатерины Великой, переменилось поприще, на котором действовали главные морские силы России. План войны во многих отношениях предположен был одинаковый с предшествовавшим, и Греческий Архипелаг должен был снова увидеть сильный флот, которому содействовали бы христианские народы, призванные Россией к оружию против Порты.

Но дела на севере изменили эти намерения, и флот, под начальством адмирала Грейга, готовый выступить из балтийских портов в Средиземное море, был удержан для отражения шведского короля Густава III, который, пользуясь несогласиями России с Портой, так же вероломно нарушил договоры вечного мира, в Нейштадте и Абове заключенные, как Диван отверг обязательства Белградского и Кайнарджийского, вследствие чего объявлен был 1 июля 1788 года высочайший манифест о войне со Швецией.

Штурм Очакова 6 декабря 1788 г.
Гравюра А. Бартча с картины Ф. Казановы

Итак, главный театр морских действий перешел на Черное море, где флот наш, немногочисленный еще, но предводимый

храбрыми и искусными начальниками, заменил Чесменский и Патрасский пожары четырехкратными пожарами на лимане Днепровском и разбитиями турецкого флота в открытом море. Однако жители Греции и Архипелага были также призваны к участию в этой новой борьбе. На генерал-поручика Заборовского возложено было произвести восстание, и, подобно графу Орлову, он избрал Флоренцию главным местом тайных сношений своих, поручив ближайшее управление делами в Архипелаге генералу Псаро и генерал-майору князю Мещерскому.

Кроме того, деятельными агентами правительства нашего были: в Ливорно генерал-майор В. С. Томара и русский генеральный консул Каламай; в Триесте – генеральный консул наш, полковник граф Иван Войнович; в Корфу – консул Бинаки, и в Превезе – вице-консул Дмитрий Ламбро. В Триесте и Сиракузах снаряжены были две корсерские эскадры под русским военным флагом и за счет правительства нашего; они назывались Российскими императорскими флотилиями в Архипелаге.

Командиры судов этих приняли присягу в верности императрице, получили военные чины и право носить русский морской мундир. Флотилия, изготовленная в Триесте, состояла из десяти судов, под начальством храброго греческого капитана Ламбро Качони, служившего корсером при флоте Спиридова в прошлую войну и награжденного тогда чином майора; самые суда принадлежали ему и другим грекам, но снабжены и вооружены были всем нужным к мореплаванию из казенных сумм, находившихся в распоряжении генерала Заборовского.

Качони имел поручение раздавать воззвания к жителям Греции, приготовленные в значительном числе экземпляров, требовать от них преданности и верности к государыне и пособия всем нужным для успеха оружия, поднятого на их собственную пользу и защиту; он был также уполномочен набирать людей в службу и выдавать свидетельства лицам, ему содействовавшим, при чем положено было награждать: прапорщичьими чинами тех, кто поставит более 30 и до 50 человек; поручичьими – от 60 до 90; капитанскими – от 100 до 150; майорскими – от 200 до 300, и премьер-майорскими – свыше 300.

Чины эти должны были утверждаться Государственной военной коллегией, по представлениям Заборовского; и равным образом соответственное вознаграждение обещано всем тем, которые усилят флотилию судами своими и прочими принадлежностями, относящимися к военным действиям.

Флотилиям поставлялось в непременную обязанность строгое и неупустительное наблюдение высочайше утвержденного установления о корсерах и воспрещались всякие грабежи и

насилия в местах народов, преданных России; все же неприятельские суда, турецкие и шведские, составляли ее полную добычу. В исходе марта 1789 года Качони впервые вышел из Триеста и занял линию от Дарданелл к Афонской горе, Лемносу, Тенедосу и пр., дабы пресечь на этом пути привоз съестных припасов в Константинополь из Египта, Анатолии, Архипелага и Румелии; тревожить неприятеля в заливе Валлоны и других местах, посещаемых дульцуниотскими судами, и уничтожить намерения жителей острова Идра (идриотов), готовивших множество судов для плаваний на Черном море.

Генерал-майору Гиббсу поручено было с такой же целью снарядить несколько казенных судов в Сиракузах и под своим председательством учредить там комиссию для заведования призами; впоследствии управление этими снаряжениями передано генерал-майору Томаре. Начальство над флотилией, состоявшей из двух фрегатов и трех корветов, вверено было Гвильйомо Лоренцо[28], старому мальтийскому капитану, принятому тогда на русскую службу с чином капитана 2 ранга.

В апреле 1789 года Лоренцо вышел из Сиракуз с судами своими[29] к Дарданеллам, чтобы соединиться с флотилией Ламбро Качони, и, не подчиняясь один другому, действовать, однако, соединенными силами для наибольшего нанесения вреда неприятелю. В продолжение всей войны обе флотилии преимущественно заняты были пресечением подвоза продовольствия в Константинополь и неоднократно заставляли столицу Оттоманской империи испытывать голод; они завладели множеством призов, истребили несколько военных судов и вообще тревожили турецкие владения с той стороны; но мы не станем более упоминать о действиях архипелагских корсаров и обратимся к главным событиям, происходившим на Черном море.

Покорение Очакова служило поводом к новым усилиям турок для вознаграждения потерянного, и непреклонный враг России султан Селим III, наследовавший в начале 1789 года престол отчий своего султана Абдул-Хамида, повелел верховному визирю действовать наступательно.

Все старания приложены были к пополнению убыли судов, потерянных в кампанию прошедшего года, для чего приглашены кораблестроители из Франции; и недовольная многочисленными военными неудачами капудан-паши, храброго Эски-Гассана, Порта вручила ему начальство над сухопутными войсками, с возведением в звание сераскира, и возложила на него непременное возвращение Очакова; начальником же оттоманского флота назначен был константинопольский лиман-рейза (капитан над портом), молодой и неопытный Гуссейн,

недавно оставивший сераль, где он воспитывался вместе с Селимом III, с которым был одних лет и с детства находился при нем в услужении. Взаимная дружба тесно связывала их между собой, и, став султаном, Селим назначил Гуссейна капудан-пашой, а потом выдал за него замуж сестру свою.

Константин Капидагли.
Султан Селим III во время аудиенции

В марте 1789 года турецкий флот вышел в море, и одна эскадра из шести фрегатов отправилась к Синопу, чтобы предупредить потери, понесенные в прошлом году от эскадры

Сенявина, а другая такая же эскадра отделилась к Варне, для обеспечения румельских берегов.

Однако крейсерские отряды наши, из 18 легких судов, под начальством лейтенантов Бардаки и Глези, вышедшие из Севастополя 17 апреля, истребили несколько неприятельских купеческих судов у устьев Дуная и произвели большое опустошение у Кюстенджи, высадив близ мыса Кара-Ирмака 600 солдат под начальством майора Чапони.

На сухом пути военные действия начались также с апреля, и 1 числа восьмитысячный турецкий корпус разбит был при Берладе. В половине того же месяца граф Войнович, бывший, как упомянуто выше, с исхода 1788 года временным главным командиром Черноморского флота и портов вместо контр-адмирала Мордвинова, уволенного в отпуск, и поэтому находившийся в Херсоне, вышел в Лиман и расположился на Очаковском фарватере, имея повеление по возможности усиливать судами эскадру свою и принять начальство в предстоявших действиях на лимане Днепровском, куда ожидали прибытия турецкого флота для покушения на Очаков.

Он поднял флаг свой на корабле «Иосиф II» и имел у себя корабли 66-пушечные: «Мария Магдалина» и «Мученик Леонтий»; фрегаты: 50-пушечный «Александр Невский», 40-пушечный «Бористень», «Скорый», 32-пушечный «Макроплия Марк Евангелист»[30], и несколько транспортов. Гребная флотилия находилась под начальством капитана Ахматова и стояла под очаковским берегом.

Корабельный флот, над которым принял начальство контр-адмирал Ушаков на время отсутствия Войновича в Херсон, также был в готовности выйти на Севастопольский рейд по первому востребованию, и для крейсерства выслан был отряд из двух фрегатов и десяти мелких судов, под начальством капитана бригадирского ранга П. В. Пустошкина, который плавал до поздней осени между Таганрогом и южными берегами Крыма.

В исходе мая Потемкин прибыл в Ольвиополь и принял начальство над Екатеринославской и Украинской армиями, названными Южной; однако ничего важного не располагал он предпринять в эту кампанию, проведя много времени в приготовлениях, и предоставил одному Очаковскому гарнизону вместе с Лиманской эскадрой отражать нападения неприятеля на эту крепость. Поэтому, ожидая прибытия многочисленного турецкого флота к Лиману, Войнович предписал Ушакову (от 14 июня) выйти на рейд и быть «в ожидании, что, может быть, понадобится действовать единовременно со здешними (т. е. находившимися в Лимане) силами».

К 22-му числу весь флот был на рейде и Ушаков поднял флаг свой на корабле «Св. Павел»; в начале же июля турецкий флот пришел на вид Георгиевского монастыря, близ Севастополя, но вскоре скрылся, и 12 июля прибыл к Очакову. Он расположился между Кинбурном и Гаджибеем, и состоял из 17 кораблей, 10 фрегатов и 13 мелких судов; кроме того, у гаджибейского берега стояли на якоре 33 лансона, две шебеки и пять кирлангичей.

Видя, что флотилия наша, в соединении с кинбурнскими и очаковскими батареями, почти неприступно защищала Очаковский фарватер, и имея еще в свежей памяти поражения, понесенные в прошлом году на водах этих, турецкий адмирал ни на что не отваживался, и, конечно, возвращение Очакова представляло для него тогда слишком мало возможности. Поэтому Потемкин, невзирая на присутствие столь сильного неприятеля, предписал генерал-поручику Гудовичу покорить Гаджибей, откуда турки вывозили значительное количество хлеба в Константинополь, и вместе с тем приказал Войновичу сделать нападение на неприятельские суда и заставить их удалиться.

Гаджибей, лежавший на месте теперешней Одессы, был тогда небольшим и бедным селением с редутом, дурно устроенным, в котором находилось 12 пушек и 300 солдат; но турецкая флотилия стояла под самым берегом и, защищая его своими выстрелами, значительно затрудняла завладение. Генерал Гудович, занимавший Очаковскую крепость, решился не ожидать более удаления турецкого флота и 3 сентября выступил с частью гарнизона к Гаджибею, употребив на небольшой переход этот десять суток.

Войска наши шли только ночью и скрывались днем в камыши, чтобы не обнаружить движений своих неприятелю, сухопутная сила которого у Гаджибея была им неизвестна. Рибас начальствовал над передовым отделением и, не дождавшись остальной части отряда, 1 сентября на рассвете пошел на приступ.

Казаки через короткое время завладели укреплением, потеряв 50 убитыми и 130 ранеными; для действия же по турецким судам, Рибас устроил батарею из 16 разной величины пушек, которая наносила большой вред и до того повредила два лансона, что они вынуждены были сесть на берег и сдаться. Через несколько дней после покорения Гаджибея подошел к нему весь турецкий флот и открыл сильную пальбу, но на дальнем расстоянии и потому без всякого вреда, после чего отошел в море.

В завладении этим пунктом должен был принять участие и флот, как выше упомянуто. От 2 августа Войнович доносил Потемкину, что готовится напасть, «согласившись с генерал-

майором де Рибасом и генералом Гудовичем», потому что «располагаем сделать атаку в одно время на море и на земле». Однако с его стороны ничего предпринято не было против неприятеля; равномерно и корабельный флот, находившийся в его распоряжении, оставлен им был в бездействии во все лето на Севастопольском рейде, между тем как, подойдя к Очакову, он мог бы, вместе с Лиманской эскадрой, заставить турецкого адмирала удалиться и даже понести поражение. Только в начале сентября (11-го числа) Войнович предписал Ф. Ф. Ушакову выйти для этого из Севастополя.

Ушаков вышел 21 сентября; 28-го подошел к турецкому флоту и появлением своим заставил неприятеля немедленно сняться с якоря и удалиться. У турок было тогда более 40 судов, из коих 15 кораблей; проводив их еще на 70 миль в море от Гаджибея, русская эскадра возвратилась в Севастополь.

18 сентября Войнович вышел из Лимана с парусной эскадрой, в которой были четыре новых корабля (80-пушечный «Рождество Христово», 66-пушечный «Мария Магдалина», «Иосиф II» и «Мученик Леонтий»), десять фрегатов (50-пушечный «Александр Невский», 46-пушечные «Петр Апостол» и «Иоанн Богослов», 40-пушечные «Скорый» и «Бористень», 32-пушечный «Макроплия Св. Марк Евангелист», 24-пушечные «Антоний» и «Феодосий», 20-пушечные «Федот Мученик» и «Василий Великий»), одно бомбардирское судно и несколько малых.

Претерпев жестокую бурю, он, однако, благополучно прибыл в Севастополь; 1 октября по повелению Потемкина опять вышел в крейсерство с десятью кораблями, пятью фрегатами и двумя мелкими судами, причем авангардом командовал Ф. Ф. Ушаков, а арьергардом бригадир-капитан Голенкин. Дойдя до Фидониси и не встретив нигде неприятеля, флот возвратился в Севастополь 26 октября, и 3 ноября все суда вошли в гавань и разоружились. В исходе сентября пришли в Севастополь два новых корабля из Таганрога, под начальством капитана Пустошкина.

Но если флоту нашему не случилось ознаменовать особыми подвигами 1789 год, то на сухом пути поражения турок были значительны и многочисленны. 21 июля Суворов вместе с начальствовавшим австрийскими войсками принцем Саксен-Корбурским разбил при Фокшанах 30-тысячный турецкий корпус; 7 сентября нанес им новое поражение на реке Рымнике, и того же числа Репнин разбил их при реке Сальче.

Сам Потемкин с армией своей занял Кишинев и 30 сентября – Аккерман. Для облегчения покорения этих крепостей отряжена была в Дунай часть Лиманской флотилии под начальством капитана Ахматова. Со взятием Бендер, 3 ноября, окончилась

сухопутная кампания этого года, после чего вся флотилия расположилась на зимовку в Херсоне и на реке Буг.

Константин Капидагли.
Султан Селим III дает аудиенцию во дворе Топкапы

После свержения султана Селима III с престола в 1807 г. его двоюродным братом Мустафой IV журнал «Вестник Европы» писал: «Селим Жигандари был лучшим гражданином, нежели правителем. Образом мыслей он не походил на грубых предков своих и выказывал терпимость, приличествующую настоящему времени. Он даже писал недурные стихи; но для турков нужен твердый ум, а не острый. Не одобряли в Селиме любви к деньгам, которые он копил с бóльшим прилежанием, чем его предшественники; зато был щедрее их и награждал охотнее».

К событиям 1789 года, важным для Черноморского флота, принадлежит основание города Николаева с верфью[31], при слиянии реки Буга с рекой Ингулом.

Потемкин дал городу это имя в воспоминание взятия Очакова, 6 декабря, в день чудотворца Николая, и первый в том

же году заложенный на новой верфи 46-пушечный фрегат назвал «Святой Николай».[32]

Он неутомимо заботился о скорейшей постройке нового города и успешном судостроении в нем.

Невыполнение желания Потемкина относительно нападения на турецкий флот у Очакова и Гаджибея имело неблагоприятные последствия для графа Войновича, и представленные им оправдания не только не были приняты князем, но вскоре после того назначен он в Каспийское море для командования незначительной тамошней флотилией; главное же начальство над Черноморским корабельным флотом в 1790 г. поручено Ушакову, произведенному в том же году, сорока пяти лет от роду, в контр-адмиралы, до того прослужившему в чине бригадира около трех лет.

Невзирая на многие заслуги Войновича по устройству Черноморского флота и управлению, Потемкин, вероятно, не мог извинить ему той медленности и нерешительности, с какими предпринимал он свои крейсерства и нападения на неприятеля. В одном из писем к М. Л. Фалееву, в Николаев, писанных вскоре после поражения турецкого флота Ушаковым, близ острова Тендры 29 августа 1790 года, Потемкин пишет: «Наши, благодаря Бога, такого перцу Туркам задали, что любо. Спасибо Федору Федоровичу! Коли бы трус Воинович был, то бы он с…. у Тарханова Кута, либо в гавани»[33].

Глава VIII. Кампания 1790 года

Один из достопамятнейших годов в летописях русского флота есть 1790-й. Оружие Екатерины Великой снова торжествовало, но теперь на противоположных пределах ее империи, и почти в то самое время как адмирал Чичагов наносил шведскому флоту одно поражение за другим на Балтийском море, истребляя и рассеивая гораздо многочисленнейшие силы неприятеля, адмирал Ушаков не давал отдыха туркам и повсюду громил флот их на море Черном.

Турецкий военный корабль.
Миниатюра XIX в.

Турция не склонялась к миру, в намерении возвратить себе Крымский полуостров. По-прежнему внушаемая некоторыми европейскими дворами, недоверчиво смотревшими на завоевания России и распространение ее пределов, она готовила силы свои к продолжению войны.

Султанские гатишерифы призывали всех правоверных вступать в ряды войск; сокровища султанских дворцов обращены были на приготовление многочисленного флота; и верховный

визирь, потерявший сражение при Рымнике, был сменен. Место его заступил известный Гассан Эски-паша. Расположение наших армий, вынужденное обстоятельствами, было только оборонительное в отношении Турции. Война со Швецией, намерение Пруссии соединиться с Польшей против России, и возмущения в Бельгии и Венгрии, отвлекавшие силы австрийцев от вспомоществования нам, заставляли на первое время ограничиться одной защитой пределов государства.

Поэтому главная часть Екатеринославской армии, под командой князя Репнина, назначена была наблюдать за Польшей; корпус графа Суворова-Рымникского остановился за Прутом, близ Берлада, чтобы иметь возможность подать помощь австрийским войскам в Валахии; корпус барона Меллера-Закомельского, при содействии гребной флотилии, должен был наблюдать за Измаилом и Килией, в которых находились сильные гарнизоны; легкий корпус генерал-поручика Потемкина наблюдал за неприятелем у Дуная; генерал-майор граф де Кастро Ласерда с небольшим корпусом охранял Очаков и Кинбурн; в Крыму оставался корпус генерал-аншефа Каховского; генерал-поручик Розен командовал войсками, расположенными на Кубани, и генерал-поручик Бибиков – на Кавказе.

Невзирая на большие приготовления Турции, военные действия между сухопутными армиями начались не прежде половины этого года, и верховный визирь, не желавший продления войны, не решался возобновить ее первым. Но не таковы были намерения капудан-паши, двадцатидвухлетнего Гуссейна.

Пользуясь особенным доверием султана, он не вполне подчинял себя власти верховного визиря и готовился выйти с многочисленным и сильным флотом к берегам Крыма, обещая правительству своему возвратить этот полуостров и заставить Россию к миру. Черноморскому флоту предстояло разрушить замыслы эти, и, кроме того, получены еще были известия, что у анатолийских берегов находится в готовности множество транспортных судов для перевоза собранных там войск и хлебных запасов в Анапу, Константинополь и Румелию.

Турецкие морские офицеры второй половины XVIII в.
Миниатюра XVIII в.

В течение зимы Севастопольский флот усилен был несколькими новыми судами и снабжен лучшими запасами. Он готовился к выходу в море по миновании равноденственных мартовских бурь, и Ушаков, возвратившись в апреле из Ясс, куда он ездил для совещаний с князем Потемкиным, приготовлялся открыть кампанию нападениями на берега Анатолии. Для этого составлена была эскадра из трех малых 50-пушечных кораблей («Св. Александр Невский», «Св. Андрей» и «Св. Георгий Победоносец»), четырех 44-пушечных фрегатов («Иероним», «Амвросий Медиоланский», «Иоанн Воинственник» и «Нестор Преподобный»), одного репетичного[34] и одиннадцати крейсерских судов. 16 мая Ушаков вышел из Севастополя, имея флаг на корабле «Св. Александр» (капитан 2 ранга Языков), и первое плавание его было к Синопу.

21-го числа эскадра подошла на вид синопских берегов; тогда крейсерские суда, разделенные на три отряда, посланы были вперед для поисков и к вечеру того же дня успели захватить под берегом два судна; крепость и батареи, защищавшие вход в бухту, открыли по ним жестокий огонь, но не нанесли никакого вреда.

Между тем адмирал спешил войти на рейд, желая застать в беспорядке находившиеся там военные суда, из числа коих явственно можно было распознать два фрегата; однако, застигнутый ночной темнотой, он вынужден был с кораблями и фрегатами своими расположиться перед входом в бухту, чтобы воспрепятствовать всякому покушению неприятеля к бегству, и

провел всю ночь под парусами, лавируя или лежа в дрейфе, а «для обеспокоивания жителей и наведения на них страха» жег на всех судах своих огни и делал многие силы пушечными выстрелами, фонарями, фальшфейерами и ракетами.

Действия эти произвели заметную тревогу в городе, по берегам и на судах, которая доказывалась беспорядочною пушечною и ружейною пальбой неприятеля, продолжавшеюся до рассвета. 22 мая, рано утром, эскадра вошла в середину Синопской бухты и нашла стоящие на якоре под крепостью два фрегата, одну шхуну, один кирлангич, одну полугалеру, три лансона, одну чектырму, да на эллинге строящиеся: один корабль и две шантии.

«Я намерен был, – доносил адмирал, – в то же самое время их атаковать, но тихость восточного ветра воспрепятствовала, и при том оказалось, что должно, проходя батареи бухтою к судам, идти немалое расстояние прямо носом против всех их бортов и крепостных пушек; посему в предосторожность, дабы не случилось повреждения мачт, почел оную атаку бесполезной, ибо намерен искать впредь дел важнейших.

Вместо ж того, разными движениями эскадры и перепалкой с кораблей, всем синопским жителям и судам, там находящимся, наносил беспрестанно великий страх и беспокойство. Суда в такой были робости, что против крепости придвинулись вплоть к самой мелкости и беспрестанно места свои переменяли. Я с эскадрой проходя близ оных (в одиннадцатом часу утра), сделал по ним и по береговым батареям довольный огонь и потом лег на якорь, а корабль «Св. Георгий» (капитан 2 ранга Поскочин) послал ближе еще вперед пройти и нанести им более страху».

Эскадра производила сильную канонаду по городу и предместьям; ядра разрушали стены крепости и брандскугели неоднократно причиняли пожар. Буксируясь гребными судами с эскадры, «Св. Георгий» успел пройти далее в бухту и открыл удачную пальбу по крепости и фрегатам; сам же он не понес никакого повреждения и имел только двух матросов, раненных щепою от марсового поручня, разбитого ядром.

Во весь тот день, в продолжение всей ночи и до полудня следующего дня, берега усеяны были многочисленными толпами народа и производилась беспорядочная пушечная и ружейная пальба из города, батарей и судов. В течение этого времени крейсерские суда, под прикрытием двух фрегатов («Иоанн Воинственник» и «Нестор Преподобный») и репетичного судна «Полоцк», делали успешные поиски у соседних берегов: они взяли в плен восемь судов и загнали на берег и потопили четыре, шедших от анатолийских берегов в Константинополь.

Турки старались на баркасах спастись на берег, но многие из них были перестреляны или потоплены; взято же в плен 80 турок, 14 турчанок, 51 грек, 3 армянина, 14 невольников-черкес[35], везенных в Константинополь для продажи, 27 взрослых черкесских девушек и 12 наших солдат разных полков, бывших в плену и везенных для продажи: всего 201 человек. Взятые суда нагружены были пшеницей, и так как два из них оказались неблагонадежны к плаванию, то адмирал приказал пшеницу сгрузить на эскадру, а суда подвести к городу и сжечь «перед глазами всех жителей, собравшихся на стенах в величайшем ужасе от столь нечаянного поражения».

24-го числа эскадра оставила Синопскую бухту и следовала вдоль берега к Самсуну, истребив на этом пути два небольших турецкие судна. 25-го числа крейсерские суда получили приказание войти в самую средину Самсунской бухты, и произвели там жестокую пальбу; эскадра последовала за ними, но адмирал, не найдя ни одного военного судна и довольствуясь распространением страха в городе и его окрестности, оставался на рейде не более, сколько надобно было для подробного осмотра местности и снятия плана крепости, после чего, пользуясь крепким восточным ветром, направил путь свой к Анапе, где находились линейный неприятельский корабль и фрегат, о чем узнал он от пленных.

Однако, задерживаемый вскоре наступившими маловетриями и туманами, Ушаков только 29 мая мог подойти на вид анапских берегов.

За восемь недель до прибытия эскадры к Анапе отошел от нее генерал Бибиков, главнокомандующий на Кавказе, после безуспешной осады. Восьмитысячный его корпус, назначенный для покорения крепости, должен был сделать самый утомительный переход через горы при февральских непогодах и холоде; значительные потери людей и недостаток фашин и других принадлежностей для штурмования заставили Бибикова снять осаду, и он возвратился за Кубань, едва имея три тысячи человек в отряде.

Увидев русскую эскадру, турки ожидали нового нападения и увеличили средства своей защиты. На рейде стояли: линейный корабль, фрегат, две вооруженные шантии и пять купеческих судов, но все они подтянулись на мелководье, под самые стены крепости, причем корабль и фрегат для облегчения себя свезли на берег груз и часть орудий, из которых устроены были сильные береговые батареи, защищавшие с обеих сторон вход на рейд; самые же суда на шпрингах обратились бортами ко входу.

29 мая эскадра, имея тихий ветер и противное течение,

вынуждена была лечь на якорь в 9 часов вечера, не в дальнем расстоянии от Анапской бухты; на другой день, по прочищении густого тумана, продолжавшегося до 10 часов утра, суда наши снова старались приблизиться к неприятелю при тихом NNO ветре, но к 7 часам вечера опять вынуждены были бросить якорь, ничего почти не выиграв вперед. 31-го числа около первого часу пополудни ветер задул от NWtN тихий и изменчивый; эскадра не замедлила, однако, воспользоваться им и лавировала до 6 часов вечера; флагманский корабль более прочих успел приблизиться к крепости, и в ответ на ядро, пущенное по нему, сделал пробный выстрел бомбой, что послужило поводом к открытию жестокой пальбы по эскадре, со всех неприятельских судов и укреплений, но ядра их не достигали до нас.

В это самое время турецкие корабль и фрегат спешили еще более подвинуться под самые стены крепости. Видя безуспешность лавирования, адмирал приказал эскадре, в 8 часу вечера, бросить якорь на глубине 9 саженей и послать гребные суда для промера. Неприятельский кирлангич старался выстрелами своими не допустить их до этого, но вынужден был удалиться; сделанный же промер удостоверил, что мелководье простиралось на большее расстояние от анапского берега в море.

Затрудняемая таким образом местностью, маловетриями и течениями, эскадра начала тянуться завозами и к полуночи придвинулась на возможно близкое расстояние к крепости и судам, открыв по ним сильную пальбу ядрами, бомбами и брандскугелями и продолжая ее до рассвета 1 июня, после чего оттянулась далее, на прежнее место.

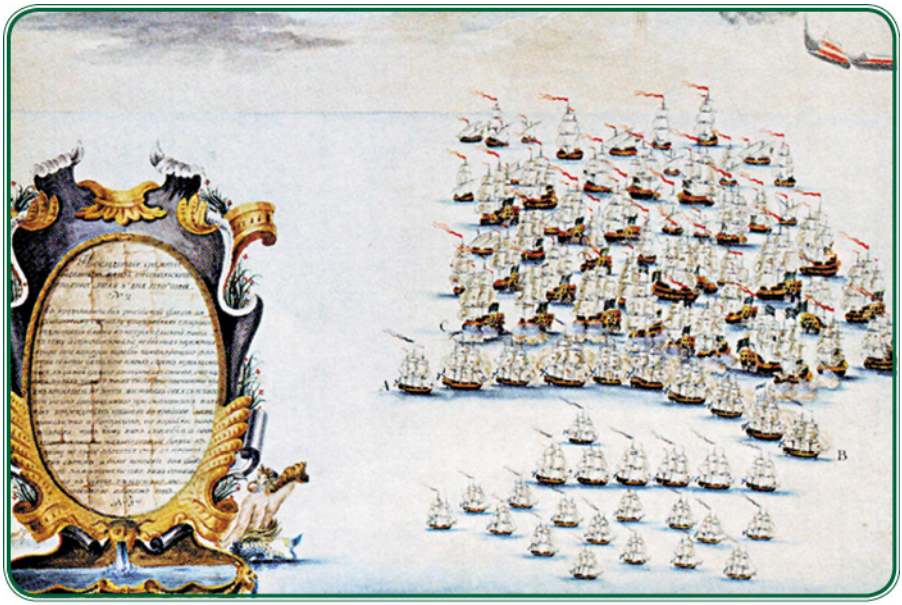
Турецкие батареи отвечали с большой живостью, но не делали вреда; корабль же их и фрегат, для укрытия себя в темноте, вовсе не палили. Брандскугели и бомбы, бросаемые с судов наших, разрываясь на батареях, делали большее опустошение, и пожары, показавшиеся в нескольких местах, доказывали, что ночное нападение это произведено было не без успеха; смятение и тревога в городе были общие и повсеместные. Не видя, однако, возможности нанести неприятельским судам решительного поражения, потому что «к истреблению оных недоставало одного или двух бомбардирских судов, брандеров и надобились также два или три гребные судна с большими пушками», адмирал вынужден был 1 июня оставить Анапский рейд и, согласно с данным ему повелением, 5-го числа благополучно возвратился в Севастополь для соединения с остальной частью флота, находившейся в готовности.

Итак, в продолжение этого трехнедельного плавания, эскадра «обошла всю восточную сторону Анатолии и берега абхазские, от

Синопа до Анапы, господствуя сильной рукою при оных», распространила страх и смятение между всеми прибрежными жителями, доставила в Севастополь восемь транспортных судов с пшеницей и сожгла или затопила двенадцать.

Известие об этом нападении заставило турецкий флот поспешить с выходом в море. Потемкин приказал Ушакову немедленно идти навстречу неприятелю: «Возложите твердое упование на Бога, – писал он, – и при случае сразитесь с неприятелем; старайтесь скорее кончить ваше плавание и прийти на показанное место, где я вас осмотрю и усилю судами. Христос с вами! Я молю Его благость, да ниспошлет на вас милость и увенчает успехами». Через несколько дней он опять писал Ушакову: «Молитесь Богу! Он нам поможет; положитесь на Него; ободрите команду и произведите в ней желание к сражению. Милость Божия с вами!»

Ушаков на корабле «Рождество Христово» вышел из Севастополя 2 июля, с флотом из десяти кораблей (пять больших и пять малых), шести фрегатов, одного бомбардирского судна, одного репетичного, 13 крейсерских и двух брандеров; всего 33 судна. Имея все причины ожидать появления турецкого флота со стороны Анапы, он пошел к Еникальскому проливу и расположился на якоре у мыса Таклы, чтобы заградить Азовское море и сопредельные берега Крыма. Предположение это сбылось, и 8 июля, в половине девятого часа поутру, при мрачной погоде и брамсельном ветре от OZO, показался неприятель, идущий под всеми парусами от Анапского берега прямо к русскому флоту.



Афанасий Депальдо. Сражение близ Еникальского пролива между российским и турецким флотами 8 июля 1790 г.

Он имел десять линейных кораблей (в том числе четыре флагманских и четыре «отменной величины»), восемь фрегатов и 36 разных судов, как то: бомбардирских кораблей, шебек, бригантин, шайтанов, лансонов и кирлангичей, под начальством капудан-паши Гуссейна. Флот наш немедленно снялся с якоря и, построившись в линию баталии левого галса, лег на румб ZOtZ, при ветре, сделавшемся от ONO. Суда его находились в следующем порядке:

2) Корабль 66-пушечный «Мария Магдалина», бригадир-капитан Голенкин.

5) Корабль 66-пушечный «Св. Владимир», капитан Обольянинов.

11) Фрегат 44-пушечный «Св. Иероним», капитан Алексиано.

10) Корабль 46-пушечный[36] «Иоанн Богослов», капитан 1 ранга Кумани.

12) Фрегат 44-пушечный «Покров Св. Богородицы», капитан Ознобишин.

4) Корабль 66-пушечный «Преображение Господне», капитан 2 ранга Саблин.

1) Корабль 84-пушечный «Рождество Христово», под флагом контр-адмирала Ушакова; капитан 2 ранга Ельчанинов.

8) Корабль 50-пушечный[37] «Св. Георгий Победоносец», капитан 2 ранга Поскочин.

13) Фрегат 44-пушечный «Кирилл Белозерский», капитан Сарандинаки.

9) Корабль 46-пушечный «Св. Петр Апостол», капитан 2 ранга Заостровский.

7) Корабль 50-пушечный «Св. Александр Невский», капитан 2 ранга Языков.

15) Фрегат 44-пушечный «Амвросий Медиоланский», капитан Нелединский.

3) Корабль 66-пушечный «Св. Павел», капитан 1 ранга Шапилов.

14) Фрегат 44-пушечный «Св. Нестор Преподобный», капитан Шишмарев.

16) Фрегат 44-пушечный «Иоанн Воинственник», капитан Баранов.

6) Корабль 50-пушечный «Св. Андрей Первозванный», капитан 1 ранга Вильсон (задним).

В резерве, для подкрепления середины флота, находились мелкие суда и бомбардирский корабль.

17) Репетичное судно «Полоцк», капитан Белли; на траверзе адмиральского корабля.

18) Бомбардирское судно «Св. Иероним», капитан 2 ранга Де Мора.

Крейсерские:

Бригантина «Феникс». «Св. Николай».

«Абельтанг». «Св. Александр».

«Панагия Дусено». «Слава Св. Георгия».

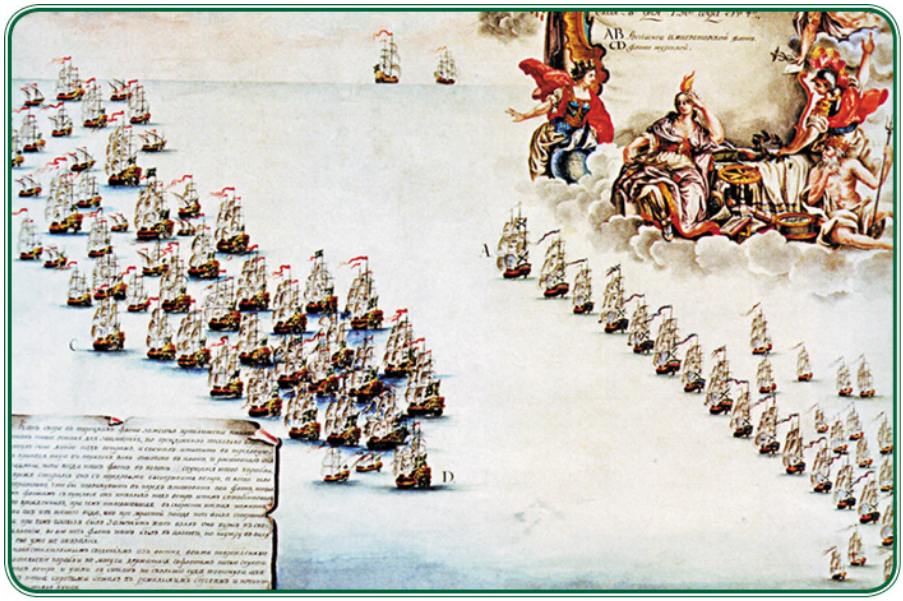
«Карл-Константин». «Красноселье».

«Принцесса Елена». «Панагия Папанди».

Бригантина «Климент Папа Римский» «Панагия Турляни»

«Панагия Апотуменгана» Брандеры №№ 1 и 2.

Капудан-паша, выслав вперед бомбардирские суда, спешил под прикрытием их устроить линию баталии, параллельно русской; фрегаты его составили наветренный дивизион, а мелкие суда держались на ветре у последних. К полудню оба флота достаточно сблизились, и турки показывали нетерпеливое желание сразиться. Первый выстрел сделан был ими и послужил знаком к сражению, которое немедленно началось с обеих сторон.



Афанасий Депальдо.
Окончание сражения близ Еникальского пролива
8 июля 1790 г.

Неприятель направил главную атаку на авангард наш, в намерении окружить его и поставить в два огня. Однако бригадир флота капитан Голенкин, командовавший передовой эскадрой, храбро выдержал и отразил это нападение и привел неприятеля в такое расстройство и замешательство, что последний значительно уменьшил пальбу свою. В донесении адмирала сказано: «Капитан-паша беспрестанно усиливал атаку, подкрепляя оную прибавлением кораблей и многими разными судами с большими орудиями.

К отвращению сего, по учиненным от меня сигналам, фрегаты отделились из линии для корпуса резерва, а корабли плотно сомкнули свою дистанцию; и я с кордебаталией, прибавив парусов, спешил подойти против усиливавшегося неприятеля. Последовавшая в сие время (в исходе 3 часа пополудни) в пользу нашу перемена ветра на четыре румба подала случай приблизиться к оному на такую дистанцию, что картечь из малых пушек могла быть действительна.

Неприятель, приметя перемену сего положения, пришел в замешательство и начал прямо против моего корабля и передового передо мной корабля «Преображения» поворачивать всею густою колонною через оверштаг; а другие, поворачивая по ветру, спустились к нам еще ближе. Следующий передо мной

корабль «Преображение» и находящийся под флагом моим корабль «Рождество Христово» произвели по всем им столь жестокий огонь, что причинили великий вред на многих кораблях, в том числе и на корабле самого капитан-паши.

Из оных весьма поврежденные два корабля в стеньгах и реях и один из них в руле, со сбитою бизань-мачтою, упали на нашу линию и шли столь близко, что опасался я сцепления с некоторыми из наших задних кораблей. Вице-адмиральский корабль также весьма поврежден; фор-марсель у него и крюйсель упали на низ и были без действия; поэтому он, упав под ветер, прошел всю нашу линию весьма близко, и через то сей корабль и помянутые два остались совсем уже разбиты до крайности.

С некоторых кораблей флаги сбиты долой, из которых посланными с корабля «Георгий» шлюпками один вице-адмиральский взят и привезен на корабль[38]. Капитан-паша, защищая поврежденные и упавшие свои корабли, со всеми ими и многими разными судами спустился под ветер и проходил контргалсом параллельно линию нашу весьма близко, через что потерпел со всеми ими также немалый вред. Великое повреждение его кораблей и множество побитого экипажа было весьма заметно; при оном же сражении кирлангич один с людьми потоплен.

Я, с передовыми будучи уже на ветре и желая воспользоваться сим случаем, чтобы возобновить нападение с наветра, сделал сигнал: авангардии всей вдруг повернуть оверштаг, кораблю «Рождество Христово» быть передовым; и сигналом же велел всем кораблям, не наблюдая своих мест, каждому по способности случая с крайней поспешностью войти в кильватер моего корабля, через что линия на правый галс устроилась весьма скоро на ветре у неприятеля, который, приходя от того в замешательство, вынужден был устраивать линию свою под ветром и, прибавив парусов, растянул оную против нашей линии, закрываясь многими судами, которые всеми возможностями старались вспомоществовать своим поврежденным кораблям.

Сколько я ни старался, чтобы, с наветру подавшись вперед против неприятельской линии со всеми силами ударить на нее, но легкость хода их кораблей спасла их от сего предприятия и от совершенной гибели. Я, по учинении сигнала о погоне, имея на флоте все паруса, гнался за бегущим неприятелем и спускался к нему ближе, но в скорости догнать их на порядочную дистанцию не мог, а последовавшая ночная темнота весь флот неприятельский закрыла от нас из виду. И через сие лишились мы видимой, бывшей уже почти в руках наших знатной добычи.

Хотя всю ночь находясь в линии, следовал за неприятелем, спускаясь от ветра, но при весьма темной ночи не мог видеть, куда он сделал свой оборот: к Синопу или к румельским берегам, неизвестно. И поутру, 9-го числа, оного нигде уже не видал, и потому, имея на флоте некоторые повреждения в мачтах, реях и стеньгах, для поправления потребностей пошел и остановился на якорях против Феодосийской бухты. Жестокий и беспрерывный бой с неприятельским флотом продолжался от 12 часов пополуночи до 5 часов пополудни».

В журнале флагманского корабля «Рождество Христово» сказано: «Неприятель многократно покушался бежать под ветер, и, как скоро замечал, что я со флотом, делая сигнал о погоне, также спускался с поспешностью на него, он приводил корабли свои паки в бейдевинд, а через то оставался флот их большей частью впереди, и заметно, что, провождая он время, ожидал темноты ночной. В исходе 8 часа наступившая ночная темнота начала закрывать флот неприятельский, и в 9 часу оный совершенно скрылся на румб WZW.

Хотя и не видно уже было неприятеля, который шел, не зажигая нигде огней на кораблях своих, однако я, желая продолжать погоню и полагая, что он ночью пойдет тем же курсом, не убавляя парусов, также со всем флотом шел тем же курсом, спускаясь несколько под ветер, дабы от него не отделиться, и уповая при рассвете дня или даже еще ночью, ежели пройдет бывшая тогда мрачность и луна покажет свет свой, паки его увидеть.

Дабы флот, мне вверенный, держался соединенно и следовал за мной по сигналам, на всех судах зажжены были огни, и они шли под всеми парусами. В 6 часу пополуночи, 9-го числа, имея тогда ветер NNO, подходя на вид Феодосии, не в дальнем расстоянии от оной лег на якорь. По принесении за одержанную победу благодарственного молебствия, при пушечной пальбе со всего флота, суда приступили к починке повреждений и 10-го числа пополудни вступили под паруса, для следования в Севастополь, куда благополучно прибыли к вечеру 12-го числа».

Сражение 8 июля было упорное и продолжалось пять часов. На русской эскадре убитых два обер-офицера (мичман Антунич и морской артиллерии лейтенант Галкин) и нижних чинов 27; раненых: четыре обер-офицера (флота лейтенанты: Федор Кармазин, Михайло Леонтьев, Константин Патаниоти и шкипер Степан Рябиков) и нижних чинов 64.

Турки же были «совершенно разбиты»; на судах их находилось большое количество десантного войска, и артиллерия наша производила между ними величайшее опустошение. Когда в

3 часа пополудни передовой корабль турецкого флота под вице-адмиральским флагом и следовавшие за ним другие два корабля, вынужденные возвратиться через фордевинд, проходили контргалсом русскую линию, в расстояние пистолетного выстрела, экипажи их, осыпаемые картечью и ядрами, сбежали с верхних палуб и закрыли все пушечные порты со стороны, обращенной к русской эскадре.

Корабль патрон-бея (контр-адмирала) два раза загорался от брандскугелей, но пожар успевали гасить. Наконец, турецкие суда вынуждены были в беспорядке обратиться в бегство, и из них наиболее пострадавшие, не в состоянии будучи держаться с флотом, устремились в Синоп, к румельским берегам и к устьям Дуная, для исправления повреждений; несколько же мелких судов потонуло на пути. Темнота ночи и ходкость турецких кораблей не позволили настичь бегущего неприятеля и, по всей вероятности, завладеть несколькими разбитыми судами его, в том числе кораблем самого капудан-паши, поврежденным более прочих.

Г. А. Ладыженский. Гаджибей.
1899 г.

Смелые движения и храброе нападение доставили Ушакову победу эту, первую, одержанную Черноморским корабельным флотом. Перевес сил был на стороне неприятеля, в количестве судов, величине их и числе орудий; и если тут искусным распоряжениям испытанного русского военачальника противопоставлены были действия неопытной молодости капудан-паши Гуссейна, однако поражение с меньшими силами врага, каков бы он ни был, всегда имеет свою несомненную заслугу.

«В морском сражении не может быть ничего верного у одних перед другими, – замечает Нельсон, – ядра одинаково могут избить мачты и реи как на своих кораблях, так и на неприятельских»; и поэтому, зная степень искусства своего противника, русский адмирал предпочел дать ему сражение под парусами, чтобы пользоваться всеми ошибками и замешательством, в какие он может быть приведен разными неудачами.

Фрегаты первоначально занимали места в линии баталии, вероятно, для того чтобы большее число орудий обратить на неприятеля, подходившего с наветра и сила коего была неизвестна; но когда намерения его обнаружились и авангард русского флота составлял главную цель нападения, фрегаты выведены были из линии и составили из себя резерв для оказания помощи там, где она будет наиболее необходима, между тем как крейсерские суда подкрепляли кордебаталию.

Сомкнув линию, корабли наши вскоре заставили неприятеля отказаться от своего намерения и искать спасения в отступлении; адмирал, воспользовавшись переменой ветра, сделавшей его наветре у неприятеля, пожелал сам занять передовое место и повел наскоро устроенную линию свою для возобновления нападения. Такой пример храбрости, без сомнения, заслуживает полного подражания.

Таким образом, уничтожено было намерение неприятеля на Тавриду. Лейтенант Лошкарев, посланный к князю Потемкину из Феодосии с донесением о сражении, представил ему кормовой флаг, сбитый у одного турецкого корабля, и засвидетельствование адмирала в том, что подчиненные его исполняли долг свой с совершенным рвением и храбростью.

В особенности указывал он на действия начальника авангардной эскадры бригадира Голенкина, флота капитанов: 1 ранга Шапилова, Вильсона, Кумани; 2 ранга: Обольянинова, Саблина, Заостровского, Языкова, Ельчанинова, Поскочина, флаг-капитана Данилова и начальника полевой команды полковника Чиркова. Ушаков награжден был (29 июля) орденом Св. Владимира 2-й степени, и Потемкин, в донесении своем императрице, называет его «достойным, храбрым и искусным начальником».

Возвратившись на Севастопольский рейд, Ушаков исправил все повреждения судов, переменил избитые мачты, стеньги и реи, и 25 августа вышел опять в море с 10 кораблями, 6 фрегатами, 1 репетичным судном, 1 бомбардирским, 17 крейсерскими и 2 брандерами; всего 37 следующих судов:

Корабли:

1) 84-пушечный «Рождество Христово», под флагом контр-адмирала Ушакова; капитан 2 ранга Ельчанинов.

2) 66-пушечный «Мария Магдалина», бригадир флота капитан Голенкин; он же начальник авангардии.

3) 66-пушечный «Св. Павел», капитан 1 ранга Шапилов.

4) 66-пушечный «Преображение Господне», капитан 2 ранга Саблин.

5) 66-пушечный «Св. Владимир», капитан 2 ранга Обольянинов.

50-пушечные, на вид фрегатов:

6) «Св. Андрей Первозванный», капитан 1 ранга Вильсон.

7) «Св. Александр Невский», капитан 1 ранга Языков.

8) «Св. Георгий», капитан 2 ранга Поскочин.

46-пушечные с большими орудиями:

9) «Св. Петр Апостол», капитан 2 ранга Заостровский.

10) «Св. Иоанн Богослов», капитан 1 ранга Кумани.

Фрегаты 44-пушечные:

11) «Св. Иероним», капитан 2 ранга Алексиано.

12) «Покров Св. Богородицы», капитан 2 ранга Ознобишин.

13) «Кирилл Белозерский», капитан 2 ранга Сарандинаки.

14) «Св. Нестор Преподобный», капитан-лейтенант Шишмарев.

15) «Амвросий Медиоланский», капитан 2 ранга Нелединский.

16) «Иоанн Воинственник», капитан 2 ранга Баранов.

Примечание. Во время сражения судам этим назначено было составлять главную линию; фрегаты же: «Покров Св. Богородицы», «Иоанн Воинственник» и «Иероним» должны были составить резерв для подкрепления авангарда.

17) Бомбардирский корабль «Рождество Христово». Ему назначалось место в резерве, против середины флота.

18) Репетичное судно «Полоцк», капитан Белли; против адмиральского корабля.

Крейсерские суда:

Бригантина «Феникс».

Бригантина «Климент Папа Римский».

«Абельтанг».

«Карл-Константин».

«Панагия Апотуменгана».

«Принцесса Елена».

«Св. Николай».

«Св. Александр».

«Березань».

«Слава Св. Георгия».

«Кепи-Тавро».
«Красноселье».
«Панагия Калехания».
«Панагия Папанди».
«Дунай».
«Панагия Турляни».
Брандеры №№ 1 и 2.

Примечание. В сражении все суда эти должны были составлять резерв и находиться в прикрытии против середины флота.

Афанасий Депальдо.
План сражения на Черном море Российского Императорского флота с турецким 28 и 29 августа 1790 года в открытом море против Гаджибея и острова Тендра 1790 г.

Желая первоначально соединиться с Лиманской эскадрой, флот тремя колоннами поплыл к Очакову, чтобы отправиться потом для отыскания неприятеля, находившегося, сколько известно было по слухам, близ устьев Дуная, в готовности следовать к южному берегу Крыма.

Капудан-паша, тот же Гуссейн, начальствовал турецким флотом, но получил в советники престарелого капитан-бея, или полного адмирала, Саит-бея; у него было 14 больших линейных кораблей, 8 больших фрегатов и 23 мелких и «разной хорошей

постройки» судов. 28 августа, в 6 часов утра, при марсельном ветре от ZOtZ, с салинга адмиральского корабля увидели под ветром неприятельские суда на якоре между Тендрой и гаджибейским берегом, в 40 верстах от берега.

Главнокомандующий, немедленно известив о том флот, приказал нести все паруса и направился прямо на неприятеля, чтобы воспользоваться его замешательством. Турки, едва увидели подходящий русский флот, готовый к нападению, были до того испуганы, что, невзирая на превосходство свое в силах, отрубили канаты и в 9 часов утра в беспорядке вступили под паруса; они легли бейдевинд левым галсом, при ветре, перешедшем к SOtO, и побежали по направлению к Дунаю.

Ушаков, видя, что в нравственном отношении половина победы была уже на его стороне, коль скоро неприятельские суда начали таким образом уклоняться от сражения, велел кораблям своим прибавить парусов и усилить погоню, оставаясь в прежнем ордере трех колонн; крейсерские же суда получили приказание быть на ветре у флота. В это время увидели гребную флотилию, между Гаджибеем и островом Ада, и главнокомандующий отрядил одно из крейсерских судов передать намерения свои начальнику флотилии генерал-майору де Рибасу.

К 10 часам утра, заметив, что капудан-паша и несколько кораблей, бежавших за ним, сделались уже довольно далеко впереди, адмирал начал придерживаться к ветру и направлял курс свой так, чтобы отрезать задние корабли турецкой линии. Капудан-паша, видя опасность, угрожавшую арьергарду, вынужден был для соединения с ним повернуть на правый галс, и, спускаясь под ветер, устраивал линию правого галса, причем флагманские корабли старались занять места, ближайшие к кораблю своего главнокомандующего.

Русский адмирал приказал тогда флоту своему спускаться к неприятелю и в то же время из трех колонн составить линию баталии на левый галс; коль скоро линия была построена, сделал сигнал повернуть через контрмарш и построить линию баталии на правый галс, параллельно неприятельской; для скорейшего же исполнения этого движения, поворотившие передовые корабли по сигналу приспустились, покуда надобность указывала.

Через это линия наша устроилась весьма скоро; оба флота находилось тогда в линии баталии правого галса по румбу ONO и WSW, при ветре SOtS, и русский остался на ветре. Вслед за тем три фрегата: «Иоанн Воинственник», «Иероним» и «Покров Богородицы» получили приказание выйти из линии и составить резерв против передовой части флота, на случай, если бы передовые неприятельские корабли, выиграв ветер, решились с

двух сторон атаковать линию нашу.

Приняв эту предосторожность, главнокомандующий поднял сигнал спуститься к неприятелю на расстояние картечного выстрела, и в 3 часа пополудни началось жестокое сражение. Через короткое время турецкие суда, разрушаемые выстрелами русской линии, начали уклоняться под ветер и приходить в расстройство, между тем как наши продолжали спускаться на них и умножали огонь свой.

Сигнал о погоне и усилении нападения почти не убирался с мачты адмиральского корабля, беспрестанно напоминая флоту нетерпеливое желание главнокомандующего нанести решительное поражение, и корабль «Рождество Христово»[39] более прочих громил неприятеля. В 5 часов турки, разбитые и в беспорядке, приспустились еще более; тогда по данному сигналу из кордебаталии корабли «Рождество Христово», «Преображение Господне» и «Александр» первыми, и за ними все авангардные, начали постепенно приспускаться, ведя самое смелое нападение на передовые отборные неприятельские корабли, в числе коих находились флагманские.

Корабль Ушакова в одно время сражался с тремя турецкими и заставил их выйти из линии. Перед вечером вся турецкая линия была уже окончательно разбита и в беспорядке обратилась в совершеннейшее бегство. Теснимые судами нашими, передовые корабли их первыми вынуждены были повернуть через фордевинд, приводя на левый галс, при ветре, дувшем тогда от SSW; немедленно примеру их последовали все задние корабли, которые также поворотили через фордевинд и стали, таким образом, передовой частью своего флота, имея, как и прочие, ветер с левой стороны.

Коль скоро неприятель предпринял это движение, Ушаков повторил сигнал: гнаться за ними под всеми возможными парусами и вступать в бой на самом близком расстоянии; во время же самого поворота их через фордевинд сделано было по ним несколько губительных залпов в корму. В особенности пострадали при этом корабли капудан-паши и реал-бея (контр-адмирала), находившиеся против бортов «Рождества Христова» и переднего его мателота «Преображение Господне»; на турецком адмиральском корабле, сверх других повреждений, были тогда подбиты грот-марсель и крюйсель, избиты реи и стеньги и разрушена кормовая часть.

Все суда русской линии храбро следовали примеру своего начальника, довершая, по мере настижения, поражение нескольких отставших турецких кораблей, избитых в корпусе, рангоуте и парусах. Замешательство турок возрастало более и

более, и, пользуясь им, Ушаков продолжал погоню; сам он в особенности преследовал корабль Реал-бея, через что оказался в середине неприятельского флота и отрезал три корабля их, бывшие впереди, в том числе капудан-пашу, к которому успел снова приблизиться и сделать несколько залпов в корму.

Бой продолжался при ночной темноте; неприятель под всеми парусами бежал к стороне Дуная, и русский флот до 8 часов вечера преследовал бегущих. Невзирая на значительные повреждения рангоута, легкость хода турецких судов позволяла им уходить от грозной погони, и, наконец, в темноте ночной они совершенно скрылись из виду.

Тогда, не предвидя более успеха, русский адмирал в 9 часу сделал сигнал повернуть оверштаг на другой галс всем вдруг, желая остаться еще наветре у неприятеля, и, чтобы в продолжение ночи держаться соединенно под парусами, приказал всем судам открыть огни в фонарях; напротив же того, капудан-паша, для лучшего прикрытия отступления, не показывал огней на флоте своем. В 9 часов ветер от StW начал крепчать и все предвещало скорое наступление бури; поэтому русский флот по сигналу стал на якорь соединенно, а многие крейсерские суда, для укрытия себя от крепкого ветра, пошли под очаковский берег.

С рассветом 29 августа ветер перешел к SW, и, когда совсем рассвело, оказалось, что турецкие суда находятся невдалеке наветре и что некоторые из наших в самом близком от них расстоянии; передовые были не далее ружейного выстрела, а один из фрегатов, «Амвросий Медиоланский», окружен был четырьмя или пятью неприятельскими кораблями. Беспечность турок простиралась до того, что кирлангичи их лавировали между русскими кораблями, принимая их за свои. Фрегат «Амвросий Медиоланский» находился совершенно посреди неприятельского флота, но так как флаги не были еще подняты, то турки считали его своим судном.

Ушаков сильно беспокоился об участи этого фрегата, однако находчивость капитана Нелединского спасла его от плена. Он снялся с якоря вместе с прочими турецкими судами и чтобы не быть узнанным, не поднимал флаг; некоторое время следовал за их флотом, отставая понемногу, и потом, когда опасность миновала, поднял флаг и под всеми парусами достиг места своего в ордере флота.

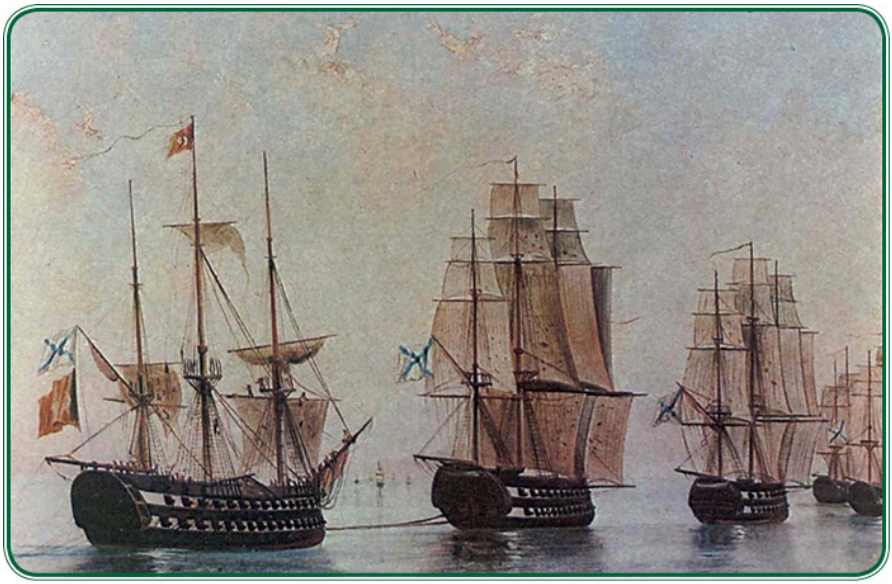
Как скоро, около 6 часов утра, флот русский поднял флаг и начал поспешно сниматься с якоря по сигналу главнокомандующего, турки увидели близкое соседство свое к неприятелю и также немедленно вступили под паруса, отрубая канаты; они начали лавировать к ветру и рассеялись в разные

стороны, так что некоторые суда их стали под ветром у нашего флота. Ушаков приказал строить линию на левый галс и вместе с тем преследовать.

Однако капудан-паша с несколькими кораблями скоро удалился на ветер на значительное расстояние, оставив под ветром у нашей линии два корабля, бывшие не в состоянии следовать за флотом своим от сильных повреждений, полученных в сражении накануне. Один из них был 74-пушечный «Капитание», под флагом адмирала Саит-бея, и другой большой 66-пушечный «Мелеки Бахри» («Владыка морей»).

В десять часов утра оба корабля эти были совершенно отрезаны, и 66-пушечный с 600 человек экипажа сдался, потеряв капитана Кара-али, убитого ядром, и до 90 нижних чинов убитыми или вскоре умершими от ран, корабль же «Капитание» направился к мелководью, отделяющему фарватер между Кинбурном и Гаджибеем. В погоню за ним послан был командовавший авангардом бригадир Голенкин с двумя кораблями и двумя фрегатами.

Корабль «Св. Андрей» первым настиг бегущего, открыл по нему беглый огонь, избил ему фор-марсель и тем замедлил ход его; в это время подоспел корабль «Св. Георгий», вслед за ним «Преображение Господне» и еще некоторые, подходившие с подветра и сменявшие один другого. К полудню Саит-бей был почти окружен русскими кораблями, однако не сдавался, защищаясь весьма храбро в ожидании, что капудан-паша, бывший у него на ветре, спустится к нему на помощь[40].



А. П. Боголюбов. Буксировка пленного турецкого судна. Эпизод Афонского сражения

Афонское сражение произошло 19 июня 1807 г. у полуострова Афон в Эгейском море во время русско-турецкой войны 1806—1812 гг. Командующий русской эскадрой Д. Н. Сенявин повторил прием, который часто использовал в сражениях Ф. Ф. Ушаков и который был одним из основополагающих в его тактике ведения морского боя — мощный удар по флагманскому кораблю противника. Сенявин знал, что в Османской империи за выход из боя до флагмана полагалась смертная казнь и что турецкие моряки отчаянно сражаются только до того момента, пока их флагман не будет потоплен или не окажется в плену. В ходе сражения эскадра Сенявина потопила два линейных корабля и два фрегата, еще один линкор был захвачен в плен. Победа в Афонском сражении фактически лишила Турцию боеспособного флота и предопределила господство России на море.

Желая по возможности сберечь этот новый и красивый корабль, лучший из всего неприятельского флота[41], победители медлили с решением его участи, но главнокомандующий, видя

бесполезное упорство неприятеля, в два часа пополудни сам пошел к нему, приказав между тем: подветренным судам войти в кильватер его корабля, чтобы не мешали один другому выстрелами, а остальной части флота продолжать погоню за капудан-пашой.

Подойдя против неприятельского борта с наветренной стороны на расстоянии 30 сажен, «Рождество Христово» в короткое время сбил у него все три мачты и уступил место свое следовавшему за ним «Св. Георгию», он прошел несколько вперед, возвратился через фордевинд и снова стал бортом прямо против носа турецкого корабля, готовясь сделать по нему залп всем лагом, от которого последний, вероятно, должен бы был потонуть, – но в это время (около 3 часов пополудни) неприятель сдался.

«Люди неприятельского корабля, – доносит адмирал, – выбежав все наверх, на бак и на борта, и поднимая руки кверху, кричали на мой корабль и просили пощады и своего спасения. Заметив оное, данным сигналом приказал я бой прекратить и послать вооруженные шлюпки для спасения командира и служителей, ибо во время боя храбрость и отчаянность турецкого адмирала трехбунчужного паши Саит-бея были столь беспредельны, что он не сдавал своего корабля до тех пор, пока не был весь разбит до крайности, заливался водою от множества подводных пробоин; все три мачты сбиты долой вплоть по палубу, и густой дым, от влепившегося в корму его брандскугеля, начал показываться так, что до распространения пожара передовые шлюпки едва успели взять только упомянутого адмирала Саит-бея[42], капитана корабля «Капитание» Мегмет-Дарие-Заим-Мустафу-агу и 18 человек чиновников; другие же шлюпки, за объятием корабля огнем, пристать не могли и при крепчавшем ветре и нашедшем шквале с поспешностью удалились на другие суда, после чего оный корабль в непродолжительном времени взорвало на воздух».

Пожар и взрыв огромного адмиральского корабля, при крепком ветре и в виду всего неприятельского флота, находившегося, впрочем, далеко уже на ветре, без сомнения, должен был произвести сильное впечатление и докончить нравственную победу над турками. На «Капитание» всего было восемьсот человек команды, и, кроме лиц, названных выше, спасен еще 81 человек «разного рода служителей», на обломках мачт и корабельных членов, «а прочие все сгорели или потонули. На оном же корабле находился казна-дар с весьма значительной казною всего флота», которая также потонула.

Порывистый ZW ветер беспрестанно усиливался, и часть

русского флота, отделенная в погоню за неприятелем, видимо, не в состоянии была настигнуть его; почему адмирал, имея на корабле своем сильно подбитую фок-мачту, также повреждения в рангоуте и снастях на других судах, предпочел отозвать суда, бывшие в погоне, и соединиться с Лиманской эскадрой и гребной флотилией.

К четырем с половиной часам вечера все они присоединились, и тогда же линейные суда стали на якорь, а крейсерские посланы были в разные места для отыскания поврежденных неприятельских судов; им приказано было немедленно требовать помощи при настижении таких, которых сами они не в состоянии будут взять в плен. Однако, к ночи, ветер усилился до того, что мелкие суда рассеялись и должны были искать себе убежищ под берегами.

Весь турецкий флот бежал прямо в Константинополь; но на пути этом затонули в море, со всем экипажем, 74-пушечный корабль Арнаут-Асан-капитана и несколько мелких судов, избитых и немогших противостоять буре. Крейсерскими судами нашими: «Панагией Апотуменгана», под командой мичмана Звороно, и кирлангичем, под командой шкипера Ладыко, взят в плен 29 августа пятипушечный лансон с 30 человеками турок, греков и армян. 30 августа мичман Бардаки, на бригантине «Феникс», завладел десятипушечной бригантиной, но без людей, которые во время погони успели съехать на турецкий кирлангич и уйти; кроме того, другими крейсерами тогда же загнана на мель, между островом Тендрой и кинбурнским берегом, плавучая батарея с шестью большими орудиями и с 43 человеками турецкого экипажа.

Батарея эта была потом снята с мели и исправлена. Итак, двухдневное сражение это лишило турок трех больших линейных кораблей, нескольких мелких судов и распространило страх по всем румельским и абхазским берегам. Всего вообще взято в плен, включая экипаж сдавшегося корабля, 733 человека; вся же потеря с нашей стороны состояла из 21 убитого и 25 раненых; в самих судах и рангоуте было немного пробоин и только паруса и снасти значительно потерпели.

По свидетельству главнокомандующего, наиболее отличили себя корабли: «Мария Магдалина», «Св. Георгий», «Иоанн Богослов», «Рождество Христово», «Преображение Господне» и «Александр», «и можно почесть, что сии шесть кораблей, находясь впереди прочих, одержали всю главную победу над неприятелем». Фрегат «Иоанн Воинственник» храбро атаковал с носу корабль турецкого вице-адмирала.

Суда Лиманской флотилии, присоединившиеся к флоту

вскоре по окончании сражения 29-го числа, были: 46-пушечный фрегат «Навархия» («Вознесение Господне»); 36-пушечные: «Макроплия», «Феодот Мученик», «Марк Евангелист», и 26-пушечный «Григорий Великия Армении». Гребная флотилия, под начальством генерал-майора де Рибаса, состояла из 17 судов, и во время сражения, выходя из Лимана, «делала в виду обоих флотов разные движения и тем неприятелю наводила страх и беспокойство», остальная же часть флотилии находилась против Гаджибейской бухты и присоединилась после.

Иоганн Баптист Лампи Старший.
Портрет адмирала Осипа Михайловича де Рибаса.
1796 г.

30 августа, когда стихло, Ушаков собрал рассеянные суда свои и, взяв с собой пленный корабль, пошел со всем флотом к Гаджибею; но один из фрегатов и несколько крейсерских судов посланы были продолжать поиски над неприятелем у Аккермана. В тот же день пленные отправлены были на двух легких судах к князю Потемкину, с генерал-адъютантом штаба его Львовым. «Пленного адмирала, господина Саит-бея, и капитана

адмиральского корабля с находящимися при нем разными чинами, при сем к вашей светлости препроводить честь имею», – сказано в донесении адмирала.

Вместе с ними доставлены были: кормовой флаг с одного турецкого корабля (адмиральский флаг и другой кормовой погибли вместе с кораблем), восемь значков и три вымпела. 31 августа флот бросил якорь перед Гаджибеем, и на другой день посетил его Потемкин, прибывший из Ясс. Все повреждения на судах были уже по возможности исправлены, и князь увидел победителей, готовых опять встретить неприятеля.

В избытке своего удовольствия, он благодарил всех, от старшего до младшего, и тогда же писал Фалееву в Николаев: «Наши, благодаря Бога, такого перцу туркам задали, что любо. Спасибо Федору Федоровичу!» Ушаков награжден был 16 сентября орденом Св. Георгия 2-й степени (за этот орден он получал пансион 400 рублей в год). Кроме всех командиров кораблей и фрегатов, адмирал упоминает об отличной храбрости еще следующих лиц: капитанов 2 ранга: Юхарина (исполнявшего должность цейхмейстера), флаг-капитана Данилова и генерал-адъютанта князя Потемкина Львова; капитан-лейтенантов: Ишина, Иларионова, Сорокина, Языкова, Бырдина, Лаврова, Войновича, Тимофеева; лейтенантов: Патаниоти, Копытова (морской артиллерии), Макшеева, Стромилова, Поскочина, Вишневского, Роде, Селиванова, Сукошева и Долгово-Сабурова.

До 6 сентября флот оставался перед Гаджибеем; крейсерские суда послались для осмотра соседних вод, а фрегаты заняты были отыскиванием и поднятием якорей, оставленных турецким флотом. Пленный 66-пушечный корабль «Мелеки Бахри» отправлен в Херсон для исправлений; его назвали «Иоанн Предтеча», вооружили 74-мя пушками, из коих 19 медных, и в следующем году он участвовал в поражении турецкого флота.

Возвратившись на Севастопольский рейд 8 сентября, Ушаков до поздней осени оставался в готовности выйти в море, для прикрытия движения гребной флотилии де Рибаса, назначенной следовать в Дунай и облегчать действия сухопутных войск. Начальником арьергардного дивизиона во флоте и командиром корабля «Владимира» поступил тогда, по повелению Потемкина, бригадир флота капитан П. В. Пустошкин, прибывший в сентябре из Таганрога в Севастополь с двумя построенными в Рогожских хуторах 46-пушечными кораблями «Царь Константин» и «Федор Стратилат», одной бригантиной и восемью другими мелкими судами.

В половине октября получено было повеление (от 2-го числа) выступить в море для предположенной цели, и Потемкин между

прочим писал Ушакову: «Известно вам мое замечание, что как во флоте турецком бывает сбит флагманский корабль, то все рассыпаются; для сего приказал я вам иметь при себе всегда «Навархию Вознесение», «Макроплию Святого Марка» и фрегат «Григорий Великия Армении»[43], и наименовал их эскадрой кейзер-флага.

Всеми прочими кораблями, составляющими линию, занимайте другие корабли неприятельские, а с помянутою эскадрой тискайтесь на флагманский, обняв его огнем сильным и живым, разделите, которое судно должно бить в такелаж, которое в корпус, и чтобы при пальбе ядрами некоторые орудия пускали бомбы и брандскугели. Что Бог даст в руки, то Его милость; но не занимайтесь брать, а старайтесь истреблять, ибо одно бывает скорее другого.

Требуйте от всякого, чтобы дрались мужественно, или, лучше скажу, по-черноморски; чтобы были внимательны к исполнению повелений и не упускали полезных случаев. Подходить непременно меньше кабельтова. Бог с вами. Возлагайте твердую на Него надежду. Ополчась Верой, конечно победим. Молю Создателя и поручаю вас ходатайству Господа нашего Иисуса Христа!»

Потемкин ожидал, что турецкий флот в состоянии еще будет, после недавнего поражения, опять появиться в том же году, невзирая на позднюю осень, и захочет воспрепятствовать намерениям флотилии нашей; поэтому Ушаков выступил 15 октября со всем флотом и имел тогда 14 кораблей, 4 фрегата и 20 крейсерских судов[44]; флаг его был на корабле «Рождество Христово», и авангардом начальствовал генерал-майор Голенкин, а арьергардом – бригадир Пустошкин. Для охранения же Севастополя оставлены были на рейде пять фрегатов, одно бомбардирское судно и два брандера; заведование портом поручено капитану Доможирову.

Флот плыл тремя колоннами, и главнокомандующий часто повторял сигнал держаться соединенно. К Гаджибею послано было крейсерское судно разведать о флотилии де Рибаса, с которой предполагалось соединиться у Аккермана; но Ушаков, подойдя к этому месту 20 октября и узнав, что она, будучи удержана до 13 октября в Очаковском проливе, выступила в назначенный путь и 18-го числа при устьях днестровских соединилась с черноморскими казачьими лодками, поспешил с флотом к Дунаю и подошел 22-го числа к устьям Сунина и Килии в то самое время, как последние суда де Рибаса и 42 лодки запорожцев вступили в реку и атаковали батареи, защищавшие вход.

Флот бросил якорь на глубине 11 сажен в виду обоих устьев, получив тогда повеление Потемкина продолжать прикрытие флотилий; крейсерские суда оставались под парусами и производили поиски. До 10 ноября Ушаков занимал эту открытую местность, признавая ее лучшею из всех прочих для безопасности флота, по нахождению ее между течениями обоих устьев. К счастью, впрочем, крепкие ветры дули не часто и не были продолжительны; но с 1 ноября наступили морозы и несколько раз показывался снег.

Между тем войска наши и флотилия делали быстрые успехи на Дунае, так что пребывание флота не представляло более прежней надобности; позднее же время напоминало о необходимости укрыть многочисленные суда от предстоящих бурь, поэтому Потемкин предписал Ушакову оставить свой пост и только для нанесения большого страха неприятелю показаться у румельских берегов. Обойдя весь этот берег, почти до мыса Калиакрия, флот возвратился в Севастополь 14 ноября.

В продолжение похода этого крейсеры успели завладеть несколькими призами. Бригантины «Климент Папа Римский» и «Феникс» и еще три других судна, под начальством подполковника Чапони, посланные от флота 24 октября, настигли думбас близ Варны и, встретив от него сопротивление, потопили его, спасши, однако, тринадцать турок, в числе коих находился комендант Сунинского укрепления с сыном своим, бежавшие при взятии батарей сунинских; после того взяты были еще два судна, шедшие из Константинополя к Дунаю с овощами, которые благополучно доставлены в Севастопольскую гавань. 29 ноября прибыли из Очакова: первый корабль, построенный на Николаевской верфи, 50-пушечный «Св. Николай», из Херсона «Иоанн Предтеча», обращенный в 74-пушечный из турецкого, и четыре мелких судна.

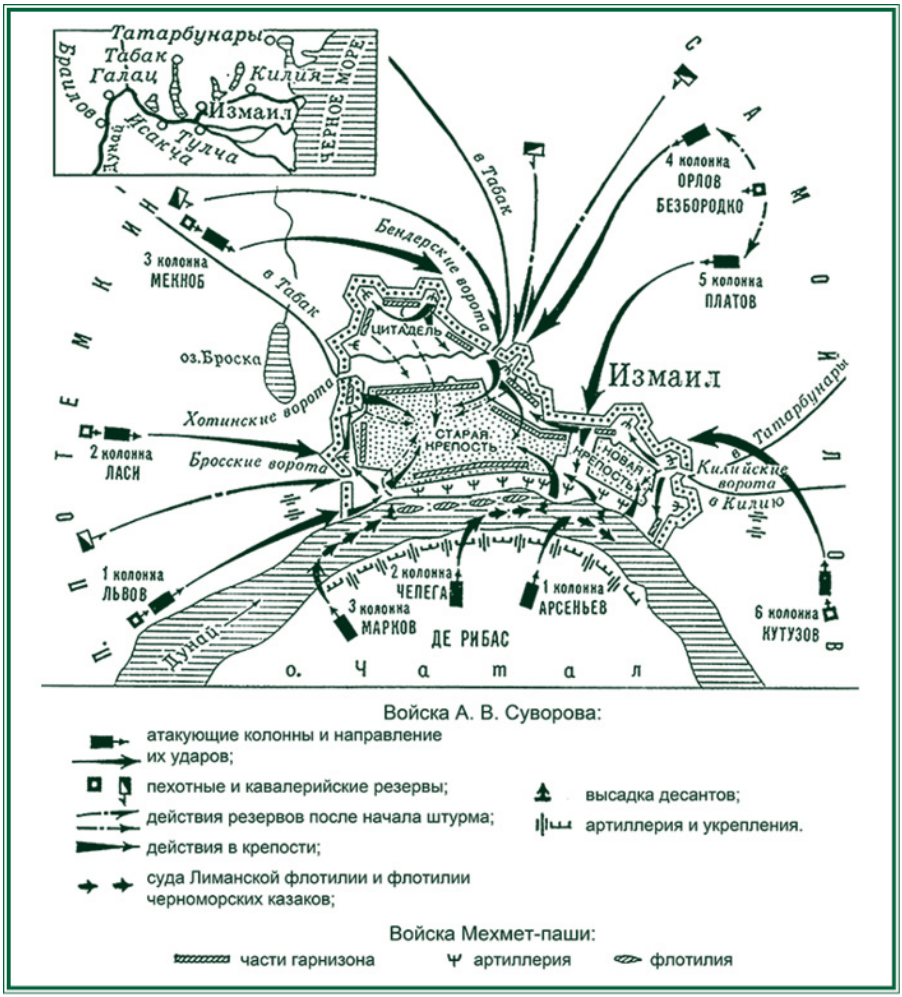


Схема штурма и взятия крепости Измаил 11 декабря 1790 г.

Мир, заключенный 6 августа 1790 года со Швецией, позволил императрице Екатерине обратить все силы против Турции, и это делалось тем более необходимым, что Австрия со смертью Иосифа II прекратила войну с ней. Положено было начать действия решительные; равным образом и верховный визирь собрал многочисленные войска на правом берегу Дуная и умножил гарнизоны крепостей Браилова, Измаила и Килии.

Главное внимание Потемкина обращено было на Измаил, и флотилия де Рибаса, состоявшая из 70 военных и транспортных судов, вместе с лодками черноморских казаков имела назначение войти в Дунай под прикрытием флота и участвовать с сухопутными войсками в покорении крепостей, на этой реке расположенных. Мы видели уже, в какой степени могли быть

полезны действия флота при этом случае; что же относится до флотилии, то она, под начальством храброго своего начальника, стяжала себе новую славу, напомнив неприятелю истребления и пожары лиманских побоищ.

Коль скоро лодки черноморских казаков под начальством войскового судьи полковника Головатого, с присоединенными к ним двенадцатью легкими лансонами и лодками, вошли в Килийское устье 19 октября и расположились перед крепостью Килией – которая накануне взята уже была генералом Гудовичем, не ожидавшим помощи флотилий, – генерал-майор де Рибас с другим отделением судов своих, находившимся в Сунинском устье, сделал нападение на береговые батареи, для чего высадил 20 октября 600 солдат Днепровского приморского гренадерского корпуса, под начальством брата своего, подполковника де Рибаса.

Крепкий ветер не позволял шлюпкам с десантом подойти к берегу, но смельчаки бросились вплавь и, достигнув берега, пошли прямо на приступ, невзирая на перекрестный огонь с турецких лансонов и батарей. Наутро следующего дня обе батареи, имевшие тринадцать пушек, были уже заняты войсками нашими; одно большее судно взорвано, и взято семь транспортных. 6 ноября капитан 1 ранга Ахматов, которому поручено было с особым отрядом очистить проход мимо Тульчи, встречен был семнадцатью неприятельскими судами и после жестокого огня заставил их обратиться в бегство.

Несколько турецких лодок было взорвано и взяты четыре канонерские; турки, в страхе и отчаянии, преследуемые на реке отрядом нашим и по берегу небольшим отделением десантных войск, начали подрывать суда свои, причем много погибло самих их; вышедшие же на берег зажгли селение около Тульчи и удалились в степь. 7 ноября войско с флотилии, предводимое подполковником Рибасом, заняло замок и город Тульчу, и тут в добычу нам досталось, сверх отбитых накануне, одно военное судно и разной величины транспортных 38; в замке найдено немалое количество пороха, разных военных снарядов и десять пушек.

Весь берег под Тульчей покрыт был обломками взорванных неприятельских судов. Далее флотилия следовала к мысу Чаталу для пресечения сообщения Измаила с правым берегом Дуная, и тогда же Рибас отрядил две дивизии к Исакчи, под начальством флота капитан-лейтенанта Литке и подполковника Рибаса, которые достигли этого места 13 ноября и были встречены жестокой канонадой с сухого пути и от неприятельской флотилии, состоявшей из одной шантии, одного кирлангича и тридцати лансонов.

Суда наши стремительно ударили на неприятеля, вскоре привели его в совершеннейшее замешательство и подожгли флотилию, так что турки искали спасения в бегстве, бросив суда свои, береговые батареи и обширный замок, который был тотчас занят войсками, высаженными на берег. Количество снарядов и припасов сухопутных и морских, как то: разного рода инструментов, канатов, полотен, якорей и пороха, найденных в замке Исакчи, было огромное, потому что тут находился главный склад, из которого снабжалась вся турецкая армия, Измаил и прочие крепости.

Значительные провиантские магазины и лавки со съестными всякого рода припасами и овощами, одна двенадцатипудовая мортира, тридцать три медные пушки на берегу, сверх артиллерии на завоеванных судах, множество чугунных орудий, семь ординарных флагов и один сераскирский также достались победителям, не потерявшим при этом столь значительном приобретении ни одного убитого и ни одного раненого.

С.-П. Шифляр. Штурм Измаила
11 декабря 1790 года.
Конец XVIII в.

18 ноября флотилия подошла к Измаилу, сильно укрепленному после Румянцевской войны и имевшему тогда сорок две тысячи гарнизона. Русская армия, осаждавшая эту крепость, встретила упорное сопротивление. С приближением флотилии нашей турки подвинули большую часть лансонов своих под стены крепости; 19-го числа пущено было на неприятельские суда шесть брандеров, под прикрытием шести вооруженных лодок и баркасов, и хотя сильное течение воспрепятствовало удачному

их действию, но устрашенные ими турки бросили суда свои, не сделав ни одного выстрела, и не возвратились прежде, как по совершенному удалении брандеров.

Вслед за тем открыт был огонь со всей флотилии и с новопостроенных ею береговых батарей; капитан 1 ранга Ахматов, подойдя с отрядом своим на самое близкое расстояние к крепостному каменному бастиону, потопил семь лансонов и взорвал на воздух одну большую трехмачтовую шантию. Капитан-лейтенанты Поскочин и Кузнецов и служивший волонтером принц де Линь в особенности отличились при этом смелом нападении.

Едва прекратилась первая атака, как полковник Головатый со всей флотилией черноморских казаков и 12 лансонами прошел город, под бесчисленными картечными и ружейными выстрелами, приблизился к неприятельским судам, стал на шпринг и открыл по ним и по городу жестокую пальбу из пушек и мортир. При этом еще сожжено у неприятеля четыре лансона и семнадцать транспортов. Турки в тот день понесли значительную потерю убитыми и ранеными; урон же с нашей стороны состоял из трех лансонов, разбитых и затонувших, с коих люди были однако спасены; убитых обер-офицеров шесть, нижних чинов 81 и раненых обер-офицеров 8, нижних чинов 231.

В продолжение остальных дней осады, с 20 ноября, флотилия принимала деятельное участие в работах, помогала сухопутным батареям разрушать крепость и производила неоднократные в ней пожары. Вообще же со времени прибытия гребного Черноморского флота к устьям Дуная, т. е. с 14 октября по 27 ноября, приобретено им неприятельских судов при Сунне, Тульче, Исакчи и Измаиле: 7 транспортных тумбасов, 4 канонерские лодки, 8 лансонов, 16 транспортных и перевозных разного рода судов, 8 больших дубов, 10 гребных судов, 4 азиатских ялика, 5 лодок, 1 бударa, 1 трехмачтовая большая шантия, 1 кирлангич и 12 байдарок; всего 77, кроме множества мелких судов.

Истреблено: взорвана 1 бомбарда; сожжено и потоплено лансонов 80, транспортных судов разного звания 78, трехмачтовая шантия одна, более 40 паромов и 10 запорожских лодок; итого 210 судов. Пушек всего отнято 464, из коих 340 потоплены и 124 приобретены, в том числе более 90 медных. Взято: пороху 580 пудов, 25 тысяч ружей и множество другого рода оружий, также огнестрельных, корабельных и хлебных запасов.

Наступившая сырая и холодная погода и недостаток продовольствия угрожали болезнями, начавшими показываться в войсках наших. Стесняемые такими бедствиями, Гудович и

генерал-майор Голенищев-Кутузов готовились уже с 30-тысячной армией отступить от Измаила, как начальство над этой армией принял Суворов, 2 декабря. «Возьмите Измаил во что бы то ни стало», – писал ему Потемкин из Бендер, и 11 декабря крепость взята была штурмом, одним из самых кровопролитных в военной истории. Тридцать тысяч восемьсот шестнадцать турок легли на месте; до десяти тысяч взяты в плен и более пяти тысяч христиан и жидов.

Четыреста знамен, кроме истребленных в сражении, семь бунчуков и два санжака, двести шестьдесят пять орудий на батареях, до трех тысяч пудов пороху, до двадцати тысяч ядер и множество прочих снарядов и припасов составляли трофеи этого достопамятного дня. Урон же с нашей стороны простирался убитыми: 1815 нижних чинов и 64 штаб– и обер-офицеров; ранеными – 2450 и 253 штаб– и обер-офицеров.

Флотилия принимала деятельное участие во время штурма: бомбардировала город на самом близком расстоянии, перевезла одиннадцать батальонов сухопутного войска на указанные места и завладела 8 лансонами (на коих было 17 пушек), 20 паромами и 22 прочими мелкими судами. Понесенная ею потеря состояла из 95 убитых нижних чинов и раненых 224; в числе последних находились капитан-лейтенант Литке, который вскоре потом умер, лейтенант Ендогуров и мичман Тулубьев.

Неприятельская бомба упала в крюйт-камеру бригантины «Константин» и взорвала это судно, при чем погибли флота капитан-лейтенанты Нелидов и Скоробогатов, констапель Богданов и нижних чинов шестьдесят человек. Из морских офицеров в особенности отличились мужественными подвигами капитан-лейтенанты: Павел Савицкий, Иван Шостак, Николай Дзивович, Андрей Башуцкой, Кирьян Константинов, Жулиан, Ломбард, Семен Мякинин, Федор Лелли, Иван Кузнецов; лейтенанты: Петр Лошаков (генерал-аудитор штаба главнокомандующего армией князя Потемкина), Павел Колзаков, Иван Бардаки, Андрей Ендогуров, Дементий Михайлов, Естифий Андреев, Генрих Фокс; мичманы: Лазарь Марангопуло, Всеволод Тулубьев, Сергей Малеев, Николай Стамати, Андрей Салков, Матвей Микрюков и Иван Казанцев. Начальник флотилии генерал-майор де Рибас распоряжался с величайшим мужеством и благоразумием, разрушая прибрежную сторону крепости огнем с судов своих и командуя десантными войсками. Он награжден был орденом Св. Георгия 2-й степени.

По взятии Измаила русская армия расположилась на прежних квартирах и Потемкин избрал Яссы местом своего пребывания.

С. П. Шифляр. Штурм Измаила.
Гравюра на основе натурной зарисовки

Глава IX. Кампания 1791 года. Заключение

Покорение Измаила было важной потерей для Турции и произвело сильное впечатление на Диван. Падение этой крепости относили к измене верховного визиря Гассана, за что он был лишен жизни и на место его назначен виддинский паша Юсуф. Не меньшее уныние распространено было и в народе, озадаченном поражениями на Дунае и Черном море, так что для успокоения жителей султан приказал ввести в Константинополь из Архипелага несколько военных судов своих под русскими флагами.

Порта чувствовала необходимость в перемирии и предлагала его; но Потемкин отверг всякое перемирие, требуя заключения окончательного мира, которому основанием служили бы условия мира Кайнарджийского. Это не было, однако, принято, и обе стороны готовились искать дальнейших успехов в войне. Воинские способности нового визиря и влияние некоторых дворов Европы были причиной того, что султан, невзирая на затруднительность своего положения, предпочел войну миролюбивым соглашениям и разослал гатишерифы[45] для набора войск.

В начале 1791 года Россия не могла со всеми силами своими возобновить наступательную войну против Порты, находясь тогда в разрыве с Пруссией и отчасти с Англией. Начальство над армией принял генерал князь Репнин, которому должны были помогать гребной Черноморский флот под командой генерал-майора де Рибаса, и флот корабельный.

Первым движением с нашей стороны была переправа из Галаца, 24 марта, двадцати двух тысяч пехоты и тысячи двухсот казаков и арнаутов, под начальством генерал-поручика князя Голицына, на отряде судов капитана 1 ранга Лаврова (18 лансонов, 12 транспортов и 24 байдака), при которых находился и сам де Рибас; другой же отряд флотилии, под начальством капитана 2 ранга Поскочина, назначался идти к устью реки Серет, чтобы беспокоить неприятеля, осажденного в Браилове, и на островах строить укрепления против этой крепости.

После соединения с отрядом генерал-майора М. И. Голенищева-Кутузова, который вышел из Измаила и 26 марта перешел на правый берег Дуная у мыса Чатал, корпус князя Голицына 27-го числа овладел Мачином, где турки сосредоточили значительную часть войск своих, и до основания срыл крепость эту.

29-го числа отряд Поскочина показался в виду Браилова, и

того же дня занят был редут на острове Канцефано; 30-го присоединился отряд судов капитана Лаврова, и 31-го сухопутные войска вместе с флотилией взяли приступом укрепление, защищаемое двадцатью пушками и двумя тысячами гарнизона, находившееся вблизи Браилова, на острове, противолежащем Канцефанскому редуту, при чем потоплены: три канонерские лодки и четыре бомбарды с людьми, восемь канонерских лодок и несколько шаек, с которых люди частью спаслись; многие неприятельские суда были повреждены.

Кроме потери передовых укреплений, город Браилов понес значительные повреждения, и, сверх взятых в плен, урон турок убитыми и потопленными простирался до 4000 человек. 1 апреля укрепление срыто, артиллерия забрана и войска наши возвратились в Галац; после этого в течение двух месяцев никакого движения ими предпринято не было.

Р. М. Волков.
Генерал-фельдмаршал
М. И. Голенищев-Кутузов

Корабельному флоту повелено было появиться на море и удерживать турецкий флот и флотилию от покушений на наши берега, чтобы тем доставить возможность князю Репнину свободно располагать войсками, имевшими назначение отвлекать внимание неприятеля, наносить ему повсюду поражение и завладеть Бабадагом. Вся зима проведена была в приготовлении кораблей и килевании всех судов без исключения; крейсеры же посылаемы были к анатолийским берегам и истребили или взяли в плен несколько судов.

От 11 мая Потемкин писал Ушакову: «Считая флот готовым к выходу в море, я сим предписываю вам тотчас выступить по прошествии весенних штормов. Попросив помощь Божию, направляйте плавание к румельским берегам и, если где найдете неприятеля, атакуйте с Богом! Я вам поручаю искать неприятеля, где он в Черном море случится, и господствовать там так, чтобы наши берега были ему неприкосновенны». 20 мая флот вышел на Севастопольский рейд, состоя из шести линейных и десяти малых кораблей, двух фрегатов, двух бомбардирских судов, одного брандера и 17 крейсеров.

Турция для усиления своего флота призвала суда всех подвластных ей варварийских владений, как то: тунисцев, алжирцев, триполийцев и дульцинотов, так что всего собралось тогда у нее для действий на Черном море 18 линейных кораблей, 17 фрегатов и более 40 разных мелких судов. Флотом начальствовал тот же капудан-паша Гуссейн и восемь других адмиралов, в числе коих находился храбрый алжирский паша Саит-али, нарочно вызванный турецким правительством для вернейшего успеха против флота русского.

Одна часть судов их, по выходе из Босфора, направилась к Варне, а другая должна была следовать на помощь к Анапе, обложенной русскими войсками. Генерал Гудович, вскоре по приходе своем к этой крепости с Кубанским и Кавказским корпусами, получил через пленных достоверное известие о появлении неприятельской эскадры против устья Днестра, под начальством Сары-паши, готовой направиться к Анапе. Он немедленно сообщил известие это в Севастополь, и 10 июня Ушаков со всем флотом вступил под паруса.

В самый тот день с ближайших высот усмотрены были турецкие суда, шедшие по направлению к южному берегу Крыма; 11 июня флоту нашему удалось настигнуть неприятеля близ мыса Айя, при свежем ветре от S. Турки находились на ветре, и сначала несколько передовых судов их, выйдя из линии, по повелению своего адмирала, показывали намерение свалиться на абордаж, для которого имели все абордажные принадлежности и большое число войска; вскоре, однако, намерение это было оставлено, и затем, невзирая на все старания русского адмирала заставить неприятеля принять сражение, он уклонялся и спешил удаляться к югу. Четыре дня продолжалась за ним погоня при постоянно свежем ветре, увлекшая русский флот на 80 миль от берегов своих; но, видя безуспешность этого преследования, задерживаемого некоторыми судами, дурно ходившими, и не желая более удаляться в море, Ушаков возвратился на Севастопольский рейд 18 июня, с несколькими повреждениями в

мачтах и снастях от усиленных парусов при крепком ветре.

Между тем Гудович, желая предупредить прибытие турецкой эскадры к Анапе, 19 июня открыл жестокую канонаду, и 22-го числа поутру город и крепость взяты были штурмом. Из двадцати пяти тысяч турок, татар и черкесов, защищавших Анапу, убито на месте более восьми тысяч, множество потоплено и погибло в море. В плен взяты: трехбунчужный паша Мустафа с двумя другими пашами и лжепророк Ших-Мансур, возмущавший все горские народы против России и уговаривавший их к отчаянной обороне; до шести тысяч турок и других; более семи с половиной тысяч женщин; сто знамен и восемьдесят медных пушек.

На другой день взятия Анапы появилась перед ней турецкая эскадра из тридцати двух судов, успевшая избавиться от преследования адмирала Ушакова, который остался в предположении, что неприятель, вознамерившись искать спасения в бегстве, по обыкновению своему, не остановится прежде, как достигнув Константинопольского пролива. Но Сары-паша, увидев возвращение русского флота, решился исполнить цель своего назначения и, подойдя к Анапе, стрельбой из пушек давал о себе знать; когда же заметил, что крепость взята, немедленно ушел и близ Варны соединился с другой частью своего флота. Вскоре после того Гудович завладел близлежащей приморскою крепостью Суджук-Кале.

Генерал-фельдмаршал,
князь Николай Васильевич Репнин
(1734—1801)

Готовность нашего флота к встрече неприятеля не могла не удерживать капудан-пашу от движений к русским берегам или к Дунаю, где поэтому войска наши не были отвлекаемы от намерения нанести решительное поражение верховному визирю. В исходе мая получено было известие, что многочисленные турецкие войска собираются при Бабадаге, Мачине и Браилове. В начале июня генерал-майор М. И. Голенищев-Кутузов, выступив из Измаила, переправился через Дунай и разбил турок при Бабадаге.

17 июня получено было достоверное известие, что у Мачина находится до 80 тысяч неприятеля, под начальством верховного визиря Юсуф-паши, и что сверх того дунайский капудан-паша прибыл с пятьюдесятью судами к Браилову и стал под прикрытием крепостных батарей. Князь Репнин, руководствуясь повелениями главнокомандующего армией князя Потемкина, решился рассеять сборище турок при Мачине и 23-го числа предпринял движение с этой целью, переправив первоначально отряд генерал-майора князя Голицына на судах через Дунай к Канцефану.

Флотилии де Рибаса в дело вступить не полагалось, и она занята была только переправой войск, для чего де Рибас устроил плавучий мост от Галаца на противолежащий остров, и потом принял начальство над вверенным ему отрядом сухопутных войск. 27 июня войска Репнина двинулись четырьмя колоннами, и 28-го завязался кровопролитный бой, продолжавшийся более шести часов и окончившийся совершеннейшим разбитием турок, которые потеряли до пяти тысяч убитыми и обратились в бегство к Гирсову.

Весь лагерь, до 35 медных пушек и пятнадцать знамен, достались нам в добычу. Из тридцати судов флотилии неприятельской, подходившей к Мачинскому проливу для нанесения вреда атакующим войскам, три судна выстрелами нашей артиллерии взорваны, три потоплены, а остальные, имея множество повреждений, вынуждены были бежать. Через два дня после одержания этой победы князь Репнин предпринял обратный путь; 2 июня все войска по мостам перешли Дунай, сняли мосты и заняли прежние свои позиции. Гребной же флот расположился у острова, лежащего впереди устья реки Серет.

Потеря Анапы и поражение при Мачине заставили Порту склониться к миру. Верховному визирю предоставлено было вступить об этом в переговоры с Репниным, и предварительные статьи подписаны были в Галаце 31 июня, в самый день победы Ушакова при мысе Калиакрия.

Не имея известий об успехе мирных переговоров, происходивших в главной квартире Репнина, и получив донесения от крейсеров, что весь турецкий флот находится у румельских берегов, Ушаков выступил из Севастополя 28 июля со следующими судами.

Корабли:

1) 84-пушечный «Рождество Христово», под флагом контр-адмирала Ушакова, – капитан 1 ранга Ельчанинов.

2) 74-пушечный «Иоанн Предтеча» (пленный турецкий) – капитан 1 ранга Баранов.

3) 66-пушечный «Мария Магдалина» – бригадир Голенкин и капитан 2 ранга Ишин.

4) 66-пушечный «Св. Владимир» – капитан бригадирского чина Пустошкин.

5) 66-пушечный «Св. Павел» – капитан 1 ранга Шапилов.

6) 66-пушечный «Преображение Господне» – капитан 1 ранга Кумани.

7) 50-пушечный «Св. Георгий Победоносец» – капитан 1 ранга Чефалиано.

8) 50-пушечный «Св. Александр Невский» – капитан 1 ранга Языков.

9) 50-пушечный «Св. Андрей Первозванный» – капитан 2 ранга Саранденаки.

10) 46-пушечный «Св. Иоанн Богослов» – капитан 2 ранга Шишмарев.

11) 46-пушечный «Св. Петр Апостол» – капитан 1 ранга Заостровский.

12) 46-пушечный «Царь Константин» – капитан 2 ранга Ознобишин.

13) 46-пушечный «Феодор Стратилат» – капитан 1 ранга Селивачев.

14) 66-пушечный «Св. Леонтий Мученик» (пленный турецкий, взятый гребной флотилией в Лимане в 1788 году) – капитан 1 ранга Обольянинов.

15) 46-пушечный «Навархия» («Вознесение Господне») – генерал-адъютант князя Потемкина, капитан 2 ранга Д. Н. Сенявин.

16) 50-пушечный «Св. Николай» – генерал-адъютант князя Потемкина, капитан 2 ранга Львов.

Фрегаты:

17) 44-пушечный «Св. Нестор Преподобный» – капитан 2 ранга Ларионов.

18) 36-пушечный «Макроплия Св. Марк Евангелист» (переделанный из пленной турецкой галеры, взятой в 1790 году) – капитан 2 ранга Великошапкин.

Бомбардирские суда:

19) «Св. Иероним» – капитан 2 ранга де Мора.

20) «Рождество Христово» – капитан-лейтенант Кандиоти.

21) Репетичное судно «Полоцк» – капитан-лейтенант Белле.

Брандер – 1.

Крейсерских судов – 17.

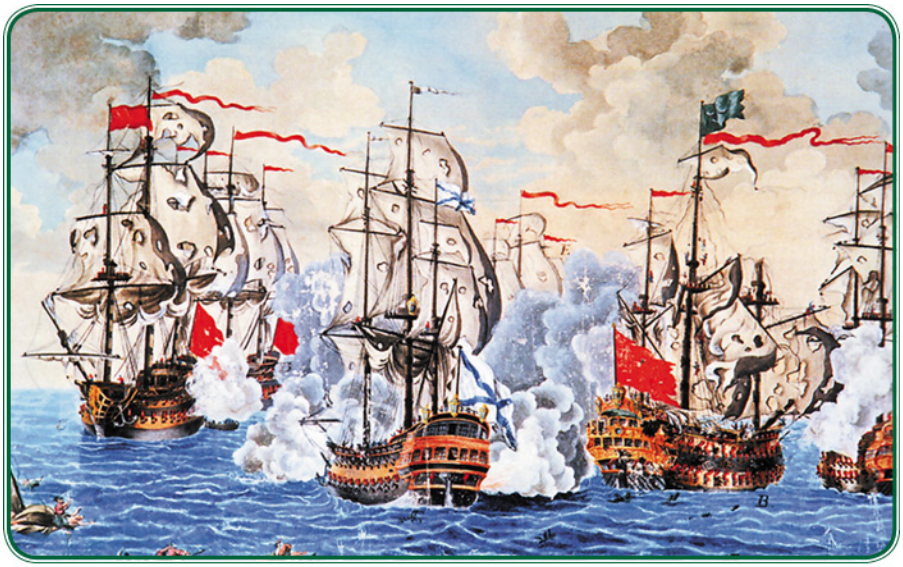
Авангардом командовал генерал-майор флота капитан Голенкин; арьергардом – бригадир флота капитан Пустошкин; сам главнокомандующий находился в середине флота.

Направившись к румельским берегам, флот наш к полудню 31 июля, при марсельном ветре от N, увидел неприятеля, стоящего на якоре близ мыса Калиакрия, под прикрытием построенной на берегу батареи, и имевшего 18 кораблей, 10 больших линейных фрегатов, 7 малых и 43 мелкие судна, под начальством капудан-паши. Девять кораблей были флагманские, и суда всех варварийских владений с пашой Саит-али составляли отдельную линию.

Немедленно сделано было на них самое смелое и решительное нападение, и в донесении своем Ушаков говорит: «По сходству повеления вашей светлости, июня 29-го с флотом, мне вверенным, вышел я на море в числе 16 кораблей, двух бомбардирских, двух фрегатов, одного репетичного, одного брандера и 17 крейсерских судов, для поисков флота неприятельского, и, продолжая плавание к румельским берегам, 31-го числа увидел его, стоящий на якорях в линии при Калиакрии, против мыса Калерах-Бурну, под прикрытием сделанной на оном береговой батареи.

Я с флотом (в три четверти третьего часа пополудни) под выстрелами оной прошел близ самого берега и, отрезав его от берега, будучи на ветре, спешил атаковать. Неприятель, устрашенный нечаянным приходом нашего флота, проиграв ветер, отрубил якоря, лег под паруса, и, будучи в замешательстве[46], некоторые корабли при довольно крепком ветре сошлись между собой, и на двух в тот же час оказались повреждения: с одного упала бизань-мачта, а на другом переломился бушприт.

Поврежденный без бушприта ушел в сторону Варны, а второй остался при флоте. Флот неприятельский состоял из 18 больших кораблей (из которых девять под флагами на брам-стеньгах), 10 больших линейных фрегатов, малых и множества разного сорта мелких судов. В начале четвертого часа пополудни (при ветре от NNO) капитан-паша бежал с флотом под ветер и начинал строить линию баталии, изменяя несколько раз на правый и на левый галс. Пользуясь сим замешательством, я нагонял его с флотом, мне вверенным[47], будучи в ордере марша трех колонн.



Афанасий Депальдо. Сражение у мыса Калиакрия 31 июля 1791 г.

Капитан-паша некоторую часть кораблей своих устроил уже в линию правого галса; но известный алжирский паша Саит-али, подойдя передовым с отдельной частью флота, состоявшею под красными флагами[48], обратил весь флот за собой, устраивая линию на левый галс, чему последовал и капитан-паша. Я продолжал гнаться за ними и (в половине четвертого часа) сигналом приказал как можно скорее строить линию баталии при NNO ветре на левый галс, параллельно флоту неприятельскому, и спускался на него со всей возможной поспешностью.

Притом же я заметил еще, что Саит-али, с вице-адмиральским кораблем красного флага и другим большим и с несколькими фрегатами, будучи сам передовым, спешил отделиться вперед, выигрывая ветер. Посему, для предупреждения его намерений, я погнался за ним (в 4 часа 15 мин пополудни) с кораблем «Рождество Христово», следуя вперед нашей линии, и сигналом подтвердил флоту исполнить мое повеление и сомкнуть дистанцию.

Когда же линия нашего флота была построена в самом близком расстоянии против неприятельской и я догнал передовой корабль паши Саит-али, то сигналом приказал всему флоту (в 4 часа пополудни) спуститься к неприятелю на ближайшую дистанцию, а корабль под флагом моим, «Рождество Христово», приближаясь к передовому пашинскому кораблю на дистанцию полукабельтова, атаковал его, обойдя несколько с носу, тогда же,

по учиненному (в 5 часов) сигналу, всею линиею началось жестокое сражение, которое продолжалось от пяти до половины девятого часа пополудни.

В сие время, с помощью Божьей, прежде всех сбит передовой и лучший корабль неприятельского флота, паши Саит-али, который от беспрерывно жестокого огня, на него обращенного, тотчас лишился фор-стеньги, грот-марселя, имел растрепленные паруса и в прочих частях разбит был до крайности, почему (в 5 часов 45 минут пополудни, ветер от О) повернулся, для закрытия, в середину своего флота[49]; место же его заступил вице-адмирал красного флага с помощью еще одного корабля и двух фрегатов, но и они были сбиты и с немалым повреждением также удалились для соединения с флотом своим, защищая, однако, от следовавших за мной кораблей пашу Саит-али.

Бывшие за мной передовые наши корабли «Александр», «Предтеча» и «Федор Стратилат», исполняя мое повеление, спустились от ветра, окружили передовые бегущие неприятельские корабли и с величайшей живостью производили по ним и вдоль всего флота беспрерывный огонь[50], а между тем корабль «Рождество Христово», опустившись за корму корабля «Федор Стратилат», спешил приблизиться к бегущему в середину флота своего кораблю паши Саит-али, дабы не упустить его, и производил сильный огонь по нему и вдоль всего неприятельского флота, который от последующих кораблей всей нашей линии был весьма разбит, замешан и стеснен до того, что корабли их сами друг друга били своими выстрелами.

Наконец флот наш всею линиею совсем окружил неприятеля и производил с такой отличной живостью жестокий огонь, что, повредив многих в мачтах, стеньгах, реях и парусах, не считая великого множества пробоин в корпусах, принудил многие корабли укрыться один за другого.

При начале же ночной темноты (в 8 часов вечера) флот неприятельский был уже совершенно разбит до крайности и бежал стесненною кучею под ветер (переменявшийся и дувший из ZO четверти), повернувшись к нам кормами; и потому суда наши, сомкнув дистанцию, гнались за ним и беспрерывным огнем били его из носовых пушек, а которым было способно, и всеми лагами. Особенно разбиты и повреждены были все пашинские корабли. При такой, дарованной от Всевышнего, совершенной победе, несомненно надеялись мы несколько кораблей взять в плен, но от сего спасла их перемена ветра и темнота ночи, увеличившаяся от густого дыма».

В половине девятого часа флот неприятельский был совершенно закрыт дымом и невозможно было наблюдать за его

движениями. Между тем ветер, постепенно стихая, наконец совершенно заштилел и течение уклоняло в разные стороны корабли наши. Когда же, часа через два, задул ветер от NNW, флот лег к NO в бейдевинд левого галса и в полночь поворотил на другой галс, желая стать на ветре у неприятеля.

Всю ночь под возможными парусами плыл он по тому направлению, по которому ожидал настигнуть турок; но на рассвете 1 августа неприятель был виден только с салинга, весьма далеко под ветром, спешивший к Константинопольскому проливу. Адмирал, однако, продолжал еще погоню некоторое время, во NW ветер, усиливаясь беспрестанно, развел наконец большое волнение и заставил отказаться от дальнейшего преследования, тем более что на флоте нашем были также повреждения в рангоуте и парусах, а на корабле «Александр» оказалась опасная течь от больших подводных пробоин.

Поэтому флот, подойдя под берег мыса Эмине, не в дальнем расстоянии от Фороса, стал на якорь (в половине девятого часа поутру) и немедленно приступил к исправлению повреждений; крейсерские же суда, в сопровождении фрегата «Макроплия Св. Марк», посланы были к Миссемврии, Форосу и Сизополю для поисков неприятеля.

Через два дня адмирал доносил уже, что «разбитые стеньги, реи и салинги переменены новыми, подводные пробоины при кренговании корабля «Александр» заделаны и исправлены благонадежно, и флот, ему вверенный, состоит опять в хорошем состоянии». В сражении этом убитых нижних чинов было 17; раненых – флота капитан-лейтенант Ганзер, лейтенант Головачев и подштурман прапорщичьего чина Жмухин; нижних чинов – 25.

Карл Боссоли.
Арсенальная гавань, или Военный порт Севастополь.
Литография XIX в.

Итак, храбрый адмирал выполнил желание Потемкина, выраженное ему в письме от 2 октября 1790 года, и на расстоянии менее полукабельтова атаковал неприятеля, наиболее поражая флагманские корабли его. Большое число войск на турецких судах и все принадлежности к абордажной схватке, на которую они, очевидно, рассчитывали, вероятно, заставляли русского начальника держаться в таком возможно близком расстоянии, чтобы не допустить противника до исполнения своего намерения, хотя и в этом случае едва ли можно было сомневаться в успехе, при испытанной храбрости и искусстве подчиненных.

Ведя сам линию и направляя корабль свой туда, где опасность была больше, главнокомандующий воодушевлял флот примером храбрости и самоуверенности, и нанес туркам совершеннейшее поражение, невзирая на двойную их силу. Три с половиной часа беспрерывно продолжался бой этот, приведший большую часть неприятельских кораблей и прочих судов в самое бедственное состояние, особенно когда вскоре после того наступил крепкий ветер.

Некоторые корабли от подводных пробоин пошли ко дну; другие же, для спасения своего, должны были укрыться у анатолийских и румельских берегов, в том числе корабль

капудан-паши, о котором долгое время не имел никаких известий, и посланные для отыскания шесть кирлангичей не могли открыть его убежища. Одна Алжирская эскадра едва могла достигнуть Константинопольского пролива и вошла туда ночью; корабль адмирала ее, Саит-али, имевший более 40–50 человек убитых и раненых, начал тонуть и пушечными выстрелами требовал помощи. Разбудили султана, и весь Царьград встревожился.

Вид разрушенных кораблей без мачт и со множеством убитых, неизвестность об участи, постигшей капудан-пашу, и известие о близости русского флота имели такое влияние на Диван, что немедленно послано было предписание верховному визирю поспешить с заключением мира с Россией, о котором велись уже тогда переговоры в Мачине. Султан, устрашенный разнесшимся слухом о готовности Ушакова напасть на самый Константинополь, повторил приказание визирю прекратить военные действия, хотя за несколько еще дней перед тем велел ему прервать все начатые переговоры и продолжать войну со всевозможной настойчивостью; но, покуда различные повеления эти достигали места своего назначения, Юсуф-паша, следуя первоначально принятому намерению, старался условиться о мире, так что победа при мысе Калиакрия способствовала только к умножению нравственного впечатления на турок, произведенного оружием русским в эту войну.

Потемкин был весьма обрадован этим смелым и решительным поражением турецкого флота: «С удовольствием получил я рапорт вашего превосходительства, – писал он Ушакову, – об одержанной вами над флотом неприятельским победе, которая, возвышая честь флага российского, служит и к особенной славе вашей. Я, свидетельствуя через сие мою благодарность вашему превосходительству, поручаю вам объявить оную и всем соучаствовавшим в знаменитом сем происшествии.

Подвиги их не останутся без достойного возмездия. Желаю я только, чтобы ваше превосходительство доставили ко мне засвидетельствование эскадренных командиров, с вашим справедливым замечанием, по которому не только отличившиеся храбростью и искусством могли бы праведно быть награждены, но и те, которые в чем-либо не исполнили долга своего, восприняли бы достойное наказание». По засвидетельствованию Ушакова, в особенности отличились храбростью начальники авангардной и арьергардной эскадр, Голенкин и Пустошкин, которые и награждены орденом Св. Георгия 3-й степени; также капитаны 1 ранга: Шапилов, Ельчанинов, Языков, Баранов, Селивачев,

Кумани, Чефалиано; 2 ранга: Ознобишин, Сарандинаки, Львов, Шишмарев, Ишин и артиллерии капитан 2 ранга Юхарин, исполнявший должность цейхмейстера на корабле «Рождество Христово».

Капитаны же 1 ранга Заостровский и Обольянинов, и 2 ранга Сенявин «хотя во время боя оказали также храбрость и мужество, но, спускаясь от ветра, не столь были близки к линии неприятельской, как прочие». Командующие бомбардирскими кораблями, флота капитаны 2 ранга де Мор и Ларионов, во время боя находились в резерве против передовой части и ревностно исполняли долг свой. Командир фрегата «Макроплия Св. Марка», флота капитан 2 ранга Великошапкин, с отдельным резервом: малым бомбардирским и крейсерскими судами, находясь на определенном ему месте, храбро и деятельно исполнял свою обязанность, равно как и командир репетичного судна «Полоцк», капитан-лейтенант Белле.

Контр-адмирал Ушаков за сражение при Калиакрии награжден был 14 октября 1791 года орденом Св. Александра Невского и двумястами душ с землею в Тамбовской губернии. Последние строки, писанные князем Таврическим, было последнее донесение его императрице о победе, одержанной Ушаковым, полученное в Петербурге 24 августа. 19 октября его уже не стало, но построенный им флот успел еще при жизни своего основателя упрочить славу свою и твердою ногою стать на завоеванных им водах Черного моря.

Во время пребывания флота у мыса Эмине, фрегат «Макроплия Св. Марк» с крейсерскими судами загнали на берег и выстрелами потопили множество судов, в том числе несколько транспортов с провиантом для армии. Взяты в плен четыре судна, но и те, по неспособности вести их с собой, затоплены; пленных взято 14 человек, а прочие, бросавшиеся на баркасы для достижения берега и оказывавшие сопротивление, потонули или погибли от выстрелов.

2 августа лейтенант Зворono на крейсерском судне «Панагия Апотуменгана», при содействии фрегата и прочих крейсеров, загнал на подводный каменный риф мыса Эмине большую и хорошо вооруженную турецкую шебеку под военным флагом, шедшую со стороны Варны; вскоре она налилась водою, а люди, бросаясь вплавь к берегу, большей частью потонули в бурунах или перебиты; взяты только с нее две медные 12-фунтовые пушки и кормовой флаг; более же за крепостью ветра ничего снять было невозможно и потому шебека сожжена. 4-го числа все суда флота уже исправились и были в совершеннейшей готовности к дальнейшим предприятиям; но противный переменный ветер и

течение воспрепятствовали ему вступить под паруса.

Поутру же того числа подошли к нему со стороны Варны четыре шебеки под алжирскими флагами и двенадцать идриотских лодок с косыми парусами, похожих на кирлангичи. Они ошибкою сочли флот наш за турецкий, но, осмотревшись, побежали. Все наши крейсерские суда и фрегат «Макроплия Св. Марк» целый день за ними гнались; но они, будучи далеко на ветре, рассеялись в разные стороны и успели уйти – одни к Константинополю, а другие к Варне.

Ушаков, узнав от пленных, что в Варне находится флотилия в немалом числе судов, под командой алжирского начальника, отделившаяся во время сражения от флота своего, 5 августа снялся с якоря и спешил туда для истребления или взятия ее, намереваясь потом идти к Константинопольскому проливу искать разбитый турецкий флот. Он полагал, что те суда, которые за повреждениями не в состоянии были пройти в пролив, зашли в разные места анатолийского берега, и предположение это, как оказалось, было вполне справедливо.

Таким образом адмирал весьма удобно мог бы воспользоваться последствиями сражения; но, подойдя 8 августа на вид Варны, встречен был двумя турецкими кирлангичами, везшими повеление главнокомандующего армией, князя Репнина, о заключении перемирия и прекращении военных действий. Вскоре после того мир с Турцией, заключенный в январе 1792 года в Яссах, положил окончание этой войне.

Флоту повелено было возвратиться в свои порты и разоружиться, и потому 20 августа весь он прибыл на Севастопольский рейд. В течение нахождения его под начальством адмирала Ушакова в эту войну потоплено или взято им в плен в море: три линейные корабля и 30 разного рода мелких военных и купеческих судов, за что из десятой доли призовых денег, причитавшихся флагманам по Регламенту, Ушаков получил 3332 рубля.

Гребной Черноморской флотилии определено было провести зиму в Галаце, на Дунае, и начальником ее в сентябре того же (1791) года назначен П. В. Пустошкин, который весной следующего года перешел с ней на местопребывание в Николаев, имея тогда 78 военных судов и транспортов и 60 казацких лодок; но так как многим днепровским и черноморским казакам отведены были тогда для поселения земли на полуострове Тамань, то Пустошкин препроводил их туда на лодках, в сопровождении еще 13 военных транспортов. Из числа крейсерских судов, находившихся в архипелагских флотилиях Ламбро Качони и Лоренса, четыре судна в 1792 году прибыли в

Севастополь и были присоединены к флоту.

Итак, Ф. Ф. Ушаков вполне оправдал выбор князя Потемкина и был достоин своего счастья. Гроза турок, но вместе с тем уважаемый ими и прозванный «паша Ушак», он далеко вознес славу свою как храброго и искусного морского офицера и главнокомандующего. Преданный своему долгу, высоко ценивший воинскую доблесть, неутомимо деятельный, предприимчивый, обладавший редкими способностями для того поприща, которое судьба определила ему запечатлеть рядом блистательных заслуг, он вскоре стал любимым вождем и одного имени его достаточно было для устрашения турок и воодушевления подчиненных.

Видя недостаточность своих средств для поражения неприятеля, беспорядочного, но храброго, сильного и многочисленного, Ушаков поставлял перевес свой над ним в искусном действии артиллерией, обратив на эту часть особенное внимание. Пушечное и ружейное ученье беспрерывно производилось на флоте его, и меткая пальба вознаграждала бессилие русских кораблей в сравнении с неприятельскими. Противниками Ушакова были два самые замечательные лица турецкой истории и преобразователи морских сил Турции – Эски-Гассан и Кучук-Гуссейн, и Оттоманский флот представлял уже тогда собой совсем иной материальный вид, нежели в каком был он в первую войну, когда суда Спиридова при каждой встрече десятками уничтожали корабли их в Архипелаге.

Современник той эпохи, барон Тотт, основавший около 1770 года математическую школу в Константинополе для образования морских офицеров и инженеров, говорит в своих «Mémoires du Baron de Tott 1785 an.» etc., что тогда «корабли турецкие были высоки, при самом слабом ветре черпали воду нижними батареями и представляли неприятелю много дерева, но мало выбрасываемого металла; движения их были тяжелы, и снасти и балки лопались при всяком усилии; они не имели никакой правильности в нагрузке, и никакого знания в морском деле; рулем управляли тридцать человек, находившихся внизу, в констапельской, исполняя приказания рулевого, который кричал им стоя сам на шканцах; батареи были обыкновенно загромождены разным хламом и повсюду орудия разнокалиберные.

В таком материальном состоянии находилась тогда армада эта, и, к довершению всего, управление ею поручаемо было людям в равной мере невежественным. Назначение в командиры судов было делом особой спекуляции, нисколько не казавшейся предосудительной. Так как многие искали этого назначения, то

капудан-паша отдавал корабли тем, которые более платили за них, предоставляя им, в свою очередь, продавать прочие должности на судах, и от этого управление дошло до такого беспорядка, что морские силы Турции готовы были уничтожиться сами собой, без помощи неприятеля.

Ежегодно небольшая эскадра их выходила только в летние месяцы в Архипелаг, для собрания подати с жителей и притеснения их, или для крейсерства против пиратов в тех водах, и потому офицеры, не привыкшие к другого рода плаванию, чужды были всякой военной дисциплины, всяких правил и не имели никаких знаний и опытности».

Ясский мирный договор — договор о мире, заключенный 29 декабря 1791 (9 января 1792) года между Россией и Османской империей и положивший конец русско-турецкой войне 1787—1791 гг.

Эски-Гассан, пройдя сквозь ряд самых поразительных военных неудач и приключений и став капудан-пашой, обратил первое внимание на существенные недостатки турецкого флота, зная по собственному тяжкому опыту все пагубные их последствия. Нравственную сторону, как и всегда, невозможно было преобразовать в скором времени, и турецкий флот не мог никогда совершенно выйти из беспорядков и невежества; но материальные средства его замечательно улучшились.

Гассан, во-первых, пригласил корабельных строителей из Франции и Швеции. Директория прислала двух братьев Брюнн Сент-Катерин[51], Руа и Бенуа; из числа же многих инженеров, прибывших из Швеции, Роде сделался более прочих известен постройкой бассейна в Константинополе и другими гидравлическими работами. По назначении Гассана визирем, преемник его – смелый и предприимчивый Кучук-Гуссейн, равным образом почерпнувший опытность свою в военных неудачах, продолжал начатое преобразование еще с большей неутомимостью.

Необыкновенной деятельностью оживились верфи в Константинополе, Синопе и Родосе, и вскоре французские кораблестроители доставили турецкому флоту много больших 80– и 74-пушечных кораблей, построенных по чертежам, принятым в Тулонском адмиралтействе, просторных, снабженных сильной артиллерией, обшитых медью и с хорошими морскими качествами, так что турки всегда могли уклониться от сражения или уйти от погони.

Экипажи на турецких судах хотя состояли из разного сброда, но между ними было множество греков, весьма хороших и проворных матросов. Главное неудобство заключалось в многолюдстве, так что на корабле находилось обыкновенно до 1200 человек, и это, препятствуя в палубах свободному действию артиллерией, вместе с тем увеличивало число убитых и раненых; но как начальники, так и нижние чины вообще сражались с отчаянной храбростью и доказывали, что турецкие корабли легче разбить, потопить или сжечь, чем заставить сдаться.

Причина такой храбрости заключалась преимущественно в безрассудной строгости, с какой правительство оттоманское имело обыкновение наказывать своих адмиралов и капитанов за проигранное сражение, и через это нередко лишалось лучших из них. Им рубили головы за то, что не умерли в сражении, хотя бы они и дрались как храбрые люди, желавшие победить.

Что же более мог исполнить Ушаков со своими кораблями, сравнительно малыми, старинного чертежа, наскоро построенными, валкими, снаряженными бедно при тех небольших средствах, какими располагали недавно основанные адмиралтейства в Херсоне, Николаеве и Севастополе; с кораблями, имевшими слабую артиллерию, не обшитыми медью[52] и беспрестанно обраставшими ракушками и травою, коими изобилует Черное море?

Полная победа и завладение многими турецкими кораблями несколько раз ускользали из рук Ушакова от плохого хода кораблей его, не могших остановить бегущего неприятеля,

невзирая на сильные повреждения последнего в рангоуте и парусах; и мы видим, что, огорченный этими неудачами, он решился в течение зимы 1790/91 года кренговать уже без изъятия суда флота своего для очищения их от ракушек и травы, хотя мера эта далеко не была еще достаточна; и вообще, чтобы доставить судам того времени порядочный ход, надобно было часто очищать подводную их часть.

Удержание наветренной позиции и неразрывная линия баталии составляли главные, выгоднейшие условия для успеха сражения по тем правилам морской тактики, и начальники флотов не решались уклоняться от этих утвердившихся понятий, принявших даже силу закона; но в нападениях адмирала Ушакова мы видим сколько соблюдение тактических правил своего времени, столько и поучительные примеры храбрости, которые навсегда останутся достойными подражания.

Ни одна минута времени не была им потеряна при нападении, и боевая линия устраивалась из ордера похода, не прекращая сближения с неприятелем. Чтобы остановить намерения противника, – как в сражении 31 июля 1791 года, – он смело выступает из линии навстречу ему и увлекает за собой ближайшие корабли, приказывая остальным употреблять все усилия для возможного сближения с неприятелем.

Чтобы ввести флот в дело с большей уверенностью, – как в сражении 8 июля 1790 года, – он поставляет корабль свой передовым; и вообще, чтобы призвать всех подчиненных к одинаковой решимости, избирает для себя самые опасные положения, так что, наблюдая движения корабля своего главнокомандующего, командиры всех прочих судов не могли уже ошибаться в истинных его намерениях. Быть может, распоряжения и действия Ушакова показали бы нам еще больше образцов смелого и искусного нападения, если бы мог он вполне рассчитывать на храбрость и знание всех командиров судов во флоте своем; и изустные рассказы передают нам, что не все подчиненные с одинаковой готовностью стремились поддерживать неустрашимого начальника.

Письменные источники не подтверждают этой тяжкой укоризны; в донесениях адмирала также не видно прямого намерения намекать об этом обстоятельстве, но замечание князя Потемкина в одном из писем его к Ушакову придает некоторое вероятие изустному преданию. Донося о сражении 29 августа 1790 года, адмирал говорит: «И можно почесть, что шесть кораблей, находясь впереди прочих, одержали всю главную победу над неприятелем»; и, описывая сражение 31 июля 1791 года, он присовокупляет, что некоторые капитаны «хотя во время

бою оказали также храбрость и мужество, но, спускаясь от ветра, не столь были близки к линии неприятельской, как прочие».

Многие случайности, сопровождающие морское сражение, и даже дурной ход судов могли быть невольной причиной этих обстоятельств; но едва ли можно полагать, чтобы Потемкин, обрадованный победою 31 июля 1791 года, не преминул, без особенного повода, требовать от адмирала подробных сведений о сражении, «чтобы и те, которые в чем-либо не исполнили долга своего, восприняли бы достойное наказание». Что могло побудить князя к такой строгости, если бы предшествовавшие случаи убеждали его, что на флоте все одинаково исполняли долг свой?

Глава X. Состояние черноморских портов и флота с 1785 по 1798 год. Пребывание адмирала Ушакова в Севастополе с 1791 по 1798 год

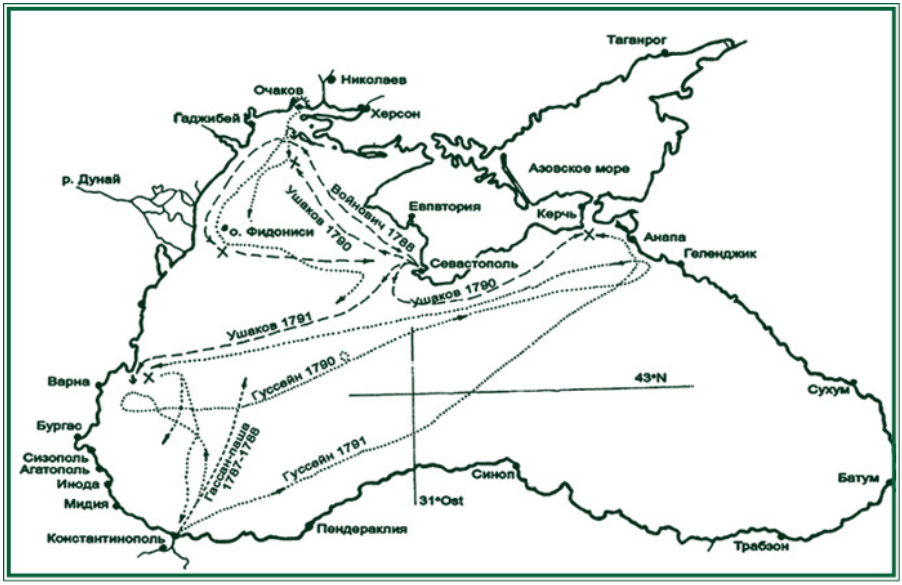
Необыкновенной деятельностью ознаменовано было восьмилетнее управление князя Потемкина морскими силами на юге России, и сооружение Черноморского корабельного флота сопровождалось обстоятельствами, отчасти одинаковыми с теми, при каких учреждался флот Балтийский: надлежало строить корабли почти под выстрелами неприятельскими, поспешать снаряжением их для встречи многочисленного врага; основывать города и верфи на местах пустынных и безлесных, порта в стране, только что завоеванной и удаленной; создать свои силы и в то же время разрушать силы противников.

Безлюдные степи огласились говором нескольких тысяч работников, призванных из далеких губерний; огромные караваны изнутри государства, со строительными материалами и продовольствием, неслись по течению Днепра и Дона; тяжелые обозы тянулись по дурно устроенным дорогам к новым портовым городам, к этому широко раскинутому новоселью, – и нельзя не памятовать заслуг сподвижников князя Таврического.

Первоначально азовские и черноморские порта находились в зависимости Адмиралтейств-коллегии; но с назначением Потемкина главнокомандующим они составили отдельное управление. Таганрогский Адмиралтейский департамент поступил тогда под его начальство, и в высочайшем рескрипте ему, от 13 августа 1785 года, сказано: «Утвердив поданные от вас штаты Адмиралтейству и флоту нашим на Черном море, по главному вашему начальству в том крае, повелеваем быть в полном ведении и управлении вашем… но, по связи флотов наших, вы имеете в узаконенное время доставлять надлежащие рапорты и ведомости генерал-адмиралу».

Этим ограничивались все сношения и зависимость. Потемкину предоставлено также было производить в чины до капитана 2 ранга. В составленном им тогда штате положено иметь на Черном море двенадцать линейных кораблей и двадцать фрегатов; однако обстоятельства войны и могущество Турции, владевшей большими ресурсами для многочисленного флота, указывали на необходимость соразмерения сил своих с предстоявшими в них потребностями, и Потемкин в 1790 году

возымел следующие предположения:



Морские сражения русского Черноморского флота
в ходе войны 1787—1791 гг.

1. В Черноморском флоте содержать 20 линейных кораблей: семнадцать 74-пушечных и три флагманские, 90– и 120-пушечные; четыре 40-пушечных фрегата, у коих в деке 18-фунтовые пушки и на шканцах полукартаульные единороги; 12 легких фрегатов с 18-фунтовыми пушками в батарее, четырехпудовыми единорогами на шканцах и трехпудовыми гаубицами в погонных и ретирадных портах; 12 акатов или шебек и 12 бригантин, вооруженных 18– и 12-фунтовыми пушками и трехпудовыми гаубицами в носовых портах.

Последние 36 судов должны были служить к составлению гребного флота, с присовокуплением 25 канонерских лодок и баркасов, имеющих по одной 24-фунтовой пушке на носу и 18-фунтовой на корме. Все парусные суда обшивать медными листами «для легкости хода и сохранения от червей». Транспортные суда строить в Петербурге и Олонце, для груза до тридцати тысяч пудов, и такого чертежа, чтобы в случае войны могли быть вооружены хорошей артиллерией и способны крейсировать на море.

2. Соразмерно этому увеличению числа судов, увеличить штаты линейных флотских и портовых чинов.

Достойны внимания также преднамерения князя Потемкина относительно устройства других частей по управлению

Черноморским флотом. Он полагал:

1. Флот содержать всегда в комплекте и постоянно практиковать его на море. На парусные суда назначать солдат из Севастопольского полка, а на гребной флот из Приморского гренадерского корпуса, которому для этого иметь постоянные квартиры в Николаеве; учить солдат лазить по мачтам и другим матросским обязанностям, и в мирное время употреблять для портовых работ или гонки лесов по Лиману.

2. Артиллерию иметь преимущественно медную; отливать ее на литейном заводе, устроенном в Херсоне, и до времени употреблять частью английскую.

3. Леса для кораблестроения доставлять из австрийских земель, Молдавии и других мест или же приобретать в России от владельцев. Запасные леса, для сохранения, затоплять в воде, и для этого избрать место на Ингуле, близ Николаева.

4. Так как доставка лесов в Севастополь сопряжена с большими неудобствами и дороговизною, то все суда для тимберовки приводить в Николаев и близ его, в Спасске, устроить док; другой же док иметь в Севастополе, для осмотра подводной части судов и небольших исправлений.

5. По удобству Николаевского порта и его здоровому местоположению перевести туда все кораблестроение из Херсона, оставив в последнем одни только магазины и постройку малых судов, могущих проходить без камелей. Мелководные места по фарватеру в Ингуле и против Очакова значительно углубить сильными землечерпательными машинами[53], также увеличить и углубить Таганрогскую гавань до того, чтобы большие мореходные суда могли строиться и проходить без помощи камелей[54].

6. На Днепре, ниже порогов, завести строение судов для гребного флота и канатный завод. На Бугских порогах устроить водяные машины для кузнечных адмиралтейских работ, починки якорей, изготовления ружей и пр.; на Ингульце иметь лесопильную мельницу. В слободах Балацкой и Христофоровке, в 35 верстах от Николаева, построить пороховой завод, для потребностей Черноморского флота.

7. Для приготовления офицеров в Черноморский флот, в Николаеве учредить, за счет казны, Кадетский корпус на 360 благородных воспитанников и на такое же число разночинцев, поступающих в штурмана, шкипера и другие звания. Кроме этого, иметь особое училище, на 50 человек, для преподавания корабельной архитектуры, снабдив его новейшими английскими и французскими сочинениями о кораблестроении и планами разного рода судов, и доставив сведущих преподавателей.

Лучших воспитанников, после изучения курса теории, посылать в чужие края для усовершенствования практических знаний.

8. Чтобы навсегда устранить затруднения, встретившиеся в получении мастеровых из отдаленных губерний, поселить близ Николаева не менее 2000 человек, обязанных поочередно заниматься работой в адмиралтействах и содержать себя хлебопашеством. (В некоторых слободах этих уже тогда были поселены заштатные церковники, беспаспортные бродяги, выходцы из Польши, женатые рекруты и до 850 собственных крестьян Потемкина. По берегам Буга и Лимана поселены были люди, способные к рыбной ловле и могущие служить лоцманами.)

9. В селе Богоявленске, близ Николаева, построить инвалидный дом, лучший госпиталь, развести аптекарский сад и основать земледельческую ферму по образцу английской, из которой можно бы было снабжать флот горохом, фасолью, салатом и пр., и производить в ней соление мяса, потому что заготовляемое с подряда оказывалось всегда негодным. При всех адмиралтейских слободах садить и сеять леса, особенно дуб.

Вид города Николаева в конце XVIII в. *Гравюра XIX в.*

Потемкин основал также фаянсовый завод в слободе Богдановке; имел намерение построить близ Николаева Спасо-Николаевский монастырь для монахов, преимущественно из

военных штаб– и обер-офицеров, и определял большие вознаграждения за отыскание серебряной и железной руд, красок и каменного угля, который при нем был уже добыт в небольшом количестве близ Николаева и роздан для испытания в кузницы и частные дома.

Многие из предположений князя Потемкина остались неисполненными; но к началу 1792 года в Черноморском флоте состояло кораблей 21, в том числе один 84-пушечный («Рождество Христово»), два 74-пушечных («Св. Троица» и «Богоявление Господне»), остальные 50– и 46-пушечные[55]; 8 фрегатов (три 40-пушечных); 4 бомбардирских судна; 40 разных мелких судов для крейсерства; 3 брандера и транспортов 16.

Днепровская флотилия имела: 1 плавучую батарею; 1 бомбардирское судно; 9 бригантин, 50 канонерских лодок и 32 лансона. Азовская же, находившаяся в Таганроге и Керчи, состояла из: 1 полугалеры, 6 двойных галиотов, 1 лансона, 45 лодок и 25 мелких судов и транспортов. По кончине его, последовавшей 14 октября 1791 года, главным начальником Черноморского флота назначен был вице-адмирал Мордвинов, состоявший с 1784 года старшим членом Черноморского адмиралтейского правления, находившегося в Херсоне, и правление это оставлено в прежней независимости от Адмиралтейств-коллегии, с правом производства в чины до капитан-лейтенанта на открывающиеся вакансии.

Тогда же повелено Каспийской флотилии, вместе с Астраханским портом, причисленной к ведомству Черноморского флота в 1791 году (указом от 19 июля 1791 года), по-прежнему состоять в ведомстве и распоряжении Адмиралтейств-коллегии. Мордвинову хотя и предписано было «сочинить вновь» штаты корабельному и гребному флотам, сообразуясь с назначением князя Потемкина, и привести в исполнение разные его предположения, но, по заключении мира с Турцией продолжавшиеся враждебные намерения ее правительства, глубоко уязвленного потерей столь значительных земель, и неоднократно выказанное им расположение следовать советам некоторых государств Европы, не давали полной возможности заняться внутренним устройством Черноморского флота, который должен был долгое еще время спустя постоянно находиться в готовности начать военные действия.

От 28 февраля 1792 г. последовал высочайший указ Черноморскому адмиралтейскому правлению: «Со умножением сил наших на Черном море, за благо признали мы оставить на прежнем основании Черноморское адмиралтейское правление, определяя в оное председательствующим нашего вице-адмирала Мордвинова и повелевая помянутому Черноморскому адмиралтейскому правлению во всем, до управления, снабжения, содержания и продовольствия флотов касающемся, поступать по точной силе наказов и инструкций, Коллегии адмиралтейской данных. Произведение в чины по флотам и адмиралтейству на убылые вакансии делать сему правлению законным порядком до капитан-лейтенантов или премьермайоров. О произведении же в высшие чины представлять нам доклады; но что касается до флагманов, то пожалование оных должно быть вообще по флотам, для чего как списки о всех чинах Морского департамента, под ведомством Черноморского правления находящихя, так по связи флотов и надлежащие рапорты и ведомости в узаконенные времена доставлять генерал-адмиралу флотов наших».

Одно из важных приобретений для флота, доставленных войной с Турцией, составлял Севастопольский залив (Корсунский Сиваш), с его природными гаванями, благорастворенным климатом и щедрой растительностью. На берегах этих некогда процветал шумный и торговый Херсон, за восемь веков перед тем видевшими в стенах своих Великого князя русского Владимира Святославича, принявшего там Святое Крещение (988) и соорудившего церковь в воспоминание великого духовного подвига своего и бракосочетания с византийской царевной; но время почти изгладило уже следы существования города этого, когда в 1783 году несколько русских судов Азовской флотилии подошли к давно оставленному и забытому месту, чтобы снова водрузить там православный крест и основать сильный военный порт.

Берега залива покрыты были мелким лесом и кустарником, и только бедная татарская деревушка виднелась в самом отдаленном углу одной из бухт; но природа много способствовала к скорому основанию пристанища для флота.

Контр-адмирал Мекензи был первым начальником этого

военного поселения[56], и, когда через четыре года императрица Екатерина посетила Севастополь, в нем было до сорока домов, большей частью казенных, небольшая церковь Св. Николая Чудотворца, казармы для офицеров, пристань и до десяти русских и греческих лавочек; в адмиралтействе, бывшем на месте нынешнего, находились: малая кузница, мачтовый сарай и два небольшие магазина; порох хранился в пещерах.

После смерти Мекензи место его заступил контр-адмирал граф Войнович[57], а затем, в 1789 году, главное начальство над портом и флотом принял Ф. Ф. Ушаков.

В первое время отвлекаемый военными действиями и потом связанный недостаточностью способов, Ушаков не мог сделать много. Потемкин поручил ему раздать, по его усмотрению, вблизи Севастопольского порта нескольким флотским штаб-офицерам небольшие земли для заведения на своем иждивении хуторов с огородами; место, доставшееся Ушакову, было в Георгиевской балке. Сверх того, по высочайшему повелению, ему отданы были в вечное и потомственное владение леса и земли в окрестностях деревни Дуванки, в 15 верстах от Севастополя.

По заключению мира он немедленно приступил к починке кораблей, постройке разных мелких судов, госпиталя и казарм на местах наиболее здоровых и необходимых строений в адмиралтействе, какие тогда назначены были на плане Севастополя; заботился об учреждении дорог, рынков, устройстве колодцев и вообще снабжении города пресной водой и жизненными припасами; учредил перевоз через бухты на вольнонаемных гребных судах, загородные гулянья и пр. Соборная церковь Св. Николая, находившаяся на месте теперешней, была им перестроена и значительно увеличена.

Укрепления севастопольские и вообще устройство пограничных крепостей в том краю, равно как и построение Одесского порта, возложено было на особую экспедицию, высочайше учрежденную 25 октября 1792 года под главным управлением графа Суворова-Рымникского, командовавшего войсками в Екатеринославской губернии и Таврической области и имевшего главную квартиру свою в Херсоне.

В 1792 году Ушаков призван был императрицей на короткое время в Петербург. Екатерина пожелала видеть героя, стяжавшего себе такую громкую славу, и встретила в нем человека прямодушного, скромного, мало знакомого с требованиями светской жизни. Строгий адмирал, созданный для моря, вполне носил на себе отпечаток этого призвания и далеко не мог выражаться столь же метко и красноречиво, как заставлять говорить орудия в батареях своих кораблей.

В. Л. Боровиковский. Портрет князя Г. С. Волконского

В 1793 году, 2 сентября, Ушаков произведен в вице-адмиралы, прослужив в чине контр-адмирала три с небольшим года.

В 1793 году Суворов принял начальство над армией, двинутой для усмирения Польши, которую взволновал тогда Косцюшко; Екатеринославским же, Вознесенским и Таврическим генерал-губернатором назначен был генерал-фельдцейхмейстер князь П. А. Зубов. В ведение его и главное распоряжение

поступило построение всех крепостей на юге; но, по воле государыни, ближайшее наблюдение за построением укреплений в Кинбурне и Овидиополе и устройством Одесского порта поручено было начальнику Черноморского гребного флота вице-адмиралу де Рибасу, укрепления Севастопольского порта и вообще в Тавриде перешли в заведование генерал-аншефа М. В. Каховского, а в крепости Тираспольской – князя Г. С. Волконского.

В июне 1796 года князь Зубов назначен был главнокомандующим Черноморскими флотами, с правами отдельного начальника, независимого в своих действиях от Адмиралтейств-коллегии. В кратковременное управление свое он успел только основать новую верфь, на месте, избранном де Рибасом, ниже Днепровских порогов в местечке Кинчасах, для постройки военных и транспортных судов и «распространения в полуденной стране Империи всеобщего мореплавания и торговли».

Князь
Платон Александрович Зубов
(1767—1822)

6 ноября 1796 года Екатерина отошла в вечность, и с воцарением императора Павла I многие преобразования и перемены последовали как в армии, так и во флотах. От 12 ноября того же года князь Зубов получил высочайший указ «О бытии в ведении Государственной Адмиралтейской коллегии Черноморскому правлению, со всеми флотами, портами и верфями в ведомстве сего правления состоящими»; также ей подчинялся тогда Черноморский гренадерский корпус, состоявший из четырех батальонов.

Главным командиром назначен был вице-адмирал Мордвинов; в Севастополе оставлен вице-адмирал Ушаков, которому вскоре повелено было, кроме своего начальства, постоянно доносить Таврическому и Новороссийскому генерал-губернатору графу Каховскому о состоянии Севастопольского порта, флота и команд, обо всех переменах и случаях. Контр-адмирал Пустошкин сменил вице-адмирала де Рибаса, основателя и строителя Одесского порта, приняв от него как самый порт, так и начальство над гребным флотом, для которого главным местопребыванием должен был служить Николаев.

Тогда же с Балтийского флота контр-адмирал Карцов высочайше назначен «быть инспектором Черноморских флотов», осмотреть все на месте и сделать подробное донесение. По избранному государем административному порядку, все отдельные начальники портов начали получать в рескриптах за собственноручным его величества подписанием все относившиеся к ним повеления, и обязаны были представлять прямо ему срочные ведомости и делать донесения. Такие же меры строгой отчетности и ответственности последовали тогда и в армиях.

Облеченный с юных лет в звание генерал-адмирала, император Павел постепенно следил за всеми нуждами и потребностями флота, и хотя не принимал прямого участия в управлении им, но вблизи мог видеть все вкравшиеся от времени недостатки. Образование офицеров составляло предмет особенной заботливости его, и в январе 1797 года повелено было во всех портах «учредить класс для флагманов, капитанов и офицеров, в котором собираться ежедневно всем тем, кто того дня службой занят не будет, и проходить все нужные для морского офицера науки, как то: тактику и эволюцию, навигацию, практику и о корабельной архитектуре, равномерно чтение Устава».

В портах начали получать уведомления обо всех нововведениях и замечательных морских происшествиях, и первое из таких, сообщенное генерал-лейтенантом графом Кушелевым «в Севастопольскую конференцию морской тактики, дабы господа флотские офицеры могли сделать нужные из того замечания», было подробное описание сражения сэра Джона Джервиса с испанским флотом у мыса Сент-Винсент (14 февраля 1797 г.); и потом сражение у Кампердауна (12 октября того же года), где английская эскадра под начальством адмирала Дункана одержала победу над голландским адмиралом де Винтером.

17 ноября 1796 года учреждены нового образца мундиры для всех флотских чинов; 25 февраля 1797 года издан Морской устав[58], а 1 января 1798 года – штаты флотов. На Черном море тогда положено было иметь три 100-пушечных корабля, девять

70-пушечных и три 66-пушечных; шесть фрегатов 50-пушечных; четыре фрегата 36-пушечных; два бомбардирских корабля и два катера. В гребном флоте: четыре фрегата, десять плавучих батарей, четыре бомбардирских катера, 106 канонерских лодок, три голета и 141 разных мелких судов. Корабельный флот составлял одну дивизию, разделенную на три эскадры.

На содержание Черноморских флотов отпускалось 2 112 264 руб.; нередко, однако, недостаток в суммах или несвоевременное их доставление заставляли Ушакова выдавать заимообразно из собственных денег по нескольку тысяч в контору Севастопольского порта, чтобы не остановить производства работ. К 1797 году состояло годных: кораблей 84-пушечных – 1; 74-пушечных – 3; 66-пушечных – 4, итого – 8. Фрегатов, могущих держать линию, – 11; боевых (50-пушечных) – 4.

Разных боевых судов и крейсерских – 19. Гребного флота: шхун, бригантин, катеров, лансонов, требакул, канонирских лодок, скампаней, баркасов, крейсерских судов и транспортных – 98; Донской флотилии – 27; транспортов портовых – 13. Всего 180 судов. Контр-адмирал Карцов нашел, что денежными суммами, артиллерией, снарядами, припасами и материалами Черноморское ведомство было снабжено сполна по штатному положению. Из донесений его видно, что:

В Севастопольском порте производились только починки и исправления кораблей; никакого же нового строения судов не было. Флотских генералов, штаб– и обер-офицеров и нижних чинов состояло всего 7126; морской артиллерии – 1238; флотских Черноморских батальонов – 1130; ведомства адмиралтейского и интендантского – 390. Итого – 10 088 человек. Адмиралтейство, с его магазинами и разными мастерскими, построено в заведении порта, при входе в гавань, на низменности берега.

Киленбалк с магазинами помещен в другой бухте. Корабли, фрегаты и прочие суда расположены на якорях возле берега, в который врыты, вместо палов, также якоря для закрепления швартовых. Все суда содержались чисто и со всевозможной бережливостью; но только причинялся большой вред в фальшивых обшивках от червей, коими здешние воды изобилуют, почему каждое судно необходимо было килевать через каждые два года.

Главных строений никаких не производилось, и только в некоторых местах по бухте, где стояли ошвартовленные корабли и прочие военные суда, уравнивался берег для построения магазинов и удобного положения на нем корабельных вещей. Против многих судов такие пристани были уже окончены и на них сложены артиллерия и запасный рангоут, а в магазинах

помещены все припасы и такелаж. Казармы для служителей построены на высотах берегов, кругом гавани и против каждого корабля; они были каменные (из местного камня и плиты), покрыты черепицей, а иные землей; некоторые же достраивались и все вообще были весьма сухи и чисты.

Строение казарм, корабельных магазинов и отделка берегов производились корабельными служителями, без всякой платы от казны и только с небольшим употреблением казенных материалов. Пороховых погребов не имелось, но порох удобно хранился в прибрежных пещерах, нарочно вырытых, большей частью в Инкермане[59]. Каменный двухэтажный госпиталь на 300 человек построен был на высоте берега в южной бухте, против города, и содержался в наилучшем порядке; при нем имелась казарма для госпитальной прислуги.

В городе находилось две церкви: одна, построенная от казны и трудами морских служителей, а другая греческая; в числе домов было до 20 казенных, прочие же, большей частью, принадлежали флотским офицерам и адмиралтейским чинам. При входе и за ним, на северном и южном мысах, также возле города при самой воде, построены были для защиты входа довольно сильные каменные батареи. В таком состоянии был Севастопольский порт в 1797 году; тогда же возвращено ему первоначальное название[60].

Томас Уайткомб. Битва при Кампердауне. *1798 г.*

Херсонский порт, расположенный на правом берегу Днепра, вблизи болот, покрытых густыми камышами, между которыми протекают многочисленные рукава этой реки, имел самую нездоровую местность; воздух в нем был смертоносен и беспрестанные болезни истребляли его население. Кроме чумной заразы, свирепствовавшей в 1783 году, в особенности памятен 1790 год, когда прилипчивые гнилые нервные горячки поражали тысячи жертв[61].

Это самое заставляло князя Потемкина предпочесть Николаев и перенести туда все кораблестроение; однако оно оставлено было в Херсоне, и Карцов нашел в нем: три корабельных стапеля, на которых строились тогда два 74-пушечных корабля; канатный завод, деревянный, длиной 250 сажен, работавший хороший такелаж; разные портовые магазины и мастерские, и казармы для нижних чинов, впрочем, довольно ветхие. Пушечный литейный завод, с двумя плавильными печами и машиной для сверления, построенный внутри города, стоял давно без действия.

На Кинчасской верфи были три стапеля, на которых строились три больших транспорта и габары, несколько канонерских судов, построенных в 1796 году Киевским наместничеством в деревне Кашаровке, на Припяти, хранились при порте. Служители жили в деревянных казармах и частью в землянках.

В Николаеве было местопребывание Главного командира Черноморского флота и правление. Два корабельных стапеля оставались праздными; в адмиралтействе не производились никакие особенные работы; оно, со всеми магазинами, расположено было против стапелей, построено из местной плиты, и все здания его покрыты дранью. В городе имелось до 75 казенных домов, в которых помещались члены правления, экспедиции и флотские офицеры, нижние чины занимали одноэтажные каменные казармы. В Николаевском мореплавательном училище находилось 160 детей, большей частью офицерских, также из греков и малороссиян; в нем преподавались: математика, навигация, греческий и французский языки, и были «прочие нужные классы, но без дальних успехов». Воспитанники имели мундир, «сообразно кадетам Морского кадетского корпуса». На содержание училища определялось 42 509 руб. в год, из экстраординарной суммы.

Контр-адмирал Пустошкин, приняв начальство над Одесским портом, имел высочайшее повеление докончить постройки портовых строений, состоявших из казарм, госпиталя, магазинов, мастерских, и обнесения гавани малой для покойного и безопасного помещения судов. Все эти работы деятельно тогда

продолжались; при порте находилось до 30 канонирских лодок и 10 других боевых судов.

В Керчи имелось небольшое адмиралтейство, при котором состояло всех чинов 168, помещенных в казармах, и пять канонерских судов. В Новопавловске судостроение прекратилось с 1779 года, а в Новохоперске – с 1789-го, и все материалы перевезены были в Таганрог. В обоих местах этих имелись небольшие команды, из 20 человек, для присмотра за разрушившимися казенными строениями, деревянными и ветхими, состоявшими из трех эллингов, магазинов, чертежной, кузницы, угольных сараев, смольни и лазарета.

На верфях у Рогожских хуторов и Гнилой Топи большие суда строились только до 1785 года, а в Таганроге – до 1791-го, потому что мелководья устьев Дона представляли значительные затруднения при проводке на камелях; но в местах этих был главный склад железных вещей, якорей и разных сортов железа, доставляемых для флота с Камского завода, которые отсюда отправлялись в другие черноморские порты по мере надобности.

Кроме того, в магазинах таганрогских хранилось много парусины и полотен; но все адмиралтейские строения, офицерские и служительские казармы и пр. приходили также в упадок, ветшая без починки; всех разного звания флотских чинов при этом порте состояло до 1350. На Екатеринославском литейном заводе, строившемся тогда под распоряжением статского советника Гаскойна на р. Луганке, предполагалось отливать новые орудия для флота и доставлять их через Таганрог.

В продолжение пребывания своего начальником Севастопольского порта Ушаков почти ежегодно выходил в море с эскадрой для практического ее обучения. В 1796 году он делал испытания над двумя новыми 74-пушечными кораблями «Захарий и Елисавета» и «Св. Петр», построенными обер-саарваером Катасановым в Херсоне и имевшими сплошной верхний дек, т. е. «у которых шканцы с баком соединены палубой».

Такое устройство было тогда нововведением в русском кораблестроении, но Ушаков находил его неудобным, потому что во время боя дым из палубы имел не столь просторный выход, гребные суда размещались невыгодно и запасный рангоут, от помещения наверху, стеснял шкафуты, не позволяя людям свободно работать; кроме того, оба корабля эти оказались «надмеру валки». Замечания свои, подкрепленные мнениями многих корабельных капитанов, он представил на усмотрение Адмиралтейств-коллегии, и, вследствие этого, 17 мая 1797 года последовало высочайшее повеление: изготовить в Черном море эскадру из пяти кораблей и двух фрегатов под начальством вице-

адмирала Ушакова, которому предписать в течение кампании того года «учинить на самой практике о тех двух кораблях замечания, и в чем найдет их преимущественными или недостаточными, неукоснительно рапортовать».

Ушаков плавал между Севастополем и Одессой с 1 июня по 3 августа, делая разные испытания кораблям под парусами, заставившие его остаться при прежнем своем мнении относительно чрезвычайной валкости «Св. Петра» и «Захария и Елисаветы». Озабоченная этим Адмиралтейств-коллегия предписала Главному командиру адмиралу Мордвинову сделать вторичные опыты в своем присутствии и вместе с тем потребовала от Черноморского правления объяснения, «почему при рассмотрении чертежа, по коему те корабли построены, не предусмотрено было столь важных недостатков, и не только тогда сделано упущение, но и после по тому же чертежу продолжаема была постройка такого же ранга кораблей, а особенно, когда уже по возвращении первых из кампании и дефекты о валкости их представлены были?»

Дело это сильно затрагивало Мордвинова и Черноморское правление, и потому не было недостатка в объяснениях и опровержениях. Два 74-пушечных корабля, строившиеся тогда в Херсоне по тому же чертежу, были «Симеон и Анна» и «Св. Михаил»; и хотя польза постройки со сплошной верхней палубой не могла быть оспариваема, но, быть может, применение этого устройства именно на тех кораблях заслуживало некоторого порицания, и потому замечания, сделанные Ушаковым в этом случае, нельзя еще отнести к предубеждению против нововведения или пристрастию к старине.

В мае следующего (1798) года Мордвинов делал испытания над устойчивостью «Захария и Елисаветы» и «Св. Петра» на Севастопольском рейде, на якоре, в тихую погоду, посредством выдвигания орудий с одной стороны, размещения команды и пр., и нашел их весьма удовлетворительными, в чем согласились с ним все присутствовавшие флагманы и капитаны; но Ушаков возражал, что корабли не были в прежней погрузке своей и что испытания надлежало сделать подобно тем, какие производил он, т. е. под парусами, при свежем брамсельном ветре с гротом и фоком и пр. Мнение его не было, однако, принято, и высочайше повелено дело это прекратить.

Недовольства его с Мордвиновым, начавшиеся гораздо прежде, еще более увеличились по поводу пробы этих двух кораблей; и в каюте корабля «Св. Павел», в присутствии всех командиров судов, Мордвинов сделал ему несколько замечаний в самых резких выражениях, едва ли приличных в таком звании и

столь заслуженному лицу. Строгое соблюдение чинопочитания удерживало Ушакова от возражений; но вслед за тем он написал Мордвинову, как много должны через это страдать служба, дисциплина и доверие подчиненных к начальнику, и что он болен и чувствительно огорчен «от жестокостей, беспредельно оскорбительных, вчерашний день при жалобе моей на господина флота капитана Сенявина вами мне, без всякой вины моей, и при всех со стороны моей учтивостях, последовавших».

Тогда же (8 мая 1798 года) он решился прибегнуть к правосудию государя и в письме изложил все подробности обстоятельств: «Ревность и усердие о сохранении интереса Вашего Императорского Величества, – писал он, – с некоторого времени подвергли меня гневу и негодованию моего начальника (Мордвинова)… Смерть предпочитаю я легчайшею несоответственному поведению и бесчестному служению; подчиненные усомнятся во мне в доверенности и надежде; военная дисциплина и субординация придут в упадок; кто защитит меня, не имущего покровительства, при малой и недостаточной еще моей заслуге… Всеподданнейше испрашиваю Высочайшего позволения, после окончания кампании, быть мне на малое время в Санкт-Петербурге, пасть к стопам Вашим и объяснить лично вернейшим и обстоятельнейшим донесением о состоянии тех двух кораблей».

В то время на Севастопольском рейде стояла эскадра, под флагом Ушакова, готовившаяся для военного крейсерства на Черном море, которому могло угрожать появление турецкого и даже французского флотов, и лучшим ответом императора храброму адмиралу было доверие к его личным достоинствам и избрание начальником в последующих военных предприятиях.

Впрочем, Адмиралтейств-коллегия получила высочайший указ войти в подробное рассмотрение этой жалобы; но тогда Ушаков, занятый спешным отправлением эскадры в Константинополь, отвечал Коллегии, что «объяснений с надлежащими подробностями сделать не имеет времени», и недоброжелательные поступки адмирала Мордвинова, без всякого с его стороны повода, он относит к тому, что «во время предшествовавшей войны, перед двумя старшими передо мной определен был начальствующим по флоту и по Черноморскому правлению, хотя я в оном назначении никакими происками не участвовал».

Глава XI. Военные приготовления Черноморского флота со времени Ясского мира

В исходе XVIII столетия громадные события совершались на западе Европы, и адмиралу Ушакову суждено было принять участие в войне, поднятой Россией на защиту государей и народов. Еще с 1789 года Франция начала потрясаться в вековых монархических основаниях своих, и в 1792 году предстала изумленному миру со всеми ужасами безначалий, грабежей и убийств, порожденных революцией.

Престол Людовика XVI был низвергнут, и в начале 1793 года король закончил жизнь свою на эшафоте; власть перешла в руки предводителей народного мятежа, Франция объявлена была Республикой и, увлеченная этим переворотом, не знала ни меры своим желаниям, ни предела своим замыслам. Христианская вера и все священные узы человечества были ею отвергнуты, она питала вражду ко всякому законному правительству и стремилась склонить другие народы к таким же переворотам и принятию чудовищных ее теорий; но, провозглашая равенство и свободу, совершала неслыханные злодейства и насилия, искала завоеваний и угрожала войной всем державам Европы.

Началась ожесточенная война. Первыми подняли оружие государства соседние, и чем решительнее предпринимали они меры к вынесению войны в самые пределы Франции для прекращения зла и восстановления монархии, тем необузданнее разгорались республиканские страсти.

В первое время воинственная Республика ограничилась некоторыми успехами над австрийскими войсками и завладением Голландией, обращенной ею в 1794 году в Батавскую республику, причем штатгальтер, принц Оранский, вынужден был удалиться в Англию; но средства Франции были обильны, ополчения многочисленны и недолго могла удерживаться она от дальнейших покушений. Перемирие с Австрией нарушено было через несколько месяцев, невзирая на желание последней к сохранению мира, и в 1796 году войска, предводимые генералом Бонапартом, понеслись за Адду и Минчио.

Ряд побед, одна другой блистательнее, наносили тяжкие поражения Австрии, угрожали самой Вене, заставили Венский двор согласиться на невыгодный для него Кампо-Формийский мир (6 октября 1797 года), и заставили государей Апеннинского полуострова, напуганных успехами счастливого завоевателя,

искать дружбы с Францией, за которой остались большая часть Пьемонта и вся Ломбардия по р. Адидже, обращенная в Цизальпинскую республику.

Пятилетние усилия союзных государств, направленные к обузданию Франции, окончились примирением почти всех их с Республикой: Австрии, Пруссии, владений Северной и Южной Германии, Тосканы, итальянских государств и Испании. Одно только английское правительство оставалось при твердом намерении сопротивляться грозному соседу.

Жак-Луи Давид. Портрет
генерала Наполеона Бонапарта.
1797 г.

Россия не могла оставаться спокойной зрительницею всех этих событий, которые могли также угрожать ее собственной безопасности; и она, в самом начале революции, приняла участие

в общем движении европейских государств против Франции. Готовились армии и флоты; вспомогательные войска обещаны были союзным дворам: английскому, австрийскому и прусскому, и приняты решительные меры к укрощению Польши, которую начали уже волновать революционные идеи.

В 1795 году, по договору с Англией, императрица Екатерина послала из балтийских портов эскадру, шесть кораблей и шесть фрегатов, в Немецкое море, чтобы вместе с британскими морскими силами не допустить французский флот соединиться с голландским; другая эскадра готовилась для такого же соединенного действия с английской на Северном море. Равномерно в постоянной готовности к военным действиям находился и Черноморский флот, со времени Ясского мира, не успокоившего обеих враждовавших сторон.

Еще в самый год заключения этого мира Екатерина секретно извещала вице-адмирала Мордвинова (от 23 ноября 1792 года), что «из Константинополя получены известия о делаемых турками военных приготовлениях и вооружении большого флота под предлогом усмирения египетского паши и восстаний по другим берегам оттоманских владений; но в самом деле будто бы для злодейственного намерения нечаянно напасть на порты наши черноморские и, воспользовавшись неготовностью, истребить флот наш».

Государыня предписывала Мордвинову принять благовременную надлежащую осторожность; приготовить весь корабельный флот к выходу в море, истребовав немедленно деньги на все, для того нужное, как то: такелаж, паруса, провизию и пр.; привести в лучшее состояние севастопольские батареи, защищающие вход, и, вооруживши прамы и другие старые суда, поставить их поперек, для обстреливания и заграждения входа.

«Впрочем, – писала императрица, – вверив начальство наше над войсками нашими, в Екатеринославской губернии и в Таврической области расположенными, и над производимыми там крепостными строениями, нашему генералу графу Суворову, Рымникскому, повелели мы ему объехать весь тот край и учинить надлежащие замечания для представления нам. Он не оставит снестись с вами, дабы связать таковые меры с теми, которые должны быть приняты от стороны Адмиралтейского правления». Ушаков получил повеления в таком же смысле о принятии мер осторожности и приготовлении флота.

Вскоре после того (7 января 1793 года) государыня уведомила Мордвинова, что поверенный в делах в Генуе, статский советник Лизакевич, извещает об изготовлении сильного французского флота, имеющего неприязненные против России

намерения, о повелении республиканского правления нападать на суда под русским флагом и о стремлении его поколебать и вооружить против нас Турцию.

От 16 января того же года императрица писала: «Угрожение войной со стороны вероломной Порты Оттоманской явилось со дня заключения мира; тогда же размножены арсеналы для поспешнейшего по разным местам строения кораблей и принято твердое намерение увеличить морские силы и довести до 30 линейных кораблей. Теперь, по последним известиям, делают они наивеличайшие усилия поставить нам твердые препоны и сильно вооружаются, для поражения нападательной войной, и в намерении и сухим путем, и морем напасть на пределы областей наших. К тому же явное пристрастие их и тайные связи с извергами, бунтующими против общего покоя, французами, и не только желают они, но и действительно разорвут мир, быв понуждаемы к тому французами».

Повелено было, если последует разрыв, флоту непременно в мае выйти в море, под начальством Ушакова, чтобы тем предупредить турок, иметь возможность заградить им путь между Бургасом и Константинопольским проливом, и по частям разбить эскадры их, идущие на общее соединение в Царьград. «От быстроты выхода флота, – присовокупляла государыня, – зависеть будет большая часть успеха. Когда сухопутные войска касательно обращаются в движениях своих и превозмогают трудности и многие испытания, флот поспешной стезею достигнуть и Чесменским пламенем цареградские стены объять может.

Скорые и неожидаемые неприятелем подвиги, и быстрые и отважные над ним поиски при самом открытии военных действий поразят его новым страхом, который умножать в турках есть для нас толикой важности. Турки сколь дерзки и опрометчивы, столь, напротив того, и робки, и потому от побед, вначале одержанных, зависят почти все последующие. Пораженный же неприятель, а особенно при начале военных действий, когда новобранные и еще неопытные мореплаватели не обвыкли к огню и к трудам воинским, есть уже полупобежденный».

В распоряжение Мордвинова было тогда отпущено два миллиона рублей на приготовление парусного и гребного флотов; снаряжение последнего поручалось вице-адмиралу де Рибасу. В заключение высочайшего повеления было сказано: «Возложив защиту и оборону берегов Екатеринославского наместничества от устья Днестра до Днепровского лимана, и от него до Тавриды и по всем берегам полуострова сего до Еникальского пролива на флот Черноморский и на войска наши, поручили мы генералу графу Суворову-Рымникскому по сему снестись с вице-адмиралом

де Рибасом и с вами».

Де Рибасу повелено было при первом известии о разрыве вступить в устья Дуная и овладеть берегами этой реки. Под его начальство назначались два гренадерских батальона, и для усиления гребной флотилии присоединены к ней 25 лодок черноморских казаков и крейсерские суда, оставшиеся от бывшей флотилии на Средиземном море, пришедшие тогда из Архипелага. Матросов повелено привлекать из греков.

Следующий за тем год проведен был в таких же приготовлениях и предосторожностях. Императрица писала Мордвинову (от 24 апреля 1794 года): «Известный бунтовщик Косцюшко, взволновавший Польшу, в отношениях своих к извергам, управляющим Францией, являет злейшее намерение повсюду рассеивать бунт во зло России. Он настоятельнейше убеждает Порту, чтобы она объявила войну России, или, по крайней мере, позволила бы ему ускорить объявлением теми происшествиями, которые, удостоверен он, что возродит в Крыму и в прилежащих областях.

Он уверен, если подкрепляем будет, что перережут всех россиян в Крыму и что он имеет даже довольные согласия племен истребить флоты их на Черном море». Известие это, присовокупила государыня, получено было «из верных рук», и потому предписывала Мордвинову вместе с гражданским ведомством разведать, действительно ли между татарами кроется это намерение, и наблюдать за всеми приезжающими в порты.

«Для предосторожности, по наступлении обыкновенного времени, не оставаясь долго в портах, можете по усмотрению вашему вывести флоты, вам вверенные, на рейд, отправляя при том для надлежащих примечаний потребное число судов в море». Вскоре от министра нашего при Порте Оттоманской, камер-юнкера В. П. Кочубея, получено было уведомление, что несколько французских судов под турецкими флагами, но с французскими и греческими командами, намереваются идти в Черное море и проникнуть в Севастополь; что некоторые из тех судов назначены французами для истребления флота нашего и потому обращены ими в брандеры такого устройства, что горючие вещества могут быть установлены на места или сняты в четыре часа.

Хотя государыня не придавала большой вероятности этому последнему известию, однако повелевала усугубить осторожности, наблюдаемые в портах черноморских, выслать крейсеров и все подобные суда брать в приз, на основании правил, принятых Россией и другими державами в 1780 году для дружеского и нейтрального мореплавания. Действительно, Турция деятельно занята была построением кораблей и фрегатов

в многих местах: на островах Архипелага, в Синопе, Пендараклии, Батуме и пр., и гребной флотилии на Дунае, так что вскоре пополнила потери, нанесенные ей победами адмирала Ушакова; но, вместо ожидаемого нарушения мира и приведения в исполнение враждебных замыслов своих против России, она вынуждена была наконец обратиться за помощью к недавней сопернице своей, чтобы противопоставить преграду владычеству Франции.

Желая прекратить войны, беспрестанно занимавшие Россию в течение последних сорока лет, император Павел в начале воцарения своего отклонил всякое военное вмешательство в дела Европы, в ожидании достигнуть водворения общего мира и спокойствия посредством дипломатических соглашений. Приготовления к войне, о которой помышляла Екатерина, были остановлены; небольшая русская эскадра вице-адмирала Макарова, из трех кораблей и трех фрегатов, отозвана от берегов Англии и изъявлено даже намерение сблизиться с Французской республикой.

Но когда правительство ее, ободренное успехами войны в Испании, делалось более и более неумеренным в своих требованиях и домогательства его начали угрожать целости Германии, когда оно, оказывая покровительство польским выходцам, замышляло о восстановлении этого королевства – в силе оружия оставалась единственная возможность ограничить стремление Франции к новым приобретениям и распространению пагубных ее учений, клонившихся к разрушению общественного порядка, ниспровержению законной власти и самой веры христианской.

Император Павел предложил тогда помощь свою Англии, Австрии и Пруссии: «Оставшиеся еще вне заразы государства, ничем столь сильнее не могут обуздать буйство сея нации, – писал он министрам своим при Венском и Берлинском дворах, – как доказательством тесной между ними связи и готовностью один другого охранять честь, целость и независимость».

В 1797 году государь дал убежище в Митаве Людовику XVIII и принял в службу пятитысячный корпус принца Конде, находившийся до того в Австрии и состоявший из эмигрантов лучшего дворянства французского. Этим сделан был открытый вызов Республике; и, опираясь на помощь России, Австрия могла смело приступить к нарушению тягостных для нее условий Кампо-Формийского мира, о чем помышляла она еще при самом заключении его.

Франсуа Жерар.
Портрет В. П. Кочубея. *1809 г.*

В начале 1798 года французские войска заняли Пьемонт до самой цитадели туринской, Швейцарию и Папскую область, увезши самого Папу во Францию. Оба владения эти обращены ими были в республики: Гельветическую и Римскую. Кроме того, Директория тайно изготовляла в Тулоне сильную морскую экспедицию, цели которой никто проникнуть не мог, и новые ее полчища готовились для новых завоеваний на суше и море.

Снаряжение тулонского флота очень тревожило Англию, и потому, вследствие союза, заключенного с ней императором Павлом, русская эскадра, под начальством вице-адмирала

Макарова, 30 мая вышла из Ревеля к берегам Великобритании; вскоре к ней присоединились две другие эскадры под флагом вице-адмирала Тета и контр-адмирала Карцова, составившие флот из 15 кораблей и четырех фрегатов, который занят был блокадой голландских берегов, у Тексела и Зюйдерзее, вместе с английским флотом адмирала лорда Дункана и вице-адмирала Уинслоу.

Для охранения же Балтийского моря и недопущения никаких чужеземных судов, согласно договоров о вооруженном нейтралитете, выслан был флот адмирала Круза из 16 кораблей и четырех фрегатов, и у берегов финляндских расположилась гребная флотилия, три фрегата и 46 канонерских судов, под начальством вице-адмирала маркиза де Траверзе.

Приготовления на юге России были не менее деятельны и соразмерялись с осторожностью, какую внушали обстоятельства. Турция, в течение нескольких предшествовавших лет подававшая сомнения за прочность мира с ней, не выказывала, впрочем, прямого повода к опасениям этим, и даже, когда в 1796 году транспортный фрегат наш «Царь Константин», под начальством капитан-лейтенанта Лелли, вынужден был укрыться от зимних бурь в Буюк-Дере, правительство турецкое приняло его с таким вниманием, какое можно только оказать флагу самой дружественной нации; все исправления и снабжения судна сделаны были немедленно и безвозмездно, все надобности предупреждены, и капудан-паша старался выражать самое искреннее расположение; командир, офицеры и нижние чины получили от него богатые подарки, ценность которых простиралась до 4000 левков[62].

Однако Порта постоянно пребывала в близких отношениях с Францией и даже некоторые из сильных вассалов ее, каков Али-паша Янинский, считались преданными орудиями Республики. В продолжение последних лет и почти до половины 1798 года французские офицеры находились в турецком флоте и армии, обучая войско пушечной и ружейной экзерциции; французские корабельные инженеры занимались постройкой кораблей на турецких верфях, и множество других подобных лиц и работников наблюдали за устройством доков в Константинопольском адмиралтействе, литьем пушек и деланием ружей на ружейных заводах.

Такие сближения не могли не подчинять Турцию внушениям Французской республики, влияние которой должно было еще более увеличиться с того времени, когда флаг ее начал развеваться на Ионических островах и крепостях противоположного албанского берега, покоренных в начале 1797

года. Поэтому теперь, как и прежде, возможно было ожидать, что, уступая происка французской дипломатии, Порта решится неожиданно выслать флот свой – тогда уже многочисленный, хотя по-прежнему беспорядочный – к крымским берегам для высадки войск и взволнования татар, не свыкшихся еще с зависимостью от России.

Такое предприятие, казалось, не требовало ни много времени, ни представляло особых затруднений; но, как мы видели, русское правительство, зная изменчивость политики Дивана, постоянно готово было к встрече всяких случайностей и приняло все меры предосторожности против многочисленных турецких войск, собираемых на Дунае, и появления неприятеля на Черном море, хотя цель этих снаряжений, по уверению Порты, состояла в усмирении бунтовавшего виддинского паши Пассвана-оглу.

Еще в начале 1797 года Ушакову высочайше повелено, наравне с прочими пограничными начальниками[63], усилить строгое наблюдение за перепискою частных лиц, и за приезжающими из Константинополя в черноморские порты и отъезжающими, в особенности же за французскими подданными; собирать известия от путешественников и купеческих судов, приходящих в Ахтиар из турецких владений, и сообщать все такие сведения графу Каховскому, тогда генерал-аншефу и Таврическому и Новороссийскому генерал-губернатору. Практическая эскадра, плававшая под его флагом в течение того лета, хотя не имела прямого военного назначения, послужила, однако, для выказания силы на Черном море; в то же время два отдельных фрегата крейсировали у Керченского пролива и крымских берегов.

В октябре того года высочайшим рескриптом секретно предписано было Ушакову снова снарядить корабельную эскадру и быть в ожидании каких-либо неприязненных покушений со стороны Турции; а от 4 февраля 1798 года последовали высочайшие указы вице-адмиралам Мордвинову и Ушакову об изготовлении флота из двенадцати кораблей, под начальством последнего, и о приведении черноморских берегов и портов в оборонительное положение.

Спустя два месяца, когда разнеслись слухи, подтвержденные известиями от посланника нашего в Вене, что французский флот, готовящийся в Тулоне, имеет назначение идти в Архипелаг или везти войско на помощь Пассвану-оглу, чтобы потом сделать нападение на западные пределы России, начались передвижения сухопутных армий наших, для сосредоточения их вблизи мест, могущих подвергнуться вторжению неприятеля; и в то же время

Ушаков получил следующий высочайший рескрипт от 9 апреля 1798 года: «По дошедшим до нас сведениям, французы вводят эскадру в Белое (Эгейское) море, и как прямого их намерения еще неизвестно, того ради повелеваем вам с вооруженною ныне эскадрой выйти в море и крейсировать между Севастополем и Одессой, прикрывая берега сии со всевозможною предосторожностью и не допуская французскую эскадру войти в Черное море, буде бы оная на то покусилась. При том должны вы быть всегда в таком положении, чтобы от бурь могли иметь убежище в своих портах и не подвергнуть эскадру опасности, разве в таком случае, когда услышите, что французы вошли в Черное море, или узнаете каковое-либо на берега наши от них покушение».

От 23 апреля последовал второй рескрипт на имя Ушакова, в котором сказано: «Старайтесь наблюдать все движения как со стороны Порты, так и французов, буде бы они покусились войти в Черное море или наклонить Порту к какому-либо покушению. Обо всех таких движениях, ежели вы что узнаете от приходящих из Константинополя судов или откроете сами каковые движения, то извещайте с нарочными генерал-лейтенанта князя Дашкова, в Киеве или Вознесенске, где он будет находиться, также доносите и нам».

Инспектор же Украинской дивизии, князь Дашков, имел тогда повеление, в случае вступления французского флота в Черное море, собрать два кавалерийских и четыре пехотных полка и занять линию от Одессы до Очакова. В третьем высочайшем рескрипте Ушакову, от 13 мая, из Москвы, изображено: «Как скоро получите известие, что французская военная эскадра покусилась войти в Черное море, то, немедленно сыскав оную, дать решительное сражение, и мы надеемся на ваше мужество, храбрость и искусство, что честь нашего флага будет соблюдена, разве оная эскадра будет гораздо превосходнее нашей. В таком случае делать вам все то, чего требуют долг и обязанность, дабы всеми случаями мы могли воспользоваться к нанесению вреда неприятелям нашим. Пребываем к вам благосклонный, Павел».

Приготавливаясь оставить Севастополь при обстоятельствах столь сомнительных, Ушаков предлагал Мордвинову на время отсутствия эскадры усилить сухопутную защиту этого порта, и в особенности обеспечить целость провиантских магазинов, удаленных от города, и пороховых погребов в Инкермане, на случай высадки турецких войск и возмущения крымских татар, хотя, впрочем, последние не подавали тогда никакого повода к подозрению в измене.

Относительно же снаряжения эскадры, он представил

государю императору о необходимости увеличения числа нижних чинов, как флотских, так и солдатских команд, в особенности на 50-пушечных фрегатах, соответственно артиллерии, полученной судами по новым штатам и имевшей гораздо большие калибры и тяжесть. На это вскоре последовало высочайшее разрешение.

Сдав контр-адмиралу Вильсону начальство над Севастопольским портом[64] и оставшимися там судами, Ушаков 25 апреля вышел на рейд и 5 мая отправился с эскадрой своей в море, имея провизии на четыре месяца. Кроме того, два фрегата назначены были для крейсерства у Еникальского пролива и крымских берегов, и тогда же по высочайшему повелению «учреждены форпосты и знаки на всем протяжении берега, через которые от одного места к другому могли передаваться известия обо всех видимостях в море, дабы вскорости таковые сведения могли доходить до Ахтиара».

До августа эскадра крейсировала на указанном пространстве, обучалась эволюциям и действию орудиями, и заходила несколько раз в Севастополь для исправлений, налития водой и пр. Крепкие ветры дули довольно часто, и вообще плавание это сопровождалось разными неблагоприятными случайностями. 9 мая, во время густого тумана корабль «Св. Владимир» сошелся с фрегатом «Св. Александр», бушпритом своим сломил ему бизань-мачту и испортил бизань-руслень; сам же корабль потерял утлегарь и несколько повредил князвдигед.

Нечаянность эта не осталась, однако, без наказания: Адмиралтейская коллегия, по высочайшему повелению, сделала Ушакову выговор «за неимение во время тумана порядочных сигналов и предписанных Уставом осторожностей»[65]; капитанов корабля «Св. Владимир» Перского и фрегата «Св. Александр» Селиванова повелено было сменить, судить на флоте военным судом, и, доколе суд продолжаться будет, состоять им на тех же судах под вахтами у лейтенантов, исправляя должность подвахтенных офицеров; на место первого назначен был командиром капитан 2 ранга Башуцкий, а на место второго – капитан-лейтенант Константинов.

На кораблях «Св. Троица» и «Богоявление Господне» ослабли рули, и на первом из них значительно повредился шпиль; на корабле «Св. Владимир» и фрегате «Св. Александр» оказалась большая гнилость в грот-мачтах, на многих судах открылась течь в баргоутной обшивке; на корабле «Св. Петр» (капитан Сенявин) громовым ударом убило трех человек, оглушило и обожгло десять, раздробило фор-стеньгу и значительно повредило саму мачту; 16 июля, при сильном порыве ветра потонул в море кирлангич «Ахилл» со всеми на нем бывшими офицерами и

командой.

По известиям от купеческих судов, в Константинополе все было спокойно до июля; в начале же этого месяца Ушаков узнал о внезапных деятельных приготовлениях Порты к войне с Францией, по поводу известий о появлении многочисленного республиканского флота, шедшего на завоевание Египта. Слухи эти заставили адмирала увеличить осторожность; но вскоре все недоумения разрешились.

Постоянно стремясь наносить новые удары гордому могуществу всегдашней соперницы своей Англии, Французская республика обратила виды свои на Восток и Индию. Комиссары ее успели уже возбудить султана Типо к войне с Ост-Индской компанией; опытные французские офицеры управляли войсками султана, приучая их к дисциплине и европейской тактике; отряд регулярных французских войск и множество волонтеров поступили к нему в службу, и в марте 1798 года Типо со значительной армией и многочисленной артиллерией выступил против англичан.

Однако меры эти не вполне удовлетворяли Директорию, и она избрала Египет поприщем для предприятий более смелых и решительных. В Тулоне, Марселе, Чивита-Веккии, Генуе и Бастии делались огромные приготовления; но, невзирая на это, Директория умела скрыть настоящую цель экспедиции, деятельно поддерживала тесную дружбу с Оттоманской Портой и усыпляла осторожность Дивана. Ее подозревали в намерении устремиться к Португалии, Неаполю, Сицилии, Морее или проникнуть в Черное море, и все европейские дворы находились в одинаковом неведении.

Поэтому Нельсон, в июне 1798 года, получил приказание всюду отыскивать французский флот, даже следовать за ним в Черное море, если это будет нужно; но в числе мест предполагаемого вторжения французов, на которые английское Адмиралтейство обращало внимание главнокомандующего своего на Средиземном море, об одном Египте не было ничего упомянуто. Между тем флот под начальством адмирала Брюи, из 300 транспортных судов и 72 военных, в числе коих было 13 кораблей, 11 фрегатов, бомбардирских и пр., выступил из Тулона 19 мая, с сорокатысячной армией генерала Бонапарта, и через сорок дней благополучного, ничем непрепятствуемого плавания бросил якорь на Александрийском рейде 1 июля, покоривши на пути своем, 12 июня, остров Мальту, состоявший уже тогда под покровительством императора Павла.

Инкерманский монастырь.
Открытка XIX в.

Получив известие о намерении французов сделать нападение на английские владения в Индии через турецкие земли, Порта в самом начале приняла меры предосторожности, предписав привести в оборонительное состояние острова Кандия, Кипр и Дарданеллы, приступить к вооружению флота, набрать 20 тысяч войска в Египте и находиться в готовности всем начальникам в Сирии и Малой Азии; но распоряжения эти делались медленно, приводились в исполнение еще медленнее.

Казалось, в Константинополе все еще преобладало доверие к действиям Франции и сношения с посланником ее не изменялись; поэтому, когда правительство русское, в ожидании появления неприятельского флота в Архипелаге или на Черном море, предполагало выслать в крейсерство эскадру Ушакова и в апреле через посланника своего известило о том Порту, предлагая ей, в случае надобности, содействие этой эскадрой, Порта, не предвидя еще тогда для себя прямой опасности, ограничилась в ответе своем одними изъявлениями признательности и благодарности.

Вскоре, однако, настоящая цель французского флота была узнана; Турция встревожилась известиями, которые доставили ей жители острова Кандия, о появлении многочисленных сил неприятеля, направившихся к Египту, и, будучи застигнута этим нашествием, прежде чем успела привести к окончанию военные приготовления свои, обратилась в половине июля за помощью к

России, решившись вскоре за тем объявить войну Франции.

Готовность государя к участию в этой войне имела тогда новый повод, по случаю завладения французами островом Мальтой и особенной вражды, выказанной при этом генералом Бонапартом, который запретил, под смертной казнью, жителям Мальты, Гозо, Итаки, Корфу и островов Эгейского моря иметь какие-либо сношения с Россией и судам их носить русский флаг.

Итак, невзирая на существовавшее еще сомнение в искренности Турции, она немедленно получила просимую помощь, и даже прежде, нежели предварительные условия о том были с ней заключены, русской эскадре дано было приказание об оказании содействия.

Поэтому Ушаков получил 4 августа следующий высочайший рескрипт (от 25 июля): «Господин вице-адмирал Ушаков! По получении сего имеете вы, со вверенною вам эскадрой, отправиться немедленно в крейсерство к Константинопольскому проливу, куда прибыв, пошлите предварительно одно из легких судов к министру нашему в Константинополь, господину тайному советнику Томаре, известив его, что вы имеете повеление от нас, буде Порта потребует помощи, где бы то ни было, всею вашею эскадрой содействовать с ними; и буде от министра нашего получите уведомление о требовании от Блистательной Порты вашей помощи, то имеете тотчас следовать и содействовать с турецким флотом против французов, хотя бы то и далее Константинополя случилось».

Повеление это получено было в море. Ушаков зашел на десять дней в Севастополь, чтобы исправить некоторые суда эскадры, взять благонадежные вместо старых (вместо корабля «Св. Владимир» и фрегата «Св. Александр Невский»), дополнить их людьми и запастись провизией на четыре месяца, по 1 декабря. Он получил единовременно три тысячи рублей и по 300 рублей столовых в месяц, со дня отбытия из своих портов до возвращения; командирам судов и всем прочим штаб– и обер-офицерам выдано было третное жалованье.

Итак, 1798 год снова привел адмирала Ушакова на широкий путь военной деятельности, которую ознаменовал он такими же достохвальными подвигами, доставившими много блистательных страниц истории Черноморского флота, какими отличалась служба его в Турецкую войну.

Глава XII. Отплытие русской эскадры из Севастополя в Константинополь в 1798 году и пребывание ее там

13 августа 1798 года вице-адмирал Ушаков оставил Севастопольский рейд и направился к Константинополю, послав туда предварительно лейтенанта Тизенгаузена на авизо «Панагия Апотуменгана», под почтовым флагом, для предуведомления русского посланника господина Томары, согласно с высочайшим повелением и секретными наставлениями, полученными от графа Кушелева.

Флотских штаб– и обер-офицеров находилось 1364; гардемарин из Николаевского флотского училища – 35. В числе команд состояло 1700 солдат Черноморских батальонов, полковников Скипора, Бреммера и Боаселя[66]. Относительно снаряжения и качества самих судов Ушаков и на этот раз не был счастливее, чем в предшествовавшую Турецкую войну: они были большей частью старые и неспособные для зимнего плавания, до того слабые, что ни один крепкий ветер не проходил без повреждений; были дурные ходоки, не обшитые медью и требовавшие частых килеваний.

«Долгом поставляю к сведению вашему донести, – писал Ушаков графу Кушелеву, – что корабли и фрегаты в прошлую войну строились с великой поспешностью – только чтобы поспевали на военное дело, и от такого поспешного построения не так крепки, а часто и многие гнилости уже в членах показываются. Артиллерия на всей эскадре весьма тяжелая, посему всегда, когда хожу я на море, стараюсь, для сохранения судов, избегать крепких ветров и уходить в закрытие к берегам».

Перед отправлением эскадры в эту продолжительную кампанию она провела в крейсерстве около трех месяцев, часто подвергаясь бурным погодам; поэтому, снаряженная почти наскоро для заграничного плавания, имела во многом недостаток.

В состав ее назначены еще были два новых 74-пушечных корабля, не совсем тогда готовые, под начальством контр-адмирала Пустошкина, имевшего повеление поспешить соединением своим с главнокомандующим; и сверх того, особая резервная эскадра из четырех фрегатов, под начальством контр-адмирала Овцына, должна была крейсировать у крымских берегов и находиться в готовности выйти из Черного моря для подкрепления Ушакова, если надобность потребует.

На третий день после выхода в море задул крепкий, рифмарсельный ветер от SSW, с большим волнением, и на всех почти судах открылась сильная течь; на корабле «Св. Троице» и на фрегате «Св. Николае» повредились рули. Когда стихло, адмирал приказал всей эскадре стать на якорь у Тарханкутского маяка, для осмотра повреждений[67], которые на корабле «Св. Троице» (под флагом контр-адмирала Овцына, пересевшего при этом на другой корабль) и авизе «Св. Ирина» требовали исправлений в порту, посему суда эти были отправлены в Севастополь 18-го числа; остальные же пошли к Константинопольскому проливу в трех колоннах.

Два дня эскадра держалась у входа в ожидании уведомления от посланника, и 25-го, обменявшись салютами с крепостями, стала на якорь в Буюк-Дере, в линии и вдоль берега, при многочисленном стечении народа, покрывавшего европейский и азиатский берега.

Порта с большим нетерпением ожидала этой помощи и, узнав о скором прибытии эскадры, немедленно (22 августа) объявила войну Франции, заключив посланника ее Рюфена в Семибашенный замок; раздраженная чернь столицы сожгла тогда его дом[68] и схватила всех французов. Известия об успехах французской армии в Египте, полученные незадолго до того времени, еще более послужили к радостной и почетной встрече адмирала Ушакова.

Победитель турок, за шесть лет перед тем наводивший ужас на самый Царьград, теперь, по воле монарха своего, подавал руку помощи давнишним и упорным врагам России. В самый день его прибытия драгоман верховного визиря поднес ему, по восточному обычаю, плоды и цветы, в знак самого дружеского приветствия, и к вечеру того же дня султан, переодетый в боснийское платье, чтобы не быть узнанным, ездил в каике вокруг эскадры, желая собственными глазами удостовериться в числе и могуществе полученной им морской защиты, которая служила также залогом нового союза его с русским императором.

На другой день, 26 августа, первый драгоман Порты, князь Ипсиланти, при встрече с адмиралом в доме русского посольства вручил ему от имени султана золотую табакерку, богато украшенную бриллиантами, за скорый приход с флотом, и две тысячи турецких червонцев (6 тысяч рублей) для раздачи нижним чинам.

Тогда же предъявлена ему была декларация, подписанная за несколько дней перед тем в Буюк-Дере, по предложению русского посланника – покуда окончательный договор между обеими державами не будет постановлен. Условия эти состояли в том,

что эскадре Ушакова предоставлялось беспрепятственное возвращение в свои порты по первому требованию двора своего, в случае, если бы договор между Россией и Портой не состоялся; также всем русским эскадрам, военным судам и транспортам дозволялось свободное плавание из Черного моря в Средиземное и обратно, во все время военных действий против французов.

Положено было немедленно выдавать беглых с русской эскадры, и равным образом всех турецких подданных, укрывшихся на русских судах. Начальники турецких портов, арсеналов и прочих военных и гражданских ведомств получили приказание принимать все распоряжения русского адмирала относительно избранных им предосторожностей от чумы и других заразительных болезней и оказывать судам его всякую помощь и уважение.

Вместе с тем турецкое правительство предписало тогда всем пашам, в том числе Али Янинскому и Мустафе Скутарскому, исполнять без отлагательства все требования русского начальника, содействовать ему сухопутными войсками и в Морее заготовлять провиант для его флота. Шесть пунктов этой декларации, утвержденной потом государем, помещены были также в союзный договор, вскоре после того окончательно заключенный (23 декабря 1798 года) на восемь лет, и по которому Турция обязалась, на время настоящей войны, не пропускать в Черное море судов никаких наций без исключения, кроме русских, и довольствовать русскую эскадру на свой счет; Россия же обещала помогать ей флотом и 80 тысячами сухопутного войска, на иждивении Турции, для действий против Франции или подавления возмущений в собственных владениях султана.

Хотя адмирал Ушаков имел уже повеление действовать согласно указаний господина Томары, но через три дня по прибытии в Константинополь получил высочайший рескрипт, от 7 августа, в котором было сказано: «Буде нужда потребует, можете действовать соединенно с турецким флотом как у дарданелльских крепостей, в Мраморном море, так и в самом Архипелаге.

Равномерно, имея мы союз и с Великобританией и одну цель с ней: благосостояние соседних держав, дозволяем вам, когда обстоятельства потребуют, действовать соединенно с английской эскадрой, находящейся в Средиземном море и делающей поиски над хищным французским флотом… Пределы, до которых плавание ваше быть должно в Средиземном море, имеют распространиться не далее Египта, Кандии, Мореи и Венецианского залива, смотря по нужде и обстоятельствам.

Проходить же каналы не прежде, пока получите на

беспрепятственное возвращение назад в Черное море от стороны Порты через министра нашего удостоверение… Впрочем, надеемся мы на вашу благоусмотрительность, осторожность, храбрость и усердие к службе нашей».

На третий день по прибытии эскадры начались совещания об общем плане военных действий. Истребление французской эскадры адмирала Брюи при Абукире, 1 августа, представляло самую благоприятную возможность к нанесению дальнейших поражений Франции, и на первой конференции, происходившей 28 августа в Терапии, на которой присутствовали русский посланник, английский уполномоченный господин Спенсер Смит, адмирал Ушаков, турецкие министр иностранных дел Рейс-эфенди и генерал-интендант Терцана Эмине, принято предложение русского адмирала: приступить немедленно к освобождению Ионических островов и недопущению французов усиливать гарнизоны свои на албанском берегу присылкою войск из Анконы.

Предложение это принято было Портой тем с большей готовностью, что она с некоторое уже время с беспокойством смотрела на замыслы неприятеля в тех местах; поэтому положено было к русской эскадре присоединить такую же турецкую и вручить русскому адмиралу главное начальство над соединенным флотом, который разделить на три части, отправив одну часть к Родосу и для прикрытия Архипелага и Кандии, а две части употребить на завладение Ионическими островами.

Для возбуждения же островов этих к восстанию и содействию союзникам посланы были, по особому желанию Порты, пастырские увещания от константинопольского патриарха Григория, к духовенству и жителям, обещавшие предоставить им независимое народное правление; и так как Россия также желала видеть Ионические острова свободными, то учреждение на них нового правления возлагалось на адмирала Ушакова.

А. П. Боголюбов. Константинополь. *1860 г.*

Во второй конференции, в султанском увеселительном дворце Бебек, принято предложение русского главнокомандующего: не слишком обессиливать соединенный флот и потому послать к Родосу не третью часть, но только два русские и два турецкие фрегата и десять канонерских лодок в помощь английскому отряду капитана Худа, который блокировал тогда Александрийский порт и нуждался в больших гребных судах для истребления французских судов, укрывшихся в гавани после Нильского сражения.

Намерения союзного флота подробно изложены были в письме Ушакова к начальнику английской эскадры в тех водах лорду Нельсону, и предложена ему помощь, если он в ней нуждается, для воспрепятствования неприятельскому флоту, готовившемуся в Тулоне и Бресте, достигнуть Египта и перевезти войско генерала Бонапарта, лишенное тогда средств к возвращению во Францию. Кроме того, он препроводил к Нельсону тайные свои сигналы, для опознания встречающихся военных судов, и предлагал, для лучшего согласования действий, установить взаимную между ними переписку.

Все распоряжения Ушакова одобрены были государем, и в

рескрипте от 15 сентября сказано: «Распоряжениями вашими и соглашениями с турецкими чиновниками в рассуждении военного действия были довольны, за что изъявляем вам наше благоволение».

Морские вооружения Турции в то время состояли из готовых 7 кораблей, 9 фрегатов, 6 корветов, 40 канонирских лодок, 4 фелюг и кирлангичей, и 25 судов различной величины, снаряженных главнейшими сановниками Порты; из этого числа 15 лодок и кирлангичей находились в Дунае, у блокады Виддина, занятого бунтовавшим пашой Пассваном-оглу. Кроме того, изготавливались еще 11 кораблей, 15 фрегатов, 2 корвета, 2 бомбардирские судна и 20 канонирских лодок.

По особому желанию султана, русский адмирал осматривал турецкую эскадру, стоявшую на якоре близ летнего султанского дворца Бешикташ[69], арсенал, адмиралтейство и вообще все морские и сухопутные снаряжения; и если еще в прошлую войну Ушаков находил важные преимущества турецких судов перед нашими в постройке и вооружении артиллерией – видел, как они, избитые и беспорядочно управляемые, могли, однако, ускользать от его преследований и плена, будучи обязаны легкости своего хода и другим морским качествам, – то в продолжение последующих за тем семи лет, проведенных в постоянных преобразованиях бывшим противником его капудан-пашой Кучук-Гуссейном, кораблестроение в Турции еще более опередило верфи Херсона и Николаева.

Неутомимый Гуссейн, тот самый, которому суждено было, наравне с предшественником своим, Гассан-пашой, испытать непобедимость русского флага в Керченском проливе, у Тендры и мыса Калиакрия, вступив в управление морскими силами Порты, не переставал приглашать многих инженеров и кораблестроителей из Швеции и Франции, учредил правильную вырубку лесов на горах Тебриза, привел в порядок разработки медных руд Токата для обшивки судов медью и других потребностей флота, преобразовал математическую школу, приготовлявшую флотских офицеров и инженеров, и закончил устройство доков и бассейнов.

Об улучшениях этих Ушаков говорит в донесении государю императору от 6 сентября 1798 года: «Осматривал я во всех подробностях 120-пушечный корабль, построенный на манер французских кораблей, в совершенстве, только показался мне в рассуждении длины несколько узок; артиллерия приготовлена для него бесподобно большая и весьма хорошая. Я видел еще вновь строящийся док для одного большого корабля и нахожу, что дело сие производится в хорошем состоянии и две трети

бассейна чистой и прочной работой, черным крепким диким камнем отделаны, а также и место, где быть двоим воротам. Все корабли и фрегаты обшиты медью, и нынешнее состояние их нахожу хотя не совсем совершенно против европейских флотов, но против прежнего несравненно лучше, а частью и в настоящем порядке».

В то время самый важный недостаток Оттоманского флота заключался в беспорядочности и незнании судовых команд. Турки приняли названия и некоторые правила, употреблявшиеся во французском флоте; несколько кадр морских солдат и матросов обучались пальбе, правильной службе и дисциплине, но таких имелось весьма немного; вообще же, офицеры были малосведущи в своем деле, и турецкие матросы, или галонджи, поступавшие на корабли нередко за несколько дней до отправления в море, представляли собой самый пестрый сброд, буйную толпу, которую трудно было содержать в должном повиновении, как увидим впоследствии.

Турецкий паша и знатные турки

На некоторых кораблях в присутствии русского адмирала было произведено пушечное учение, и он, согласуясь с тамошними обычаями, роздал несколько наград офицерам и матросам за хорошее их действие орудиями. По его совету, артиллерийские снаряды, ядра и книппели на флоте заменены были лучшими[70].

Паша Ушак, как называли его турки, везде был встречен с отличными почестями; повсюду безмолвно расступались перед

ним толпы, отдавая дань невольного уважения славному адмиралу и победителю; ему салютовали по съезде с корабля капудан-паши, везде спрашивали его мнения и советов и не скрывали от него никаких недостатков.

Вообще, правительство турецкое оказывало Ушакову большую доверенность и внимание, и в донесениях своих государю он говорит: «Во всех местах оказаны мне отличная учтивость и благоприятство, также и доверенность неограниченная… По всему видимому, Блистательная Порта и весь народ Константинополя прибытием вспомогательной нашей эскадры бесподобно обрадованы; учтивость, ласковость и доброжелательность их во всех случаях совершенны… Весьма заметно великое желание и надежду Блистательной Порты на подкрепление российской эскадры еще несколькими судами. Также явно заметно, сколь великую надежду и ободрение имеют они на совершенное дружество и на сильную помощь, и с какой чувствительностью и восхищением оную приемлют».

Русская эскадра, удерживаемая крепкими противными ветрами, простояла в Буюк-Дере по 8 сентября, и турецкие начальники не переставали удивляться дисциплине, порядку и тишине на судах наших. Юсуф-ага, при большом собрании у верховного визиря, говорил, что на всех двенадцати русских кораблях менее шуму, чем на одном турецком каике.

«Вице-адмирал Ушаков запретил было матросам петь песни на кораблях, близ домов и на рейде стоящих, – доносил государю посланник наш, – сие всех изумило и ныне, к общему удовольствию публики, на всех кораблях не дозволено». В течение этого двухнедельного пребывания, в Константинопольском адмиралтействе сделаны были новые рули для корабля «Св. Павел» и фрегата «Св. Николай», разные починки на других судах, и они снабжены материалами и пр.; также приняты были шесть десантных пушек из турецкого арсенала, со всеми принадлежностями, и сделаны некоторые необходимые соглашения с Портой насчет продовольствия и совокупных действий.

Впоследствии же Ушакову высочайше было повелено: «Стараться избегать и не требовать лишнего от Порты, и не терять из виду, что, помогая ей, не должны мы становиться в крайнюю тягость». 31 августа присоединился корабль «Св. Троица», починившийся в Севастополе; 2 сентября посланники всех иностранных дружественных дворов посетили русского адмирала на корабле его.

Горацио Нельсон
(1758—1805)

Впервые пути Ф. Ф. Ушакова и Г. Нельсона пересеклись в 1897 г., во время войны на Средиземном море против французского флота. Так что русский адмирал, вопреки расхожему мнению, никак не может быть последователем Нельсона, поскольку к этому времени уже разработал свои новаторские приемы морского боя, а Нельсон все еще следовал старым образцам.

8-го числа вся эскадра вышла из Константинопольского пролива, построившись в линию при прохождении дворца Бешикташ, в котором султан имел свое местопребывание; матросы поставлены были по вантам, а солдаты по шкафутам, «отдавая честь ружьем, игрой на трубах, барабанным боем, шестикратным кричанием “ура!” и салютом с флагманского корабля “Св. Павел” из тридцати одной пушки». По предварительному соглашению с Портой о салютах и ответе равным числом выстрелов[71], адмирал, проходя мимо турецкой эскадры, салютовал также флагу капудан-паши семнадцатью выстрелами, крепости пятнадцатью и зимнему султанскому дворцу двадцатью одним.

9 сентября все суда наши стали на якорь у новых Дарданелльских замков, Чекан-Килеси, где соединились с турецкой эскадрой из трех двухлинейных кораблей, шести линейных фрегатов, трех корветов и 14 канонерских лодок, под начальством адмирала Кадыр-Абдул-бея, старого и опытного моряка, участвовавшего во многих походах и битвах. «Вице-адмирала турецкого описывают благонравным и уступчивым, – доносил государю господин Томара, – и ему от Порты внушено именем султана почитать нашего вице-адмирала яко учителя».

Кадыр-бей вполне оправдал это мнение, и назначение его как нельзя более соответствовало тогдашним обстоятельствам. В советники к турецкому адмиралу назначен был Диваном дипломатический поверенный в делах Махмут-эфенди, и имел местопребывание на его корабле.

11 сентября пришла из Константинополя другая часть турецкой эскадры, и тогда всего в сборе было турецких шесть кораблей, восемь фрегатов, восемь корветов и 14 лодок; но так как они не были еще вполне снабжены провизией и не имели полного числа людей, то замедление в дальнейшем следовании продолжалось до 20 сентября, и при всем том два корабля, два фрегата и четыре корвета вынуждены были, по этим причинам,

остаться у Дарданелл.

Экипажи турецких судов состояли, большей частью, из людей, никогда не бывших в море и набранных из отдаленных деревень за несколько дней до отплытия флота. Беспорядочные и пестрые толпы эти требовали больших усилий для обуздания их своевольства, и грозное для них имя адмирала Ушакова немало способствовало к восстановлению между ними некоторого порядка и повиновения.

Эскадра турецкая, отплывшая с Ушаковым, состояла из следующих судов:

Корабли:

Кадыр-Абдул-бея (главнокомандующего адмирала).

Патрон-бея (вице-адмирала).

Реал-бея (контр-адмирала).

Капитана Ибрагима.

Фрегаты:

Капитана Гуссейна.

Капитана Мегмет-бея.

Капитана Зейнера.

Капитана Херима.

Капитана Али-бея.

Капитана Сулеймана.

Корветы:

Капитана Мустафы.

Капитана Гуссейна.

Капитана Ахмета.

Капитана Мегмета.

Канонерских лодок 14.

Всего 28 судов, на коих было матросов и солдат до 6 тысяч.

Во время пребывания соединенного флота у Дарданелл, адмиралы условились между собой насчет подробностей дальнейших действий, сообщили один другому свои сигналы, и по просьбе Кадыр-бея назначены были к нему на корабль: один подштурман, два навигатора и лейтенант Метакса (знавший турецкий язык), для перевода приказаний, сигналов и объяснения разных движений флота. 14 сентября отправлены были два русских фрегата, с двумя турецкими и 10 канонерскими лодками, под начальством капитана 2 ранга Сорокина, к английскому отряду у Александрии, о чем адмирал письмом уведомил лорда Нельсона.

Нельзя не обратить взоров на зрелище, какое представляло собой появление в Средиземном море двух флагов – христианского и мусульманского, впервые соединенных обоюдными выгодами и шедших рука об руку для поражения

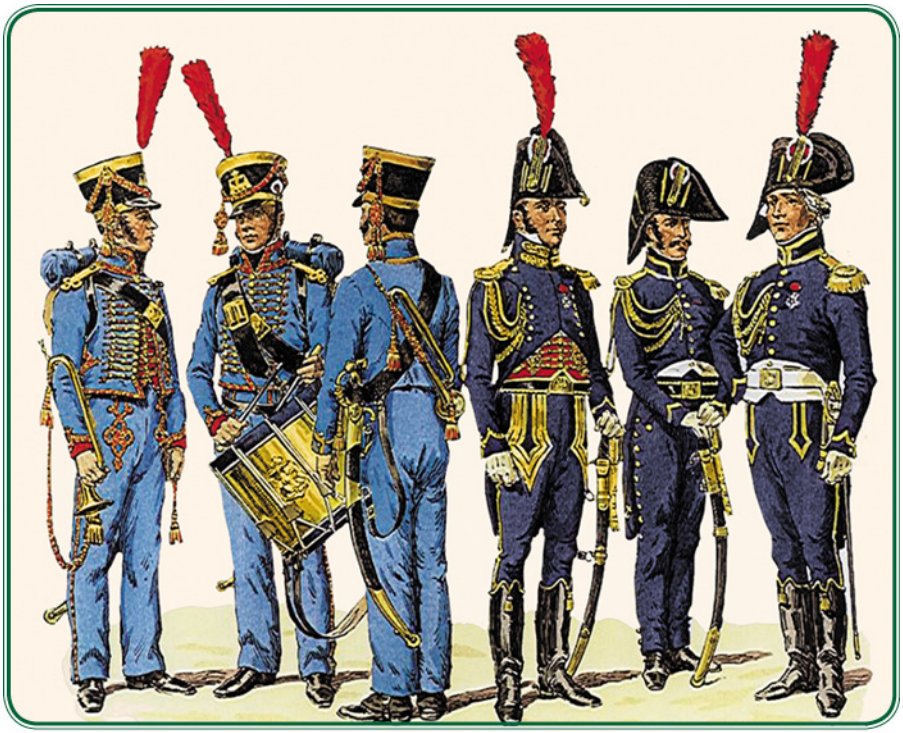
общего неприятеля. После четырехвекового отчуждения и ожесточенной вражды со всеми просвещенными странами, Турция вступала тогда в состав политической системы Европы, становилась существенной ее частью и даже возбудила к себе участие, когда владениям ее начала угрожать Французская республика.

Вследствие необыкновенных событий, перед лицом общей опасности забыты были все вековые распри, и неукротимые враги веры Христовой призваны были к союзу для защиты этой веры против премудростей республиканских, для защиты законной власти, униженной и поруганной в христианских государствах. Ушакову предстояло начать эту эпоху сближения европейских держав с варварами – быть первым руководителем их на поприще воинской чести, первым обуздателем их своеволия и страстей, и показать первый пример возможности соединенных действий с теми, кого отрекался прежде христианский мир и устрашались все образованные народы.

Глава XIII. Покорение островов Цериго, Занте, Кефалония и Св. Мавры

Прежде чем последуем за успехами русского оружия на Средиземном море, необходимо бросить взгляд на состояние военных действий вообще в тех местах. Нильское сражение нанесло чувствительный удар морским силам Франции, и республиканский флот, незадолго еще до рокового дня 1 августа, устрашавший неаполитанские владения и озабочивавший английские эскадры, едва насчитывал несколько линейных кораблей в портах Средиземного моря, большей частью ветхих, дурных и невооруженных.

Из всего флота адмирала Брюи, бывшего при Абукире (тринадцать кораблей и восемь фрегатов), спаслись бегством только два корабля и два фрегата, с контр-адмиралом Вильневом; из них корабль и фрегаты укрылись в Мальте, а другой корабль в Корфу; но в Александрийском порте находились еще два венецианских корабля, шесть фрегатов и до 300 транспортов. В Анконе, занятой тогда французскими войсками, были три корабля, отнятые у Венецианской республики, несколько малых военных судов и до 30 канонерских лодок.



Музыканты и офицеры
французского военного флота

Английские эскадры бодрствовали тогда на разных пунктах. Для блокады Александрии и всего берега Нельсон оставил капитана Худа с тремя кораблями, к коим вскоре присоединены были два фрегата; сам же он на «Вангарде», с двумя другими кораблями, поспешно отправился к Неаполю, 19 августа, по призыву главнокомандующего лорда Сент-Винсента, который располагал поручить ему завладение островом Миноркой, принадлежавшим Испании, союзнице Франции.

Однако экспедиция эта успешно выполнена была в ноябре эскадрой коммодора Дакворта, посланной из Гибралтара, и отрядом сухопутных войск генерала Стюарта. Со времени завладения Миноркой англичане постоянно имели там небольшой отряд военных судов. Три корабля и два фрегата, под командой капитана Белла, блокировали остров Мальта, в порте коего находились два французских корабля и три фрегата; 4000 войска защищали город, но остальная часть острова была в полном владении своих жителей, восставших против победителей.

Все берега французских владений и ее союзников в Европе

были опоясаны флотами: 16 английских и 15 русских кораблей блокировали голландские берега; лорд Бридпорт неутомимо крейсировал перед Брестом, где заперт был французский флот из 25 кораблей, под начальством адмирала Брюи, готовый идти в Средиземное море для доставления во Францию Египетской армии; 17 испанских кораблей, под командой адмирала Мазарредо, перейдя в половине 1797 года из Картахены в Кадис, были заперты в этом порте английским флотом из 15 кораблей и шести фрегатов, которым командовал главнокомандующий британских морских сил в тех водах, адмирал Джервис, лорд Сент-Винсент.

Принадлежавшие Венеции Ионические острова: Цериго, Занте, Кефалония, Итака, Св. Мавры, Паксо и Корфу в начале 1797 года были покорены французской эскадрой из шести кораблей и нескольких фрегатов под начальством контр-адмирала Брюи, и в том же году, 17 октября, по Кампо-Формийскому договору, разделившему Венецианскую республику между Австрией и Францией, уступлены последней, причем несколько венецианских судов, находившихся в Корфу, также достались Франции. Сверх того, французы завладели тогда венецианскими крепостями на противоположном албанском берегу: Бутринто, Превезой, Паргой и Вонницей.

Во всех крепостях этих и на островах были небольшие французские гарнизоны; но завоеватели управляли жителями с такой жестокостью и притеснениями, что последние ожидали только первой возможности к восстанию. Один остров Корфу защищен был значительными силами, и потому представлял не легкую добычу, так что все усилия русского адмирала должны были сосредоточиться на этом пункте.

Уступая Франции Ионические острова, Австрия хотя и получила в вознаграждение земли в Германии, Далмацию, Иллирию с островами в Адриатическом море, область Бокко-ди-Каттаро и большую часть Венецианской республики, но по поводу особых соглашений с императрицей Екатериной, заключенных в 1795 году, готова была воспользоваться первым случаем к возобновлению притязаний своих и на эти венецианские владения. Поэтому, коль скоро стало известно о приближении русско-турецкого флота, Австрия начала применять различные происки к присвоению Ионических островов, и для ознаменования своего владычества над ними Венский двор разрешил даже жителям поднять австрийский флаг.

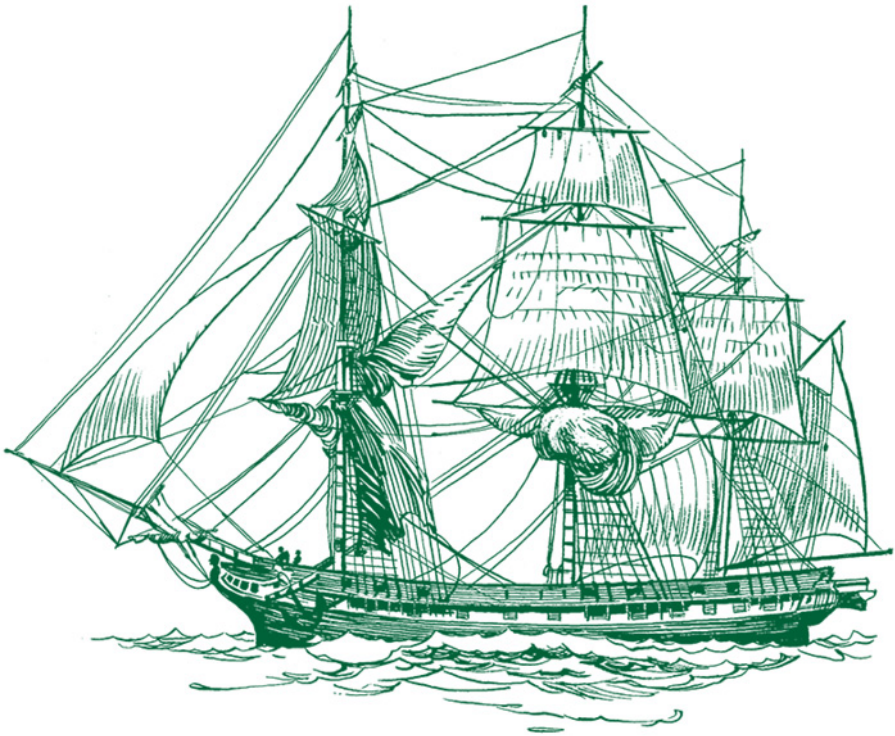
Невзирая на замечание императора Павла, выраженное через посла графа Разумовского (в октябре 1798 года), о несвоевременности и несправедливости таких притязаний,

Австрия не отказалась, однако, ни от своих надежд, ни от скрытых путей, избранных ею для достижения этой цели. Со стороны Великобритании хотя не были обнаруживаемы подобные виды, но почти в то самое время как Ушаков прибыл к Корфу, Нельсон, находившийся тогда в Палермо и не знавший еще об успехах союзного русско-турецкого флота, намеревался объявить жителям Ионических островов покровительство английского флага и предложение своего содействия, в случае восстания их против французов.

Желая этим предупредить назначение союзного флота, он тогда же писал английскому посланнику в Константинополе (от 7 октября): «После Египта я намерен обратиться к Мальте, Корфу и прочим островам этим, почему надеюсь, что русскому флоту назначено будет находиться на Востоке; если же допустят их утвердиться в Средиземном море, то Порта будет иметь порядочную занозу в боку… Распорядившись у Мальты и оставив там необходимые силы для блокады порта, я после того сам пойду к Занте, Кефалонии и Корфу, желая посмотреть, что можно там сделать».

Спустя три недели он писал тому же Спенсеру Смиту: «Я надеюсь в скором времени иметь возможность показаться перед Корфу, Занте и пр. Посылаю вам прокламацию, написанную мной к жителям тех островов. Порта должна знать, какую большую опасность готовит себе в будущем, позволив русским занести ногу на Корфу, и я надеюсь, что она будет стараться удерживать их на Востоке».

Для объявления своей прокламации и выказывания силы, Нельсон намерен был послать к Ионическим островам отряд судов под начальством капитана Трубриджа, но военные предприятия в Неаполитанском королевстве заставили его отложить это намерение и удержать Трубриджа при себе. Таким образом, в самом начале своих действий русский адмирал встретил уже недоброжелательство со стороны главных союзников России.



Фрегат пятого ранга с двумя орудийными палубами

20 сентября соединенный флот оставил Дарданеллы и в трех колоннах следовал к Ионическим островам, остановившись только на короткое время у островов Хиос[72] и Идра, чтобы взять лоцманов и восемь трехмачтовых кирлангичей, столь удобных, по легкости своей, для плавания в тех водах. Первое внимание главнокомандующего обращено было на остров Цериго, лежащий на границе Архипелага, и взятие коего доставляло возможность пресечь там плавание мелких французских судов.

Поэтому 24 сентября два фрегата – «Григорий Великия Армении» и «Счастливый», под главным начальством капитан-лейтенанта Шостака, отряжены были вперед, имея письменное воззвание Ушакова к жителям Цериго, приглашавшее их содействовать союзному флоту к изгнанию французов.

Подобные же воззвания были разосланы тогда адмиралом к жителям всех прочих островов, в которых объявлялось, что «его величества императора и самодержца всероссийского вице-адмирал и кавалер Ушаков, командующий эскадрой государя своего, с эскадрой Блистательной Порты соединенной, приглашает обывателей островов Корфу, Занте, Кефалония, Св. Мавра и других, прежде бывших венецианских, воспользоваться

сильной помощью соединенного оружия государя своего и его величества султана, для низвержения несносного ига похитителей престола и правления во Франции и для приобретения прямой свободы, состоящей в безопасности собственной и имения каждого, под управлением, сходственным с верой, древним обычаем и положением их страны, которое с их же согласия на прочном основании учреждено будет…»

Через десять дней после того второе воззвание на русском, турецком и греческом языках, за подписью и печатью обоих союзных адмиралов, послано на все Ионические острова, в котором обещано было жителям, согласно с объявлением константинопольского патриарха, что до воспоследования решения союзных государей об образе правления, какое им предоставлено будет, учредится у них правление по примеру Рагузы или какое они сами пожелают.

26 сентября союзный флот отплыл от острова Идра; к вечеру того же дня к кораблю главнокомандующего пристала лодка с острова Цериго, известившая, что французы оставили город и удалились в крепости, и что все вообще жители с живейшей радостью готовы принять союзников. В то же время показались две канонерские лодки и двухмачтовое судно под французским флагом, вышедшие из Церигоской гавани; за ними немедленно послана была погоня, и одна из лодок, плывшая на Корфу, через несколько дней приведена к флоту с семью французами.

На острове находилось 105 неприятельских солдат с пятью офицерами, которые заперлись в двух крепостях: 11-пушечной Сан-Николо (Св. Николая), при заливе того же имени, и 20-пушечной Капсала, лежащей на противоположной стороне острова, также при заливе того имени. 28-го числа передовые фрегаты подошли к первой из них, открыли пальбу и свезли десант для нападения с сухого пути; но неприятель, в числе 36 человек, не отвечая на выстрелы, тотчас спустил флаг и бежал в другую крепость, причем взято у него восемь пленных. Вскоре после того подошел весь соединенный флот и лег на якорь.

Г. Нельсон подготовил в начале октября следующую прокламацию.

«Адмирал Нельсон жителям Корфу, Кефалонии, Занте и Цериго объявляет:

Что, считая их в крайнем бедствии и утомлении от насильственных поступков французов, он предлагает им покровительство флота Его Британского Величества. Из нижеследующего ясно видно, что в этом случае адмирал не основывает своего покровительства ни на каких видах, имеющих пользу его государя, и требует только выдачи ему всех судов и собственности, как военной, так и частной, принадлежащих французам, коль скоро неприятель будет жителями изгнан из островов.

Он также объявляет, что если Временное правление островов поднимет английский флаг, то флот доставит им покровительство. Адмирал не потребует никакой контрибуции и ничего подобного на пошлину; но если Временное правление островов пожелает сухопутных войск для усиления гарнизона на островах, то, в случае согласия адмирала на такую просьбу, войска должны получать продовольствие бесплатно. Вообще же, единственное желание адмирала Нельсона состоит в том только, чтобы избавить добрый народ от тиранства и угнетения».

В сложившихся обстоятельствах прокламация эта не была обнародована.

Крепость Капсала, расположенная на высокой и крутой горе и окруженная высокими стенами, показала намерение защищаться упорно; поэтому с флота свезен был десант (300 русских и 250 турок), при нескольких полевых орудиях, под распоряжением капитана Шостака.

Гористая местность, изрезанная оврагами и усеянная остроконечными камнями, много затрудняла переправу пушек и других тяжестей, так что большей частью люди вынуждены были на руках переносить их; несколько же больших орудий доставлены были туда морем. 30-го числа, по устроении двух батарей в самом близком расстоянии от крепости, Шостак потребовал сдачи; но, получив решительный отказ, тотчас открыл

пальбу, на которую крепость отвечала с такой же живостью. Тогда главнокомандующий приказал еще усилить десант и для диверсии с морской стороны послал фрегат «Счастливый» и авизо «Панагия Апотуменгана».

С рассветом 1 октября снова началась пальба из батарей и судов, продолжавшаяся несколько часов подряд и нанесшая большой вред неприятелю. Однако французы деятельно оборонялись и не подняли прежде белый флаг, прося переговоров, как увидев в готовности лестницы со всеми принадлежностями к приступу и имея девять убитых и много раненых. Они поднесли Шостаку ключи и знамя на условии: позволить гарнизону выйти из крепости с военными почестями, положить оружие перед фронтом победителей и отправиться в Марсель или Анкону, по удобству, с обязательством не воевать против России, Турции и их союзников в течение одного года и одного дня, а офицеры – до окончания настоящей войны. Со стороны осаждавших не было никакой потери в людях.

Итак, в тех самых местах, где за год перед тем Французская республика нанесла первое оскорбление России, последовало и первое возмездие. В 1797 году, при занятии венецианских островов эскадрой адмирала Брюи, русский консул на Занте Загурский был арестован и отправлен на Корфу, невзирая на прекратившиеся уже тогда военные действия, вследствие чего прерваны были дружественные сношения, начавшие восстанавливаться между русским и французским посланниками в Берлине, по особому на то желанию императора Павла, искавшего всех средств к удалению войны.

И на самом южном рубеже европейского материка, озабоченного военными приготовлениями к отражению общего врага, вблизи высот Матапана и Сант-Анджело, с флота адмирала Ушакова впервые раздались звуки победоносного русского оружия против Франции, послужившие началом той войны, которая, пройдя через поля Смоленска и Бородино, внесла русские войска в стены Парижа.

За это первое завоевание, «во изъявление благоволения нашего к начальным действиям вашим против французов», как сказано в высочайшем рескрипте, Ушаков награжден был бриллиантовыми знаками ордена Св. Александра Невского и получил от султана табакерку, осыпанную бриллиантами.

«Благоприятство обоих начальников флота, – доносил государю господин Томара, – взаимные их похвалы друг другу и добрый успех, хотя в малом деле, но согласным подвигом обоюдных войск приобретенный, приняты турецким правительством за большую победу». Оба командира фрегатов,

Шостак и Белле, получили орден Св. Анны 2-й степени, семь офицеров – 3-й степени, и 300 нижних чинов – знаки того же ордена.

Знак ордена Святой Анны 2-й степени

По распоряжению главнокомандующего на острове немедленно учреждено правление и оставлен отряд из десяти русских и десяти турецких солдат, который в случае нужды должен был увеличиться охотниками из жителей. Как скоро десантные войска и все пленные взяты были на флот, Ушаков располагал следовать далее; но, удерживаемый крепкими противными ветрами, заставившими простоять на якоре до 6 октября, он не ранее 13-го мог подойти к острову Занте – второму пункту, назначенному им к завладению.

Те же два фрегата, «Григорий Великия Армении» и «Счастливый», под начальством капитана Шостака, посланы были

вперед; и прежде, нежели флот подошел к якорному месту, отправлены с него русские и турецкие войска. Жители, получив перед тем прокламацию союзных адмиралов, вооружились все, чем кто мог; почетнейшие из них на лодках выехали встретить флот и приветствовать главнокомандующего, от которого получили русский кормовой флаг вместо знамени; народ с радостными восклицаниями принял десантные войска и на руках выносил солдат на берег, потому что гребные суда по мелководью не могли пристать.

Императорский орден Св. Благоверного
Великого князя Александра Невского.
Конец XVIII — начало XIX в.

Орден Святого Александра Невского был учрежден Екатериной I в 1725 г. и стал третьим российским орденом после ордена Святого Андрея Первозванного и женского ордена Святой Великомученицы Екатерины. В 1797 г., при Павле I, орден впервые получил официальный статут и описание: «Крест красный, имеющий в промежутках двуглавых орлов, а в середине изображение Святого Александра на коне. На другой стороне в белом поле его вензель с княжескою короною. Звезда серебряная, в середине которой в серебряном поле вензелевое имя Святого Александра Невского под княжескою короною».

Отрядом русских войск командовал майор Иванов; турецкий же состоял под начальством лейтенанта Метаксы, а главное распоряжение атакой и десантом поручено было капитану Шостаку. Фрегаты через короткое время сбили пять небольших береговых батарей и заставили французов бросить их и ретироваться в крепость, находившуюся близ города Занте, на вершине весьма крутой горы. К вечеру того же дня флот стал на якорь у острова, и так как неприятель не принял предложения сдаться, то главнокомандующий послал приказание десанта: брать крепость штурмом.

В густой колонне подошел Шостак к подошве горы, со всеми приготовлениями для приступа и в сопровождении вооруженных жителей; но комендант не допустил до перестрелки и около полуночи 13 октября попросил перемирия, а на другой день заключил капитуляцию, выговорив себе только почетный выход; ключи и флаг вручены были начальнику отряда. Французский гарнизон состоял из 491 человека, в том числе 47 офицеров; в крепости и на батареях найдено 62 медных и чугунных пушек, мортир и гаубиц.

«Занятие острова Занте и все ваши распоряжения к действованию против неприятеля, – сказано в высочайшем рескрипте на имя Ушакова от 13 декабря 1798 года, – приемлем мы с благоугодностью, объявляя вам благоволение наше. Рекомендованных вами в деле сем: капитан-лейтенанта Шостака и лейтенанта Тизенгаузена, пожаловали мы в следующие чины; майора же Иванова и лейтенанта Метаксу – кавалерами ордена нашего Св. Анны 3-го класса, коего знаки им при грамотах наших при сем препровождаются».

Вслед за сим, «за усердную службу и храбрые против неприятеля подвиги», адмирал пожалован был рескриптом от 21 декабря «кавалером ордена Святого Иоанна Иерусалимского с присовокуплением командорства в две тысячи рублей ежегодного дохода».

На другой день по занятии острова главнокомандующий вместе с капитанами и офицерами съехал на берег для слушания благодарственного молебствия в церкви Св. Чудотворца Дионисия. Ружейной пальбой и звоном колоколов приветствованы были шлюпки, когда приближались к берегу; все улицы украсились картинами и шелковыми материями; во всех окнах выставлены были русские флаги, «белые с синим Андреевским крестом», и почти все жители имели такие же флаги в руках, беспрестанно восклицая: «Да здравствует государь наш Павел Петрович! Да здравствует избавитель и восстановитель православной веры в нашем отечестве!»

На пристани адмирал принят был всем духовенством и старейшинами; жители повсюду встречали его с особенными почестями и радостными криками; по следам его бросали из окон цветы, деньги и конфеты; матери выносили детей, заставляя их целовать руки не только у офицеров, но и у матросов. «Женщины, а особенно старые, протягивали из окон руки, крестились и плакали».

На Занте считалось тогда до 40 000 жителей, и торговля его, преимущественно коринкой [мелким изюмом без косточек], находилась в цветущем состоянии, так что по своему богатству, местопребыванию многих греческих знатных фамилий и влиянию островок этот считался вторым после Корфу; а необыкновенно плодородные почвы и живописная местность доставили ему название «Золотого острова» или «Цветка Леванта».

Но эти самые обстоятельства и были причиной, что учреждение временного правления, по требованию адмирала, встретило больше затруднений, чем на прочих островах; дворянские фамилии, враждовавшие между собой, неохотно уступали предпочтение одна другой, и богатые жители также искали иметь влияние в управлении.

Флот простоял у Занте десять дней, имея почти открытую местность, пребывание на коей в бурное время довольно беспокойно; но Ушаков вознамерился отсюда послать отряд для завладения прочими островами, предоставив себе, с остальными судами, направиться по указанию последующих обстоятельств. Поэтому 14 октября отправлен был отряд к острову Кефалония, под начальством капитана 2 ранга Поскочина, состоявший из корабля «Св. Троица», фрегатов «Сошествие Св. Духа» и

«Счастливый», авизо «Красноселье» и одного турецкого фрегата.

18-го числа, под командой капитана 1 ранга Сенявина, послан другой отряд к острову Св. Мавры, в коем находились: корабль «Св. Петр», фрегат «Навархия» и турецкие корабль и фрегат. 20 октября отправился третий отряд, для блокады острова Корфу, из кораблей: «Захарий и Елисавета» и «Богоявление Господне», фрегата «Григорий Великия Армении» и турецких одного корабля и двух фрегатов, под командой капитана 1 ранга Селивачева.

Плодородный и обширный остров Кефалония, длиною до 70 верст и шириною от 20 до 30, имевший тогда около 60 000 жителей и свыше 200 городов и селений, коль скоро узнал об идущем к нему отряде Поскочина, вооружился и нетерпеливо ожидал его прибытия. Духовенство и старейшины на лодках выехали к нему навстречу с выражением своей радости и готовности содействовать десантному войску. Командир крейсера «Красноселье», лейтенант Рябинин, будучи послан вперед для предуведомления, первым высадил на берег десять солдат при офицере, которые встречены были в городе Аргостоли архиереем с духовенством в полном облачении и с крестом и вооруженными жителями, неумолкаемо восклицавшими: «Да здравствует император Павел!»

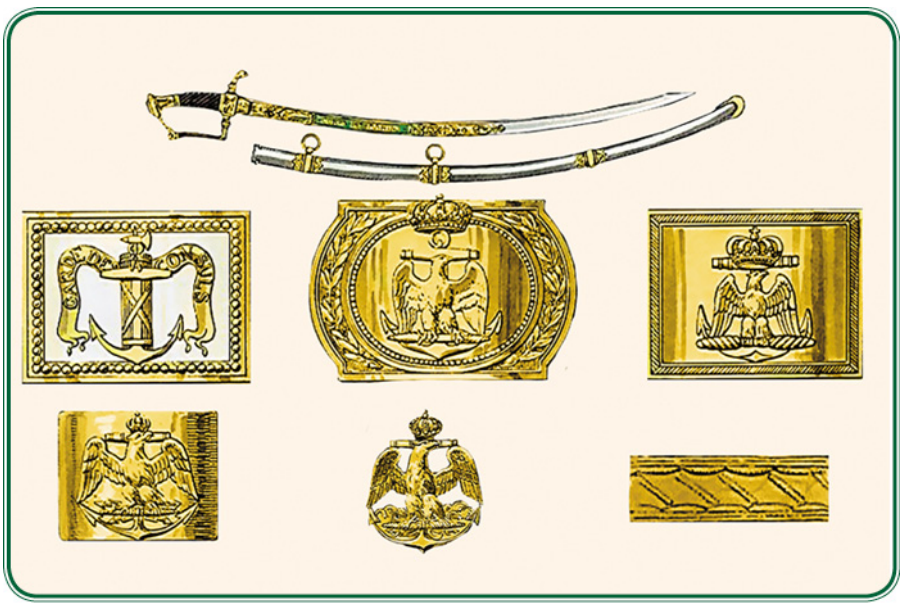
Небольшой отряд этот немедленно завладел оставленной французами четырехпушечной батареей, на мысу близ города Аргостоли, обстрелявшей рейд; другой такой же отряд занял город Ликсури, из которого неприятель также удалился, равно как и из 24-пушечной крепости Сталамье, лежащей близ города Кефалонии, стараясь соединиться в крепости Ассо, находящейся по другую сторону острова на вершине скалы, висящей над морем; но и эта крепость, имевшая 25 пушек, занята была 17 октября без сопротивления. Жители везде поднимали русские флаги и способствовали десантным войскам отыскивать французов, скрывшихся в горах и ущельях; они переловили всех их и заставили положить оружие.

В плен всего взято 197 солдат и 11 офицеров, в том числе капитан французской артиллерии, ехавший на лодке с Корфу; орудий разного рода, чугунных и медных – 56, пороху – 65 бочонков, 1771 ядер, 786 бомб и 180 картечей. Из этого числа на флот взято: восемь медных пушек и мортир, 40 бочонков пороху и 600 начиненных бомб. Двенадцатипушечная французская бригантина, намеревавшаяся высадить у крепости Ассо небольшое подкрепление, вынуждена была немедленно удалиться, и посланный за ней фрегат не мог нигде найти ее.

Весь русский десант простирался до 180 человек; но число

это не столько необходимо было для завладения крепостями и неприятелем, устрашенным и рассеявшимся, сколько для охранения городских жителей от поселян, которые под предлогом мщения и наказания якобинцев хотели разорить и разграбить дома богатых дворян. Капитан Поскочин, не желая прибегать к строгим мерам, приказал употреблять силу только в крайних случаях, если всякие увещания сделаются бесполезными, и издал прокламацию, приглашавшую всех жителей деревень возвратиться в свои дома, не ходить с оружием, в котором не предстояло более надобности после изгнания французов, и не собираться большими толпами.

Архиерей и духовенство с крестами, все дворянство и жители, при колокольном звоне и пальбе из пушек и ружей, встретили начальника отряда и командиров судов, когда они съехали на берег.



Оружие и знаки отличия
французских морских офицеров

Узнав о покорении Кефалонии, главнокомандующий подошел к острову этому 23 октября и, по учреждении на нем порядка, вступил под паруса 29-го, намереваясь идти к Корфу; но, прежде чем успел оставить Кефалонский рейд, получал донесение от капитана Сенявина, просившего себе подкрепления. Поэтому адмирал отправил в Корфу, для усиления отряда капитана Селивачева, корабль «Св. Троица» и турецкие два фрегата и

корвет, а сам, с остальными двумя кораблями и двумя фрегатами, и турецкий адмирал, с двумя кораблями, фрегатом и двумя корветами, пошли к острову Св. Мавры.

Остров Санта-Мавра (Св. Мавры), в древности Левкадия, известный по скале своей, ознаменованной смертью Сафо, некогда соединялся с материком; но теперь отделяется от него каналом в 150 сажен шириною, прорытым коринфянами или карфагенянами, иногда совсем высыхающим. Он имеет весьма гористую местность и скалистые, часто неприступные берега. Хорошая его крепость, на крутой горе, заключала в себе до 550 человек французского гарнизона и окружена была с двух сторон морем, а с других двух широкими и глубокими рвами, наполненными водою.

Али-паша Янинский, изгнавший уже тогда французов из всех крепостей в Нижней Албании, намеревался также овладеть островом Св. Мавры, и жители, число коих простиралось тогда до шести тысяч, страшась его мщения, готовы уже были добровольно ему покориться; но известие о появлении союзного русско-турецкого флота подало им надежду на спасение[73]. Поэтому отряд Сенявина, из двух кораблей и двух фрегатов, пришедший 21 октября, был радостно встречен жителями и нашел в них готовность содействовать; в особенности же оказал при этом услуги г-н Орио, бывший венецианский контр-адмирал.

Видя невозможность противостоять намерениям союзного флота, хитрый Али поспешил уступить и предложил главнокомандующему свои услуги. Действительно, на этот раз он не только не делал никаких затруднений осаждающим, но даже помогал людьми и сам с несколькими малыми судами приезжал к острову, чтобы видеть осаду, начатую русским отрядом. Адмирал благодарил его и, со своей стороны, уверял в чистосердечной готовности находиться с ним в дружеских отношениях и оказывать взаимную помощь при действиях против общего неприятеля.

В день своего прибытия Сенявин[74] послал турецкий фрегат к узкому северному проходу, чтобы воспрепятствовать французам спастись бегством, и высадил на остров 383 морских солдат и матросов (в том числе 40 турок) при десяти офицерах и с шестью полевыми пушками, под начальством капитан-лейтенанта графа Войновича. На другой день отряд этот увеличен был еще 104 матросами и канонирами и 130 вооруженными жителями.

Радостными криками, ружейной пальбой и колокольным звоном встретили жители и провожали своих избавителей; духовенство в полном облачении совершало молебствие и благословляло воинов; восстание было общее и единодушное; 55

французов, бежавших с Кефалонии, в числе коих находились один батальонный командир и одиннадцать офицеров, взяты были в плен и немедленно выданы отряду. Но вся эта готовность и участие не могли доставить большой пользы для скорого покорения крепости, хорошо вооруженной и защищаемой большим числом регулярных солдат, нежели какое находилось у осаждающих.

Десантные войска устроили три восьмипушечные батареи, преодолев при этом большие затруднения; они вынуждены были тащить артиллерийские тяжести по едва проходимым тропинкам и исполнять работы на совершенно открытой местности; иногда же встречались препятствия почти непреодолимые, однако пример офицеров и усердие подчиненных доставили возможность открыть огонь с батарей 23 октября. Через четыре дня устроена была турками еще одна четырехпушечная батарея на противоположном албанском берегу, на расстоянии 230 саженей от крепости, для чего свезено было на берег 180 турок и 15 русских канонир.

Пальба со всех батарей этих производилась весьма деятельно; крепость отвечала таким же живым и упорным огнем. Через два дня по открытии канонады, Сенявин послал двух офицеров к коменданту с предложением сдаться; но тот отвечал, что у него всего достаточно и он может еще сильно защищаться. Офицеры, посланные вторично, на другой день, с теми же предложениями, возвратились с таким же ответом.

Однако усиленная пальба вскоре заставила французского начальника просить переговоров. Условия, предложенные ему Сенявиным, заключались в том, чтобы «крепость, всякое оружие, флаг и ключи сдать победителям, которые обязуются содержать пленных в добром порядке и без малейшей обиды, и отдать им весь собственный их экипаж, кроме всего того, что ими от кого отнято».

Условия эти помещены были в предписании главнокомандующего, и потому Сенявин не имел права и не желал делать какие-либо уступки; французы же, кроме всего этого, просили еще почетного выхода из крепости и отправления в Анкону или Тулон на иждивении союзников.

В предписании сказано было: «Буде же, паче чаяния, чего я не ожидаю, если войск десантных с вами будет недостаточно, и ежели можете предвидеть сильное сопротивление, на таковой случай извольте прислать ко мне уведомление с мелким турецким судном»; поэтому Сенявин, чтобы ускорить покорение, просил помощи у главнокомандующего. Между тем неприятель, сделав сильную, хотя и безуспешную вылазку из 300 человек,

дважды высылал потом парламентера с предложением условий, которые по-прежнему отвергнуты были Сенявиным.

31 октября главнокомандующий бросил якорь у острова Св. Мавры. В тот же день осмотрены были все батареи и местность, и разосланы публикации, приглашавшие жителей собраться для штурма. Десантных войск всего тогда свезено было: русских – 552 и турок – 222. Однако на другой день, когда все готово было к приступу и жители собрались на помощь в большом количестве, комендант снова предложил переговоры, будучи немало к тому побужден письмом адмирала, в котором он обещал не давать никакой пощады, если крепость взята будет штурмом.

Переговоры продолжались целые сутки; со стороны победителей сделана была некоторая уступка в первоначальных условиях, и в ночь на 3 ноября Сенявин подписал капитуляцию. Неприятелю позволялось выйти с воинской почестью и сложить оружие, кроме офицеров, которые остались при шпагах, но дали слово не воевать против России, Турции и их союзников в продолжение настоящей войны; вся собственность пленных была им отдана и обещано разменять их при первом случае, а до того времени отвезти в Морею. 5-го числа последовала сдача крепости, и Сенявин представил главнокомандующему крепостные ключи, флаг и два знамя.

Беспрерывная пальба по крепости продолжалась девять дней; дома, казармы, магазины и самые крепостные стены были во многих местах разбиты ядрами и бомбами. Французский гарнизон, состоявший из 546 человек, лишился убитыми 34 и ранеными 43, так что всего из крепости вышло 512 человек, в том числе 46 офицеров. Мортир и пушек, медных и чугунных, найдено 59; пороху до 160 пудов, 817 ружей, 525 готовых бомб, 10 110 ядер, 40 000 боевых патронов; провианта, по числу гарнизона, на 27 дней; кроме того, множество патронов и взломанного оружия разбросано было по крепости и во рвах.

Из русского десанта убито два и ранено шесть человек; из турецкого убито четверо. Главнокомандующий в донесении своем с особенной похвалою отзывается о действиях и распоряжениях капитана Сенявина, который за взятие острова Св. Мавры награжден был орденом Св. Анны 2-й степени; несколько штаб– и обер-офицеров получили тот же орден 3-й степени, и в высочайшем рескрипте Ушакову сказано: «За взятие от французов островов Кефалонии и Св. Мавры и за все ваши распоряжения к действованию против оных изъявляем вам наше благоволение». Турецкий адмирал Кадыр-бей награжден от государя табакеркой, осыпанной бриллиантами.

Албанцы в начале XIX в.

Итак, в течение шести недель (с 25 сентября по 2 ноября) бурного и ненастного времени, освобождены были четыре острова: Цериго, Занте, Кефалония и Св. Мавры; на них взято всего военнопленными 1300 французов, включая офицеров, число коих простиралось до 70; убитых у неприятеля было 44 и 100 человек раненых; взято медных и чугунных орудий разного калибра – 202. Русских всего убито двое и ранено шесть нижних чинов.

Все пленные отправлены были на русских и турецких кораблях и фрегатах в Морею и остров Патрас, для препровождения их оттуда в Константинополь, только гарнизон острова Цериго, выговоривший себе отправление во французские владения, отпущен на наемных судах в Анкону. Крепостные ключи, флаги и знамена препровождены были государю, и в тех случаях, где взято более одного флага или знамени, они препровождались также к султану; на всех крепостях, в знак тесного союза и общего покровительства обеих держав, подняты русский и турецкий флаги.

На островах немедленно учреждены временные свободные правления из старейших жителей, впредь до воспоследования

высочайшей воли[75], и на всех их, для порядка и охранения крепостей, оставлены отряды из двенадцати русских солдат при офицере и двенадцати турок, с тем чтобы в случае надобности стража была увеличена охотниками из жителей, которые поклялись скорее умереть, чем сдаться французам, если бы они снова появились.

На Занте, как на большем и многолюднейшем из покоренных островов, назначен начальником отряда и крепости мичман Васильев, по знанию им греческого языка[76]. У всех островов, кроме Цериго, мелкие суда заняли брандвахтенные посты. Все медные орудия, найденные в крепостях, и большая часть пороха, годных зарядов, бомб, ружей, амуниции и провизии взяты были на флот; поэтому главнокомандующий, поспешая отплытием своим к Корфу, оставил у острова Св. Мавры, для принятия медных пушек и пр., корабли «Св. Петр» и фрегат «Навархия», предписав им исполнить это поручение со всевозможной поспешностью и присоединиться к флоту; такое же повеление о скорейшем присоединении получили два фрегата, отправленные с пленными на Патрас; сам же он 7 ноября снялся с якоря и пошел к Корфу.

Такое скорое завладение с малым десантным войском и почти без всякой потери с нашей стороны адмирал приписывает приверженности жителей к русскому государю и полагает, что сами турки ни с какими силами не могли бы освободить островов этих, потому что тогда жители предпочли бы соединиться с французами для отражения варваров. Несколько греков поступили даже на русские суда, охотно воспользовавшись высочайшим на то дозволением.

Но приверженность и почести, оказанные русским, возбуждали явное негодование на турецкой эскадре и заставляли главнокомандующего употреблять все средства к сохранению доброго согласия со своими союзниками. Поэтому он старался ничего не предпринимать без совещания с турецким адмиралом, весьма дружески и осторожно обращался с ним, и убеждал жителей оказывать ему равное внимание и выражение благодарности.

Будучи у острова Св. Мавры, Ушаков письмом уведомил лорда Нельсона об успехах соединенного флота; и так как в это время жители Парги просили его защиты против злобы и насилий Али-паши, то послал к нему офицера, объяснить свои намерения и склонить пашу к прекращению преследований несчастных жертв его мщения.

Глава XIV. Покорение острова Корфу

Покорение острова Корфу, самого главного и сильного пункта, отложено было до завладения прочими Ионическими островами, дабы ничто не могло отвлекать усилий союзного флота от этой цели.

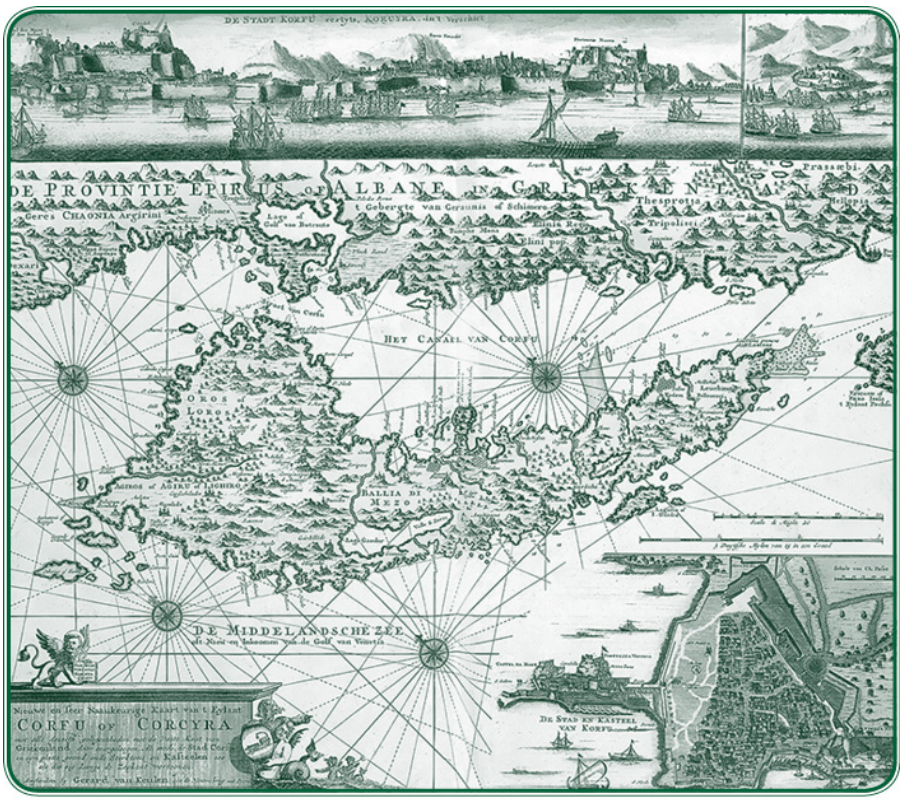
Корфу, в древности Керкира, долгое время находился под управлением своих князей и был попеременно в зависимости от Эпира, Рима, Византии, Неаполя и Венеции. По влиянию своему на Адриатическое море, он служил ключом Италии и Греции, и потому народы Юго-Западной Европы всегда считали его важным приобретением. Поступивши во власть Венецианской республики в конце XII столетия, когда предприимчивый Дандоло покорил отечеству своему Морею, Кандию и весь Архипелаг, Корфу стал впоследствии сторожевым местом и единственным оплотом против завоеваний Сулеймана II и его последователей.

Вид острова Корфу. *Гравюра К. Ческого по рисунку Е. Корнеева. 1809 г.*

Двойные батареи, построенные венецианцами с удивительными усилиями и терпением, доставили острову этому неодолимое положение, и венецианские флоты всегда находили у него безопасное себе убежище при отражении турок, делавших неоднократные усилия к завладению им.

Самое решительное из них было в 1716 году; но войска

венецианские, предводимые графом Шуленбургом, отразили варваров, и народное предание относит это счастливое избавление покровительству угодника св. Спиридона, мощи коего и поныне находятся на острове. Наконец, с падением Венецианской республики, уничтоженной Наполеоном в 1797 году, Корфу, вместе с прочими островами своего союза, присоединен был к Франции.



Карта острова Корфу.
Из голландского морского атласа 1790 г.

Остров Корфу имеет в окружности около 120 итальянских миль, и в исходе восемнадцатого столетия жителей на нем было до 58 тысяч. Главное его неудобство состояло в том, что продовольствие и вода большей частью получались с албанского берега; но нередко цистерны, наполняемые дождевою и привозною водою для запаса, не могли снабжать ею жителей в достаточном количестве. Огромная крепость, кругом обнесенная толстыми гранитными стенами, считалась одной из замечательнейших в Европе; венецианское искусство доставило ей возможные средства сделаться неприступной для открытой

силы; она могла вместить в себе от 10 до 15 тысяч гарнизона, и с такими оборонительными способами не иначе могла быть взята, как только голодом и жаждою.

Укрепления корфинские заключались в двух крепостях – Старой и Новой, но состояли собственно из пяти крепостей, расположенных таким образом, что неприятель, завладев передовой, подвергался огню остальных. Старая, или Первоначальная, крепость, построенная генуэзцами на мысе Дезидеро, преимущественно обстреливала морской берег; она отделялась от города площадью и весьма глубоким и широким водяным рвом, который делал ее островом; вход в нее был через подъемный мост.

Каменный и утесистый мыс этот, подымающийся над поверхностью моря на 30 сажен, имеет две возвышенности; на одной из них находился телеграф, а на другой – цитадель Сант-Анджело (Св. Ангела), составлявшая последнее убежище ретирующемуся гарнизону. Западная сторона крепости направляла также выстрелы свои на город. Осаждающие должны были встречать преграду на каждом шагу; глубокие рвы и валы отделяли одно укрепление от другого; пороховые погреба и магазины иссечены в горе; казармы и другие крепостные здания сообщались между собой тесными путями, также высеченными внутри горы.

На северной стороне мыса Дезидеро, под пушками Старой крепости, было адмиралтейство, называемое Мандраки, и небольшая гавань для мелких судов, защищенная молом. Сход в гавань был по большому коридору, удивительной работы, просеченному от казарм насквозь к подошве горы.

С береговой стороны город обнесен был двумя валами и сухим рвом и примыкал к новой крепости, составлявшей главную его защиту. В нем находился великолепный дом коменданта и мраморный монумент графа Шуленбурга, освободителя Корфу от турок в 1716 году. Новая крепость, называемая Главной, и также Жидовскою, построена венецианцами в исходе XIII столетия по другую сторону города, на весьма крутой горе, уставлена была пушками большого калибра и состояла из трех отдельных укреплений: Св. Авраама, Св. Сальвадора и Св. Рока; она обнесена была толстыми и чрезвычайно высокими каменными стенами, и из города входили в нее через подземелье; такие же подземные ходы были из нее в поле и в загородные укрепления.

Тут, еще в большем размере, повсюду встречались глубокие рвы и подземелья, огромные своды, переходы, таинственные лестницы, высеченные внутри горы, казематы и бастионы, устроенные один над другим.

Когда союзный русско-турецкий флот прибыл к Корфу, до 650 орудий защищали ее твердыни, и около трех тысяч французских солдат (в числе коих было 120 человек конницы), имевших хорошего продовольствия на полгода, стерегли ее валы. Тут находились тогда главные силы французов, и местопребывание генерального комиссара Республики Дюбуа и губернатора Ионических островов дивизионного генерала Шабо, командовавшего всеми французскими войсками в Леванте.

Для усиления защиты, остров Видо, имеющий в окружности до двух итальянских миль и лежащий в расстоянии около 400 сажен от крепости Корфу к северо-востоку, был также укреплен пятью большими батареями на выгодных местах; он прикрывал северную сторону крепостей и постоянно имел не менее 500 солдат. На нем повсюду прорыты были каналы, сделаны окопы и засеки из масленичных деревьев; во всех местах, где возможно было пристать гребным судам, протянуты боны на некотором расстоянии от берега, составленные из корабельных мачт и стеньг, скрепленных железными цепями, а на самых пристанях наложены большие кучи масленичных деревьев, так что шлюпкам не было почти никакой возможности подойти или высадить десант.

На третьем острове, называемом Лазаретто, или Карантинный (на острове этом при венецианцах, а потом при французах, учрежден был карантин, который теперь находится тут же), лежащем не в дальнем расстоянии от Видо к западу, также строились тогда батарея и траншеи.

Е. Корнеев.
Жители острова Корфу. *1809 г.*

Рейд корфинский находится между городом и островом Видо, имеет умеренную глубину при грунте иле и представляет судам безопасное убежище. Преимущества этого порта состоят в том, что флот при всяком ветре может выйти в море северным или южным проливом. Северный пролив, шириною около трех верст, кроме одного камня, равного с поверхностью воды, других опасностей не имеет; южный же совершенно чист и заслонен островом Паксо.

Мелкие военные суда могут стоять в гавани Мандраки. Бухта

Гуви, или Говино, с весьма удобной и закрытой местностью, служила венецианцам для помещения линейного флота и имела доки, каналы и адмиралтейство, стоившие нескольких миллионов; но все эти построения с 1734 года были оставлены и окончательно разрушены французами. Под стенами крепости стояли на якоре: укрывшийся тут после Нильского сражения 74-пушечный корабль «Женеро», совершенно еще новый, с весьма сильной артиллерией, обшитый медью и имевший до 800 человек экипажа; 50-пушечный корабль «Леандр»[77], бывший английский, посланный из Абукира в Англию с известием о знаменитой победе, но на пути, близ Кандии, взятый в плен кораблем «Женеро», под командой храброго капитана Лежоаля, который привел его с собой к Корфу; 32-пушечный фрегат «Брюн»; 24-пушечная бомбарда «Фример»; шестипушечный бриг «Экспедицион» и шесть галер; на всех остальных не было полного числа команд.

Корфиоты неоднократно уже писали адмиралу, что «нетерпеливо ожидают прибытия его и с распростертыми руками примут союзный флот», хотя поводом к этому служили более выгоды частные, чем чувства истинного патриотизма. Дворянство и крестьяне с давнего времени враждовали между собой: первые требовали от крестьян исправного себе платежа условленной арендной суммы, упрекали их в лености и нерадении и старались заставить к хорошей обработке земли; последние видели в дворянах своих притеснителей.

Французы, заняв остров, обещали дворянству привести крестьян в повиновение и поэтому были приняты с объятиями; однако не только не исполнили обещания, но даже, по праву завоевания, отнимали земли у тех, кого считали менее себе преданными, и отдавали своим приверженцам.

Через это многие дворяне удалились с острова, начали всеми путями искать себе покровительства у русского правительства и, конечно, желали скорого изгнания французов, чтобы получить во владение имения свои как на острове Корфу, так и в Нижней Албании, занятые тогда турками; многие же жители расположены были к русским как к единоверцам и, когда узнали о покорении острова Св. Мавры, стали сильно волноваться, что для усмирения их и предупреждения общего восстания французы должны были прибегнуть к кровопролитию, пожарам и обезоружению.

Поэтому отряд капитана Селивачева встречен был депутатами от жителей с уверениями в своей преданности и с обещанием поставить от 10 до 15 тысяч вооруженной милиции в распоряжение главнокомандующего. Отряд этот, состоявший из двух кораблей и одного фрегата, и турецких одного корабля и

двух фрегатов, и посланный 20 октября, когда флот находился у острова Занте, пришел к Корфу 24-го числа того же месяца, имея повеление содержать остров в тесной блокаде и не дозволять подвоза провианта и войск, которых ожидали туда из Анконы, в числе трех тысяч человек на нескольких транспортах[78]. 31 октября прибыло к нему подкрепление из одного корабля, двух турецких фрегатов и корвета[79].

Капитан Селивачев немедленно отрядил корабль и два турецких фрегата к занятию северного пролива, присоединив к ним, по прибытии подкрепления, еще корабль и фрегат; сам же с остальными судами сторожил южный пролив; оба отделения эти постоянно находились под парусами.

На другой день после прибытия он послал капитан-лейтенанта Шостака в крепость с предложением сдаться, но получил отказ, и деятельная блокада продолжалась, впрочем, преимущественно одними только русскими судами. «Корабль турецкого паши нам никакой помощи не обещает, – писал Селивачев, – по большей части прячется за нас или держится в отдаленности, дабы в случае нужды быть безопасным, и потому я оставил с собой корабль «Св. Троица», а их суда нам ненадежная помощь».

Крейсеры захватили несколько купеческих судов с подозрительными товарами и одну разбойничью шебеку, вооруженную 18 пушками, со 100 человеками экипажа[80]. Корабль «Женеро» неоднократно снимался с якоря и подходил к тому и другому проливу, завязывая бой, но на дальнем расстоянии и всегда возвращался с некоторыми повреждениями. При одной из таких стычек на корабле «Богоявление Господне» была ядром пробита бизань-мачта, а у неприятеля разбита корма.

В таком положении нашел адмирал Ушаков блокаду Корфу, когда 9 ноября, при риф-марсельном ветре от S, прибыл к этому острову с четырьмя кораблями и двумя фрегатами, и в бухте Мисанги стал на якорь. С присоединением отряда Селивачева, всего имелось тогда восемь кораблей, семь фрегатов и несколько мелких судов.

Не имея достаточного числа десантного войска для немедленного начатия осады и в ожидании помощи, которую должны были, по приказанию Порты, доставить паши: Скутарский, Дельвинский, Авлонский и Янинский, каждый по три тысячи албанцев, и даже «столько, сколько главнокомандующий от них потребует», Ушаков мог только усилить блокаду крепости и пресечь всякую помощь извне. Поэтому, прогнав неприятеля с Карантинного острова, на коем оставлены им были семь пушек и начатая батарея, флот первоначально расположился дугою по

внешнюю сторону острова Видо; русские корабли занимали фланги этой линии и находились против Старой и Новой крепостей.

В то же время занят был порт Говино и его адмиралтейство, с тремя ветхими кораблями и фрегатом. Отряды из кораблей, фрегатов и мелких судов постоянно крейсировали в северном и южном проливах и не допускали никакого сообщения крепости с албанским берегом; для этого же, после вечерней зори, вооруженные гребные суда с обеих эскадр посылались в объезд, а для наблюдения за всеми судами, проходящими мимо острова, устроен был маяк на возвышении. В первое время, однако, отсутствие многих судов не позволяло обложить крепость столь тесной блокадой, какой желал главнокомандующий, и усилить число десантных войск на берегу.

«Всякое расстройство терплю при Корфу, что не могу собрать судов моих, – писал он капитану Сенявину на о. Св. Мавры, предписывая ему поспешить соединением с флотом. – Крепость Корфу держу я в тесной блокаде, на берег высадил десант, но корабли и фрегаты мои почти все порознь и от меня отделены; если бы были все они здесь, все бы пошло другим манером, а через эту медленность неприятели наши укрепились и укрепляются бесподобно».

В донесении государю 10 ноября 1798 года адмирал пишет: «Жители острова Корфу к нам или, справедливее, ко мне, преданы и будут со мной действовать против французов… Если бы я имел со мной один только полк русского сухопутного войска, непременно надеялся бы я Корфу взять, совокупясь вместе с жителями, которые одной только милости просят, чтобы ничьих других войск, кроме наших, к этому не допускать». Действительно, жители до того напуганы были варварскими поступками Али-паши, что приходили в ужас и уныние при известии о прибытии турецких войск на остров.

Хотя главнокомандующий уверял их, что все войска находиться будут под собственным его начальством и не будут допущены ни до каких беспорядков, но, зная, как трудно необузданные типы эти удержать в повиновении, многие жители начали уклоняться от адмирала и отказывались помогать ему.

Пользуясь этим, французы старались уверить их, что они обмануты, и во множестве рассыпали по острову печатные об этом публикации. Такие обстоятельства немало увеличивали затруднительность положения флота; восторг жителей простывал, и, вместо обещанной милиции от 10 до 15 тысяч, едва набралось впоследствии до двух тысяч вооруженных корфиотов.

«Я желал наипервее взять штурмом укрепленный многими

батареями остров Видо, – писал адмирал 18 декабря 1798 года, – но почел необходимой надобностью оставить оный на время, чтобы обратить солдатскую команду для защиты жителей от нападения французов, к пресечению грабежа и заготовления провианта в крепость».

Поэтому, уступая просьбам жителей деревень Мандукио и Кастрадо, страдавших от грабительства французских фуражиров, главнокомандующий приказал устроить две батареи: одну по северную сторону, на высоком холме против укрепления Св. Авраама, на коей поставлены были два единорога, две гаубицы 53-фунтовые, две такой же величины мортиры и четыре полевых орудия; оконченная к 15 ноября, она охранялась 130 солдатами и артиллеристами под командой капитана Кикина и лейтенанта артиллерии Ганфельда. Другая батарея, для четырех небольших призовых орудий, построена была в одни сутки.

19 ноября, по южную сторону, на возвышении Св. Пантелеймона, близ монастыря того же имени и деревни Горицы, лейтенант Ратманов на призовой шебеке «Макарий» доставил туда пушки, 16 морских солдат и четырех канониров, а греческий инженер Маркати, принятый на флот волонтером, был распорядителем постройки.

Защищать ее взялись сами жители. Адмирал ожидал только присоединения остальных кораблей своих, чтобы на обе батареи поставить пушки большого калибра; он строго предписал зарядов без надобности не тратить «и лишь только показать, что мы готовы устроить батарею», – сказано в инструкции лейтенанту Ратманову. Карантинный остров был также укреплен, и батарея, начатая неприятелем, докончена нашими войсками.

Корабль «Леандр»

Этот британский корабль, участвовавший в битве при Абукире 1—2 августа 1798 г., был захвачен французами в плен, а затем взят Ушаковым при Корфу.

Обе береговые батареи действительно затруднили неприятелю средства к фуражировке, и он вознамерился сделать сильные вылазки, чтобы овладеть ими. 20 ноября поутру колонна из 600 человек под начальством самого генерала Шабо, при двух орудиях, напала на южную, только что оконченную, которая, впрочем, сама открыла огонь по крепости, не дождавшись назначенного ей подкрепления с флота, и потому подкрепление, посланное на гребных судах, не успело прибыть вовремя.

1500 корфиотов, охранявших эту батарею, не выдержав нападения, рассеялись в беспорядке, и она была взята неприятелем; из 20 русских солдат в плен взяты 17; остальные же успели спастись на шебеку «Макарий». Волонтер Маркати также находился в числе пленных, и так как он считался подданным Французской республики, то по приговору военного суда был немедленно расстрелян. В тот же день, спустя несколько часов, французы сделали нападение и на северную батарею у деревни

Мандукио, где десантное войско под командой капитана Кикина состояло тогда из 310 русских и 130 турок и албанцев.

Неприятельская колонна, свыше тысячи человек пехоты и 40 человек конницы, быстро устремилась на приступ с трех сторон; бой длился с полудня до самого вечера; наконец войска наши выступили из батареи и штыками отразили французов, которые при этом потеряли более ста убитыми, в числе коих был батальонный командир, и имели много раненых; в русском войске убит 31 человек и ранено три офицера и 67 нижних чинов.

После этого южная батарея более не возобновлялась; северная же устояла против неоднократных вылазок неприятеля, который был всегда удачно отражен русскими и албанскими войсками, и терял много убитыми и пленными; но эти частые покушения французов, производившиеся большей частью в ночное время, заставляли всегда к ночи усиливать десантные войска на батарее или, по крайней мере, показывать к тому готовность.

Однако, невзирая на ненастное время года и на разные препятствия, противопоставляемые французам, они фуражировали свежую провизию по южному берегу острова и, между тем, усиливали укрепления на острове Видо, с которых часто производили пальбу по судам нашим, коль скоро они по какому-нибудь случаю подходили на расстояние выстрела.

22 ноября присоединился к флоту капитан Сенявин с кораблем и фрегатом, и того же числа шхуна и две бригантины доставили провизию из черноморских портов. Вскоре потом возвратились корабль и фрегат, отвозившие пленных в Морею; 9 декабря прибыли из Александрии, за недостатком провизии, два фрегата, посланные туда из Дарданелл, оставив два турецких фрегата при английском отряде и канонерские лодки у острова Родос; и 30 декабря пришел из Севастополя контр-адмирал Пустошкин[81], с двумя 74-пушечными кораблями: «Св. Михаил» (под контр-адмиральским флагом), капитан Салтанов, и «Симеон и Анна», капитан Леонтович, назначенными для усиления эскадры.

26 декабря отряд капитана Селивачева (корабль, три фрегата и мелкие суда), оберегавший южный пролив, пропустил шедшую в Корфу из Александрии французскую бригантину «Риволи», которая хотя «и была расстреляна в прах, но скорым ходом прорвалась до крепости» при помощи корабля «Женеро» и галеры, в самую темную ночь; на рассвете в виду находились еще две такие же бригантины и требакул, и против северного пролива восемь бригантин и два трехмачтовых военных судна, но за дальностью невозможно было удостовериться, принадлежат ли

они неприятелю.

Однако адмирал счел за нужное усилить крейсерские отряды и, будучи весьма недоволен оплошностью капитана Селивачева, отозвал его и поручил пост этот Сенявину с двумя кораблями (один из них турецкий), пятью фрегатами (два турецких) и двумя мелкими судами; но спустя несколько дней после того бриг «Экспедицион», посланный генералом Шабо в Анкону, также прорвался сквозь северный проход.

К 1 января 1799 года из союзного флота находилось в сборе перед Корфу: 12 кораблей, 11 фрегатов и несколько мелких судов.

Получив известие, через прибывшие из Венеции и Триеста купеческие суда, что три французских 64-пушечных корабля и два мелких судна давно уже вышли из Анконы с тремя тысячами войска для подкрепления гарнизона в Корфу, главнокомандующий послал навстречу им Пустошкина с двумя кораблями – «Симеон и Анна» и «Св. Михаил», двумя русскими и двумя турецкими фрегатами. Пустошкин отправился 1 января и, узнав в Авлоне, что неприятельские суда находятся между островами у далматинского берега, прошел все Адриатическое море до Рагузы, однако нигде с ними не встретился.

Французы, проведав о посланной за ними погоне, поспешили возвратиться в Анкону, «куда прибыли жестокими крепкими ветрами и бурей весьма расстроены и получили течь, для чего и разоружились в Анконе». Пустошкин долго был задержан противными ветрами и штормами; в Рагузе простоял он две недели, и в Корфу возвратился 4 февраля; все суда его от качки довольно потерпели: у фрегата «Казанская Богоматерь» переломился руль, а у одного турецкого сломились все три мачты и бушприт.

9 января на английском военном бриге прибыл из Палермо неаполитанский министр кавалер Мишеру, чтобы, по поручению двора своего, представить главнокомандующему все бедствия, постигшие тогда это королевство, и получить от него помощь[82]; в то же время неаполитанский министр иностранных дел маркиз де Галло убедительно просил письмом доставить его из Бриндизи в Триест[83].

Поэтому адмирал, невзирая на нежелание разделять силы свои до окончания осады, вынужден был, однако, уступить такой просьбе и 14 января послал фрегат «Св. Михаил» с турецким корветом в Бриндизи, приказав судам этим принять также принцев и теток бывшего французского короля со свитой[84]; но так как маркиз де Галло не дождался прибытия принцев, которые приехали потом в Бриндизи на наемном купеческом судне, то Ушаков, по просьбе кавалера Мишеру и графа Шюстелюза,

отправил за ними 16 февраля фрегат «Счастливый» и турецкий корвет, которым сопутствовал 74-пушечный португальский корабль «Шарлотта», незадолго до того пришедший в Корфу.

Капитан-лейтенанту Белле поручено было доставить царственных изгнанников, куда они пожелают; но они, по совету адмирала, избрали Корфу, прибыли туда 16 марта и оставались до мая. Тогда же на португальском корабле прибыли в Корфу герцог де Йорк Брачиа, князь Пиньятелли, многие кардиналы и духовные лица. Фрегат «Счастливый» на возвратном пути этом взял в плен восьмипушечный французский корсерский требакул, шедший из Анконы в Александрию с депешами к генералу Бонапарту.

Корабль «Женеро» с самого начала блокады располагал уйти и выжидал только удобного случая и готовности корабля «Леандр», желая увести его с собой; несколько раз завязывал он перестрелку с крейсерскими отрядами, сторожившими северный и южный проходы, но всегда был отражен с повреждениями, и однажды, когда направился к албанскому берегу, капитан Сенявин заставил его немедленно возвратиться, причем неприятель имел разбитую кормовую галерею, гик, несколько пробоин в борте и восемь человек убитых.

«Корабль французский, – писал главнокомандующий, – от шарлатанства своего, будучи на ветре, выходит иногда от крепости и шарлатанствует: одним видом стреляет издали, не отделяясь от крепости, и потом назад уходит». Неоднократно также выходил он из-под крепости ночью под турецким флагом, о чем адмирал извещал крейсерские отряды, приказывая им быть осторожнее; но наконец, в исходе января, капитан Лежоаль решился на весьма смелое предприятие, увенчавшееся успехом и лишившее союзный флот хорошего приза: он прорвался сквозь крейсерский отряд в северном проходе, вместе с бригантиной «Риволи» и одной галерой, и все ушли в Анкону за подкреплением, которого с нетерпением ожидал французский гарнизон, видя, что число турецких войск начинало увеличиваться.

Ночь была весьма темная и бурная, так что крейсировавшие корабли и фрегаты не могли без большой опасности держаться под парусами в тех узкостях, и потому к вечеру вынуждены были стать на якорь, что, без сомнения, весьма много способствовало побегу неприятельских судов; кроме того, чтобы отвлечь внимание флота, из крепости сделали сильную вылазку и ложное нападение на строившиеся тогда осадные батареи наши.

О происшествии этом Ушаков пишет: «Из находящейся французской эскадры 74-пушечный корабль «Женеро» во время

блокады крепости всегда изыскивал случай и многократно делал опыты к побегу, но всегда бдительным за ним присмотром был остановлен и воспрепятствован. Напоследок, с 25-го на 26-е число января, в чрезвычайно темную ночь, с вычерненными парусами, при крепком зюйдовом ветре прорвался между блокирующими кораблями. Две полугалеры, нарочно для надзирания крейсирующие, увидели его под парусами благовременно и делали сигналы.

В то же время, когда «Женеро» не дошел еще до наших кораблей, деланы были от меня сигналы гнаться за бегущим неприятелем, но, по чрезвычайной легкости хода сего корабля, при пальбе в него с наших кораблей и с турецких фрегатов, он ушел в Анкону, и два наших корабля и фрегат и два турецких фрегата гнались за ним до Анконы, но в темноте ночи и видеть его не могли». Адмирал надеялся, что «Женеро» сделается добычею отряда Пустошкина, но этого не случилось; суда же, бывшие в погоне (под начальством капитана Селивачева), встретили крепкие противные ветры, от которых много потерпели, и возвратились к флоту через две недели, 11 февраля[85].

К 25 января собралось до 4250 албанцев, присланных пашами, в числе коих 2500 было от Али Янинского. Хотя войско это составляло только третью часть того, что было вначале предположено иметь, но главнокомандующий, не надеясь получить более, вознамерился приступить к решительным мерам.

20 января начали строить новую батарею на возвышении Св. Пантелеймона, против Старой крепости и укрепления Св. Сальвадора; на нее поставили тринадцать больших корабельных пушек, действовавших прямо в крепость, три меньшего калибра, которые палили в наружные пристройки Св. Сальвадора, семь мортир разной величины и семь полевых пушек. Шебека «Макарий» прикрывала работы эти; батарея окончена была к 30 января и находилась в распоряжении артиллерии капитана 1 ранга Юхарина.

Через несколько дней к ней присоединили другую осадную батарею, и они постоянно производили пальбу, не частую, но довольно меткую, бросали бомбы и наносили чувствительный вред крепостям, заставляя неприятеля укрываться в казармах. Французы делали на них неоднократные вылазки, и при одном из таких нападений потеряли до 50 человек убитыми и много раненых.

Турецкие янычары

Укрепившись по возможности на берегу и имея тогда почти все суда свои в сборе, Ушаков решился сделать общее нападение: сухопутные войска должны были брать приступом передовые укрепления, и в то же время флоту назначалось произвести атаку на остров Видо, взятие коего важно было в том отношении, что облегчало нападение на приморские укрепления Корфу. На общем совете адмиралов и капитанов положено исполнить это при первом удобном ветре.

Несколько дней подряд употреблены были на разные

приготовления к штурму; матросы на обеих эскадрах обучались пальбе из ружей и мушкетонов; албанцы и десантные войска запасались фашинами и лестницами, и полевые пушки были в готовности действовать на желаемых пунктах. Главнокомандующий особой прокламацией приглашал жителей помогать сухопутным войскам при нападении. Для ведения атаки составлено было до 130 особых сигналов флагами, которые давали полную возможность адмиралу направлять движения и выстрелы судов и войск по его усмотрению.

Приказ, отданный по флоту 17 февраля, определил обязанности каждого судна, и 18-го числа в семь часов утра, по сигналу с корабля «Св. Павел», при ветре от NWtN, началась общая атака; тогда же сделан был сигнал и береговым батареям, которые немедленно открыли сильную пальбу по крепостям, имея приказание как можно более беспокоить неприятеля. Первое отделение составляли фрегаты и мелкие суда; они, проходя под парусами, сбивали батареи острова Видо, выстрелами очищали берег от траншей, завалов и окопов и потом, в расстоянии картечного выстрела, становились на якорь, повернувшись на шпринге бортом к атакуемому месту.

Передовыми были два фрегата – «Казанская Божия Матерь» и турецкий «Херим Капитана»; им назначено было сбить батарею № 1, на северо-западной оконечности острова. Вслед за ними и в близком расстоянии шли: шхуна № 1 и турецкий канонирский баркас, которые должны были направить носовые орудия свои на два французские судна, бомбарду и галеру, находившиеся в бухте между первой и второй батареями, и фрегат «Николай», коему для нападения назначалась батарея № 2; он помогал также шхуне в истреблении неприятельских судов, поддерживавших оборону этой батареи.

Далее следовали фрегаты: «Григорий Великия Армении», турецкий Али-бея и авизо «Панагия Апотуменгана», которые, пройдя первые две батареи под сильным огнем, стали на якорь между 3-й и 4-й батареями и обратили на них все свои выстрелы. «Всем оным фрегатам и мелким судам, – сказано в инструкции, – стараться очистить потребные места на берегах для десанта, отталкивая набросанные деревья прочь; вспоможение им сделано будет вооруженными баркасами с разных судов».

За передовым отделением последовал весь флот и стал на якорь со шпрингом, по данной диспозиции: корабли «Мария Магдалина» и «Симеон и Анна» остановились в возможно близком расстоянии против 2-й батареи; «Михаил» (под флагом контр-адмирала Пустошкина) и «Захарий и Елисавета» против 3-й, и «Богоявление Господне» против 4-й и 5-й; выстрелы их

направлены были также на закрытые места и возвышенности. Корабль «Св. Петр» и фрегат «Навархия» во все время атаки оставались под парусами против мыса Дезидеро и палили в крепость; они, вместе с «Богоявлением Господним», обстреливали также рейд, не позволяя неприятелю перевозить людей на Видо для усиления гарнизона, и действовали по кораблю «Леандр» и фрегату «Брюн», защищавшими остров с восточной стороны.

В решительных случаях адмирал Ушаков обыкновенно подавал собой пример, поэтому и тут, сигналом приказав всем судам продолжать курс для занятия назначенных мест, несмотря на движения корабля его «Св. Павел», сам он подошел вплоть к берегу, стал фертоинг против самой большой батареи № 2, в расстоянии малого картечного выстрела, и с помощью фрегата, близ него находившегося, через короткое время сбил эту батарею, у которой «в печах было множество приготовленных каленых ядер»[86] и она ими палила.

«Турецкие же корабли и фрегаты все были позади нас и не близко к острову; если они и стреляли на оный, то через нас, и два ядра в бок моего корабля посадили с противоположной стороны острова», – писал Ушаков господину Томаре. В 9 часов утра пальба сделалась общею, и с неприятельских батарей отвечали сильным огнем, который, однако, к 11 часам значительно ослабел, и тогда главнокомандующий сигналом приказал свозить десант, сначала между 2-й и 3-й батареями, а потом, другим сигналом, между 3-й и 4-й и во все удобные места острова. «Остров усеян был нашими ядрами, – отмечал Ушаков, – сильной канонадой нашей, батареи его, так сказать, почти все истреблены и обращены в прах».

Русские и турецкие десантные войска были заблаговременно посажены на гребные суда и потому немедленно исполнили сигналы адмирала. В отношении высадки распоряжения, изложенные в инструкции, были следующие: «Гребным судам с десантом промеж собой не тесниться, для того и посылать их не все вдруг, а одни за другим.

Передовые из оных должны очищать дорогу по берегу; рытвины тотчас забросать землею или чем только возможно, а где неудобно сходить на берег и переходить места закрытые, там набрасывать лестницы, с каждого корабля и фрегата взятые, а сверх лестниц бросать доски, по оным и десантные пушки перевозить на берег. Лестницы и доски могут служить мостами для переправы через выкопанные канавы и рвы. Сказывают, хотя и невероятно, будто есть на острове в некоторых местах набросанные колючки, засыпанные землей и сверх ее травой, так что без осторожности можно на оные попортить ноги, и потому

надлежит иметь осмотрительность…

Вместо знамен иметь с собой флаги; флагов же с собой иметь надлежит до десяти, и их поднимать на взятых батареях и во всех местах, где только войска наши случатся; а куда потребен будет сикурс, для показания оного даны будут особые сигналы… Господам командующим пушки, снаряды, лестницы, доски, топоры, лопатки, веревки и все потребности иметь в готовности положенными на гребные суда… Десантными командирами определяю: в авангарде, под начальством контр-адмирала Пустошкина состоящем, батальонного командира подполковника Скипора; а в средней и задней частях, под моим ведомством находящихся, майора Боаселя…

По оказавшимся случаям и обстоятельствам поступать с храбростью, благоразумно и сообразно с законами. Прошу благословления Всевышнего и надеюсь на ревность и усердие господ командующих». Десанту на Видо свезено было: штаб– и обер-офицеров и солдат – 742, матросов и канониров – 677; с турецкой эскадры разного звания войск – 750, всего – 2169 человек.

Обер-офицер гвардейского флотского экипажа

Гребные суда пристали в трех местах (при нападении этом неприятельскими выстрелами потоплен был один баркас наш, причем потонуло пять пушек, назначенных для десанта), и десантные войска, невзирая на сильное сопротивление неприятеля и на множество местных препятствий, скоро проникли в самую середину острова, преследуя бегущих французов, которые, оставив батареи, старались скрыться в траншеях; большая же часть их засела в отдельное укрепление и храбро защищалась, но, после довольно продолжительного и

жаркого сражения, должна была уступить превосходству в силах.

«Храбрые войска наши, – доносит адмирал, – вспомоществуемые турецкими, так сказать, мгновенно бросились во все места острова, и неприятель повсюду был разбит и побежден». Турки, озлобленные упорным сопротивлением, рассеялись по острову и, по обычаю своему, начали резать головы всем пленным, попавшимся в их руки. Увещания и угрозы не могли привести их к послушанию; поэтому майор Гамен составил каре из людей своего отряда, чтобы в середине его укрывать пленных, и тем спасена была жизнь весьма многих.

«Из бывших в сие время на острове до восьмисот французов едва успели только немногие на гребных судах возвратиться в крепости, прочие же побиты и потоплены. В плен взят бригадный генерал Пиврон, комендант острова» и еще 422 человека, в числе коих было 20 офицеров; убито и потоплено до 200, 150 человек на гребных судах спаслись в главную крепость, «ибо ядра с кораблей, перелетавши через остров, все расстояние между крепостью и островом покрывали подобно граду; а корабль «Богоявление Господне» из-за восточной стороны Видо, будучи открыт против крепости и корабля «Леандр» и фрегата «Брюн», стрелял по оным и препятствовал, во-первых, перевозить и умножать десант на острове, а после бегущим возвращаться на гребных судах с острова.

Корабль «Св. Петр» и фрегат «Навархия», в сие же время будучи под парусами, проходя мимо крепости Капо-Дезидеро, атаковали оную, также стреляли в неприятельские корабль и фрегат и по бегущим гребным судам, из коих два баркаса с людьми потоплены, а корабль «Леандр» и фрегат «Брюн», защищавшие остров Видо, весьма разбиты и едва могли уйти обратно под крепость. «Леандр» имел несколько пробоин под водою и, не успевая отлить воду, поставлен к берегу на мель и налился водою (который, по взятии уже нами крепостей, отлит и исправлен)».

Около двух часов пополудни канонада с обеих эскадр вовсе прекратилась, остров находился уже совершенно во власти победителей, на нем подняты были русский и турецкий флаги и оставлено приличное число войск для охранения; неприятельские бомбардирское судно и галера были также взяты. В 3 часа главнокомандующий сигналом приказал всем судам флота отойти далее от Видо, что и было исполнено к 8 часам вечера. В деле этом на русских судах всего убито 9, ранено 28, и на турецком фрегате «Херим Капитана» убито 8, ранено 7; из русских десантных войск убито 21, ранено 55, и почти столько же турок и албанцев.

Не менее успешно было нападение, сделанное на главные укрепления Корфу. Между тем как флот занят был покорением назначенного ему пункта, батареи – северная, у деревни Мандукио, и южные, на высотах Св. Пантелеймона, – громили неприятеля; корабли же – «Св. Троица», Патрон-бея, фрегат «Сошествие Св. Духа», акат «Ирина» и шебека «Макарий» – атаковали южную часть старой крепости. До пяти часов вечера пальба продолжалась с обеих сторон с равным упорством; наконец, по повелению главнокомандующего, албанцы и турки, подкрепленные матросами и солдатами, свезенными с вышеуказанных судов, бросились на приступ наружных пристроек, и хотя были опрокинуты, однако, получив немедленно подкрепление, возобновили нападение.

Французы защищались храбро и дорого уступали каждый шаг; но осаждающие спустились в глубокие рвы, приставили лестницы, взобрались на высокие стены, завладели двумя важнейшими наружными укреплениями, Св. Сальвадора и Св. Авраама, и заставили неприятеля ретироваться во внутреннюю крепость. В течение этого дня на батареях Мандукио и Св. Пантелеймона и при нападении на укрепления, из русских войск убито 22 человека, ранено – 72; турок и албанцев убито – 61, ранено – 92.

М. М. Иванов. Российская эскадра
под командованием Ф. Ф. Ушакова,
идущая Константинопольским проливом.
1799 г.

Видя остров Видо и передовые укрепления во власти

неприятеля и убедившись в том самоотвержении, с каким осаждающие готовы были возобновить нападение, генерал Шабо и генеральный комиссар Дюбуа вечером того же дня послали следующее письмо к главнокомандующему:

«Господин адмирал! Мы думаем, что бесполезно жертвовать жизнью многих храбрых воинов, как французских, так русских и турецких, находящихся перед Корфу. Поэтому мы предлагаем вам перемирие, на сколько времени вы рассудите необходимым для постановления условий о сдаче этой крепости. Мы приглашаем вас к сообщению нам намерений ваших по этому, и если вы желаете, то составим сами пункты предполагаемых нами условий.

Имеем честь быть, и проч. Корфу, 11 вантоза, VII года Французской республики (18 февраля 1799 г.)». На предложение это адмирал отвечал обещанием в непродолжительном времени доставить условия сдачи: «Я всегда на приятные договоры согласен, и между тем пошлю во все места, чтобы от сего времени на 24 часа военные действия прекратить», – писал он генералу Шабо. На другой день французский бригадный генерал и другие уполномоченные приехали на корабль «Св. Павел» для подписания капитуляции, которая была 20 февраля подписана обеими сторонами с приложением печатей.

Итак, могущественная крепость острова Корфу, до тех пор никем еще непобежденная, должна была уступить храбрости и искусству осаждавших; но чтобы вполне оценить при этом заслугу адмирала Ушакова и его подчиненных, необходимо с некоторой подробностью взглянуть на те неблагоприятные обстоятельства и затруднения, в которые был он поставлен в течение всей четырехмесячной осады, – затруднения, для преодоления коих надобно было много способностей и твердой воли, так что победу эту можно назвать двойной, и, следовательно, тем более доблестной и поучительной.

Прежде уже мы упомянули, что Порта разослала повеления некоторым пашам о доставлении войск для осады Корфу и что Али Янинский находился в числе тех, которые наиболее обязаны были содействовать соединенному флоту. Однако могущество и независимость этого паши от своего правительства, враждебные намерения и тайные замыслы заставляли его неохотно согласоваться с видами главнокомандующего, и первым поводом к обнаружению этого послужило самое варварство паши, сделавшее его столь известным.

Али-паша представлял собой редкое явление человеческой природы, сосредоточившей в нем все самые чудовищные и гнусные наклонности: хитрость, измену, предательство, корыстолюбие и ненасытную жажду убийств и хищений;

мстительность его изобретала самые изумительные неистовства. Недовольный безнаказанностью своих поступков и награбленными несметными богатствами, престарелый Али намеревался еще отложиться от Порты и сделаться независимым повелителем Албании.

С этими видами он старался приобрести дружбу Французской республики, способствовал французам к завладению венецианскими крепостями на албанском берегу: Бутринто, Паргой и пр., и полагал, что экспедиция в Египет доставит ему удобный и верный случай к исполнению намерений; но Нильское сражение расстроило эти замыслы.

Он увидел, что французы вскоре сами вынуждены будут оставить владения свои в Албании, и тогда, чтобы прикрыть измену, вдруг сделался открытым и ожесточенным врагом их: схватил и заключил в темницу одного французского генерала, приглашенного им с Корфу на албанский берег для дружеского свидания, напал на Бутринто и через короткое время овладел всеми местами, принадлежавшими французам в Албании, имевшими небольшие отряды войск.

Бесчеловечье его в особенности разразилось над жителями города Превеза, при взятии коего он потерял, как доносил Порте, до девяти тысяч человек своего войска, и озлоблен был на некоторых граждан за оказание помощи неприятелю; успевшие избежать кинжала или тяжкого плена скрылись в горы и на соседние острова и обратились к покровительству русского адмирала. Так как вместе с тем паша посадил в тюрьму находившегося в Превезе коллежского асессора Ламброса, бывшего русским консулом на Мальте, то Ушаков, еще во время пребывания у острова Св. Мавры, послал лейтенанта Метаксу с просьбой об освобождении консула и пощаде жен, детей и невинных.

Паша обещал прекратить свои преследования, дружески отвечал на письмо, но варварство на самом деле продолжалось; кроме того, он заставлял жителей подписывать письма, изъявляющие ему признательность за великодушное с ними обхождение, и посылал их в Константинополь, чтобы они могли служить опровержением на жалобы русского адмирала. Отчаяние и озлобление овладело наконец жителями всех прибрежных мест, составлявших французские владения; город Парга поднял русский и турецкий флаги, надеясь этим сколько-нибудь защитить себя, и вместе с тем через депутацию умолял главнокомандующего о помощи и даровании правления, какое учреждалось тогда на Ионических островах.

Хотя ожидание войск от Али-паши, в которых адмирал так

нуждался, требовало сохранения дружеских с ним отношений и вмешательство в дела жителей Мореи находилось вне круга действий, ему назначенных, – тем более что было уже известно намерение Порты присоединить весь тот берег к своим владениям, – но желание поддержать в жителях тех мест преданность и доверие к русскому флагу побудило Ушакова принять в покровительство союзных держав – России и Турции, все города, просившие у него защиты.

Поэтому он, вместе с турецким адмиралом, послал прокламации к жителям Бутринто, Парги, Превезы, Бонницы, Паксо, Каламо, Касто и пр., объявляя им свое намерение и предоставляя учредить свободное правление, какого они желали. Распоряжения эти были вполне одобрены государем и Портой, которая в начале декабря предписала Али-паше не вмешиваться в управление означенных мест и для вспомоществования флоту избрала авлонского начальника Ибрагима-пашу, имевшего до трех тысяч хорошего войска, хотя, впрочем, назначение это и не было вполне приведено в исполнение.

Казалось, Али-паша без труда подчинился требованию Порты, основанному на ходатайстве главнокомандующего; но вместе с тем увеличил свою хитрость и коварство в отношении других замыслов. Желая воспользоваться затруднительным положением, в которое поставлены были французы через прибытие союзного флота к Ионическим островам, он располагал, как упомянуто выше, сам овладеть островом Св. Мавры и обещал неприятелю перевести весь гарнизон в Анкону; такие же виды его были и на остров Корфу, куда он хотел высадить 25 тысяч своего войска.

Невзирая на всю несбыточность этого намерения, при неимении никаких военных судов для морской блокады и заготовленного провианта на такую армию, Али употреблял, однако, все средства к удалению русской эскадры, и потому успехи соединенного флота не могли быть ему приятны. Адмирал Ушаков хорошо понял своего противника, его двусмысленное поведение и тот образ действий, какой надлежало ему избрать для отклонения столь опасного врага.

Между обоими происходила самая вежливая переписка; они уверяли друг друга во взаимном уважении и дружбе и ненавидели один другого. В доказательство приязни Али-паша обещал Ушакову прислать своего сына с шестью или семью тысячами войска, но в то же время старался всеми средствами не доставить ни одного человека или замедлить доставку, чтобы этим заставить флот снять блокаду Корфу.

Ушаков писал Али-паше: «Сына вашего, если изволите ко мне прислать, я беречь буду как собственного моего сына и друга, и

тем докажу вам мое почтение»; между тем доносил государю, от 18 декабря: «В бумагах, отобранных мной от пленных на острове Св. Мавры, нашли письма, в которых Али-паша объясняет, что он всегда французам был друг и никогда против них не восставал; нас называет великими их неприятелями и советами своими поощряет, чтобы крепость Св. Мавры защищали они как возможно.

Из тех же писем видна переписка его с генералом Шабо, в Корфу находящимся, и ныне многие говорят, что он в Корфу с французами имеет свою переписку. Таковое доказательство без достаточных причин хотя не можно почесть во всем за верное, но понуждает иметь сомнение и осторожность». В письме от 2 декабря к господину Томаре адмирал говорит: «Нельзя почесть, чтобы Али-паша и был предан французам; он – человек хитрый и беспримерно обманчивый, старается отделить себя от всякой зависимости; он держит и держать будет ту сторону, которая сильнее».

Вид Корфу с острова Видо

Али-паша не только сам не исполнял обещаний своих, но объявил соседним пашам – Авлонскому, Скутарскому и Дельвинскому, что сделается открытым врагом их, если они вышлют вспомогательные войска союзному флоту, и в то же время уверял обоих адмиралов, что неприязненные намерения соседних губернаторов удерживают его от исполнения повелений своего правительства.

«От Блистательной Порты, – доносит Ушаков 18 декабря, – прислан был доверенный для примирения пашей между собой; но после того получил я от Мустафы-паши просительное письмо, объясняющее, что Али-паша хотя и обещал примириться, но вторично объявил ему войну, угрожает нападением и запрещает посылку к нам людей… Стараюсь о примирении его с пашами и просил прислать несколько войска; на таковой случай, чтобы убедил его более в моей к нему приязни, послал я при письме моем к нему в подарок, в знак благоволения вашего императорского величества, табакерку с бриллиантами в тысячу двести рублей, дабы тем более его убедить…

Все оное принято от него с великой учтивостью и уверением о благоприятстве, но и после того никакого на самом деле незаметно». От флота посылаемы были суда к албанскому берегу для принятия обещанных войск и облегчения их переправы на Корфу, но нередко, после долгих ожиданий, возвращались, не получив ничего; вместе с этим Али-паша не обращал никакого внимания на просьбы главнокомандующего о воспрещении жителям румельского берега привозить французам на Корфу провизию, скот и живность и старался повсюду распространять слух, «будто бы мы подкуплены, потому что долго не предпринимаем решительного нападения, и что несколько малых французских судов успели прорваться в крепость. Я всему этому смеялся и презирал и ожидал только соединения эскадр».

Зависимость от помощи таких лиц и сношения с ними, без сомнения, делали положение главнокомандующего весьма тягостным; медленность и интриги пашей противопоставляли ему беспрестанно новые затруднения, тогда как различные предположения, основанные на ходе событий, быстро тогда изменявшихся в Италии, заставляли спешить с покорением Корфу, «но кто предпринять и вообразить может, – писал адмирал Томаре в декабре 1798 года, – чтобы эскадры, без сухопутных войск, без осадной артиллерии и снарядов, словом сказать, без всего, даже и без малых способных вооруженных судов, одними кораблями и корабельными служителями могли взять такую сильно укрепленную крепость».

Однако при всем том надлежало держаться до последней крайности, потому что снять блокаду или ослабить ее – значило лишить себя сделанных уже приобретений и затруднить будущие действия флота еще в большей степени.

Ушаков хорошо видел, что в таких обстоятельствах дружба турецкого адмирала Кадыр-бея и находившегося на эскадре советника от Порты Махмуда-эфенди, составляла для него главную опору, необходимое условие для успеха, и умел

сохранить ее во все время. Он пользовался личным уважением султана и верховного визиря; доброе же согласие обоих адмиралов и взаимные их похвалы один другому служили в глазах турецкого правительства ручательством в благонамеренности русского главнокомандующего, в его желании исполнить возложенное на него поручение со всем усердием, и делали недействительными беспрестанные происки Али-паши в Константинополе.

Это доказывают два письма великого визиря Оттоманской Порты Юсуф-Зия-паши к Ушакову, писанные в январе и феврале 1799 года; при первом из них, «на самомалейшие расходы» адмирала, прислано ему было от султана тысячу червонцев, и при втором, «в знак дружелюбной привязанности», приложена табакерка, украшенная алмазами. Адмирал отвечал, что «благоволение его султанского величества, ему объявленное, и присланную табакерку он с глубочайшим благоговением имел счастье получить и приносит всепокорнейшую благодарность».

Терпением, угрозами и жалобами, ласками и подарками, Ушаков успел наконец заставить пашей прислать вспомогательное войско, хотя оно составляло только третью часть того числа, какое от них требовалось. Но не в этом заключалось уже тогда главное. Нерегулярное и необузданное войско это приходило в разные времена и малыми отрядами, иногда не более 20 человек, без провианта, жалованья, пороха и пуль.

Оно беспрестанно напоминало, что вынуждено будет возвратиться домой, если не получит довольствия, или даже перейдет на сторону неприятеля. Главнокомандующий был в необходимости выдавать им деньги и делиться провиантом, в котором сам терпел большой недостаток; но за всем тем, беспорядочные толпы эти нелегко было удерживать от беспрестанных и многочисленных побегов и грабежа.

Они грабили церкви, истребляли образа и иконостасы, и корфиоты были до того озлоблены поступками этими, что одно только старание адмирала и единоверие удерживало их от возмущения[87]. В решительную же минуту албанцы изменили; они отказались от участия в нападении на остров Видо, и не более 200 их находилось в числе союзного войска. Они не хотели также драться на батареях против крепостей Корфу, и только покорение острова Видо ободрило и подстрекнуло их идти на приступ.

Корабельная пушка
конца XVIII в.

Суда турецкой эскадры также оказывали небрежение и леность. «Дела, сколько здесь ни есть, вся блокада, во всех рассылках и местах, и все успехи производимы были одними моими только судами, – писал адмирал впоследствии Томаре, – а с турецкой эскадры, кого ни посылал я, пойдет часа на два, а потом и возвращается назад; когда велю где крейсировать и не приходить назад ко флоту, то отойдут, остановятся на якорь и дремлют во все время без осмотрительностей».

Точно же так и при общем нападении на укрепления, 18 февраля, помощь их была незначительна. «Все настоящие действия формально произведены были одними нашими войсками и ежели судить справедливо, надобно приписать все одной только моей эскадре: обе батареи на берегу сделаны и окончены одними только моими людьми. Турки и албанцы, за работу ни один человек даже никогда и не принимался… При нападении на остров Видо повреждения, какие случались в корпусе кораблей и рангоуте, все это потерпели одни только мы… Целый свет может отдать справедливость вверенной мне эскадре и нашему действию; но чтобы утвердить более дружбу нашу с Блистательною Портой, в реляции пишу с похвалою и признательностью и об их судах. И, по справедливости сказать, они помогают мне по их возможности; но кораблей турецких при атаке острова не поставил я вместе с нашими, потому что, став на якорь, не могут скоро поворотиться на шпринге и в это время были бы обращены кормами против батарей неприятельских».

В письме к турецкому адмиралу (от 16 марта 1799 года) сказано: «Вашему превосходительству известно, сколь мала помощь от вашей эскадры была мне делана». По взятии Корфу то же нерадение продолжалось: «Я двукратно объяснялся с вами

словесно и требовал, чтобы непременно вы послали ваши суда, – писал Ушаков Кадыр-бею, – и помогали бы мне в осторожностях: но более трех недель уже прошло после взятия крепостей, однако во все время вы судов ваших в крейсерство не посылаете».

Желание избегать всяких несогласий со своими союзниками заставляло Ушакова не быть к ним слишком взыскательным, и потому вся тягость продолжительной зимней блокады падала на одну русскую эскадру. К этому присоединились еще разные недостатки в продовольствии флота, происходившие от злоупотребления и нерадения турецких чиновников, которым поручено было заготовление провизии.

По договору, заключенному с Портой, она обязалась продовольствовать русскую эскадру на свой счет, доставляя запасы частью натурою, и непременно на четыре месяца вперед, и частью деньгами, по 600 тысяч пиастров на каждые четыре месяца. Но еще за два месяца до покорения Корфу адмирал доносил (18 декабря 1798 года) государю: «Скоро от совершенного уже неимения на эскадре провианта находиться будем в крайне бедственном состоянии, и чем пропитать служителей, способов не нахожу.

Остров Корфу, будучи блокирован, в провианте имеет недостаток; ежели малое число пшеницы на него привозят на лодках из других островов, то она в продаже чрезвычайно дорога и притом весьма малое количество. За всем тем начинаем мы с Кадыр-беем покупать пшеницу, посылать на мельницы, а потом будем искать способов к печению хлебов…

А притом, служители в эскадре, мне вверенной, крайнюю нужду терпят, не имея платья и обуви, не получив оных на нынешний год, и как обмундировать их, средств не нахожу, потому что в здешнем краю ни мундирных материалов, ни обуви, даже за весьма дорогую цену, достать невозможно; да и на выдачу жалованья, почти за целый год, денег я еще в наличии не имею…»

Ушаков беспрестанно напоминал пашам о необходимости скорой и исправной доставки продовольствия, указывая им на угрожавшие последствия от такого замедления; на деньги же, собранные в небольшом количестве на островах и считавшиеся призовыми, вынужден был купить до «тысячи капотов для солдат, бывших на батареях», и до двух тысяч разных кож «на обносившихся людей, бывших в самой крайности».

Для обеспечения прозрачности расходования призовых всех денег адмирал учредил особую комиссию; но так как в числе прочих недоброжелательных слухов, распространяемых Али-пашой о русской эскадре, он упрекал главнокомандующего в присвоении себе этих денег, то Ушаков писал о том В. С. Томаре:

«Все сокровища на свете меня не обольстят, и я ничего не желаю и ничего не ищу от моего малолетства; верен государю и отечеству, и один рубль, от монаршей руки полученный, почитаю превосходнейше всякой драгоценности, неправильно полученной».

Три мелких судна, прибывшие из Севастополя 22 ноября, доставили незначительное количество запасов, в сравнении с возраставшим их требованием на эскадре, весьма недостаточно снабженной при отправлении из своего порта; многие же суда, посланные с провизией из Константинополя и Мореи, погибали на пути от свирепствовавших в то время ветров или получали большую течь, от которой подмокал их груз; вообще же вся провизия была самого плохого качества.

«От худой провизии, – писал адмирал верховному визирю 30 января 1799 года, – служители, мне вверенные, начали во многом числе заболевать и умирают. Доктор с медицинскими чинами свидетельствовали нашу провизию и нашли, что люди больными делаются единственно от нее, и представляют, чтобы такую худую провизию в пищу людям не производить».

Даже спустя полтора месяца по взятии Корфу (31 марта) писал он Томаре: «Офицеры и служители за долгое время вовсе не получают жалованья и никакого довольствия; по неимению припасов, невозможно приступить к исправлению кораблей, и прочие разные обстоятельства подвергают меня в великое уныние и даже в совершенную болезнь. Из всей древней истории не знаю я и не нахожу примеров, чтобы когда какой флот мог находиться в отдаленности без всяких снабжений и в такой крайности, в какой мы теперь находимся… Мы не желаем никакого награждения, лишь бы только служители наши, столь верно и ревностно служащие, не были бы больны и не умирали с голоду».

Ко всему этому надобно еще присовокупить бурную, дождливую и холодную погоду, продолжавшуюся почти во все время блокады. Зима с 1798 на 1799 год замечательна была изобилием снега и необыкновенной суровостью на юге Европы, так что Австрия поставлена даже была в невозможность начать военные действия в Италии, вопреки нетерпеливого желания ее союзников. Только твердая воля Ушакова и уверенность в строгом повиновении подчиненных могли устоять против стольких испытаний.

«Наши служители, от ревности своей и желая угодить мне, оказывали на батареях необыкновенную деятельность; они работали в дождь, в мокроту, в слякоть или же обмороженные в грязи, но все терпеливо сносили и с великой ревностью старались». Эти несколько сот русских солдат и матросов,

преданных своему долгу, в течение многих недель отстаивая жизнь свою у голода и стужи, были вместе с тем лишены возможности наносить неприятелю тот вред, какого можно было ожидать от их храбрости, потому что и в артиллерийских снарядах имелся также недостаток.

«Недостатки наши, бывшие при осаде Корфу, во всем были беспредельны, – писал Ушаков Томаре, – даже выстрелы пушечные необходимо должно было беречь для сильной и решительной атаки, посему с прежних батарей всегда стрелять я запрещал и не мог постоянно наносить желаемого вреда неприятелю».

В таком материальном состоянии находилась русская эскадра, из восьми кораблей и семи фрегатов, большей частью ветхих, под флагом любимого вождя своего, адмирала Ушакова, умевшего передать ей и свою храбрость, и свою твердость, когда 18 февраля три тысячи французского войска, защищенного 600 пушками и имевшего продовольствия на полтора месяца, сдались военнопленными; и в этой школе трудов и лишений, руководимый примером Ушакова, приготовлял себя Сенявин, чтобы с такой же честью командовать шесть лет спустя русской эскадрой на тех же водах и при обстоятельствах, во многом одинаковых с вышеизложенными.

Глава XV. Распоряжения адмирала Ушакова после взятия Корфу. Награды

Условия капитуляции, на которых сдалась крепость Корфу, были довольно выгодны для неприятеля[88], но они вполне оправдывались тогдашними обстоятельствами. Недостаток в продовольствии для флота, необходимость исправить суда свои после продолжительной зимней кампании и требования помощи Неаполитанскому королевству, занятому французами, заставили союзных адмиралов подписать условия эти.

Главные статьи заключались в следующем: неприятель должен был сдать соединенному флоту город и крепости, со всеми арсеналами, магазинами, артиллерией, амуницией, съестными припасами, материалами и прочими вещами, не принадлежащими частным лицам, и со всеми судами Французской республики. Частная собственность оставлена неприкосновенною. Гарнизону позволялось выступить из крепости со всеми военными почестями и, выстроившись во фронт, положить оружие и знамена перед фронтом союзных войск, за исключением генералов и всех прочих офицеров, военных и гражданских, которые оставлены при шпагах.

По занятии всех постов русскими и турецкими отрядами, французы должны были возвратиться в крепость, на прежние квартиры, и оставаться там до отправления в Тулон на судах от соединенных эскадр и за счет победителей, которые обязались также производить полное денежное довольствие и рационы по французскому положению всем офицерам, чиновникам и солдатам, до прибытия их во французский порт.

Военнопленные обещались не служить в течение 18 месяцев против России, Турции и их союзников; взятые же в плен во время блокады – не служить в течение всей войны. Генерал Шабо со своим штабом и прочие чиновники могли переехать куда пожелают: в Тулон или Анкону, на военном судне. Больные в госпиталях должны были по выздоровлении отправиться в Тулон; при них осталось несколько французских лекарей и офицеров.

Военнопленных, вместе с взятыми на острове Видо и с разными военными и гражданскими чиновниками, было 2931, в том числе: четыре генерала – Дюбуа, Шабо, Пиврон и Верьер; бригадных командиров – 5; адъютантов – 4; артиллеристов – 387; пехоты – 2030; морских служителей – 379. Судов взято: 54-пушечный корабль «Леандр»; 32-пушечный фрегат «Брюн»; 8-пушечная полякра «Экспедицион»; бомбардирское судно; две

бригантины; две галеры; четыре полугалеры; одна канонерская лодка и три купеческих судна.

В порте Говино, где было венецианское адмиралтейство, находились: три старых корабля, из коих два затонувших; два фрегата, два брига, две полугалеры, две бригантины, три канонерских лодки и несколько лесов. Суда эти были негодны, а леса употреблены на исправление эскадры.

В разных укреплениях и магазинах на острове Корфу найдено: пушек – 510 (медных – 323, чугунных – 187); мортир – 105 (медных – 92, чугунных – 13); гаубиц медных – 21; всего – 636 орудий. Ядер – 137 тысяч; бомб – 849, гранат начиненных – 2116; разных книппелей – 12 708; древгалов – 1482; ружей годных – 5495; патронов ружейных с пулями – 132 тысячи; пороху – 3060 пуд. Блоков – 150 и такелажа – до 800 пуд.; большое количество госпитальных принадлежностей: рубах, тюфяков, одеял и пр.; разного провианта, морского и сухопутного, по числу французского гарнизона, на шесть недель.

В. Л. Боровиковский. Портрет
Алексея Ивановича Васильева.
Начало 1800-х гг.

Через сутки по подписании капитуляции, 22 февраля, весь соединенный флот рано утром снялся с якоря и вошел на рейд между островами Корфу и Видо, заняв место в линии против крепостей, «для предосторожности». В полдень того же дня исполнены были условия капитуляции: французские флаги спущены на всех укреплениях и судах, вместо них немедленно подняты русские и турецкие и произведены салюты адмиральскому флагу; люди с обеих эскадр заняли крепости.

Ввечеру главнокомандующий с флагманами и командирами

русских судов съехал на берег, для слушания благодарственного молебствия в церкви Св. Чудотворца Спиридона, и был торжественно встречен народом, не знавшим границ своей радости и восторга. Повсюду слышны были восклицания благодарности русскому императору за избавление от неприятеля, и развевались русские военные флаги, а из окошек в домах вывешены материи и ковры; колокольный звон и ружейная пальба не умолкали. На 27 марта, в первый день Св. Пасхи, адмирал назначил большое торжество, пригласив духовенство сделать вынос мощей угодника.

Знамя, флаг и ключи главной крепости, флаг, гюйс и вымпел с корабля «Леандр» и полякры «Экспедицион» препровождены Ушаковым к государю императору; а флаг и знамя с другой крепости Кадыр-бей поднес султану.

Призы, взятые на Корфу, разделены были между обеими эскадрами: «Корабль «Леандр» достался мне, в российскую эскадру, яко начальствующему и трудившемуся в исполнении дел; а фрегат «Брюн» в эскадру Блистательной Порты; прочие же мелкие суда еще не распределены, до окончания разбирательства, так как многие, по предъявлению обывателей, им принадлежали…

Раздел всего, находящегося в крепостях, более всех с уважением на сторону российской эскадры сделан быть должен, уже и потому, что в эскадре, мне вверенной, восемь кораблей и семь фрегатов, а в турецкой только четыре корабля и несколько фрегатов, следовательно, силы наши почти вдвое больше; а притом действие мое против крепостей кораблями российскими стоят более 30 или 50 тысяч сухопутного войска», – писал адмирал Г. Г. Кушелеву. Также присоединены были к русской эскадре: полякра «Экспедицион», взятая на другой день по покорении Корфу, куда пришла под французским флагом из Анконы с продовольствием и железом; разбойничье тунисское судно, взятое кораблем «Богоявление Господне» и названное шебека «Макарий»; 8-пушечный требакул, взятый фрегатом «Счастливый» и названный бриг «Александр».

Лейтенант Македонский назначен был командиром на полякру, лейтенант Бутаков на бриг, а шебека под начальством лейтенанта Ратманова приносила, как мы уже видели, весьма много пользы флоту, хотя «была старое и почти никуда не годное судно». Бомбарда, взятая нашим отрядом при нападении на Видо, отдана была на некоторое время туркам, по просьбе их; но они ее не возвратили и увели с собой в Константинополь.

Несколько крепостных орудий также взяты на нашу эскадру вместо поврежденных, и адмирал писал Томаре: «Многие

картаульные единороги и 24-фунтовые пушки с кораблей, бывшие на батареях, от многой и долговременной пальбы раздулись и пришли в негодность; то такие орудия приказал я в здешней крепости переменить годными, порох же и заряды взять из магазинов и из крепостей, сколько в комплектное положение на место издержанного следует».

Однако русская эскадра осталась в потере, потому что корабль «Леандр», как взятый французами от союзников наших англичан, был им потом возвращен: «Взят был в бою от наших кораблей, корабль «Леандр»; оный мы отлили (потому что получил несколько подводных пробоин при атаке острова Видо), исправили, снабдили и напоследок, исполняя высочайшее повеление, отдали англичанам; фрегат же «Брюн» оставлен у себя турками со всей полной артиллерией, припасами и снарядами, вооруженный и совсем готовый», – сообщал Ушаков Томаре.

Вообще же, при разделе завоеванного имущества, турки с жадностью старались присвоить себе все и заводили ссору за всякое бревно и веревку, взятые для починки русских судов, поврежденных во время сражения, тогда как их суда были совершенно сбережены и целы. «Только несколько малых полевых пушек взято было на отряды наши, посланные в Италию; а для интереса ни одна пушка нами не взята.

На турецкую же эскадру не только малые пушки брали, но и множество медных орудий с Занте, Видо и Корфу для интересу. Они также взяли потом все призовые суда, так что мне ни одного судна не осталось и я ничего не имею». Поводом к неудовольствиям этим был турецкий вице-адмирал, Патрон-бей, вознегодовавший на Ушакова за недопущение его к разным своевольствам и разврату на острове; и впоследствии, когда капудан-паша, наущенный им, начал изъявлять свои притязания Томаре на неправильный раздел призов и действия русского адмирала, то Ушаков писал посланнику: «Я не интересовался нигде ни одной полушкой и не имею надобности; всемилостивейший государь мой император и его султанское величество снабдили меня достаточно на малые мои издержки.

Я не живу роскошно, потому и не имею ни в чем нужды, и еще уделяю бедным, и для привлечения разных людей, которые помогают нам усердием своим в военных делах. Я не имею этой низости, как злословит меня капитан-паша, потворствуя, можно сказать, человеку (т. е. Патрон-бею), действительно по справедливости долженствующему быть наказанным найжесточайше».

Главнокомандующий предоставил сенату острова Корфу озаботиться поправкой всех укреплений, что и было окончено к

сентябрю 1799 года. Впрочем, на приведение в оборонительное состояние корфинской крепости и исправление ее артиллерии употреблены были, в значительном количестве, деньги от русского правительства, и Ушаков представил потом счета по этому предмету государственному казначею барону Васильеву.

Для содержания караулов адмирал сформировал один Корфиотский полк, который, вместе с отрядом десантного войска с флота, занимал крепости до прибытия русских и турецких войск. Албанцы не могли быть допущены к этой службе; они и после сдачи крепости продолжали беспрерывные грабежи, ссоры и драки, часто кончавшиеся смертоубийством, так что не только крепость, но и город с береговой стороны были всегда заперты и албанцы туда не впускались; в марте месяце они распущены по домам, по неимению в них более надобности.

По представлению адмирала о необходимости увеличить гарнизон столь обширной крепости присылкою регулярного войска и о невозможности оставлять ее без надлежащего обеспечения, высочайше назначен, в мае того же года, комендантом в Корфу генерал-майор Бороздин с двумя гренадерскими батальонами, которые первоначально предположено было доставить из порта Зара на судах, посланных от эскадры Ушакова.

На прочих же островах должность комендантов исправляли морские офицеры, а именно: на Кефалонии – поручик Поджио; на Св. Мавры – флота лейтенант Сальти; на Занте – капитан-лейтенант Телесницкий, сменивший в апреле мичмана Васильева. На этом последнем острове впоследствии составлена была стража из албанцев, славян и греков.

Деятельное крейсерство в проливах у острова Корфу и в Венецианском заливе по-прежнему продолжалось, и никаким судам не дозволено было проходить без осмотра.

Али-паша не мог равнодушно смотреть на победу соединенного флота и на приобретенную им добычу, но главнокомандующий, не имея теперь более надобности быть к нему слишком снисходительным, намеревался силой ограничивать его замыслы. «Али-паша хочет быть с нами участником во взятии крепости Корфу, – писал он Томаре 5 марта 1799 года, – не выводит своих войск отсюда, и на днях (т. е. спустя уже шесть недель после сдачи Корфу) прислал еще до 300 албанцев и намеревается все, что есть взятое в крепости и в городе, делить со мной товариществом. Если бы он прислал к нам своего сына и с ним шесть или семь тысяч войска, то я хотел бы его сделать участником, в чем ему и обещал; но он от присылки войска отказался и требовал от Блистательной Порты позволения

брать Корфу ему самому, для чего полагал необходимым иметь не менее 25 тысяч войска…

Я его к разделу от занятия им общо с нами крепости не принимаю… Говорят, что он намерен ввести сюда десять тысяч войска; если он предпримет такую дерзость, я почту это за бунт против Блистательной Порты и против нас, и прикажу военным судам нашим топить все его суда, на которых войско его переправляться будет, если и он сам с ними будет… Боюсь даже, чтобы до отправления еще отсюда французского гарнизона албанцы не покусились предпринять вместе с ними чего-либо важного против нас».

Но Али-паша не решился испытать удачи своей в споре с русским адмиралом и обратил месть на тех албанских начальников, которые усерднее служили союзному флоту при осаде Корфу. Он велел строить укрепление против крепости Св. Мавры на таком месте, где запрещалось по всем положениям, и послал туда чаушей своих; жители отправили депутацию к главнокомандующему, поэтому с Корфу послано было небольшое подкрепление на Св. Мавру и отряд с двумя пушками в Паргу, где паша тоже собирал значительное войско под предлогом отправления его в Александрию, для вспомоществования англичанам.

К 18 марта готовы были девять наемных купеческих судов для французского гарнизона, и солдаты отправлены в Тулон под прикрытием шести мелких русских военных судов. Начальство над конвоем поручено было акату «Ирина» (лейт. Влито), и все суда благополучно достигли Тулона, исключая одного купеческого, захваченного алжирцами.

24 марта генералы Шабо и Верьер со штабом отправились на военной бригантине в Анкону, в сопровождении четырех наемных судов[89]. Об обхождении своем с военнопленными адмирал пишет Томаре (13 марта 1799 года): «С генералами и со всем французским гарнизоном поступали мы весьма обязательно; обхождением моим с ними и снисходительностью в кондициях, которые мы для них сделали, они столь довольны, что откровенно выражают сердечные их чувства; особенно же у гг. Шабо и Пиврона даже многократно слезы на глазах показывались от удовольствия и благодарности, и, можно сказать, почти все оказывают нам преданность…

Поступками моими с теми пленными, какие до того были отпускаемы в свое отечество, французские солдаты и гренадеры, в Корфу находившиеся, были столь довольны, что большая часть из них не желали с нами драться, почитая лучше сдаться нам пленными, в надежде, что мы их отпустим с такой же добротой.

Ныне наиболее могут они это почувствовать, и польза наша из того на будущее время явственно предвидится».

Коль скоро адмирал устроил дела первой потребности, немедленно приступил к починке судов своей эскадры, до такой степени расстроенных зимней блокадой и плаванием в Архипелаге, что почти на всех, особенно на мелких, открылась течь и надлежало их килевать; кроме того, были многие повреждения в рангоуте, полученные при нападении на остров Видо.

Корабли «Богоявление Господне» и «Св. Троица» предстояло починить для того только, чтобы отправить их в Севастополь «за ветхостью, для надлежащего исправления», на что последовало высочайшее разрешение. Запасов, взятых в корфинских магазинах, как то: бревен, досок, пеньки, гвоздей и такелажу, не было достаточно для исправления пятой доли всех повреждений; но затруднение чрезвычайно увеличивалось тем, что «поблизости таковых вещей не было в продаже и не было возможности достать их».

В числе первых забот адмирала было учреждение главного правления на острове Корфу, которому подчинялись бы управления всех прочих островов, входивших в состав Ионической республики. Ускорение этой меры делалось тем более необходимо, что на островах продолжались большие беспорядки. На Занте жители многих деревень не повиновались судебным местам, перестали уважать всякую власть и открыто сопротивлялись ей; они грабили дома дворян или поджигали их.

Почти то же самое было и в других местах; вражда между самыми дворянами усиливалась, и они беспрестанно приносили жалобы адмиралу, прося его рассмотрения и защиту. Выведенный из терпения таким ходом дел на острове Кефалония, он писал в тамошний конклав, что для усмирения пришлет к ним эскадру, или сам прибудет, арестует всех бунтовщиков и зачинщиков и отошлет пленниками в Константинополь, «или еще гораздо далее, откуда и ворон костей ваших не занесет».

На Корфу был такой же беспорядок, и разные злонамеренные люди распространяли ложные слухи для возмущения народа; почему адмирал вынужден был беспрестанно рассылать публикации, приглашавшие жителей успокоиться и обратиться к своим занятиям. К депутатам острова Корфу он писал: «На представление ваше о буйствах и дерзостях деревенских жителей, до установления всего порядка и полного правительства, теперь сказать иного не могу, как только то, что надобно, во-первых, собрать в одно место все общество города и деревень и отобрать от него сведения, чего они требуют. Учреждение же и

установление дадим им такие же точно, как и в прочих завоеванных нами островах».

Вследствие этого на каждом острове собраны были общества и ими положено: чтобы все классы – духовные, дворяне, ремесленники, купцы и жители деревень, имеющие от 100 до 180 червонцев дохода и проживающие на островах не менее 15 лет, выбрали от себя депутатов, по равному числу из каждого класса, которые, по принесении присяги и целовании креста, приступили бы к избранию членов для составления Большого совета, или Греческого сената.

Ушаков сам написал слова присяги, которую жители должны были произнести, готовясь к выборам судей, и советами своими участвовал в составлении постановлений для новой Республики, поднесенных ему на рассмотрение и утверждение через особую депутацию, при почтительном письме. Все выбранные в Большой совет, или Сенат, записывались в золотую книгу. Сенат должен был находиться в Корфу, составлять главное правление Республики, иметь председателя, называемого Principe (князь), и по большинству голосов решать политические, военные и хозяйственные дела.

Он составлялся из старейших и достойнейших жителей обоих классов с каждого острова, обязанных служить без жалованья. От островов Корфу и Кефалония назначено было по три сенатора; от Занте и Св. Мавры – по два, и от Цериго, Итаки и Паксо – по одному. Сверх того, на каждом острове учреждены были: главный совет, магистрат, полиция и казначейство, в которое поступали общественные доходы, для управления же различными частями администрации избирались 40 судей. Главное казначейство должно было находиться в Корфу.

Сенат рассматривал все доходы Республики и располагал ими; он имел полномочие издавать законы и постановления, окончательное утверждение коих зависело от большинства голосов в главных советах на островах. Все должностные лица принимали присягу. Число войск и военных судов зависело от величины доходов, и, за исключением вооруженной части деревенских жителей или милиции, должно еще было сформировать: один корпус артиллеристов, один регулярного войска и один греческих войск. Военный начальник всех островов принимал приказания от председателя Сената.

Капитан-лейтенант Тизенгаузен, с надлежащими полномочиями, послан был на острова Кефалония, Итака, Занте и Св. Мавры, чтобы сделать общие собрания и выборы и открыть присутственные места. Распоряжениями своими в этом случае он снискал благодарность всех жителей. Повсюду народ с восторгом

принимал объявление независимости, встречал Тизенгаузена с иконами и хоругвями, и провозглашал имя русского императора.

В мае 1799 года Сенат и все присутственные места были уже учреждены, и Республика открыта под наблюдением русского адмирала, но так как предстоявшие действия союзного флота в Италии неизбежно должны были отвлекать внимание Ушакова от ближайшего надзора за ходом дел на островах, то вскоре последовал высочайший рескрипт от 27 мая 1799 года: «Господин адмирал Ушаков! По просьбе к нам короля Неаполитанского, позволяем находящемуся при нем в качестве поверенного в делах, статскому советнику Италинскому[90], по временам быть в Корфу и других венецианских островах, как для осмотра порядка заводимого на оных правления, так и всех мест. В прочем пребываем к вам благосклонны».

Горацио Нельсон,
1-й виконт Нельсон
(1758—1805)

С тех пор как в конце XVIII века пересеклись пути двух великих флотоводцев — Ушакова и Нельсона, среди историков не утихают дискуссии о том, «кто у кого учился», кто из них талантливее и гениальнее. Знаменитый историк Е. В. Тарле писал об этом «соперничестве» так: «Ушаков, идя абсолютно самостоятельным путем, явился творцом новой наступательной тактики. Он не только поломал все догмы застывшей линейной тактики, господствовавшей в западноевропейских флотах того времени, но разработал и практически осуществил новые маневренные формы боя. Нельсон же, особенно сначала, был счастливым последователем и продолжателем своего соотечественника Клерка, талантливым реализатором его идей. Ушаков проявил себя как блестящий новатор морского боя и одержал замечательные морские победы, еще не имея никакого понятия о Нельсоне, задолго до того, как Нельсон получил сколько-нибудь самостоятельное положение в британском флоте, что случилось лишь в 1797 г., когда он отличился в сражении близ мыса Св. Винцента».

Контр-адмирал прежней венецианской службы Анжело Орио, с острова Св. Мавры, избран был председателем Сената, и вместе с другими двумя депутатами, по совету и желанию адмирала, отправился в Санкт-Петербург для принесения государю императору благодарения за освобождение Ионических островов и дарование им независимого правления.

Такая же депутация и с той же целью отправилась к султану. В августе 1800 года все постановления, с небольшими только изменениями, были одобрены и утверждены государем; депутаты же, посланные в Константинополь, без всякого данного им права и без ведома своего Сената, упросили министерство Порты и русского посланника Томару изменить конституцию и одному дворянству предоставить всю власть, которая, с целью примирения двух партий на островах, сильно враждовавших – дворян и поселян, была разделена, так что Сенат и все присутствия составлены были из депутатов той и другой стороны поровну.

Ушаков, узнав об этом по возвращении на Корфу из Сицилии в феврале 1800 года и предвидя, какие пагубные последствия и междоусобную войну поведет за собой эта перемена, старался согласить Томару на отказ своевольным депутатам: «Вы изволите

припомнить высочайшее повеление, что по сим обстоятельствам все это на меня возлагалось; я и теперь стараюсь привести все в лучший порядок».

Законы для управления Ионическими островами заимствованы были из венецианских уложений, и если республиканское правление, дарованное островам этим, и не служило тогда, быть может, лучшим средством к водворению на них прочного благосостояния, но оно признано было наиболее удобной мерой, для того чтобы сделать их как бы нейтральными до окончания войны с Францией и оградить от притязаний, какие имели или хотели иметь некоторые державы на эти владения.

Решившись вооруженной рукой противопоставить преграды замыслам Французской республики, русский император желал действовать совершенно бескорыстно в этом общем деле со своими союзниками, и потому заблаговременно объявил Австрии, Англии, Порте Оттоманской и другим державам, что не желает искать новых приобретений. Но не таковы были, как мы видели, намерения его союзников.

Англия имела некоторые виды на завладение Ионическими островами, и хотя король великобританский дружески уверял императора Павла, что относительно Средиземного моря и лежащих на нем земель не имеет никаких собственных видов, но желает только вступить в соглашение о будущей участи тех областей, которые от французов будут отняты, однако действия начальников альпийских эскадр не вполне согласовались с этими уверениями, и только бедствия Неаполитанского королевства воспрепятствовали Нельсону предупредить адмирала Ушакова и открыто выказать союзникам настоящие намерения своего правительства в отношении Ионических островов.

Австрия, равным образом, с неудовольствием взирала на успехи союзного флота и произведенное им нравственное влияние на островах этих; но она не оставляла своих домогательств и не прекратила тайных сношений для поддержания преданной ей партии между жителями. В переписке австрийского губернатора в Бокко-ди-Каттаро, генерала Томасо Брадеса, с консулом на острове Занте, случайно перехваченной в мае 1799 года и доставленной Ушакову, найдены им были «развратность и помешательство в наших учреждениях островов, прежде бывших венецианских; стараются они делать происки и отклонять их на сторону австрийской нации»[91].

Такие действия австрийского правительства много препятствовали адмиралу к успешному образованию правления и соглашению враждовавших партий.

Наконец, Турция также желала приобретения этой части

венецианских владений, которые, находясь в таком близком соседстве с ее собственными землями, могли служить для нее предметом постоянных затруднений и забот, если бы присоединены были к какой-нибудь сильной державе.

Но, получив удостоверение русского императора, что в этом отношении ей не может предстоять никакого опасения, Турция охотно отказалась от всяких домогательств, удовольствовалась получением мест на албанском берегу, признанных за Францией по Кампо-Формийскому миру, и, согласуясь с видами России, не замедлила снова объявить островам, через Константинопольского патриарха, готовность со своей стороны на учреждение у них независимого правления, под покровительством союзных держав, предпринявших их освобождение.

Однако русское правительство не ослабляло своей осторожности, и потому, до прибытия высочайше назначенного гарнизона, укрепления на Корфу заняты были преимущественно русскими войсками с эскадры и вновь сформированными греческими; турки же допускались к этой службе сравнительно в гораздо меньшем числе, и хотя Порта обнаруживала желание поспешить присылкой войск своих, но господин Томара уведомил адмирала (от 26 сентября 1799 года), что: «Войска турецкие, которые придут для гарнизона в Корфу, не должны допущены быть в крепость до тех пор, пока придут наши войска. Они должны в крепость войти вместе с нашими; а если и допустить их до этого, так разве в весьма малом числе, чтобы было безопасно от нечаянного какого-либо предприятия, а прочие должны находиться в отдаленности от крепости и города, и всего лучше, если они расположены будут на албанском берегу до прибытия войск наших. Также и с эскадры турецкой нисколько не должно быть свезено войск более наших».

Независимость Ионической республики, под покровительством России и Турции, признана была на Амьенском конгрессе 1801 года 21 марта, с тем чтобы она платила Турции каждые три года по 750 тысяч пиастров, но не считалась принадлежащей ей, а только пользующеюся всеми правами ее подданных. Таким образом, домогательства Австрии и старания ее противопоставлять затруднения адмиралу Ушакову не имели никакого успеха; Великобритания же вынуждена была ограничиться выжиданиями, уступая сильному влиянию России на Ионические острова, продолжавшемуся до 1807 года. Наконец, когда шесть островов, кроме Корфу, завоеваны были англичанами, Республика эта признана на Венском конгрессе состоящею под покровительством Великобритании.

В связи с ходом тогдашних политических событий было

желание России усилить влияние свое на жителей Черногории, Сербии, Боснии, Герцеговины и Далмации. Черногорский митрополит Петр Петрович Негуш, пользовавшийся большим уважением и властью между славянскими народами, был главным лицом, через которое желало действовать правительство русское для этой цели.

Негуш с малолетства предназначался быть главою Черногорской республики, получил воспитание в Александро-Невском монастыре в Петербурге и всегда признавал себя подданным русских государей. Во время Турецкой войны он оказал важные услуги России, отклонив в 1788 году войска скутарского паши от участия в войне и сделав в 1789 году диверсию в Боснии и Герцеговине, что доставило ему большие милости Екатерины Великой.

Желая показать Негушу и его народу знаки особенного своего внимания, император Павел, в исходе 1798 года, препроводил к нему, через дипломатического агента господина Слуковича, орден Св. Александра Невского и щедрые дары для храмов, и желал, чтобы адмирал Ушаков от себя отнесся к Черногорскому митрополиту с приветствием и «изъявлением ему и всему народу мирного его величества к ним расположения и благоволения».

Орден Ушакова 1-й ст., учрежденный в 1944 г.

Получив о том высочайшее повеление (от 28 декабря 1798 года), Ушаков послал 1 марта капитан-лейтенанта Клопакиса с письмом своим к Негушу. Австрийские начальники в Рагузе и Бокко-ди-Каттаро старались всеми способами удержать русского офицера от поездки на Черную Гору, под предлогом заразной болезни, показавшейся в тех местах; но, видя в этом один умысел, Клопакис успел исполнить сделанное ему поручение, встретил самый радушный прием от митрополита и донес главнокомандующему как о бывшем посещении Слуковича, так и о преданных чувствах владыки, хотя последний, из политической осторожности, старался не выказывать их в официальных свиданиях своих с посланником русского адмирала.

Исчисление различных распоряжений и принятых мер показывает, что освобождение Ионических островов не было делом одного простого военного назначения, но что столько же надлежало действовать оружием слова, сколько употреблять

открытую силу, и потому нельзя умолчать о необыкновенной деятельности адмирала Ушакова в дипломатических его сношениях во все время этой кампании, особенно же в продолжение блокады Корфу.

К этому надобно еще присовокупить, что, находясь в частой переписке с неаполитанским и турецким министерствами, с русскими посланниками в Константинополе, Неаполе и Вене, с начальниками английских эскадр, пашами и другими турецкими правителями, рассматривая жалобы жителей островов, делая самые подробные донесения государю и своему начальству, давая письменные инструкции всем судам и отрядам своим, посылаемым от флота, и пр., он не имел даже порядочной канцелярии и ни одного офицера, хорошо разумевшего иностранные языки; сам же Ушаков не знал ни одного иностранного.

В письме графу Кушелеву, от 10 марта 1799 года, он говорит: «При теперешних обстоятельствах, да и всегда дел столь много, что, если бы со мной десять писцов было, не успели бы всего исполнить. Я никого таковых не имею, кто бы мог писать, выслушав от меня только одно содержание, и потому затруднен и измучен бесподобно, так что, теряя последние силы, третий день совсем почти болен… В письменных делах обуза пренесносная; она отягощает меня до бесконечности и отводит от исполнения других важных дел…

Но к письмоводству времени мне совсем недостает, да и столько им отягощен, что жизни моей не рад». Вместе с этим он просил графа Кушелева и Адмиралтейств-коллегию о присылке ему способного секретаря, кригскомиссара и историографа. Секретаря и двух писцов велено было послать из Черноморского правления, а кригскомиссара и историографа предоставлено избрать из офицеров эскадры; поэтому должность последнего адмирал возложил на капитан-лейтенанта Телесницкого, казначеем был лейтенант Головачев и за адъютанта – лейтенант Балабин.

Покорение крепости Корфу, стоившее стольких трудов и усилий русской эскадре, сопровождалось одним неблагоприятным случаем, – побегом французского корабля «Женеро», – возбудившим такое неудовольствие государя, что, кроме главных начальников, никто более на союзном флоте награжден не был. Контр-адмирал П. В. Пустошкин произведен в вице-адмиралы, турецкий адмирал Кадыр-бей получил от императора Павла золотую табакерку, украшенную бриллиантами, и Ушакову пожалован чин адмирала (произведен 25 марта 1799 года, поэтому в чине вице-адмирала прослужил

около пяти с половиной лет). Разные лица в лестных выражениях поздравляли его с этой победой. Говорят, Суворов, получив известие о покорении Корфу, сказал: «Сожалею, что не был при этом хотя мичманом».

Русский посланник в Вене, граф Разумовский, писал Ушакову 23 марта: «Примите, ваше превосходительство, при сем случае усерднейшее мое поздравление со славною победой, над Корфу одержанной опытным искусством и известным мужеством вашим. Живейшее приемлю в оном участие, как человек, сердечно преданный отечеству и искренне с удивлением почитающий отличные достоинства вашего превосходительства, славными подвигами неоднократно доказанные».

Ушаков известил Нельсона о победе своей и в ответ получил следующие строки: «От всей души поздравляю ваше превосходительство со взятием Корфу и могу уверить вас, что слава оружия верного союзника столько же дорога мне, как и слава моего Государя».

Производство в адмиралы было последней наградой, полученной Ушаковым от своих государей. Оно возвело его на первую степень значения во флоте, но тем сильнее, быть может, давало почувствовать те превратности счастья, которые начинали уже ему готовиться вскоре по взятии Корфу, и потом, постепенно возрастая, нанесли последний удар его самолюбию, заставивший удалиться со служебного поприща.

Могила Ф. Ф. Ушакова
в Санаксарском монастыре

Выйдя в отставку, Ф. Ф. Ушаков жил «крайне воздержанно и окончил жизнь свою как следует истинному христианину». Во исполнение его последней воли он был погребен рядом со своим родственником, Феодором Санаксарским.

Еще 14 августа 1799 года он писал Томаре: «За все мои старания и столь многие неусыпные труды из Петербурга не замечаю соответствия. Вижу, что, конечно, я кем-нибудь или какими-нибудь облыжностями расстроен; но могу чистосердечно уверять, что другой на моем, месте может, быть и третьей части не исполнил того, что я делаю. Душой и всем моим состоянием предан службе и ни о чем более не думаю, как об одной пользе государевой. Зависть, быть может, против меня действует за Корфу; я и слова благоприятного никакого не получил, не только ничего того, что вы предсказывали. Что сему причиной? Не знаю… Столь славное дело, каково есть взятие Корфу (что на будущее время эпохою может служить), принято, как кажется, с неприятностью, а за что – не знаю. Мальта – ровесница Корфу; она другой год уже в блокаде, и, когда возьмется, еще неизвестно, но Корфу нами взята почти без всего и при всех неимуществах. За всем тем надеюсь я на благость и милосердие всемилостивейшего нашего монарха».

Мы не станем отыскивать побудительных причин этой перемены отношений некоторых лиц к заслуженному адмиралу, ни того, действительно ли она в то время существовала; но можем только присовокупить, что Ушаков принадлежал к тем поборникам славы русского оружия, которые глубоко проникнуты были строгим исполнением своего долга и основывали это чувство на высоких христианских началах и на беспредельной преданности государю и отечеству.

«Взятие крепости на острове Корфу произвело несказанное удовольствие в публике, – доносил государю Томара 16 марта 1799 года, – тем более что многие из министров турецких в последнее время открыто говорили, что крепость без надлежащей осады и обыкновенно употребляемых при атаке средств взята быть не может».

Уже в царствование Александра I заслуги Ф. Ф. Ушакова были практически забыты и долго не находили достойной оценки. Только в середине XX в. этот прославленный российский адмирал занял в истории военно-морского дела место, соответствующее его заслугам перед Отечеством. А в 2001 г. Русская Православная церковь по представлению братии Санаксарского монастыря прославила его как местночтимого святого Саранской и Мордовской епархий. Федор Ушаков почитается как святой покровитель российского военно-морского флота и стратегических военно-воздушных сил.

Султан Селим III, в знак особого своего благоволения, пожаловал адмиралу Ушакову драгоценный бриллиантовый челенг (султан или перо), соболью шубу и 1000 червонцев; кроме того, 3500 червонцев для раздачи офицерам и нижним чинам русской эскадры. Подарки препровождены были Ушакову при

лестном письме верховного визиря.

Впоследствии, и именно в июне 1800 года, перед возвращением русской эскадры в черноморские порты, жители семи Ионических островов, в знак признательности за освобождение от неприятеля и за утвердившееся у них правление, спокойствие и порядок, поднесли Ушакову через особые депутации: золотую шпагу, украшенную алмазами, и медали с различными надписями; при этом депутации произнесли речи, исчислявшие его заслуги, благотворительность и справедливость.

Действительно, правдивость и приветливость привлекли к нему всех жителей; они с восторгом произносили его имя и беспрестанно выражали благодарность свою. Он ходатайствовал у государя о награждении многих духовных лиц, дворов и мещан крестами, медалями и разными подарками, за преданность и усердие к русской эскадре. Граф Булгари в особенности содействовал к покорению Корфу.

За несколько месяцев до поднесения Ушакову даров этих, некоторые жители острова Занте в октябре 1799 года поднесли лорду Нельсону шпагу и трость, украшенные бриллиантами, и в письме, подписанном шестью старшинами, называли его главным виновником изгнания французов из тех мест.

Ушаков не без огорчения узнал о поступке этом и приписывал его интригам английского консула на Занте, грека Форести, который, будучи облагодетельствован адмиралом, заплатил ему неблагодарностью. В письме к Томаре, от 25 января 1800 года, он говорит: «Наверное, полагать можно, что через хитрости Форести, и даже, вероятно, с понуждением, нашлись в Занте некоторые неблагоразумные члены правления из дворян, которые в угодность ему послали к лорду Нельсону шпагу и трость с бриллиантами, будто бы от всего общества, причем, по некоторым объяснениям, именуют его избавителем Ионических островов.

Нельсон принял это точно таким тоном, как бы письмо и объявление их принимает дороже всех драгоценностей и подарков, и хотя объяснения их в сущности несправедливы, но он их за то весьма благодарит, то есть сими словами сам себя называет настоящим их избавителем. Когда на прочих Ионических островах узнали о таковом худом и бесчестном поступке дворян острова Занте, писавших к Нельсону, с наименованием его своим избавителем, то все вообще обыватели беспредельно на них негодуют, почитая их глупцами или сумасшедшими».

Письма и документы

ПИСЬМА И ДОКУМЕНТЫ

Инструкции и распоряжения

О быстром и точном выполнении сигналов[92]

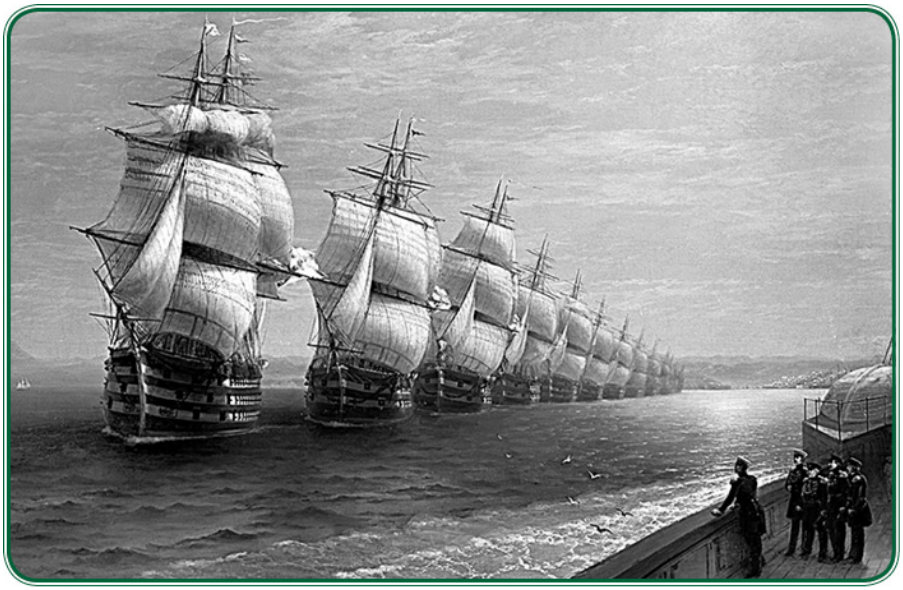
> Долгом поставляю рекомендовать господам командующим по учиненным сигналам по востребованиям чинить точное исполнение, нимало неупустительно, без наималейшего замедления.

Как скоро сигнал учинен будет, вместо всякого другого ответа исполнение ту ж минуту начато быть должно; ни под каким видом не должно медлить, а показать точный вид парусами и действием, что об оном есть прилежное старание и исполняется.

В места свои входить, хотя бы кто и близко был оного, непременно спешить подо всеми парусами, отнюдь не обнадеиваться на скорый ход корабля или фрегата, и притом парусов не убирать прежде, пока не будет в надлежащей своей дистанции, тогда убирать паруса; буде велика скорость, можно приостановить положением парусов на стеньгу, а потом ту ж минуту их наполнить и держаться в своем месте дистанции и на малое время отнюдь не распространять.

При всяком случае стараться в свое место входить как наискорее, к тому каждому и приискивать легчайший способ такой, чтобы отнюдь не замедлить, ибо всякое излишнее промедление считается неисправностию или незнанием правил, к эволюции принадлежащих, и почитается неудовольствием, хотя бы и сигнал об оном не был, каждой сам себя в том признать должны.

Замечаю я, некоторые входят из-под ветра чрез поворот в свое место в линию галса, до другого поворота продолжают весьма излишне далеко, даже из подветренной в наветренную колонну входят, и чрез то делается великое упущение и напрасное продолжение времени, посему рекомендую второй поворот делать ближе к надлежащему своему месту и отнюдь далеко галс не продолжать; словом, повторяю то ж, что приискивать легчайший способ быть как наискорее в своем месте, исправность эволюции требует непременно такового исполнения.



И. К. Айвазовский. Маневры Черноморского флота в 1850 г. *1886 г.*

Стараться избегать напрасных двух поворотов чрез оверштаг; если кому случится быть впереди, то после первого поворота входить в кильватер, за кем быть должно, спускаясь по ветру, и столь близко за корму и с таким видом, как бы схватиться за него должно, дабы отнюдь от него малейше не отстать и дистанции при первом случае не потерять.

Впрочем, приказы мои, отдаваемые во флот прошлых годов, при отдаче сигнальных листов и книг на всю эскадру отданы к надлежащему исполнению, почему и приказать сей отданный от меня приказ и те вахтенным командирам иметь на шханцах и сдавать один другому к исполнению с наистрожайшим подтверждением, чтобы отнюдь противу оных упущения не было, о чем господам командующим иметь наиприлежнейшее старание.

Повторяю еще, чтобы все таковые приказы вахтенные офицеры прочитывали по нескольку раз и все требования оными помнили бы непременно и исполняли, что как быть должно. В противном случае, если кто из вахтенных спрошены будут и по оным не будут знать ответствовать, на таковых взыскано будет за упущение и нерадивость.

Посему вахтенные о скорейших исполнениях, какие требуются и быть должны, докладывать начальствующим кораблей или фрегатов и обо всем чинить исполнение по уставу.

Оформлено как приказ от 6 июня 1797 г.

О походных строях флота, выполнении эволюций и соблюдении своего места в линии

Усматриваю я, что некоторые корабли и фрегаты по учиненным сигналам в места свои входят весьма медлительно, а по правилам эволюции и военным обстоятельствам требуется в построении ордеров отменная скорость, посему в подтверждение предписываю чинить следующее исполнение:

§ 1

Как скоро сигнал учинен будет, лечь в линию в две или в три колонги (как надобность востребует), по обозрению оного ту ж минуту каждый должен показать исполнением действие вверенного ему судна, то есть иттить в свое место, где кому быть должно, не ожидая никого и не медля ни одной минуты, а иначе всякое замедление считается в неисправность.

Замечание. При сем случае поспешное исполнение должны показать прибавкою всех парусов и скорым оборотом в ту сторону, кому куда иттить должно. И, не дошед в самую близость своего места, парусов не убавлять и тем не замедливать.

§ 2

Ежели кто, хотя бы из передовых, случатся от своих мест отдалены, оных судов никому при построении ордеров не ожидать (ибо сие принадлежит флагману, а не партикулярным), а иттить каждому прямо в свое место, которые ж от своих мест отдалены, места их заступать по очереди тем, которые за ними в линиях назначены, и потому интервалов для них не оставлять и линии не разрывать, а давать им место тогда, когда они подойдут в самую уже близость своих мест.

Сие каждый заметить может, и во всей линии задние за ним должны сделать поноровку и дать ему поместиться в свое место. Сии же догоняющие в свои места непременно должны иметь все паруса, разве опасность только одна к сбережению стеньгов и прочих дерев тому воспрепятствует, а иначе неупотреблением к

действию паруса подвергают себя взысканию без всякого оправдания.

§ 3

Построение колонгов в самой скорости должны определять передовые (а ежели они отдалены, то следующие за ними ближние к тем местам); сии должны занять их место и держать со всякой точностию один курс в кильватере или параллельно флагманскому кораблю, а прочие поспешно входят в их кильватер, не останавливаясь ни в которой стороне, и тем не ожидать никого, содержать себя в прямой линии и не портить оную неустройством. Дистанцию никому не растягивать и линию не разрывать; желательно, чтоб чрез сие сделали навычку все военные командиры исправным содержанием мест, как должно.

§ 4

Колонги одна от другой должны иметь всегда умеренную дистанцию, между собою недалеко и не очень близко, сие соблюдать должны передовые.

§ 5

Случающимся далеко под ветром, не взяв переду, куда кому войтить или попасть желательно, будучи назади, на другой галс не поворачивать, ибо чрез такой поворот судно не только не выиграет, но может совсем отделиться и отстать от флота или принудить без нужды себя ожидать (флагманское дело есть смотреть, чтоб не отстал кто от флота) и потому тихо ходящему судну лучше быть (подо всеми парусами) под ветром против флота, ближе, нежели на ветре и далеко назади. Сего весьма остерегаться и до ответа за неисполнение себя не доводить.

Таковые ж суда, которые, имея все паруса, могут иттить скорея, должны из-под ветра проходить вперед и чрез повороты входить во свои места, чрез что никогда оных не потеряют, а находящимся под ветром, не дошед совершенно в свои места, парусов никогда ж не убавлять, ибо чрез убавку парусов час от часу найдут себя от своих мест далее, а напоследок весь флот их дожидать должен.

Сею же убавкою, не дошед в свои места, часто принуждают

командующего делать излишние сигналы и чувствовать неудовольствие, иногда же некоторые столь далеко отделяются, что не могут рассматривать сигналов и не исполняют по оным. Посему объявляю: никто себя оправдать не может нерассмотрением сигнала за отдаленностию, ибо я всегда делаю сноровку, чтоб не отставали, разве отстанут которые по своей оплошности, продолжая далеко галсы, чего не следует, или действительно только нечаянный случай сие оправдать может.

§ 6

Когда же флот во время похода случится не в ордере, держаться всегда соединенно в одном месте ближе к кораблю главнокомандующего и далеко назади не отставать.

Сей приказ на каждом корабле и фрегатах иметь при сигналах и вахтенным командирам подтвердить, иметь всегда в свежей памяти и, что до кого касается, чинить исполнение.

Примечание: к 1 пункту, то есть о построении линии дебаталии или бейдевинта.

1

Хотя во оном пункте и сказано, что по учинении сигнала ту ж минуту исполнение каждой начать должен, но надлежит наипервее всем сделать замечание, смотря на корабль главнокомандующего, где он свое место определяет. Сие можно заметить весьма скоро. Ежели он, опускаясь под ветер, ляжет бейдевинтом под малыми парусами или останется в дрейфе, или пойдет бейдевинтом подо всеми парусами, по сему определению каждой в рассуждении его должен иттить в свое место.

2

Ежели ж корабль главнокомандующего будет спускаться в кильватер подветренных, тогда наветренным судам следовать движению оного корабля и иттить, спускаяся осторожно от ветра в свои места, подветренным же в сие время отнюдь не спускаться (дабы тем более без надобности не упасть под ветер), а держать круче бейдевинт, до тех пор, пока флагманский корабль, спустя сколько надобно, определит свое место, тогда в рассуждении его каждой легко обозреть может, что кому исполнять должно.

Идучи ж не [в] бейдевинт, то есть полным ветром, построение двух или трех колонг чинить, как предписано по 1 пункту, ибо флагманский корабль тогда бывает ото всех напереди и курс его уже определен.

Впрочем, нет надобности на всякие случаи делать подробные объяснения, господа командующие сами собой обозревать могут, что кому делать и исполнять должно.

Оформлено как приказ от 4 июля 1790 г.

Корабельная артиллерия конца XVIII в.

О методах обучения команд артиллерийской стрельбе

1

Для обучения служителей пушечной экзерциции с пальбою заряды для пушек уменьшить, как означено в приложенной при сем ведомости, чрез что можно, сберегая порох, экзерцицию с пальбою сделать два или три раза и посему положению картузы на первый случай, сколько потребно, иметь готовые, но единовременно много выстрелов не палить и стараться служителей, как наивозможно, приучить и довесть в совершенство. Я особо рекомендую всем господам командующим приказать примерно наблюдать, чтобы в цель наводили, как

должно и аккуратно. Для сего намерен я еще несколько раз сделать ученье спышками, а после с действительной пальбою.

2

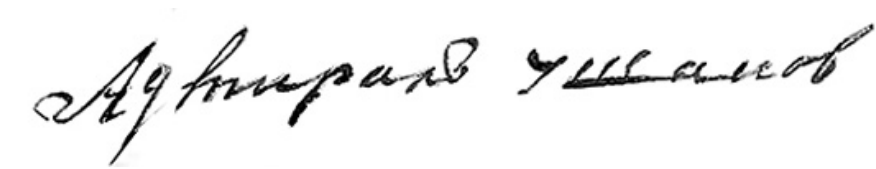
В экзерциции, при обучении служителей пушками в двух колоннах, стараться, сколько можно, содержать дистанцию ровнее и непременно содержать себя [на] траверзе один против другого, дабы удобнее было пушками наводить и прицеливаться; при экзерциициях прицел служителей, кому надлежит поверять, чтобы дула пушечные не опускали низко и не возвышали излишне, а наводили бы точно в желаемые места против кораблей, а не мимо.

Примерами только и долговременным употреблением можно служителей к сему приобучить, а иначе без довольного присмотра замечается – служители сами собою пушек в цель почти не наводят, об оном напоминаю, в присмотре всевозможное старание и прилежность иметь самим господам командующим, также и в линии дистанцию сохранять между собою равную, близко один к другому не находить и не разрывать.

3

При обучении же экзерциции служителей артиллерийские офицеры должны к сведению весьма растолковать и дать понятие пушкарям, что в близкой дистанции пушка, горизонтально наведенная, берет выше того места, в которое она нацелена, а в дальней дистанции ниже, ибо при горизонтальном выстреле пушечное ядро параболу свою делает выше горизонтальной линии, а потом опускается. Господа артиллеристы по долгу своему имеют пушкарям объяснить, в какой дистанции как выстрелами действовать должно, посему необходимо в пальбе надлежит иметь сноровку.

Оформлено как приказ от 23 июня 1797 г.



1764–1774. Командование отдельными кораблями

Ордер капитана 2 ранга Т. Г. Козлянинова капитан-лейтенанту Ф. Ф. Ушакову о назначении его командиром фрегата «Св. Павел»

12 сентября 1776 г., на Ливорнском рейде, на якоре

По определению Государственной Адмиралтейской коллегии велено вас по прибытии в Ливорно определить на состоящий здесь в Ливорно российский фрегат 26-пушечный «Св. Павел» командиром, вследствие чего соблаговолите, ваше высокоблагородие, означенный фрегат, состоящий в Ливорнской гавани, от прежде бывшего на нем командиром флота господина капитан-лейтенанта и кавалера Паниоти принять в свое ведение, и, что для оного фрегата ныне нужно, надобно дать мне знать немедленно, так как я вскорости имею отсель отправиться в поход, дабы чем можно вас нужным удовольствовать. Ко исполнению ж вам на помянутом фрегате командиром приобщается при сем инструкция, а о служителях, кто на вашем фрегате будет, именной список [не публикуются].

Рапорт Ф. Ф. Ушакова контр-адмиралу Я. Ф. Сухотину с просьбой о списании с корабля «Виктор» писарей Негодяева и Агапеича

20 мая 1781 г., на Кронштадтском рейде, на якоре

Порученного мне корабля «Виктора» писарь Никифор Негодяев, находившийся сего мая с 12 дня в самовольной отлучке, вчерашний день в Кронштадте пойман и содержится ныне под караулом на корабле, а как оной писарь Негодяев, так же и другой, находящийся ныне при корабле ж, Василий Агапеич, усмотрены в должности своей весьма неисправны, нерасторопны и нерачительны и пишут худо, а при том от пьянства без определенного за ними караула и ничего исправить не могут, почему к исправлению писарской должности и неспособны, а посему, за неимением потребного числа знающих исправление

оной должности людей, в письменных делах по кораблю имеется великая остановка и замедление, так что, при всем моем всегдашнем старании и исправлении самим мною письменных дел, оныя еще к исполнению находятся в великом множестве и уповаю к депутатскому смотру без прибавки писарей и справиться не могут, ибо, отделяясь я от оных, по скорому приуготовлению в приведении в порядок во всем должностям письменных же дел немалое время занимать оными.

О чем, сим донеся вашему превосходительству, представить честь имею, не соблаговолено ли будет помянутых писарей Негодяева и Агапеича снять с корабля, определить на оной других, и на все оное имею ожидать резолюции вашего превосходительства.

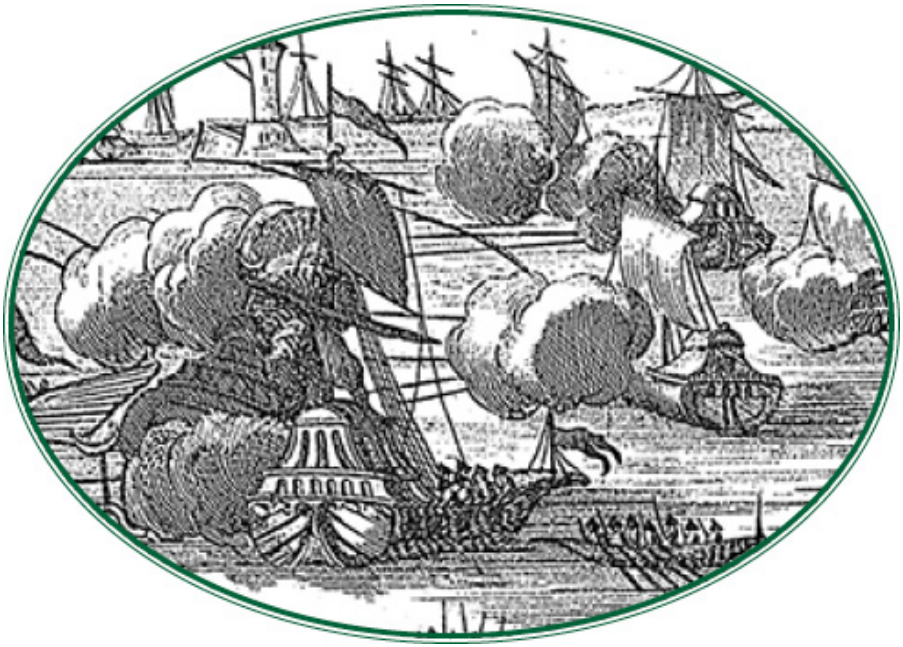
Капитан 2 ранга Федор Ушаков

Отзыв капитана 2 ранга Ф. Ф. Ушакова о мореходных качествах фрегата «Проворный» в кампанию 1782 г.

Сентябрь 1782 г.

Во время вояжа примечено: фрегат имеет лучший ход, находясь в грузу: ахтерштевень – 8 фут 3 1/2 дюйма, форштевень – 8 фут 4 дюйма, диференту на корму – 3 дюйма, средние пушечные порты были от воды – 4 фут 10 1/2 дюйма, мачты имели наклонность на корму: грот – 6 фут 10 дюйм, фок – 4 1/2 фута, бизань – 2 1/2 фута, стеньги прямо по них, ванты и фордуны в тугости. При оном во все умеренные и противные ветры без волнения довольно невалок, а во время волнения имеет великую качку с боку на бок. Примечается ж, что во оном фрегате груза нужно иметь несколько больше, также для укрепления стеньгов, сверх положенных – запасные бакштоки[93]. Для лучшего ж ходу на фордевинд и при всех способных ветрах нужно иметь брамсели и лисели. Течи подводной частью во всю кампанию не имел, кроме как одну четверть, а в крепкие ветры половина дюйма в сутки.

К[апитан] 2 ранга Федор Ушаков



1783–1787. Служба в Черноморском флоте

Приказ командира Херсонского порта генерал-майора А. П. Муромцева с объявлением благодарности Ф. Ф. Ушакову за успешные мероприятия по борьбе с чумой

17 декабря 1783 г.

На рапорт господина командующего флотскою дивизиею, поданный ко мне вчерашний день, объявить имею. За употребляемые командующим корабля № 4-го флота господином капитаном Ушаковым всекрайние неусыпные старания и способы к пресечению по команде его между служителями заразительной болезни, которую с помощью Божьей совершенно пресек и с 4 числа минувшего ноября оной уже не оказывается.

Да и впредь к предохранению от сей злосчастной болезни служителей все меры принятые в том, как участвующий, в отличности от прочих, приемля с великим моим удовольствием и ему, господину Ушакову, приписую в том искреннюю благодарность и похвалу, что не премину и главной команде с должной рекомендациею донесть о таковых успехах, и от других господ частных командиров, несомненно надеюсь к истреблению той свирепствующей болезни, что принудят ко отличному благоволению и к неусыпному попечению и старанию, елико долг и служба обязывают и по человеколюбию добродетели их заслуживать навсегда могут.

На подлинном подписано: Александр Муромцев

Д. Г. Левицкий.
Портрет И. Г. Чернышева.
1790-е гг.

Из письма Я. Ф. Сухотина И. Г. Чернышеву[94] о пересылке ордена Владимира 4-й степени Ф. Ф. Ушакову за успешную борьбу с чумой

1 ноября 1785 г. г. Херсон

Почтеннейшее письмо вашего сиятельства, милостивого государя от 12 октября, и при том грамота и орден Святого

Владимира четвертой степени[95], следуем[ые] флота господину капитану 1 ранга Ушакову, я имел честь сего числа получить. А как он, господин Ушаков, находится в Севастополе, то за долг почел доставить к нему с нарочным, который и отослан сего числа.

Яков Сухотин

1787–1792. Русско-турецкая война

Рапорт М. И. Войновича Г. А. Потемкину об отправлении Ф. Ф. Ушакова в Херсон

20 октября 1787 г., г. Севастополь

Ордером ваша светлость повелеть соизволили бригадира и флота капитана и кавалера Алексиано отправить в Херсон и явиться к господину контр-адмиралу Мордвинову, но, как господин Алексиано одержим болезнью и ехать не в состоянии, на место оного отправляю флота капитана бригадирского ранга и кавалера Ушакова.

[Марк Иванович] Войнович

Письмо М. И. Войновича Ф. Ф. Ушакову с поздравлением по поводу успеха, одержанного в бою у острова Фидониси

[3 июля 1788 г.]

Поздравляю тебя, бачушка, Федор Федорович. Сего числа поступил весьма храбро: дал ты капитан-паше порядочный ужин. Мне все видно было. Что нам Бог даст вечером? Сей вечер, как темно сделается, пойдем на курс OSO к нашим берегам. Сие весьма нужно. Вам скажу после, а наш флотик заслужил чести и устоял противу этакой силы.

Мы пойдем к Козлову, надобно мне доложить князю кое-что. Прости, друг сердечный. Будь, душинько, осторожен. Сей ночи, чтоб нам не разлучиться, я сделаю сигнал о соединении, тогда и спустимся.

Ваш верный слуга Войнович

[P. S.] Покамись темно не сделается, не покажем никакого виду, а будем под малыми парусами.

Помета Ф. Ф. Ушакова [96]: «Получено после баталии».

Письмо М. И. Войновича Ф. Ф. Ушакову о плане действий против турецкого флота

[5 июля 1788 г.]

Друг мой, Федор Федорович!

Предвижу дурные нам обстоятельства. Сего дня ветер туркам благодетельствует, а у нас нет его, фрегаты упали под ветер. Если да приблизится он, то должно нам строить поскорее линию и приготовиться к бою. Если бы фрегаты не были так увалены под ветер, мы достигли бы гавань, но что делать, судьба наша такая, надобно делать все, что к лучшему. Дай мне свое мнение и обкуражь, как думаешь, дойдем ли до гавани.

Прости, друг. Будь здоров, а я навсегда ваш слуга

Войнович

[P. S.] Пошли к фрегатам, чтоб поднимались к ветру, да сам не уходи далеко, о чем да сам знаешь.

Помета Ф. Ф. Ушакова: Получено идучи от Козлова в виду Севастополя и неприятельского флота.

Я ездил к его превосходительству и расположили все нужное и с надеждою остались спокойны. Вот все и во все время походу нашего дела и согласие шли таким образом, были всегда дружески и единодушны; множество еще имев таких же писем, но они будут к доказательству моего оправдания уже лишние, все такого ж содержания, но, не знав, что после сделалось, произведено все против меня без всякой вины.

Федор Ушаков

Рапорт Ф. Ф. Ушакова М. И. Войновичу о действиях его авангардной эскадры в сражении с турецким флотом у о. Фидониси

5 июля [1788 г.]

Сего июля 3 дня во время генеральной нашего с неприятельским флотом баталии, в виду вашего превосходительства происходило, какое передовой вверенной мне эскадрой употреблено старание и искусство в воспрепятствовании капитан-паше с передовыми с ним кораблями обойтить и окружить с ветра оную эскадру на другую сторону.

Также соизволили видеть неустрашимое и храброе сражение вверенного мне корабля и двух передовых фрегатов, «Берислава» и «Стрелы», с сильной передовой частью неприятельского флота. Корабль «Святой Павел» сделал отменную и весьма

действительную помощь помянутым фрегатам, сбив с немалым повреждением капитан-пашинский корабль.

Тож особо один за другим сбил из своих мест сначала поставленных капитан-пашою против его трех кораблей, из коих один большой осьмидесятный, потом сбил же из места пришедшего в помощь им из передовых кораблей одного, причиня всем иным немалое повреждение, фрегат, спустившийся с ветра, один потопил напоследок.

Имел сражение с подошедшими к нему на дистанцию из средины и задней части флота вице-адмиральским и контр-адмиральскими кораблями, которых также от себя храбро отразил и принудил уступить место. В числе поврежденных им кораблей у одного сбита фок-мачта, так что, наклонясь, едва оная на такелаже держится. У другого тож сбита фор-стеньга, которая на такелаже ж только сдержалась.

Третий уповательно за великою течью в самой скорости подо всеми парусами ушел к стороне Аккермана, помянутые ж два фрегата, «Берислав» и «Стрела», отразили от себя сначала из передовых одного корабля, а после оного долгое время имели весьма храброе и неустрашимое сражение с капитан-пашинским кораблем, который, как уже означено, с помощью корабля «Святого Павла» сбит с своего места с немалым повреждением.

Фрегат «Кинбурн» также имел действительное и храброе сражение с проходящими от средины линиею мимо его кораблями и, как в поданном от командующего оным флота господина капитана второго ранга Кумани рапорте значит, бросанием от него брандскугелей проходящий мимо его вице-адмиральский корабль двукратно загорался, но, видно, вскорости потушен.

Во время ж происшествия, оной баталией на вверенном мне корабле «Святом Павле» весьма повреждена фор-стеньга и бегинь-рея, перебито несколько вант и прочего такелажа, во многих местах расстреляны паруса, в корпусе корабля пробоин сделано весьма мало, убитых нет, тяжело ранен матрос один, легкими ранами два Севастопольского пехотного полку, мушкетер один.

Карло Боссоли. Остров Змеиный. *1865 г.*

На фрегате «Берославе» повреждены ядрами фок-мачта и грот-стеньга, простреляны во многих местах паруса, перебито несколько вант и много такелажа. В корпусе фрегата отменно большим каменным ядром пробило против форштевня борт и весьма разбита первая с носу под палубою бимса и духовая у крюйт-каморы труба[97] и еще сделано малое число пробоин большими ж ядрами. Раненый матрос один. На фрегате «Стреле» весьма повреждена книпелем в топе бизань-мачта.

Расстреляны во многих местах паруса и перебито немалое число такелажа, в корпусе фрегата сделано немалое число пушечных пробоин. Убитых и раненых нет. На фрегате «Кинбурне» простреляны малым числом паруса и немного перебито такелажа, в корпусе фрегата важных повреждений нет. Ранены Севастопольского пехотного полка мушкетер один. При оном весьма с превосходным неприятелем сражении оказали отличную неустрашимую храбрость и мужество определенные от меня на корабле в делах к командованию оными флота капитан-лейтенанты: в нижнем Федор Шишмарев, в верхнем Иван Лавров.

По них заслуживает таковую ж справедливую похвалу за отличное в деле искусство и храбрость морской артиллерии унтер-лейтенант Петр Копытов, которые старанием и примером храброго мужества и искусства, ободряя и поощряя служителей во все время сражения, артиллерией производили также отменно

искусное действие, что весьма малое число ядер проходило мимо корпуса неприятельских кораблей, а особливо господин унтер-лейтенант Копытов, наведя сам передовую часть пушек против капитан-пашинского корабля, который от моего корабля был весьма близок, действием оных, оказал весьма отменное искусство.

Вся сия аккуратность смотрением строго мною была наблюдаема и весьма очевидна и явственна отражением с повреждениями толиких превосходных неприятельских кораблей, посему справедливый долг нахожу по узаконению ордена Святого великомученика и победоносца Георгия оных господ флота капитан-лейтенантов Шишмарева и Лаврова, тож артиллерии унтер-лейтенанта Копытова рекомендовать к награждению монаршей милости достойными.

Также и все находящиеся в команде вверенного мне корабля «Святого Павла» господа обер-офицеры и нижних чинов служители каждый по своему званию определенные от меня им должности исправляли с таким отменным старанием и храбрым духом, что за необходимый долг почитаю отнесть им всякую за то достойную похвалу. А как я во время боя, имея непреложное желание и надежду исправностью господ офицеров и служителей остаться победителями, в ободрение к вящему еще поощрению служителей словами моими обещал им всевозможное старание в случае совершённой победы исходатайствовать награждение монаршей милости, то и прошу покорнейше вашего превосходительства обо всем оном удостоить вашим старанием.

При сем же во время бою явственно мною замечено отлично искусное, ревностное и храброе сражение и действие против неприятеля помянутых двух передовых фрегатов, «Берислава» и «Стрелы», которое все и имею отнесть неустрашимой отличной храбрости, мужеству и искусству командующим оных флота господину капитану второго ранга Якову Саблину и флота ж господину капитан-лейтенанту Михаилу Нелединскому, коих за таковые искусные и храбрые подвиги по узаконению ордена Святого великомученика и победоносца Георгия по долгу эскадренного командира имею честь к награждению монаршей милости рекомендовать достойными, прочим же всем эскадры, мне вверенной, господам штаб– и обер-офицерам и нижних чинов служителям имею приписать достойную похвалу.

Бригадир флота и кавалер Федор Ушаков

Дополнение Ф. Ф. Ушакова к предыдущему рапорту его М. И. Войновичу, излагающее соображения о тактике турок и своих

действиях

[5 июля 1788 г.]

Примечание в пополнение к поданному по команде моему рапорту[98].

Сначала боевая линия наша построена была в ветру левым галсом, самый полный бейдевинт или близко перпендикуляра ветра для разных надобностей и узнания, каким расположением нерегульный неприятель наш поведет свою атаку.

Ибо неприятельский флот был тогда близок и прямо против нашей линии на ветре; по замечанию моему, капитан-паша, остановя весь флот свой, обошел, говорил и делал словесные свои повеления каждому кораблю. Сначала учредил он ариергардию, поставя в ней контр-адмирала с 5 кор[аблями], в кордебаталию поручил вице-адмиралу с шестью кораблями, в авангардии пошел сам с 6 же кораблями, при каждой эскадре поставя по 1 бомбардирскому; фрегаты и шебеки против линии разделялись и держались несколько выше на ветре.

Сначала флот его был стеснен густой колонной ариергарда напереди. Таким положением начал спущаться на нашу ариергардию, и, казалось мне, будто намерение их было оную атаковать, посему, дабы не осталась большая часть нашего флота бездействия, сделано было так, что передовые наши фрегаты, прибавя парусов, пошли к ветру[99] круче бейдевинт, я и весь флот линиею следовали порядочно один за другим в их кильватер; сие произведено было с тем намерением, чтоб, выиграв ветер, сделать передовым чрез контрмарш поворот и при оном бить неприятеля с ветру; казалось мне так, что тотчас в неприятельском флоте предвидено было сие намерение и капитан-паша с эскадрой начал держать выше, и ветер и весь его флот последовал тому же и пошел порядочно растягивать свою линию против всего нашего флота, линия наша от придержания передовых к ветру имела регулярную погибь, однако положения и дистанция между нашими судами весьма были добропорядочны.

В рассуждении сей погиби я с передовыми фрегатами был против других гораздо выше к ветру и ближе к неприятелю; весь флот неприятельский спустился уже регулярно на всю нашу линию в такую дистанцию, что пушки их могли уже доставать до наших судов, но палить еще никто не начинал. (Я, с моей стороны, чувствовал великое удовольствие, что оное шло сходно с нашим общим желанием, ибо весьма выгодно практикованным подраться регулярным образом против неискусства.)

Но капитан-паша покусился было самим действием и из сего

сделал обман: он, поминовав немножко вперед моего корабля, поставил против оного из следуемых за ним 1 самый большой 80– и два 60-пушечные корабля, а сам с двумя следующими передовыми кораблями, прибавя все паруса, бросился с чрезвычайной скоростью, как лев, атаковать передовые мои фрегаты; заметил я оное, к отвращению ту же минуту на корабле поставил все паруса и чрез сигналы привел передовым фрегатом в желаемый мною порядок; произведение оного делал я с тем намерением, чтоб капитан-пашу не допустить обойтить или абордировать фрегатов и отрезать от него два передовые его корабля, чрез сию погоню отделился я еще больше от последующих за мною вперед и на ветер ближе к неприятелю (ибо бывший за мною фрегат тяжел в ходу); как скоро намерение мое пошло удачно и передовые капитан-паши корабли увидели, что остаются отрезанными, не дожидаясь никакого сигнала, самый передовой с великою торопливостью без бою поворотил оверштаг и ушел на ветер другого, который был перед капитан-пашою; с передовых фрегатов брошено удачно несколько брандскугелей и ядер, таким же образом поворотя, и он[100] ушел на ветер.

Капитан-паша палил по них ядрами, но все бесполезно и остался передовым. Уповаю я, что он с превеликого азарту спустился еще ближе и стал бортом прямо против двух фрегатов, оставя мой корабль ближе еще фрегатов, косвенно за собою, ибо я был выше оных на ветре и к нему сделался очень близок и того только одного желал, чтоб не разбил он без помощи моей фрегатов, ибо имеет отличный и лучший изо всех корабль и большие пушки; дрался он с чрезвычайным жаром, но Всевышний нам сим положением и победою спомоществовал, и, уповаю, в корабле его, по-видимости, должно быть столько пушечных пробоин, что скоро сосчитать нельзя; прочее все означенное в моем рапорте.

И. К. Айвазовский. Черноморский флот в Феодосии. *1890 г.*

Описанные мною здесь движения нашего флота и все объясненное есть не что иное, как только по условию исполнение мое повеления командующего флотом. Ибо, условясь о всех потребностях, его превосходительство словесно повелеть соизволил в потребных случаях командующим судов следовать движению передовой эскадры, которое так и произведено.

По замечанию же моему, капитан-паша к бою всегда учреждает флот свой словесными наставлениями, несколько раз оное было видно; из сего заключая, что нужно сначала их предузнавать намерение и всевозможно стараться оному воспрепятствовать искусству, а наруша, ежели возможно, их между собою условие, не могут уже соблюсти порядок и будут в расстройке и незнании, что кому делать должно, посему в рассуждении нерегулярного неприятеля нельзя соблюсти всех правил эволюции и иногда нужно делать несходное с оною, не удаляясь, однако, главных правил, если возможно.

Федор Ушаков

Письмо М. И. Войновича Ф. Ф. Ушакову с обвинением последнего в неправильном освещении деятельности его авангарда в сражении у о. Фидониси

[9 июля 1788 г.]

Милостивый государь мой, Федор Федорович!

[Скажете ли] мне, сколько вы оказуете неудовольствие, с какими дурными отзывами при всех господах моим поступкам

поношение делаете.

Прилагаю вам здесь рапорт его светлости, мною отправленный в особливом донесении. Правда мною никогда не скрыта, и лишнее также никогда не осмелился доносить. Весьма соблюл долг службы и честность. А вам, позвольте сказать, что поступок ваш весьма дурен, и сожалею, что в этакую расстройку и к службе вредительное в команде наносите.

Сие мне несносно, и начальствовать над этакими решился, сделав точное описание к его светлости, просить увольнения. Много непозволительного вами делается как на письме, так и в деле, от сего службе наносится немалого вреда, честность моя меня заставляет прибегнуть с просьбою к отвращению всех дурных следствий, как и вас уведомить, дабы не подумали, что какими-нибудь витиеватыми дорогами я поступаю, ибо должно воспоследовать решению.

Пребывая, впрочем, с истинным почтением покорным слугою

Войнович

Письмо Ф. Ф. Ушакова Г. А. Потемкину о недоброжелательном отношении к нему М. И. Войновича после сражения у о. Фидониси с просьбой о награждении отличившихся в этом сражении

11 июля 1788 г.

В 3 день сего месяца флот наш под предводительством господина контр-адмирала и кавалера графа Марка Ивановича Войновича имел с неприятельским флотом генеральную баталию, при которой вверенный мне второй эскадры корабль «Святой Павел» и два передовые фрегата «Берислав» и «Стрела», по случаю жестокого неприятельского нападения на авангардию, оказали отменно храбрые и неустрашимые подвиги.

Обстоятельное ж и справедливое действие оных из приложенной при сем, с поданного от меня к его превосходительству Марку Ивановичу рапорта, точной копии, тож написанного в пополнение ко оной моего примечания ясно усмотреть соизволите чрез сии верные мои заслуги, равно и всегдашнюю добропорядочную службу надеялся я заслужить к сведению вашей светлости подтверждение доброго о себе мнения.

Его одного только усердно ищу и желаю. Но, милостивейший государь, гонимое меня здесь чрез его превосходительство Марка Ивановича несчастие никогда не оставляет и ни чрез какие всевозможные отменные мои старания милости и справедливого

по заслуге моей его к себе расположения изыскать не могу.

О поведении ж моем, о обращениях, о содержании подкомандующих и о всех исполнениях долга службы, о сказуемой всегдашней ко всем учтивости, беспрерывном к начальству отменном моем почтении, шлюсь вообще на всех, кто только меня знают, ибо с самого моего малолетства привык к почтению и уважению командующих. Все начальствующие во флоте, с кем я служил, и по них прочие обстоятельно знают меня с хорошей стороны, и ото всех по заслуге моей был счастлив и имею хорошие аттестаты.

В одном изо всех, его превосходительстве Марке Ивановиче, не могу сыскать желаемого успеха, который с начала нашего знакомства, когда были еще полковниками и оба под командою других, восчувствовал некоторую отменную ко мне ненависть. Все дела, за которые я иногда был похвален, не знаю причины, отчего отменно его беспокоят, чего во всем виде и в деле укрыть не может.

После сего, по разным обстоятельствам, при случаях и многократно, объяснялся я ему в моей преданности и что с отменным старанием ищу и всегда искать буду милость и заслугу доброго о себе мнения его превосходительства. Чрез оные искательства мои блага, хотя он несколько переменялся, и объяснялись несколько раз, прошедшее оставить в забвении и впредь быть дружески. А я, прибавляя с моей стороны, – искателем милостей.

Но, милостивейший государь, ничто в рассуждении сего мне не пользует. Хотя его превосходительство по необходимости оказывает иногда некоторые уважении и благосклонность, но большею частью дела его и поступки против меня во множестве совсем несоответственны моему поведению и службе.

Всемилостивейший государь, вместо совершения плодов за мои заслуги имею честь представить вашей светлости на рассмотрение и милостивое решение полученное мною письмо его превосходительства Марка Ивановича, на котором поставил я № 1[101], оным я в награждение безо вс[якой] причины безвинно обруган, и приписано совсем несправедливыми и несходными поведению и делам моим словами всякое поношение чести, и тем причинил наичувствительнейшее оскорбление, и в болезни моей сразил жестоким ударом, ибо всякое дело с командующим почитаю я за величайшее в свете несчастие.

Против командующих все защищения и доводы оправдания весьма трудны. Но Бог, защитник справедливости, всевышним Своим покровительством оправдает меня непременно. Я во всех делах моих имею вернейшую на помощь Его надежду. И посему

по сущей справедливости во оправдание имею честь донесть вашей светлости, что все оное неожиданное и сверх всякого чаяния моего приписания письма его превосходительства ниже, малейшим видом нимало несправедливо и похожего по оному ничего не было.

Ко опровержению ж сей неправды, самые руки его превосходительства письма беспрерывной нашей переписки, советов о делах и распоряжениях против неприятеля до самого того дня, как я получил сие несчастное для меня письмо, на рассмотрение вашей светлости во оригинале представить честь имею. Они частью откроют дела наши и обхождения, в них я всегда именован был любезным другом, помощником и любезным товарищем и чрез испытания его превосходительства всех моих подвигов во всех предприятиях и о содержании флота в порядке имел поныне отменную величайшую доверенность.

А, упустя из виду неприятельский флот, будучи уже в спокойном месте на якоре и притом находясь уже я в постели весьма больным, вдруг нечаянно и не знаю никакой причины отчего, получил сию перемену.

Ежели, ваша светлость, буду я ясными обстоятельствами здесь оправдаться, то будет бесконечно и наведу величайшее затруднение и скуку, но должен по необходимости несколько описать. После сражения его превосходительство никогда нас в собрание к себе не призвал, рапортов наших не согласил и мы друг с другом вообще не видались и не осмотрелись в согласии рапортов.

Реляцию его превосходительство соображал с одними своими мыслями, рапортом, поданным мною, был недоволен (как после из писем же его я узнал), число неприятельских кораблей, которые были в бою, написал не то, сколько их было. Находилось их тогда точно 17 линейных кораблей, так все их считали, он и сам всегда говорил тож, а к Севастополю после оного на вид приходили точно пятнадцать.

Его превосходительство оное бывшее в бою число кораблей переменил только для соображения разных получаемых им из Кинбурна и от вашей светлости записок, чтоб не показать невероятности. Но собственные всех нас глаза, будучи так близки в бою, невероятны быть не могут. Тож не знаю, почему невероятны показались повреждения неприятельских кораблей, описанные в моем рапорте (по которым и быть тут некоторым кораблям не можно), но они так справедливы, что, сверх всей моей команды служителей, множество людей с корсарских судов все происшествие и оное повреждение видели и везде уже разгласили.

Какая надобность мне на себя писать и брать лишнее. Я бы доволен был половиной случившегося, но, писав рапорт, не хотел справедливости отнять от команды, боялся уменьшением видимого всем дела их обескуражить. И хотел отдать справедливость каждому по заслуге и достоинству. Услышав я несходные расположения, объяснился письмецом с моим прошением, на которое получил ответ; в нем описано о разных невероятностях моего рапорта, неудовольствия, что много в нем писано; в нем же прописано, что во всех собранных им рапортах разное показано и сообразить их нельзя и, что, не приступая к разбирательству, за лучшее почел и отправил их во оригинале на вышнее рассмотрение.

Об оном самом 9 числа сего месяца, то есть в воскресенье утром, при случившихся у меня четырех фрегатских командирах и двух не больше офицерах между дружеским разговором пожалел я и прочие со мною, что отправление таким образом рапортов отнимет у нас честь и славу, которую отменным случаем заслужили и думали, что еще некоторым образом нанесет бесчестие. Вот, ваша светлость, вся важная причина и величайшая моя вина, ежели она так почтена быть может. Оно справедливо, и утаить ничего не хочу. Засим никто у меня не был, и я нахожусь и доныне больным в постели.

Через сей только случай получил я столь строгого содержания письмо и гнев его превосходительства, от кого ж он что обо мне слышал, не сказывает, имеет около себя множество шпионов и во всякой неправде им верит и после мстит до бесконечности за всякую безделицу.

Несколько уже раз сношу я многие напрасные обиды, но все преодолеваю терпением, а сего случая никак уже обойтить не мог. Он мне неизбежен, ибо его превосходительство на все оправдания мои чрез письма благосклонного рассмотрения не учинил и ответствовал мне письмами ж с великими еще повреждениями чести, объявя о том, что уже он писал к вашей светлости и просил отсель увольнения.

Я не осмеливаюсь ничего противного о командующем говорить и думать, но разве другие такие обстоятельства беспокоют и к сему приводят, а действительно не мои поступки. Засим, милостивейший государь, по справедливости вашей светлости донесть честь имею: ничего в свете столь усердно не желаю, как остаток отягощенной всегдашними болезнями моей жизни провесть в покое.

Посему, всемилостивейший государь, если подвигами моими заслуживаю внимание и монаршую милость, удостойте щедротою и покровительством исходатайствовать мне за болезнью моею

увольнение от службы и для безбедного пропитания в награждение по чину жалованием. Пенсию кампаниями я уже вдвое заслужил, сей монаршей милостью останусь преисполнен.

А ваше светлейшее и великое имя и благодеянии пребудут вечно в душе моей впечатленны.

Бенжамен Патерсен. Вид на Дворцовую набережную и Зимний дворец от Стрелки Васильевского острова. *1799 г.*

Всемилостивейший государь, осмеливаюсь еще в подтверждение моего рапорта донесть, что он действительно во всем содержании его справедлив. Кроме, может быть, по непривычке не со вкусом писан. Почитается в нем Марком Ивановичем непозволительным прописанное обещание мое людям, но я тогда оное им объявил в рассуждении первой на здешнем море генеральной нашего флота баталии, желая и имея верную надежду на Бога, с помощью Его оную выиграть.

Я сам удивляюсь проворству и храбрости моих людей, они стреляли в неприятельские корабли нечасто и с такою сноровкою, казалось, что каждый учится стрелять по цели, сноравливая, чтоб не потерять свой выстрел. Истинно происходило все сходно сему описанию, надеюсь в самой скорости соизволите услышать распространившуюся повсюду сию справедливость, удержать оного от толиких свидетелей разных людей никак нельзя, но оной шум некоторым сортом похвал больше всего мне повредил и повергнул в описанное мною несчастье.

Наипокорнейше прошу вашей светлости удостоить команду

мою служителей наградить каким-либо малейшим знаком милости. Они во всем словам моим бессомненно верят и надеются, а всякая их ко мне доверенность совершает мои успехи, равно и прошедшую кампанию одна только вернейшая их ко мне доверенность спасла мой корабль от потопа, он был в крайнешней опасности и в таком положении штормом носило по всему морю. В надежде всевозможной вашей светлости милости и покровительства с наиглубочайшим моим высокопочитанием и совершеннейшей преданностью навсегда пребуду.

Федор Ушаков

Из извещения Г. А. Потемкина Черноморскому Адмиралтейскому правлению о производстве Ф. Ф. Ушакова в контр-адмиралы

27 апреля 1789 г., С.-Петербург

По именному высочайшему ее императорского величества указу, в 14 день сего апреля мне данному, всемилостивейше пожалованы: состоящие во флоте Черноморском бригадир и флота капитан Федор Ушаков в контр-адмиралы, полковник и мастер корабельный Семен Афанасьев в обер-интенданты с чином бригадирским, да подполковник и мастер корабельный Александр Катасанов в полковники. О чем Черноморскому Адмиралтейскому правлению ради объявления им сих чинов и приведения на оных к присяге чрез сие предлагаю.

Князь Потемкин-Таврический

Письмо Ф. Ф. Ушакова Г. А. Потемкину об отвлечении турецкого флота в море и о предстоящем соединении Лиманской корабельной эскадры с Севастопольским флотом

28 сентября 1789 г.

В вверенную мне комиссию об отводе флота неприятельского в открытое море, дабы спомоществовать потребным предприятием к соединению флота, исполнил я по предписанному повелению со всякой точностью, о чем рапортом моим со всяким обстоятельством донесть честь имел. Флот неприятельской при восточном ветре следовал с вверенным мне Севастопольским флотом параллельно от Гаджибея в открытое

море на румб SSO и, находясь всегда под ветром, закрылся от меня к западу, расстоянием от Гаджибея в 69 милях италианских, а я, по преодолению бывших противных и крепких ветров, со флотом сего числа возвратился к Севастополю благополучно.

В следовании ж моем сего числа от Тарханова Кута при крепком западном ветре судно «Полоцк», терпя жестокость оного ветра, дабы быть ближе берега, отделилось на некоторое расстояние к стороне Евпатории и на Севастопольский рейд несколько часов пришло позже. Командир оного судна, господин капитан-лейтенант Карандино, видел Лиманскую эскадру: четыре линейных корабля стоят на якоре против Евпаторической бухты и тринадцать корсарских судов крейсируют под парусами против оных.

Он делал флаг опознания, на который с контр-адмиральского корабля ему ответствовано. И посему имею честь поздравить вашу светлость, что флот наш можно почесть уже соединенным, ибо и Таганрогская эскадра находится уже здесь, на Севастопольском рейде. Фрегаты и прочие потерпевшие суда от ветра приказал я, как наивозможно, в самой скорости исправить и быть во всякой готовности, о чем сим и донесть честь имею.

Федор Ушаков

Ордер Г. А. Потемкина Черноморскому Адмиралтейскому правлению о назначении командующим Черноморским флотом Ф. Ф. Ушакова вместо М. И. Войновича

14 марта 1790 г.

Предположа лично командовать флотом Черноморским, назначил я начальствовать подо мною господину контр-адмиралу и кавалеру Ушакову. Господин контр-адмирал и кавалер (граф) Войнович отряжен в командование морских сил каспийских, бригадир Баскаков отправлен к строению судов на Волге, бригадиры Голенкин и Пустошкин имеют быть начальниками эскадр при флоте, о чем Черноморскому Адмиралтейскому правлению чрез сие знать даю.

И как в Правлении остается старшим господин бригадир Афанасьев, то и подтверждается ему особливое иметь попечение о скорейшем исполнении всех моих предписаний. Господин статский советник и кавалер Фалеев имеет также долг во время пребывания своего в Херсоне присутствовать в правлении и наблюдать все то, что только к пользе высочайшей службы может способствовать.

Ордер Г. А. Потемкина Ф. Ф. Ушакову о назначении его командующим флотом и подготовке флота к военным действиям

14 марта 1790 г., г. Яссы

Не обременяя вас правлением Адмиралтейства, препоручаю вам начальство флота по военному употреблению, а как я сам предводительствовать оным буду, то и находиться вам при мне, где мой флаг будет.

Прибыв в Херсон, рассмотрите с обер-интендантом Афанасьевым, что нужно для снабжения судов на кампанию и наличное стараться скорей доставить, отправя для сего крейсеров и, ежели есть, другие транспорты.

Флаги для сигналов учредить самым лучшим, простым и внятным образом, команды разделить так, чтоб везде старых было по ровной пропорции, которых в Таганрог отправить, что можно будет.

Командиров по судам распределить, смотря не на одно старшинство, но и на способность.

Сукна уже должны с прочими вещами для обмундирования быть привезены, то извольте немедленно одевать, несмотря на единообразие цветов, но какие случатся, лишь бы скрой по данным был образцам.

Я буду ожидать от вас донесения, сколько потребно в дополнение вам людей, как матросов, так и солдатской команды, на что я сверх Севастопольского полку обращу солдат из других команд в матросы, так и в другие, дам также и канониров.

Суда килеванием исправить, с помянутым обер-интендантом сделать положение, какою артиллериею будут вооружены строемые теперь корабли и другие суда (о чем я ему особо предложил), и меня о всем скоро уведомить.

Из английских пушек послать что потребно для вооружения кораблей таганрогских, на которых артиллерия надежна; ежели отправятся сии пушки водою, то погрузить их искусно.

Фрегаты «Матвея» и «Луку» (евангелистов) немедленно доставить в Николаев ради исправления; пинки изготовить к отправлению, а когда случай будет удобный, то и крейсерские, ради лучшего укрепления к понесению пушек большого калибра против того, какие они имеют.

Капитана Юрьева отправить в Таганрог, а Ельчанинова взять ко флоту.

Эскадренными командирами я назначаю бригадиров Голенкина и Пустошкина, которым извольте назначить корабли.

Корабли, строющиеся в Херсоне и Николаеве: «Навархия» («Вознесение») и «Св. Николай» будут моими фор-зейлями; командирами определяю: на первый – моего генеральс-адъютанта [Д. Н.] Сенявина, а на второй – генеральс-адъютанта Львова; сам буду на «Рождестве», а по обстоятельству и на «Вознесении», только сии 3 корабля всегда будут неразлучны.

Препоручаю наблюдать в подчиненных строгую субординацию и дисциплину военную, отдавать справедливость достоинствам и не потакать нерадивым; старайтесь о содержании команды, подавая всевозможные выгоды людям, и удаляться от жестоких побой.

Ордер Г. А. Потемкина Ф. Ф. Ушакову с сообщением состава флота на кампанию 1790 г.

15 марта 1790 г.

Приобщаю здесь в. п. ведомости о числе кораблей с показанием, к которому времени что выдет. Будучи в Херсоне, извольте общо с г. обер-интендантом и кавалером Афанасьевым сделать исчисление, что потребно матросов вдобавок к находящимся, дабы заблаговременно мог я снабдить оными. Солдатскую команду, находящуюся во флоте, всю обратить в матросы, опричь престарелых, ибо я достаточно баталионов для морской службы из полков сформирую.

Корабли и прочие суда в кампанию назначаются

Число пушек / корабли
80 / «Рождество Христово», что был «Иосиф».
70 / «Преображение».
70 / «Св / Павел».
70 / «Св / Владимир».
70 / «Мария Магдалина».
60 / «Мученик Леонтий».
60 / «Апостол Андрей».
60 / «Георгий Победоносец».
60 / «Александр Невский».
50 / «Петр Апостол».
50 / «Иоанн Богослов».
Число пушек / Фрегаты
40 / «Иоанн Воинственник».

40 / «Амвросий Медиоланский».
40 / «Кирилл Белозерский».
40 / «Покров Богородицы».
40 / «Нестор Преподобный».
40 / «Св / Иероним».

Бомбардирский «Рождество Богородицы», [репетиционное] судно «Полоцк», кирлангич[102] и все крейсеры.

Эскадра из Таганрога

Тотчас выйдут:

Корабли: «Царь Константин», «Федор Стратилат» по 50 пушек.

Крейсерские суда: «Св. Андрей», «Св. Спиридон», «Надежда Благополучия», «Св. Николай» и «Св. Георгий».

Корабль, прежде называемый «Рождество», ныне «Троица Святая», и два фрегата хоперские да строющиеся вновь две бригантины и фрегат, что делает Фурсов, выйти должны в августе месяце.

Херсонская эскадра

К ранней кампании

Корабли: «Навархия» («Вознесение»), «Св. Николай», «Макроплия».

по 50 пушек.

Фрегаты: «Федот Мученик» и «Григорий Великия Армении».

Корабль «Богоявление», 70-пушечный, к июлю месяцу.

Из письма Ф. Ф. Ушакова В. С. Попову с просьбой о содействии в выплате денег командирам корсарских судов за взятые у них в казну собственные суда

28 марта 1790 г., г. Херсон

Посланные из Севастополя от командиров корсарских судов лейтенанты Спиро и Димитрий Кондурий и мичман Лука Фока с доверенностию и общим от всех их прошением к его светлости о выдаче следуемых им за взятые в казну суда денег явились ко мне в Херсон и просили о исходатайствовании сей милости. Я старался их уговаривать, чтоб удержать от личной его светлости просьбы, обещая им мое старание; но они пересказали мне

чувствительное их беспокойство и уныние, так что я за долг нахожу к будущему их успокоению просить вас, милостивый государь, принять их прошение и исходатайствовать милость его светлости, чем бы можно хоть мало их удовлетворить […]

Во время войн России с Турцией российское правительство покупало у архипелагских и черноморских греков небольшие быстроходные суда, которые назывались корсарскими. Эти корабли поступали на русскую службу, вооружались и использовались чаще всего для разведки, скорой связи, а также для мобильной переброски грузов и войск. Экипажи их, чаще всего, составляли греки-добровольцы. Кроме выполнения своих прямых обязанностей, корсарские суда часто захватывали или уничтожали транспорты противника.

Из письма Ф. Ф. Ушакова Таврическому губернатору С. С. Жегулину о недостатке в Севастополе провианта

6 апреля 1790 г.

По прибытии моем в Севастополь нашел крайний недостаток в сухопутном провианте, так что в прошедшем марте месяце служители удовольствованы против указного положения только половинным числом, а на другую половину, по недостатку сухопутного, принуждено было употребить морской провиант, да и на сей апрель месяц провианта в привозе еще нет; морского мало, да и нельзя последнего издержать, ибо надобен на суда; чрез таковой недостаток, дабы служителей не поморить с голоду и сберечь потребный на суда морской провиант, известив о сем в. п., покорнейше прошу сделать всевозможное вспоможение, повелеть из перекопского магазина следующий сюда сухопутный провиант в скорейшем времени перевезть татарам или другим способом доставить.

Карта Таврической области

Таврическая область была создана указом Екатерины II от 2 февраля 1784 г. Первым губернатором области стал Михаил Васильевич Каховский, занимавший этот пост до 1788 г., вторым и последним — Семен Семенович Жегулин. 12 декабря 1796 года указом Павла I Таврическая область была упразднена, ее территория была присоединена к Новороссийской губернии.

Письмо Ф. Ф. Ушакова В. С. Попову со сведениями о турецком флоте, о подготовке корабельного флота к кампании и недостатке личного состава для укомплектования кораблей

27 апреля 1790 г., г. Севастополь

При засвидетельствовании вашему превосходительству истинного моего почтения, донесть честь имею: корсарами

нашими, шедшими из Херсона с припасами, приведено маленькое греческое судно сакалева, которое шло с фруктами для продажи в Херсон, уверительно о сем изо всех письменных его документов, потому и почесть можно оное вольным, как и прочие прежде пришедшие таковые ж судна.

Об известиях константинопольских имел честь представить описание, многого из оных нельзя почесть обстоятельным, ибо греки в тамошнем месте робки и рассматривать опасаются, однако вероятно то, что флот их весь на рейде, недостаток людей и ожидание оных из Белого[103] моря.

Эскадра, особо приуготовляющаяся, состоит, думаю, больше из фрегатов и, может быть, нескольких небольших кораблей, не думаю также, чтобы она вся пошла в одном месте, почему я оной не опасаюсь, может сие послужить к лучшему, лишь бы успеть исполнить комиссию прежде выхода большого их флота, о котором неизвестно завероятно, куда он пойдет; но думают они, как там слышали намерение его, искать сражения со флотом; также думают из них некоторые, что пойдет он к Анапу, однако вероятности ни в чем положить нельзя, почитаю, что они об оном нимало не знают.

Прошу покорнейше вас, милостивый государь, употребить ваше старание курьера моего нималейше не удержать, чтоб он скорее с ответом возвратился, сомневаюсь, однако, чтоб он меня здесь уже застал, ежели только успею приуготовиться. На время отсутствия моего поручу здесь флот, исправление и приуготовление оного господину бригадиру флота капитану Голенкину, на которого надеюсь. Вас же, милостивый государь, прошу покорно не оставить старанием вашим обо многих вещах, ко флоту надобных, которые должно, по неимению в магазинах, чрез правление купить, а прочие достать, откуда что можно.

Сверх потребных ныне в настоящий комплект, необходимо должно ж иметь здесь в запасе несколько лесов мачтовых на стеньги и реи, тож такелажа и парусины. Замечаю ж я из ответов пришедших на судне греков, что неприятельский флот ныне будет многочисленнее прежнего. Нужно здесь, как можно, флот скорее иметь готовым, я охотно ожидаю случая. Беспокоюсь только тем, чтоб многим отделением от Севастопольского флота в разные места офицеров, разных чинов и служителей не обессилить здешних линейных кораблей, они есть лучшая наша надежда ко отражению и нападению на неприятеля.

Прошлый год в старослужащих людях и офицерах показывался здесь недостаток, а ныне по тяжелости в времени многие из того числа уже выбыли, также и ныне много больных, и за всем тем небольшое число еще отделено в Таганрог, отсюда ж

пошлются в Херсон на корабль «Навархию», а не только и на прочие суда; я почитаю, и невеликое число кораблей, хорошо снабженных, могут навесть страх неприятелю.

Весьма беспокоят меня требования в разные места офицеров, тож разных чинов и служителей, а здесь их немного, не могу никак всех оными удовлетворить и опасаюсь неудовольствиев. Штаб– и обер-офицеров и разночинцев[104], хотя по спискам и видно, но многие есть, которые имеют неравную способность с другими и что только умножают число, а комплектовать должно сверх оных способными. Посему суда строящиеся некоторые от меня еще не комплектованы, буду снабжать их по возможности в потребное время.

Прошу вас, милостивый государь, если из сего что дойдет к его светлости, сим моим расположением меня оправдать. О находящейся в Херсоне флотской команде и в случае нужды о распределении оной, дабы в переписке не упустить в чем времени, просил я сделать исполнение Семену Ивановичу Афанасьеву, о чем к нему обстоятельно писал.

Федор Ушаков

Рапорт Ф. Ф. Ушакова Г. А. Потемкину с приложением опознавательных сигналов для судов флота, идущих с моря

10 мая 1790 г.

Секретно

Во исполнение повеления вашей светлости, учрежденные вновь на нынешнее лето для опознания российских судов, с моря идущих, сигналы, которые сделаны будут с оных судов, подходя в близость к нашим берегам, где есть форпосты и крепости, которым сей сигнал учинен будет, описание при сем представить честь имею. А дабы об оных по набережным немедленно известны были, препроводил я таковые же секретно господину генерал-аншефу и кавалеру Михайле Васильевичу Каховскому, в Балаклаву – господину подполковнику Чапони, в Бахчисарай – бригадному командиру господину полковнику Дивову, в Керчь – флота капитану Дмитриеву, в Херсон – господину обер-интенданту и кавалеру Афанасьеву, во флотилию – господину генерал-майору и кавалеру де Рибасу, в Очаков – господину коменданту генерал-майору и кавалеру Юргенцу, в Таганрог – господину бригадиру флота капитану и кавалеру Пустошкину и просил их по оным, где следует, приказать чинить исполнение.

А как некоторые корсарские суда находятся из Севастополя

посланными в Лиман, а другие в Таганрог, то, может быть, из оных некоторые, не получа еще вновь ныне учрежденных, не имея сведения об оных, сигналы чинить будут прежние прошедшего года, то и оные сумнительными не почитать, но, надеюсь, в самой скорости вновь учрежденные во всех местах существовать будут.

Посему сигналы, учрежденные в прошлом году, подлежит со всех форпостов и крепостей отобрать в команды, о чем с покорностью моею сим и донесть честь имею.

Контр-адмирал и кавалер Федор Ушаков

Сигналы опознания российских судов, с моря идущих

Секретно

1

Флот, эскадра или какие другие российские суда, будучи в море, подходя к нашим берегам, где есть форпосты или крепости, для опознания должны дать знать о себе следующим сигналом.

Послать от себя судно от прочих несколько ближе к берегу, которое, подошед в умеренное расстояние, поднимает на передовой мачте белый флаг и выпалит из двух пушек.

Ответ.

Форпост в ответ на оное сделает большой и густой дым, а крепость выпалит из трех пушек.

Тогда судно спустит белый флаг и выстрелит из одной пушки.

Ежели ж одно из наших судов, случится, подходит к берегам, оное для известия о себе сигнал чинит таким же образом.

Таковые сигналы опознания посланы во все места, которые означены в рапорте.

Контр-адмирал и кавалер Федор Ушаков

Сигналы опознания друг друга в море встретившихся судов

Секретно

В дневное время

Вопроситель поднимет гюйс на фор-брам-стеньге при двух пушечных выстрелах.

Отвечает поднятием гюйса на грот-брам-стеньге при одном

пушечном выстреле. Потом, кто отвечал, поднимет весь белый флаг на фор-брам-стеньге.

А вопроситель отвечает поднятием гюйса на грот-брам-стеньге.

В ночное время

Вопроситель поднимает два фонаря рядом в вантах или где способно и выстрелит из пушки один раз.

Отвечает поднятием двух же фонарей в вантах и выстрелит два раза из пушки.

Если случится близко и можно переговорить:

Первый вопросит: откудова судно?

Отвечает: Николаев.

Потом спрашивает: кто командир?

Отвечает: Богом хранимы.

Сие опознание, равно и прочие сигналы, ежели случится, [что] судно почитает себя весьма опасным, и думает, что неминуемо может попасть к неприятелю, в таком случае командир оного судна или у кого они[105] находятся должен привязать тягость и бросить в море. Сие должно исполнить непременно.

P. S. Таковые сигналы с прочими посланы, как принадлежит только во флотилию, тож к господину обер-интенданту и кавалеру Афанасьеву, в Керчь и в Таганрог, а в прочие места, где нет флота и судов, отправляющихся в море, оные не принадлежат, потому и не посланы.

Федор Ушаков

Рапорт Ф. Ф. Ушакова Г. А. Потемкину о крейсерстве эскадры под его начальством у берегов Анатолии с 14 по 25 мая 1790 года и о боевых действиях у Синопа и Самсуна

28 мая 1790 г., корабль «Александр Невский»

Исполняя данные мне повеления вашей светлости, 16 числа сего месяца вышел из Севастополя с эскадрою в трех кораблях, четырех фрегатах, одного репетичного и одиннадцатью крейсерских судов для поисков неприятеля и, направляя путь свой к Синопу, 21 число достиг на вид анадольских берегов. Вечером оного ж числа сделал распоряжения: послал в трех партиях крейсеров вперед, дабы перед утром, разделясь все в разные места, старались поймать какие попадутся неприятельские суда и соединиться с эскадрою, следующею прямо в Синоп.

21 числа, подходя в близость оных при самом Синопе западного берега, передовыми крейсерами пойманы два купецкие неприятельские судна, а как оные крейсеры находились близ крепости [у] западной стороны, то с оной тож и с батарей, окружающих синопский мыс, производима была беспрестанно пушечная пальба, на которую и оные суда отвечали перепалкою. Я с эскадрою поспешал прямо на Синопский рейд, дабы застать на оном в беспорядке какие там окажутся суда и, обходя выдавшийся от Синопа в море мыс, при начале ночной темноты, обозрел на оном рейде близ самой крепости стоящий один большой и другой малый фрегат, более ж за темнотою не видно.

Вошед с эскадрою, расположился с кораблями и фрегатами при устье Синопской бухты таким образом, чтоб воспрепятствовать выходу судам со оного рейда, и всю ночь лавировал и лежал в дрейфе, жег на всех судах огни, делал пушечными выстрелами, фонарями и фальшфейерами многие сигналы, дабы неизвестностью оных наиболее умножить страх в неприятеле и тем привесть в замешательство.

Великая робость и тревога его в городе, по берегам и на судах была весьма заметна во всех местах беспорядочной пушечной и ружейной пальбою. 22 числа, находясь я с линейными судами в средине бухты Синопского рейда, усмотрел под крепостью: стоят на якорях два фрегата, одна шхуна, одна кирлангич, одна полугалера, три лансона[106] и одна чектырме[107] да на эллинге строющийся корабль один и две шайки.

Я намерен был в самое то ж время их атаковать, но тихость восточного ветра воспрепятствовала, а при том оказалось, должно, проходя батареи бухтою к судам, иттить немалое расстояние прямо носом против всех их бортов и крепостных пушек. Посему в предосторожность, дабы не случилось повреждения мачт, почел оную атаку бесполезной, ибо намерен искать впредь дел важнейших.

Вместо ж того разными движениями эскадры и перепалкою с кораблей всем синопским жителям и судам, при оных находящимся, наносил беспрестанно великий страх и беспокойство. Суда в такой были робости, что против крепости придвинулись вплоть к самой мелкости и беспрестанно места свои переменяли.

Я с эскадрою, проходя близ оных, сделал на береговые батареи и на них довольный огонь и потом в близости их лег на якоря, а корабль «Георгий» послал еще ближе вперед обойтить и нанесть им более страху, который, проходя батареи, крепость и суда, открыл жестокий на них огонь.

Заметно, что во все оные места и во фрегаты положил

несколько ядер и, возвратясь, командующий оного господин капитан 2 ранга Поскочин рапортовал, что, исполняя приказание, будучи не в весьма близкой дистанции, на корабле своем повреждения никакого не имеется, кроме того, что одним ядром отбило марсовой поручень и щепами оного двух матрос легко ранило.

А как выдавшийся от Синопа северный мыс есть такое место, которое суда, идущие в разные места из Константинополя, тож и ото всех берегов восточной стороны в Константинополь проходят в самой близости оного, потому крейсерские суда под прикрытием фрегатов «Иоанна Воинственника», «Нестора Преподобного» и судна «Полоцк», рассыпавшись в разные места, делали поиски около Синопских берегов и, брав в плен попадающиеся суда, приводили в эскадру.

Во все оное время поймано таковых судов с пшеницею и разным грузом восемь да загнато на берега и затоплено четыре. Со оных судов многие турки на баркасах бежали на берег. Крейсеры с помощью служителей греческого полку, гонявшись за ними на своих вооруженных баркасах, имели жестокую перепалку и многих перестреляли, а других и с баркасами потопили.

За всем тем поймано и взято в плен турок 80, турчанок больших и малолетних 14, греков 51, армян 3, невольников, везомых для продажи в Константинополь, черкесских[108] разного возраста мальчиков 14, женщин тоже взрослых и малолетних девушек 27. Да везомых же из Анапа для продажи в Константинополь бывших в плену Российских разных полков унтер-офицер 1, солдат 6, казаков 5 – всего 201 человек. Из наших греков при сих перепалках убит матрос 1, тяжело ранен 1 да легкими ранами 3.

Из взятых же упомянутых осьми судов два, оказавшиеся к переходу через море неблагонадежными, выгружены и, выведя пред городом, сожжены в виду городских жителей и собравшихся на берега множества людей, в которых заметный страх, в каком они находились, надеюсь, останется навсегда, от которого транспорт, коммерция и перевозка судами войск, думаю, непременно на долгое время должна остановиться.

А дабы оный наиболее в них вкоренить, 24 числа при западном ветре, снявшись с эскадрою с якорей, продолжил поиски свои близ берега в Самсон и, идучи, еще два маленькие судна загнаты на берег и затоплены. 25 числа, подходя к сей крепости, крейсеры вобрались в бухту оной и произвели жестокую пальбу. Я спешил с эскадрою скорее застать оное место в беспорядке и уповал быть тут военным судам, но, входя в бухту, усмотрел под крепостью две купецкие шайки[109] и одну

четырме, по которым крейсеры стреляли, тож перестреливались с крепостью и батареями.

Осмотрев порядочно сие место, за сделавшимся восточным крепким ветром, не останавливая тут, довольствовался одним нанесением страха и, не упуская способного ветра, обратил путь свой к Анапу, ибо узнал чрез пленных, что там есть один линейный корабль и одна шаитья. 28 числа, находясь не в дальнем уже расстоянии таврических берегов, по счислению мыс Феодосии, отстоит от меня во 122 верстах к северу, во оное время шесть призовых судов под препровождением четырех крейсерских посланы в Севастополь.

На судне «Полоцк» отправил я курьером к вашей светлости греческого полку аудитора Курикова и приказал ссадить его в Феодосию или где удастся по способности ветра, дабы как наискорее доставить уведомление о состоянии эскадры вашей светлости, с которою я и с остальными за отправлением крейсерскими судами направил путь свой к Анапу для поиску.

Если найду там упомянутый линейный корабль, стараться буду, при оном случае, непременно употребить все возможности, а затем дополнить повелении вашей светлости скорым возвращением в Севастополь, о чем донеся снятой с города, крепости и рейда Синопа план, тож короткое описание известнее Константинопольских и прочих мест, полученных через пленных людей, вашей светлости представить честь имею. Обстоятельные ж описания оных, тож о пленных судах, товарах и о прочем подробное донесение по прибытии моем в Севастополь представить не премину.

Контр-адмирал и кавалер Федор Ушаков

Рапорт Ф. Ф. Ушакова Г. А. Потемкину о действиях флота у Анапы с 28 мая по 2 июня

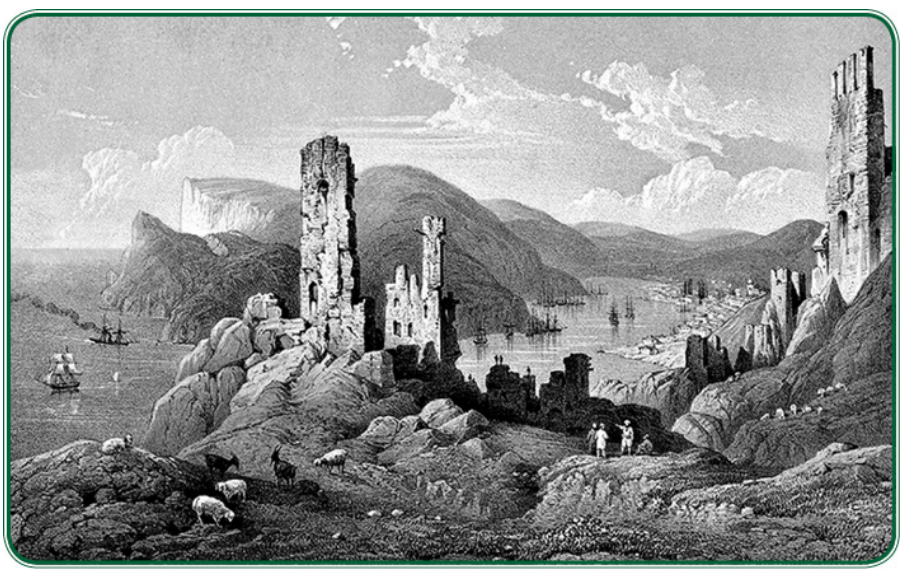
5 июня 1790 г., корабль «Александр», на Севастопольском рейде

По донесении моем вашей светлости минувшего мая от 28 дня, что, находясь с эскадрою не в дальнем расстоянии от Феодосии, отправил курьера и, отпустив пленные суда в провождении четырех крейсерских в Севастополь, спешил с эскадрою иттить к Анапу и с того времени, следуя при тихом благополучном ветре, 29 числа достиг на вид оного берега, и, подходя в близость, перед вечером оказались видны при Анапе пять турецких судов, в том числе один линейный корабль, потом

и еще открылись три малых судна, все они оказывались в виду сквозь густую мрачность, а как я с эскадрою на вид их показался от стороны Анадольских берегов, потому, уповаю, они, видя наши суда, опознать не могли и потом начали закрываться темнотою.

Я, желая воспользоваться сим случаем, следуя передовым и в близости за мною два корабля со оными спешил всевозможно в то ж время сделать нападение. В 9 часов пополудни начали открываться зажженные на них огни, а я на эскадре оных не имел и старался скорее приблизиться, дабы застать их в беспорядке, оставалось не более ходу, как на два часа, но ветер, стихая, совсем заштилел, и противным течением суда наши начало отделять прочь, а тем и понудило остановиться на якорях.

30 числа утром был густой туман, при открытии которого оказалась приближавшаяся к нам турецкая кирлангич и, как скоро она обозрела, с крайней поспешностью возвратилась к кораблю, который и с ним один фрегат, одна шайтья, одно вооруженное из транспортных и пять небольших купецких судов стояли на рейде от крепости довольно отделены, так что свободно можно б всех их окружить.



Вид Балаклавы со стороны Генуэзской крепости.
Гравюра XIX в.

В 10 часу пополуночи сделался ветер тихий от севера, северо-востока, при котором неприятельские суда остались на ветре, я с эскадрою, снявшись с якорей, старался, лавируя, приблизиться ко оным, но противным течением всю эскадру отклонило далее

прочь, посему, дабы не удалиться, в 7 часов после полудня вторично принужден лечь на якоря. 31, при северном ветре, лавируя на ветер, спешил приблизиться, обходя ж Анапский мыс, с батарей палили по нас ядрами, но они не доставали.

Во все оное время неприятельские суда тянулись под крепость и, приближася к берегу за мелкостию рейда, свозили с корабля груз, дабы его облегчить, а потом, устроясь на шпрингах, легли бортами против нас и начали палить ядрами. Я с эскадры также для пробы сделал несколько выстрелов, но с обеих сторон не доставали.

В 6 часов пополудни, с передовыми судами находясь близко для обождания эскадры, лег на якоря на глубине 9 сажен, а в осьмом часу и прочие, подошед в свои места, для ночной темноты легли ж на якоря, и сделано распоряжение, дабы утром учинить нападение, между тем посланы шлюпки для промеру глубины и осматриваны способные места. Кирлангич турецкая, подходя, выстрелами своими препятствовала оным, но выстрелами ж с моего корабля отогната и остановилась перед кораблем для ночного караула.

По рассвете сего июня 1 дня корабль турецкий и фрегат оказались под самой крепостью довольно сгружены и придвинуты к берегу в бухте, которую закрывают со обеих сторон сделанные вновь батареи. Заметно, что они сделаны из корабельных пушек, которые на корабле могли быть без употребления; по промеру ж и осведомлению, оказалось, глубина при берегах оной бухты далеко отмелиста, в рассуждении которой, тож и по узкости ее к кораблю под парусами подойтить неспособно.

Для сего и приказал я ночью тянуться туда завозами и стараться зажечь их брандскугелями, если возможно. Спустя на воду все гребные суда и учредя подлежности, около полуночи притянулись на подлежащие места против неприятельских судов (и батарей, коих миновать неможно) и начали по оным палить ядрами, бомбами и брандскугелями, против же нас произвели жестокой огонь со всех батарей и также, паля ядрами, бросали небольшие бомбы и каркасы, которые не долетая рвало на воздухе; а ядра многие перелетали чрез наши суда.

С неприятельского ж корабля и прочих судов для укрывания себя при темноте пальбы не произведено, а от нас несколько брандскугелей легли и горели на берегах близ батарей, и бомбы разрывало на оных. Произведя я довольный огонь, для предосторожностей приказал судам своим на рассвете оттянуться прочь, при начале ж дня с батарей и со всех судов произведен вторично жестокий огонь, но ядра их не долетали, потому от меня ответствовано им одним ядром для пробы; усмотря ж я, что

при помощи батарей и прочих выгодностей устроились они к отчаянной до крайности обороне, решительное нападение оставил, оберегая суда, мне вверенные, дабы не сделать ни малейшей остановки намерениям важнейших дел вашей светлости и поспешить скорым возвращением, довольствуясь тем, что с эскадрою, начиная от Синопа, обошел восточную сторону Анадолии и абазинские берега, господствуя сильною рукою при оных, заставил две части вышедших нынешней весною из Константинополя эскадр искать своего спасения под крепостями и вместе со оными и множеством ополченного народа трепетать от страха и отчаянности; к истреблению ж оных недоставало со мною одного или двух бомбардирских судов, брандеров, и надобились также два или три гребные судна с большими пушками.

Возвращаясь я от Анапа, следовал в виду таманских и таврических берегов и сего числа прибыл на Севастопольский рейд благополучно, не имея на судах ни малейшего повреждения, а при том и служители все здоровы, трудно больных не имеется. О чем донеся, снятый план Анапского рейда вашей светлости представить честь имею. Во все ж время бытности моей в походе все суда, мне вверенные, кроме случайных откомандировок, всегда держались соединенно и из виду моего ни одно не отделялось, господа командующие кораблей, фрегатов и прочих судов, находящиеся при мне флаг-капитан и подчиненные по команде штаб– и обер-офицеры и разных чинов служители во всех случаях должность свою исправляли ревностно с отменной прилежностью, в чем приписав им похвалу, вашей светлости рекомендовать честь имею.

Федор Ушаков

Из приказа Ф. Ф. Ушакова о наказании находившихся в бегах матросов и возвращении их на свои корабли, о подготовке судов к выходу в море и переводе больных служителей из госпиталя на чистый воздух

14 июня 1790 г.

§ 2

Рассматривая взятых от пойманных из бегов матрос 2-й статьи корабля «Св. Георгия» Симиона Орлова, фрегатов «Иоанна

Воинственника» Тихона Волкова и «Покрова Богородицы» Потапа Иванова, которые побег сей учинили с намерением, чтоб определиться в армейские полки, и шатались в разных местах Таврической области, а, наконец, за неимением письменного вида, пойманы, и хотя во время побега воровства, грабительства и злодеяния никаких они не чинили, но по силе закона подвергли себя за самовольную отлучку от команды к жестокому наказанию.

Уважая ж молодые их лета и малобытие в службе, в надежде, что впредь проступок сей потщатся заслужить, к воздержанию их и в страх другим, рекомендую господину премьер-майору Говорову завтрашнего числа при собрании фрунта наказать кошками и, освободя из-под караула, отослать по-прежнему в свои команды, где приняв, как они из списков уже были исключены, внесть в оные и почитать налицо.

§ 3

Ожидаю я вскорости повеления о выходе со флотом на море, почему рекомендую господам командующим всех на рейде стоящих кораблей и фрегатов немедленно подать ко мне рапорты, во всем ли обстоит к выходу в готовности, и не предвидят ли в каких необходимо надобных вещах недостатка, дабы я мог оными приказать снабдить заблаговременно.

§ 4

Находящихся в госпитале больных служителей приказал я палатки для оных перенесть с низменного места на гору на чистый воздух, из которых две уже и перенесены. Для переносу ж достальных послать завтрашний день поутру рано с эскадры, пришедшей из моря, с кораблей по осьми, а с фрегатов по пяти человек, и велено явиться при той госпитали к комиссару Чухнину, которому стараться непременно завтрашний день все оное исправить.

Федор Ушаков

Показание пленных турок о составе и состоянии турецкого флота

[17 июня 1790 г.]

В пополнение прежде отправленных от меня константинопольских известие[110] – донесть честь имею.

По обстоятельному исследованию можно за справедливо почесть ответы пленных со взятого кирлангичем судна, чектырме именуемого, которое из Константинополя пришло мая 14 дня.

Оные объявляют за справедливо: при выходе видели – против Буюк-Дере стоят пять больших линейных кораблей, именуемые:

1. «Капитана» – построенный в Константинополе мастером-французом назад тому три года, почитается из лучших 80 пушек.

2. «Падрона» – построен также в Константинополе назад тому года три.

3. «Паша-гимиши» – построен в Синопе и приведен оттоль прошлого года.

4. «Реала» – спущен на воду нынешний год в Константинополе.

5. «Худаверды» – «Мария Магдалина».

При выходе ж их из Константинополя в Терсане готовых больших линейных восемь кораблей, но людей на них весьма мало, ибо сняты на корабли, которые стоят в Буюк-Дере. Из больших же кораблей прошедшей зимой один разбило в Белом море[111], а другой нынешней весною разбило ж в Черном море против Кавказус. Затем еще два большие корабля находятся в Белом море.

В Черном море при Анапе один, да думают, что малое число находится в Черном же море при румельских берегах.

Впрочем, более объявить ни об чем не знают, а сие показание утверждают действительно справедливым, которое по точному исследованию и вероятно.

Федор Ушаков

Из приказа Ф. Ф. Ушакова о постройке морского госпиталя в Севастополе

20 июня 1790 г.

Желательно поспешить отстройкою новой госпитали, для сего господа командующие со всего флота кораблей, фрегатов и прочих судов благоволят послать знающих каменную работу служителей всех, сколько у кого таковых есть, не удержав ни одного, ибо так надобность требует. Невольников знающих всех же послать, не удержав на сей случай при собственностях нигде ни одного, ибо я сам за оным в смотрении старания иметь буду. Сколько ж от кого таковых людей послано будет, записками меня

уведомить. Сии люди употреблены будут к работам только на малое число дней. Срок назначится по усмотрению работы…

Федор Ушаков

Из приказа Ф. Ф. Ушакова о выдаче денег личному составу за меткую стрельбу во время учебных артиллерийских стрельб

22 июня 1790 г.

По рапорту конторы Севастопольского порта предписываю присланные бывшим при обучении пушечной экзерциции с пальбою по прилагаемому при сем списку служителям за положение в яблоко и в черной круг ядер деньги. Сколько, в которую команду следует приказать, из здешнего казначейства принять и, учиня раздачу, ко мне отрапортовать.

Федор Ушаков

Рапорт Ф. Ф. Ушакова Г. А. Потемкину с просьбой обеспечить флот деньгами на закупку во время плавания свежего провианта

26 июня 1790 г., корабль «Рождество Христово», на Севастопольском рейде

При отправлении флота на море почитаю необходимо надобным дать на все корабли по нескольку денег на покупку свежей провизии для содержания случающихся больных служителей и на прочие надобности; не имея ж я здесь денежной казны, в надежде милостей вашей светлости некоторую сумму денег займу здесь на свой счет и оную надобность исправлю. Осмеливаюсь просить вашей светлости на заплату оной, тож на прочие случившиеся здесь необходимо надобные издержки и на будущее время на внезапные случаи повелеть, откуда следует снабдить меня суммою денежной казны.

Контр-адмирал и кавалер Федор Ушаков

Рапорт Ф. Ф. Ушакова Г. А. Потемкину о подготовке Севастопольского флота к выходу в море

26 июня 1790 г., корабль «Рождество Христово», на Севастопольском рейде

Во исполнение ордера в. св. сего июня от 15 дня донесть честь имею: состоящие на рейде 10 кораблей, 6 фрегатов и прочие крейсерские суда к выходу на море обстоят готовы, поспешаю мелочными только около некоторых исправлениями, получением от порта и правления малого количества надобных разных вещей; по недостатку ж некоторых, дабы не иметь остановки, за неимением у меня денежной казны, занимая здесь на свой счет, исправлюсь покупками, в надежде, что повелением в. св. определено будет все издержанные мною при таковых случаях деньги сюда доставить.

Что ж принадлежит до соединения с таганрогскими и херсонскими судами при готовности ныне Севастопольского флота, оные последовать могут без всякого сомнения, ибо, не уповаю, чтобы неприятель, знав о силах нашего флота, осмелился показаться при здешних берегах; притом же вскорости со флотом буду на море, по сим случаям, уповаю, таганрогские корабли и прочие суда безопасно могут идти прямо в Севастополь, равно и херсонские могли бы исполнить то ж безопасно; но к безопаснейшему еще случаю по предписанию в. св. в свое время со флотом буду находиться в виду Очакова.

Письмо Ф. Ф. Ушакова И. М. де Рибасу о появлении турецкого флота у Севастополя

28 июня 1790 г.

Сего числа в 7 часов после полудня флот неприятельский в числе 15 больших кораблей и 10 малых судов показался на вид против Севастополя. Каков, об оном сей час отправил я с нарочным к его светлости рапорт, со оного к сведению вашего превосходительства имею честь препроводить точную копию.

[P. S.] Ежели окажется к вам сие поспешит рано, можно для скорейшего уведомления отправить лучшей почтой.

Рапорт Ф. Ф. Ушакова Г. А. Потемкину о выходе эскадры в море для действий против турецкого флота

2 июля 1790 г., корабль «Рождество Христово»

Неприятельский турецкий флот 28 числа минувшего месяца,

показавшись из Тарханова Кута весьма в дальнем расстоянии против Севастополя, прошел за Балаклавский мыс к осту. 29 числа при сделавшемся северном крепком ветре лавировал против Ялт к берегу, уповательно для того чтоб под берегом укрыться от крепости ветра. По известиям же 29 числа с форпостов, от Балаклавы до Ялт судов нигде не видно, посему неизвестно, к проливу ли Еникальскому он прошел, дабы, касаясь оного, иттить к Анапу или обратиться в другую сторону.

Я сего числа со флотом Севастопольским, состоящим в десяти кораблях, шести фрегатах, одном репетичным, тринадцатью крейсерскими судами и двумя брандерами, с Севастопольского рейда вышел в море благополучно и пойду за ним осмотреть ко охранению таврические берега, а потом последую способности случаев. Ежели оттоль возвращусь к Севастополю, желал бы к тому времени в резолюцию на отправленные пред сим рапорты о показавшемся ныне неприятеле и о предприятиях против оного получить повеления вашей светлости, ибо прежние предписания о походе моем со флотом около румельских берегов сим случаем останутся в другом уже расположении, о чем сим и донесть честь имею.

Контр-адмирал и кавалер Федор Ушаков

Письмо Ф. Ф. Ушакова П. В. Пустошкину о немедленной отправке судов в Севастополь на соединение с флотом и со сведениями о турецком флоте

6 июля 1790 г.

Посланным к вам сего числа письмом уведомил я вас о приходе моем в Феодосию и писал, чтобы вы, какие есть в проливе ко отправлению в Севастополь суда, оные немедленно выслали бы ко мне навстречу. Сей же час получил я рапорт из Феодосии от господина городничева секунд-майора Лаушева, коим доносит: 4 числа сего месяца в 9 часу пополуночи флот неприятельский появился в море от стороны Судака и, пришед на вид против Двуякорного кордона[112], лежал до самого вечера в линии, протянувшись в море, а на другой день, то есть вчерашнего числа поутру, на том же месте, сошедшись в кучу, сблизился к берегу расстоянием в 6 верстах, потом в 3 часа пополудни, сделав в ответ на зажженный маяк два пушечные выстрела, пошел к стороне Анапа, от которого отделясь, одно судно, примечательно кирлангич, зашед до половины Феодосиевской бухты, со оного места возвратилось и пошло вслед

за флотом.

Получая сие известие, по малом стишении ветра, поспешу иттить к Еникальскому проливу, а оттоль, получа сведение, как способность случая окажет, к Анапу или возвращусь к Севастополю. О чем известив, рекомендую, когда вы отправите ко мне или в Севастополь какие суда, предпишите им всекрайную иметь осторожность и осмотрительность, дабы не почли неприятельского флота своим и не попались бы к нему, ибо неизвестен я, не против пролива ли он ныне находится, чтобы он не сделал какого обмана; прикажите, чтоб они были осмотрительны; флот наш с турецким в самой скорости весьма распознать можно, в том имели бы внимательное примечание.

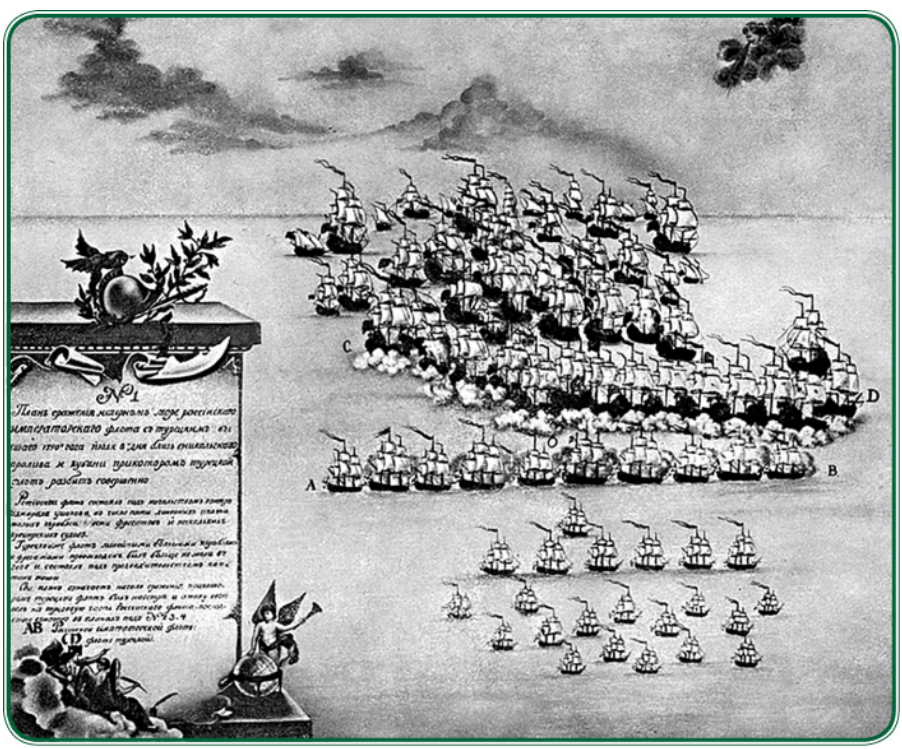
Ежели ветер поспособствует, я уповаю завтрашний же день подойтить и осмотреть пролив. Желал бы от вас в самой скорости получить известие обо флоте неприятельском, ежели имеете, и о прочем постарайтесь, ежели можно, оное доставить, буде не судами, то хотя вышлите кого-нибудь на Таклу мыс, я туда пошлю от себя судно, посланный ваш легко заметить может, где со оного шлюпка пристанет на берег, во ожидании сего, с почтением моим имею честь быть.

Письмо Ф. Ф. Ушакова Г. А. Потемкину с поздравлением по случаю одержанной победы над турецким флотом в Керченском проливе[113]

10 июля 1790 г., корабль «Рождество Христово»

От истинного усердия имею честь поздравить вашу светлость с победою, одержанной флотом Черноморским над турецким в Черном море против пролива Еникальского и устья реки Кубани. Обстоятельства действия объяснены в приложенном при сем рапорте. При чем рекомендуя себя и представленных от меня с отличной рекомендациею в милость и покровительство вашей светлости, в надежде которых с истинным моим наиглубочайшим почтением и совершенной преданностию имею честь быть…

Федор Ушаков



А. Дельпадо. План Керченского сражения 8 июля 1790 г. Начальный момент атаки турецким флотом русского авангарда *(АВ — русский флот; CD — турецкий флот)*

Рапорт Ф. Ф. Ушакова Г. А. Потемкину о сражении в Керченском проливе 8 июля 1790 г.

10 июля 1790 г., корабль «Рождество Христово», на якоре против Феодосии

Исполняя повеления вашей светлости во время поисков показавшегося около Таврических берегов неприятельского флота, сего июля 8 дня стоял с Севастопольским флотом в числе 10 кораблей, 6 фрегатов, одном репетичном, 13 крейсерскими судами и двумя брандерами при устье Еникальского пролива.

В сие время при восточном ветре, в 10 часу пополуночи, при мрачной погоде показался вдруг в близости нашего флота, от стороны Анапа, флот неприятельский, который шел подо всеми парусами от северо-востока прямо на наш флот и состоял в числе 10 линейных кораблей, из которых четыре флагманских и четыре ж отборные большие корабли и два прочих поменьше, 8 фрегатов, бомбардирских кораблей, шебек, бригантин, шайтьи, лансонов и кирлангич 36.

Я со флотом поспешно снялся с якорей и построил линию баталии левого галса, на которую неприятель спешил спуститься, ведя атаку свою на авангард. В 12 часов пополуночи, подошед в близость, начал производить жестокий огонь, и по учиненному от меня сигналу вступить в бой с неприятелем, началось сражение. Авангард нашего флота усиливающееся нападение неприятеля выдерживал с отличной храбростию и жестокостию огня приводил его в замешательство и расстройку так, что они пальбу свою весьма уменьшили.

Капитан-паша беспрестанно усиливал атаку свою, подкрепляя прибавлением кораблей и многими разными судами с большими орудиями. Ко отвращению сего, по учиненным от меня сигналам, фрегаты отделились из линии для корпуса резерва, а корабли сомкнули плотно свою дистанцию, и я с кордебаталиею, прибавя парусов, спешил подойтить против усилившегося неприятеля. Последовавшая в сие время в пользу нашу на четыре румба перемена ветра подала случай приблизиться ко оному на такую дистанцию, что картечь из малых пушек могла быть действительна.

Неприятель, приметя перемену сего положения, пришел в замешательство и начал прямо против моего корабля и передового передо мной корабля ж «Преображения» поворачивать всею густою колонгою чрез оверштаг, а другие, поворачивая ж по ветру, спустились к нам еще ближе. Следующие передо мною корабль «Преображение» и находящийся под флагом моим

корабль «Рождество Христово» произвели на всех их столь жестокий огонь, что оным причинили великий вред на многих кораблях и самого капитан-пашинского; из оных весьма поврежденные два корабля в стеньгах и реях и один из них в руле со сбитою бизань-мачтою упали на нашу линию и шли столь близко, что опасался я сцепления с некоторыми из наших задними кораблями.

Вице-адмиральский корабль также весьма поврежден, паруса, фор-марсель и крюйсель упали на низ и были без действия, который потому ж, упав под ветер, прошел всю нашу линию весьма близко, и чрез то оный и помянутые два корабля остались совсем уже разбиты до крайности. С некоторых кораблей флаги сбиты долой (из которых посланными с корабля «Георгия» шлюпками один взят и привезен на корабль), капитан-паша, защищая поврежденные и упавшие свои корабли, со всеми прочими и многими разными судами спустился под ветер, проходил контргалсом параллельно линию нашу весьма близко, чрез что потерпел со всеми ими также немалый вред.

Великое повреждение его кораблей и множество побитого экипажа очевидно было весьма заметно. При оном же сражении кирлангич одна и с людьми потоплена. Я с передовыми, будучи же на ветре, сделал сигнал авангардии всей вдруг поворотить оверштаг, кораблю «Рождеству Христову» быть передовым и сигналом же велел всем кораблям, не наблюдая свои места, каждому по способности случая, с крайней поспешностию войтить в кильватер моего корабля, чрез что линия на правый галс устроилась весьма скоро на ветре у неприятеля, который, приходя оттого в замешательство, принужден устраивать линию свою под ветром и, прибавя парусов, растягивать оную против нашей линии, закрывая многими судами спомоществующими всеми возможностями своим поврежденным, сколь я ни старался, чтоб, с ветру подавшись вперед, против неприятельской линии со всеми силами ударить на неприятеля, но легкость в ходу их кораблей спасла от сего предприятия и совершенной их гибели.

Я по учиненному сигналу о погоне, имея на флоте все паруса, гнал за бегущим неприятелем и спускался к нему ближе, но, как в скорости догнать их на порядочную дистанцию не мог, потому последовавшая ночная темнота весь флот неприятельский закрыла от нас из виду, и чрез то лишились видимой, уже бывшей почти в руках наших знатной добычи. Хотя ж я всю ночь, находясь в линии, следовал за ним, спускаясь от ветра, но при весьма темной ночи не мог видеть, куда они сделали свой оборот, к Синопу или к румельским берегам, неизвестно.

Поутру 9 дня при рассвете оного нигде уже не видал, и

потому, имея на флоте некоторые повреждения в мачтах, реях и стеньгах, для поправления потребностей пошел и остановился на якорях против Феодосиевской бухты. Жестокий беспрерывный бой с неприятельским флотом продолжался от 12 часов пополуночи до 5 часов пополудни.

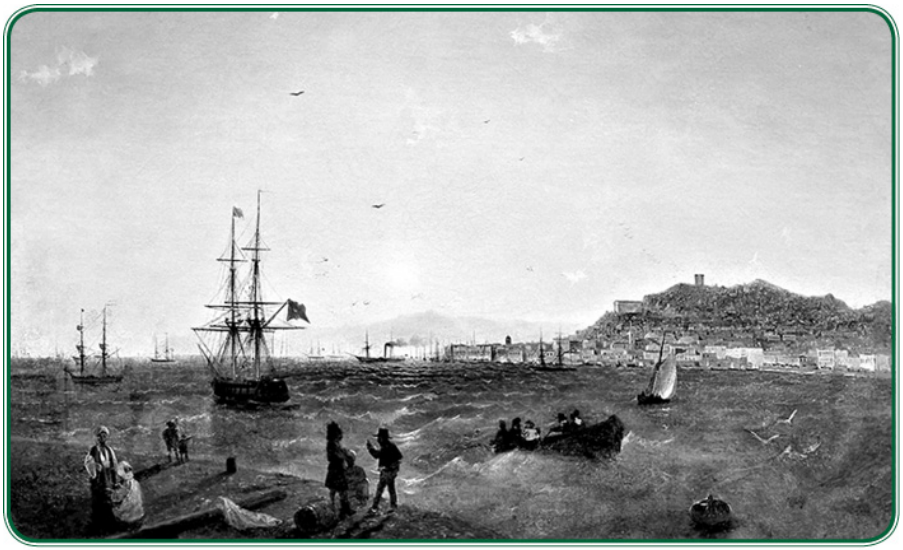
С нашей стороны на флоте урон весьма мал; убитых: мичман Блаз Антонович, морской артиллерии лейтенант Петр Галкин, разных нижних чинов 27; раненых: флота лейтенанты Федор Кармазин, Михайла Леонтьев, Константин Патаниоти, шкипер Степан Рябиков, разных нижних чинов и рядовых 64. Повреждения в корпусе на судах весьма мало, кроме что ядрами прострелены на некоторых кораблях мачты, стеньги и реи, перебито немалое число такелажа и паруса прострелены.

В продолжение сражения все командующие судов и разные чины флота Черноморского, находящиеся во оном действии, с крайним рвением и отличной храбростию выполняли долг свой, а паче начальники кораблей, в бою бывших, отличили себя отменной храбростью и искусством в управлении со всяким порядком вверенных им судов: командующий авангардиею господин бригадир флота капитан и кавалер Голенкин, тоже командующие кораблей флота капитаны 1 ранга «Св. Павла» Шапилов, «Св. Андрея» Вильсон, «Иоанна Богослова» кавалер Кумани, 2 ранга корабля «Преображения» Саблин, «Петра Апостола» Заостровский, «Св. Александра» кавалер Языков, «Рождества Христова» Ельчанинов, «Св. Георгия» Поскочин, так, как и бывший при мне флаг-капитан Данилов, исполняя все мои приказания, обозревал неприятельские движения и производил сигналы с отменным прилежанием и расторопностию.

Также находящийся при полевых с полком господин полковник и кавалер Чирков употреблен был от меня во многих случаях ко исполнению разных приказаниев, которые исполнял с отличным усердием и храбростью, ободряя людей. Я за долг почитаю отдать всем им справедливость и представлю как сие дело, так и оных на милостивое уважение вашей светлости.

При сем же сбитый и взятый флаг с большого линейного неприятельского корабля с посланным от меня корабля «Рождества Христова» господином лейтенантом Лошаковым препроводить честь имею. О прочих же подробностях и отличившихся подкомандных по прибытии в Севастополь, отобрав обстоятельства, донесть не премину.

Контр-адмирал и кавалер Федор Ушаков



И. К. Айвазовский. Керчь. *1839 г.*

Рапорт Ф. Ф. Ушакова Г. А. Потемкину об изготовлении чертежей и рисунков с призовых турецких судов

28 июля 1790 г.

Во исполнение ордера вашей светлости от 21 числа сего месяца со взятых призовых судов приказал я господину корабельному мастеру Катасанову чертежи, в самой скорости сняв, представить ко мне, а дабы ожидая оных не замедлить, на первый случай снять со всех оных точные виды, которые при сем и представить честь имею[114], и планы, когда готовы будут, а затем представить не замедлю.

Контр-адмирал и кавалер Федор Ушаков

Письмо Екатерины II Г. А. Потемкину о заключении мира со шведами и с благодарностью Ф. Ф. Ушакову за победу над турками в Керченском проливе

5 августа 1790 г., Царское Село

Друг мой любезный, князь Григорий Александрович!

Велел Бог одну лапу высвободить из вязкого места. Сего утра я получила от барона Игельстрема курьера, который привез

подписанный им и бароном Армфельдом мир без посредничества – 3 августа; отстали они, если сметь сказать, моею твердостию личною одною от требования, чтоб принять их ходатайство у турок и способствование к миру, но пррр (sic), не получили, а королю Прусскому, чаю, сей мир не весьма приятен будет.

Теперь молю Бога, чтоб тебе помог сделать то же и с турками. Победу Черноморского флота над турецким мы праздновали вчерась молебствием в городе у Казанской, и я была так весела, как давно не помню. Контр-адмиралу Ушакову великое спасибо прошу от меня сказать и всем его подчиненным. Ты видишь, что сим наскоро ответствую на твои письма от 20 июля; итак, спешу как нельзя более, чтоб тебя скорее уведомить о наших немаловажных вестях.

Пришли, Христа ради, скорее расписку Очаковского паши о получении денег от турок, пересланных к нему, чтоб французы перестали мучить вице-канцлера о получении им тех денег: они вздумали, что у нас деньги подобные крадут и удерживают, как у них. Прощай, мой друг. Бог с тобою.

Письмо Ф. Ф. Ушакова Г. А. Потемкину с просьбой о выдаче денежной награды участникам сражения в Керченском проливе

7 августа 1790 г., Севастопольский рейд

Надеюсь на милости вашей светлости, осмеливаюсь всепокорнейше просить к поощрению служащих на Севастопольском флоте за ревностную службу одержанной ныне над неприятелем довольно знатной победы, не угодно ли будет оказать милость вашей светлости при сем благоприятном случае штаб– и обер-офицерам определить получать годовые порционные деньги, как уже ваша светлость и намерены были при случае оказать сию милость; рядовых же и нижних чинов служителей прошу, если возможно, наградить выдачею каждому по рублю или по два деньгами, что я наивсегда почитать буду за отменную к себе милость вашей светлости.

Сия сумма денег, считаю, не весьма велика, а благодарность заслуживающих оную будет превосходна и усугубит рвение к службе и доверенность ко мне всех подчиненных. Ибо я во время бою поощрял на своем корабле людей, обещал им, когда одержим победу, исходатайствовать милость вашей светлости.

При сем же вашей светлости донесть честь имею, что ныне присланы из Херсона на выдачу жалования всей команде деньги червонцами и ефимками, полагая червонец по три рубли по

семидесяти копеек, а ефимку по одному рублю по семидесяти копеек, здесь же их не берут иначе как со великим убытком, сие всех служителей при малом получении их жалованья весьма печалит, хотя они говорить и не осмелятся, но я желал бы чем-нибудь их успокоить, а сие средство ожидаю от милости вашей светлости.

P. S. Если угодно оказать милость вашей светлости, один раз и навсегда определить получать порционных денег обер-офицерам в месяц по двенадцати, штаб-офицерам до капитанских чинов – по осьмнадцати, флотским капитанам – по тридцати рублей, сие послужит в отличное награждение [от] вашей светлости.

Письмо И. М. де Рибаса Ф. Ф. Ушакову о вероятных намерениях турецкого флота и о готовности судов Лиманской эскадры к соединению с Севастопольским флотом

9 августа 1790 г., Очаковский рейд

В ответ на письмо вашего превосходительства от 6 августа, которое я имел честь получить, спешу вас уведомить, что корабль «Навархия» и фрегат «Федот» совершенно готовы к походу, как скоро будет приказано. Со дня на день ожидается здесь из Глубокой фрегат «Макроплия», осталось только поставить на оного артиллерию. Меня также уверили, что должен прибыть сего дня в сей фарватер фрегат «Григорий Великия Армении», который вооружен и всем снабжен. Я не премину вас известить, как скоро сии два фрегата точно прибудут.

Что ж касается до показавшихся около таврических берегов неприятельских судов, я думаю, что для нас должно быть равно, с какой бы они стороны не пришли, но не сомнительно, что, показываясь так часто около тех берегов, намерение их в том состоит, чтоб туда привлечь наше внимание, воспрепятствовать соединению наших сил и таким образом избегнуть от ударов, которых они опасаются в другом каком месте.

Мы точно знаем и то, что часть их флотилии стережет с рачением не только гирлы Дунайские, но даже и ту, которая в рассуждении мелководия не должна бы им казаться опасною. Недолго после вашего сражения 8 июля видели также под парусами, так как и вам известно, малое число кораблей с несколькими кирлангичами и лансонами, что заставило вас, так же как и нас, думать, что это отдельная их эскадра для защищения сообщения с Дунаем.

Итак, бывши действительно уверенными, что неприятель беспокоится о наших движениях к сей реке, я думаю, что главный наш предмет должен быть как можно наискорее соединиться, как уже от его светлости и приказано. Я даже того мнения, что осторожность требует до соединения нашего убегать сражения.

Что может предпринять неприятель на таврические берега, каким способом сделает он там сильный десант? И на что сухопутные наши войска? Один только Севастопольский порт есть место важное, пусть наши его и защищают, но наш предмет есть соединиться, сим отвлечем мы конечно неприятелей от Тавриды. Они также соединятся, но нам опасаться нечего, доколе между нами одна душа и любовь к отечеству без собственных видов будут управлять нашими действиями. Я вам обещаюсь, милостивейший мой государь, что вы найдете меня всегда послушным вашим советам. Итак, приезжайте, приезжайте поскорее, Бог благословит дела ваши.

Я к вам пишу откровенно по причине, что сверх дружбы и почитания, которое я к вам имею, непременно нужно нам быть в великой доверенности и согласии, ибо от нас зависит судьба нескольких тысячей человек и честь Российского флага на Черном море, которая нам препоручена от полной доверенности нашего общего благодетеля и главного начальника.

P. S. Его светлость в Херсоне и ожидается завтра сюда.

Иосиф де Рибас

Письмо Ф. Ф. Ушакова Г. А. Потемкину о необходимости выйти в море для атаки турецкого флота, находящегося у Гаджибея

22 августа 1790 г., Севастопольский рейд

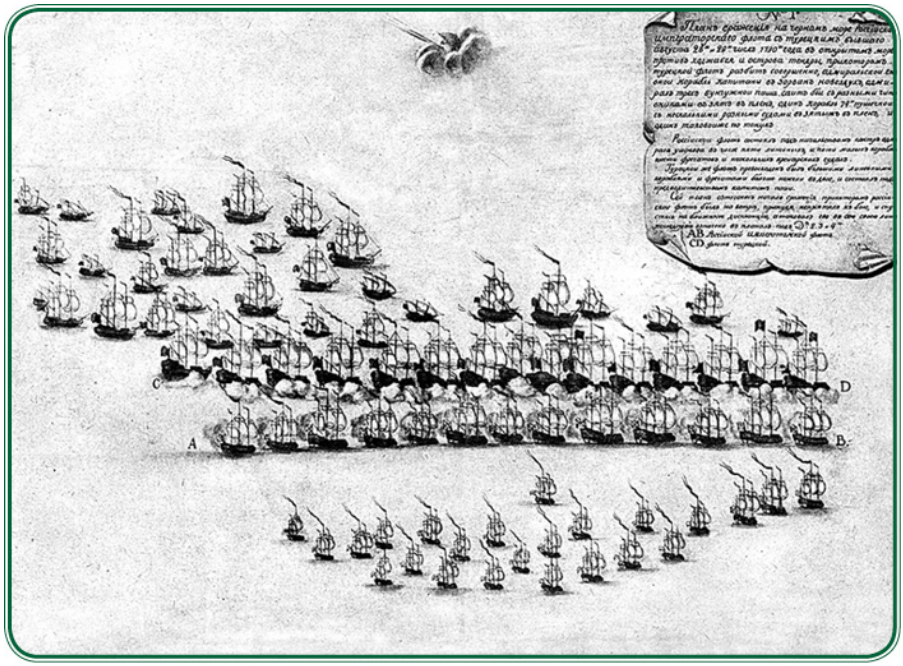
Значащийся по запискам из Аккермана и прочих мест видимый против Гаджибея в сорока или сорока двух судах флот неприятельский, почитаю я, что он еще не весь в сборе и, конечно, из лучших его кораблей некоторых еще тут нет. Посему, если бы я знал, что не противно будет намерению вашей светлости, пошел бы со флотом Севастопольским, нимало не мешкав, искать способного случая его атаковать, ибо я предвижу, если они упорно соединению препятствовать будут, должно будет прежде оного дать с ними баталию.

Я во оной надеюсь на милость Божию, что со здешним флотом ныне иметь ее, кажется, можно и безопасно, а особливо,

хотя по слухам они и хвастают, но что чувствуют, того уже искоренить нельзя, следовательно, храбрость их должна быть меньше, нежели в первой раз. Чем далее пройдет время, тем они больше соединятся и сильнее будут.

При сем же осмеливаюсь донесть вашей светлости, как я должен уже иттить против флота (ежели он будет в сей стороне), хотя бы и для соединения, в таком случае нельзя будет отяготить себя проводкою в Лиман излишних судов, дабы, в случае дела против неприятеля, когда он повстречается, таковые суда больше мне не помешали и из них чего-нибудь не потерять. Для сего, если позволите, ваша светлость, то я возьму только те же суда, которые прежде со мною ходили и вприбавок к ним один бомбардирский, а прочие оставлю здесь до времени.

Федор Ушаков



А. Дельпадо. План сражения между Тендрой и Гаджибеем 28—29 августа 1790 г. Начальный момент сражения, когда русский флот занял наветренное положение, атаковал и принудил противника к бою (*AB* — русский флот; *CD* — турецкий флот)

Ордер Ф. Ф. Ушакова Д. Доможирову о назначении его на

время пребывания флота в море командиром Севастопольского порта и об организации обороны порта на это время

24 августа 1790 г.

Во исполнение повеления е. св. князя Потемкина-Таврического со флотом, состоящим в 10 кораблях, 6 фрегатах, 1 бомбардирском, 1 репетичном с 17 крейсерскими судами и 2 брандерами, отправляюсь я в море для соединения с Лиманскою эскадрою и поисков неприятеля. На время моего отсутствия до возвращения остающиеся здесь суда, команду служителей, порт и охранение оного во всяких случаях, поручаю в вашу команду и распоряжение.

Засим рекомендую употребить всевозможное старание корабль «Леонтий» в самой скорости всеми исправлениями окончить, вооружить и приготовить к выходу на море, чтоб непременно к возвращению моему сюда был во всякой готовности. Остающиеся здесь военные суда употребите ко охранению порта, постарайтесь о достройке новой госпитали, поставить все стропилы на места и обрешетить, старые ж госпитали крышами и прочее, как наивозможно, исправить, внутри оных выбелить, очистить и выкурить, дабы воздух в них переменить.

Рапорт Ф. Ф. Ушакова Г. А. Потемкину о сражении с турецким флотом у острова Тендры 28–29 августа

2 сентября 1790 г.

По сходству повеления вашей светлости, 25 дня минувшего августа, вышед я со флотом Севастопольским в числе 10 кораблей, 6 фрегатов, одного репетичного, одного бомбардирского, двух брандеров и 17 крейсерских судов с рейда Севастопольского в море для соединения с Лиманской эскадрою и поисков над неприятельским флотом, 28 числа при начале дня достиг на вид острова Тендры и Очаковского берега, и в то ж время обозрел флот неприятельский между Тендрою и Гаджибеем, стоящий на якорях в числе 14 больших линейных кораблей, 8-ми фрегатов и 23 отборных из лучших, разного сорта судов, ветер был свежий от стороны ZOtZ, весьма способный к нападению, при котором, пользуясь я благоуспешностию случая, и пошел его атаковать.

Как же скоро замечено в неприятельском флоте приближение нашего, отрубя оные якоря, вступил под паруса я со флотом, гнавшись за ним, принудил к бою и, построясь оба флота в линию баталии правого галса OtZ и WtN, наш флот, будучи на ветре, по данному от меня сигналу, спустился на неприятеля на ближнюю дистанцию. И в 3 часа пополудни началось жестокое сражение, неприятельский флот, вскорости не теряя жестокого огня, с великой живостью на него производимого, начал уклоняться под ветер, а наш, спускаяся на него, беспрестанно умножал огонь еще сильнее.

Перед вечером флот неприятельский, находясь уже в беспорядке, начал весьма уступать под ветер; тогда по данному от меня сигналу гнать неприятеля, кордебаталии из первых корабль «Рождества Христово», «Преображение» и «Александр», тож и авангардия с отличной неустрашимостью спускались беспрестанно весьма близко на передовую часть отборных неприятельских кораблей, где и все флагманские корабли их находились, теснили оных и, поражая, наносили великий вред и тем принудили всю оную передовую неприятельскую часть флота поворотить чрез фордевинд и бежать к стороне Дуная при ветре, уже бывшем тогда ZZW, приводя корабли свои ближе к ветру левого галса, и следовать за задней своей частью, которая, поворотя также чрез фордевинд, сделалась уже передовою и бежала бейдевинд на другой галс, отделяясь от нашего флота вперед, флот же наш гнал неприятеля под всеми парусами и бил его беспрестанно.

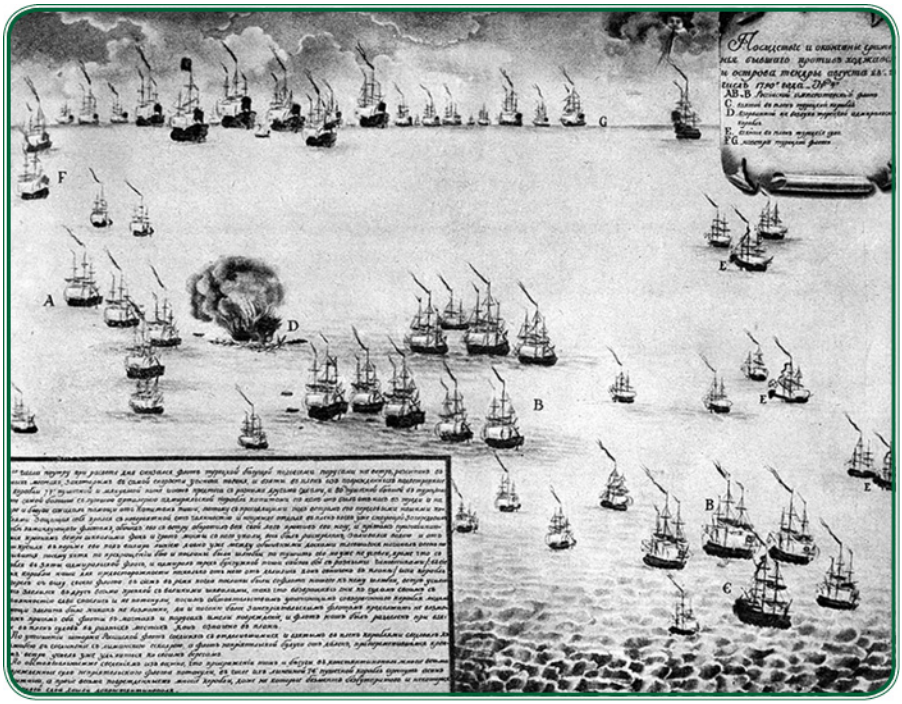
Во время сего сражения более всех разбиты неприятельский авангард и передовые кордебаталии, из которых весьма претерпели адмиральский и капитан-паши корабли и бывшие близ оных, которые во время поворота их чрез фордевинд были весьма близки против бортов кораблей «Рождество Христово» и «Преображение». Во время сего сражения на адмиральском корабле, сверх других его повреждениев, подбиты грот-марсель и крюйсель и повреждены стеньги и реи, тож и еще у некоторых заметны были явные повреждения в мачтах, стеньгах и парусах, потому они и оставались назади всех и во время погони еще более претерпели.

Погоня за неприятелем продолжалась до осьми часов пополудни, в которое время флот неприятельский, в рассуждении легкости судов, отделился уже вперед и при темноте ночной закрылся из виду. Посему, не видя более успеха, в 9 часу по учиненному сигналу флот наш, дабы остаться еще на ветре, поворотил весь чрез оверштаг на другой галс, и на всех судах зажжены огни в фонарях, дабы при видимости оных держались

соединенно. Но как ветер начал крепчать, да и предвещало быть крепкой погоде, для того, по данному от меня сигналу, легли в соединении на якоря, кроме, что крейсерские суда для крепости ветра многие ушли в закрытие к берегам Очакова.

Поутру 29 дня при начале рассвета оказался флот неприятельский, лавирующий к ветру, рассыпан весь в разные места, так что некоторые суда были у нас уже под ветром.

Я, сделав сигнал о погоне со флотом, поспешно вступил под паруса и гнал неприятеля, но капитан-паша с несколькими кораблями скоро ушел во отдаленность, затем, остались позади из поврежденных 28 числа адмиральский 74-пушечный корабль «Капитания» и другой, партикулярный, 66-пушечный, из которых первый, будучи еще на ветре, стремился уйтить за флотом, а последний от погони нашей, находясь уже отрезан под ветром, побежал на мелкие места к банке, отделяющей фарватер между Кинбурна и Гаджибея, за которым в погоню послал я господина бригадира флота капитана и кавалера Голенкина с двумя кораблями и двумя ж фрегатами, а с прочими гнал бегущего неприятеля на ветер.



А. Дельпадо. План сражения между Тендрой и Гаджибеем 28—29 августа 1790 г. Заключительный момент боя днем 29 августа *(АВ и ВВ — русский флот; С — взятый в плен турецкий линейный корабль «Мелеки-Бахри»; D — взрыв захваченного турецкого адмиральского корабля «Капитание»; Е — остальные турецкие суда, взятые в плен; G — бегущий турецкий флот)*

В 10 часов пополуночи передовые нашего флота догнали в близость и упомянутый адмиральский неприятельский корабль. Из наших, находясь ближе всех к нему, корабль «Св. Андрей» первый вступил с ним в бой и, гнавши, подходил еще к нему на ближнюю дистанцию, и подбил фор-марсель, причем оный неприятельский корабль ход свой уменьшил, почему подоспел еще к нему корабль «Георгий», а за ним «Преображение» и еще некоторые корабли прошли из-под ветра, переменяя один другого, производили жестокий огонь, и передовые окружили его с ветра.

Напоследок, когда начал подходить в близость к сему неприятельскому кораблю корабль «Рождество Христово», сделал я сигнал подветренным судам войти в кильватер оного корабля для того, дабы во время боя не мешали один другому, после чего

корабль «Рождество Христово» подвинулся еще вперед, стал против неприятельского борта с наветренной стороны на дистанцию не более 30 сажен и в малейшее время нанес ему наижесточайшее поражение.

За ним подошел и производил пальбу корабль «Георгий», а в сие время корабль «Рождество Христово» подвинулся еще вперед, весь борт оной оборотил на нос неприятельского корабля и, остановясь в таком положении, готовился сделать ему лаг всем бортом, уповая, что непременно от оного должен будет он потонуть, но в сие время люди неприятельского корабля, выбежав все наверх, на бак и на борты, поднимая руки кверху, кричали на мой корабль и просили пощады и своего спасения; заметя оное, данным сигналом приказал я бой прекратить и послать вооруженные шлюпки для спасения командира и служителей, ибо во время боя храбрость и отчаянность турецкого адмирала 3-бунчужного паши Саит-бея столь была отчаянна, что он не сдал своего корабля до тех пор, пока остался весь разбит до крайности, заливался водою и все три мачты сбиты долой вплоть по палубу, и густой дым от влепившегося в корму его брандскугеля начал показываться так, что до распространения пожара передовая шлюпка едва успела взять только упомянутого адмирала Саит-бея, капитана корабля «Капитания» Магмет-Дерия, за им Мустафу-агу и прочих чиновников 17 человек, а другие шлюпки, за объятием корабля огнем, пристать не могли и при крепчайшем ветре и нашедшем шквале с поспешностью удалились на ближние суда, после чего оный корабль в непродолжительном времени взорвало на воздух.

А как прочие неприятельские суда были уже весьма отдалены на ветре, и ветер беспрестанно находил великими шквалами и крепчал, потому я и пошел к эскадре, отдаленной от меня, в погоню за другим кораблем и для соединения с Лиманской эскадрою и флотилиею, находящеюся под командою господина генерал-майора и кавалера де Рибаса, который во время боя и погони за неприятельским флотом делал в виду нашем разные движения и тем неприятелю наводил страх и беспокойство.

Подходя я со флотом к эскадре, обозрел турецкий 66-пушечный корабль, взятый нашими кораблями в плен и стоящий с ними на якорях под российским флагом. Подошед я несколько ближе, остановился со флотом на якорях, в сие время упомянутая Лиманская флотилия и эскадра под начальством реченного господина генерал-майора и кавалера де Рибаса пришла ко мне в соединение и остановилась при флоте.

После сего от господина бригадира флота капитана и кавалера Голенкина получил короткий рапорт о взятии того

корабля, который сдался без боя и именуется «Мелеки-Багари», капитан на оном Кара-Али, служителей всех состоит до 600 человек. О сих благополучных успехах, спеша я уведомить вашу светлость, по разным случаям не отобрал еще всех подробностей. 30 числа минувшего августа рапортом моим донесть честь имел, а за сим, по точным осведомлениям чрез пленных, оказалось: на адмиральском корабле, именуемом «Капитания», стояло разных чинов служителей до 800 человек, из которых, сверх упомянутых взятых в плен адмирала 3-бунчужного паши Саит-бея и прочих чиновников, с капитаном корабельным 19 человек, спасены еще на сбитых мачтах и членах подорванного корабля разного сорта служителей 81 человек, а прочие все побиты, сгорели и потонули.

На оном же корабле хранилась казна всего флота в содержании казнадара, [в] которой, по объявлению их, находилась весьма знатная сумма для всего флота, и оная при подорвании корабля вся пропала. На взятом 66-пушечном корабле, именуемом «Мелеки-Багари», настоящий его капитан убит, после оного командовал первый по нем Кара-Али; на оном корабле разных чинов служителей отправилось из Константинополя 650 человек, а ныне в плен взято 560, прочие померли и побиты.

Сверх линейного корабля взяты еще в плен 29 числа крейсерским судном «Панагия Апотуменгана» под командою мичмана Звороно и кирлангичею под командою шкипера Ладыко турецкий лансон, на котором пушек на носу: англинская 36-фунтовая одна, на бортах 6-фунтовых чугунных по 4, на оном турок, греков и армян 29 человек. 30 числа судном «Феникс» под командою ж мичмана Бенардаки взята в плен турецкая бригантина, на которой пушек медных 5-фунтовых 6, 3-фунтовых 4, всего 10; пленных на оном нет, ибо во время погони сняты турецким кирлангичем; да крейсерами ж между острова Тендры и Кинбурнского берега загнана и остановилась на мели турецкая батарея, на которой на носу и на корме по две чугунных 36-фунтовых пушки, по сторонам по три медные, 8-фунтовые, на оной пленных турок 43 человека; для съему оной батареи с мели посланы ото флота крейсерские суда, от Кинбурна одинакие шлюпки, а с гребной флотилии от господина генерал-майора и кавалера де Рибаса лансоны и бригантины, и можно надеяться, что оная снята будет без вреда.

Всего в плен взято на оных судах разного сорта людей 733 человека, с нашей стороны урон весьма мал: убитых на всем флоте разных нижних чинов 21, раненых 25; повреждения на судах, кроме множества перебитого такелажа, расстрелянных парусов, весьма малы и состоят в немногих пробоинах в корпусах

судов, тож и в небольших повреждениях мачт, стеньгов и реев, и с которых все, сколько можно, исправлено, паруса и такелаж перемен[ен]ы вновь.

В продолжение сражения все командующие судов и разные чины флота Черноморского, находящиеся во оном действии, с крайним рвением и отличной храбростью выполняли долг свой, а паче изо всех оных храбрыми подвигами и искусством отличали себя от прочих. Командующий авангардиею и кораблем «Марией Магдалиною» господин бригадир флота, капитан и кавалер Голенкин, с передовою частью флота, спустясь на ближнюю дистанцию неприятельской авангардии, первый начал бой с неприятелем и беспрерывным жестоким огнем разил его, и с великим повреждением понуждал уклоняться под ветер.

Послан был с двумя кораблями и двумя ж фрегатами в погоню за отделенным неприятельским кораблем, который и взят ими без бою. Командующий корабля «Георгия», капитан 2 ранга Поскочин, находясь передовым, сверх упомянутого поражения передовой части неприятеля, участвовал при разбитии подорванного адмиральского корабля; командующий корабля «Иоанна Богослова» капитан 1 ранга и кавалер Кумани, находясь в передовой же части за кораблем «Георгием», в разбитии неприятеля поступал храбро, как выше означено.

Командующий корабля «Рождества Христова» флота капитан 2 ранга Ельчанинов с кораблем своим во все время баталии находился к неприятельской линии ближе всех и, побеждая противников, наносил везде чрезвычайный вред и отчаянность и больше всех участвовал в разбитии адмиральского корабля, который напоследок от загорания подорван; капитаны ж второго ранга Саблин с кораблем под командою своею «Преображением» и Языков с кораблем «Александром» находились: первый впереди корабля «Рождества Христова», а другой позади оного ж и исполняли все то ж, последуя оному кораблю везде с отличной храбростью, теснили и наносили великий вред неприятелю.

Из них же Саблин участвовал в разбитии адмиральского корабля, а Языков во взятии в плен 66-пушечного корабля ж вместе с кораблем «Марией Магдалиною», и можно почесть, что сии шесть кораблей, находясь впереди прочих, одержали всю главную победу над неприятелем, разбив и нанеся великий вред флагманским и прочим отборным кораблям, а за сими также отличили себя, производимые жестоким боем на последнюю часть неприятельского флота командующие кораблей капитаны 1 ранга «Св. Павла» Шапилов, «Св. Андрея» Вильсон, «Владимира» [капитаны] 2 ранга Обольянинов, «Петра Апостола» Заостровский, командующие фрегатов капитаны 2 ранга

«Амвросия Медиоланского» Нелединский, «Кирилла Белозерского» Сарандинаки, «Нестора Преподобного» капитан-лейтенант Шишмарев.

Командующие ж фрегатов капитан второго ранга «Иоанна Воинственника» Баранов, «Св. Иеронима» кавалер Алексиано, «Покрова Богородицы» Ознобишин находились в резерве против передовой части, вытерпливающие первый жестокий огонь неприятеля, в которое время неприятельский вице-адмиральский большой и чрезвычайно легкий корабль ушел вперед и, поворотя оверштаг, шел встречу нашей линии, мог бы нанести некоторый вред с носу передовым нашим кораблям, также и состоящим на ветре под защитою флота крейсерским и разным мелким нашим судам, но, по учиненному от меня сигналу, оные резервные три фрегата, поставленные нарочно для предупреждения таковых случаев, прибавя парусов, шли его атаковать и, сделав несколько выстрелов, принудили паки спуститься под ветер, так что он, начиная от передового нашего корабля почти до половины флота, шел контргалсом между нашей и неприятельской линии в двух огнях и потерпел великий вред, особливо при оном случае отвращению действия его корабля препятствовал фрегат «Иоанн Воинственник», а тем и заслуживает командующий оного отличную рекомендацию.

Находящиеся при мне на корабле «Рождестве Христове» при флагманских делах флаг-капитан второго ранга Данилов и при разных исправлениях должностей штаба вашей светлости генеральс-адъютант и кавалер Львов, из коих первый, исполняя все мои приказания, обозревал неприятельские движения, исправно доносил, с отличной расторопностью и рвением успевал делать беспрестанно разные сигналы и ободрял служителей в храбрости; господин Львов также безотлучно находился при мне, обозревал движения неприятельские, доносил мне об оных и определяем был от меня к исправлению разных должностей, исправляя оные с отличной храбростью, ободрял служителей и поощрял их при пальбе к вернейшему содействию пушками.

Артиллерии господин капитан 2 ранга Юхарин, исправляя должность цейхмейстера на корабле «Рождестве Христове», находился во всех деках при действии пушками, делал при том все установления и распоряжения с отличной храбростию и искусством, ободрял людей и действовал во все время боя весьма исправно. Командир репетичного судна «Полоцк» капитан-лейтенант Белле, находясь против средины флота в близости моего корабля, должность свою исправлял с отличной храбростью, обозревал и репетовал сигналы весьма расторопно.

От господ командующих кораблей из-под команды их

отлично рекомендованный за исправное мужественное с отличною храбростию исполнение вверяем[ых] должностей «Рождества Христова» капитан-лейтенанты Ишин, Иларионов, лейтенант Патаниоти и артиллерии лейтенант Копытов, «Марии Магдалины» – капитан-лейтенант Сорокин, «Преображения» – капитан-лейтенант Языков, «Александра» – капитан-лейтенант и кавалер Бырдин, «Георгия» – лейтенант Макшеев, «Св. Павел» – капитан-лейтенант Лавров, лейтенанты Стромилов и Поскочин, «Иоанн Богослов» – капитан-лейтенант и кавалер Войнович, фрегатов «Покрова Богородицы» – капитан-лейтенант Тимофеев, «Кирилла Белозерского» – лейтенанты Вишневский и Роде, «Амвросия Медиоланского» лейтенанты Селиванов и Уваров, «Нестора Преподобного» – лейтенант Сукашев, «Иоанна Воинственника» – лейтенант Долгово-Сабуров. О чем донеся, покорнейше прошу вашу светлость в поощрении службы впредь сих отличившихся от прочих не оставить милостивым благоволением, также и нижних чинов награждением малым числом денег.

Ордер Ф. Ф. Ушакова капитан-лейтенанту Бырдину о раздаче денег турецким пленным корабля «Капитания», сгоревшего в сражении у Тендры

3 сентября 1790 г.

Его светлость князь Григорий Александрович Потемкин-Таврический соизволил прислать денег 200 руб. для разделения на спасенных на обломках и мачтах сгоревшего корабля, а как оных велено отослать на порученный вам фрегат, почему и благоволите принять препровождаемые к вам оные 200 рублей, им раздать, по скольку достанется, и рапортовать.

Ордер Ф. Ф. Ушакова капитану 2 ранга Баранову с выражением неудовольствия ему и капитан-лейтенанту Бырдину за неточное и медленное выполнение приказаний

4 сентября 1790 г.

Я три раза посылал к вам шлюпку с моим приказанием, чтоб вы были с фрегатом своим близко фрегата «Федота Мученика», но вы стали на якорь от оного далеко и между корсарами; засим письменно приказываю быть безотлучно близко оного фрегата, извольте к нему подойти ближе, и все сбережение оного полагаю

на ваше попечение, ибо там пленных турок больше, нежели наших людей, надобно быть одному подле фрегата, другому подле корабля, к пленному же кораблю послал я еще для вспоможения корабль «Георгий»; скажите Бырдину, что я недоволен его нерасторопностью, он всех задержал, долго снимался с якоря.

Орден Святого Георгия
II степени

В 1770—1916 гг. кавалерами ордена Святого Георгия II степени стали 125 человек. Первым был генерал-поручик Петр Григорьевич Племянников. Ф. Ф. Ушаков стал 21-м по счету кавалером этого ордена.

Донесение Ф. Ф. Ушакова Черноморскому Адмиралтейскому правлению о принятых мерах к исправлению кораблей

13 сентября 1790 г.

По возвращении моем со флотом в Севастополь, не упуская ни малейшего времени, все исправления и приготовления к походу флота начаты и с крайнею поспешностью работы производятся; какие ж повреждения во время боя случились в мачтах, стеньгах и реях, об оных короткое описание при сем представить честь имею.

Письмо Екатерины II барону Ф. М. Гримму о победе Ушакова над турецким флотом в Черном море

15 сентября 1790 г.

Представьте себе, едва я закончила сегодня утром последние строки моего письма[115], как ко мне явился курьер от главнокомандующего [marechal] князя Потемкина-Таврического с важной новостью о разбитии турецкого флота между Тендросом [Fendros] и Гаджибеем. 28 августа контр-адмирал Ушаков с Севастопольским флотом атаковал его, взорвал 80-пушечный адмиральский корабль, самого адмирала взял в плен, а также его помощника по командованию с его кораблем о 70 пушках и несколько других судов меньшей величины, среди них – три двадцатипушечные бригантины, кроме того он взял в плен 900 турок.

Остаток турецкого флота, который преследовали весь день 29 августа, спасался, где только мог, следовательно, теперь он рассеян. Сегодня – воскресенье. Я приказала отслужить молебен при звуках залпов из 101 пушки, а за моим обычным столом [маленьким] на 288 приборов мы пили здоровье победоносного Черноморского флота и его контр-адмирала Ушакова.

Он получит за третье сражение в течение этого лета Св. Георгия второй степени, и это будет первый в чине генерал-майора, награжденный Георгием этой степени; кроме того я ему дам землю. Вот как награждают у нас тех, которые хорошо служат государству; а они служат за четырех; основная причина этого в том, что у меня адвокаты и прокуроры не являются законодателями и никогда ими не будут, пока я жива, и после меня будут следовать моим принципам.

Указ Екатерины II Кавалерской думе о награждении Ф. Ф. Ушакова за победу над турецким флотом у Гаджибея орденом Георгия Большого креста II класса

16 сентября 1790 г.

Во всемилостивейшем уважении на усердную службу нашего контр-адмирала Федора Ушакова, особливое искусство и отличную храбрость, оказанную им в сражении 28 и 29 августа сего года, где он, командуя флотом нашим Черноморским, одержал над неприятельскими морскими силами, капитан-пашою предводимыми, знаменитую победу, пожаловали мы его кавалером военного нашего ордена Святого великомученика и победоносца Георгия Большого креста второго класса, которого знаки доставлены ему при грамоте.

Екатерина

Ф. Я. Алексеев. Вид города Николаева. *1799 г.*

В 1788 г. по указу князя Потемкина в устье реки Ингул под руководством полковника М. Фалеева была заложена верфь. В 1790 г. на воду был спущен первый корабль: «Святой Николай», а к концу XVIII в. вокруг верфи вырос город Николаев, ставший одним из главных центров российского судостроения.

Приказание Ф. Ф. Ушакова конторе Севастопольского порта об улучшении содержания больных в госпиталях

27 сентября 1790 г.

Осматривая я морские госпитали, также и из рапортов госпитальных усматриваю, что служители беспрестанно умирают поносом; нахожу, что в содержании пищи и питья состоят

некоторые недостатки, посему предлагаю конторе Севастопольского порта для лучшего содержания их употребить всевозможное старание, приказать отпустить для варения им киселя и на печение булок достаточное число пшеничной муки, также и все, что к лучшему их содержанию потребно приказать, откуда следует отпускать и надобности искупать, дабы лучшим содержанием людей подкрепить и привесть в здоровье, и тем отвратить великую убыль в людях, какая ныне происходит; тож и для прочих больных служителей, для которых следует на варение щей покупать капусту и прочее, что необходимо нужно, по сходству указа Черноморского Адмиралтейского правления, и стараться о здоровье служителей.

Расчет призовых денег, причитающихся, согласно Морскому уставу, за взятые и уничтоженные в сражении у Тендры неприятельские суда[116]

Из Морского устава, главы 4-й о награждениях

Дабы всякий служащий во флоте ведал и был благонадежен, чем за какую службу награжден будет:

1-е

По чему[117] давать за флаги и за корабли взятые и за сожжение неприятельских кораблей.

Ежели кто неприятельский корабль возьмет, то ему оный отдан будет, кроме полоненных людей, а ежели оный взят будет в Адмиралтейство, то будет заплачено сему.

За флаги:

За первый адмиральский флаг – 10 000 руб.
За второй адмиральский флаг – 9000 руб.
За третий адмиральский флаг – 8000 руб.
За вице-адмиральский флаг – 7000 руб.
За шаутбейнахтский флаг – 6000 руб.
За корабли.
За каждую пушку по калибрам:
за 30-фунтовую – 300 руб.
за 24-фунтовую – 250 руб.
за 18-фунтовую – 210 руб.
за 12-фунтовую – 170 руб.
за 8-фунтовую – 130 руб.
за 6-фунтовую – 90 руб.

за 4– и 3-фунтовую – 50 руб.

за 2-фунтовую и за басы – 15 руб.

Брандерским офицерам и солдатам, когда сожгут неприятельский корабль, – третья доля против того, как возьмут корабль.

Пятой главы о разделении добычи.

Артикул 3

Ежели по разбитии линии, то сколько аншеф-командующему и флагманам, особливо из казны сверх определения. А ежели после разбития неприятельской линии, то 10 доля аншеф-командующему, а прочим флагманам или командирам эскадр 7 доля. Сия дача имеет быть сверх того числа, что они продали, или дано будет за взятые корабли, особливо из казни.

4

Что тем, которые бились, а неприятеля не взяли. Которые бились, а неприятеля не взяли, те дачею на треть, половину или целый год жалования, или против тех, которые взяли, по достоянию труда их награждены будут.

5

Которые в ордер-баталии были, а не бились. Прочие корабли, которые в ордер-баталии добре держались, а к бою не собою, не по указу не дошли или случая им не было, тем тримесячное награждение жалования, как офицерам, так и рядовым.

6

Что найдется во взятом корабле офицерского, унтер-офицерского и рядового, то делить по чинам. Сверх сего, что найдется в корабле офицерского платья, денег и прочего, то надлежит разделить по себе офицерам по чинам, а что унтер-офицерское и рядовых, то разделить на унтер-офицеров, и прочего, что не их собственное, отнюдь ни к чему не касаться под наказанием.

Федор Ушаков

Положение за взятые корабль и пленные суда.

Корабль, взятый в плен 66 пушек, который наименован «Св. Иоанн Предтеча».

На нем пушек:

чугунных 22-фунтовых двадцать две, полагая вместо 24-фунтовых, за каждую по 250 рублей, а за двадцать за две – 5500 руб.

медных 66-фунтовых четыре, полагая вдвое против 30-фунтовых, за каждую по 600 рублей, а за четыре – 2400 руб.

медных 15-фунтовых двадцать шесть, полагая вместо 18, за каждую по 210 рублей, а за двадцать за шесть – 5460 руб.

9-ти и 8-фунтовых четырнадцать, за каждую по 130 рублей, а за четырнадцать – 1820 руб.

За все оные – 15180 руб.

За сожженный адмиральский корабль за флаг первого адмирала – 10000 руб.

пушек на оном было 74, а каких калибров, за скорым отправлением пленных, обстоятельств не отобрано, посему и положить не можно

На взятой в плен батарее пушек:

чугунных 36-фунтовых – четыре, медных и 8-фунтовых – шесть, полагая против 30-фунтовых за каждую по 300 руб., а за четыре – 1200 руб.

за осьмифунтовые за каждую по 130 рублей, а за шесть – 780 руб.

Итого – 1980 руб.

На взятой в плен лансоне пушек:

чугунных 36-фунтовых – одна, чугунных же 6-фунтовых – восемь, полагая число денег за 36-фунтовую – 300 руб.

за 6-фунтовые за каждую по 90 руб., а за восемь – 720 руб.

Итого: 1020 руб.

На бригантине, взятой в плен, пушек:

медных 5-фунтовых – шесть, 3-фунтовых – четыре, полагая за оные вместо 5 за 6-фунтовые за каждую по 90 руб., а за шесть – 540 руб.

за трехфунтовые за каждую по 50 руб., а за четыре – 200 руб.

Итого: 740 руб.

Обстоятельного ж положения, сколько за все следует, сделать не мог и представляю оное на рассмотрение и милость вашей светлости, сколько определить соизволите, оным всемерно все будут довольны. Из Морского устава приличные пункты выписаны и при сем прилагаются.

Федор Ушаков

Письмо Ф. Ф. Ушакова Г. А. Потемкину о готовности личного состава к боевым подвигам

4 октября 1790 г., г. Севастополь

Всепочтеннейшее письмо вашей светлости от 29 сентября всем командирам кораблей, фрегатов и прочих судов объявить честь имел и осмеливаюсь уверительно донесть вашей светлости: я и все они вместе со мною, равно и нижние чины служители, усерднейшее имеем желание, чтоб иметь случай и дело против неприятеля, при котором, надеясь на всещедрую милость Божью, употребим все наше внимание с отличным рвением оказать себя полезными отечеству и монаршей и вашей светлости милостей достойными.

Федор Ушаков

Письмо Г. А. Потемкина Ф. Ф. Ушакову с советом не беспокоиться по поводу происков и интриг недоброжелательных к нему лиц

2 ноября 1790 г.

Из письма вашего от 28 минувшего октября примечаю я вашу заботу в рассуждении недоброхотов ваших. Вы беспокоитесь о сем напрасно, довольно будучи уверены, что я люблю отдавать справедливость. Никто у меня, конечно, ни белого очернить, ни черного обелить не в состоянии, и приобретение всякого от меня добра и уважения зависит единственно от прямых заслуг. Служите с усердием и ревностию и будьте в прочем спокойны. Сие вам советует пребывающий с почтением.

Рапорт Ф. Ф. Ушакова Г. А. Потемкину о действиях флота с 16 октября по 15 ноября 1790 года во время пребывания у устьев Дуная и берегов Румелии

15 ноября 1790 г.

Исполняя повеление вашей светлости, со флотом, мне вверенным, 16 числа октября вышел с Севастопольского рейда в Черное море и находился около румельских берегов для поисков неприятельского флота и для прикрытия гребной флотилии

против устьев Дунайских, дабы флот неприятельский не мог ее запереть при оных.

Пришед я со флотом против Дуная, расположил оный преградою к устьям реки флоту неприятельскому. Между тем посылал крейсеров около румельских берегов искать судов неприятельских, дабы разведать о их флоте, где он находится. Посыланной от меня с отделенною частью крейсерских судов греческого полку подполковник Чапони, обошед на дальнее расстояние к Варне румельские берега, рапортом донес, что судов неприятельских около берегов и на море нигде не видал, проходя ж близ берегов, замечено им на матерой земле по всем берегам к стороне Варны деланы сигналы пущанием дыма, равно и с прочих посыланных крейсерских судов доносимо было то же.

Сверх оных послал я еще отборных из лучших и легких крейсерские три судна под командою мичмана Бенардаки, бригантину «Феникс» – шкипера Ладыко, бригантину «Св. Климент Папа Римский» и судно «Св. Георгий» под командою прапорщика Саломо к стороне Калиакрии и Варны, приказав, дабы непременно старались сыскать и поймать неприятельское судно и привесть ко флоту.

Из оных судов «Св. Георгий», прошед вместе с ними около румельских берегов на немалое расстояние, оттоль возвратилось ко флоту и командир онаго объявил, что судов неприятельских нигде не видел. Бригантины ж «Феникс» и «Климент Папа Римский» при способном ветре пошли прямо в Калиакрию и Варну, надеясь, что непременно там какие-нибудь суда найдут.

А как флотилия наша с приходу ее к Дунаю, прогнав флотилию неприятельскую, овладела устьями Дуная, вобралась в реку при Килии и Сулин-Богазии, и, прошед вверх оной реки, из виду моего закрылась и находилась безо всякой опасности, посему я со флотом следовал за Дунай около румельских берегов к стороне Варны для поисков флота неприятельского.

Но 10-е число сего месяца сделавшийся от SW противный весьма крепкий ветер и чрезвычайное волнение ходу вперед воспрепятствовали. Я ж, не находя флота и никаких судов неприятельских, в рассуждении позднего времени почитал за действительно, что флот неприятельский давно находится уже в Константинополе, потому, не предпринимая далее, дабы сохранить флот, мне вверенный, от повреждений крепкими ветрами, спустился на фордевинт и следовал обратным путем к Севастополю и 15 числа прибыл на рейд оного благополучно.

По входе на рейд нашел, что посыланные от меня для поисков судов к Калиакрии и Варне крейсерские суда, бригантины «Феникс» и «Св. Климент Папа Римский», исполня

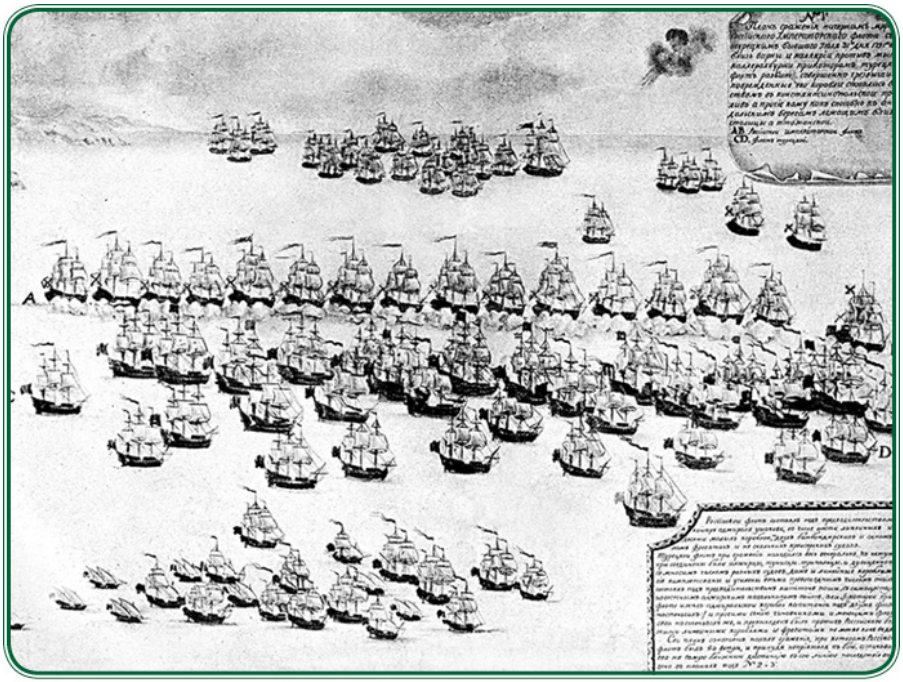
удачно вверенную от меня комиссию, поймав против Варны два небольшие судна (из коих одно за негодностью затопили), а с другим при неспособных крепких ветрах и волнении ко флоту попасть не могли и 6 числа сего месяца пришли благополучно в Севастополь.

Из оных судов на одном, которое за негодностию затоплено, взяты в плен бежавший из крепостей при Сулин-Багазии комендант Сеит-Апты-Ага, который, давнее уже время находясь при оных, имел в своем ведении все команды случающихся войск при охранении устьев дунайских, и с ним чиновников и рядовых турок 6, да на судне бывших с хозяином оного судна 4. На втором судне, приведенном в Севастополь, мелекса именуемом, взяты в плен греков 9 и 2 турка, в том числе чиновник один.

По обстоятельному ж сведению от пленных оказалось, что флот неприятельский, после разбития его между Гаджибея и Тендров, сбирался в Калиакрии, где, для соединения пробыв не более десяти или пятнадцати дней, ушел в Константинополь, в прочем военных судов в Калиакрии, Варне и в других местах около румельских берегов нигде нет.

О чем вашей светлости донеся, поданный ко мне от командиров крейсерских судов мичмана Бенардаки и шкипера Ладыко рапорт, тож отобранные от пленных известия при сем представить честь имею. А засим взятого в плен начальника Сулинских крепостей Сеит-Апты-Агу с его подчиненными также в самой скорости к вашей светлости препроводить имею, а прочих пленных, по примеру прежних повелений, отправлю в Николаев.

Контр-адмирал и кавалер Федор Ушаков



А. Дельпадо. План сражения у мыса Калиакрия 31 июля 1791 г. Начало сражения, когда русский флот, пройдя между берегом и стоящим на якоре противником, вынудил его в беспорядке вступить под паруса и атаковал вплотную, заставив принять бой на ближней дистанции (*AB* — русский флот; *CD* — турецкий флот в составе турецкой, алжирской, тунисской и дульцинистской эскадр)

Письмо Ф. Ф. Ушакова В. С. Попову с ходатайством о прощении капитан-лейтенанта Бырдина, посадившего корабль на мель

29 ноября 1790 г.

За милость, оказанную вашим превосходительством рекомендованному от меня посыльному к его светлости курьером сержанту Развозову, который чрез старание ваше, милостивый государь, пожалован его светлостию подпоручиком, приношу наипокорнейшую мою благодарность. За сим же осмеливаюсь вас, милостивый государь, всепокорнейше просить, исходатайствуйте милость его светлости находящемуся ныне в Херсоне из флота, мне вверенного, капитан-лейтенанту и кавалеру Бырдину, которой после бывшего сражения отправлен был от флота на

фрегате «Федот Мученик» и со оным между Очаковом и Кинбурном в узкости фарватера приткнулся на мель.

Сие несчастие случилось с ним, будучи вплоть близко его при множестве судов, которые оберегая, он опоздал положить якорь, а более, почитаю, причиною недовольная его еще привычка быть командиром на больших судах. Сделай милость, батюшка Василий Степанович, испросить для меня ему милость его светлости и прощение в его проступке, без которой, находясь он ныне под судом, конечно, останется несчастлив, он под командою хороший офицер, и мне здесь надобен, ибо по малости офицеров место его на корабле «Александре» заступить некому. Во ожидании сей благосклонной милости с истинным моим почтением и совершенной преданностию имею честь быть.

Федор Ушаков

Соображения Ф. Ф. Ушакова Г. А. Потемкину о нормах питания матросов на зимний период и установлении единого постоянного курса червонцев и ефимков

Ноябрь [1790 г.] [118]

1-е. Что в Севастополе весьма недостаточно казарм для житья флотским служителям и что большая часть людей зимовать должны на судах, почему для сбережения их и прочих не угодно ли приказать тем, кои находиться будут на судах, производить в пищу каждому в день по полфунту свежего мяса и что будет из морской провизии, крупу и по одной чарке вина, а притом и тем, которые при килевании и исправлении кораблей в работах будут, тож по чарке вина.

2-е. Испрашивает от вашей светлости разрешения на вступившую к нему от Севастопольского купеческого общества просьбу в том, что сие купечество просит его о запрещении флотским служителям, дабы они не принуждали их за покупаемые у них вещи и на напитки брать червонцы и ефимки тем курсом, каким они из казны в жалованье получали, или бы, в отвращение всякого с обеих сторон неудовольствия и бываемых ссор и драк, приказано было те червонцы и ефимки принимать и от купечества за питейную продажу в казну тем же курсом, каким они от служителей получают, то есть червонцы в 3 рубля 70 коп., а ефимки в 1 рубль 75 коп.

Рапорт Ф. Ф. Ушакова Г. А. Потемкину об отпуске денег для

выплаты рядовому составу флота за недополученную им в 1787–1790 гг. морскую провизию

7 января 1791 г.

Служители Черноморского флота, находясь в кампаниях в море в прошлых 787, 788, 789 и 790 годах, по недостатку бывших тогда на флоте морских провиантов, некоторых следующих им в выдачу не получали, а довольствованы были собственною их экономией. За оной провиант следует выдать им по подрядной цене деньгами или натурою провианта, о чем по команде в Черноморское Адмиралтейское правление с истребованием представлено, но выдачи от оного и по сие время не произведено единственно за неимением денег. Служители ж, издержав всю собственную экономию, терпят в продовольствиях крайнюю нужду. О чем донеся, всепокорнейше прошу вашу светлость повелеть, отколь надлежит оные деньги на флот к выдаче служителям отпустить.

Федор Ушаков

Приказ Ф. Ф. Ушакова по эскадре о заботливом наблюдении за здоровьем личного состава

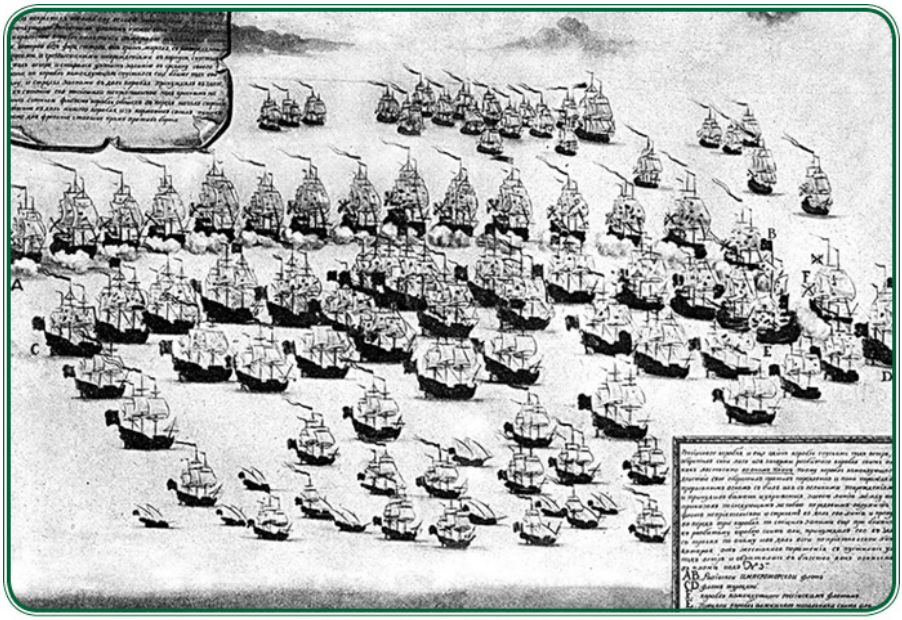
23 марта 1791 г.

Флота капитан 1 ранга Баранов, как означено вчерашнего числа приказом, с непристойным азартом отговариваясь от принадлежащей ему должности, о исполнении которой с должным объяснением я ему напомнил, но все он настоял в одном положении, что он разных должностей исполнять не будет, а требовалось от него то только, что должно во всем по вверенному ему кораблю иметь рачительный присмотр и распоряжение, причем по долгу службы также приказывал я ему и о рачительном сбережении вверенных ему служителей в рассуждении весьма умножившихся в команде его больных людей, а на противоречия его об оных напомянул также, что недосмотрением его сбережения многие служители во время командования его кораблем «Св. Павлом» из оной команды померли, потому и подтверждал ему впредь иметь прилежнейший присмотр; но он, г. Баранов, вместо того чтобы принять оное приказание к исполнению, несправедливо поданным ко мне сего числа рапортом объясняет, якобы я его порицал неприличными

чести его словами, что он переморил своих подчиненных, и просит, чтобы приказал я исследовать и поступить по закону.

Я удивляюсь, что подчиненный приказания своего начальника принимает в противную сторону и называет объяснения оных порицанием, ибо я справедливый долг имел сказать ему в подтверждение в рассуждении, что с сожалением видел двукратно в команде его, г. Баранова, необыкновенное против прочих множество больных людей, как то прежде на корабле «Павле» в короткое время его командования выбыло умершими служителей более, нежели во время моего командования оным кораблем, в четыре года; почитаю ж я, что тогда начало болезни в той команде последовало от неосторожной его посылки людей за камышом в Аккерман и в перевозе оного на строющийся тогда его в Южной бухте хутор; а посылка в Аккерман в тогдашнее время за камышами в рассуждении заразительного и гнилого там в летнее время воздуха была от меня письменными приказами весьма запрещена.

Объявляя о сем ему, г. Баранову, в подтверждение моих приказаний сим письменно еще подтверждаю, дабы употребил он все возможное старание безотговорочно о исполнении упоминаемых должностей; к исследованию ж его во оном собою без особого позволения е. св. в разсуждении знатного его чина, приступить не осмеливаюсь, а в свое время обо всем оном не премину донесть е. св.



А. Дельпадо. План сражения у мыса Калиакрия 31 июля 1791 г. Решительная атака русского флота на пытающийся выстроиться в боевой порядок неприятельский флот (*AB* — русский флот; *CD* — турецкий флот; *F* — флагманский корабль адмирала Ушакова «Рождество Христово»; *E* — корабль алжирского адмирала Саит-Али)

Рапорт Ф. Ф. Ушакова Г. А. Потемкину о полном разгроме турецкого флота в сражении 31 июля 1791 г. у мыса Калиакрия

5 августа 1791 г., корабль «Рождество Христово», при мысе Эмене близ Фороса

По сходству повеления вашей светлости, июля 29 со флотом, мне вверенным, вышел я на море в числе шестнадцати кораблей, двух бомбардирских, двух фрегатов, одним репетичным, одним брандером и семнадцатью крейсерскими судами для поисков флота неприятельского и, продолжая плавание к румельским берегам, 31 числа усмотрел оный, стоящий на якорях в линии при Калиакрии против мыса Калерах-Бурну под прикрытием сделанной на оном береговой батареи.

Я со флотом под выстрелами оной прошел близ самого берега и, отрезав его от берега, будучи на ветре, спешил атаковать.

Неприятель, устрашенный нечаянным приходом нашего флота, проиграв ветер, отрубил якоря, лег на паруса и, будучи в замешательстве, некоторые корабли при довольно крепком ветре сошлись между собою и на двух тот же час оказалось повреждение: с одного упала бизань-мачта, а на другом переломился бушприт.

Поврежденный – без бушприта ушел к стороне Варны, а второй остался при флоте. Флот неприятельский состоял в числе осьмнадцати больших кораблей (из которых девять под флагами на брам-стеньгах), десяти больших линейных фрегатов, семи малых и многочисленных разного сорта мелкими судами. Капитан-паша со флотом бежал под ветер и начинал строить линию баталии, переменяя несколько раз на правый и на левый галс.

Я, пользуясь сим замешательством, нагонял его со флотом, мне вверенным, будучи в ордере марша трех колонн. Капитан-паша некоторую часть кораблей своих устроил уже в линию правого галса, но известный алжиринский паша Саит-Али, пошед с отделенной частию флота, состоящего под красными флагами передовым, оборотил весь флот за собою, устраивая линию на левый галс, чему последовал и капитан-паша.

Я, гнавшись за ними, учиненным сигналом приказал с поспешностию строить линию баталии при ветре северо-северо-восточном, параллельно флоту неприятельскому, и оною спускался на него со всей возможной поспешностию ж. Притом же заметил я, что Саит-Али с вице-адмиральским кораблем красного флага и другим большим и несколькими фрегатами, будучи сам передовым, спешил отделить вперед, выигрывая ветер, потому для предупреждения его намерениев погнался я с кораблем «Рождеством Христовым» за ним, следуя вперед нашей линии, и сигналом подтвердил флоту исполнять повеленное и сомкнуть дистанцию.

Построя ж я линию нашего флота в самом близком расстоянии против неприятельской и догнав передовой корабль паши Саит-Али, сигналом приказал всему флоту спуститься к неприятелю на ближнюю дистанцию, а корабль под флагом моим «Рождество Христово», приближась к передовому пашинскому кораблю в дистанцию полукабельтова, атаковал его, обойдя несколько с носу, и по учиненному сигналу всею линиею началось жестокое сражение и продолжалось от пяти до половины девятого часа пополудни.

В сие время с помощью Божиею прежде всех сбит передовой и лучший корабль неприятельского флота паши Саит-Али, который от производимого беспрерывно жестокого на него огня тотчас

остался поврежденным, без фор-стеньги, без грот-марселя с расстрелянными нижними парусами, и в прочих частях разбит до крайности, поворотился в закрытие в средину своего флота.

Место ж его заступил вице-адмирал красного флага с помощию еще одного большого корабля и 2-х фрегатов, но и оные сбиты ж и с немалым повреждением, также оборотились в соединение ко флоту, защищая, однако, от последующих за мною кораблей пашу Саит-Али.

Передовые наши корабли, бывшие за мною, «Александр», «Предтеча» и «Федор Стратилат», исполняя мое повеление, спустились от ветра, окружили передовых бегущих неприятельских кораблей и с великой живостью производили по них и вдоль всего флота беспрерывный огонь, а между тем корабль «Рождество Христово», спустясь за корму «Федора Стратилата», спешил приблизиться к бегущему в средину флота кораблю паши Саит-Али, дабы его не опустить, и производил сильный огонь по оному и вдоль всего неприятельского флота, который от последующей за передовыми всей нашей линии был весьма разбит, замешан и стеснен так, что неприятельские корабли сами друг друга били своими выстрелами.

Наш же флот всею линиею передовыми и задними кораблями совсем его окружил и производил с такою отличной живостию жестокий огонь, что, повредя многих в мачтах, стеньгах, реях и парусах, не считая великого множества пробоин в корпусах, принудил укрываться многие корабли один за другова, и флот неприятельский при начале ночной темноты был совершенно уже разбит до крайности, бежал от стесняющих его беспрестанно, стесненной кучею под ветер, оборотясь к нам кормами, а наш флот, сомкнув дистанцию, гнал и беспрерывным огнем бил его носовыми пушками, а которым способно и всеми лагами. Особо же разбиты и повреждены более всех пашинские корабли.

При таковой дарованной от Всевышнего совершенной победе несумненно надеялись мы нескольких кораблей взять в плен, но от сего спасла их перемена ветра и совершенная густая темнота ночи. В половине 9-го часа при сгустившейся от дыма ночной темноте флот неприятельский, будучи весь в дыму, начал закрываться из виду, ветер, затихая, совсем заштилел, и сделалось переменное маловетрие от стороны северо-запада, при котором неприятель остался на ветре, а корабли нашего флота переменным маловетрием и течением склонило под ветер в разные стороны и оставались долгое время без действия парусами; напоследок ветер сделался от северо-северо-запада, при котором весь флот приведен бейдевинд левого галса и лег к северо-восточной стороне, дабы, поворотясь на другой галс, быть

у неприятеля на ветре.

В 12 часов пополуночи, поворотясь, лег я со флотом на правый галс и шел с поспешностию, уповая, прямо на флот неприятельский, ибо в темноте ночи при мрачной еще погоде было его не видно. Сверх же чаяния, при рассвете августа 1 дня в виду его не оказалось, а хотя при погоне за ним 6 часов пополуночи и оказался виден он от нас с салинга в отдаленности моря под ветром, бегущий к стороне Константинополя, я, прибавляя сколько можно парусов, старался его нагнать, но северный ветер, усиливаясь час от часу, сделался весьма крепкий, и развело великое волнение, при котором имея я на флоте также повреждения: в стеньгах, реях и парусах и на корабле «Александр» от подводных прострелов пушечных великую и опасную течь, притом, не имея в той стороне безопасного убежища к исправлению, с крайним сожалением сию погоню принужденно оставил и, подошед со флотом в закрытие под берега мыса Эмене, не в дальнем расстоянии от Фороса остановился на якорях, где все повреждения флота исправлены: разбитые стеньги, реи и лонг-саленги переменены новыми, подводные пробоины пушечные заделаны и исправлены ж благонадежно, и флот, мне вверенный, состоит в хорошем состоянии…

Во время бывшего июля 31 дня сражения все командующие судов и разные чины флота Черноморского служители, находящиеся во оном, с крайним рвением и беспримерной храбростию и мужеством выполняли долг свой, а паче отличились начальники эскадр: авангардии генерал-майор флота капитан Голенкин, арьергардии бригадир флота капитан Пустошкин, которые по учиненным от меня сигналам, устроя части, им вверенные, первые спустились на ближнюю дистанцию к неприятелю и, подавая пример прочим, производили бой, беспрестанно теснили неприятеля с таким отличным искусством, рвением, мужеством и храбростию, что на бывших против их кораблях тотчас заметны были повреждения и неприятель бежал и укрывался от поражения; равно и командующие кораблей, следуя примеру начальствующих, отличились таковым же успешным по долгу своему исполнением производимого действия рвением, мужеством и храбростию; флота капитаны 1 ранга и кавалеры: «Св. Павла» – Шапилов, «Рождества Христова» – Ельчанинов, «Св. Александра» – Языков, «Иоанна Предтечи» – Баранов, «Федора Стратилата» – Селиванов, «Преображения» – Кумани, «Св. Георгия» – Чефалиано; 2-го ранга: «Царя Константина» – Ознобишин, «Св. Андрея» – Сарандинаки, «Св. Николая» – генеральс-адъютант и кавалер Львов, «Иоанна

Богослова» – Шишмарев, «Марии Магдалины» – Ишин; господа ж командующие кораблей флота капитаны первого ранга и кавалеры: «Петра Апостола» – Заостровский, «Леонтия» – Обольянинов, «Навархия» – генеральс-адъютант Сенявин хотя во время боя также оказали храбрость и мужество, но, спускаясь от ветра, не столь были близки к линии неприятельской, как прочие.

Командующие бомбардирских судов капитаны 2 ранга «Иеронима» – Демор и фрегата «Нестора Преподобного» – Ларионов во время боя находились в резерве против передовой части и с ревностию исполняли долг свой. Командующий «Макроплии св. Марка» – флота капитан второго ранга Великошапкин с отделенным резервом – малым бомбардирским и крейсерскими судами – находился также при определенном ему месте, исполняя долг свой рачительно, и во время посыланных от меня крейсеров в погоню за судами со оными многие суда неприятельские загнаты на берег, затоплены, а некоторые сожжены, бегущего неприятеля люди во множестве ж побиты и потоплены, причем он, господин Великошапкин, употребил отличное старание, храбрость и мужество, равно и все командиры крейсерских судов при оном употребили ревность, храбрость и мужество ж. Репетичного судна «Полоцк» командующий флота господин капитан-лейтенант Белле во время боя с отменной храбростию, искусством и расторопностию выполнял долг свой.

Артиллерии господин капитан 2-го ранга и кавалер Юхарин, исправляя должность цейхмейстера на корабле «Рождество Христово», находился во всех деках при действии и распоряжении пушками и, с отличной храбростью и искусством ободряя людей, действовал во все время боя весьма исправно. Я за долг почитаю всем им отдать справедливость и представляю все сие дело и оных на милостивое уважение вашей светлости. Также многие подкомандующие господа штаб– и обер-офицеры, будучи на кораблях, употреблены были к важным должностям, а особо при командовании деками и отделенными частями пушек с отличным ж рвением, мужеством и храбростью исполняли повеленное и действия производили весьма успешно, о которых вашей светлости особо представить не премину.

Контр-адмирал и кавалер Федор Ушаков

Представление Черноморского Адмиралтейского правления Г. А. Потемкину об ассигновании средств на постройку в Севастополе намеченных Ф. Ф. Ушаковым казарм, жилых помещений, портовых магазинов и складов

9 августа 1791 г., г. Херсон

Старший Правления член господин контр-адмирал и кавалер Ушаков предложил построить в Севастополе шесть флигелей для жительства служителям, магазины для содержания припасов материалов и провиантов и пороховые погреба; ежели не найдутся подрядчики все оное сделать с заплатою по смете, то приискать таковых, которые бы взялись доставить в Севастополь потребные леса и материалы, потому и делать оные от казны, буде найдутся наемные с заплатою денег, или казенными людьми чинить доставление лесам и прочим потребностям, не откладывая времени, а как наискорее и на все то деньги прислать.

Черноморское Адмиралтейское Правление, не имея на все то произведение суммы, учинило планы и вычислило оную лесам, материалам и другим к тому принадлежностям 72 933 рубля 20 1/2 копеек, да за доставление из Херсона таких вещей, коим цены положены здешние, полагая против платы, производимой обывателям, по 20 копеек с пуда 45 550 рублей 57 1/2 копеек, а всего 118 489 рублей 78 копеек; для помянутого строения лесов и других принадлежностей в заготовлении нет, да и мастеровых людей завсегдашним обращением в работы, принадлежащие до флотов и адмиралтейств, не остается никого, потому и повеленного строить некому, а дабы желающие явились, Черноморское Адмиралтейское правление писало о вызове их в наместнические правлении. Между тем учиненные планы и сметы представляет при сем к вашей светлости на рассмотрение и апробацию, просит притом на помянутое строение потребную сумму 118 489 рублей 78 копеек повелеть, откуда следует, ассигновать.

Афанасьев

Рапорт Ф. Ф. Ушакова Г. А. Потемкину о прекращении военных действий на море ввиду заключения перемирия между Россией и Турцией

13 августа 1791 г., корабль «Рождество Христово», вблизи Каракирмана и Констанцы

За донесением от 5 числа сего месяца рапортом моим вашей светлости о действиях вверенного мне Черноморского флота при румельских берегах того ж 5 числа утром, снявшись с якорей, от мыса Эмене следовал со флотом при переменных между севера и востока ветрах, лавируя близ берегов к стороне Варны,

крейсерскими судами чинены были за попадающимися неприятельскими судами погони в разные стороны, и при всех оных берегах наводимы были беспрестанно везде страх и беспокойство.

8 числа сего месяца, подходя на вид в близости Варны, передовыми крейсерами нашими приведены во флот от стороны Каварны два неприятельские кирлангича, из коих на первом, именуемом «Эйри-Бозлу», привезен один турок Татар-Али, посланный во флот курьером от господина бригадира и кавалера Сергея Лазаревича Лошкарева с дубликатным ордером его сиятельства господина генерал-аншефа и кавалера князя Николая Васильевича Репнина, писанным ко мне из Галац августа от 1-го дня под № 1516 о заключенном перемирии между империей Всероссийскою и Портою Оттоманскою на восемь месяцев, о оставлении военных действий и о возвращении со флотом к своим постам, и при оном приложены прелиминарные пункты, также отправлено со оным курьером повеление от верховного визиря такового ж содержания в их флот к капитан-паше Гуссейну.

На втором кирлангиче вторичное таковое ж повеление от визиря к капитан-паше. По сходству сего, оказав я всякую учтивость и благоприятство всем прибывшим на оных судах, оба кирлангича отпустил, и пошли они прямо в Константинополь к своему флоту, а я с вверенным мне флотом от сего времени, оставя все военные действия, употребил старание о возвращении к своим портам, и при противных временно переменных между севера и востока ветрах, лавируя к северо-восточной стороне, вчерашнего числа, подошед со всем флотом в близость Дуная при румельских берегах в виду между крепостей Каракирмана и Констанцы, за противным ветром и великим течением остановился на якорях и с сего места с рапортом моим отправил вперед легкое крейсерское судно «Карло Константин» под командою лейтенанта Милиси, приказав оному употребить всевозможное старание посланных от меня курьеров с рапортами к вашей светлости и к [его] сиятельству князю Николаю Васильевичу Репнину, за Дунаем на берега близ Килии, или где способно будет, при первом случае высадить на берег.

Флот, мне вверенный, равно и все при оном мелкие суда, находятся в исправном состоянии благополучно, о чем вашей светлости всепокорнейше сим и донесть честь имею. А за оным судном, как скоро будет способно, со флотом имею следовать близ Дунайских берегов к Аккерману, Гаджибею и Тендрам, а оттоль к Севастополю, где и имею ожидать обо флоте повеления вашей светлости, что определено будет.

Ордер Г. А. Потемкина Ф. Ф. Ушакову с вызовом в Яссы и о содержании флота в готовности к боевым операциям

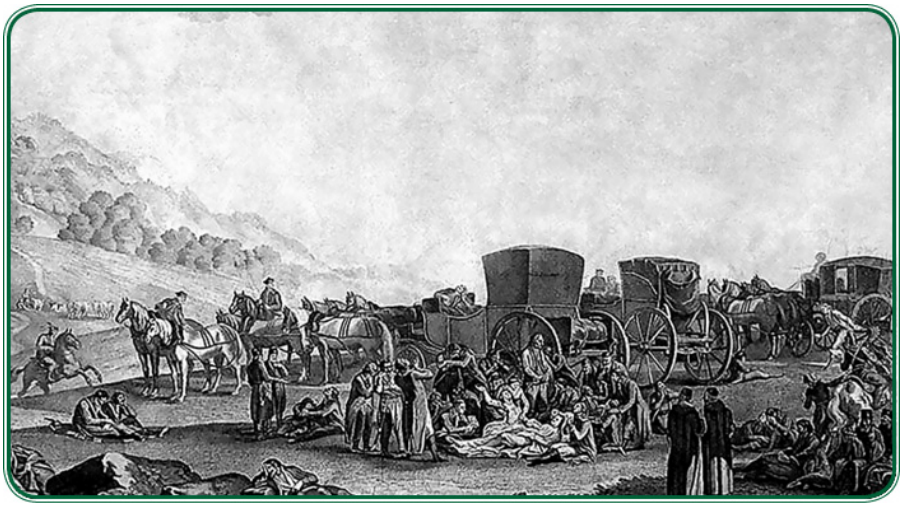
24 августа 1791 г.

Вашему превосходительству предписываю с получением сего немедленно отправиться в Яссы и здесь ко мне явиться. Я приказал для проезда вашего поставить от Бендер на Очаков по десяти лошадей на станции.

Подтвердите во все порты о скорейшем вооружении и отправлении в Севастополь кораблей и прочих судов, назначенных к соединению со флотом. Польза службы требует, чтоб сие немедленно было исполнено и чтоб флот состоял во всей готовности.

Гардемаринов, две кампании прослуживших, извольте настоящим образом экзаменовать, и какие из них окажутся достойными повышения в мичманы, об оных представить ко мне.

Г-ну бригадиру Пустошкину прикажите также, как наискорее, явиться ко мне.



Кончина князя Г. А. Потемкина-Таврического.
С гравюры Скородумова

Г. А. Потемкин в конце войны с Турцией активно вел мирные переговоры, однако завершить их не успел. 5 октября 1791 года, в 40 верстах от Ясс, где была его резиденция, Потемкин умер от перемежающейся лихорадки. По рассказам очевидцев, последними словами князя были: «Вот и все, некуда ехать, я умираю! Выньте меня из коляски: я хочу умереть на поле!»

Из письма Екатерины II барону Ф. М. Гримму о сражении Ушакова с турецким флотом

31 августа 1791 г.

Только что, между восьмью и девятью часами утра, я получила подробности о сражении Ушакова на Черном море 31 июля, в день подписания прелиминарного договора; он так хорошо отделал турецкий флот, что тот бросился в Константинопольский порт на глазах г. Селима. Испуганный при виде своих кораблей, лишенных мачт и совершенно разбитых, и экипажа, среди которого много убитых и раненых, он тотчас же отдал приказ кончать возможно скорее, и сами даже турки

говорили, что его высочество, заносившийся [В тексте «faisait le Bramar bas»] двадцать четыре часа тому назад, стал мягок и сговорчив, как теленок.

Ордер Г. А. Потемкина Ф. Ф. Ушакову о мерах дисциплинарного воздействия на капитана 2 ранга Д. Н. Сенявина в связи с нарушением им служебной дисциплины

18 сентября 1791 г.

Дерзкость и невежество флота капитана Сенявина, нарушающие и порядок и долг службы, подвергали его тяжкому наказанию. Я приказал его арестовать и готов был показать над ним примерную строгость закона, но ваше о нем ходатайство, из-за уважения к заслугам вашим, удовлетворяю я великодушную вашу о нем просьбу и препровождаю здесь снятую с него шпагу, которую можете ему возвратить, когда заблагорассудите. Но подтверждаю при том на поступки его иметь прилежное внимание, строго взыскивать точного же исполнения должности и, в случае какового-либо упущения, немедленно представить ко мне так, как о человеке, замеченном уже в незнании и неисполнении своего долгу; о сем имеете дать знать во флот и Черноморское правление.

Князь Потемкин-Таврический

Указ Екатерины II Каховскому о временном поручении ему, ввиду смерти Г. А. Потемкина, главного командования над армией и флотом и о принятии мер к расквартированию войск в соответствии с требованиями безопасности южных границ государства

13 октября 1791 г.

Получив уведомление о кончине нашего генерал-фельдмаршала князя Потемкина-Таврического, о которой тем паче мы сожалеем, чем известнее нам были его горячее к нам усердие и рвение на пользу отечества и славу нашу, оказанный пред светом знаменитыми заслугами нам и государству, признали мы за благо начальство над армиею нашею, под его предводительством бывшею, и над флотом Черноморским до назначения главного начальника, вверить вам.

И вследствие того повелеваем, приняв оное,

руководствоваться данными от нас покойному генерал-фельдмаршалу наставлениями, исполняя те предположения, какие от него при жизни сделаны были; но, если бы болезнь его препятствовала ему оные учинить относительно расположения войск по квартирам, обеспечения границ наших и прочего, в таком случае не оставьте сами то распорядить на пользу службы по лучшему вашему на месте усмотрению, донеся нам в подробности о числе людей сухопутного и морского ополчения нашего и о всем, к армии относящемся, так как и о суммах, налицо остающихся.

Для выиграния времени послано от нас прямо с нарочным курьером к командующему Кубанским и Кавказским корпусами генералу Гудовичу особое повеление, чтоб он те корпусы расположил по квартирам, буде имел предварительные от покойного генерал-фельдмаршала по сей материи наставления сходно с теми; если же бы и тут болезнь одержавшая не допустила дать надлежащие предписания, в таком случае учинил бы оное расположение по соображению безопасности границ и выгод войск, учредя связь и сообщение с главною частию войск, под вашим предводительством состоящих. Впрочем, мы уверены, что вы приложите всемерное радение, чтоб нужные для продовольствия войск наших запасы и все для них потребное благовременно было заготовлено.

Относительно мирной с турками негоциации производство и окончание ее вверили мы беспосредственно нашему действительному тайному советнику графу Безбородко, который вслед за сим в Яссы отправляется и с которым, имея сношение, не оставьте подавать все от вас зависящие пособия к благоуспешному совершению дела, на него возложенного, поступая с надлежащей откровенностию и согласием, как того добро службы нашей требует.

Рескрипт Екатерины II Ф. Ф. Ушакову о награждении его орденом Александра Невского

14 октября 1791 г.

Знаменитая победа в конце последней кампании Черноморским флотом нашим, вами предводительствуемым, над таковым же турецким одержанная в самой близости столицы Оттоманской, куда флот неприятельский из среды моря загнан с великим его поражением, служит новым доказательством усердия к службе нашей, особливого мужества и искусства вашего, и

приобретает вам монаршее наше благоволение.

В изъявление оного всемилостивейше пожаловали вас кавалером ордена нашего Святого Александра Невского, которого знаки, доставляя при сем, повелеваем вам возложить на себя и носить по установлению. В прочем объявите всем и каждому, в деле сем участвовавшему, наше благопризнание к их усердной службе и подвигам; отличившихся же в оных не оставим и мы отличить монаршею по заслугам их милостию.

Приказ Ф. Ф. Ушакова по флоту об окончании кампании и разоружении кораблей

4 ноября 1791 г.

Получил я ордер генерал-аншефа Михаила Васильевича Каховского, в котором означено, что е. и. в. угодно было соединенную на юге армию поручить его начальству, так как и флот Черноморский, о чем к сведению по команде сим и объявить честь имею.

Сим же ордером предписано: поздность времени воспрещает уже о выходе в море нынешний год, и для того флот ввесть в гавань, поставить на место и разоружить по-надлежащему; по сходству сего повеления, рекомендую гг. командующим со всех кораблей и прочих судов (кроме брантвахтенного фрегата) порох и огнестрельные снаряды в самой скорости свезть на берег и положить, где следует, в магазины, и, по исполнении, ко мне рапортовать; тогда и прикажу я все суда ввесть в гавань и поставить на места.

1792–1797. Командование Черноморским флотом

Краткая записка Ф. Ф. Ушакова о выполненных за время его командования флотом с 1790 по 1792 г. работах по исправлению кораблей, постройке казарм, госпиталей, магазинов, пристаней

10 мая 1792 г., г. Севастополь

Со вступления моего в командование флотом 1790 года.

По приезде моем из Ясс в Севастополь в апреле месяце[119] флот при великих недостатках и малейше был не готов; но, нимало не мешкав, успел я в половине мая выйти на первый случай с эскадрою и обошел Анадольские и Абазинские берега, при известных действиях оного.

А затем, приуготовя все подлежности, действовал флотом против неприятеля с известною пользою.

После первой баталии, по возвращении в Севастополь, день и ночь происходила работа, и неусыпным попечением и трудами все повреждения с поспешностию в самой скорости исправлены; на место перебитых мачт, стеньгов и реев сделаны новые, и флот вторично с известной пользою имел сражение, после которого, возвратясь в Севастополь, таким же положением поспешно исправлен с переменою перебитых мачт, стеньгов и реев.

И еще в сию кампанию успел к препровождению гребного флота в Дунай и находился для обеспечения оного при устьях сей реки до глубокой осени, в которое время крейсерские суда имели некоторые известные успехи при Калиакрии и Варне.

А от сего времени зимою и весною 1791 года при бывших многотрудных исправлениях весь флот, корабли, фрегаты и прочие до одного судна килеваны, обожжены и исправлены благонадежно и в кампанию оного года флот также имел с отменной пользою сражение против неприятеля и, получа повеление о перемирии, находясь близ Константинопольского пролива, оставя все полезности, какие бы от успехов сей баталии быть могли, возвратился в Севастополь.

По вступлении моем в командование флотом для сбережения служителей казарм и госпиталей, кроме ветхих нескольких только малых строениев (на низких и нездоровых местах сделанных), почти совсем не было. Но неупустительно во время

упомянутых же действиев, а особо по окончании войны с прошлого лета все корабельные команды чрез неусыпные старания и труды имеют ныне на лучших возвышенных местах при открытом воздухе казармы; с лучшим расположением вновь построенные порядочной величины, с надлежащими пристройками каждая команда по две, по четыре, а большие некоторые корабли и по шести казарм.

Госпитали на открытом же возвышенном месте и чистом воздухе вновь ныне построены, один довольно видный флигель в два этажа на 48 саженях с надлежащими на первый случай пристройками. Чрез это служители с довольным успехом сбережены, больных при команде против прежних времен по расчислению количества людей почти в три раза менее, а в такой же почти пропорции и убыль умершими уменьшилась.

Все упомянутые работы производимы были адмиралтейскими, а большей частию флотскими служителями, и следует оным выдача заработных денег по положению бывшего светлейшего князя, ибо, по неимению денежной казны, выдачи оных не было.

Магазины для разных надобностей, так же каковы они есть, поддержаны исправлением безо всякого ж казне убытка.

А за сим господа командующие кораблей и фрегатов с неусыпным старанием продолжают строение казарм, к ним разных пристроек и при берегах гавани, где поставлены суда, против оных сделаны пристани и между собою по набережной соединены проспектами и приводятся еще в лучшее положение. На оных же пристанях против каждого корабля делаются корабельные магазины и стараются при сбережении служителей также сберегать вверенные им суда, припасы и материалы под собственным своим присмотром и охранением.

По неимению покоев для житья господ штаб– и обер-офицеров и некоторых разных чинов служителей, при Севастополе сделаны многие собственные разные строения, а также купечество российское и иностранное, большей частию из греков, и разные люди имеют дома и лавки для торговли и от времени до времени умножаются. Во всем городе при разных потребных расположениях соблюдаются тишина и порядок к благоденствию служащих.

Флот на нынешнюю кампанию исправлениями большей частию совсем уже приуготовлен, великий недостаток только состоит в такелаже, разных припасах, материалах и морской провизии, которые в надлежащее время неупустительно требованы и ожидаются в присылку. Также и в прошедшие времена все надобности, какие следовали, неупустительно ж

требованы были и частию, сколько при стараниях моих успевать было можно, получались.

Федор Ушаков

Приказ Ф. Ф. Ушакова о соблюдении личным составом требований гигиены во время отдыха и сна

21 июля 1792 г.

Замечено мною, что во многих местах служители в самое жаркое время дня ложатся на солнце для роздыху от работ, чрез что великий вред в здоровье быть может. Рекомендую всем господам командующим наистрожайше служителям подтвердить и приказать за ними иметь прилежный присмотр, дабы отнюдь на солнце не в закрытых местах не ложились, также и ночью ложились бы для роздыху под крышею, и остерегаться, чтобы также открытые на дворах не ложились в рассуждении сбережения себя от вредности росою.

Из приказа Ф. Ф. Ушакова о сохранении здоровья матросов и об улучшении их питания

18 октября 1792 г.

§ 1

В ордере председательствующего в Черноморском Адмиралтейском правлении господина вице-адмирала и кавалера Николая Семеновича Мордвинова от 14 числа сего месяца предписано: как нынешнего лета во всех здешних местах от продолжительных жаров болезни умножились, а притом служители, оставаясь долгое время без жалования, не могли себя содержать выгодно, потому больных умножилось до значительного количества, и, хотя мною ко отвращению сего приняты и исполняются всевозможные меры, за всем тем его высокопревосходительство, по долгу своего начальства, соглашаясь преподанным мною общо с господами командующими мнением и консилиумом господ докторов, предлагает к исполнению следующее:

Всем здоровым служителям производить в порцию каждому в день по 1/2 фунту говядины, по тому [же] числу капусты и хрену,

по 1 1/2 унции уксусу и продолжать раздачу сей порции шесть недель, здоровых всех служителей из казарм перевесть на корабли.

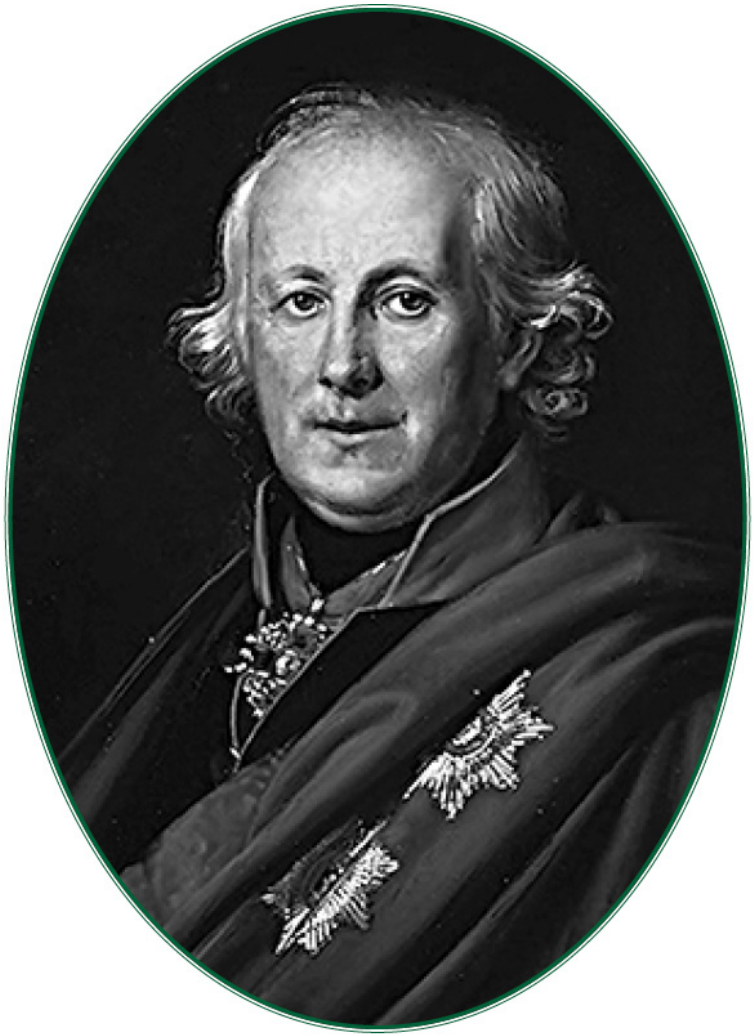
Постелей, подушек и одеял сделать потребное число, заняв на сие, по неимению теперь в доставлении холста, из экипажеских и артиллерийских магазин.

По недостатку прачек нужно оных умножить, почему и нанять их достаточное на сей случай число, дабы белье почасту переменять.

Многие еще казармы, по недостатку лубья, не окончены покрышкою, то и покрыть оные черепицею, которой для сей надобности и приказать купить.

О состоянии больных присылать к нему еженедельно рапорты, означая в них число каждой болезни порознь.

По случаю ж недостатка в деньгах по необходимости к сбережению служителей в здоровье, отпускаю я из собственных своих денег тринадцать тысяч пятьсот рублей, из которых велено десять тысяч отпустить в контору Севастопольского порта для покупки свежих мяс, а три с половиною тысячи госпитальному подрядчику Курапцову для содержания госпиталей, который, не получая четыре месяца денег, пришел не в состояние к продовольствию больных.



А. Г. Варнек.
Портрет Н. С. Мордвинова.
1820 г.

В долгой карьере Николая Семеновича Мордвинова (1754—1845) было несколько взлетов и падений. В 1788 г. он был произведен в контр-адмиралы, но уже в следующем, из-за разногласий с вышестоящим начальством, оставил службу. В 1792 г. Николай Семенович занял пост главы Черноморского адмиралтейства, и эта служба прошла в постоянном противостоянием с Иосифом де Рибасом и его сторонниками. При Павле I Мордвинов сначала был предан суду и уволен со своего поста, однако вскоре последовало его назначение членом Адмиралтейской коллегии с присвоением чина адмирала. Либеральные взгляды Николая Семеновича привлекли внимание Александра I, Мордвинов стал членом Государственного совета и председателем департамента государственной экономии. Затем последовала очередная опала и отставка, из которой Мордвинов вернулся в 1816 г. на пост председателя департамента гражданских и духовных дел Государственного совета. Одновременно он служил членом Финансового комитета и комитета министров, и эти же должности сохранил за собою и в царствование Николая I.

По сходству сего предписал я конторе Севастопольского порта, приняв от меня объявленное число денег для продовольствия служителей в подкрепление здоровья, покупать или брать подрядом на все команды нижних чинов служителей свежее мясо, капусту и прочее и отпускать в команды по требованиям господ командующих, которым напервее обо всех нижних чинах служителях, кому следует сия выдача, подать в контору именные списки с ведомостями, а потом посылать во оную накануне каждого дня ежедневно о требовании записки с подписью командующих, на сколько человек и сколько чего следует, с которых и дано будет знать подрядчику или тому, от кого будет прием свежего мяса.

Принимая ж оное, также давать расписки, сколько именно принято, в командах же иметь особые тетради, в которые прием и выдачу записывать для верных отчетов.

§ 2

Рекомендую всем господам командующим корабли, фрегаты

и прочие суда в палубах, где должно для житья поместить служителей, привесть в совершенную чистоту, воздух, даже и в интрюмах кораблей, очистить, а потом здоровых служителей перевесть на суда и исполнять все, как выше в повелении означено.

Больных служителей, которые не могут помещаться в госпитале, содержать, как прежде в приказе моем означено, кому есть способность при командах, поместя их свободно в казармы, в которых соблюдать всевозможную чистоту и рачительный за ними присмотр и попечение самих господ командующих. Так же и я не упущу иметь всевозможное попечение и собственный мой присмотр за всеми.

Весьма найду себе довольным, в которых командах замечу отменное радение и расторопность в сохранении людей, за всем же сим в некоторых командах или большей частию казармы довольно хороши и свободны, посему в таковых, где за помещением свободно больных казармы могут оставаться свободные и для здоровых в таковых служителей можно оставить, но отделя из них, по рассмотрению командиров, столько на суда, чтобы оставшие в казармах имели довольную свободность; больных и слабых всегда отделять в самой скорости, дабы отнюдь со здоровыми смешаны не были во все сие время, пока служители от приумножения болезней не получат совершенную свободу, на работы по утрам рано не высылать, а особливо в мрачные и дурные от воздуха дни, ввечеру также на работы долго не удерживать; на работы посылать только на таковые, которые необходимо исполнять должно, а на приватные отнюдь не посылать; словом, пока служители приведены будут в совершенное здоровье, должно непременно и все меры употреблять о их выздоровлении, сохранении и довольствии, хотя бы в работах некоторые и упущения случились.

Казармы для помещения и житья служителям требуют непременно, чтобы работами были докончены; ежели в которых командах казармы не докончены или не поправлены, господа эскадренные благоволят сделать таковым командам вспоможение по эскадрам.

§ 3

О состоянии больных служителей, в госпитали посылающихся депутатами для надсматривания чистоты и содержания в госпиталях, господа флота капитаны, каждый, окончив присмотром своим неделю, благоволя по сходству требования

председательствующего в Черноморском Адмиралтейском правлении, как выше означено, подавать ко мне недельные рапорты, означая в них число каждой болезни порознь, которые от меня и доставлены будут к его высокопревосходительству.

§ 4

Хрен, уповательно, при холодном уже времени для людей можно будет заготовлять, посему, кому сколько необходимо нужно, велеть заготовить, но при том сберегать служителей, чтобы, сыскивая оный, в низких местах были недолго и тот же бы день, в которой от кого посланы будут, возвращались бы в команды.

Впрочем, я совершенную надежду полагаю, что господа эскадренные корабельные и все прочие командиры не упустят к облегчению служителей приискивать и употреблять все способы к скорейшему их выздоровлению.

Приказ Ф. Ф. Ушакова о принятии мер против пьянства среди личного состава флота

4 ноября 1792 г.

Господин доктор фон Вилинг поданным ко мне сего числа рапортом донес, что как неоднократно уже случились умершие служители от пьянства, то и на сих днях некоторые команд служители найдены на улицах умершими, да и 3 дня во 11 часу пополудни, напротив его дому, корабля «Богоявления» матрос пьяный, лежа в грязи, в рассуждении холода его тогдашнего состояния, требовал по человечеству с полчаса помощи, во обозрении его которого из против находящейся лавки два грека, вышед с фонарем, осмотрели и оставили по-прежнему в грязи; о чем узнав, он приказал взять в свой дом, и если бы не сделана была ему сия помощь, то и сей человек необходимо оттого мог бы умереть.

Отданным же от меня 26 числа приказа во все команды подтверждаемо было, чтобы господа командующие по командам имели наистрожайшее смотрение и служителей от пьянства как наивозможно приказали бы удерживать, но за всем тем я беспрестанно вижу в разных местах шатающихся пьяных людей, особо береговых, при порте находящихся. Подтверждаю еще наистрожайше, чтобы господа командующие всех команд

употребили бы наиприлежнейшее смотрение и бережливость за служителями в соблюдении их здоровья и до пьянства отнюдь не допускать, в противном случае, всякое таковое недосмотрение и небережливость взыскана будет на командирах неупустительно военным судом.

Рапорт Ф. Ф. Ушакова Н. С. Мордвинову со сведениями о турецком флоте, усилении турецких крепостей на Черном море и Дунае и об организации турками разведки в русских портах

По прибытии моем в Севастополь получил я от находящегося в Константинополе двора ее и. в. поверенного в делах полковника Хвостова при письме известие, касательное до отправленного из Константинополя по приказанию Порты и от капитан-паши бывшего в Серале портного Никола Георгий Будвуги, а за сим, по прибытии в Севастополь того ж числа лодки «Бесчефте», на которой оный Будвуги прибыл и состоит ныне в карантине, получил от него ж г. Хвостова об нем письмо; все оные писаны мая 4 дня, с которых точные копии на рассмотрение при сем вашему превосходительству представить честь имею и притом доношу: по сходству оных, сей человек мною расспрашиван и, во объяснение того, почему он от полковника Хвостова ко мне рекомендован, объявил: имеет он особенное усердие к российской нации, которое тайным образом разными опытами всегда оказывал полковнику Хвостову, почему и при оном случае к сведению объявил он ему, Хвостову, а равно по прибытии своем и мне следующее известие: сказывает он, что в минувшем апреле месяце прибыли из Таврии в Константинополь 2 француза, уповательно, бывшие шпионами, и объявляли Порте и капитан-паше о флоте, при Севастополе состоящем, уверительно, якобы оный флот находится весьма в худом состоянии, весь сгнил, припасов и материалов не имеет; вооружаются из оного флота не более только 6 или 7 кораблей, да и оные гнилы, также и припасов на себе не имеют; равно в Таврии сухопутных войск весьма мало или, так сказать, почти нет, и полагают, что сей флот потому действительно в море выйти не может.

Сие объявили они Порте и капитан-паше с великим уверением утвердительно; за таковое известие Портою дано им в награждение каждому по 25 000 левков. По сих известиях при Порте Оттоманской имелись разные консилии, против которых не согласен был Селиктар-ага[120], за что он послан в ссылку на остров Кипр, с тем чтобы там лишить его живота.

Два оные француза посланы от Порты в Вену шпионами ж для выведывания об разных потребных обстоятельствах, и чтобы в самой скорости возвратились; а он, Никола Георгий Будвуги, от Порты и от капитан-паши послан с поспешностию на лодке «Бесчефте» в Таврию, в Севастополь, с таким приказанием и особою доверенностию, чтобы употребил всевозможные старания и с совершенною верностию рассмотрел и узнал бы, сколько в Севастополе ныне состоит во флоте кораблей, фрегат и прочих судов, в каком они точно состоянии находятся, сколько из них есть таковых, которые вооружаются, крепки ли они, или сгнили, могут ли итти нынешнее лето, сколько точно таковых, которые способны и могут выйти в море, также сколько таковых, которые, за гнилостию, худостию и за неимением припасов, в море выйти не могут; чтобы сие он узнал со всякой точной верностию и немедленно возвратился бы в Константинополь.

Старался бы непременно возвратиться не более как в 30 дней от его отправления, притом старался бы также узнать обстоятельно, сколько в Таврии находится точно сухопутных войск; для подобных же разведываний посланы от Порты и от капитан-паши прежде еще его отправления 2 судна, одно в Таганрог, а другое в Херсон и Николаев, с приказанием, чтобы как наискорее возвратились в Таганрог. На судне пошел грек, уроженец острова Миканос, которого можно узнать по произношению слов, а в Херсон – турок невысокого роста с бородою.

О флоте турецком объявляет он, Георгий, будто бы вооружены и состоят готовыми на Константинопольском рейде больших кораблей 7 или 8, фрегат, шебек и кирлангичей 18, всего 25, которые с самой скорости намерены были выйти в Безикташ, прочие корабли в Терсане за худостию исправляются.

В Константинополь беспрестанно прибывают войска, которых отправляют с поспешностию для исправления и укрепления городов Анапы, Измаила, Браилова и Варны, куда посланы ж недавно прибывшие из Франции 4 инженера.

Лодка «Бесчефте», на которой прибыл помянутый грек Григорий Будвуги из Константинополя, отправлена сего мая 4, в Севастополь прибыла с 16 на 17 число в ночи.

Письмо Ф. Ф. Ушакова губернатору Таврической области С. С. Жегулину об организации службы таможенных и карантинных судов у берегов Крыма

25 февраля 1794 г., г. Севастополь

По почтеннейшему отзыву вашего высокородия сего февраля от 7 числа и по силе присланного ко мне из Черноморского Адмиралтейского правления указа следуемые для разъездов около таврических берегов суда, кои составлять будут морскую карантинную и таможенную цепь, по открытии водяной коммуникации и по наступлении удобного к тому времени, в подлежащие места отправлены быть имеют.

Касательно же до шлюпок, в севастопольский карантин ныне отряжена одна с гребцами, а другое гребное судно состоит во оном же карантине при определенном малом ботике, который все потребности во оном карантине исправлять должен. В Евпаторию также одна шлюпка с людьми в надлежащее время отправлена быть имеет.

Другое гребное судно при брандвахтенной бригантине, а затем, по неимению более при Севастополе гребных судов, требовал я присылки оных из Херсона и, как скоро присланы будут, еще по одной шлюпке во оные места доставлю. В прочем с истинным моим почтением и преданностию имею честь быть.

Федор Ушаков

Письмо Ф. Ф. Ушакова Н. С. Мордвинову о задержке разработки корабельных сигналов вследствие болезни

4 мая 1794 г.

Сигналы для вверенного мне корабельного флота не преминул бы я ныне же к вашему высокопревосходительству доставить, но, как я с давнего времени нахожусь весьма нездоров и пользуюсь лекарствами, посему и не успел еще с прибавлением всех потребностей оные сочинить. Но теперь, когда от болезни получаю несколько свободность, по возможности стараюсь и надеюсь прежде кампании успею и доставить к вашему высокопревосходительству не премину.

Доктор Мотика, который меня пользует, отпросился отсель в Херсон на две недели. Уповаю, что он в сие время должен уже возвращаться, но, ежели он оттоль еще не выехал, всепокорнейше прошу, милостивый государь, приказать ему быть сюда, ибо я по худости моего здоровья крайнюю надобность в нем имею, также прошу приказать ему взять с собою оттоль из аптеки для меня лекарства, какие потребны по его сведению, ибо здесь таковых не состоит, а которые были им из Херсона выписаны, все изошли.

Федор Ушаков

Приказ Ф. Ф. Ушакова с объявлением боевого расписания флота по соединениям на кампанию 1794 г.

8 мая 1794 г.

Во исполнение повеления главного начальства, флот, мне вверенный, в самой скорости должно вывесть на рейд, для сего и сделал я расписание по эскадрам, из которых как следует: авангардия, или вторая эскадра, в командование контр-адмиралу Пустошкину; первая, или кордебаталия, в содержание и распоряжение флота капитана 1 ранга Кумани; а третья, или ариергардия, флота капитану 1 ранга Вильсону. Какие же в которую эскадру назначены корабли, фрегаты и прочие суда, при сем ведомость. Гг. эскадренные командиры благоволят все назначенные в эскадры суда, как следует принять в свое ведомство, командование и распоряжение по силе закона.

Ведомость о состоянии по эскадрам кораблей, фрегатов и прочих судов

Во второй эскадре, или в авангардии:

Корабли: «Иоанн Предтеча», «Св. Троица», «Мария Магдалина», «Александр Невский», «Федор Стратилат», «Иоанн Богослов», «Сошествие Св. Духа».

Фрегат: «Григорий Великия Армении».

Суда: «Св. Николай», «Св. Елена».

Бригантина № 1.

Итого 11 судов.

В первой эскадре, или в кордебаталии:

Корабли: «Рождество Христово», «Св. Павел», «Григорий Великия Армении», «Петр Апостол», «Навархия» («Вознесение Господне»), «Св. Николай».

Фрегаты: «Св. Иероним», «Нестор Преподобный», «Иоанн Златоуст».

Акат «Св. Ирина».

Бомбардирское «Рождество Богородицы».

Судно «Полоцк».

Итого 12 судов.

В третьей эскадре, или в ариергардии:

Корабли: «Богоявление Господне», «Князь Владимир», «Георгий Победоносец», «Апостол Андрей», «Царь Константин», «Богородица Казанская».

Фрегат: «Макроплия св. Марка».

Акат № 2.
Бригантина «Таганрогская».
Судно «Св. Матвей».
Транспорт «Сергий».
Итого 11 судов.

Приказ Ф. Ф. Ушакова по эскадре о поднятии флагманами, в связи с началом кампании, флагов и брейд-вымпелов на кораблях

13 мая 1794 г.

Завтрашнего числа поутру в 8 часов имею я поднять флаг мой на корабле «Рождество Христово», контр-адмиралу Пустошкину поднять флаг на корабле «Мария Магдалина», командующему эскадры ариергарда капитану 1 ранга Вильсону поднять брейд-вымпел на корабле «Богоявление Господне».

Приказ Ф. Ф. Ушакова по эскадре о выходе в море и временном назначении контр-адмирала П. В. Пустошкина командиром Севастопольского порта

10 июля 1794 г.

Во исполнение е. и. в. повеления, завтрашнего числа поутру рано имею я с назначенной эскадрою кораблей, фрегатов и прочих судов следовать в море. Остающиеся здесь на рейде и при порте корабли, фрегаты и прочие суда, порт Севастопольский и команду служителей до возвращения моего препоручил я в командование контр-адмиралу Пустошкину.

Приказ Ф. Ф. Ушакова по эскадре о быстром и согласованном выполнении эволюций

17 июля 1794 г.

По сходству повеления главнокомандующего, да и особым долгом моим почитаю и рекомендую командующим приучить служителей к скорым беганьем по снастям при креплении или отдаче парусов, также и для моциону чрез салинг; отдачу и прибавку парусов приказать делать с отменной скоростию, поднимать и опускать их, осаживать шхоты и галсы за один раз, и

сие повторять многократно до тех пор, пока люди совершенно приучены будут. Всякое таковое дело исполнять разом, словом сказать, мгновенно, а не промедлительно. Я особое об оном имею предписание, и весьма справедливо и необходимо оно надобно, дабы приучить людей к скорому и красивому управлению каждого дела.

Сие предписание командующие должны непременно выполнять во всякой точности; много есть между ходом или при оном свободного времени, всегда должны при таковых случаях сие исполнять сами собою, не ожидая сигналов или не требуя позволения; остается оное в воле командующих. Командующие и прочие штаб– и обер-офицеры особое заслужат удовольствие и всякую благодарность, у коего люди напрактикованы будут во всякой расторопности, сколько возможно исправно, в чем я и надеюсь несомненно.

Из приказа Ф. Ф. Ушакова о наказании подпоручика Часова за пьянство и небрежное отношение к службе

9 ноября 1794 г.

Частые отделения и нерадение о должности господина подпоручика Часова, от пьянства и невоздержанности происходящие, умножаясь время от времени, становятся нетерпимым. При множестве ныне во флотской канцелярии к исправлению письменных дел по нескольким за ним посылкам во оную не является, а дабы укрыть себя, не внимая приказаниям, и в доме своем сего числа не ночевал, а посланные от меня сыскать его не могут.

[Пр]едписываю господину дежур-майору Дандрии, (о)тыскав его, подпоручика Часова, [к] воздержанию от пьянства и понуждению прилежному исполнению должности, содержать его три недели во флотской канцелярии неотлучно за строгим при[смо]тром, не давая в пищу ничего, кроме [хл]еба и воды, и самому иметь за ним [ст]рогое смотрение, чтобы все предпи[санное] исполнено было в точности.

Письмо Ф. Ф. Ушакова С. С. Жегулину об отправке в Балаклаву железной цепи для преграждения входа во внутреннюю бухту

13 июня 1795 г., корабль «Благополучный», на

Севастопольском рейде

Почтеннейший отзыв вашего превосходительства от 8 числа сего июня под № 703 имел честь получить, по сходству которого железную цепь, следующую для заграждения устья Балаклавской гавани, предписал я конторе Севастопольского порта туда отправить. О чем известив, с наивсегдашним моим истинным почтением и преданностию имею честь быть.

Федор Ушаков

Письмо Ф. Ф. Ушакова С. С. Жегулину о выходе с эскадрой в море для практического плавания

5 июля 1795 г., г. Севастополь

Во исполнение повеления главного начальства для практики и при обучении флотских офицеров и служителей, с отряженною ото флота эскадрою с Севастопольского рейда сего числа в море я отправился благополучно, о чем известив о судах, со мною находящихся, ведомость при сем препроводить честь имею. Оставшийся при Севастополе флот, порт и команда, служители на время до моего возвращения препоручены старшему по мне, флота господину капитану первого ранга и кавалеру Вильсону.

Федор Ушаков

Н. Г. Чернецов. Вход в Балаклавскую бухту.
Первая половина XIX в.

Рапорт Ф. Ф. Ушакова в Государственное Черноморское Адмиралтейское правление с жалобой на Н. С. Мордвинова, цейхмейстера Черноморского флота Геринга и других членов правления, вмешивающихся в дела командующего флотом

18 декабря 1795 г., г. Севастополь

Чувствительнейшие обстоятельства понудили меня объясниться сим покорнейшим моим донесением: небезызвестны Государственному Черноморскому Адмиралтейскому правлению опытность во всех делах и случаях на море и при порте в сохраняющейся дисциплине, в хозяйственных заведениях в предохранениях и устройстве всего и во всех случаях по должности, а даже и сверх оной от неусыпных моих трудов и беспредельного, могу сказать, радения и прилежностей производимых, беспристрастным людям и целому свету оставляю на суд.

Не красноречие слов и письмоводства, но сущие дела, мною исполненные и производимые, вместо потребных бы объяснениев ответствовать за меня будут. Когда озарит свет истины, откроются все обстоятельства, равно и о том, что, как и чем основано и производится таковым малым иждивением, почти из

ничего при всех величайших во всем недостатках и неимуществах соделываемое, а прочее всеми приискиваемыми средствами сохраняющееся.

Повторяю истину: когда возникнет справедливость в подробности, окажутся попечительные старания мои по флоту и порту Главному, где, можно назвать, душа всего, к выполнению высочайших намерениев обитающая, почитаю я, сии деятельности более служить должны к моей чести, нежели малые дела мои, на море случившиеся. Какую ж справедливость за оные, в воздаяние с самого времени окончания войны, получаю я, кроме чувствительностей угнетающих и умаления время от времени моего состояния и начальства, даже и по здешнему отделенному месту, состоящему под моим начальством и распоряжением, требуются уже отделенности, ниже означенные.

Не жалуюсь я, что ни за какие труды, усердие и ревность не получаю чрез Правление одобрения, могущего по крайней мере от меня, кому бы подлежало к поощрению быть объявленного, остаются они неизвестны и невидными. И на то, что даже после нынешней бытности моей на море представленная приписываемая похвала и признательность за одобряемые мною исполнения командующих судов и подчиненных оставлена безответно.

Не ропщу даже и на то, что, по отъезде из Николаева во отдаленность от Черноморского правления Председательствующего [Н. С. Мордвинова], от оставшихся во оном по флоту сущих (моих подкомандующих) получаю я всякого сорта определением их указами Правления писанные повеления, я все их с должным Правлению повиновением принимаю и исполняю рачительно.

Но есть в них некоторые, к исполнению не соответствующие возможностям или величайшему затруднению по недостаткам заведениев случаям месту положения и неустройствам от новости места и неимуществ, чем бы их усовершить было можно подверженные, а именно о состоящей при флоте, мне вверенном, на кораблях, фрегатах и прочих разных судах морской артиллерийской команде, которую по упомянутым и еще многим известным обстоятельствам с тех судов, где они состоят в комплекте настоящими, равно как и прочая корабельная команда, отделять распоряжениями в особенность не должно и не следует, а получаемые ныне повеления об них не согласны с необходимостью, подвержены великому затруднению, а особливо требования и настоятельные повеления г-на цейхмейстера бригадира и кавалера Геринга состоящему по флоту из подкомандующих моих, г-ну артиллерии капитану 2-го ранга и

кавалеру Юхарину о особенности в распоряжениях отделенности ото флотских команд, нимало не соответственные надлежащим обстоятельствам и безо всякой нужды и потребности затруднительны и большею частью не следующие, не возможны и начальству оскорбительны.

Все повеления, его г-на Геринга, таковы, что, яко самовластитель, не сходны ни с какими правами, минует он по флоту и порту здешнему моего начальства и предписания к исполнениям дает яко отделенной команде и начальству моему не подчиненной, нимало несогласно с моими обстоятельными обо всем сведениями и распоряжением. Представляю на благорассмотрение и резолюцию, какой долг имеет он в месте, отдаленном и единственно моему начальству по флоту и порту принадлежащем, отделять своими распоряжениями сию команду ото флота и моего начальства.

Да и какая в том есть необходимость, когда все потребные дела исполняются в порядке, как должно, сведения и все подлежащее получает правление, экспедиция и он, г-н цейхмейстер, достаточные. Команда служителей содержится в должной дисциплине, довольствии и сбережениях, обучение нижних чинов порядку и экзерциции под моим распоряжением производится по выгодностям удобного и свободного времени, недостает только для наук достаточных училищ (снабжение к сему потребностей зависит от воли вышнего начальства).

Аттестация обо всех чинах производится с достаточным рассмотрением по представлениям командующих, под чьим начальством они служат, потом одобряются общим собранием в присутствии моем, командующих и артиллерии, первых, кому при том быть надлежит, равно и прочее все исполняется с довольным успехом рачительно. Упоминает он, г-н цейхмейстер, узаконение по штатам апробованным, но не сообразуется с местоположением и упоминаемыми обстоятельствами, даже требует, не снесясь и не сообразуясь с моим сведением, ото флота во отделение немалое число разных чинов людей поимянно ко определению к порту, самых лучших, отборных и испытанных в действах, состоящих из них некоторых в должностях на судах и весьма надобных, а по закону к порту ото флота таковых отделять не должно, а велено определять из престарелых и не способных служить при флоте.

При сем же донесть имею: что при здешнем порте и надобностей особых и важных в том не предвидится, ибо всегда по донесению ко мне г-на артиллерии капитана Юхарина разные чины служители на всякую надобность приказаниями моими посылаются, сходно с его назначением, достаточно. Таковые ж и разные по повелениям отделения ото флота служителей равно и

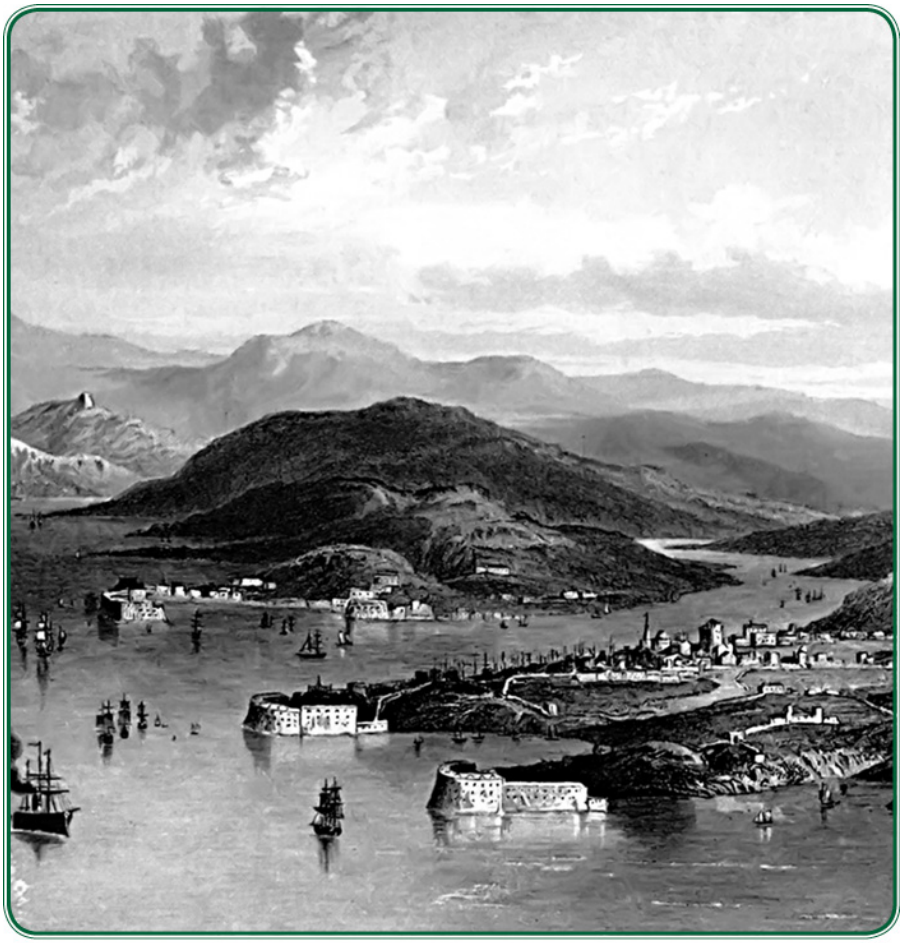
недостатки, во множестве случающиеся за всеми моими стараниями и усерднейшим попечением, приводят флот в крайнее ослабление.

Засим впредь упреждение последствиев, долгом почитаю донесть, и просить всепокорнейше войтить обо всех подробностях в снисходительное благорассмотрение, в каком превосходном состоянии состоял флот, мне вверенный, после прошедшей войны и сколь был деятельностью страшен неприятелю и в какое ныне время от времени приходит он в умаление, расстройность и недостатки. Сколь малое число кораблей ныне могут быть готовых на случай востребования надобности, два корабля самые лучшие – «Рождество Христово» и «Иоанн Предтеча» – другой год стоят не исправлены за неполучением требованных лесов.

Исправление ж их весьма важное, следовательно, на будущую кампанию готовы быть не могут, а за неисправлением и согнитию более подвержены, да и килевать к предохранению от червоядия в настоящее время будет невозможно. Корабль «Св. Павел» приходит в совершенную ветхость, затем остаются и готовыми быть могут только четыре корабля и не более осьми или девяти линейных фрегатов, да и то, ежели присланы будут требованные необходимые надобности, а прочие три корабля, вновь построенные в Херсоне, состоят еще отделенными, скоро и без могущих иногда быть затрудниениев соединены быть не могут.

Оскорбительности, мною чувствуемые, предоставляю я на благорассмотрение главнокомандующего, когда возвратится он в Государственное Черноморское правление, не премину я явиться во оное и самолично подробнее обо всем словесно донесть мое объяснение. Ныне же Государственное Правление прошу в резолюцию повелеть излишние предписаний г-на цейхмейстера отменить и артиллерийскую команду при флоте и порте в комплекте на судах, в ведомстве под моим начальством состоящую, оставить по-прежнему в моем распоряжении, о подлежностях же г-ну артиллерии капитану Юхарину от команд сведения даваны будут, как и прежде, все исполнялось и исполняется по его ко мне донесениям и требованиям, все, что прилично и возможно с моею только апробациею, а не излишнее, предоставляя прочее исполнению корабельных и судовых командиров.

Федор Ушаков



Севастополь. *Гравюра первой половины XIX в.*

Выписка из журнала Государственного Черноморского Адмиралтейского правления с ответом на рапорт Ф. Ф. Ушакова от 18 декабря 1795 г.

22 января 1796 г.

Сего января 22 дня Правление по рапорту вашему, коим объясняли, во-первых, опытность свою во всех делах и случаях на море и при порте и что ни за какие труды ваши и усердие не получаете чрез Правление одобрения, которое по крайней мере могли бы вы объявить, кому надлежало к поощрению, и потому остаются они неизвестны и что даже после нынешней бытности вашей на море представленные от вас похвалы командующим судов и подчиненным за одобряемые вами исполнения оставлены

безответно и что вы не ропщете и на то, что, по отъезде господина Председательствующего Правления из Николаева, получаете от оставшихся в оном по флоту сущих ваших подкомандующих повелении, по определениям их писанные указами, кои приемлете вы с должным повиновением, но есть из них некоторые, к исполнению не соответствующие и подвержены величайшему затруднению по недостаткам заведениев и новости места, а именно о состоящей при флоте, вам вверенном, на кораблях, фрегатах и прочих судах артиллерийской морской команде, которую по упомянутым и еще многим обстоятельствам с тех судов, где они состоят в комплекте, отделять в особенность не должно и не следует, а получаемые об них повеления, а особливо требования господина цейхмейстера и кавалера Геринга состоящему по флоту из подкомандующих ваших, артиллерии капитану 2 ранга и кавалеру Юхарину о отделении их от флотских команд, нимало не соответственные обстоятельствам и без всякой нужды частью не следующие, не возможны и начальству оскорбительны и что все таковые повеления его, господина Геринга, не сходны ни с какими правами и что он, как бы самовластитель, минуя по тамошнему флоту и порту начальства вашего, дает артиллерийской команде предписания к исполнениям, как бы отделенной команде, даже требует поименно от флота к порту разных чинов самых лучших, а по закону велено определять к порту из престарелых и не способных служить при флоте, почему и просите войтить о сем в рассмотрение, причем доносите, что флот Севастопольский после прошедшей войны состоял в превосходном состоянии и сколь был деятельностью страшен неприятелю, а ныне время от времени приходит в умаление, расстройность и недостатки, и что малое число кораблей ныне могут быть готовых на случай востребования надобности, два корабля – «Рождество Христово», «Иоанн Предтеча», другой год стоят не исправлены за неполучением требованных лесов, исправление ж их весьма важное, следовательно, на будущую кампанию готовы быть не могут, корабль «Св. Павел» приходит в совершенную ветхость, затем остаются и готовыми быть могут только четыре корабля и не более осьми или девяти линейных фрегатов, да и то, ежели присланы будут требованные необходимые надобности, а прочие три корабля, вновь построенные в Херсоне, состоят еще отделенными скоро и без могущих иногда быть затруднениев соединены быть не могут.

Определили: Вам, господину вице-адмиралу и кавалеру, дать знать указом, изображаемая вами в рапорте опытность ваша во всех случаях и делах на море и при порте и неусыпная ваша

деятельность привлекает внимание и Правление Черноморское, будучи исполнено оным, не оставляет в безызвестности трудов и усердия вашего, но паче остаются оные в полной мере надлежащего об них уважения.

Свидетельствуют о сем со стороны Правления одобрения производимых вами на пользу службы по флоту и порту Севастопольскому распоряжении, и доверенность к оным не умалчивает Правление и о похвалах, приписываемых вами командирам судов и подчиненным за одобряемые исполнения во время кампаний, на море сделанных с окончания войны. Признательность в сем случае за прежнюю кампанию изъяснена была в указе Правления, посланном от 19 числа сентября прошлого [1]794 года, а за последнюю ныне бытность эскадры на море от господина Председательствующего, по бытности его в Севастополе, лично изъявлена уже им была признательность, то и Правление со оным согласно относится таковою же.

Хотя же вы изъявляете свое терпение без роптания, что, по отъезде господина Председательствующего по высочайшему соизволению в Санкт-Петербург, получаете от оставшихся в Черноморском правлении бывших по флоту ваших подчиненных повеления, указами по определениям их писанные, и что некоторые из оных исполнить затруднительно и невозможно по недостаткам и новости тамошнего места, а именно отделение артиллерийской морской команды с кораблей и прочих судов, но как Правление Черноморское имеет главную дирекцию, высочайше ему предоставленную, над всем, ко флотам принадлежащим, и на основании законов распоряжает, определяет и предписывает без изъятия всем подчиненным ему местам и чинам указами именем ее императорского величества, то и не могут оные признаваемы быть личными предписаниями от особ присутствующих, впрочем, и повеления, данные господином цейхмейстером и кавалером Герингом артиллерии капитану и кавалеру Юхарину, касающиеся артиллерийской команды, Правление, рассмотрев, находит оные не самовластительно учиненные, но на основании законов, должность его предписывающих и сообразного с оными определения Правления, как и сами вы можете усмотреть из взятого от него, господина цейхмейстера, обстоятельного сведения, при сем в копии прилагаемого, а всех его по сей части предписаниях, капитану Юхарину данных, кои заключают в себе требования по долгу звания цейхмейстера, долженствующего иметь по силе.

Морского устава и Адмиралтейского регламента над морскою артиллерийскою командою начальство, с которым необходимо

сопряжено и назначение нужных чинов к порту, и оное им учинено не в таком виде, как определяются к порту из других команд, по неспособности служить на море, но сие назначение должно быть из способнейших людей и знающих артиллерийское искусство, да и чины сии не остаются чрез то отделенными от флота, а только употребляются при порте к лучшему усовершенствованию их звания, и к предполагаемым заготовлениям по артиллерийской части, за исправность коей должен отвечать цейхмейстер артиллерии как главный начальник оной, а посему и помянутые предписания его не могут относиться к умалению начальства вашего, а еще менее к оскорблению оного, когда о сем назначении чинов господин цейхмейстер отнесся рапортом вам, господину вице-адмиралу и кавалеру.

Равным образом предписанное господином цейхмейстером обучение рекрут артиллерийскому делу и чтобы довольствие жалованьем артиллерийским служителям, разумея при порте состоящим, производимо было под наблюдением старшего там артиллерии капитана Юхарина. Все сие принадлежит долгу попечению и ведому цейхмейстера, нимало не уклоняя тем начальничьего по тамошнему порту и флоту наблюдения вашего, и исполнение по сему может быть производимо законным порядком без затруднения.

Относительно ж донесения вашего, что флот Севастопольский в превосходном находился состоянии после прошедшей войны и сколь деятельностью страшен был неприятелю, а ныне время от времени приходит в умаление, расстройность и недостатки и что мало кораблей могут быть готовых на случай нужды, да и то, ежели присланы будут требованные припасы, «Рождество Христово» и «Иоанн Предтеча» другой год стоят не исправлены за неполучением требованных лесов, вновь же построенные три корабля состоят еще от флота отделенными и скоро, да и без могущих иногда быть затруднений соединены быть не могут, на сие уведомить вас, господина вице-адмирала и кавалера, что Правление, сие поставляя за первый предмет и долг своих попечений стараться о приведении флотов Черноморских в состояние, от ее императорского величества оным предположенное, всегда обращает к тому особливое свое внимание деятельными распоряжениями, и как после окончания последней с Портою войны флот состоял в превосходном состоянии, будучи подкреплен еще в последнюю кампанию новыми кораблями, так и ныне на место приходящих в ветхость служивших в военное время построены новые, состоящие в Херсоне и Николаеве, и еще также начаты сооружением, а о соединении оных со флотом Севастопольским при нужном случае

Правление не преминет употребить своих мер и уповает, что при таковых распоряжениях флот Черноморский и паче может быть страшен деятельностью своею неприятелю, когда рвение к службе ее императорского величества верных ее подданных всегда соделывало военные силы ее непобедимыми, наконец, исправление флотов на каком основании распоряжать снабжены вы, господин вице-адмирал и кавалер, предписанием по определению Правления, прошлого [1]794 года ноября 30 числа состоявшему, и о доставлении Севастопольскому порту нужных для сего лесов Правление видит из доклада интендантской экспедиции при сем в копии прилагаемого неусыпное ее попечение, и что весьма знатное количество оных туда отправлено с начала прошлого [1]795 года, флот же во время минувшей кампании по высочайшему повелению находился на море в числе судов, малую эскадру составлявших, то исправление кораблей и фрегатов, бывших при Севастопольском порте и кои требовали важных починок, было ль производимо на основании упомянутого определения Правления и была ли какая, либо остановка за лесами во все прошедшее лето уведомлений не было, а от 16 уже августа [1]795 года в донесении конторы показаны нужными только одне доски дубовые и сосновые да бимсы, между тем как транспортные суда заняты уже были перевозками и время сокращалось, способное к водяной коммуникации, а при том, упущено оное и к доставлению лесов и бимсов, заготовленных в самой Тавриде дворянином Мангози, о коих дано было знать вам, господину вице-адмиралу и кавалеру, от 20 числа января того 795 года, дабы учинили с ним положение о ценах, но Правление, не имев на то отзыва, по отбытии вашем в кампанию, а получа сведение в июле м-це от самого Мангози, что лесов заготовлено им было знатное количество, возложила на контору Севастопольского порта решиться с ним в ценах и леса принимать без замедления, но сие также продолжалось до такого позднего времени, когда не осталось уже никаких средств к перевозке помянутых лесов с берегу реки Ялты в Севастополь.

Но дабы сии недостатки в лесах к исправлению флота нужных отвратить и приготовить оной к будущей кампании предоставить интендантской экспедиции отправлять достальные доски и бимсы сухопутно в Севастополь от числа на сии расходы две тысячи рублей из имеющейся у нее суммы, отпущенной на удовольствие мастеровых рабочими, но при том дать приметить конторе Севастопольской, дабы она о производимых там работах при исправлении флота еженедельные доставляла ведомости, означая именно, за какими припасами может случиться остановка и сколько на первой случай потребно, дабы по сему, во-первых,

делать отправление нужнейших припасов и по… всего количества требуемого в одно время доставить будет не можно, по крайней мере самые нужные не будут оставаться без отправления, а сим способом и можно будет с соблюдением казенной выгоды при благовременных доставках и без всяких затруднений избежать представляемых недостатков к исправлению флота, а на что именно употреблен отправленный туда экспедициею лес, потребовать ей от конторы отчета. Генваря «22» дня 1796 года.

Прошение Ф. Ф. Ушакова Павлу I о разрешении прибыть в С.-Петербург

5 января 1797 г.

Высочайшие милости и благоволения в., и. в, в бытность мою в С.-Петербурге оказанные, подали смелость всеподданнейше просить монаршего благоволения и покровительства.

Встречавшиеся обстоятельства состояния моего истощили душевную крепость, долговременное терпение и уныние ослабили мое здоровье; при всем том, подкрепляем надеждою, светом истины, служение мое продолжаю беспрерывно с усердием, ревностию и неусыпным рачением, чужд всякого интереса в непозволительностях.

Благополучие мое почитаю в пользе службы и беспредельной истинной преданности в. и. в., не стараюсь быть красноречивым ни на письме, ни в словах, исполняю все должное самым делом, по мере доверенности дел, мне поручаемых, даже и то, что только зависит от моей возможности, в случаях неимения или недостатков казенных вещей и собственным моим малым иждивением; ничего полезного и возможного я не упускаю, все, что сие время мною исполнено, сии дела справедливость мою в том оправдают, и, если осмелюсь льстить себя надеждою, употребляя в свою пользу скромность и молчаливость мою, хитростно стараются объяснять меня не соответственно моему состоянию.

Желание их по видимостям замечать можно, частию удачно, но последствия могут меня оправдать совершенно, в чем я несомненную надежду полагаю на высочайшую милость, прозорливость и покровительство в. и. в.; кроме верной, ревностной и усердной моей службы, не имею я никакого покровительства; удостойте, великий государь, чадолюбивый отец отечества, верноподданного и усерднейшего слугу принять в милостивое свое покровительство, осмеливаюсь всеподданнейше

просить: дозвольте мне на самое малейшее время быть в С.-Петербурге, пасть пред освященными стопами в. и. в. и объяснить чувствительную мою истинную преданность.

Сего одного счастливого случая я ищу и желаю, а притом, состоя под начальством Председательствующего в Черноморском правлении, именуюсь командующим корабельного флота Черноморского, ежегодно служу на море и, по долговременной в здешних местах моей бытности, все обстоятельства состояния во всех подробностях флота, мне вверенного, здешнего моря и подробности ж сил противных, почитаю, мне известнее, по оным имею я также некоторые надобности лично донесть в. и. в. Удостойте, всемилостивейший государь, на всеподданнейшее прошение мое высочайшим повелением; в надежде сих щедрот припадаю к освященным стопам.

Указ Павла I Адмиралтейств-коллегии о командировке контр-адмирала П. К. Карцова для инспекции Черноморских портов

20 января 1797 г.

Контр-адмирала Карцова повелеваем немедленно отправить инспектором в Черноморские флоты, коему, освидетельствовав оные, возвратиться паки в здешний флот к своей должности.

Рапорт контр-адмирала П. В. Пустошкина[121] Ф. Ф. Ушакову о военных приготовлениях Турции

15 февраля 1797 г., г. Одесса

Секретно.

По прибытии моем 14 числа сего месяца в Одессу, какие получил я от разных мест в рассуждении предприятий соседственной державы и тамошних происшествий сведения, об оных вашему высокопревосходительству сим доношу.

1. С прибывших к здешнему порту турецких нагруженных фруктами судов известился я, что на двух французских фрегатах, которые с давнего времени находились неизвестно для чего при Константинополе, распущены были всех европейских держав флаги, имея свой республиканский в первейшем, прочие ж, а особливо российский в последнем месте, и что когда о таковом пренебрежении пребывающие там посланники купно с российским протестовали Оттоманской Порте, то оная якобы в скорейшем времени выслала их от себя с запрещением не

пребывать впредь. А в рассуждении движений войск или приуготовлении к войне уверяют, что ничего в помянутой столице не слышно.

2. Напротив же, от приехавшего из Дубоссар известного вам подполковника Портари получил уведомление, что Порта Оттоманская всякий час в готовности к военным действиям, но сама собою еще открыть не осмелится и, ожидая удобного к тому случая, смотрит на обороты воюющих европейских держав, а особливо, примечая выигрыш и неудачу французов, держит себя в равновесии и между тем усиливает как сухопутные, так и морские свои силы.

3. В рассуждении сих последних слышно, что парусный и гребной их флоты довольно в хорошее приведены состояние. Во многих местах по Архипелажским островам и на Черном море в Синопе корабли и фрегаты, а на Дунае гребные суда строятся. На оружейном константинопольском заводе под дирекциею французов работают по образцу европейскому ружья, льют пушки и особливого роду новоизобретенные орудия. Войска в разных местах обучаются.

4. Прибывший из Тирасполя артиллерии майор Секерин известил меня, что около Бендер в Молдавии все теперь состоит в движении, будто бы в предосторожность от моровой язвы, но об оной со всех мест подтверждают, что как на границах, так внутри Молдавии и даже в Константинополе – прекращается.

5. Из границ по Днестру также извещенность, что войска турецкие внутрь Молдавии в Хотин и во все пограничные крепости по разным дорогам малыми отрядами входят, делая сие для отвращения о скрытных своих намерениях подозрения и что во все показанные места и артиллерия с поспешностию доставляется. Переправа оной, равно как и войск чрез Дунай и в трех местах – в Браилове, Галацах и Измаиле – бывает. Провиант в упомянутые крепости из внутри Молдавии доставляют; слышно, что [за] оным в Архипелаг довольное количество судов отряжено.

6. Оттуда же получил я донесение, что 13 числа сего месяца чрез Днестровские гирла Лиманом к Аккерману одно небольшое судно, которое, когда остановилось на рейде, то слышно было несколько пушечных выстрелов, из чего заключаю я, что оно должно быть военное.

О всех вышеписанных сведениях я всеподданнейше донес его императорскому величеству и дал предписание, как при Овидиополе, куда и сам завтрашнего числа отправиться имею, так и при здешнем порте, вооружить поспешнейше для брандвахтенных постов и для всяких предосторожностей несколько судов, какие набраться могут. Донеся о сем, с

истинным почтением и совершенною преданностию пребыть честь имею.

Донесение Ф. Ф. Ушакова Павлу I о принятии в Севастополе мер предосторожности на случай разрыва с Турцией

24 февраля 1797 г.

Вашему императорскому величеству всеподданнейше доношу: при порте Севастопольском надлежащие предосторожности соблюдаются исправно. В Таврии между обывателями, кроме тишины и спокойствия, незаметно, также и в Константинополе, по партикулярным известиям, спокойно, флот их исправляется килеванием и прочими надлежностями, излишней поспешности, кроме как бывает обыкновенно, не замечается.

Из Константинополя сего февраля 22 дня пришло в Севастопольский карантин маленькое судно, «Бесчифте» называемое, груз имеет апельсины, лимоны, каштаны, изюм и инжир, [провоз] его от Константинополя в море 14 дней, из того числа 9 дней было за противным ветром в Синопе; шкипер оного судна турецко-подданный грек Полихронио (будучи здешним обывателем, некоторым знаком) и прочие с ним оного судна греки объявляют о спокойствии в Константинополе, сходно партикулярно и о известиях объявленный список вашему императорскому величеству всеподданнейше подношу.

Рапорт Ф. Ф. Ушакова в Адмиралтейскую коллегию об отъезде его в Херсон и Николаев для исполнения обязанностей Председателя Черноморского Адмиралтейского правления на время отсутствия Н. С. Мордвинова

6 марта 1797 г.

Во исполнение высочайшего его императорского величества повеления, февраля 27 числа, поручив Черноморский корабельный флот со служителями и порт Севастопольский старшему по мне флота капитану бригадирского ранга Вильсону, сам отправясь сего марта 1 числа, прибыл в Херсон и, осмотрев тамошнее адмиралтейство, нашел вновь строящиеся два 74-пушечные корабля и одно транспортное судно да спущенный в прошлой осени на воду 50-пушечный фрегат, из кораблей один почти совсем в отстройке, а у другого весь набор поставлен да

починками исправляются транспортные разного рода суда.

О лесах оного корабля, к достройке потребных, по скорости обстоятельного сведения получить не успел, но есть в них недостаток. Также и на фрегатах к вооружению такелажа за отправлением по разным требованиям в Севастополь в наличии не останется. А сего течения[122] 2 прибыл в Николаев, 3 числа вступил в Черноморское Адмиралтейское правление в должность председательствующего к выполнению должности по сему Правлению и по всем частям, к нему принадлежащим.

При казначействе денежной казны разных сумм по оное 3 число состояло 21 750 рублей, и хотя по краткости времени во все хозяйственное сведение войтить не мог, но, осматривая херсонские и николаевские магазины, следующих к исправному вооружению и снабжению корабельного флота в потребностях, видится весьма заметный недостаток. Я желал употребить старание, дабы обо всем донести подробнее, и дал Правлению при вступлении в присутствие предложение.

Но того ж 3 числа ввечеру прибыл в Николаев Председательствующий Правления вице-адмирал Мордвинов и 5 числа вступил в присутствие, а я сего числа получил указ из оного Правления следовать к прежней своей команде. Все оное исполняя, сим и донесть честь имею.

Из журнала Черноморского Адмиралтейского правления о вооружении и приготовлении эскадры Ф. Ф. Ушакова к выходу в море

13 марта 1797 г.

Господин Председательствующий Правления вице-адмирал и кавалер Николай Семенович Мордвинов объявил Правлению полученный им в копии при письме господина генерал-адъютанта его императорского величества и кавалера Григория Григорьевича Кушелева высочайший именной указ на имя Государственной Адмиралтейств-коллегии, в 17 день марта последовавший, в коем написано: «Повелеваем на Черном море вооружить для обучения людей эскадру, состоящую из пяти кораблей и двух фрегатов, коей и быть готовой к выходу в море первого июня.

Кроме оной эскадры, повелеваем, вооружив два фрегата, учредить крейсерство около крымских берегов: одному против Еникольского пролива, а другому противу Севастополя так, чтоб они обнимали все крымские берега. Морским провиантом эскадру

снабдить на три месяца, фрегаты же на все то время, доколе крейсерство продолжиться может, приказали: во исполнение сего высочайшего его императорского величества именного указа, предписать господину вице-адмиралу и кавалеру Ушакову о приготовлении к выходу в море к первому июня эскадры из пяти кораблей и двух фрегатов для обучения людей и особо двух фрегатов для изъясненного крейсерства, и какие именно корабли и фрегаты назначены к тому будут, донести Правлению, равно и о том, что необходимо нужно к укомплектованию их, отсель доставить, дабы благовременно можно сие исполнить, а между тем экспедициям интендантской и артиллерийской о доставлении в Севастополь на отправляющихся туда судах нужных материалов, во-первых, для означенного числа судов, а комиссариатской о снабжении морскою провизиею для эскадры на три месяца, а для двух фрегатов, в крейсерство определяемых, полагая примерно на шесть месяцев, приложить всемерное старание, для чего и дать тем экспедициям копии с сего».

В. Л. Боровиковский. Портрет Г. Г. Кушелева
с детьми. *1801 г.*

Адмирал Григорий Григорьевич Кушелев (1754—1833) начал службу в российском флоте в 1770 г. Возвышение Г. Г. Кушелева произошло при Павле I. В день воцарения Павла, 6 ноября 1796 г., Григорий Григорьевич был назначен генерал-адъютантом, на следующий день был произведен в генерал-майоры по флоту. 24 ноября 1798 г. Кушелев был произведен в адмиралы и назначен вицепрезидентом Адмиралтейств-коллегии.

Именно через Кушелева шли все распоряжения императора по морской части. Григорий Григорьевич, помимо управления флотом, много занимался сбором морских карт, при нем был составлен новый «Устав военного флота» (1797), он является автором «Рассуждения о морских сигналах, служащих к распоряжению морских флотов». После воцарения Александра I Кушелев был отстранен от дел и практически безвыездно жил в своем псковском имении.

Ведомость о состоянии кораблей, фрегатов и других судов Черноморского флота

30 марта 1797 г.

Корабли:

«Рождество Христово»

«Иоанн Предтеча» разоружены и состоят в гавани.

«Богоявление Господне» приуготовляется к килеванию.

«Св. Троица»

«Князь Владимир» разоружены и состоят в гавани.

«Мария Магдалина» исправляется и приуготовляется к вооружению.

«Св. Павел» разоружен и состоит в гавани.

84-пушечной

74-пушечный № 1-й

«Захарий и Елисавета» исправляются и приуготовляются к вооружению.

Фрегаты:

«Григорий Великия Армении» исправляется и приуготовляется к вооружению.

«Александр Невский»

«Георгий Победоносец»

«Св. Андрей» разоружены и состоят в гавани.

«Навархия» («Вознесение Господне»)

«Св. Николай» исправляются и приуготовляются к вооружению.

«Богородица Казанская» приуготовляется к килеванию.

«Федор Стратилат» исправляется и приуготовляется к вооружению.

«Сошествие Святого Духа» приуготовляется к килеванию.

«Иоанн Златоуст» выкилеван, исправляется починками.

«Макроплия св. Марка» разоружен и состоит в гавани.

«Царь Константин» находится в Константинополе.

«Счастливый»

«Поспешный» в Николаеве.

Разные суда:

Акаты: «Св. Ирина»

№ 2-й на брандвахте при Севастопольской гавани.

Бомбардирский «Рождество Богородицы»

Судно «Полоцк» разоружены и состоят в гавани.

Бригантина «Таганрогская» отправлена на брандвахту в Феодосию.

№ 1-й отправлена на брандвахту в Евпаторию.

Кирлангич «Ахилл»

Беломорские: [123]

«Св. Елена» при Севастополе приуготовляется к посылке в транспорт.

«Св. Матвей» в Николаеве.

«Св. Николай» при Севастополе приуготовляется к посылке в транспорт.

«Абельтаж».

«Березань» в Николаеве.

Бригантина «Феникс» в Таганроге.

«Св. Андрей» в Николаеве.

«Принц Александр» в Керчи.

«Панагия Апотуменгана» отправлено для транспорту в Таганрог.

«Св. Николай» приуготовлено к посылке в транспорт.

«Красноселье» в Николаеве.

Транспорты:

«Св. Никон» приуготовляется к посылке в транспорт.

«Св. Сергий» приуготовляется к отправлению в Николаев.

№ 1-й в Таганроге.

№ 2-й приуготовляется к посылке в транспорт.

№ 3-й в Херсоне.

№ 4-й в Николаеве.
№ 5-й
№ 6-й в Херсоне.
№ 8-й в Николаеве.
№ 9-й приуготовляется к посылке в транспорт.
Итого 52 судна.

Указ Павла I Адмиралтейств-коллегии о выходе эскадры под командованием Ф. Ф. Ушакова в море для практического плавания

31 марта 1797 г.

Вооружаемою на Черном море для экзерциции эскадрою повелеваем командовать нашему вице-адмиралу Ушакову, которой и выступить в море будущего июля 1 числа, где будучи производить обыкновенные экзерциции и возвратиться в свои порты в первых числах августа и о разоружении оной ожидать нашего повеления.

Донесение Ф. Ф. Ушакова Павлу I с сообщением сведений о турецком флоте и об обстановке в Константинополе, полученных от офицеров зимовавшего там фрегата «Царь Константин»

20 апреля 1797 г.

Вашему императорскому величеству всеподданнейше доношу: по случаю зимовавший в Константинопольском проливе против Буюк-Дере из линейных бывший в транспорте фрегат «Царь Константин»[124], отправившись оттоль 27 минувшего марта, 16 числа сего месяца на Севастопольский рейд прибыл благополучно и состоит ныне в карантине. По уведомлениям, в Константинополе опасной болезни с некоторого времени уже не слышно, а по опросу моему, какие известия получил я от командующего оным фрегатом, флота капитан-лейтенанта Лелли, и находящихся с ними обер-офицеров, список об оных всеподданнейше подношу.

Антуан Игнас Меллинг. Константинополь, дворец Хатидже-султан. *Около 1800 г.*

Известия Константинопольские

Отобранные по опросу моему от командующего фрегата «Царя Константина», флота капитан-лейтенанта Лелли, и находящихся с ним на фрегате обер-офицеров, которые объявили следующее:

Фрегат «Царь Константин» во все зимнее время состоял в Константинопольском проливе против Буюк-Дере, в исправлении оного и во всех потребностях от правительства, а особо от капитан-паши оказаны им всякое учтивство, дружелюбие и пособие в полной мере. Даже сверх сего капитан-пашою командующий, офицеры и служители богато одарены, подарки сии стоят до четырех тысяч левков.

При сем же объявляют, в Терсану, где стоит флот, никого не впускают, но случилось им проездом мимо оных на гребном судне заметить линейных больших кораблей, всего во оном флоте сочтено ими 15, фрегатов от 24 до 50-пушечных двадцать, в том числе и спущенный ныне вновь 120-пушечный корабль, в числе же оных кораблей, заметно, некоторые есть весьма ветхи, даже с двух и мачты сняты, а прочие, которые новые корабли замечены, на вид отменно хороши и снабжают их во всем по европейскому манеру.

Из них 120-пушечный, 84 пушек и еще три корабля обшиты медью; слышали также, и все вновь строящиеся корабли

положено и будут обшивать медью ж.

По слухам известились они: во многих местах еще строятся линейные корабли, из которых в нынешнее лето ожидают пять, не считая фрегатов и разных мелких судов.

В Терсане строящийся канал для доков выкопан уже на немалое расстояние и довольно глубок, но оказалася во оном весьма в большом количестве вода, так что все работы воспрепятствовали, и для выливания оной делают машину, успеют ли во окончании сих работ или нет, неизвестно.

В Адмиралтействе и по флоту во всех мастерствах употребляются множество французов и других мастеров, французы же обучают войска и прочих служителей пушечной и ружейной экзерциции, тож и конной артиллериею разными маневрами.

Вооружают эскадру кораблей и фрегатов к посылке в Смирну для укрощения турок, учинивших многочисленное смертное убийство тамошних жителей, греков и других некоторых европейцев.

В румельские берега из Анатолии отправляются немалое число войск для укрощения ж известного бунтовщика, который делает великие разорения около Адрианополя и во многих местах.

Константинопольский пролив от Черного моря, кроме крепостей, вновь еще укреплен сделанными в удобных местах горизонтальными батареями.

Впрочем, от стороны Порты, кроме дружелюбия к неприятству[125], ничего не заметили.

Сего ж апреля 19 числа прибыло из Константинополя в Севастопольский карантин 3-мачтовое судно, именуемое «Панагия Дусено», под российским купеческим флагом, без груза, на котором шкипер Илья Драголович, а хозяин оного отставной капитан-лейтенант Иван Милиси.

Из Константинополя вышло сего месяца 17 числа, которое по благополучному ветру в пути было только 48 часов.

О известиях, сколько они знают, объявили сходное с вышеозначенным, прибавляя только, слышали они, что в городе Салонике турки взбунтовались и перебили из тамошних жителей евреев до 4000 человек.

В прочем в Константинополе неблагоприятностей никаких не заметно, в рассуждении российских купеческих судов соблюдается всякая учтивость, тишина и приятность.

Приказ Ф. Ф. Ушакова о снабжении больных свежей провизией во время плавания

14 июня 1797 г.

Для продовольствия пищею больных служителей, а особо трудных, надлежит иметь на кораблях свежую провизию, но, как в отпуске на эскадре таковой не состоит, посему, ежели господа командующие покупкою или из собственной своей провизии, сколько чего на содержание больных служителей издержат, на сколько суммою денег по окончании кампании в заплату кому, что следовать будет, деньги отпущены быть имеют, а как в здешнем море много больных быть не предвидится, потому для таковых, которым необходимо будет надобна свежая провизия, употребление быть может весьма на малую сумму денег.

Приглашаю господ командующих, чтобы не оставили своим старанием, хотя из собственных своих, их довольствовать, буде же кто совсем денег и провизии на сей расход не имеет, таковым отпущу я хотя из собственных моих потребное количество, но таковые господа командующие должны представить ко мне своими рапортами, однако гораздо сходнее бы было сию заплату денег учинить всем в одно время по окончании кампании.

Федор Ушаков

Приказ Ф. Ф. Ушакова с требованием от рядового состава, по выходе флота в море, быстроты и точности в выполнении всех работ

24 июня 1797 г.

1

С выхода с эскадрою на море рекомендовал я всей команде служителям, как долг, служба и исправность знания требует во всех обращениях и исполнениях дел, служителям быть всегда расторопным и оным показывать всеми движениями и видом с крайней поспешностью и проворством к делу во всех местах, где потребно быть броским, и бежать скоро, в руках иметь отменную расторопность, а где потребно, и силу при проворстве употреблять всевозможно.

Но за всем сим замечаю многих весьма вялыми и нерасторопными, а сие не отчего иного происходит, как только от их лености. Господину командующему 84-пушечного корабля наистрожайше подтвердить вахтенным командирам и всем офицерам, чтобы служителей, как требует долг закона, обучением

довесть в лучшую исправность и всех, кто окажутся ленивы, принудить таковых строгостью воинской дисциплины.

Рекомендую сей же час приказать всех служителей собрать во фрунт и сей приказ им объявить и внушить внятно. Я надеюсь, что служители будут стараться доставить мне удовольствие видеть их исправными, беглыми и расторопными, как должно быть, отлично-хорошим, расторопным и исправным людям; в противном же случае принудят употребить над собою законную строгость, к чему, однако, я принужден быть не ожидаю и не желаю, потому и от них надеюсь охотного послушания и расторопности. Я почитаю, и, собственно, для них лучше всякое дело сделать с крайней поспешностью, нежели леностию и непроворством длить оное медлительностию.

2

Господам капитан-лейтенантам и вахтенным командирам объявить: если они не употребят всевозможного старания довесть служителей в лучшую исправность и расторопность, и на чьей вахте я замечу ленивое людей исполнение, со всей строгостию прикажу на них взыскать, потому и положить оное на их отчет, ибо за всякое непроворство людей отвечать они будут непременно.

Федор Ушаков

Донесение[126] Ф. Ф. Ушакова Павлу I о результатах испытания на ходу под парусами кораблей «Захарий и Елисавета» и «№ 1» во время плавания их в составе эскадры

4 июля 1797 г.

Всевысочайшее повеление вашего императорского величества, объявленное мне письмом минувшего мая от 18 числа от генерал-адъютанта Кушелева, на сих днях я с глубочайшим благоговением получил, в котором предписано: ваше императорское величество, высочайше указав Адмиралтейств-коллегии истребовать чертежи, по коим построены вновь корабли № 1 и «Захарий и Елисавета» в Черноморском флоте, у коих шханцы с баком соединены палубою, и, рассмотрев, не вредна ли таковая оных постройка, ибо, кроме того, что делает корабль высоким, валким и стесняет дым по низкости своей в палубе, едва ли не будет неудобна к действию пушками, немедленно донести

вашему императорскому величеству; также и мне повелено в нынешнюю кампанию сделать в практике об оных замечание, и, какие окажутся в построении сем выгоды и недостатки, в подробности обо всем донести вашему императорскому величеству и рапортовать Адмиралтейств-коллегии.

Во исполнение сего всеподданнейше доношу: при разных движениях эскадры заметил я, как и есть действительно, оные два корабля по высокости своей против обыкновенных при брамсельном свежем ветре от валкости наклоняются под ветер несравненно более, нежели все прочие здешнего построения корабли, и по замечанию моему предвидеть можно, при таковых крепких брамсельных ветрах, при каковых в прошедшее время имел я со флотом две баталии, будучи у неприятеля на ветре, когда и обыкновенные корабли много были наклонены на борт под ветер, сии два корабля в таковое время нижней батареею действовать не могут и должно будет ее закрыть; при действиях же обеими батареями пушек дым в верхней палубе, стесняясь, гораздо более препятствие делает, нежели на обыкновенных открытых кораблях.

Верхняя палуба в построении по узкости своей весьма стеснена и при положении на нее росторов и по постановлении гребных судов в управлении парусами делает заметное неудобство и замедлительность. При абордаже, по тесноте палубы, предвидится неудобство, ежели неприятель какими-либо средствами и, усилившись многолюдством, собьет при первом случае служителей, может занять верхние люки и воспрепятствовать резервам выходить наверх, чего на обыкновенных кораблях при открытых палубах сделать не можно.

Польза же оных кораблей, как замечается, есть только та, что от соединения палубы с баком прибавляет связью своей в верхней части крепость корабля, но, напротив, по излишней высоте оные корабли боковую качку, предвидится, иметь будут более обыкновенных, чрез что вред в палубах от тягости пушек соответственно одно другому будет не менее, хотя на практике во время плавания эскадры боковой качки еще не случилось, но из многих опытов, мною замечаемых и случавшихся, так почитать можно.

В палубах возвышенностию имеют довольное пространство, даже против других с излишеством. В ходу, при эскадре ныне замечено, оные два корабля, корабль 84-пушечный и ныне же килеванный пред кампаниею корабль «Богоявление Господне», ходят, почесть можно, равно и лучше против прочих тех, которые давнее время не килеваны и весьма обросли ракушкою, но, по сравнению корабля «Богоявление Господне» с другими тогда

случались вместе килеванные, можно почесть, разве весьма малое превосходство на будущее время иметь будут против прочих, а замечается, лучший будет изо всех корабль 84-пушечный, который во всех оборотах дефект имеет превосходный, равно как и корабль «Рождество Христово».

Корабли же № 1 и «Захарий и Елисавета» в поворотах оказываются медлительнее других.

Засим всеподданнейше доношу, что в разных действиях практики достаточных замечаниев сделать еще не случилось, а по окончании кампании и по сделании довольной экзерциции, что окажется, обо всем с подробностию всеподданнейше донесть не премину.

У. Симпсон. Севастополь. Адмиралтейство и Собор св. Николая. *1856 г.*

Будучи начальником Севастопольского города и порта, Ф. Ф. Ушаков превратил небольшое поселение в настоящую морскую крепость, заботясь также и о сооружении госпиталей, дорог, снабжении жителей города пресной водой и качественной провизией. При нем же была значительно расширена небольшая церковь Святителя Николая — покровителя моряков.

Январь – август 1798 г. Приведение Черноморского флота в боевую готовность

Рескрипт Павла I Ф. Ф. Ушакову о подготовке Черноморского флота на случай войны с Турцией

4 февраля 1798 г.

Повелеваем вооружить из линейного флота двенадцать кораблей, включая в то число большие от 50 до 40 пуш. фрегаты, коими и назначаем командовать вам, а для отделяемой эскадры контр-адмирал Овцын. При флоте надлежит быть нужное число малых фрегатов и авиз, притом, доколе флот вооружен будет, учредить крейсерство около крымских берегов для дозоров и по берегам извещательные сигналы.

Линейного же флота, доколе не получится прямого известия о входе в Черное море турецкого флота, не экспозировать, а инаково в бурный сезон. Когда же надобность и востребует оному войти, то держаться гораздо севернее Севастополя, дабы при северных крепких ветрах можно было в своих портах иметь убежище; равным образом иметь наблюдение и к Еникольскому проливу, учредя крейсерство. Между тем, приведя себя в готовность, надеюсь, что обезопасены будут все берега наши от сюрприза; при том без причины не нарушимо будет то доброе согласие, в каком мы пребываем с Портою.

P. S. Хотя поныне со стороны Порты не поданы причины к нарушению доброго согласия, но так как завладение французами берегов, прилежащих к Турции, равно и островов от Венецианской республики, а потому и опасно, дабы не возбудили турок противу нас, почему и делаются сии предосторожности, дабы не быть сюрпризированными.

Предписание Ф. Ф. Ушакова Конторе севастопольского порта о выплате личному составу флота призовых денег

4 марта 1798 г.

За взятые в плен и истребленные в прошедшую с Портой Оттоманской войну флотом Черноморским разные турецкие корабли и прочие суда, по положению Черноморского Адмиралтейского правления, следует получить в награждение

денег 72 691 рубль, которые и поныне еще не присланы. Предлагаю Конторе Севастопольского порта в требованиях на удовольствие всех чинов за разные неполучения подлежащей суммы и оные взнесть в ведомость и требовать доставления.

Рапорт Ф. Ф. Ушакова Н. С. Мордвинову о необходимости принятия мер предосторожности по обороне Севастополя

15 марта 1798 г.

По известным вашему высокопревосходительству обстоятельствам, каковые на случай весьма сильного неприятельского флота, буде бы оный еще был от какой-либо стороны усилен подкреплением и буде бы в каком-либо случае экстренно покусился, хотя фальшиво, сделать десант близ Севастополя, когда войска отвлечены будут к тому месту, предвидится сумнительность, не покусились бы в таковом случае татары на те места, где находятся наши сухопутные магазины в Ахтиаре, от Севастополя в немалом расстоянии отделенные, а особо главные пороховые погреба, в пещерах в Аккермане находящиеся, и не могли бы оные набегами скоропоспешно истребить.

На таковой случай, хотя сие и не ожидаемо, но в предупреждение осторожности осмеливаюсь вашему высокопревосходительству представить, не благоугодно ли к предохранению оных взять каковые-либо благонадежные меры или что вами предположено будет, дать об оном, кому об чем надлежит, ваши повеления, а также не востребуется ли надобность к предуведомлению осторожностей отнестись и к командующему в Тавриде дивизиею сухопутных войск господину генерал-аншефу и разных орденов кавалеру графу Михаилу Васильевичу Каховскому, что об оном определено будет, также и меня снабдить вашим повелением.

Предвидимостей и опасностей к сему теперь нимало еще нет, да и последствия военных обстоятельств кажутся, хотя еще удалены, но, по известиям, при особом рапорте мною отправленным, может иногда случиться что-либо непредвидимое, на таковой только случай я осмеливаюсь о сем к напоминовению осторожностей предупредительно донесть вашему высокопревосходительству на благорассмотрение, в прочем со стороны флота я надеюсь на благость Всевышнего, сумнительность же более случиться может во время его отсутствия.

Указ Павла I Адмиралтейств-коллегии о назначении Ф. Ф. Ушакова командующим Черноморской эскадрой на кампанию 1798 г.

31 марта 1798 г.

Вооружаемою на Черном море для экзерциции эскадрою повелеваем командовать нашему вице-адмиралу Ушакову, который и выступит в море будущего июня 1-го числа, где будучи производить обыкновенные экзерциции и возвратится в свои порты в первых числах августа месяца, и о разоружении оной ожидать нашего повеления.

Доклад Конторы главного командира черноморских флотов Адмиралтейств-коллегии о якобы самовольных действиях Ф. Ф. Ушакова по подготовке кораблей его эскадры к кампании

13 апреля 1798 г.

Господин вице-адмирал и кавалер Ушаков дал повеление Конторе Севастопольского порта от 8-го числа минувшего марта вооружать назначенные к походу суда. Сие учинено им без предварительного о том отношения его с Конторою и с главным командиром адмиралом и кавалером Мордвиновым, а от 15-го уже числа марта донесено им, господином вице-адмиралом, Конторе сей, что суда вооружением с поспешностию приготовляются, и требовал укомплектовать оные служителями, наипаче недостающими в Севастополе солдатской команды, и прибавить артиллерийских сверх штатного положения.

По исследовании ж причин, почему г. вице-адмирал Ушаков приступил к столь раннему и скоропостижному вооружению, не предварив об оном и отношением своим по команде, прислал он, г. вице-адмирал, на имя главного командира рапорт, в коем и возлагает всю винность на г. адмирала Мордвинова по поводу предписаний его к нему, якобы в двояком смысле последовавших.

Но, по объявлению главного командира, содержание первого ордера его по сему предмету к г. вице-адмиралу Ушакову заключалось в том, что при оном препровождена копия с высочайшего рескрипта и письма, писанного г. вице-президентом Адмиралтейств-коллегии и кавалером Иваном Логиновичем Голенищевым-Кутузовым о приготовлении флотов, а во втором ордере предписано было ему, г. вице-адмиралу, ожидать назначенного времени к вооружению.

К. В. Эккесберг. Морской вид с двумя русскими кораблями, ставящими паруса. *1826 г.*

Сии два ордера, помянутый рапорт г. вице-адмирала Ушакова и повеление его, Севастопольской конторе данное, при сем прилагаются в точных копиях.

И хотя г. вице-адмирал пишет в том рапорте, что он словесно приказал Конторе Севастопольской производить служителям с начала вооружения судов не морской, а сухопутный провиант, однако словесное приказание не может быть в отмену узаконения, которым определено давать провиант морской со дня вооружения. И, судя по таковому раннему вооружению, в котором по обстоятельствам здешнего края и не настояло ни малейшей нужды, знатное количество морского провианта с начала вооружения должно быть употреблено бесполезно и чрез то может недостать следующего на всю кампанию.

Как же служители будут требовать отпуску морского провианта в силу узаконения, а офицеры порционов, Контора же сия располагала и расчисление делала в заготовлении того провианта о вооружении флота к маю месяцу, для того, представляя сии обстоятельства на благоусмотрение Государственной Адмиралтейств-коллегии, просит повеления, с которого числа отпущать следует морской провиант служителям.

Какие ж именно суда корабельного флота в кампанию назначены и все уже вооружением почти окончены были по 22-е число марта – представляется ведомость.

Что принадлежит до требуемого г. вице-адмиралом укомплектования судов недостающими в Севастополе

служителями и артиллерийскими сверх штатного положения, то сие требование его Контора находит излишним, и служителей в Севастополе есть достаточно, а укомплектование должно быть по положению штатному[127].

Рапорт Ф. Ф. Ушакова Павлу I о выходе эскадры с Ахтиарского[128] рейда

5 мая 1798 г.

Во исполнение высочайшего именного вашего императорского величества указа, последовавшего минувшего апреля от 9 дня, с эскадрою, под начальством моим состоящей, в числе семи кораблей, пяти линейных фрегатов и четырьмя малыми судами, означенными в приложенной при сем ведомости, сего числа с Ахтиарского рейда для крейсирования на море вышел благополучно, а сколько на котором судне состоит по спискам в наличии генералитет, штаб– и обер-офицеров и служителей, вашему императорскому величеству табель всеподданнейше при сем подношу. Оставшиеся же при порте корабли, фрегаты и прочие суда, порт и все к нему принадлежности препоручил я в командование и предохранительности господину контр-адмиралу и кавалеру Вильсону.

Ведомость о вышедших в море судах

Корабли: «Св. Павел», «Св. Петр», «Захарий и Елисавета», «Богоявление Господне», «Св. Троица», «Мария Магдалина», «Князь Владимир».

Фрегаты: «Григорий Великия Армении», «Александр», «Михаил», «Николай», «Навархия» («Вознесение Господне»).

Акат «Ирина».

Репетичное судно «Полоцк».

Авизы из транспортов: Кирлангич «Ахилл», «Панагия Апотуменгана».

Итого 16 судов.

Табель о служителях точно таковая ж, какова приложена в особом протоколе в Государственную Адмиралтейств-коллегию с следующею припискою:

В дополнение по положению главнокомандующего флотами черноморскими господина адмирала и кавалера Мордвинова,

солдат назначено получить 300 человек в Одессе из Херсона, Бриммерова баталиона, нарочно туда отправленных, а к тому на случай действия, буде бы оно случилось по означенным в прежнем всеподданнейшем рапорте моем обстоятельствам, почитаю необходимой надобностию иметь на флоте еще сверх всех оных вприбавок до 500 человек, при чем в действиях и успехах флот может быть в лучшей благонадежности.

Ордер Ф. Ф. Ушакова контр-адмиралу Кумани о принятии строжайших мер к прекращению пьянства среди команд кораблей

18 июня 1798 г.

Заметил я также, и от некоторых дошло ко мне сведение, что служители многие обращаются в пьянстве; рекомендую вашему превосходительству наистрожайше оное запретить, пьяных наказывать и тем усмирить и оное прекратить, а с господ командующих за слабое содержание, ежели чьей команды впредь окажутся служители пьяные, делать строгое взыскание и понудить их к прекращению по команде таковых беспорядков; пьяных служителей всех без изъятия приказать брать под караул и, по рассмотрении, при командах наказывать.

Рапорт Г. Г. Кушелева Павлу I с изложением обстоятельств обвинения Ф. Ф. Ушакова в самовольном вооружении им кораблей эскадры

Докладывано 21 июня 1798 г.

Из мемории

Контора черноморских флотов рапортом доносит, что вице-адмирал Ушаков от 8 числа марта дал Севастопольской конторе повеление вооружать назначенные к походу суда, сие учинено им без предварительного о том сношения с Конторою и с адмиралом Мордвиновым; а от 15 того же марта донесено им Конторе главного командира, что суда вооружением с поспешностью приуготовляются, и требовал укомплектовать оные служителями солдатской команды и прибавить артиллерийских сверх штатного положения.

По исследовании причин, почему он, Ушаков, приступил к

столь раннему и скорому вооружению, не предварив об оном и отношением своим по команде, прислал он, вице-адмирал Ушаков, на имя адмирала Мордвинова рапорт, возлагая во оном всю винность на него, адмирала, по поводу предписаний, к нему в двояком смысле последовавших; но в ордерах, данных ему от Мордвинова, заключалось только: в первом, при котором препровождена копия с высочайшего рескрипта и письма вице-президента Голенищева-Кутузова, о приуготовлении флотов; а во втором предписано было ожидать ему назначения времени к вооружению; и как сии два ордера, так и реченный рапорт Ушакова Контора черноморских флотов, представляя Коллегии на рассмотрение, доносит, что хотя означенный вице-адмирал Ушаков и пишет, что он словесно приказал Севастопольской конторе производить служителям с начала вооружения судов не морской, а сухопутный провиант, однако словесное приказание не может быть в отмену узаконения, которым повелено: давать провиант морской со дня вооружения, а судя по таковому раннему вооружению, в коем по обстоятельствам тамошнего края и не настояло ни малейшей нужды, знатное количество морского провианта с начала вооружения должно быть употреблено бесполезно, и чрез что может недостать на всю кампанию, как же служители будут требовать отпуску провизии в силу узаконения, а офицеры порционов, Контора располагала и расчисление сделала в заготовлении того провианта о вооружении флота к маю месяцу, почему и испрашивает повеления, с которого числа отпускать следует морской провиант служителям.

Решение

1) Хотя Контора и почитает вице-адмирала Ушакова виновным в том, что учинил он вооружение судов без сношения его с Конторою и главным командиром, и что, по исследовании причин, почему он, Ушаков, приступил к столь раннему вооружению, не предварив о том по команде, прислал он рапорт на имя адмирала Мордвинова, в коем и возлагает всю винность на его, по поводу предписаний к нему, якобы в двояком смысле последовавших; но Коллегия, рассматривая все сии обстоятельства и соображая с высочайшими повелениями, не только что не причитает ему, Ушакову, скоропостижное вооружение судов в вину, но, напротиву того, относит ему то к похвале.

2) Что приказал он словесно Конторе Севастопольской производить служителям с начала вооружения судов не морской,

а сухопутный провиант, но и сие Коллегия также не поставляет ему в вину, ибо, хотя по уставу и должны служители со дня вооружения получать морскую провизию, а Коллегия не иначе оную производить, как по силе сенатского указа января от 31-го 1745 года, за вооружение за две недели, а за разоружение за неделю, а иногда в сбережение провизии делает заплату деньгами, как и ныне определила произвести в натуре вино и мясо, а прочее деньгами, следовательно, вице-адмирал Ушаков, приказав производить сухопутный провиант, не сделал никакого казне ущерба.

3) Он, Ушаков, в рапорте к Мордвинову просит повелениями снабжать его в полном и достаточном смысле, дабы не можно было почитать их двояко; почему Коллегия, входя в содержание высочайшего рескрипта, данного адмиралу Мордвинову, и соображая ордер его, Ушакову данный, находит действительно не имеющим определительной ясности, и так предписывает в повелениях, даваемых подчиненным своим, как Конторе главного командира, так и адмиралу Мордвинову соблюдать предписанную законами ясность в точности; о чем и послать указы.

Рапорт Ф. Ф. Ушакова Павлу I с сообщением сведений, полученных из Константинополя, о появлении вблизи о. Кандия (Крит) большого числа французских судов, направляющихся в Египет[129]

19 июля 1798 г.

Какие известия мною получены чрез пришедшее сего июля 17 дня из Константинополя в Ахтиарский карантин двухмачтовое купеческое судно по объявлении хозяина оного, турецко-подданного грека Хаджи Григория, описание об оных всеподданнейше вашему императорскому величеству при сем подношу.

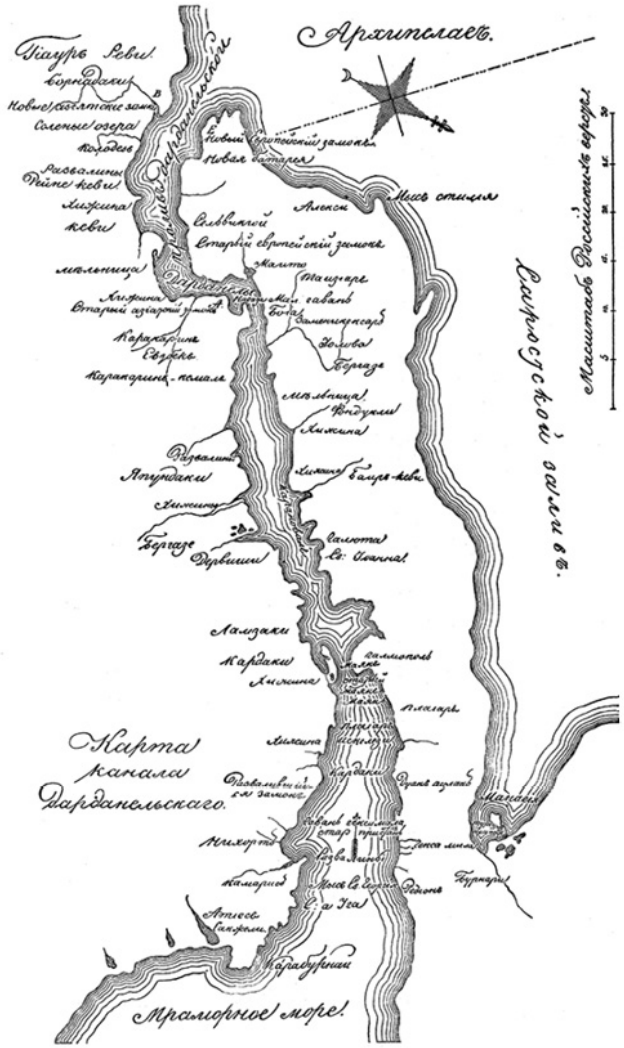
Известия константинопольские:

Сего июля 17 дня прибыло из Константинополя турецкое купеческое судно, именуемое «Белла Триестина». Хозяин на оном грек турецко-подданный Хаджи Григорий. Гружено архипелагскими винами и следует в Таганрог, а зашло в Ахтиарский карантин за противным ветром. В пути, отправясь из Константинополя, находилось по сие время 17 дней.

Хозяин оного судна грек Хаджи Григорий и пассажир Иван Андреев Плати объявили за известие следующее:

Известие получено из острова Кандия и от тамошнего паши, что вблизи оного острова в виду было разного рода французских до трехсот судов. Паша и жители тамошние просят от Порты спомоществования со объявлением, ежели оного вскорости сделано не будет, почитают долгом защищать себя до последних сил.

И особенно также известиями уведомляют, что всех больших и малых судов французских находится в Белом море до семисот, из числа которых большая часть намерены отправиться в Египет, по уверению тамошних беев, что коль скоро вид тех судов примечен будет, то они охотно с своей стороны сделают всякое вспомоществование.



Карта пролива Дарданеллы.
Начало XIX в.

Дарданеллы — пролив между Европой и Малой Азией, соединяющий Мраморное море с Эгейским. Его длина примерно 120 км, ширина 1,3—18,5 км, глубина 53—106 м. Из-за своего геополитического положения Дарданеллы, равно как и второй черноморский пролив — Босфор, всегда были объектом пристального внимания ведущих государств мира. Особенно сложным был вопрос урегулирования прохода военных кораблей. В конце XVIII в. благодаря усилиям русских дипломатов Турция предоставила возможность эскадре Ф. Ф. Ушакова пройти в Средиземное море. Позднее это право было подтверждено союзным договором 1805 г., однако уже в следующем году, после начала очередной русско-турецкой войны, было отменено.

2-е

В Константинополе сделано строжайшее повеление, чтобы флот весь вооружить. Но куда сей флот по вооружении будет отправлен, того не известно.

3-е

Между турками слышно, что они к России расположены весьма с хорошей стороны и полагают великую надежду на случай иметь пособие от оной.

4-е

Говорят также, что будто остров Мальта сдался французам.
В Константинополе опасная болезнь продолжается.
А более никаких известий к сведению объявить не имеют.

Рапорт Ф. Ф. Ушакова Н. С. Мордвинову о подготовке эскадры для следования к Константинополю

5 августа 1798 г.

Ордер вашего высокопревосходительства я сего августа от 1 дня, по секрету писанный, с предписанием о готовности по осторожностях в случае последствиев действовать против неприятеля я получил и в исполнениях старание иметь буду. Высочайшим именным его императорского величества указом минувшего июля от 25 дня, вчерашний день мною полученным, повелено: с вверенною мне эскадрою немедленно отправиться в крейсерство около Дарданеллей, по сходству которого, получа к наличному и вдобавок морского провианта еще на 2 месяца, отправлюсь немедленно.

Из эскадры ж, мне вверенной, корабль «Св. Владимир», фрегат «Александр» и из малых репетичное судно «Полоцк», по давнему их построению, которые против всех прочих на море служили долее и исправлены были ныне по совершенной их ветхости только на последнюю легкую кампанию и более 3 месяцев были уже на море, ныне же при случившихся крепких ветрах ото многих гнилых частей оказались к дальнему мореплаванию совсем не способны, почему и отправил их на Ахтиарский рейд, а вместо их с крайней поспешностью приуготовляются сорокапушечные фрегаты «Казанская Богородицам» и «Сошествие Св. Духа», а вместо репетичного судна с высочайшим его императорского величества именным повелением, с поспешностью приуготовляется обращающийся в транспорт фрегат «Счастливый», который вчерашний день из лимана прибыл в Ахтиар.

День и ночь беспрерывно приказал я поспешать их приуготовлением н, уповаю, через шесть дней от сего времени все будет приуготовлено и с эскадрою отправлюсь сходно, как мне высочайшим его императорского величества указом предписано. О чем сим и доношу, сходно и его императорскому величеству всеподданнейшим рапортом от меня донесено.

Указ Павла I Н. С. Мордвинову о снаряжении новой эскадры под командованием контр-адмирала И. Т. Овцына и выходе ее в крейсерство у крымских берегов

7 августа 1798 г., г. Павловск

Господин адмирал Мордвинов! По отношению к нам Порты чрез министра нашего тайного советника Томары, о даче оной помощи противу враждующих французов, предписали мы указом нашему вице-адмиралу Ушакову со вверенною ему эскадрою следовать к соединению с турецким флотом для совокупного

содействия, где нужда и надобность требовать того будет и дабы иметь в готовности на такой случай необходимо нужной для подкрепления оной сикурс, повелеваем тотчас вооружить еще эскадру, назначив во оную столько кораблей и фрегатов, сколько способных к тому избрано вами будет, к командованию которой назначаем контр-адмирала Овцына.

По изготовлении же, нимало не медля выступить оной в море, и, пока надобности настоять в ней не будет, дотоле долженствует иметь крейсерство около крымских берегов. В прочем пребываем к вам благосклонны.

Август 1798 г. – май 1799 г. Совместные действия русского и турецкого флотов. Освобождение ионических островов

Рескрипт Павла I генералу И. В. Гудовичу с сообщением о предписании Ф. Ф. Ушакову следовать на соединение с турецким флотом в Средиземном море для совместных действий против французского флота

7 августа 1798 г., г. Павловск

Господин генерал от инфантерии граф Гудович! Получив сегодня известие о завоевании французами Александрии и о намерениях начальника их Бонапарте распространить действия свои в областях, Порте подвластных, обращая виды свои на Мекку, Медину и самый Иерусалим, с намерением в сем последнем месте восстановить Еврейскую Республику, получили мы купно с оным и донесение нашего министра, тайного советника Томары, о решении султана просить деятельнейшей помощи нашей противу врагов всех царств и разрушителей всеобщего порядка.

Быв уже давно готовы к таково содействию и предвидя гибель Порты, решилися мы дать повеление нашему вице-адмиралу Ушакову итти на помощь туркам и действовать в Средиземном море с ними соединенно или же с аглинским флотом противу французских сил, а в запас и в осторожность повелели мы еще вооружить резервную эскадру под командою контр-адмирала Овцына, который главным предметом будет наблюдать за всем происходящим на Черном море, имея в особом внимании крымские берега…

Рапорт Ф. Ф. Ушакова Павлу I о выходе эскадры из Ахтиара и прибытии ее к Босфору

12 августа 1798 г.

Во исполнение высочайшего именного вашего императорского величества указа, минувшего июля от 25 дня последовавшего, с эскадрою, мне вверенною (приуготовя вместо оставленных из оной за ветхостью при Ахтиарском порте корабля

«Владимира» и фрегата «Александр», фрегаты линейные «Богородица Казанская» и «Сошествие Св. Духа» со оными), в числе двенадцати кораблей, одним фрегатом репетичным и тремя авизами сего числа от Ахтиарского порта в крейсерство около Дарданелл к Константинопольскому проливу отправился благополучно, а какие именно во оной эскадре состоят корабли и фрегаты, всеподданнейше подношу об оных ведомость [см. следующий документ].

Во исполнение же высочайшего мне предписания авизу из легких судов, именуемое судно «Панагия Апотуменгана», предварительно отправил я в Константинополь к министру господину тайному советнику Томаре, известив его со всякой подробностию обо всех предписанных мне обстоятельствах, и просил на оное подробного его уведомления и соглашения Блистательной Порты, которого я с эскадрою, находясь в крейсерстве, ожидать буду; если ж по доходе моем оное судно не успеет вскорости ко мне возвратиться, не премину еще повторить посылкою другого авиза и наприлежнейшее старание иметь буду во всем сходно выполнять волю и высочайшее вашего императорского величества данное мне повеление, о чем сим всеподданнейше и доношу.

Рапорт Ф. Ф. Ушакова в Контору главного командира черноморских флотов о необходимости усиления эскадры судами и о присылке продовольствия, обмундирования и денег для выплаты жалованья личному составу

12 августа 1798 г.

В числе авизов, способных к посылкам судов, при эскадре состоят только два судна: «Панагия Апотуменгана» и «Красноселье», и таковых способных более при Ахтиарском порте налицо ныне не состоит, и по самой необходимой надобности потребно ко оным прибавки еще хотя два способные такие, которые ходом своим могли бы держаться с эскадрой; покорно прошу в число оных прислать к эскадре из крейсерских судно бригантину «Феникс» и еще одно избрать способное, чтобы могло держаться при эскадре, и если возможно, на оных или на других судах доставить в эскадру соленых мяс и масла коровьего, которых по недостатку при Ахтиарском порте немалым количеством не допущено.

Также я и многие служители не получили за сентябрьскую прошлого 1797 года треть денежного жалования и обер-офицеры

тоже, по неимению денежной казны, не удовольствованы порционными деньгами, служители же с начала нынешнего 1798 года не получили мундира никакого, кроме 3 годовых голландских рубах с брюками. Все оное, равно заслуженное сего года за январскую треть денежное жалование, прошу, если возможно будет, доставить в эскадру, что почитается и есть необходимо к удовлетворению служителей надобно.

Письмо Ф. Ф. Ушакова В. С. Томаре о получении им извещения о согласии Турции на вход эскадры в Константинопольский пролив и о необходимости гарантии в беспрепятственном возвращении ее в Черное море

24 августа 1798 г., корабль «Св. Павел»

С эскадрою, мне вверенною, при всех случившихся жестоких противных ветрах старался я поспешить скорейшим приходом к Константинопольскому проливу и третьего дня к ночи благополучно дошел на вид берегов константинопольских, но при бывшем крепком северном ветре, великом волнении, при мрачной погоде лоцмана пролива Константинопольского не опознали, и в ночное время на вчерашний день, по ошибке лоцманов, эскадра поминовала оный и прошла близ анадольских берегов, а по прочищении воздуха опознали анадольские берега до 30 миль за проливом, имея на виду Константинопольский пролив, всевозможно стараюсь поспешить войтить во оной, препятствуют только переменные ветры и противное течение, за всем тем с поспешностию к проливу приближаюсь и уповаю войтить в самой скорости; между тем, во исполнение высочайшего его императорского величества мне предписания, ожидал я уведомления вашего превосходительства о позволении войтить в пролив и о соглашениях Блистательной Порты, с тем чтобы эскадра, мне вверенная, потому ж и обратно, когда должно будет ей возвратиться, могла быть беспрепятственно пропущена.

Не получа вашего уведомления о позволительном проходе с эскадрою в Константинопольский пролив, также не получа соглашения Блистательной Порты о том, что и наказ, когда должно будет эскадре возвратиться в Черное море, препятствия никакого учинено не будет и пропустится без всякого задержания, входить в пролив мне без сего верного от вас уведомления не велено; в полученном же мною сего августа от 23 дня почтеннейшем отзыве вашего превосходительства значит, чтобы я входом в пролив с эскадрою поспешил; я всевозможно входом

моим поспешу, но, милостивый государь, к выполнению высочайшего мне предписания в извещении вашего превосходительства о пропуске меня с эскадрою в пролив, соглашение и условие Блистательной Порты о возвратном беспрепятственном пропуске я не получил, и от вас об оном ничего мне не предписано и не упомянуто, посему и сомневаюсь, не получа оного на письме вашего превосходительства, войдя в пролив, не подвергнул бы я себя высочайшему гневу и негодованию о недостаточном моем выполнении.

Посему повторяю просьбу мою вашему превосходительству снабдить меня письменным вашим уведомлением, также доставить на письме соглашение Блистательной Порты о вышеозначенном беспрепятственном пропуске в Черное море. Для сего, как скоро получил я почтеннейший ваш отзыв, тот же час судно «Панагия Апотуменгана» обратно посылаю и прошу ваше превосходительство в достаточном состоянии потребными письменными извещениями меня не оставить.

Федор Ушаков

Декларация турецкого правительства о свободном плавании русских военных и торговых судов через проливы, о взаимной выдаче дезертиров и содействии санитарным мерам во избежание распространения заразных болезней

25 августа 1798 г.

Почтеннейший наш приятель Российского Двора посланник Томара требовал, чтобы Блистательная Порта вручила ему на письмо следующую Декларацию для доставления оной командиру эскадры, присланной Российским Двором на помощь Блистательной Порте против Франции. Декларация сия, будучи требована упомянутым командиром для предосторожности его по несуществованию еще никаких между взаимных Дворов договоров, касательно употребления сего флота на услугу Порты; здесь следуют статьи оной, о коих предварительно на конфирмациях условлено было.

Томас Луни. Абукирская битва
(1 августа 1798 г., 10 часов вечера)

1—2 августа 1798 г. у острова Абукир в дельте Нила произошло сражение между французским и английским флотами, фактически предрешившее исход египетской кампании Наполеона. Прорвавшийся из-под Тулона французский флот под командованием адмирала Франсуа де Брюи в этом сражении был полностью уничтожен, сам адмирал погиб. Армия Наполеона оказалась отрезанной от Франции. Кроме того, взрыв французского флагмана «Ориент» увлек на дно Абукирского залива 600 тысяч фунтов стерлингов в золотых слитках и бриллиантах, изъятых французами у Папы Римского в Венеции и предназначавшихся для финансирования экспедиции Наполеона Бонапарта.

1-е

Российский флот, пока уговор упомянутый заключен не будет, может, если нужно будет, возвратиться восвояси без всякого задержания, при первом получении о том повеления от своего Двора.

2-е

Военные и транспортные суда будут иметь во все продолжение настоящей войны совершенную свободу проходить и возвращаться чрез Черноморский канал и Дарданеллы; они пользоваться будут всякою безопасностию и пропускаемы будут по единому их предъявлению о себе, что они суда российские.

3-е

Если кто из экипажа или прочих морских служителей, какого бы они чина и звания не были, убежав, скроются в местах турецкого владения, то оные будут выданы и ни под каким видом и предлогом укрываемы не будут.

4-е

Если подданные турецкие укроются на Российской эскадре, то командир и капитаны оной обязаны возвратить их начальникам Блистательной Порты, не оказывая в том сопротивления.

5-е

Морские и сухопутные начальники Блистательной Порты споспешествовать будут мерам, кои примет командир Российского флота для предосторожности от язвы и прочих заразительных болезней.

6-е

Во все пристани, принадлежащие Блистательной Порте, посланы будут нужные повеления, дабы Российской эскадре везде оказываемо было благопринятие, пособие и вспомоществование. Призывающий в помощь милосердного Творца

Ахмет Атиф рейс-уль куттаб-эфенди

Письмо Ф. Ф. Ушакова В. С. Томаре с просьбой о содействии в снабжении эскадры медикаментами

27 августа 1798 г.

Медикаментов на эскадру, хотя малое число на кампанию и было принято, но почти все они употреблены в расход, ныне же, по скорости отправления в здешний край, на корабли и фрегаты получить не успели, и почитаю на будущее время необходимо надобными, а как в здешнем месте они гораздо дешевле, нежели в России, потому покорнейше прошу, не можно ли будет посредством старания вашего превосходительства хотя малым числом оных эскадру снабдить, и можно или не можно оные получить, прошу снабдить меня благосклоннейшим вашим уведомлением.

Федор Ушаков

Письмо Ф. Ф. Ушакова вице-адмиралу Нельсону о плане совместных действий соединенной русско-турецкой эскадры против французов с просьбой сообщить сведения о противнике и свои намерения для координирования действий

31 августа 1798 г.

Российская вспомогательная эскадра под начальством моим, состоящая из шести кораблей, шести линейных фрегатов, одного репетичного фрегата и трех авизов из малых судов, прибыла в Константинопольский пролив и находится ныне при Буюк-Дере. От государя моего императора повелено мне со оною действовать вместе с турецким флотом противу неприятелей-французов, а в случае и с эскадрою, под начальством вашего превосходительства состоящей.

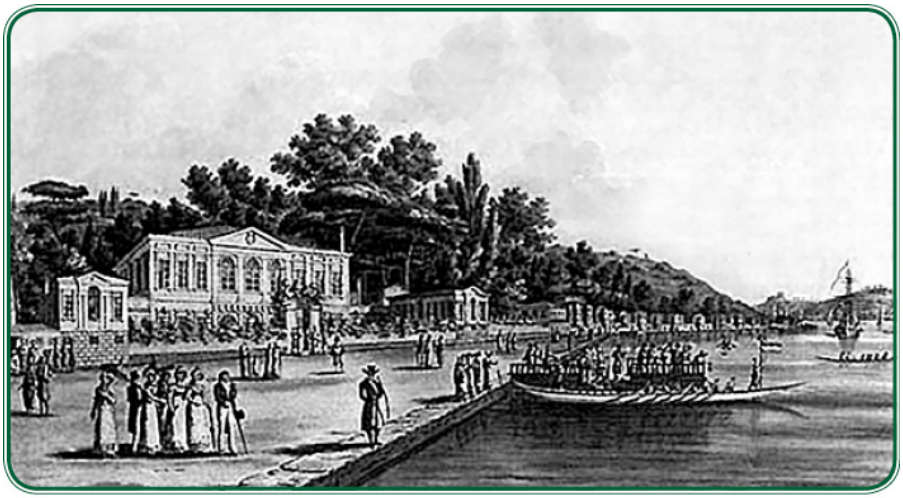
По прибытии в Константинополь узнал я славную и знаменитую победу вашу, одержанную при реке Ниле, и нынешнюю бытность вашу в Сицилии. С признательнейшим удовольствием от истинного моего к особе вашей почтения, с таковою совершеннейшею победою поздравить вас честь имею и в той надежде, что скоро буду иметь удовольствие находиться в близости с вами, а может быть, и вместе в действиях против неприятеля. Заочно рекомендую себя в ваше благоприятство и дружбу, которую я приобресть от вас постараюсь.

Блистательная Порта Оттоманская, полагая, что ваше превосходительство Александрию содержите в блокаде, так же и Тулонскую эскадру отделяете от здешнего края вашим обозрением, весь тот край совершенно обеспеченным и почитает и действие российской эскадры под начальством моим и

соединяющихся со мною под командою вице-адмирала турецкого шести кораблей, десяти фрегатов и до тридцати малых судов, располагает:

1-е: употребить в Морее и в Венецианском заливе для охранения берегов своих от десантов, из Анконы быть могущих, изгнания, если возможно, при содействии с сухопутной стороны из островов прежде Венецианских и матерого берега французов.

2-е: крейсированием от Мореи до острова Родоса прикрывать Архипелаг и обеспечивать тревожность жителей, не теряя с виду и острова Кандии, а за сим от оных соединенных эскадр при выходе из Дарданеллей отделить два российских и два турецких фрегата для препровождения десяти канонерских лодок до острова Родоса, а оттоль, ежели окажется в них надобность, и отряда судов эскадры вашей, блокирующих Александрию. Важность сего плана для Порты ясно доказывается положением тех островов и вернейшими известиями о намерении французов, сильно в них укрепясь, напасть на империю Оттоманскую со стороны Албании и Мореи, но и за сим, ежели бы потребно наше подкрепление в случае важнее сей надобности, то к спомоществованию мы готовы. В соответствии сего прошу ваше превосходительство сообщить мне известия, какие вы имеете о действиях и намерениях неприятеля, также и о расположениях ваших против оного, и в состоянии ли вы, после славной победы вашей, продолжая блокаду Александрии, закрывать сторону Средиземного моря меж Сицилией и Африки, дабы сходно с предложением и необходимостию Блистательной Порты могли мы успешно и немедленно выполнить вышеозначенный план в точном его расположении.



Здание Императорского посольства в Буюк-Дере.
Рисунок графини Е. П. Строгановой

Рапорт Ф. Ф. Ушакова Павлу I о решениях, принятых на конференции в Бебеке по вопросу о совместных действиях союзных держав на Средиземном море против Франции

31 августа 1798 г.

Каковы сего августа от 29 дня отправлены мною на акате «Св. Ирина» чрез Ахтиарский порт два всеподданнейшие рапорта мои вашему императорскому величеству, таковые я при сем всеподданнейше подношу[130] и после отправления оных 30 августа на конференции в Бебеке в присутствии со стороны турецкой Исмет-бея рейс-эфендия, Терсана эмини-бея, Ликчи-эфендия, Аметчи-эфендия и Лиман-рейса, аглинского министра, посланника вашего императорского величества и моем, по достаточным взаимным объяснениям положено вместо отделяемой третьей части обеих эскадр, от 29 дня в рапорте моем означенной, послать четыре фрегата, два российские и два турецкие, для препровождения десяти канонерских лодок к острову Родосу и предварительно оных тотчас отправить из Константинополя один кирлангич к Александрии к командующему отрядом аглинской эскадры с испрошением уведомления, потребны ли ему означенные десять канонерских лодок и можно ли ими сделать при помощи аглинского отряда нападение на суда, в порте Александрийском находящиеся, и причинить вред или истребление оным?

А получа от него ответ, чтобы оная кирлангич возвратилась тотчас в остров Родос, и, буде окажется, что оные десять канонерских лодок потребны аглинскому отряду, теми же четырью фрегатами и препроводить их оттуда. Прочее действие соединенными эскадрами остается по прежнему положению около Мореи, островов Занте, Кефалонии и Корфу и в Венецианском заливе. Между тем же от Блистательной Порты, аглинского министра и от меня отправлены будут отношения к вице-адмиралу Нельсону, в Сицилии с эскадрою находящемуся, и прошено будет от него извещения обо всем, что к сведению почитается надобным.

При окончании конференции, в заключение мнения моего, от меня объявлено: потребно иметь разосланные в разные места авизы, которые старались бы разведывать во всех местах действие и намерение и все таковые сведения рачительно и поспешно доставляли бы к нам, и, ежели из сведениев окажутся вновь обстоятельства, намерение и действие со стороны неприятеля, где бы только не потребовалась помощь российской эскадры, чем превосходнее и важнее будут намерения и действия неприятельские, тем охотнее стараться буду я делать всякое вспомоществование, если бы оно случилось надобным и эскадре аглинской, к соединению со оною я готов.

Тем сия конференция окончена и представлена будет в доклад его султанскому величеству. Сего ж числа корабль «Св. Троица», возвратясь из Ахтиарского порта, прибыл в Константинопольский пролив в соединение к эскадре благополучно. О чем сим всеподданнейше и доношу.

Ордер Ф. Ф. Ушакова капитану 2 ранга И. С. Поскочину с выражением неудовольствия за неправильное управление кораблем

6 сентября 1798 г.

С крайним неудовольствием принужденным нахожусь объявить вашему высокоблагородию, что вы, снимаясь с якоря, когда подорвало у вас канат, не поворотили чрез фордевинд и не пошли в повеленный путь, положили другой якорь и от сущей неисправности и неведения допустили корабль столь много дрейфовать; унесло вас к самому берегу, и тем сделали остановку всей эскадре; при таком важном случае, когда его султанское величество от нас ожидает непременного исполнения, продрейфовало вас столь далеко оттого только, что мало у вас

отдано было канату.

Другой раз таковое худое действие я замечаю; по приходе вашем сюда положили вы тогда якорь и почти с апанером, столько вас далеко дрейфовало, сколько теперь; тогда не было таковой важности, чтобы я к вам писал, потому-то и пропустил, а теперь вы на толиком важном пункте сделали остановку эскадры тем только, что допустили много корабль дрейфовать и, отделившись от эскадры на худое место, откуда сняться вам нельзя.

Крайне я всем оным недоволен и таковое неудовольствие вам объявляю, и, если что-либо неприятное чрез сие последует, я отнесу оное к вашей неисправности. С места, где вы теперь находитесь, ни под каким видом сняться невозможно, пока вы не стянетесь, о чем и имеете стараться всевозможно.

Ведомость продуктам, полагающимся по регламенту на каждого матроса в месяц

8 сентября 1798 г., корабль «Св. Павел»

Вина горячего 28 чарок
Гороху 10 фунтов
Круп 15 фунтов
Мяса соленого говяжья 14 фунтов
Масла коровья 6 фунтов
Сухарей ржаных 1 пуд, 5 фунтов
Соли 1 1/2 фунта
Пива 56 кружек, а по неимению здесь оного, вина красного 9 1/3 кружек
Уксусу 42 кружки

Вице-адмирал Ушаков

P. S. В месяц матросских порций полагается обер-офицерам по две.

Капитан-лейтенантам командующим по три.

Капитанам 2 ранга по четыре.

Капитанам 1 ранга по шести.

Указ Павла I Ф. Ф. Ушакову с уведомлением об отпуске денежных средств на содержание эскадры

15 сентября 1798 г.

На расходы, могущие быть по эскадре, начальству вашему порученной, указали мы нашему действительному тайному советнику и государственному казначею барону Васильеву доставить к вам тысячу червонных и тысячу ефимков[131], да сверх того на каждый корабль по тысяче ефимков, на фрегаты 50– и 46-пушечные, яко линейные, по шестисот ефимков, а на 36-пушечные и авизы по триста ефимков; причем всемилостивейше жалуем единовременно в награждение собственно вам три тысячи рублей, контр-адмиралу Пустошкину две тысячи рублей, а капитанам и прочим штаб– и обер-офицерам, находящимся на эскадре, каждому третное жалование по их окладам; со времен отбытия эскадры из Ахтиара и до самого возвращения оной к своим портам на стол в каждый месяц вам по триста рублей, а контр-адмиралу Пустошкину по двести рублей.

Ордер Ф. Ф. Ушакова лейтенанту Е. П. Метаксе[132] о назначении его офицером для поручений и связи при турецком адмирале Кадыр-бее

15 сентября 1798 г.

По надобностям для переводу, знания и исполнения по сигналам, какие на эскадре, мне вверенной, учинены будут, избираю вас быть на время на корабль командующего турецкой эскадры, яко искуснейшего и должности знающего с отличностию офицера, и в помощь к вам отправляю знающего морское искусство Александра Олешева и Карла фон Икскуль[133]; также подштурмана одного с фрегата «Сошествие Св. Духа». Будучи там, извольте чинить исполнение, как от меня вам лично объявлено.

Письмо Ф. Ф. Ушакова В. С. Томаре о соединении в Дарданеллах с турецкой эскадрой и предстоящем выходе в Архипелаг

15 сентября 1798 г., корабль «Св. Павел»

С эскадрою, мне вверенной, 3-е число сего месяца в Дарданеллы прибыл благополучно, и по соединении с эскадрою турецкого флота вчерашний день десять канонирских лодок под препровождением двух российских и двух турецких фрегатов отправлены в Родос, и мы с эскадрами завтрашний день поутру отправляемся в Архипелаг к выполнениям обо всем, что общим мнением положено.

С командующим турецкою эскадрою пашою или вице-адмиралом Кадыр-беем я ознакомился очень хорошо, показался мне он чрезвычайно ласковым и учтивым человеком, и все мы с ним распорядили дружески и на первый случай в рассуждении его учтивостей и общего нашего согласия в распоряжениях отношу об нем вашему превосходительству признательность мою и похвалу, прошу и Блистательной Порте оные от меня засвидетельствовать; я надеюсь, что мы, как по началу заметить можно, если оно так продолжится, один другим будем довольны и добрых успехов чрез то надеяться можно; засим свидетельствуя истинное мое почтение и преданность, с каковою наивсегда имею честь быть.

Федор Ушаков

Состав соединенной под командованием Ф. Ф. Ушакова русско-турецкой эскадры перед выходом из Дарданелл с указанием флагманов и командиров

15 сентября 1798 г.

Российская эскадра

Линейные корабли:

74-пуш. «Св. Павел», вице-адмирал Ушаков, капитан 1 ранга Сарандинаки.

74-пуш. «Св. Петр», капитан 1 ранга Сенявин.

74-пуш. «Захарий и Елисавета», капитан 1 ранга Селивачев.

72-пуш. «Богоявление Господне», капитан 1 ранга Алексиано.

72-пуш. «Св. Троица», контр-адмирал Овцын, капитан 2 ранга Поскочин.

68-пуш. «Мария Магдалина», капитан 2 ранга Тимченко.

Линейные фрегаты:

50-пуш. «Григорий Великия Армении», капитан-лейтенант Шостак.

48-пуш. «Св. Михаил», капитан 2 ранга Сорокин.

46-пуш. «Св. Николай», капитан-лейтенант Марин.

44-пуш. «Сошествие Св. Духа», капитан-лейтенант Константинов.

44-пуш. «Казанская Богородица», капитан-лейтенант Мессер.

40-пуш. «Навархия» («Вознесенье Господне»), капитан-лейтенант граф Войнович.

Репетичный фрегат

32-пуш. «Счастливый», капитан-лейтенант Белле.

Авизы:

18-пуш. Акат «Св. Ирина», лейтенант Влито.

14-пуш. Транспортное судно «Красноселье», лейтенант Рябинин.

14-пуш. Транспортное судно «Панагия Апотуменгана», капитан морских баталионов Скандраков.

Итого: кораблей 6
фрегатов 7
малых судов 3
Всего 16

Турецкая эскадра

Линейные корабли:

86-пуш. под флагом капитан-бея Кадыр-бея.
80-пуш. под флагом патрон-бея (вице-адмирала).
76-пуш. под флагом реал-бея (контр-адмирала) Ахмет-бея.
74-пуш. капитана Ибрагима.

Фрегаты:

1 – капитана Гуссейна.
2 – капитана Аббаса.
3 – капитана Зейнера.
4 – капитана Сулеймана.
5 – капитана Херим.
6 – капитана Ахмета.

Корветы:

1 – капитана Мустафы.
2 – капитана Гуссейна.
3 – капитана Али-бея.
4 – капитана Мегмета.
14 канонирских лодок
Итого: кораблей 4
фрегатов 6
корвет 4
канонерских лодок 14
Всего 28

Никола Пакокк. Английский флот под предводительством адмирала Горацио Нельсона. *XIX в.*

Ордер Ф. Ф. Ушакова капитану Никонову о следовании с десантом к о. Цериго для овладения крепостью Капсали, занятой французами

28 сентября 1798 г.

Извольте следовать со отряженным ко мне десантом на остров Цериго, приблизиться к крепости Капсали; уговорите жителей оного острова действовать против французов и принудите их к взятию крепости общими силами. С вами же следует десант с эскадры турецкого флота до 300 человек, старайтесь требовать сдачи оной крепости без бою; объявить французам, чтобы они сдались сами пленными, тогда они сохранены будут и жизнь им даруется, ежели же принудят брать крепость штурмом и боем, тогда они все будут истреблены; мне известно, что всего в этой крепости французов пятьдесят человек, потому не уповаю, чтобы осмелились они драться напрасно и чрез то сами себя истребят, может быть, оной вид только один сделают, а после сдадуться и в таком случае, ежели без настоящего боя сдадутся, – взять их пленными; ежели же не будут сдаваться – есть там над крепостью одна высокость горы, сделайте как можно скорее на ней маленькое прикрытие,

истребляйте из пушек, принуждайте как наискорее к сдаче и все распоряжайте.

Полагаюсь на ваше искусство и осмотрительность, ежели за всем тем иначе взять нельзя, ожидайте удобности взять хотя штурмом, окружа с разных многих мест; лестницы буде и припасы какие будут надобны, требуйте от жителей и с ними вместе и турками старайтесь как можно крепость овладеть и взять.

Только будьте осмотрительны, чтобы не потерять где напрасно людей и крепость взять с небольшим уроном. В прочем всего надеюсь от вашего искусства и расторопности. От стороны моря посланы от меня в гавань против той крепости два судна. Учредите берегом почту и уведомляйте меня чаще обо всяком деле, что как происходить будет и что как окажется.

Ордер Ф. Ф. Ушакова капитан-лейтенанту А. А. Шостаку о руководстве действиями десанта по овладению крепостью Капсали

28 сентября 1798 г.

Хотя ордером моим определен к командованию десантом капитан Никонов[134], но, как нужно по важности обстоятельств в сие действие уговорить и понудить обывателей, чтобы не только участвовали в деле, но и всякую помощь делали бы, потому и препоручаю по сим делам главное начальство над десантами иметь вам и в дело употребить означенного господина Никонова, на искусство и опытность которого я надеюсь; но все, впрочем, зависеть будет от вашей прозорливости и распоряжений; извольте поступать по тому предписанию, какое наставление от меня дано господину капитану Никонову, исполнением и возвратом вашим с десантом как наивозможно поспешить, дабы мы здесь затем нимало удержаны не были. Во всем оном полагаюсь и надеюсь на вашу исправность.

Рапорт Ф. Ф. Ушакова Павлу I о взятии о. Цериго с представлением к награждению[135] отличившегося личного состава

10 октября 1798 г., корабль «Св. Павел»

Дабы французам пресечь всякое злоупотребление судами их в Архипелаге и отнять пристани их во оном, следуя с соединенными российской и турецкой эскадрами, решились мы

состоящий при границе Архипелага между Мореи и Кандии овладевший ими прежде бывший венецианский остров Цериго от них отнять и сделать его свободным, послали предупредительно отряд с десантом, который поручил я в начальство командующему фрегата «Григорий Великия Армении», флота капитан-лейтенанту и кавалеру Шостаку и с ним из эскадры, мне вверенной, фрегат «Счастливый»; оные два фрегата, предупредя немного приход соединенных эскадр, минувшего сентября 28 число приблизились к малой крепости, при заливе Св. Николая состоящей, и несколькими выстрелами оную сбили, флаг французский с нее спущен, и из бегущего гарнизона восемь человек пойманы, да турками, подоспевшими на помощь, пойманы и взяты в плен семь человек; а как вторая крепость при заливе против островка Леве, именуемая Капсали, расположена на холму при крутой утесистой высокой горе, стены оной каменные, крепкой работою чрезвычайно возвышены, и с моря, по взятию ее судами, удобности нет, потому с командующим турецкой эскадры Кадыр-беем послали мы по нескольку пушек с десантом, который с моей стороны поручил я в начальство означенному капитан-лейтенанту Шостаку, дав ему инструкцию с полным о подробностях наставлением, и все надобное к нему от эскадры за ним же доставлено с наивозможной поспешностью; таковые доставления на неближнее расстояние чрез весьма высокие каменные горы, овраги и сплошные острые каменья почитались невозможными, но при ревностном рвении десанта и трудящихся в доставлениях преодолено все препятствующее, пушки и прочие тягости большею частию перенесены на плечах; тому ж примеру следовал и турецкий десант, под начальством Фатих-бея состоявший, пушки их туда ж доставлены и устроены нашим и турецким десантами две батареи на выгодных местах в самой ближней дистанции против крепости, и для диверсий со стороны моря велел я действовать фрегату «Счастливому» и судну «Панагия Апотуменгана» и предупредительно послать требовать от коменданта сдачи крепости; в оба оные места ответствовано, что крепость до последней крайности ни под каким видом сдана не будет; тогда, по доставлении от меня с эскадры сделанных для штурма крепости лестниц, первое число октября при начале рассвета началась с батарей беспрерывная канонада по крепости, с которой с равной живостию ответствовано; но как крепость к стороне батарей возвышенная по видимости открыта, то в самой скорости показались в ней многие повреждения и несколько человек убито, осажденные устрашены поспешными действиями и видимостию готовящегося штурма, в 12-м часу пред полуднем спустили на крепости французский флаг и, выставя в двух местах

белые флаги, требовали договора.

Командиры десантные согласовались с нашим желанием, чтобы остров освободить без потери наших людей и крепость принять на условиях; комендант по договору своему сдал оную капитан-лейтенанту Шостаку, гарнизон с военною почестию вышел из крепости, положа ружье, и взят для препровождения его в Анкону или в Марсель, куда удобнее. Остров Цериго, по установлении на нем правления до воспоследовавшей высочайшей конфирмации, отдан на свободное распоряжение жителям, которые обоим командующим эскадрами с своей стороны дали по прошениям своим обязательства о выполнениях, к тому касательных.

Французский гарнизон состоял в крепостях, в первой малой крепостце с одним начальником унтер-офицером и рядовых тридцать шесть человек, из которых убито два, в плен взято на эскадры пятнадцать, прочие бежали в большую крепость, Капсали именуемую, в которой находилось французского гарнизона комендант один, доктор один, офицеров четыре, унтер-офицеров и рядовых шестьдесят девять, из оных убито семь, а прочие взяты военнопленными; флаги с обеих крепостей и ключи капитан-лейтенантом Шостаком представлены ко мне; а как все действия против оных крепостей чинены были общими силами соединенных эскадр, потому из оных один флаг – всеподданнейше подношу вашему императорскому величеству, а другой командующий турецкой эскадрой представляет к Блистательной Порте Оттоманской.

Для предохранения крепостей оставил я в крепости Капсали Буаселева баталиона поручика Диаманти и с ним унтер-офицеров и рядовых одиннадцать, толикое ж число людей с одним офицером оставлено и с турецкой эскадры; в прочем, в приумножение караула к охранению означенных крепостей, начальником в них остающимся поручиком Диаманти и турецким офицером браты будут во оные из обывателей, столько человек, сколько когда вознадобится; пушек в крепостях состоит в первой маленькой – одиннадцать, во второй, Капсали именуемой, двадцать.

Осмеливаюсь всеподданнейше донесть вашему императорскому величеству – командующий российским десантом флота капитан-лейтенант и кавалер Шостак рачительной расторопностию, искусством и рвением при неустрашимой храбрости исполнил все поручаемое мною по моим приказаниям весьма удачно и исправно, и крепости взяты безо всякой потери людей с нашей стороны, который в поданном ко мне рапорте рекомендует определенного от меня к нему для

советов из отлично достойных офицеров лейтенанта Тизенгаузена, объясняя, что он полезными советами и неустрашимой храбростию много подал способов к скорейшему овладению крепости; Скиперова баталиона капитан Никонов, лейтенанты Бакман и Навроцкий участвовали во всех действиях со всякой расторопностию и храбростию неустрашимо, майор Дандрия, капитан из волонтеров Кирко и все господа офицеры, находящиеся с ним в десанте, исправляли должность свою с отличной исправностию и рачением, артиллерии лейтенант Ганфельд с рачительной расторопностию при неустрашимой храбрости действовал артиллериею с отличной исправностию; десантное войско с кораблей и фрегатов унтер-офицеров и рядовых, из трех сот состоящее, с неустрашимой храбростию и рвением исполняли должность свою рачительно, готовились и нетерпеливо желали иттить на штурм крепости; командир фрегата «Счастливого» флота капитан-лейтенант Белле от стороны моря действием навесными выстрелами в крепость помоществовал десанту и все повеления мои выполнял исправно с наивозможной расторопностию.

Командующий турецкой эскадрой Кадыр-бей, с своей стороны, для поощрения десанта и способного действия не упустил также вспоможение туда доставлять, и с их стороны десантом, под начальством Фатих-бея состоящим, оказываемы были неустрашимые действия и всякие исполнения с расторопностию, чем заслуживают похвалу.

В десанте их против крепости находилось разных чинов двести пятьдесят человек. Какого содержания письма мои посланы в разные прежде бывшие Венецианские острова для приглашения жителей оных, и жителям острова Цериго дано от меня и от командующего турецкой эскадрою Кадыр-бея письмо на российском, турецком и греческом языках с нашей подпискою и печатью, копии со оных и письмо, поданное ко мне от жителей острова Цериго, оригиналом всеподданнейше подношу вашему императорскому величеству и доношу – по эскадре обстоит благополучно.

Вице-адмирал Ушаков

Остров Китира (Цериго). *Гравюра 1800 г.*

Рапорт Ф. Ф. Ушакова Павлу I об освобождении от французов островов Кефалонии и Св. Мавры[136] и о следовании соединенной эскадры к о. Корфу для его блокады

21 октября 1798 г., корабль «Св. Павел»

14 числа сего м-ца послал я из эскадры, мне вверенной, в отряд корабль «Св. Троица», фрегаты «Сошествие Св. Духа» и «Счастливый» под начальством флота капитана второго ранга Поскочина и с ними же от турецкой эскадры послан один фрегат в остров Кефалонию, дав ему инструкцию при моем повелении оной остров от французов освободить и принять в наше распоряжение. 18 числа послал я также в отряд к острову Св. Мавры корабль «Св. Петр» и фрегат «Навархию», поруча с ней в начальство флота капитану первого ранга Сенявину, и из турецкой эскадры с ним же посланы один корабль и фрегат с таковым же от меня повелением оный остров от французов освободить и принять в наше распоряжение.

Из острова Кефалонии получил я уведомление, что французы, устрашась видимостию следующей к острову эскадры и будучи притеснены жителями, бежали в горы и там укрываются, за

которыми от эскадры нашей послан десант для отыску, также и жители соединились со оным и обнадеживают в самой скорости забрать их пленными; и из острова Св. Мавры также получил я известие, что жители оного острова в городе подняли российский флаг и с нетерпеливостию ожидают прибытия нашей эскадры, дабы вместе со оною истребить французов и отдать себя с покорностию в покровительство союзных держав.

20-го числа послал из вверенной мне эскадры в отряд корабли «Захарий и Елисавета», «Богоявление Господне» и фрегат «Григорий Великий Армении» к острову Корфу, с ними же посланы от турецкой эскадры один корабль и два фрегата, и предписал я командующему оного отряда флота капитану первого ранга Селивачеву, как наискорее поспешить к острову Корфу, и оный до прибытия соединенных эскадр наших обложить блокадою и никаких войск в прибавок к гарнизону и заготовления провианта не допускать, стараться всякие французские суда сыскивать и брать в плен и особо наблюдать, как известно по сведениям, что с прибавочным войском ожидается в Корфу один фрегат из Анконы с несколькими судами, чтобы его никак не упустить и стараться взять в плен. А за сим по исправлении надобности при острове Занте 21-го числа с оставшими судами эскадры, мне вверенной, вместе с турецкою эскадрою отправились мы в остров Кефалонию на самое малое только время, а оттоль имеем следовать прямо к острову Корфу. О чем сим всеподданнейше вашему императорскому величеству доношу.

С подлинным верно

вице-адмирал Федор Ушаков

Из рапорта Ф. Ф. Ушакова Павлу I о взятии о. Занте с представлением к награде отличившихся при занятии крепости

21 октября 1798 г.

С соединенными эскадрами следуя при противных ветрах, 13-е число сего м-ца приближались мы к острову Занте, я с эскадрою, мне вверенной, будучи напереди, послал предупредительно к городу Занте под крепость оного острова фрегаты «Григорий Великия Армении» и «Счастливый» под начальством флота капитан-лейтенанта и кавалера Шостака, дав ему инструкцию с полным наставлением о действиях против крепости, приказал наперед сбить батареи на берегу, французами устроенные, за

ними же послал на гребных судах со всей эскадры, со мною следующей, десант, поруча его Скиперова баталиона майору Иванову под главное начальство и распоряжение означенного капитан-лейтенанта Шостака; с турецкой эскадры также послан десант с лейтенантом российского флота Метаксою; а как жителям острова предупредительно послано было от нас письмо с приглашением их ко освобождению острова действовать с нами вместе против французов, посему они ожидали нас, будучи уже готовыми, и во множестве и с первейших жителей острова Занте приехали на лодках к нам на встречу и с великим желанием, усердием и ревностию приняли нас, яко избавителей их бедствия; я дал им флаг вместо знамя и приказал нимало не медля весь народ островских жителей вооружить и быть готовыми к действию вместе с нашим десантом, что с великим удовольствием рачительно ими исполнено; десант наш при высадке в рассуждении неудобного места, когда гребные суда за мелкостию и каменьями не могли близко пристать к берегу, жители острова сбежались к тому месту во множестве, бросились в воду и, не допустив солдат наших и турок переходить водою, усильным образом и с великою ревностию неотступно желали и переносили их на берег на руках.

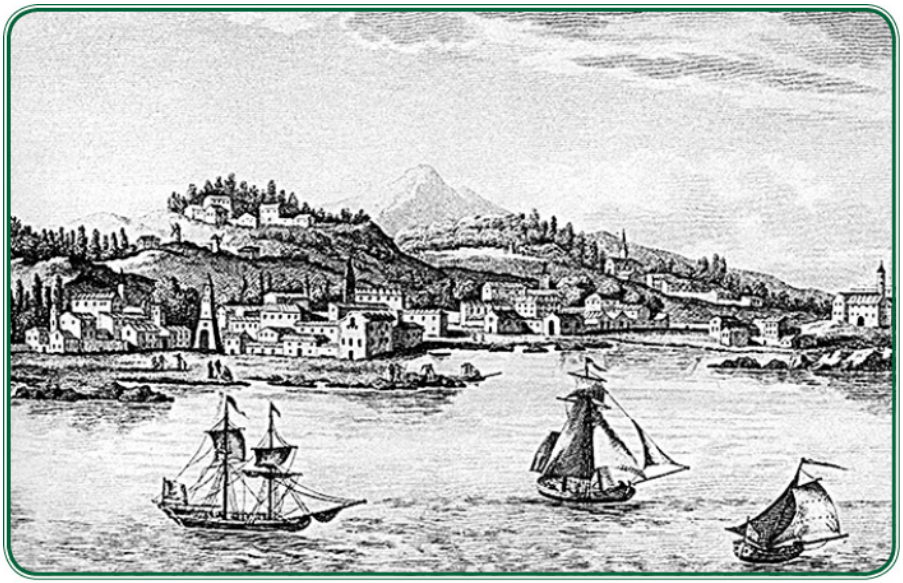
Между тем фрегаты «Григорий Великия Армении» и «Счастливый» несколькими выстрелами береговые батареи, французами устроенные, сбили, побежденные в них французы бежали в крепость при городе Занте, на вершине весьма высокой горы состоящую, в ней заперлись и стреляли из пушек и из мортир по нашим фрегатам, а как с судов по оной крепости в рассуждении ее высокости стрелять неудобно, потому и приказал я сигналом оным фрегатам бои прекратить и отдалиться, послал к капитан-лейтенанту Шостаку повеление: тот же час собрать вооруженных жителей в одно место и с ними вместе итти атаковать ее и взять штурмом и отнюдь не допустить французам дать к приему оного приготовиться.

Все сие исполнено с наилучшим порядком и поспешностию, десант наш с жителями окружили крепость и в следующую ночь штурмовать оную были готовы; французы, устрашась поспешных сильных приуготовлениев, не имея надежды оборониться против оного, не ожидая на них нападения, в 11-м часу ночи прислали к командующему десантами капитан-лейтенанту Шостаку просить принять крепость от них на договор, что им и исполнено. 14-е число французы из крепости вышли с военною почестию, положили ружье и отдались по договору командующему десантом пленными, крепость от них принята победителями, ключи от оной, флаг французский представлены ко мне…

Осмеливаюсь всеподданнейше донесть вашему императорскому величеству: командующий российским десантом флота капитан-лейтенант и кавалер Шостак расторопным и исправным действием против батарей и управлением десанта против крепости выполнил повеления мои во всякой точности удачно с великой пользою, так что французы, бежавшие с батарей в крепость и находящиеся в оной, никаких распоряжениев своих и предприятиев исполнить не успели, объяты будучи страхом, отдались на договоре без бою и с нашей стороны безо всякой потери, чем показал себя отлично храбрым с неустрашимостью; в поданном ко мне рапорте рекомендует он в сем действии отличившихся ревностию и усердием лейтенанта Тизенгаузена, которому поручено было от него высаживать на берег десант, что он и выполнил с великой поспешностью и советами своими к скорейшему взятию крепости подавал довольные способы и во всех исполнениях оказал себя ревностным, усердным с отличностию, майор Иванов также при высадке десанта оказал себя расторопным и ревностным, содержал команду десантную в наилучшем устройстве и распоряжениях к побеждению неприятеля; лейтенанты Навроцкий, Бакман, Метакса, баталионные капитаны Бричев и Кикин поступали с великим усердием и отличной ревностию, артиллерии лейтенант Ганфельд и мичман князь Шахматов возлагаемое на них поручение исполняли с отличным усердием и исправностию, также и прочие офицеры и служители, равно и с турецкой стороны десантные войска должность по знаниям своим исполняли весьма ревностно и расторопно, чем и заслуживают похвалу; все действия и предприятия производимы мною общо с командующим турецкой эскадрою Кадыр-беем и общим согласием с усердием и ревностию, о чем сим всеподданнейше доношу…

С подлинным верно

вице-адмирал Ушаков



Аргостоли (Аргостолион) — главный город острова Кефалония. *Гравюра второй половины XIX в.*

Ордер Ф. Ф. Ушакова лейтенанту Рябинину о соблюдении справедливости при сборе денег с местного населения

27 октября 1798 г.

С откупщиком разных сборов Стефаном Фока расчет за его содержание сего октября по 20 число сделан и кончен, по которому остались должны ему разные люди, которые сих сборов не заплатили, всего суммою до девяти тысяч пиастров[137]. Счеты и списки по оным делам отданы Илье Звороно, и сбор оных денег поручено сделать ему, о чем от меня и к графу Константину Хорафе писано.

Предписываю вам в оных сборах денег, если кто в заплате их будет противиться, или будут ослушны, когда требовано будет Ильею Звороно от вас вспоможение к понуждению, сноситесь об оном с графом Хорафою и по его о том распоряжению, ежели необходимость понудит, давать по вашей части всякое вспомоществование по обыкновенным их о таковых сборах правилам, какие прежде всегда в таковых случаях были производимы; не иначе производите, как только по определению и по желанию графа Хорафа; ежели он рассмотрит за нужное, кого должно понудить таковыми правилами, то исполняйте сие

именем его правительства здешнего приказанием, а не нашим.

А ежели и за сим кто будут упрямы, таковым объявите мое приказание, что они должны непременно, что следует, заплатить безотговорочно, разве окажется, с кого будут требования несправедливы, то рассмотрите справедливо и поступайте по оному, дабы отнюдь никто напрасно обижены не были, или же кто по сущей справедливости окажется совершенно бедным и неимущим и заплатить не сможет, таковым должно оказать снисхождение и уважить все, что можно.

Рапорт Ф. Ф. Ушакова Павлу I об освобождении от французов о. Кефалония, о числе пленных и трофеев с представлением отличившихся при занятии крепостей острова

29 октября 1798 г.

После всеподданнейшего донесения моего вашему императорскому величеству октября от 21 дня о взятии крепости в острове Занте и отправлении от соединенных эскадр в разные места отрядов, с остальными 23 число по прибытии в остров Кефалонию, получил я донесение от командующего отрядом флота капитана 2 ранга Поскочина и от прежде бывших в нашей службе жителей оного острова капитан-лейтенанта Спиро Ричардопуло и лейтенанта и кавалера Антона Глези[138], которым предупредительно даны от меня были предписания о скорейшем освобождении тамошних крепостей от французов, что все бывшие в них французы, как мною уже всеподданнейше донесено, бежали и укрываются в горах и местах неприступных, посланный от нас десант и жители острова, отыскав их, переловили и доставлены на эскадру; остров Кефалония от французов освобожден и, по установлении на нем правления, сходно на том же основании, как и остров Занте, до воспоследующей высочайшей конфирмации отдан в свободное распоряжение жителям; французский гарнизон состоял в двух крепостях сверх прежде бежавших, из оного взятых в плен разных чинов 197 человек, в том числе офицеров 10, пушек чугунных на крепости всего разного калибра 24, медных полевых 3-фунтовых 2, мортир 48-фунтовых медных 2, на крепости остальные пушки чугунных разного калибра 16; медных полевых 3-фунтовых 2, мортир 48-[фунтовых] медных 2, на батарее Понта-Сан-Пера от города Аргостоли, на мысу рейда состоящей, пушек чугунных 24-фунтовых 4, медная артиллерия и частию годные снаряды взяты на эскадры, а прочее оставлено с крепостях для охранения городов Аргостоли и Ликсури; по

неотступной жителей просьбе оставил я из авизов для содержания необходимо надобных караулов к спокойствию жителей солдатских батальонов офицера 1, унтер-офицера 1, гренадер и фузелер 10, барабанщика одного, канонир двух, толикое ж число при одном офицере оставлено и с турецкой стороны, к ним в прибавок для содержания караула определено будет потребное число выбранных из жителей острова.

Осмеливаюсь всеподданнейше донесть вашему императорскому величеству: командующий отрядом судов при Кефалонии флота капитан 2 ранга Поскочин расторопным и ревностным распоряжением с наилучшей деятельностью и усердием к службе вашего императорского величества выполнил все мои повеления исправно, старался успокоить жителей в разных их между собою распрях и привесть все в надлежащий порядок.

В поданном рапорте рекомендует он командовавшего десантом флота капитан-лейтенанта Литвинова и мичмана Македонского за доброе распоряжение и скорое выполнение в подъемлемых ими трудах с малым количеством солдат, в десанте с ними бывших; также рекомендует находящихся на другом берегу и занявших караул морских батальонов за штаб-капитана поручика Поджио, мичмана Тухаева и волонтера Шелковникова – за исправное содержание в главном городе караула и в некоторых несогласиях жителей восстановлена ими тишина и спокойствие; и особо с отличностью [отдает] справедливость в ревностном усердии и спомоществовании жителям в освобождении острова от французов прежде бывших во флотской вашего императорского величества службе капитан-лейтенанта Спиро Ричардопуло, лейтенанта и кавалера Глези, майора Андрея Ричардопуло, лейтенанта Луки Фоки и прапорщика Герасима Фоки, из которых Спиро Ричардопуло и лейтенант Глези по моим к ним письмам предупредили все деятельности, подвергая себя от французов великой опасности, от которой собранными достаточным числом жителей едва освободились, и все предписания мои, им предупредительно посланные, выполнили с отличной ревностию и усердием; при установлении мною общо с командующим турецкой эскадрою Кадыр-беем в оном острове надлежащего порядка и узаконения 29-е число отправились мы с эскадрами к острову Корфу, а пленных французов, взятых в острове Кефалонии, послали на двух фрегатах в полуостров Морею, о чем вашему императорскому величеству всеподданнейше и доношу.

Флаги французские, взятые с крепостей острова Кефалонии, один при первой верной оказии буду иметь счастие всеподданнейше представить вашему императорскому

величеству, а другой отдан мною командующему турецкою эскадрою Кадыр-бею для представления его султанскому величеству.

Письмо Ф. Ф. Ушакова Али-паше Янинскому с извещением о принятии жителей города Парги под защиту и покровительство России и Турции

29 октября 1798 г., корабль «Св. Павел» у о. Св. Мавры

Жители города Парги прислали ко мне своих депутатов, прося от союзных эскадр помощи и защиты противу покушений ваших их поработить. Ваше превосходительство угрожаете им теми же бедствиями, которые нанесли войска ваши несчастным жителям Превезы.

Я обязанным себя нахожу защищать их, потому что они, подняв на стенах своих флаги соединенных эскадр, объявили себя тем под защитою союзных империй. Я, с общего согласия турецкого адмирала Кадыр-бея, товарища моего, посылаю к ним отряд морских солдат с частью турецких войск, несколько орудий и военное судно.

Узнал я также, к крайнему моему негодованию, что при штурмовании войсками вашего превосходительства города Превезы вы заполонили пребывавшего там российского консула, майора Ламброса, которого содержите в галере вашей, скованного в железах. Я требую от вас настоятельно, чтобы вы чиновника сего освободили немедленно и передали его посылаемому от меня к вашему превосходительству лейтенанту Метаксе; в противном же случае я отправлю нарочного курьера в Константинополь и извещу его султанское величество о неприязненных ваших поступках и доведу оные также до сведения его императорского величества всемилостивейшего моего государя.

Али-паша Тепеленский, или Янинский
(1741—1822)

Али-паша Тепеленский (1741—1822), которого иногда называют Телепинским, номинально являлся вассалом Османской империи, но фактически самостоятельно правил территорией, на которой сейчас находятся современные Албания и часть Греции. Он держал в подчинении свои владения, не гнушался жестких мер, однако при нем процветали ремесла и торговля, так что среди европейцев Али-паша слыл искусным правителем. Прославился он и тем, что в отношениях с европейскими державами постоянно изменял взятым на себя обязательствам.

Письмо Ф. Ф. Ушакова Нельсону с извещением об освобождении от французов островов Цериго, Занте, Кефалония, Св. Мавры и начатой блокаде о. Корфу

3 ноября 1798 г., корабль «Св. Павел» у о. Св. Мавры

Чрез отправленные нарочно суда прошлого августа 31-го из Буюк-Дере и 12 сентября из Дарданелл писал я к вашему превосходительству о соединенных Российской и Блистательной Порты турецкой эскадрах и о предприятиях, какие мы исполнять положили. Ныне также долгом поставляю известить, что мы острова, прежде бывшие венецианские: Цериго, Занте, Кефалонию и Св. Мавры, тоже и все прочие малые острова действиями нашими от французов освободили и учредили на них правления до воспоследования высочайшей конфирмации, оставив их под нашей защитой, равно и берег, где было венецианское владение, от французов освобожден же.

Остров Корфу достаточным от нас отрядом содержится в тесной блокаде, и мы с остальными судами эскадр наших, на сих днях, взяв боем от французов крепость Св. Мавры и установив в оном острове, равно как и в прочих, все потребное, поспешаем идти к о. Корфу и, соединясь там с нашим отрядом, будем стараться о взятии оного, а также и о защите от десанта берегов Венецианского залива, если в том случится надобность.

Прошу покорнейше ваше превосходительство известить меня благосклоннейшим вашим уведомлением о местопребывании вашем с английскою эскадрою и какие вами в той стороне

чинятся предприятия и деятельности, равно и о том, получены ли мои прежде отправленные к вам письма. Рекомендую себя в благоприятство и дружбу вашего превосходительства и проч.

Письмо Ф. Ф. Ушакова адмиралу Кадыр-бею с препровождением к нему турецких моряков, задержанных за грабеж и насилия над жителями острова Св. Мавры, с требованием их наказания и принятия мер к поднятию дисциплины на турецких кораблях

5 ноября 1798 г., корабль «Св. Павел» при о. Св. Мавры

Препровождаю при сем к вашему превосходительству пять турок команды корабля капитана Ибраима, приведенных ко мне сейчас чиновником островской депутации: они пойманы и обезоружены в прошедшую ночь поселянами в садах и поместьях дворянина Ставро и причинили там грабежи и буйства, столь ужасные, что жители тех мест принужденными нашлись прибегнуть к оружию для защиты собственности и семейств своих от наглости их.

Шайка их, по сведениям, до меня дошедшим, простиралась до 30 человек, из коих большая часть укрылась в горе Энглуви[139], где, вероятно, намеревается основать вертеп своего разбоя.

Таковые поступки подчиненных вашему превосходительству команд вынуждают меня отсторонить впредь турок от всякого содействия, опасаясь, чтобы они поведением своим не расстроили вовсе начертанного плана похода и не отдалили нас от великодушной цели государей наших, столь ясно и торжественно в воззваниях их ознаменованной. Можем ли мы угнетенным жителям края сего обещать независимость, уважение к религии, сохранение собственности и, наконец, освобождение от ига французов, общих наших неприятелей, когда поступками нашими будем отвергать даваемые нами обещания.

По личному моему почтению к особе вашего превосходительства и во уважение просьбы отличаемого мною капитана Сенявина, я беру на себя о сем неприятном происшествии умолчать в донесениях к высочайшему двору. Зная при том строгость законов его султанского величества в подобных случаях, я на сей раз довольствуюсь тем, чтобы виновники для примера были строжайше наказаны и чтобы приняты были меры к поиску остальных товарищей их, укрывающихся на острове[140].

Я приглашаю ваше превосходительство подтвердить подчиненным вам флагманам и капитанам, чтобы наблюдаема была наистрожайшая дисциплина и чтобы команды оказывали совершенное повиновение начальникам своим. Сверх сего не оставите вы предписать по вашей эскадре следующее:

1-е, во всех отрядах, назначаемых в десант, выбирать людей доброго поведения, приставляя к ним лучших и исправнейших офицеров, за поведение коих должны ручаться и отвечать начальники.

2-е, строжайше запретить туркам отлучаться самовольно в города и селения по своим надобностям, а увольнять определенное токмо число единовременно и без оружия, под присмотром исправных урядников; возвращаться им на суда не позже захождения солнца. Не являющихся в срок наказывать строго и не отпускать впредь на землю.

3-е, подтверждать нижним чинам, сколько можно чаще, чтобы обходились с обывателями ласково, не причиняя никому обид; гулять по островам смирно и не требовать от жителей ничего, а еще менее наглым образом, а, напротив, стараться поведением своим снискать их дружбу и доверенность.

4-е, десантным войскам отпускать исправно в сроки положенное количество провианта и всякого рода продовольствия, дабы они не находили себя принужденными требовать снабжения своего силою от островских жителей.

В заключение всего необходимо нужно вашему превосходительству отличать и награждать исправных и послушных для поощрения прочих.

Из рапорта Ф. Ф. Ушакова Павлу I о взятии крепости Св. Мавры с сообщением имен отличившихся

7 ноября 1798 г., корабль «Св. Павел»

При отправлении соединенных эскадр из острова Кефалонии получил я рапорт от командующего отрядом нашим для взятья и освобождения от французов острова Св. Мавры флота капитана первого ранга Сенявина, коим уведомляет, что французы, более пятисот сорока человек состоящего гарнизона, заперлись в крепости весьма на выгодном месте, крепко устроенной, окруженной с двух сторон водою, а с других двух широкими, большей частию водяными, рвами и вооруженною артиллериею, исправно делают жестокое сопротивление и при таком выгодном сопротивлению их местоположении при всех старательностях

устроенными батареями в скором времени крепость взять полагает невозможно и просит подкрепления.

Почему и решился я общо с командующим турецкой эскадрою Кадыр-беем послать от нас в отряд к острову Корфу в подкрепление находящейся там нашей эскадре корабль «Святую Троицу», два турецкие фрегата и один корвет, а мы с достальными: я с двумя кораблями и двумя фрегатами, Кадыр-бей с двумя кораблями, одним фрегатом и двумя корветами 31 число октября прибыли на рейд острова Св. Мавры.

Тот же день осматривали мы с возвышенных берегов, окружающих крепость, крепостное строение и батареи, отрядом нашим устроенные на матером берегу, сделана батарея турецким отрядом с двумя пушками, а на острову в разных удобных местах построены российскими войсками три батареи с четырью картаульными единорогами и четырью ж осьмнадцатифунтовыми пушками; в виду нашем продолжалась жестокая канонада по крепости и со оной ответствовано во все стороны с такою же живостию, хотя батареи наши в неблизкой дистанции от крепости, но пальба производима была весьма исправно, в короткое время при обозрении нашем, кроме пушечных выстрелов, несколько бомб, брошенных из единорогов, в самой средине крепости взорвано; лестницы для штурма крепости и фашины к тому застал я в достаточном количестве уже готовых, и тот же час приказал в городе и во всех деревнях острова публиковать, чтобы все жители острова, в самой скорости вооружась, были бы в соединение с нами для атаки крепости, по которой на другой день собралось множество народу вооруженного.

К французам послал я в крепость письмо, объясня все подробности, что они никакой надежды не имеют, откудова бы им могла быть помощь, а притом известно, что имеют они малое число провианта и потому долго в крепости держаться не могут, чтобы крепость непременно они сдали на договоры с обещанием им честных кондициев, а в противном случае, ежели сдачею крепости замедлят, тогда никакой пощады ожидать не должны, но они прежде получения моего письма, встретясь с нашими посланными, отдали от своего совета письмо командующему отрядом нашим капитану Сенявину и предлагали о сдаче крепости договоры, но весьма несоответственные нашим, какие к ним посланы.

1-е и 2-е числа продолжались переговоры со обеих сторон между уполномоченными, в ночи на третие число флота капитан Сенявин представил ко мне при рапорте капитуляцию, сделанную и подписанную им и уполномоченными комиссарами от военного

совета французского гарнизона, в крепости состоящего: 1-е – что крепость Святыя Мавры сдается ему в состоянии, в котором ныне она находится со всеми пушками, амуницией, провиантом и прочим; 2-е – гарнизон выйдет со всеми воинскими почестями 5-е число сего месяца и во сто саженях от гласиса[141] положит ружье, одни только офицеры останутся при своих шпагах или саблях; 3-е – гарнизон отдается военнопленными, и при первом размене будут разменены первым разменом пленных между Российской империей и правлением французским, гарнизону будет позволено взять с собою собственное свое имение, и даны будут способы перевоза, с вышеупомянутым гарнизоном поступлено будет с благоприятством и с человеколюбием, и в плену содержаны будут без утеснения…

О. А. Кипренский. Портрет графа Федора Васильевича Ростопчина. *1809 г.*

Осмеливаюсь всеподданнейше донесть вашему императорскому величеству об отличившихся ревностию и усердием: командующий отделенным от эскадр наших отрядом флота капитан первого ранга кавалер Сенявин при взятье крепости Св. Мавры исполнил повеления мои во всякой точности во всех случаях; принуждая боем оную к сдаче, употребил все возможные способы и распоряжения, как надлежит усердному, расторопному и исправному офицеру с отличным искусством и неустрашимой храбростию; капитан-лейтенант Савицкий высадил на берег десант, с поспешностию помогал советами своими

устраивать батареи и понуждать крепость к скорейшей сдаче, при действиях был с довольным мужеством и храбростию; Скиперова баталиона капитан Бричев также высаживал на берег десант, содержал десантную команду баталионных служителей в дисциплине и добром порядке и поступал с мужеством и храбростию неустрашимо; поручики Бриммерова баталиона Александер, Буаселева баталиона Маслов, подпоручики Бриммерова баталиона Сомов, Приказной, прапорщик Скиперова баталиона Рутковский поступали усердно и ревностно и в ночное время в случавшихся шермициях[142] оказали себя храбрыми; артиллерии лейтенанты Томашевский, Худяков и констапель Андреев устраивали батареи, командовали оными и действовали артиллериею весьма исправно, показали себя храбрыми с неустрашимостию; мичмана Абруцкий первый, Языков, Самарский-Быховец, Вангели, Панков и Замятин в доставлении с кораблей артиллерий и снарядов оказали себя расторопными и возлагаемое на них поручение исполняли с усердием и ревностию; волонтеры из островских обывателей Влезапуло Палеологус, Леаньдер и Яни Царе всегда были впереди, обозревали в ночные времена крепость, положение места, были в шермициях, показали себя усердными и храбрыми, равно и все находившиеся в десанте войска российские, каждый по званию своему, исправляли должность ревностно и усердно с обыкновенной храбростию; турецкие войска, в десанте бывшие, командующие оными и рядовые должность свою исправляли ревностно, усердно и были храбры с неустрашимостию; все действия и распоряжения соединенными эскадрами производятся мною общо с командующим турецкой эскадрой Кадыр-беем дружелюбно с успехами, ревностию и усердием.

Французский флаг с крепости и одно знамя французского военного гарнизона при первой верной оказии буду иметь счастие всеподданнейше представить вашему императорскому величеству, а другое знамя оного ж французского военного гарнизона препроводил я к командующему турецкой эскадрою для представления его султанскому величеству.

По установлении при острове Святыя Мавры порядка и узаконения отправились мы с соединенными эскадрами к острову Корфу; из эскадры, мне вверенной, корабль «Святый Петр» и фрегат «Навархия» оставлены на малое время для забрания с берега свезенной с судов артиллерии, припасов и снарядов, также и что можно успеть взять из крепости. О чем вашему императорскому величеству сим всеподданнейше и доношу.

С подлинным верно вице-адмирал Ушаков

Письмо Ф. Ф. Ушакова управляющему коллегией иностранных дел Ф. В. Растопчину с просьбой принять город Паргу под покровительство союзных держав

Между 6 и 10 ноября 1798 г.

Наичувствительнейшие неотступные просьбы депутатов Парги убеждают меня писать к вашему высокографскому сиятельству и рекомендовать их в покровительство и милость вашу. С прибытия моего с эскадрою к островам Венецианским, как скоро остров Занте освободили мы от неприятеля, первые явились ко мне знатнейшие обыватели Парги, прося принять их под защиту и в покровительство его императорского величества, яко верноподданнейших и вернейших слуг.

Они убеждали меня дать им позволение поднять на своей крепости российский императорский флаг. Я на сие согласился с тем, чтобы подняты были флаги обеих союзных держав, и дал им обнадежение, что они будут соединены с островами, нами освобожденными. Разные происходили происки от Али-паши Янинского, но все обыватели Парги, в присутствии командующего турецкою эскадрою вице-адмирала Кадыр-бея, турецкого министра Махмуд-эфендия и бывшего вместе с ним чиновника от Али-паши, объясняясь на сей счет, единогласно и решительно им объявили, что они себя ни под каким видом под турецкое владение не отдадут, сказав именно следующие слова: «Ежели командующие соединенными Российскими и Порты Блистательной эскадрами адмиралы не возьмут нас под свое покровительство и не причислят к прочим островам, в таком несчастном случае предпочитаем мы смерть, и, чем дойти до сей крайности, мы лучше перережем всех своих жен и детей; ежели же Али-паша захочет взять нас силою, то мы будем драться с ним до тех пор, покуда все до последнего умрем с оружием в руках!»

Таковая их твердость и отчаяние понудили нас с Кадыр-беем примять их с надлежащим обнадежением под покровительство наше. На крепости их развеваются оба флага, которые хранят они, как жизнь свою, и не согласятся никогда оные оставить. Нельзя видеть без слез отчаяния их и преданности к нашему государю. Обо всех обстоятельствах, касательно Парги, относился я всегда подробно в Константинополь к г. полномочному министру и кавалеру Томаре и просил его об них ходатайствовать наравне с прочими островами.

По убедительной просьбе паргиотов и, зная, сколь ваше сиятельство, любя отечество свое, сами цените всех тех, кои свято сохраняют добродетель сию, я осмеливаюсь вверить участь

храброго сего народа вашему попечению. Я не могу не засвидетельствовать, что во всем здешнем крае не нахожу я столь основательно твердых людей, с беспредельною приверженностью и более желающих подданства его императорскому величеству; но, как сие по обстоятельствам невозможно, в таком случае ищут они высочайшего милосердия и благоволения: причислить их к островам, прежде бывшим Венецианским, на тех же правах, на каких останутся сии.

Я не осмеливаюсь ласкать себя надеждою, может быть, сие уже поздно, но люди сии в таком отчаянии, что не знают, что делают. Между страха и надежды решились они послать депутата в Санкт-Петербург со всеподданнейшим прошением к его императорскому величеству! Я не мог отказать неотступной последней их просьбе рекомендовать его в милость и покровительство вашего сиятельства. Письмо на греческом диалекте, от депутатов мне поданное, и перевод с оного при сем препровождаю и, в надежде милостивого вашего благоволения, с истинным и всегдашним моим к вам почтением и совершенною преданностью имею честь быть и проч.

Письмо Ф. Ф. Ушакова Г. Г. Кушелеву о желании населения освобожденных Ионических островов остаться под русским управлением, с просьбой о присылке на эскадру историографа, художника и переводчика

10 ноября 1798 г., корабль «Св. Павел» при Корфу

Почтеннейшее письмо вашего превосходительства сентября от 15 дня я имел честь получить. За благоприятство и дружеские вашего превосходительства советования приношу покорнейшую мою благодарность и буду стараться оными пользоваться. Благодарение всевышнему Богу, мы с соединенными эскадрами, кроме Корфу, все прочие бывшие Венецианские острова от рук зловредных французов освободили. Жители островов и матерова берега бывшие венецианские владения, греки, столь великую приверженность имеют к государю императору нашему, никак не можно описать оной.

Едва я только успокаиваю их, не хотят ничего общего иметь с турками, генерально в присутствии турок кричат: «Никакого правления мы не хотим, кроме русских, государь наш – император Павел Петрович! Не хотим никого над собою правителем, кроме русских». Политические обстоятельства понудили меня уговаривать их всячески, что государи наши

императоры послали нас единственно освободить вас от зловредных французов и сделать вольными на прежних правах до воспоследующей высочайшей конфирмации; ежели сим успокаиваю я их, так только имеют они ту надежду, что на будущее время непременно останутся под Россиею, а что воспоследует, знаю, что политические обстоятельства сего не дозволят, но как эти бедные люди после останутся, не знаю, на каких правах мы узакониваем их теперь и доставляем спокойствие; обо всем его императорскому величеству от меня донесено и всеподданнейше представлено, а затем следует высочайшая монаршая воля и благоволение.

К написанию исторического журнала и для исполнения беспрерывно множества письменных дел не имею с достаточными сведениями письмоводца-историографа, живописца и знающего хорошо рисовать, также и хорошего переводчика для письма с одного на другой разных языков. Всеподданнейше осмелился я просить его императорское величество и вас, милостивый государь, прошу покорнейше при удобном случае исходатайствовать сию высочайшую для меня милость, дабы чрез то мог иметь я облегчение и теряющее мною время на письмо обратил бы я на распоряжение и полезные действия, и повторяю покорнейшую мою просьбу не оставить, милостивый государь, вашим благоприятством и дружбою, по сим обстоятельствам меня облегчить, чем наичувствительно почту себя обязанным.

Письмо В. С. Томары Ф. Ф. Ушакову о целях и задачах внешней политики России по отношению к Турции

13 ноября 1798 г., г. Константинополь

Дозвольте мне, ваше превосходительство, в откровенности, которая должна существовать между нами, и при изъявлении душевного моего почтения к полезным и славным трудам вашим, открыть вам в тайне высшей степени, что намерение высочайшего двора есть стараться, чем можно более раздражить взаимно Порту и Францию; следственно, соблюдая с вашей стороны в рассуждении французов правила войны, вообще принятые, не должно понуждать к наблюдению их турков.

Пущай они, что хотят, делают с французами, и турецкий начальник, хотя в самом деле вам подчинен, но в наружности товарищ, может поступать с ними, как хочет: нарушение им капитуляции вам приписано быть не может, потому что отдающиеся гарнизоны в его расположении остаются

относительно отправления их восвояси или Турцию, а вам обременяться пленными не следует и невозможно.

Оставляя французов на произвол турков, должно сохранить прибежность к высочайшему двору греков во всей силе, называя положение ваше с ними должным и явным покровительством по единоверию, а их положение с вами должною и явною преданностию по тому же, и в сем притворяться нимало не следует. Турки должны чувствовать, что их в островах принимают единственно из уважения к вам, но при том как себя вести, чтоб они за сие были благодарны, прилежное уничтожение и самомалейшего сомнения, что мы хотим присвоить те острова, или что не с согласия Порты учредить будущий жребий их намерены, таковые чувства произвесть могут.

В областях на твердой земле, Али-пашою от французов освобожденных, если не установлены правления, приятные жителям или какие вы установили, то требуйте благоприятным образом, чтоб и сие было исполнено. Я уже о сем напоминал Порте, и писать обещано, но должно знать, что паша есть из числа мало ей послушных. Если Бог благословит подвиги ваши овладением крепости Корфу, то старайтесь, но весьма деликатным образом, ввести в оную гарнизон русский.

Надобно, чтобы обыватели оказали сильное отвращение впустить в крепость турков и чтобы или Кадыр-бей и Али-паша сами вас просили удовлетворить обывателям, или вы в удовлетворение турков испросили у обывателей оставить из них в крепости, для представления общей в оной стражи несколько человек албанцев-християн из подчиненных Али-паше и с ними одного или двоих из флотских турков.

Если сие затруднительно, то можно согласиться сперва на самую малую и равным числом стражу, а потом помещение в крепости для доброго воздуха на возвышенном месте военного лазарета послужит средством к введению туда в знатном числе русских. Такое же учреждение крепостной строгой службы, впуск в оную по билетам и в малом только числе приходящих, вами заводимые в виде доброго порядка и наставления самим туркам, неминуемо им наскучит и оставит крепость в совершенном расположении вашем.

Но все сие, еще повторяю, таким образом должно делать, чтоб не зародить подозрений и чтобы сам Кадыр-бей и Али-паша оправдали донесениями своими сюда поступки ваши. Все сие трудно, но не невозможно, судя по наклонности к нам обывателей, по отвращению их к туркам, которые можно сказать, что под покровительством нашим в тамошних местах находятся и по поведению вашему, милостивый государь мой, которым ваше

превосходительство предуспели до сего времени сохранить всею прибежность к нам греков и умножить доверенность Порты.

Возвращаясь к сказанному в начале сего письма, касательно заведения чем можно большей вражды меж Директорией и Порты, не заблагорассудите ли, ваше превосходительство, убедить Кадыр-бея и Али-пашу к сделанию десанта близ Анконы в границах Цизальпинской республики. Как турки одни могут воспользоваться добычею невольников, так одни и десант тот должны исполнить и разве только под прикрытием нашим.

Дело сие, если будет удачно и не должно неудачи рисковать, превеликий ропот и волнение произведет по всей Цизальпине и нацию турецкую заохотит к войне, чего, по несчастию, искать должно, ибо на действие черни турецкой нынешних отвлеченных войны причин долго полагаться не можно.

В рассуждении сей экспедиции к цизальпинским берегам уведомить должен, что Лондонский двор обнародовал повеления военным судам своим признавать все италиянские порты и суда областей, в зависимости французов находящихся, за неприятельские. А как и турки с Генуэзской республикой, с Папою Римским и Цизальпиною никогда в мире не были, а Франции объявили войну, то ваше превосходительство, яко командующий войсками союзной державы Англии и Порты, имеете право поступать с судами тех областей таким же образом, как англичане с ними поступают.

Директория назначила сюда послом известного Декорша, эмиссаром ее уже здесь бывшего и до того основание последней революции в Варшаве устроившего. Декорш имеет довольное число наперсников и знакомцев в Рагузе, в Скутаре, в Травнике и есть одно из опаснейших орудий коварной Директории. Должно считать, что он уже отправился из Парижа и пост свой для сношений с сообщниками имел взять в острове Корфу.

В Париже не знали еще, видно, определение эскадры вашей к островам Венецким и нахождения ее там помешает предположению его; но может статься, что, надеясь на сообщников своих, захочет он переехать в Травник или в Рагузу (а других мест к сближению к границам турецким он не имеет). Должно всячески стараться его захватить или по крайней мере узнать, когда он переедет и куда именно. Если попадется он вам в руки, то туркам не должны отдавать.

Он и в тюрьме у них опасен. По поводу прежнего употребления его в Польше противу нас, я требовал выдачи его от рейс-эфендия и повеления о заарестовании его на всей границе от Белграда до Дарданеллей посланы. Рейс-эфенди соглашается его отдать, но желает исполнить сие не в Константинополе.

Повеления об отдаче его Кадыр-бею, а сему об отдаче вам будут посланы. А как дела у Порты обыкновенно коснят[143], то и рассудил я уведомить вас о сем предварительно. Если бы случилось получить Декорша, то на первом попутном авизе следует отправить его в Черное море, а я к высочайшему двору представить ныне же имею об определении судьбины его далее.

Рагузейская республика подверглась уже два раза платежу контрибуций французам. Вооруженный корвет в тамошней пристани мог бы защитить их на впредь от подобного притеснения, поелику не сильнее того суда, показываясь пред пристанью, принуждают рагузейцев платить деньги. Нет нужды посылать туда российское судно, но, по согласию с Кадыр-беем, турецкое надлежало бы там держать и более еще для извещения о Декорше, нежели для ограждения Рагузейской республики, которая предложения моего принять несколько канониров турецких для своих пушек и к ним малую команду албанцев, чтобы тем от наглости малых судов оградиться, по сие время не исполнила.

На случай отправления к Египту судов, здесь влагаю описание неизвестной европейским мореходцам на берегах Египта способной к стоянию на якоре бухты, которые в тамошних морях весьма редки.

Ордер Ф. Ф. Ушакова Д. Н. Сенявину о немедленном следовании с отрядом судов на соединение с эскадрой для блокады о. Корфу

15 ноября 1798 г.

До крайности обеспокоиваюсь я с нетерпеливостию ожиданием в соединении к эскадре корабля «Св. Петра» и фрегатов «Навархию» и «Сошествие Св. Духа», а также и вновь идущих с лейтенантом Влито судов и чрезвычайно сожалею, что не взял вас вместе с собою. Ежели бы я знал обстоятельства, то не только велел бы бросить все, что есть в крепости, бросил бы пушки с «Навархии», бывшие на берегу, хотя бы кто там остался из служителей, все бы для меня гораздо лучше было.

Великую расстройку терплю я теперь от того, что не могу собрать судов моих в соединение и все порознь. Крепости Корфу держу я в тесной блокаде, на берег высадил десант, жители острова все с нами соединены, но корабли и фрегаты мои почти все порознь и от меня отделены; как скоро были бы вы здесь с теми судами, о коих я пишу, все бы пошло другим манером. А чрез медленность неприятели наши укрепились и укрепляются

бесподобно.

Я посылаю к вам нарочного курьера и предписываю по получении сего всеми возможностями старайтесь лавированием выйти из острова Св. Мавры и спешите в соединение к эскадре. Я не почитаю того, чтобы не можно было выйти лавировкою. Суда, которые с лейтенантом Влито, буде он в Мавре, выгоните его вон, зачем он тут зашел, шли бы они ко мне, к эскадре, хотя бы то порознь, и вы спешите подо всеми парусами, не дожидая один другого, кому как только поспеть можно.

Проходя против крепостей, малым судам, буде они пойдут одни, придержаться румелийской стороны, чтобы на выстрел крепостей не подходили, в рассуждении больших орудиев на крепостях. По приходе в Корфу можно тотчас усмотреть в проливе против крепостей крейсирующие наши корабли или стоящие на якорях, потому и считаю безопасно: корабль французский, от шарлатанства своего, будучи на ветре, выходит иногда от крепости и шарлатанствует одним видом, стреляет издали, не отдаляясь от крепости, а потом назад уходит.

Я нетерпеливо ожидаю только скорого соединения эскадры и повторяю вам – поспешите вашим приходом ко мне. Я стою с кораблем по северную сторону крепости за островком Видо, подле Лазаретного островка, недалеко от адмиралтейства.

Письмо Ф. Ф. Ушакова президенту острова Занте, графу Макри с благодарностью населению за приверженность к России

19 ноября 1798 г.

Милостивый государь мой!

Почтенное письмо ваше, и вместе с вами от всех прочих старшин и общества острова Занте писанное, и в нем приложенное к государю моему императору письмо я получил. За сделанную мне честь, признательнейшее приятство и учтивость, равно и в бытность мою за оказанную мне всем обществом всего острова, приношу признательную мою благодарность, приверженность всего общества, каковую я в бытность мою в Занте заметил.

Со всякой подробностию всеподданнейшим рапортом моим донес его императорскому величеству и описал ее с достаточной похвалою и полученное ныне мною на высочайшее имя письмо при первой оказии не премину доставить также его императорскому величеству. В прочем, лаская себя надеждою

иметь всегдашнее благоприятство и дружбу с градоначальниками и всеми жителями островскими, пребуду всегда к вам с таковым же благоприятством и искренней признательностью, которую прошу от меня опубликованием всем, к кому я пишу, известить.

Ордер Ф. Ф. Ушакова председателю комиссии на острове Занте майору Дандри и выборным судьям о необходимости беспристрастного расследования деятельности лиц, заподозренных в верности французам

26 ноября 1798 г.

Часто приходят ко мне с просьбами таковые люди, которые считались подозрительными в преданности к французам, и таковые, которые считались карманьолами[144]; а как мы всех бывших в погрешностях по таковым делам простили и всех островских жителей между собою примирили, потому и имения их от них или от родственников их отбирать не надлежит, разве таковых только, которые по особым каким обстоятельствам и по точному обличению и нежелательностям их о своем исправлении неминуемо подвержены какому штрафу и лишению, о таковых, буде они найдутся точно в весьма важных преступлениях, так что по какому-либо сумнительному полагаться в верности их уже невозможно, о таковых оставляю я рассмотрение и решительность сделать судьям, определенным и выбранным жителями, общо с комиссиею нашею положить об них мнения и резолюцию, но за всем тем полагаю лучше все, что можно, простить, нежели наказать, а особо, чтобы в числе виновных безвинные родственники их не страдали; предлагаю комиссии и судьям, избранным из обывателей, решение делать обо всех таковых справедливое и всевозможно стараться избегать напрасной обиды и притеснения, о чем наистрожайше делать рассмотрение, дабы какой-либо несправедливостию не подвергнуть себя суду Всевышнего.

Повеление Павла I, сообщенное адмиралом Г. Г. Кушелевым Адмиралтейств-коллегии, о награждении орденами личного состава эскадры Ф. Ф. Ушакова за взятие крепостей и французского гарнизона на о. Цериго

28 ноября 1798 г.

Его и. в., по получении донесения от вице-адмирала Ушакова

о взятии десантом, от эскадры его начальства отряженным, на острове Цериго двух крепостей и состоящего в оных французского гарнизона, во изъявление благоволения своего к начальным успехам в действии противу французов, распоряжению его вице-адмирала и к отличным подвигам бывших в действии том чиновников и всего десанта, всемилостивейше пожаловать соизволил: ему, вице-адмиралу, бриллиантовые знаки ордена Св. Александра Невского; командовавшему десантом капитан-лейтенанту Шостаку и действовавшему со стороны моря навесными выстрелами капитан-лейтенанту Белле ордена Св. Анны 2 класса, отличившим себя в действии майору Дандри, флота лейтенантам: фон Бакману, Тизенгаузену и Навроцкому, капитану Никонову, артиллерии лейтенанту Ганфельду ордена Св. Анны 3 класса и шпаги и капитану Кирко ордена же Св. Анны 3 класса и саблю; для бывших же в десанте нижних чинов служителей 300 знаков ордена Св. Анны, коих возложение на отличившихся и поручено высочайше ему, вице-адмиралу.

Макар Иванович Ратманов
(1772—1833)

Из исторического журнала Ф. Ф. Ушакова, который велся во время Ионической кампании 1798–1799 гг.[145]

Действия соединенных эскадр при блокаде острова и крепости Корфу

12 ноября – 3 декабря 1798 г.

Едва только прибыв с оставшимися судами соединенных

эскадр к острову Корфу, осведомясь от жителей обо всех обстоятельствах, касательных до крепостей ее, гарнизона, провианту и о прочем, главнокомандующий в непродолжительном времени расположился с соединенными эскадрами поблизости крепостей Корфу и острова Видо полукружием на якорях по приложенному у сего рисунку[146].

Сверх того отделены для охранения проходов в Южном – корабли «Захарий и Елисавета», «Троица», фрегат «Армении» и вице-адмиральский турецкий корабль, в Северном же – корабль «Богоявление», фрегаты «Счастливый» и два турецкие корабли. «Троица», «Захарий и Елисавета» и турецкий контр-адмиральский временно остановились в позиции в свои места, а большею частию ходили в крейсерство в Северном проливе, как выше означено.

Между тем, когда суда наши подходили в близость крепостей, французы, делающие батарею на маленьком островку Лазарете[147], со оного бежали, оставя семь пушек чугунных, приготовляемых к постановлению на батарею на оном, которую главнокомандующий приказал докончить работою.

Занимая мы также адмиралтейство, именуемый порт Гуино, в коем найдено было два корабля и один фрегат ветхие, затопшие по верхнюю палубу, и один корабль венецианский же, состоящий подле киленбанки, но и оной по ветхости своей оказался к службе неспособным.

Магазины во оном пусты, найдено только в сараях несколько сосновых лесов, годных на малые мачты и на стеньги, как приказано было по надобностям употребить на эскадры, нашли также пойманные по прибытии оставших судов Св. Мавры отрядом капитана Селивачева разбойнический бриг и других разных купеческих судов с подозрительными товарами, о коих приказано сделать разбирательство по закону.

Намечено из авизов судно «Панагия Апотуменгана» и из турецкой эскадры корвет лавировать около эскадр, а паче в ночное время, между островом и матерым берегом, не допуская неприятельских гребных судов, иметь коммуникацию с албанским берегом, откуда они могли в ночное время доставать себе скота, пасущегося там, приказано также по возвещении вечерней зори посылать с обеих эскадр в объезд вокруг оных вооруженные гребные суда.

Сверх сего сделан был маяк на высокости горы острова Корфу, от коего видимы быть могли проходящие суда из Адриатического залива, мимо острова в Архипелаг и в Средиземное море.

Таким образом, главнокомандующий сделал все

распоряжения к воспрепятствованию высаживанию десанта и получению неприятелем всякого рода сикурсу в здешнем краю.

Ноября 12. 12 числа при умеренном ветре от юга французский корабль «Женеро» снялся с якоря и, подошед по южную сторону крепостей к нашему отделению, к кораблю «Троице», имел с ним сражение, в сие время корабль «Захарий и Елисавета» случился под ветром и старался также к нему приблизиться, но французский корабль, поставя все паруса, пошел на ветер и возвратился к крепостям, а оттоль весьма в дальней дистанции подошел к кораблю «Павлу», приготовившемуся шпрингом, имели между собою небольшое сражение, дистанция столь была далека, что большие пушки не могли иначе доставать, как навесными выстрелами.

С корабля «Павла» артиллерия действовала исправно и весьма превосходным числом, французский корабль, почувствовав сие превосходство, тотчас оборотился чрез оверштаг и ушел под крепость; на нем сделаны повреждения, разбита кормовая галерея, сбит гик, с которым флаг опустился на низ, также известно, сделано было несколько пробоин в борте и убито 8 человек, а на корабле «Павле» повреждения никакого не было, кроме перебитых фор-марса-драйреп и несколько пробегающих снастей.

На корабле «Троице» пробита была только ядром бизань-мачта. Во все сие время сигналом велено было от главнокомандующего кораблю «Магдалине», фрегату «Николаю», судну «Панагия Апотуменгана», турецкому фрегату и корвету лавировать около флота, а по отходе французского корабля под крепости стали на якорь и остались только судно «Панагия Апотуменгана» и турецкий корвет под парусами…

Между тем главнокомандующий употреблял возможное старание уговорить островских жителей соединиться с нами и действовать общими силами против французов, изо всех обывателей ближние только с деревень, состоящих под крепостными выстрелами, опасались с нами соединиться, но старанием, употребляемым от него, господина вице-адмирала, привлечь усерднейших людей из жителей острова Корфу, Занте и Кефалонии, и оные жители согласились с нами принять оружие противу французов, обнадеживая даже, что они, выбравшись из своих домов, остальное свое имение бросят и удалятся в другие места, просили только его, чтобы, во вспомоществование им, приказать высадить наших служителей в десант на берега по обе стороны крепостей Корфу и устроить на удобных местах батареи, дабы могли их прикрывать и защищать ближние места от вылазок неприятельских и воспрепятствовать делаемой грабеж деревням.

Главнокомандующий желал напервее взять штурмом остров Видо, но по сей необходимой надобности оставил оное на время и обратил солдатскую команду служителей на берег острова Корфу для защищения жителей от нападения французов и к пресечению грабежа и заготовлению провианта, в крепости забираемого.

И для того на другой день по возвещении утренней зори отправил в остров Корфу для делания батареи по северную сторону крепостей на высоком холму, именуемом Кефало-Мандуки, при деревне Мандуки состоящем, капитана Кикина и артиллерии лейтенанта Ганфельда с пристойным числом офицеров и 128 рядовых разных чинов служителей; оная батарея к 15 числу построена была, которая защищала оную деревню и била в крепость; на оной поставлено на первый случай два картаульные единорога, одна 53-фунтовая гаубица, две мортиры такового ж калибра и 4 малые полевые пушки, с того времени со оной батареи началась канонада по крепости.

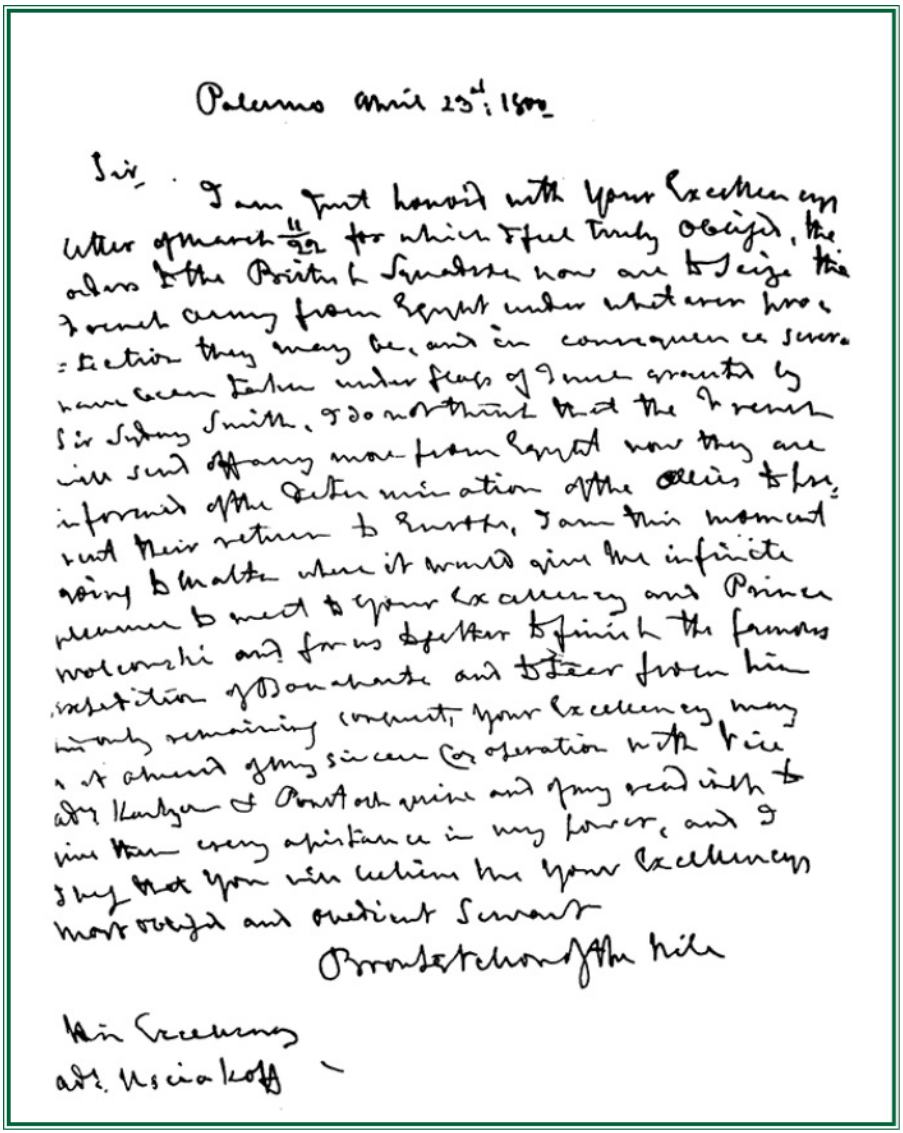
При устройстве оной, хотя деланы были из крепости вылазки, но всегда были отбиты; во всякое время, когда французы из крепостей выходили на вылазку, в тот самый момент с кораблей всегда посылан был сикурс в подкрепление войск наших на батарее находящимся, и на оной же батарее войск состояло всегда не менее 300 человек.

После того неприятели хотя покушались выходить из наружных укреплениев на грабеж деревень, но жителями и турками, расположенными поблизости тех мест, при помощи нашего десанта отбиваемы были во всякое время, а с нашей батареи, равно и с крепостей, почти день и ночь происходила сильная канонада.

Ноября 17. 17 числа около полудня пришли к главнокомандующему на корабль жители из деревень Беницы и Горицы и просили защиты от разорения и ежедневного грабежа от французов; он, не имея достаточного числа кораблей и войск для высаживания десанта и устройств батарей по южную сторону крепостей, ибо для блокирования Корфу корабли и фрегаты находились одна часть при устье северного прохода между острова и матерого берега, а другая при южном проходе, острова же Корфу и албанского берега, притом корабль «Петр», фрегаты «Навархия» и «Сошествие», один турецкий корабль находились в отсутствии, того ради главнокомандующий вознамерился обождать устройства оной батареи до прибытия к нам отделенных наших судов.

Но жители тех деревень, собравшись во множестве, просили неотступно помощи и дать им на первый случай две или три пушки, при которых послать хотя одного офицера с 12 солдатами

и с малым числом канонир и приказать на южной стороне Корфу, против крепостей, весьма в удобном месте на высоком холму горы при церкви Св. Пантелеймона построить батарею, уверяя главнокомандующего, что они при помощи означенных людей наших находиться будут около двух тысяч всегда тут безотлучно и что сами собою охранить могут сие место.



Одно из писем адмирала Г. Нельсона Ф. Ф. Ушакову

18 числа он согласился на их просьбу и послал к тому месту взятую в плен шебеку под командою лейтенанта Ратманова,

поручив устроить сию батарею волонтеру из острова Занте, весьма искусному инженеру Маркати, и с ним посланы Боиселева баталиона поручик Кантарино с 12 фузелерами, при одном унтер-офицере и шести канонир, получа приказание от главнокомандующего употребить возможное старание с означенными жителями в ночные времена устроить оную батарею, и когда ее окончат, то прислано им будет еще в подкрепление батальонных служителей во ожидании скорого всегда прибытия наших кораблей, находящихся в отсутствии, а между тем означенный инженер Маркати оную батарею успел сверх чаяния окончить в одни сутки, поставя на ней из наших призовых орудий одну гаубицу и две полевые пушки, и, не дожидаясь означенного подкрепления, открыл канонаду с помянутыми служителями и обывателями деревень, которая по удобности места причинила в крепостях великое повреждение.

20 числа посланные на судах в подкрепление оной батареи служители прийтить туда еще не успели, ибо французы при самом начале открытия канонады сделали вылазку до 600 человек, и, как скоро бросились они на батарею, островские жители, бывшие там более 1500 человек, тотчас побежали, остались одни наши служители, которые оборонялись храбро, но великим превосходством французов 17 человек взяты в плен, в том числе означенный инженер Маркати и поручик Кантарино, а достальные два канонира и два солдата с батареи бежали на берег и спаслись на нашем судне шебеке, в сие время с французской крепости Монте-Абрам по нашей батарее, построенной по северной стороне крепостей, и со оной по крепости батареи происходила сильная канонада.

А французы того ж 20 числа, обнадеясь таковою удачею, после полудня в 1 часу сделали из крепости вторичную вылазку, в которой было более 1000 человек, в том числе до 40 человек конницы, и стремительно пошли на нашу батарею, при деревне Мандуки устроенную, на которой находилось российской эскадры при достаточном числе офицеров солдатской команды гренадер, фузелер и канонир 310 человек, с турецкой эскадры турок до 100 человек, из албанцев волонтер отставной российской службы капитан Кирко с 30 албанцами и несколько островских жителей, все оные войска вместе с нашими состояли под командою Бриммерова батальона капитана Кикина.

Французы, как скоро приблизились к батарее, то островские жители побежали, а нашими людьми встречены были с отличною храбростию; французы атаковали оную с трех сторон и с крайней поспешностию устремились на оную, но всегда пушками и отрядами нашими отбиты были с уроном, жестокий бой с обеих

сторон продолжался до самого вечера; напоследок наши храбрые войска выступили с батареи и пошли на штыки с малым числом турок и албанцев, совершенно разбили французов, прогнав их под крепость с великим уроном, и потом возвратились на батарею, на которую пришел уже сикурс с эскадр наших, в подкрепление посланный; в оном сражении убито из французских начальников шеф батальона один и солдат французских до ста человек и множество раненых свезено и унесено в крепость.

С нашей стороны убито батальонных унтер-офицеров 2, рядовых 26, артиллерийских канонир 3, раненых: капитан Кикин, командовавший десантом, подпоручик Чернышев[148], артиллерии лейтенант Ганфельд, батальонных унтер-офицеров 4, гренадер и фузелер 62, артиллерии унтер-офицер 1, бомбардир 1, канонир 1.

После сей вылазки неприятели более на оную батарею уже нападения не делали, но все свое старание обратили на укрепление вновь крепостей и острова Видо и к грабежу деревень, состоящих по южную сторону под крепостными выстрелами; крайность в недостатке свежей провизии заставляла их, невзирая на беспогодное время, выходить к грабежу, но всегдашним бдением и с крайней осмотрительностью главнокомандующего, равно и десантных командиров, состоящих на берегу, предваряемы были приуготовлениями, к тому ж и албанцы[149], расположенные около тех мест, часто имели с ними небольшие сражения, от коих прогоняемы всегда были в крепость с уроном…

22 числа ноября около полудни пришли к эскадрам корабль «Св. Петр», фрегаты «Навархия», «Сошествие Св. Духа» и турецкий корабль, бывшие во отделении, прибыли то ж из Ахтиара в число авизов акат «Ирина», шхуна № 1-й, бригантина «Феникс», на которой привезено на нашу эскадру несколько соленого мяса и уксусу, новокупленная бригантина оставлена при острове Св. Мавры для содержания брантвахтенного поста.

Между тем с неприятельских крепостей и с нашей батареи происходила день и ночь сильная канонада, и неприятели во всякое время (а более в ночное) покушались делать вылазки, но бдением осаждающих предупреждаемы были всегдашнею готовностию. Находящийся между крепостью и островом Видо корабль «Женеро» при всяком для него попутном ветре вступал под паруса, стараясь перехватить малые суда, шедшие к соединенным эскадрам, избирая тож удачный случай уйти, но судами нашими, лавирующими около крепостей и острова Видо, то ж и в обоих проходах отражаем был всегда под крепость.

Ноября 30. 30 числа того же месяца главнокомандующий отрядил судно акат «Ирина» по южную сторону крепостей Корфу

для воспрепятствования выходящим неприятелям из крепости для молотия муки в около лежащие мельницы.

Декабря 3. 3 числа сего месяца неприятели выходили из наружных укреплениев для перехватывания части островских жителей и албанцев, между коими произошла чрезвычайная перепалка, но, видя идущих войск наших в помощь к нам, ретировались тотчас в город.

Декабря 9-го дня прибыли к эскадрам в Корфу фрегаты «Михаил» и «Казанская» из Александрии[150].

Письмо Нельсона Ф. Ф. Ушакову о военных действиях на Средиземном море

12 декабря 1798 г., Неаполь

Милостивый государь!

Я имел честь получить любезное и лестное для меня письмо вашего превосходительства от 30 ноября. Я с гордостью буду поддерживать вашу хорошую и ценную дружбу. Возвратившись сюда несколько дней тому назад из Ливорно, я узнал, что здесь был один офицер от вас и от его превосходительства турецкого адмирала, что он последовал за мною в Ливорно, но я, к несчастью, не встретился с ним в пути и не смог вам подтвердить получение мною письма, отправленного вашим превосходительством с этим офицером.

Я еще ничего не слышал о взятии Александрии турецкой и русской эскадрой совместно с моим дорогим другом капитаном Гудом, оставленным мною в качестве руководителя блокадой. Я надеюсь в скором времени услышать об истреблении французских кораблей в Александрии, а также всей французской армии в Египте.

Мальта блокирована эскадрой в составе 3 линейных судов и четырех фрегатов. Мортиры и пушки недавно отправлены из здешнего арсенала для употребления их мальтийцами, которые направили 14 000 человек под ружьем против города Ла-Валетт; Гоцо[151] несколько времени тому назад сдался войскам его величества.

Я немедленно приказал поднять там флаг короля обеих Сицилий и передать этот остров в его законное владение вместе с Мальтой, где развевается неаполитанский флаг, под которым сражались храбрые мальтийцы.

Я только что вернулся, доставив войска его сицилийского величества в Ливорно и оставив эскадру крейсировать у

северного берега Италии. С большим удовлетворением сообщаю вашему превосходительству о завоевании английской армией и эскадрой, вышедшей из Гибралтара, острова Минорка, бывшего во владении испанцев.

Я питаю большую надежду на то, что Корфу скоро будет сдан благодаря вашим усилиям, направленным на эту крепость.

Поверьте мне, что успехи оружия вашего государя так же радуют меня, как и победы моего доброго милостивого короля. Остаюсь с чувством истинного уважения к вам, вашего превосходительства покорнейший слуга

Нельсон

P. S. Только что прибыл сюда один английский фрегат, и с истинным огорчением я думаю о том, что ни одна эскадра с 2 ноября не пришла помочь капитану Гуду, который давно очень нуждался в продовольствии и снаряжении. Прибыли только один или два фрегата и морские канонерки, в то время как, несомненно, должны были бы быть присланными 3 парусных линейных судна, 4 фрегата с мортирами. Египет должен быть первым объектом, Корфу – вторым.

17 декабря. Я получил в этом месяце ваше письмо от 13 ноября через вашего лейтенанта, за которое я благодарю ваше превосходительство.

Нельсон

Указ Павла I Ф. Ф. Ушакову о посылке штаб-офицера к Черногорскому митрополиту Петру Негошу для изъявления ему и черногорскому народу дружеского расположения России

28 декабря 1798 г.

Повелеваем вам, избрав из находящихся под командою вашею одного штаб-офицера, отправить его в Черную гору к тамошнему митрополиту для изъявления ему и всему народу черногорскому о мирном нашем к ним расположении и о благоволении.

Письмо В. С. Томары Ф. Ф. Ушакову с извещением о желании Нельсона прекратить блокаду о. Корфу русскими силами

31 декабря 1798 г., г. Константинополь

На сих днях отзывался мне коммодор Сидней Смит, что адмирал Нельсон пишет к вашему превосходительству, дабы на подкрепление сухопутных сил, под предводительством наследного принца его величества короля обеих Сицилий и генерала Колли к Анконе отправленных, оставя ваше превосходительство блокаду острова Корфу, туда же с эскадрою, вам вверенною, на вящее стеснение Анконы отправились и обложили оную с морской стороны.

На случай, если б ваше превосходительство от адмирала Нельсона таковой отзыв уже получили, то я покорно прошу ни под каким видом с турецкой эскадрой не расставаться и блокады крепости в Корфу одним туркам не оставлять, и как в Анконе находятся только три военных корабля, из прежде бывших венецких, и что нигде на Средиземном море не существует эскадры французской, то, в удовлетворение требования лорда Нельсона, отправя к Анконе по расчислению вашему довольно сильный отряд, самому вам главного пункта предприятий ваших – покорения крепости в острове Корфу из виду терять не следует, и предприятие войск неапольских на Анкону паче вам способствовать будет отнятием последней надежды противного вам гарнизона получить откуда-либо помощь.

Адмирал Уильям Сидней Смит
(1764—1840)

Письмо В. С. Томары Ф. Ф. Ушакову с приложением копии союзного оборонительного трактата России с Турцией и сообщением о подписании Турцией такого же трактата с Англией

31 декабря 1798 г. /11 января 1799 г.

Приятным долгом поставляю сообщить вашему превосходительству копию с союзного оборонительного трактата

высочайшего двора с Портою Оттоманскою и секретных артикулов, на который государственные ратификации 27 декабря разменены были мною у Порты с верховным визирем.

Аглинский оборонительный трактат, в виде приступления к нашему, был подписан 25-го сего же течения, с уполномоченными Порты коммодором Сидней Смитом и братом его, резидующим здесь министром аглинским, уполномоченными к тому от его величества короля Великобританского.

Коммодор Сидней Смит командует в водах Порты морскими силами своей нации. Он прибыл сюда на 80-пушечном корабле «Тигр», на котором вскоре отправляется в Александрию, и объявлял мне желание учредить с эскадрою вашего превосходительства сообщение морем и план свой о том пред отъездом отсюда поручить мне имеет для доставления вам.

Письмо В. С. Томары Ф. Ф. Ушакову о стремлении англичан усилить морские силы, блокирующие побережье Египта и Сирии, за счет эскадры Ф. Ф. Ушакова

24 января (4 февраля) 1799 г., г. Константинополь

Уже тому подходит более двух месяцев, как не получаю я директно[152] никакого известия от вашего превосходительства. Последнее письмо ваше уведомило нас о взятии крепости на острове Святые Мавры и о следовании с соединенными эскадрами к острову Корфу. Донесения Кадыр-бея из сего последнего места столько недостаточны, что ничего по оным основательного сообразить нельзя.

Положение дел вообще и ваше, милостивый государь мой, необходимо требуют, чтобы император государь наш получал донесения ваши вместе с моими по обыкновенной почте, которая из Царьграда в С.-Петербург отходит 1-го и 16-го каждого месяца, а на донесения о чрезвычайных происшествиях можно сверх того употреблять экстраординарных курьеров.

Порта в сем разуме приказывает ныне Кадыр-бею и Махмет-эфендию и уверяет меня, что всякий раз письма вашего превосходительства, помянутым двум персонам поручаемые, без замедления ко мне доставляемы будут, почему в рассуждении переписки со мною покорнейше ваше превосходительство прошу на все время, что эскадры останутся в Венецких островах, так учредиться, чтобы мог я получать известия ваши дважды в месяц и для доставления оных предпочесть отправление писем сухим

путем.

Находящийся здесь еще коммодор Смит уверяет, что если ваше превосходительство употребили на доставление писем ваших купеческие суда, то неполучению оных удивляться нечего и должно приписать сие шкиперам, не заслуживающим доверенности, и необычайно худым погодам нынешней зимы.

23-го сего течения[153] имел я конференцию с турецкими министрами, на которой объявили мне, что Порта приемлет мнение мое, прежде вашему превосходительству в секретном письме чрез г-на контр-адмирала Пустошкина сообщенное, о составлении по благоусмотрениям вашим вооружения из албанцев для произведения поисков на берега в Италии, принадлежащие французам.

Охотники межостровских жителей должны бы участвовать в сем предприятии; если правильны сведения, которые я сам об них имею, то приступят они к тому охотно и, кажется, сие прилично как настоящему их положению, так и впредь будущему. Правление, предназначаемое им от государя императора по требованию самой Порты Оттоманской, сходственно с публикованным от нее манифестом, есть подобное Рагузейскому и с таковыми же в рассуждении Порты отношениями при ручательстве в прочности и ненарушимости своих главного виновника освобождения их от французов, его императорского величества, и других, участвующих в войне сей великих дворов.

Но из случившихся на днях неприятных происшествий с республикою Рагузскою, от которой приходящие неожидаемо и поодиночке вооруженные галиоты французские исторгли уже контрибуциями 350 тысяч талеров, сами обыватели островские ясно видеть могут, что покровительство великих держав от большой напасти и порабощения оградить их может, а не от малых и частых притеснений, которым обезоруженное состояние подвергает республику Рагузскую, несмотря что город Рагуза есть крепость, снабженная знатною артиллериею, но не имеющая части обывателей своих, к защите отечества настроенной.

Островские жители не должны ни под коим видом пренебречь нынешнего способного к тому времени и взятием деятельного участия в войне, не посредством арматоров[154], за прибылью своею гоняющихся, но посредством порядочных вооружений завести между собою расположение к защите отечества, которое к предохранению благосостояния их и на впредь полезным окажется.

Г-н коммодор Смит вскоре отсюда отправляется; по требованию его Порта посылает в Египет турецкую флотилию, и для постройки канонерских лодок по новому образцу,

представленному от коммодора Смита, определено снабдить всеми нужными припасами имеющуюся в Будруме корабельную верфь. Отправляются туда же требованные им шесть тысяч человек пехоты, в числе которых будет до двух тысяч человек регулярных, здесь находящихся. Прочие составятся из тысячи человек, назначенных в острове Родосе, и трех тысячах от Джезар-паши.

Блокирующие по сие время Египет аглинские военные корабли переменены будут другими в меньшем количестве. Адмирал Нельсон и коммодор Смит считают, что ваше превосходительство можете отделить к последнему в Египет два корабля и два фрегата российских и столько же от турецкой эскадры, всего восемь линейных судов. Коммодор Смит пишет о том сам к вашему превосходительству, и Порта уведомляет о сем же Кадыр-бея.

Я представлял министерству турецкому, что недостаток в провизии может помешать распоряжениям вашим и что, не снабдя оною по крайней мере на четыре месяца, отряда в Египет посылать невозможно, что за отправлением отряда не более как через два месяца новую провизию уже посылать должно; и турецкие министры отвечали мне, что все сие не только таким образом, но еще и вернейшим правительством разочтено, поелику не четырехмесячная, но годовая провизия приказана была и по большей части здесь на суда нагружена, но что сам я свидетель тому, какие необыкновенные погоды продержали здесь долгое время нагруженные съестными припасами суда, из которых иные, по принуждениям правления вышедшие, или погибли, или возвратились поврежденные.

Должен еще я преуведомить ваше превосходительство, что турецкое министерство, взирая на французов не яко на порядочных неприятелей, но яко на разбойников, твердо держится правила не соблюдать никаких заключаемых с ними договоров или капитуляций. Поступок французов с турками после трехвековой дружбы, решивший Порту на объявление им войны, если оправдает в сем пункте намерения министерства турецкого, то налагает на нас долг брать предосторожность, дабы не заслужить вместе с ними нареканий в вероломстве. Примите в сем случае, милостивый государь мой, ваши меры. В прочем не наше дело уговаривать турков держаться других правил.

Порта уведомлена, что военные корабли французские «Genereux» [«Женеро»] и «Leandre» [«Леандр»] два раза покушались бежать из пристани в острове Корфу, но что корабли российские тому воспрепятствовали и потом будто предлагали вам французы выпустить их корабли, но что ваше

превосходительство в том отказали.

Порта так расположена к нехранению слова французам, что министры турецкие предложили мне писать к вашему превосходительству согласиться на выпуск из пристани «Genereux» и «Leandre», настроив прежде эскадру турецкую, чтоб она их взять или потопить могла. Как весьма трудно и, может быть, невозможно удержать от сего турок, то лучше, чтоб они сами заключали договоры или капитуляции с французами, нам же устраняться, когда они обманывать хотят, и являться, когда договоры исполняемы быть должны. Все перехваченные письма французов из Александрии представляют единогласно тесность их состояния и желание выйти оттуда.

В Александрии вооружают три фрегата и два брига для отправления, но куда, неизвестно. Мне кажется, что оные должны где-нибудь встретить вышедшие из Анконы три корабля и что к ним же в соединение хотят попасть блокированные вами «Genereux» и «Leandre». Из прежде перехваченных писем генерала Бонапарте видно было крайнее желание его составить из сих отделенных частей эскадру. Заключение таковое подтверждает и вооружения в Тулоне, для которых адмирал Нельсон по известиям коммодора Смита, намерен составить отряд для блокирования тамошнего порта.

Письмо верховного визиря Юсуф-Зия-паши Ф. Ф. Ушакову с выражением дружбы и признанием заслуг его в деле освобождения от французов Ионических островов

Январь 1799 г. [155]

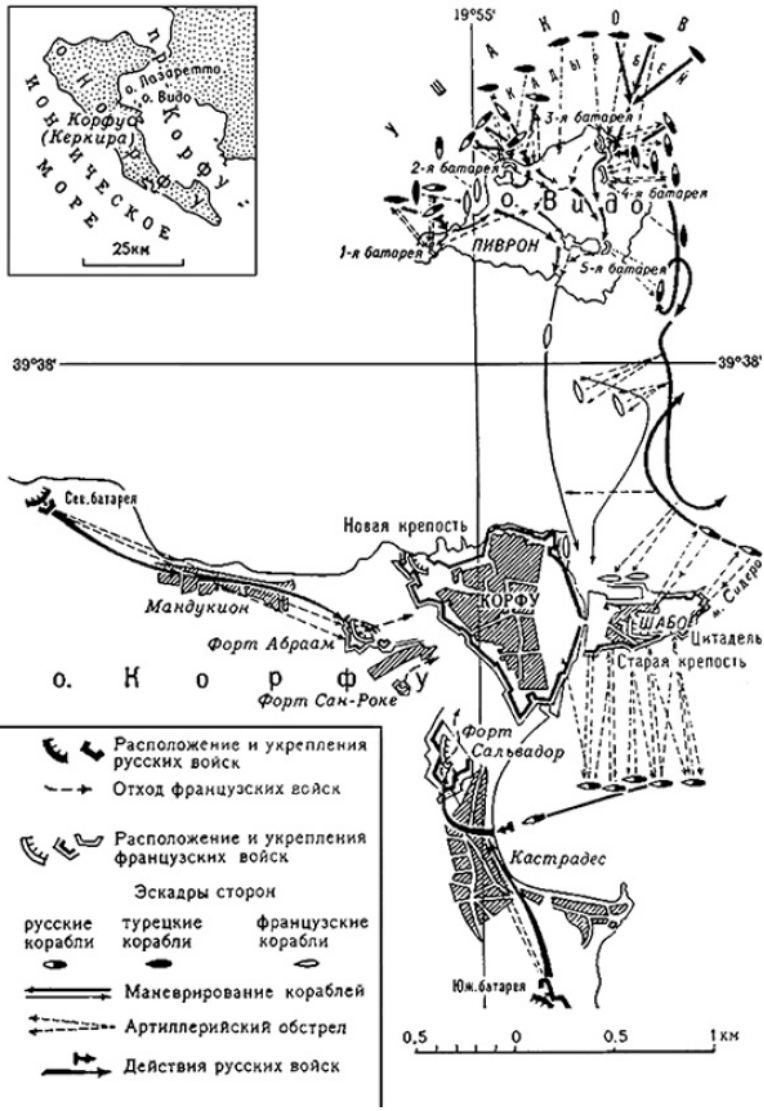
Знаменитому между князьями Мессийского народа, высокопочтенному между вельможами нации христианской, господину адмиралу, командующему Российским флотом на Средиземном море, искреннему и любезному приятелю нашему, коего конец да будет благ.

Дружба, согласие и истинный союз, которые ежедневно увеличиваются между обеими державами, довольно удостоверивают Блистательную Порту, что российский двор охотно принимает всякое участие к ее пользе, и что флот российский, под предводительством вашего превосходительства находящийся, быв в тесном соединении с флотом его султанского величества, также взятие крепостей на островах, принадлежавших прежде всего Венецианской республике, равно и мудрые ваши распоряжения и неутомимая попечительность во всем и взаимное

согласие с нашим адмиралом и прочими чиновниками, не менее нас о сем удостоверяют письма нашего адмирала, в коих он извещает нас о крайнем попечении, принимаемом вами в блокаде и осаде крепостей Корфу, видим также чрезмерное его удовольствие от ваших распоряжений; достоинства, деятельность и храбрость ваша обнадеживают Блистательную Порту к дальнейшим подвигам, она нелицемерно поставляет вас в число славнейших адмиралов в Европе и знаменитых ревнователей к службе вашего государя императора.

Его султанское величество посылает вашему высокопревосходительству на самомалейшие расходы ваши тысячу червонных, а я, с моей стороны, нетерпеливо желаю слышать всегда о вашем здоровье и о ваших победах, быв удостоверен о всегдашнем дружелюбии вашем с нашим адмиралом и что ваше превосходительство употребите все ваши старания о завладении крепостей Корфу. Вот предмет, который подлинно усовершит навеки славу вашу. Блистательная Порта должна сие ожидать от храбрости, деятельности и достоинства вашего превосходительства.

Мир да будет на следующих пути прямому!



Штурм и взятие крепости Корфу в 1799 г.

Письмо Ф. Ф. Ушакова Юсуф-Зия-паше с сообщением о недостатке сухопутных войск, артиллерии, боеприпасов и продовольствия, замедляющих боевые действия против Корфу

27 января 1799 г., корабль «Св. Павел»

Ваша светлость, милостивый государь!

Почтеннейшее письмо вашей светлости и высочайшее благоволение его султанского величества пожалованием мне на мелкие расходы 1000 червонных с глубочайшим благоговением имел счастье получить и приношу всепокорнейшую благодарность. Таковая высочайшая милость и объясненные в письме милостивое благоприятство и доброе обо мне расположение вашей светлости усугубляют наиусерднейшее мое старание и ревность, с каковыми я тщусь всевозможно выполнять волю и высочайшие повеления его султанского величества, вашу и Блистательной Порты.

Остров Корфу блокирован и содержится в тесной осаде, так что в крепости чувствуют во многом уже великий недостаток, и, если соединенные Российская и Блистательной Порты эскадры подкреплены будут потребованием нашим от пашей войсками, которых теперь в присылке к нам весьма недостаточно, надеюсь я, что Корфу взята будет нами непременно. К скорейшему же понуждению сдачи крепости с нами не находится осадной артиллерии, недостаток в снарядах и для войск пуль ружейных, которых в покупке достаточно отыскать не могли. За всем тем употребляем мы с командующим Блистательной Порты эскадрою Кадыр-беем всевозможное старание и имеем надежду крепости понудить к сдаче в непродолжительном времени.

Войск албанских с Румельской стороны по сие время прислано к нам для осады крепости:

От Али-паши здесь находятся около двух тысяч пятисот человек.

От Ибраим-паши Авлонского около полуторы тысячи.

От Мустафы-паши до двухсот пятидесяти человек.

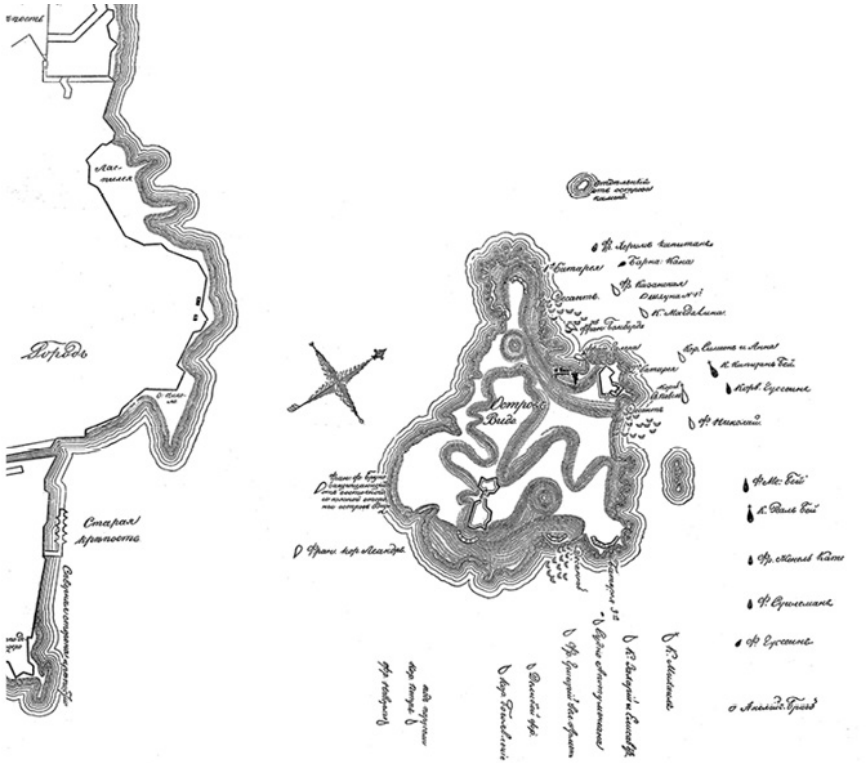
Оные войска требуют от нас провианта, жалованья и пуль с патронами, объявляя мне многократно, что ежели не дадим им провианта, пуль с порохом и денег, то они принуждены будут, оставя здешнее место, итти обратно. Кадыр-бей, командующий эскадрою, старается последнее к ним от себя отделить, сколько есть у него налицо, посылает к ним деньги и несколько снабжал их провиантом. Сколько могли мы общо с ним найти здесь свинцу, посылали им и давали пули и патроны с пулями, но за всем тем снарядов до того недостаточно, что ни к какому делу безопасно приступить не можно.

От пашей требовали, но присылки нет, кроме того количества, с чем войска их сначала пришли и на вылазках против французов уже расстреляли. Провианта на эскадрах теперь в наличии почти не имеем; суда с провиантом приходят в малом количестве и редко; быть может, что теперешние противные крепкие ветры и худая погода их не допускают.

Сухопутным войскам провианта отделить мы не можем, денег в наличии также недостаточно, и войска сухопутные содержать нам нечем. За всем тем устраиваем вновь батареи, и как скоро эскадра наша из Венецианского залива возвратится, то, употребя с нею достаточное число наших людей, надеюсь я взять штурмом остров Видо. Мы даже матросов наших посылаем в десант и все средства употребляем, что только можно.

От пашей требовали войск до 12 000, как им от Блистательной Порты предписано, и их ожидаем. Недостатки и медлительность присылки войск приостанавливают наши действия. Всего больше опасаюсь я, что, ежели и последние войска албанские отсюда отойдут, люди наши в десанте, на берегу, в разных местах находящиеся, могут быть в великой расстройке.

Осмеливаюсь всепокорнейше просить таковые необходимые надобности повелеть пополнить в скорейшем времени, также доставить осадную артиллерию, способную к береговому употреблению, и снаряды нам надобные. Теперь же вместо оных употребляем мы корабельные орудия и снаряды, но станки корабельные, по неспособности их на берегу, часто портятся, а снарядов на употребляемые орудия недостаточно. С этою надеждою и с глубочайшим к вашей светлости высокопочитанием имею честь быть и проч.



План атаки и штурма острова Видо
18 февраля 1799 г.

Письмо В. В. Мусина-Пушкина-Брюса Ф. Ф. Ушакову о положении дел в Неаполитанском королевстве

5 (16) февраля 1799 г., г. Палермо

В последнем моем письме от 6/17 января имел я честь уведомить ваше превосходительство о положении, в котором тогда находилось королевство Неапольское; представляется ныне случай исполнить долг мой и сообщить вам происшествия, после перемирия случившиеся. Сколь скоро оное всем известное учинилось, народ вознегодовал, для того что Капуа – последняя крепость, которая могла служить Неаполю прикрытием, отдана французам.

Солдаты, напротив того, воспользовались таким пресечением войны и разбрелись все почти. Поступок сей сделал всех служивших в армии столь презрительными, что народ не мог более видеть никого в мундире и с оружием, но решился, отняв

оное, сам защищать город, выбрал в предводители себе отличившегося храбростию полковника принца Малитерно и, действуя под наставлением его, завладел всеми замками, в городе находящимися.

Наконец, приметил народ, что Малитерно вступил в договоры с французами. Сие ввергло его в опасность и заставило запереться в лучший замок: великий мятеж и кровопролитие были следствиями сего; призваны французы и с помощью полков, от Малитерно зависящих, разбили народные полки и овладели городом 15/26 января. С того времени учреждено республиканское правительство в столице и распространилось почти во всем королевстве.

Одна Калабрия, у пролива Мессинского лежащая, не приняла еще оного и остается в зависимости законного своего государя. Его неапольское величество, не имея средств ко ускромлению обуявших подданных своих, ожидал помощи от дружественных держав вследствие отношений, сделанных им, и ограничивал себя попечениями о предохранении сицилианцев от опасности. Французы давно посеяли оной и здесь семена, от которых зачали уже рождаться разные неустройства, предвещающие на стремление печальнейших приключений.

Его величество видит себя принужденным, предваряя окончание негоциации министром его в Санкт-Петербурге открытой, обещающей ему всякое нужное со стороны его императорского величества пособие, обратиться к предводителям российских императорских сухопутных и морских войск, действующих в близости от сего королевства, посылает к вашему превосходительству бывшего в Милане министром кавалера Мишеру, просить прислать какой возможно отряд эскадры вашей для употребления оного на здешних берегах и удержания страхом оружия в повиновении королю городов, которые все почти, сколько их есть, здесь положение имеют над морем.

Сверх того, для пресечения всякого сообщения между Сицилиею и Неапольским королевством для обоих сих крайне важных предметов лорд Нельсон, так как в Египте и Мальте еще не кончились дела, не имеет довольного числа кораблей тем наипаче, что предстоит надобность учредить крейсирование возле Гаеты, в Байе и неапольском замке.

Известия, полученные из Ливорно, которые кавалер Мишеру сообщит вашему превосходительству, подали повод его величеству заключить, что корпус российских войск находится действительно или в Корфу, или где ни есть близко острова оного; вследствие такого заключения предписано кавалеру Мишеру иметь сношение с командующим генералом и стараться

получить от него хотя малый отряд, чтоб Мессинскую крепость поручить ему можно было в хранение, которая составляет важнейшее укрепление, и которая, доставшись или французам, или бунтовщикам, сделает их владетелями всей Сицилии.

В случае, ежели бы помянутые известия оказались неосновательны, велено господину Мишеру взять в службу от 1000 до 1500 албанцев, пользуясь помощью, которую можете ваше превосходительство оказать ему как в приискании охотников, так и в доставлении их в Мессину или на военных судах эскадры вашей или по малой мере под прикрытием оных. Всей Европе, а особливо Турецкой империи чрезвычайно полезно будет не допустить французов завладеть Сицилиею, полезно будет и России, к которой пределяясь Франция через Оттоманские владения имеют открыть себе путь.

Во всем сем совершенно удостоверен будучи, охотно сообщенные мне через министерство желания его неапольского величества исполняю. Угодно было его неапольскому величеству, чтобы я посылаемого им к вашему превосходительству министра снабдил письмом моим к вам, чтобы во оном оказал я собственные мои подлинные мысли о причинах, для которых его величество со всевозможным домогательством просит вас об оказании ему помощи.

Я, с полною доверенностью полагаясь на примечания мои, осмеливаюсь предсказать, что, ежели кавалер Мишеру не предуспеет никак в настоящей его поездке, его величество должен будет удалиться в чужие края из Сицилии и, может быть, удаление его сопряжено будет с великими опасностями.

Письмо Нельсона Ф. Ф. Ушакову с просьбой о посылке части русской эскадры в Мессину для оказания помощи Неаполитанскому королевству

15 февраля 1799 г., Вангард, Палермо

Милостивый государь!

Его сицилийское величество послал письма и доверенное лицо для переговоров с вашим превосходительством о настоящем положении дел в этой стране с просьбой направить часть вашего флота к Мессине для оказания помощи этому королевству, чтобы предотвратить переход его в руки французов, и когда ваше превосходительство получит письмо вашего министра по этому в высшей степени важному делу, то я буду просить вас только об одной очень большой услуге, которую вы можете оказать общему

делу, в частности, его сицилийскому величеству, а именно послать в Мессину столько кораблей и войск, сколько будет возможно.

Я имею теперь в Египте следующие корабли: «Culloden» 74, «Jealous», «Lion» 64, «Tigre» 80, «Theseus» 74, «Swiftsure» 74, «Sea Horse» 38, «Etna» and «Vesuveus» Bombes [бомбардирские корабли]. При блокаде Мальты – четыре парусных линейных корабля, четыре фрегата и корвета. Я надеюсь в скором времени увидеть флаг его сицилийского величества развевающимся над городом Ла-Валетта. Я имею также два португальских линейных корабля при Мессине и два линейных английских корабля в Палермо.

Имею честь быть с истинным чувством уважения вашего превосходительства покорнейшим слугою.

Нельсон

Приказ Ф. Ф. Ушакова по соединенным эскадрам с планом атаки о. Видо

17 февраля 1799 г.

При первом удобном ветре от севера или северо-запада, не упуская ни одного часа, по согласному положению намерен я всем флотом атаковать остров Видо; расположение кораблей и фрегатов, кому где при оной атаке находиться должно, означено на планах, данных господам командующим.

По учинении сигналов приуготовиться иттить атаковать остров Видо и сняться с якоря надлежит, чтобы все на гребных судах было уже готово, корабли и фрегаты во всем были бы готовы к бою, по сигналу иттить атаковать остров: напервее следовать фрегату «Казанской» к первой батарее и, проходя, стараться ее сбить, а потом стать на назначенном месте на якорь шпрингом, а не худо иметь и верп с кормы буде вознадобятся; за ним, не отставая нимало, следовать турецкому фрегату «Херим Капитану» и также стать на свое место; за ним, в близком же расстоянии, фрегат «Николай», которому также проходить первую батарею и сбивать, ежели она осталась от первых еще не сбита, а при том, проходя оную батарею, стрелять по двум стоящим в бухте между первой и второй батареей французским судам и стараться выстрелами их потопить или людей с них согнать на берег, чтобы их оставили, между оными же судами стрелять на берег во все места, где есть закрытые французы за маленькими канавками и за маленькими же брустверами, для ружей сделанных; ежели где есть между ними поставленные пушки, то и оные, идучи, сбить непременно, и потом каждому стать на свои назначенные места, лечь шпрингом, оборотя борты к батареям так, чтобы оного борт был против 1-й батареи, а другого против судов, стоящих в бухте, а третьего фрегата «Николая» против 2-й батареи и все потребное встречающееся на виду сбивать пушками; за первыми же двумя фрегатами иттить шхуне № 1 и будучи носовыми пушками стрелять по батарее и по судам, стоящим в бухте, а потом остановиться в средину бухты и пушками около себя очистить все берега, и, когда со всех мест от пушек и из траншей французы выгнаны будут вон, тогда оной шхуне стараться очистить берега, приготовляя их для сходу десанта; ему помогать фрегатам «Николаю» и «Херим Капитану», также и от эскадры послана будет к нему помощь на вооруженных баркасах; за фрегатом «Николаем» в близкой же дистанции следовать

фрегату «Григорию Великия Армении».

Ему, проходя 1-ю и 2-ю батареи, и, проходя, стрелять во все места, где надобность потребует, потом проходить 3-ю батарею и, обходя мыс с маленьким каменным рифом, как можно сбивать 3-ю батарею, и между 3-й и 4-й становиться на якорь шпрингом, как назначено, сбивать батарею и очищать берег сильною канонадою; за ним близко ж следовать турецкому фрегату «Махмет-бей», ему проходить тою же дорогою за фрегатом «Армении», стрелять по батареям и на берег в потребные места и потом стать на якорь шпрингом во своем месте, «Панагии Апотуменгана» иттить за ними, чинить то ж исполнение и стать в определенном месте на якоре шпрингом; всем оным фрегатам и «Панагии Апотуменгана» стараться очистить потребные места на берегах для десанта, оттаскивая набросанные деревья прочь, вспоможение им сделано будет баркасами от разных судов; за ними же фрегатами весь флот пойдет к острову, каждый в назначенные свои места, и остановится шпрингом на якорях.

Подходя к острову во время своего прохода до настоящих мест, каждому стрелять по батареям и при берегах по всем закрытым местам; то ж в половине горы и на гору, где заметны будут укрывающиеся французы, и, став на якоря шпрингом, докончить очистку места пальбою; как же скоро замечено мною будет, что французы все со здешней стороны острова ушли и на виду их нет, тогда прикажу я вести десант во все удобные места острова, где ссаживать оный способно; гребным судам, везомым десант, промеж собою не тесниться, для того и посылать их не все вдруг, а один за другими; передовые из оных должны очистить дорогу на берегах, закиданную рытвинами, тотчас забросать землею или чем только возможно, а где неудобно сходить на берега и переходить места закрытые, там набрасывать лестницы, с каждого корабля и фрегата с собою взятые, и сверх лестниц бросать доски по оным и пушки перевозить на берег; где передовыми таковые мосты набросаны будут, оставить их на месте для последующих за ними для переправы, а прочие лестницы и доски нести с собою для всяких могущих встретиться препятствий, от которых они способствовать будут.

Говорят, будто местами есть несколькие перекопы канавками, лестницы и доски служить будут через оные мостами; также сказывают, хотя и невероятно, будто есть ко острову в которых-то местах набросанные колючки, засыпаны землею и позакиданы натрускою травой, так что без осторожности можно на оных попортить ноги; господам командирам десантным штаб-, обер– и унтер-офицерам, кто будет напереди, иметь осмотрительность, ежели это справедливо, то в таких местах потому ж для переходу

бросать лестницы и сверх оных доски, они и могут служить мостом безопасным, и потом господам батальонным командирам, командующим десантными войсками, искать неприятеля, разбить или побрать в плен, и остров от оного стараться освободить; вместо знамен иметь с собою флаги; флагов с собою иметь надлежит до десяти.

Все батареи, которые овладены будут, поднимать на них флаги, оные означать будут нашу победу, флаги поднимать во всех местах, где только война наша случается, а куда потребен будет сикурс, для показания оного даны будут особые сигналы, требующим сикурсу друг другу помогать. Когда войски наши взойдут на верх горы, иметь осмотрительность, и, где потребно будет, там укрепляться пушками и закрывать себя поспешно легоньким окопом или турами, но это в самой только важной надобности делать надлежит, а иначе, не теряя времени, стараться овладеть всем островом и отнюдь не замедливать; а я буду иметь смотрение и беспрестанно сикурсом подкреплять буду.

Господам командующим пушки, снаряды, лестницы, доски, топоры, лопатки, веревки и все потребности иметь в готовности, положенные на гребные суда, также и десантные служители, чтоб все были в исправной готовности. Как скоро благополучный ветер настанет, тотчас я снимусь с якорей и со всем флотом буду спешить исполнять, как означено.

Десантными командирами определяю в авангардии под начальством господина контр-адмирала и кавалера Пустошкина состоящий баталионный командир господин подполковник Скипор, а средней и задней части, под моим ведомством находящейся, господину майору Боаселю, в средине ж между оными, ежели вознадобится отделение послать от передовой части, майора Гамана, и всем оным чинить исполнение со всякой осторожной осмотрительностью, и с добрым порядком по оказавшимся случаям и обстоятельствам поступать с храбростию благоразумно, сообразно с законами; прошу благословения Всевышнего и надеюсь на ревность и усердие господ командующих.

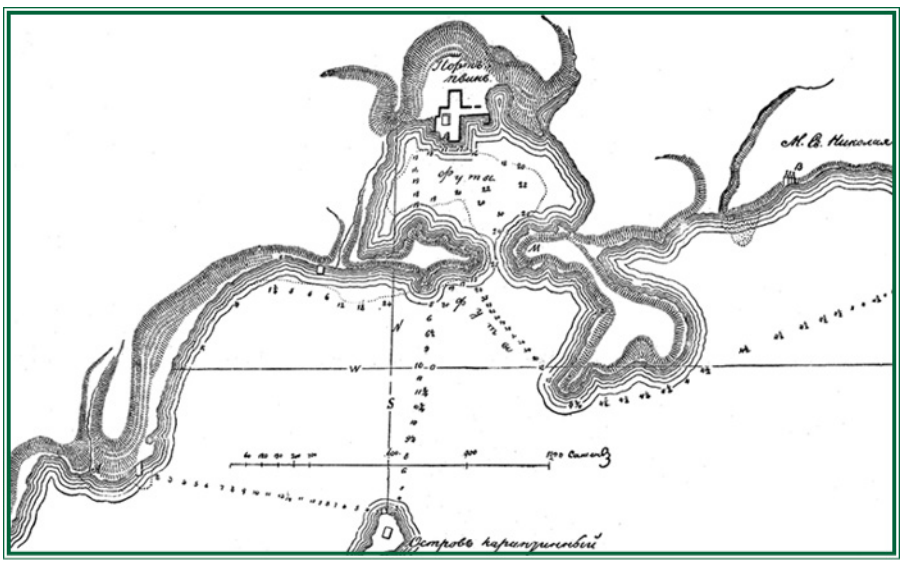
Письмо главного комиссара Директории Дюбуа и коменданта крепости Корфу генерала Шабо Ф. Ф. Ушакову с предложением о сдаче крепости

19 февраля 1799 г.

Господин адмирал!

Мы полагаем, что бесполезно подвергать опасности жизнь нескольких сотен храбрых русских, турецких и французских солдат в борьбе за обладание Корфу. Вследствие этого мы предлагаем вам перемирие на срок, который вы найдете нужным для установления условий сдачи этой крепости. Мы предлагаем вам сообщить нам ваши намерения по этому поводу, чтобы прекратить пролитие крови. Если вы желаете, мы намерены сделать, если вы не предпочтете предъявить нам ваши.

Дивизионный генерал, главный комиссар Дюбуа
Главнокомандующий французскими силами Шабо



План острова Корфу. 1799 г.

Рапорт Ф. Ф. Ушакова Павлу I о взятии крепости Корфу

21 февраля 1799 г.

Вашему императорскому величеству всеподданнейше доношу: сильными действиями соединенных эскадр, атакующих крепости Корфу, принудили мы напоследок к сдаче оные на договоре. По стечению разных обстоятельств, понуждающих к скорой решительности, предпринял я общо с командующим турецкой эскадрою Кадыр-беем атаковать оные всеми силами с моря и сухого пути решительно. 18 числа сего месяца, по приуготовлении всех надлежностей к штурмованию крепостей и

острова Видо с северной и восточной стороны, остров Видо обошли мы многими кораблями и фрегатами на самую ближайшую дистанцию, даже на действительный картечный выстрел, став на якоря шпрингом, оборотясь бортами против батарей, траншей и окопов, закрывающих осажденных кругом всего берега; произведена сильная канонада ядрами и картечью по местоположению.

Сколь ни выгодны были к защищению себя, батареи все оные сбиты, французы, укрывающиеся в окопах, принуждены большей частию со оных мест бежать вовнутрь острова, в другие укрепленные места, а прочие полегли на берегу в траншеях; в ту ж минуту по учиненным сигналам свезен от нас десант на берег, и храбростию победоносных войск вашего императорского величества, спомоществуемых турками, которые, соединясь с нашими, с таковой же храбростию бросились во все места острова, неприятель разбит и побежден.

Из бывших в сие время на острову до осьмисот французов со всем их подкреплением из крепости едва успели немногие только на гребных судах возвратиться в крепости, прочие побиты и потоплены. В плен взяты генерал от инфантерии Пиврон, комендант острова, многие офицеры и солдат до двухсот, об убитых и потопленных обстоятельно еще неизвестно. С нашей стороны с обеих эскадр убитых и раненых весьма малое число: российской эскадры не более 15 человек, с турецкой сколько, обстоятельно также еще неизвестно.

Во время ж производимого действия на острове войска наши, соответствием по данным им повелениям, находящиеся на батареях, соединясь с албанцами, атаковали наружные укрепления крепостей и из оных штурмом, производя сильный бой с неприятелем, взошли на Сальвадор и оным овладели; французов при оном сражении также убито и ранено немалое число, а с нашей стороны вверенной мне эскадры убитых 21, раненых до 55 человек, турок и албанцев также небольшое количество, да на батареях при деревне Мандуки и на мысу Св. Пантелеймона убитых и раненых российских войск до 20-ти человек.

19 числа из крепости Корфу от командующих генералов прислано ко мне письмо с просьбою на малое время, на сколько я положу, прекратить военные действия и пролитие крови храбрых войск обоюдных сторон и приступить к договорам о сдаче крепостей. Я, по согласию с командующим турецкой эскадры Кадыр-беем, положил сроку на 24 часа, и в сие время с обеих сторон договоры нами кончены и подписанные от французов нами получены, таковой же и с нашей стороны им дан.

Крепости Корфу с артиллериею и со всеми их принадлежностями сданы будут нам чрез один день от подписания договоров, какого содержания письмо, присланное ко мне от генералитета французского, и договор, между нами сделанный, точные копии вашему императорскому величеству всеподданнейше подношу.

Морские войска вашего императорского величества и все командующие оными порученные на них дела и исполнения производили с беспримерной храбростию и радением, о которых и об отличившихся ревностию и усердием, по собрании сведениев обо всех обстоятельствах, с подробностию всеподданнейше донесу вашему императорскому величеству особой реляциею, а теперь, по экстренному случаю отправляющегося на судне курьера в Триест, никаких подробностей и обстоятельств, требующихся к донесению, описать не успел.

P. S. А теперь, спеша скорым отправлением с курьером, отправляющимся в Константинополь, подобного объяснения сделать не успел.

Письмо Ф. Ф. Ушакова Нельсону с сообщением о взятии крепости Корфу и о дальнейшем плане действий эскадры

27 февраля 1799 г., корабль «Св. Павел», у острова Корфу

Ваше превосходительство, милостивый государь! За почтеннейшие письма вашего превосходительства всепокорнейше благодарю и известить честь имею: крепости Корфу оружием соединенных эскадр, сильными и решительными действиями взяты нами на договор и нами приняты со всеми укреплениями. Французы, взятые из оных в плен, и те, которые сдались на договор, отпущены нами на честный пароль в Тулон с обязательством, что они 18 месяцев, считая от подписания условий, против Российской и Турецкой империй, Англии и неапольского величества и прочих союзных держав воевать не будут, а те, которые взяты в плен в продолжение войны вовсе воевать не должны.

От сего времени отделил я половину эскадры, мне вверенной, с такой же половиною эскадры Блистательной Порты в разные откомандировки, и, коль скоро получим ожидаемую нами провизию для служителей, отправимся в Бриндичи и Отранту для вспоможения и ободрения жителей оных мест, а оттоль, обходя Калабрию, пойдем в Мессину, где надеюсь иметь удовольствие

лично засвидетельствовать вашему превосходительству истинное мое почтение и преданность.

Письмо Ф. Ф. Ушакова Г. Г. Кушелеву с изложением обстановки после взятия Корфу

1 марта 1799 г., корабль «Св. Павел» у о. Корфу

Почтеннейшее письмо вашего высокопревосходительства от 28 ноября 1798 года я имел честь получить. За поздравление меня с получением высокомонаршей милости знаков ордена Св. Александра Невского с бриллиантами приношу покорнейшую мою благодарность. Предписания и повеления ваши наиусерднейше желаю выполнять с прилежностию, но обстоятельства, в каких я теперь нахожусь, совсем меня письмоводством задавили и отнимают время от деятельностей важнейших; а письмоводцев, которые бы сами могли по одному объяснению слов моих сочинять рапорты и донесения, здесь нет.

Я измучен до такой крайности, что сделался больным. Повторяю просьбу мою исходатайствовать мне милость и благоволение присылкою достаточного числа способных письмоводцев, историографа и мастеров рисовальных, без которых ничего успеть не можно. О прочем во всякой подробности объяснился вашему высокопревосходительству в другом моем письме. Планы, какие успел я сделать и достать здесь, в Корфу, вашему высокопревосходительству препровождаю; впрочем, буду иметь старание делать все то, что будет в моей возможности, а чего успевать не могу, прошу великодушно простить.

Я стараюсь больше о том, чтобы не упустить никаких дел и исполнений, и сколько можно успеваю; а описывать все то, что необходимо бы надобно и должно, никак успевать не могу. Французский корабль «Женеро», как я в письме моем вашему высокопревосходительству объяснился, после долговременного содержания его в крепкой блокаде и после многих его опытов к побегу, напоследок, в претемную ночь, вычерня все свои паруса, чтобы было незаметно, прорвался и ушел в Анкону; по взятии же нами Корфы корабль «Леандр» достался мне, а на часть турецкой эскадры фрегат «Брюн».

Мы поймали еще пришедшую сюда из Анконы авизу, поляку «Экспедицион» – судно прекрасное, легкое, похожее на прежний мой кирлангич «Ахилл», но несколько получше; а прочие мелкие суда, какие здесь есть, еще не рассмотрены.

Английский вице-адмирал Нельсон блокирует Мальту и Александрию и сам с кораблем своим в Палермо; а в Венецианском заливе кораблей и судов его нет. Из эскадры, мне вверенной, половина кораблей и большее число фрегатов имеют великую течь; с некоторых кораблей, особенно же с «Богоявления», «Троицы» и с некоторых фрегатов, верхняя обшивка спадывает; обшивные доски иногда выплывают из-под них наверх, и сие оттого, что обшиты они были дурно и обшивка креплена тонкими гвоздями.

Гвозди так соржавели и истлели, что мусул только один в них остался, и когда раскалывают доску, чтобы ее вынуть, то все гвозди, какие в ней есть, рассыпаются.

Я, будучи еще в Севастополе при кренговании оных кораблей, собрал множество таковых худых гвоздей и мусула и хотел отправить в Государственную Адмиралтейств-коллегию и в Контору Главного командира, но не успел. Пазы и стыки из-под верхней обшивки открыты, и оттого корабли и фрегаты имеют великую течь; корабли «Богоявление», «Троица», «Магдалина», «Св. Петр» требуют непременного исправления килеванием; также фрегаты «Навархия», «Казанская», «Сошествие Св. Духа» и «Николай» необходимо надобно килевать, а здесь к килеванию ни смолы, ни гарпиусу, ни серы горючей, ни гвоздей, ни железа, ни пеньки, ни леса на бимсы, – словом сказать, ничего нет.

Стараюсь я по возможности, что только удобно исправлять, но, по совершенному во всем неимуществу, ничего существенного сделать не можно. Всю зиму были мы в движениях, блокируя крепости и остерегая Венецианский залив от высадки десанта; Бог провидением Своим только нас милует.

При всем нашем теперешнем состоянии паруса на многих судах ветхи; такелаж во многом числе в худости и требует перемены, и ничего здесь нет; равно и мелочных всякого рода необходимо надобных припасов: ни свеч, ни бумаги, словом сказать, во всем крайний недостаток, но и с ним по сие время я еще по возможности успеваю. Теперь как с этими кораблями и фрегатами отсюда выйти, ежели обстоятельства сего потребуют, не знаю.

Кроме одной опасности, ничего не предвижу. Ведомости, которые успели сделать, в Государственную Адмиралтейств-коллегию и в Контору Главного командира препровождаю; а с некоторых судов, за бытностию их в отсутствии, еще не получены, но и без всяких ведомостей, все, что необходимо надобно, из сего описания явственно. Всепокорнейше прошу, как наивозможно скорее присылкою всех потребностей нас не оставить.

Я полагаю, что по теперешним обстоятельствам надобно

будет отсюда выйти с половиною эскадры нашей и с половиною же эскадры турецкой к италианским берегам, и туда, где надобность требует, о чем изъясню особым письмом; а с другой половиною эскадры останется тут, в Корфу, господин контр-адмирал Пустошкин, и употреблено будет всевозможное старание о поправке кораблей и фрегатов. Пленных, взятых нами, и судов умножается, а людей от военных действий время от времени становится меньше, и весьма они надобны.

Пленный 54-пушечный корабль «Леандр» корпусом весь хорош и крепок, обшит медью, и сказывают, что прежде ходил очень хорошо, а теперь, по неимению здесь лесов и припасов, французы вооружили [его] рангоутом с фрегата, потому и ходу его хорошего быть не может, и необходимо надобно все на него доставить новое. На фрегате «Навархия», кроме других потребных исправлений, семнадцать бимсов гнилых и следуют в перемену, потому почитаю лучше бы его отправить в летнее время обратно в Ахтиар, ибо сюда ко мне мастеровых людей прислано очень мало и всех означенных работ исправлять некому; за всем тем будем иметь наиусерднейшее старание делать все то, что только возможно.

Вот, милостивый государь, сколь тесны мои обстоятельства и сколь велика обо всем забота, при которой погрешаю я тем, что не могу исправляться письменными делами, как бы должно. При том еще мучат меня всегда требованиями провианта; служителям многократно случалось по 3 и по 4 дня быть без сухарей; ели один только булгур, и ничего другого не было.

Суда, отправленные из Константинополя с провиантом, как министр наш уведомляет, некоторые от штормов в зимнее время разбились; другие с великими повреждениями возвратились; а некоторые только в малом числе чрез четыре месяца едва сюда прийти могли, и теперь провианту у нас во множестве недостаточно, также соленых мяс, вместо которых ничего нет. Меня же с эскадрою требуют во все места. Иной желает, чтобы шел я в Александрию; господин Сидней Смит пишет, чтобы отрядил я эскадру крейсировать поблизости Кандия; должно будет послать в Венецианский залив для забрания оттуда баталионов, назначенных для Мальты, а как оная еще не взята и содержится в тесной блокаде, потому оные баталионы весьма были бы полезны мне в Италии.

Его величество неаполитанский король из Палермо присылал ко мне с письмом своего господина министра кавалера Мишеру и просит наиубедительнейшим образом, чтобы я показался с эскадрою около итальянских берегов у Бриндичи, Отранта и около калабрийских берегов и пришел бы в Мессину, дабы ее

занять и иметь лучше в наших руках, нежели допустить, чтобы отняли ее французы, уверяя наисвященнейшим именем, что по особому согласию угодно будет это его императорскому величеству, нашему государю императору.

От меня и от наших войск ожидает он своего спасения. Таковые важные обстоятельства должен я выполнить непременно. Одно только теперь меня затмевает: не знаю, где наши войска и пришли ли в Заро, как им предписано? Но я думаю, узнаю чрез фрегат наш «Михаил», который от 14-го числа января по требованию его неаполитанского величества министра иностранных дел господина маркиза де Галло послан к нему с одним турецким корветом в Бриндичи, для отвозу его, господина де Галло, в Триест или поблизости тамошнего места; и известно, что он давно туда дошел и находится близ Заро, откуда вскорости я его ожидаю.

Уповаю, что командующий оным фрегатом флота капитан Сорокин доставит мне полное сведение обо всем. Также получил я письма из Бриндичи от графа Шестелюза, который наиубедительнейше просил меня прислать в Бриндичи фрегат или два и оттуда перевезти принцесс и теток бывшего короля французского с их свитою в австрийские владения, и ежели туда обстоятельства не позволят, то сначала перевезти их в Корфу.

Посему и посланы от меня, февраля от 14-го числа, за ними в Бриндичи фрегат «Счастливый» и с ним способное для грузу одно турецкое судно, которых вскорости сюда ожидаю; и если неимущество провизии меня не остановит, то около половины марта надеюсь я с полуэскадрою, как выше означено, отправиться отсюда к вспоможению Италии, дабы хотя ободрить тамошние места и утвердить жителей Пулии в верности его неапольскому величеству, которые по сие время еще от того удерживаются.

Чрез присланного ко мне из Отранта, требующего моей помощи, послал я к ним объявление, коего печатный лист при сем представляю. Я одобряю их и обещаю вскорости прийти к ним на защиту и помощь со всею эскадрою.

Весьма для нас важно, чтобы французы в сих местах не утвердились, откуда могут посылать десанты свои во все другие места; но так как их теперь тут нет, да и во всей Италии очень мало, то надобно все сие предупредить нашими деятельностями. Только я теперь совсем без войск; войска же наши со флота содержат в безопасности крепости Корфу.

Для отвозу гарнизона французского отсель в Тулон здесь нанимаем мы суда купеческие и с ними несколько наших малых судов посылаем. Не оставьте, милостивый государь, прислать в прибавку нам служителей для флота и особливо солдат полевых,

которые крайне необходимы, и, чтобы содержать крепости Корфу надобен по крайней мере целый полк; меньшим же числом никак нельзя, потому что крепости сии весьма важны и укреплены артиллериею и фортификациею бесподобно; медных прекраснейших орудий одних до четырехсот и более двухсот чугунных.

Теперь в крепости делается всему опись, которую при первой оказии я к вам доставлю. Когда я отсюда выйду, то оставленная здесь эскадра от содержания и надзирания оных мест отделиться, кажется, не может, разве некоторая только часть оной; впрочем, какие обстоятельства последуют, обо всем буду иметь старание относиться к вам с наивозможной подробностию.

Рапорт Ф. Ф. Ушакова Павлу I о просьбе неаполитанского короля выделить часть эскадры и сухопутных войск для освобождения Южной Италии

5 марта 1799 г.

Его неапольское величество король обеих Сицилий минувшего февраля от 15 дня при высочайшем письме своем прислал ко мне уполномоченного от себя кавалера Мишеру и требовал от соединенных эскадр и от сухопутных войск вашего императорского величества в теснейших его обстоятельствах присылки войск вспомогательных в Италию и в Мессину.

Господин же кавалер Мишеру, между прочим, объявил мне, что его неапольское величество почитал сухопутные войска вашего императорского величества сюда пришедшими, также все вообще почитали, что со мною на эскадре сверх морских служителей состоит сухопутных войск до двенадцати тысяч, потому и требовалось вспомогательное войско сухопутное и от эскадры в Мессину, но как кавалер Мишеру означенных войск здесь не нашел, потому просил меня отделить эскадру и послать хотя для ободрения жителей Италии и особо в Пулии, городов Бриндичи и Отранта и оттоль пройти в Сицилию и в Мессину к выполнению воли его неапольского величества, дабы там присутствием победоносных морских сил вашего императорского величества ободрить верноподданных и удержать колеблющихся и не допустить неприятельские войска, могущие прийти в Мессину.

С письма его королевского величества, ко мне присланного, и данного полномочия кавалеру Мишеру, с письма контр-адмирала Нельсона и от полномочного двора вашего императорского

величества министра графа Мусина-Пушкина-Брюса двух писем, также из отношения моего его королевскому величеству точные копии всеподданнейше подношу. Я, по взятии от французов крепостей Корфу, могу отделить половину эскадры, мне вверенной, и со оною вместе с половиною же эскадры Блистательной Порты Оттоманской следовать к выполнению высочайшего его королевского величества желания.

Теперь удерживает меня, как во все зимнее время весьма часто случались шторм, худые и бурливые погоды, при которых отправленные из Константинополя в эскадры с провизиею суда и по сие время сюда прийти не могли, кроме весьма малого количества, так что едва от времени до времени здесь служителей пропитать можно, а когда прекращается провизия, тогда на остальную сумму денег, какую я получаю из Константинополя, покупаю муку и пшеницу, теперь же надеюсь скорого привозу сюда провианта, без которого эскадре отсюдова выйти никак невозможно, а притом все зимнее время, при случающихся худых и крепких погодах беспрерывно эскадра, мне вверенная, – все суда без изъятия находились в разных движениях при блокаде острова и крепостей Корфу, защищая оные от намеревавшегося из Анконы французского десанта, в бдительном наблюдении недопущения провиантов и живностей и невыпуску из-под крепостей французских судов в крейсерство в Венецианском заливе и в прочих деятельных предосторожностях, посему половина эскадры кораблей и фрегатов пришли несколько в расстройку в рассуждении сделавшейся большой течи и требуют исправления килеванием, но потребных к тому всякого рода припасов и материалов в наличии здесь нет, и ожидаю присылки из Константинополя или из российских черноморских портов, да и мастеровых служителей в присылке здесь весьма недостаточно.

За всем тем, что только возможно, всевозможное имел старание корабли и фрегаты исправлять, и, по взятии крепостей Корфу, исправляются, также скоро получу провизию, тогда с половиною, которые благонадежнее, с четырьмя кораблями и с тремя или четырьмя фрегатами отправлюсь я к стороне Италии к Бриндичам и Отранту, а оттоль к Мессине, но, буде узнаю приход сухопутных войск в Заро, о которых получил я именное вашего императорского величества повеление, определенных для Мальты, для забрания их там напервее моего отправления в Мессину с эскадрою туда подойду или отправлю надобное число кораблей и фрегатов и, забравши их, последую в Мессину. Все сие располагать буду по случаям и обстоятельствам, какие будут, о чем вашему императорскому величеству сим всеподданнейше доношу.

Пиастр Неаполитанского королевства. *1805 г.*

В феврале 1798 г. французские войска под командованием Луи Александра Бертье вошли в Рим и, после провозглашения так называемой республики, потребовали от папы Пия VI отречения от светской власти. Папа отказался, был вывезен во Францию и 15 августа 1799 г. умер. Вскоре, однако, наступление австрийских войск заставило французов оставить город, и 26 ноября 1798 г. Рим был занят войсками неаполитанского короля Фердинанда IV (1751—1825) (он же — король обеих Сицилий Фердинанд I). В сентябре 1799 г. неаполитанцы оставили Рим, а 3 июля 1800 г. в город торжественно въехал новый папа Пий VII.

Письмо Ф. Ф. Ушакова В. С. Томаре об интригах и враждебных замыслах Али-паши Янинского и необходимости предупреждения об этом турецкого правительства с целью предотвращения нежелательных последствий

5 марта 1799 г., корабль «Св. Павел»

Об Али-паше, обо всех его к нам неприятностях я многократно уже вашему превосходительству объяснялся; он запретил албанцам своим, которые здесь находились, чтобы из острова Корфу без повеления его не выходили, и узнал я, что он

писал к Блистательной Порте, будто бы он с нами уговорился во всем быть участником и в части, чтобы и войска его в Корфу оставить с нашими такое же число, сколько наших будет от меня и от Кадыр-бея, чего никак быть не может и нельзя; жители здешние никак их не терпят, потому что они наносят крайнее им разорение и обиды, и драки беспрерывные, и смертоубийство, которых никак держать нельзя; я опасаюсь, чтобы он несправедливыми своими донесениями не успел при Блистательной Порте Оттоманской в своих желаниях; он, не имевши никакого дела, кроме как приуготовляет себя укреплениями, и, почесть можно, с худым намерением, а я занят беспрерывно множеством дел от усердия и ревности к службе обоим государям нашим императорам и не могу успеть так скоро писать, как он; ежели на его письма последует решение от Блистательной Порты, я никак не могу приступить к исполнению, пока не получу ответ на сие мое представление; я уже объяснился вашему превосходительству: крепости Корфу взяты нами, большой частию русскими кораблями, и сдача от французов, и просьба их письмом последовала прямо на имя мое, потому что все сильнейшее действие, чем наведен страх крепостям и гарнизону, последовало чрез мою эскадру, равно как и на берегу, батареи устроены все начисто одними моими людьми, хотя при действиях на них находились общо, но всегда всякая работа, труды и неусыпность делались нашими одними людьми; за всем тем сдачу крепостей не принял я один на себя, как французы желали; для утверждения всегдашней нашей дружбы с командующим эскадрою Блистательной Порты включил я его во всем полным товариществом вместе.

С ним одним я и счет иметь буду, флаги на крепостях мы подняли оба вместе. Следовательно, и останутся сии крепости на том же самом основании, как учреждены нами и прочие острова безо всяких других товарищей; Али-паша мучил нас во все время обманчивыми переписками в проволочку, весьма долгое время отвлекал нас обманчивостию своею и препятствиями от вспоможения других, мы всячески хотели с ним согласиться, но, кроме обмана, от него ничего не произошло; он, надеясь, что успел уже оными, и торжествовал против нас своею гордостию, отказался формально нам помогать; на учтивое мое к нему письмо о просьбе присылки его сына и войск отвечал, что на каком основании он себя располагает во взятии Корфу, – писал к Кадыр-бею и Махмут-эфендию, что Корфу без него, без 25 тысяч его войска взять нельзя, требовал, чтобы поручено было взятие ее ему, и чтобы прислать к нему комиссара, денежную казну для жалованья его войскам, артиллерию и прочие военные припасы, и

когда предписано будет Корфу брать ему, тогда он и пойдет. Махмут-ефендий тогда же, объявя мне об оном, и ныне тоже объявляет, что со оных писем и его требованию он представил Блистательной Порте Оттоманской, следовательно, об оном известно; и, по всем таковым неприятствам его к нам, участником нисколько в Корфу он быть не может, и я до того его не допущу; теперь под скрытыми видами умножает он сюда присылкою свое войско или для того, чтобы показать, будто его было больше, а все говорят, даже некоторые при Кадыр-бее объясняются, что намерен он вести сюда десять тысяч или больше и произвесть худые дела противу нас.

Я в то ж время объяснился об оном с Кадыр-беем и Махмут-эфендием; ежели он предпримет таковую дерзость, я почту это открытием его бунта против Блистательной Порты и противу нас, и [на] все его суда, на которых переправляться будут сюда его войска, ежели они и с ним будут вместе, пошлю военные суда и велю их потопить для прекращения всякого неприятства, чинимого с его стороны, и раздоров войск его противу жителей здешних, дабы не случилось междоусобной войны, ибо они друг друга совсем терпеть не могут, о чем уже я многократно объяснялся; просил я Кадыр-бея и Махмут-эфендия, чтобы албанцам али-пашинским, заплатя все что следует, даже и дав награждение за их службу при вылазках за удерживание неприятеля и за недопущение его к разным помешательствам производимых действий с батарей, потом чтобы непременно приказать им чрез три дня отправиться в свои места; три дня после того уже прошли, а исполнения я никакого не замечаю, кроме как те же слухи умножаются об Али-паше и о его намерениях.

По таковым обстоятельствам, чтобы сии албанцы не произвели худых своих намерениев и пока мы еще не исправились судами, к отправлению французского гарнизона готовящимися, чтобы они не покусились предпринять чего-либо важного вместе с французами; городские ворота с сухого пути по сие время содержим мы с Кадыр-беем и с Патрона-беем запертыми, не впуская в них никого; обыватели города и все в нем находящиеся, боясь последствиев, таковую нашу предосторожность даже обожают своею благодарностию, но прочие считают, что город и крепости по сие время блокируются албанцами Али-паши, распускают все слухи, что Али-паша точно с войсками своими будет к ним на помощь, чего, я почитаю, быть никак не может, ибо я его ни до чего худого отнюдь не допущу, да и сам он не может иметь столько духу, чтобы повергнуть себя в пропасть неминуемую.

Я покорнейше прошу ваше превосходительство обо всем оном с Блистательной Портою объясниться и Али-пашу удержать от его намерениев, ибо всегда он с французами имел переписку, что и в письмах, взятых мною от французов в Мавре, значится; здесь, может быть, на несколько времени моим бдительным старанием она была приудержана, и, может быть, он теперь потерял надежду себя удержать в границах, но теперь старается он предупредить нас своими несправедливыми отношениями и получить на них резолюцию, чтобы быть ему с нами товарищем, что и случиться может, ежели ему поверят; не дождавшись наших донесений, уверяют, что он много имеет сильных друзей, но, ежели сие случится, я обо всех обстоятельствах с подробностию всеподданнейше донесу государю моему императору, великому визирю и его султанскому величеству, ибо интерес мой единственно в верной и усердной службе обеим империям, равно и исполняю пользу общественную; прошу как наискорее на все оное исходатайствовать резолюцию и с нарочным курьером прислать ко мне, я боюсь, чтобы в продолжение времени не случилось через него чего-либо неприятного, а особо упорной бытностию здесь войск его и к ним приумножения; Али-паша сначала и весьма долгое время стоял с войсками своими против Мустафы-паши и всем препятствовал и не допускал к нам помочи.

Мы его примирили, и тогда, когда он увидел, что французы сильно преукрепились и с малым числом войска не можем мы взять крепости, тогда мучил нас присылкою по малому количеству и переслал к нам до двух тысяч, а когда уверился явно, что нельзя взять нам с сим малым количеством, и, испробовав нас всякой обманчивостию, напоследок формально отказал, как выше означено, и притеснял нас в рассуждении провианта, жалования и пуль единственно в удержание от взятия крепостей.

Следовательно, в деле сем о взятии Корфу товарищества его теперь я принять не могу, и не по чему ему не следует; на свидетельство целого света, я могу послаться, как и кем взяты сии крепости. Махмут-эфендий с Кадыр-беем сказывали мне, что всегда о худых поступках Али-паши и обо всем оном к Блистательной Порте писали со всякой подробностию, и мне говорили, чтобы я от себя писал также, о чем я к вам относился, и ныне, когда видели и слышали об Али-паше все доходящие выше означенные объяснения и что между нами о сем говорено, хотели они непременно с такою же точно подробностию писать, просили, чтобы и я отнесся об оном прямо к Блистательной Порте и к верховному визирю, но я отношусь к вашему превосходительству и вас прошу объясниться как следует и доставить ко мне

решительный отзыв с нарочным курьером, нимало не умедля, которого я ожидать имею.

Федор Ушаков

Письмо Ф. Ф. Ушакова В. С. Томаре о стремлении англичан держать силы русского флота разделенными с целью лишить его возможности выполнить поставленные перед ним задачи

5 марта 1799 г., Корфу

Требование английских начальников морскими силами в напрасные развлечения нашей эскадры я почитаю – не иное что, как они малую дружбу к нам показывают, желают нас от всех настоящих дел отщепить и, просто сказать, заставить ловить мух, а чтобы они вместо того вступили на те места, от которых нас отделить стараются. Корфу всегда им была приятна; себя они к ней прочили, а нас под разными и напрасными видами без нужд хотели отдалить или разделением нас привесть в несостояние.

Однако Бог, помоществуя нам, все делает по-Своему – и Корфу нами взята, теперь помощь наша крайне нужна Италии и берегам Блистательной Порты в защиту от французов, усиливающихся в неапольском владении.

Прошу уведомить меня, какая эскадра есть и приуготовляется в Тулоне, англичане разными описаниями друг против друга себе противоречат и пишут разное и разные требования.

В Тулоне или один, или два большие корабля есть да разве еще два или три фрегата – и то сумнительно, теперь вся сила их, сколько есть, большею частию в Анконе, да и та ничего не значит. Сир Сидней Смит без нашей эскадры довольно силен. С английским отрядом при Александрии, не имея и не зная нигде себе неприятеля, требования делают напрасные и сами по себе намерение их противу нас обличают.

После взятия Корфу зависть их к нам еще умножится, потому и должно предоставить все деятельности мне производить самому по открывающимся случаям и надобностям. К господину сир Сиднею Смиту я писал, что теперь не имею на эскадре провианта, и многие суда требуют починки и исправления, да и встретившиеся теперь обстоятельства и необходимые надобности к выполнению эскадрами отделить теперь корабли и фрегаты от меня никак не позволяют; также объясняю, что в Тулоне эскадры французской нет или не более вышеозначенного количества, да и те, уповаю, блокированы будут господином Нельсоном.

Ежели осмелюсь сказать – в учениках сир Сиднея Смита я не

буду, а ему от меня что-либо занять не стыдно. Ежели я узнаю, что будет надобно, и того я не упущу. Копию с письма моего сир Сиднею Смиту при сем прилагаю.

Федор Ушаков

Письмо Ф. Ф. Ушакова Г. Г. Кушелеву с просьбой восстановить в чинах Александра Олешева и Карла фон Икскуль, разжалованных в матросы по делу о хищении пороха

13 марта 1799 г.

Двое несчастных разжалованных прошлого 1797 года из мичманов в матросы во 2 статью, Александр Олешев и Карл фон Икскуль, впадшие по молодости своей в погрешность и осужденные тогда по делу артиллерии лейтенанта Кондратьева в похищении им некоторого количества пороху, а они оказались участвующими при провозе на гребном судне того пороху, ныне находятся они в эскадре, мне вверенной, определенными с лейтенантом Метаксою на корабле командующего турецкой эскадры Кадыр-бея; и как они прежде были всегда из лучших и исправных офицеров, потому в рассуждении их знания и искусства от Кадыр-бея всегда употреблены бывают во всяких исполнениях по кораблю, а особо при флагманской и сигнальной должности.

Кадыр-бей прислал ко мне письменную особую об них рекомендацию, объясняя, что сверх выше означенных исполнениев Олешев и Икскуль в десант ко отражению неприятеля на вылазках и на штурм Сальвадора, где примером своим оказали они отличную храбрость и мужество; он приписывает им великую похвалу и просит представить их к награждению монаршего благоволения достойными. Я отношусь об оном к вашему высокопревосходительству: окажите вашу милость, исходатайствуйте высокомонаршую милость и прощение сим двум несчастным, прежде бывшим мичманами, возвращением и пожалованием их в прежние чины.

Я уверительно объясняюсь вашему высокопревосходительству, молодость толь ввергла их в погрешность, в прочем они весьма благородного состояния и в искусстве офицеры могут быть пресовершенные. Отец наш Небесный прощает кающихся, я надеюсь на всещедрую милость и благоволение монаршей и прошу вас, милостивый государь, о предстательстве. Сие снисхождение почту я собственно мне оказанным в таковой надежде.

Из донесения В. С. Томары Павлу I о впечатлении, произведенном на турецкое правительство взятием крепости Корфу

16 (27) марта 1799 г.

Взятие крепостей на острове Корфу произвело несказанное удовольствие в публике. С начала прихода эскадры в острова, скорое покорение разных малых укреплений подало надежду, что и в крепостях острова Корфу французы противиться не станут, и мнение сие подтвердили известия о малом запасе в крепости провианта; но когда потом сведали, что крепость снабжена довольным количеством пшеницы в зерне и воинскою амуницией и что имеет три тысячи гарнизона сверх экипажей находящихся там военных судов, то многие из министров турецких открыто в последнее время говорили, что крепость без надлежащей осады и обыкновенно употребляемых при атаке средств взята быть не может.

Письмо А. В. Суворова Ф. Ф. Ушакову о необходимости посылки к Анконе отряда судов для обеспечения коммуникаций в северной части Адриатического моря

23 марта (3 апреля) 1799 г., г. Вена

Здешний чрезвычайный и полномочный посол [русский посланник граф А. К. Разумовский] пишет ко мне письмо[156], из которого ваше превосходительство изволите ясно усмотреть необходимость крейсирования отряда флота команды вашей на высоте Анконы; как сие для общего блага, то я о сем ваше превосходительство извещаю, отдаю вашему суждению по собранию правил, вам данных, и пребуду с совершенным почтением.

На подлинном подписал: г. А. Суворов-Рымникский

Андрея Разумовского, сына последнего гетмана Украины Кирилла Разумовского, с детства готовили к карьере военного моряка. В 1769 г. он поступил на морскую службу в звании лейтенанта, в следующем году участвовал в Первой Архипелагской экспедиции и Чесменском сражении, затем командовал фрегатом «Екатерина», а в 1775 г. получил чин генерал-майора и перешел на придворную службу. В 1777 г. началась дипломатическая карьера Андрея Разумовского.

Долгое время он служил послом: в Неаполе (во многом благодаря его усилиям между Россией и Неаполитанским королевством установились доверительные отношения), Копенгагене, Стокгольме, Вене.

Письмо Нельсона Ф. Ф. Ушакову с поздравлением по случаю взятия Корфу и о выходе английской эскадры для блокады Неаполя

23 марта 1799 г.

С усердием поздравляю ваше превосходительство с победою Корфу, уверяю вас, что слава оружия верного союзника столь же для меня лестна, как и слава моего государя. Я имею великую надежду, что Мальта весьма в скором времени покорится действиям, производимым против оного [острова]. Флаг его сицилианского величества, равно и великобританский, поднят во всех частях острова, выключая города Ла-Валетта, жители коего с дозволения его сиц[илианского] в[еличества] предались под покровительство Великобритании.

Завтрашний день отправляется эскадра для блокады Неаполя, которая продолжится с неусыпным старанием до прибытия вашего превосходительства с войсками его в[еличества] вашего государя, кои, я не сомневаюсь, восстановят его сиц[илианское] в[еличество] на троне. Производя сие доброе дело, за удовольствие почту содействовать с вами дружелюбно и уверить вас лично, сколько я чувствую себя вашего превосход[ительства] и проч.

Указ Павла I Адмиралтейств-коллегии, объявленный Г. Г.

Кушелевым, о производстве вице-адмирала Ф. Ф. Ушакова за боевые отличия в адмиралы

25 марта 1799 г.

Его и. в. всемилостивейше пожаловать соизволил вице-адмирала Ушакова, за покорение всех похищенных французами прежде бывших Венецианских островов и взятие последнего из них острова Корфу с крепостями, укреплениями и военными кораблями, в адмиралы.

Письмо Ф. Ф. Ушакова В. С. Томаре о прибытии в Корфу неаполитанского министра Мишеру и о бедственном положении эскадры вследствие недостатка продовольствия, денег и материалов для ремонта кораблей

30 марта 1799 г., корабль «Св. Павел»

От его величества неапольского короля из Палермо вчерашний день прибыл в Корфу к соединенным эскадрам полномочный министр кавалер Мишеру на неаполитанском фрегате. Оный господин министр будет находиться при наших эскадрах, какого содержания всеподданнейший рапорт отправлен от меня его императорскому величеству, со оного точную копию и копию с приложенных при том писем о известиях и об обстоятельствах неапольского владения при сем прилагаю.

Неимение на эскадре провианта, а который и есть, совершенная его негодность, то ж неимение припасов, если бы можно было хорошо исправить корабли, удерживают меня на одном месте и никак никуда иттить нельзя. Сколько я ни избегаю, чтобы об этом не писать к государю, но никак не могу, должен хотя несколько донести к его сведению, какие обстоятельства меня удерживают; также и денег теперь совсем у меня нет, все таковые неимущества и обстоятельства, требующие исполнением, и многие наносимые беспокойства: просьбы офицеров и всех служителей разных, неполучение в худость и по неимению припасов, невозможность приступить к исправлению кораблей и прочие разные обстоятельства повергают меня в великое уныние и даже в совершенную болезнь.

Изо всей древней истории не знаю и не нахожу я примеров, чтобы когда, какой флот мог находиться в отдаленности без всяких снабжениев и в такой крайности, в какой мы теперь находимся; мы не желаем никакого награждения, кроме хотя бы

довольствованы были провиантом, порционными и жалованьем, как следует, и чтобы служители наши, столь верно и ревностно служащие, не были бы больные и не умирали бы с голоду, мы и тем одним были бы довольны; к тому корабли наши было бы чем исправить и чтобы мы не могли иметь уныния от напрасной стоянки и невозможностей действовать; вот, милостивый государь, крайность до каких приводит меня объяснениев, я ожидаю во всем скорейшей от вас помощи и снабжения, за деньгами на жалованье на сих днях посылаю я судно в Патрас к нашему консулу.

Прежде сего времени стояли все зюйдовые противные и весьма крепкие ветры, худая погода и штормы, при которых судов посылать туда было неможно, теперь время начинает быть лучше, потому и посылаю.

Федор Ушаков

P. S. Деньги все издержал я на разные покупки; всякую вещь, необходимо надобную, должен был покупать, а чрез то положенных мне денег к получению из Константинополя весьма мало и большое количество еще к тому потребно, да и деньги надобится получать разные…[157] турецкие, ибо они в других местах в употребление служить не будут.

Федор Ушаков

Письмо Ф. Ф. Ушакова Кадыр-бею о захвате тунисскими пиратами лодки с посланным в Бриндизи русским курьером

5 апреля 1799 г.

Российский полномочный двора его императорского величества министр граф Мусин-Пушкин-Брюс, пребывающий в Палермо при его неапольском величестве, письмом своим от 21 марта уведомляет меня, что два тунисские крейсеры в водах острова Фано, встретив лодку, которая послана была от нас с курьером в город Бриндичи к маркизу де Галло и для свободного ее пропуску туда и обратно дан был от меня и от вашего превосходительства паспорт.

Оная лодка вместе с другою, возвращаясь из города Летчи к нам с письмами, захвачена крейсерами, и между отправленными к нам из города и уезда Летчи людьми находился Российской императорской службы капитан Андрей Никацо, следующий ко мне в Корфу. Крейсера, невзирая на данный от меня и от вас

паспорт, захватили оную и, отобрав все имущество, людей взяли в плен и отвезли с собою в Тунис, в том числе и означенного российского капитана Никацо.

Императорский агент, в Тунисе пребывающий, узнав о несчастии нашего офицера, многим старанием его из-под караула он освобожден, но в рассуждении бывшего при нем имущества, присвоенного рейзами[158] помянутых корсарских судов, не оказано ему надлежащего удовольствия, как и по сие время не отпущен. Оные тунисские крейсера были здесь в Корфу под вашим покровительством, и я считал их противу нас дружескими, потому не ожидал никакого от них худого последствия.

В противном случае мог бы я их задержать. Покорнейше прошу благоволить отписать бею в Тунис и напомнить о договорах и трактатах наших, истребовать освобождения сего нашего офицера и других, с ним находящихся, и о возвращении их имущества, просить также, чтобы бей приказал своим крейсерам впредь не поступать таким образом с судами, которые имеют от меня и от вашего превосходительства паспорта.

Равномерно просим призвать к себе [рейза] ныне находящегося здесь тунисского крейсера, объявить и чрез него известить всех других крейсеров, чтобы, так как он находится под вашею протекцией и в рассуждении союза нашего с Блистательной Портой от нас они уважаемы, чинили бы и за нашими паспортами соответствие: судов в плен не брали и обид никаких им не наносили, в противном случае и с ними поступлено будет соответственно. Прошу, что вами по сему произведено будет, меня известить, в каковой надежде с наивсегдашним моим истинным почтением и преданностию имею честь быть.

Рапорт Ф. Ф. Ушакова Павлу I о мерах, принимаемых для оказания помощи неаполитанскому правительству в освобождении Южной Италии от французских войск, и о состоянии судов эскадры

8 апреля 1799 г., корабль «Св. Павел»

Высочайший вашего императорского величества именной указ января от 22 дня об отделении от меня с достаточной эскадрою контр-адмирала Пустошкина к острову Сардинии, в коей должно быть не менее четырех линейных кораблей с приличным числом фрегатов, и, ежели можно, отделить туда и большее количество кораблей, не имея и в моих операциях чрез

то остановки, коим и действовать в Сардинии соединенно с английским и Неаполитанским флотами; я с глубочайшим благоговением получил и всеподданнейше доношу, какова последовала после всего оного перемена в обстоятельствах неаполитанского королевства и в предпринятых действиях и какие доставлены ко мне требования неапольского королевского величества и вице-адмирала Нельсона, чтобы я с ожидаемыми сухопутными для десанта войсками обезопасил неапольские берега при заливе Венецианском и с соединенными российской и турецкой эскадрами пришел бы в Мессину и оттоль к Неаполю для освобождения оного вместе соединенно с английскою эскадрою вице-адмирала Нельсона; минувшего марта от 30 дня всеподданнейшими рапортами от меня вашему императорскому величеству донесено, после сего на сих днях получил я известие, что при берегах Венецианского залива в Бриндичи вошел один французский фрегат с нескольким числом малых судов, на них французов весьма мало, а большей частию одни бунтующие неаполитанцы, и не в великом количестве; за всем тем овладели они на островку против гавани небольшой крепостью и вошли в город Бриндичи, и что наместник королевский кардинал Руффо из Калабрии отрядил и с поспешностию послал от себя к Бриндичам войск своих до двух тысяч пятисот человек, в том числе несколько конницы, которые уповательно в самой скорости на освобождение Бриндичей поспешат. Эскадра, от меня посланная: два фрегата – «Михаил» и «Счастливый» и с ними фрегат неаполитанский, корвет и одно судно турецкие, уповаю, туда уже дошли и, по известным мне обстоятельствам и мелководности при берегах при тамошнем заливе, к полезнейшему содействию оной эскадры, по получении известия о последствиях в Бриндичах, тот же час послал я в соединение к эскадре шхуну № 1, хорошо большой артиллериею вооруженную, и с ней три турецкие канонирские лодки.

Уповаю, по благополучной погоде сегодняшний день они туда прибудут, а затем спешу я всеми возможностями, сходно с прежними донесениями, как наискорее исправить и приуготовить корабли и фрегаты, которые должны со мною следовать, ибо минувшее зимнее время, при всяких жестоких худых погодах и при случавшихся штормах, эскадра, мне вверенная, беспрерывно находилась в прилежных деятельностях и выполнениях, чрез долговременный поход и всегдашнюю бытность на море требуют немалого исправления и при всех недостатках и неимении припасов, материалов и лесов наивозможнейшими способами и неусыпным старанием исправляются в лучшее состояние.

Для препровождения прибывших сюда из Бриндичей

французских принцесс с их свитою с прибывшим для них от вице-адмирала Нельсона португальским кораблем посылаю я на сих днях в Триест два линейных фрегата – «Навархию» («Вознесение Господне») и «Св. Николай», которые, проходя туда, препроводят разных дружеских наций купеческие суда и в Венецианском заливе обезопасят коммерцию.

Я предпишу командующему оными фрегатами капитану 2 ранга Войновичу по прибытии туда осведомиться о войсках вашего императорского величества, следующих в Италию, и о тех баталионах, которые назначены прийти в Заро под командою генерал-лейтенанта Германа, ежели они не в дальнем расстоянии, послать курьера отвезти к командующему армиею письмо неапольского короля и от меня о следующих выполнениях, предписанных мне вашим императорским величеством высочайшим указом, и, ежели означенные войска могут прибыть к тем берегам, взяв число, сколько вознадобится наемных судов, на оных, на фрегатах и на португальском корабле батальоны, следующие в Мальту, доставить ко мне в эскадру.

Я же, как скоро корабли и фрегаты исправятся конопатной и плотничной работами, и, малейше не упустя времени, отправлюсь вместе соединенно с командующим турецкой эскадры от каждой с половинным числом кораблей и фрегатов, сходно как прежде имел счастие всеподданнейше донесть к стороне Бриндичам и Манфредонии, обезопасить и очистить оные места от неприятеля и потом поспешу иттить к Мессине и к Неаполю в соединение с вице-адмиралом Нельсоном, а между тем два баталиона, в Мальту назначенные, ежели не поспеют соединиться в здешнем краю со мною, доставлены будут ко мне на показанных двух фрегатах и португальском корабле с помощию от остающейся при Корфу эскадры.

Обо всех нужных к сему выполнениях, что до кого касаться будет, оставлю я достаточное распоряжение господину контр-адмиралу Пустошкину. Я сам с отделенной эскадрою предпринимаю смелость иттить в надежде высочайшего вашего императорского величества милостивого благоволения, единственно считая из того соблюдение истинной пользы службы вашего императорского величества по последовавшим выше объясненным разным и важным обстоятельствам, ибо командующий эскадры Блистательной Порты, находясь всегда в наилучшем согласии, охотнее решится везде быть со мною и содействовать вместе, а притом полагаю и [не] малая опытность моя в подобных выполнениях может быть небесполезна; я наиусерднейше желаю быть употребляем в деятельностях против неприятеля и не быть праздну, ибо, по взятии Корфу,

остаюсь я свободным.

Теперь в Корфу учреждается правление, сходное Рагузинской республике, дабы все завоеванные нами прежде бывшие Венецианские острова составляли одну республику и в Корфу был бы учрежден Сенат по надлежащим правилам. Я послал повеления мои во все те острова избрать достойнейших и быть им в Корфу для составления Сената и учреждения судебных мест и законов, чему как быть должно, а затем отправить к высочайшему двору вашего императорского величества и к Блистательной Порте Оттоманской депутатов на высочайшее утверждение и конфирмацию.

Сходственно сему получил я предписание, присланное из Константинополя от полномочного министра вашего императорского величества господина тайного советника и кавалера Томары. По отправлении моем с эскадрою поручу я все сии выполнения сделать и окончить господину контр-адмиралу Пустошкину. За всем тем буду я иметь старание всякие выполнения чинить сходно, какие окажутся важнейшие обстоятельства и надобности, и, когда буду находиться соединенно вместе с вице-адмиралом Нельсоном, все, что будет возможно к защите и спокойствию Сардинии, стараться буду согласоваться с его мнением и обстоятельствами, какие окажутся необходимы и полезнее.

По сведениям и по видимостям теперешних обстоятельств, ежели они еще не переменятся, весьма полезно бы было баталионы, назначенные вашим императорским величеством [и] обещанные в помощь неаполитанскому королю в Неаполь следующие, буде бы они пришли в Заро или в Триест, оттоль перевезти эскадрою, мне вверенной, и наемными судами чрез Венецианский залив в Манфредонию; тут при помощи эскадры все места тотчас бы можно было оными войсками очистить, и дорога из оного места была бы кратчайшая и удобнейшая к Неаполю, ибо во всей Италии теперь с давнего времени не слышно никакой прибавки французских войск, а находится их весьма мало, считают в разделенных разных местах не более до девяти тысяч, войска российские тотчас бы из Манфредонии перешли к Неаполю, и к ним соединились бы войска наместника королевского кардинала Руффо, и с действующею эскадрою Нельсона уповательно и с присутствием королевского величества, а я с соединенными эскадрами поспешил бы туда же к Неаполю; по мнению моему, могли бы все полезности исполниться с поспешностию, так я общим мнением с неапольским министром господином Мишеру полагали, но письмом от министра уведомлен я, что те войска пойдут в соединение под

начальственное распоряжение господина фельдмаршала графа Суворова-Рымникского, поэтому и неизвестно, будут ли уже они оттоль присланы в Заро, или куда в другие ближние тамошние места, или уже пойдут по всей Италии сухопутно.

Я буду обо всех обстоятельствах наведываться, предпринимать и исполнять полезнейшее. Его неапольское величество нетерпеливо ожидает меня с десантными войсками и спасение всей Италии надеется получить от войск российских. Из эскадры, мне вверенной, корабль «Св. Петр» за великой в нем течью, с давнего времени оказавшеюся, теперь разоружен и с поспешностию готовится к килеванию, а по неимению киленбанка, которой здесь вовсе разорен, к тому месту, где был киленбанок, поставлен худой прежде бывший венецианский корабль, верх с него срублен по нижнюю палубу и приготовляется быть киленбанком, также за большой течью необходимо надобно бы килевать корабли «Богоявление Господне», «Святую Троицу» и «Марию Магдалину», но припасов и всяких разных потребностей здесь налицо не состоит, да и мастеровых служителей весьма недостаточно, потому корабли «Магдалина» и «Святая Троица» поправятся только кренгованием, хотя и не с лучшей надежностию, а корабль «Богоявление Господне» необходимо должно килевать, ибо он имеет весьма великую течь, уповательно более оттого, что гвозди верхней обшивки все соржавели и нимало не держат и на ходу при небольшом волнении доски верхней обшивки из-под него выплывают; оный корабль в отдаленности от своего порта долго быть не в состоянии, и должно бы его отправить обратно в Ахтиар, ибо он начинает быть ветх. О чем сим вашему императорскому величеству всеподданнейше доношу.

Остров Итака. *Английская гравюра первой половины XIX в.*

Предписание Ф. Ф. Ушакова депутациям и старейшинам Ионических островов о сформировании правительства Республики Семи Островов

12 апреля 1799 г., корабль «Св. Павел»

По завоевании и освобождении соединенными эскадрами от французов прежде бывших Венецианских островов, сделав из всех их республику, надлежит учредить и установить правление и спокойствие народа. Город Корфу имеет быть главным присутственным местом, и в нем учредить должно Сенат.

Для учреждения же постановлений и надлежащих правил новому правлению и для составления Сената из всех означенных островов дали мы повеление депутации избрать выбором и баллатирациею между первейшими жителями искусных, честных, справедливых, достойных и с лучшими дарованиями особ: из острова Кефалонии 3, из Занта 2, Св. Мавры 2, Итаки 1, Цериго 1 и Паксо 1, которых и прислать немедленно в город Корфу.

Также и в оном городе избрать 3 человек самых достойнейших; а чтобы учреждением правления поспешить и малейше не замедлить, в городе Корфу избрать достаточное число лиц из первейших, достойнейших, с хорошими дарованиями и качествами и составить из оных комиссию,

которой вместе с прибывшими сюда ныне депутатами из Св. Мавры и из прочих островов, начать приуготовления и распоряжения: на каком что основании быть должно; сколько потребно иметь сенаторов; сколько, какие именно и для каких надобностей нужно учредить департаменты, равно и прочие присутственные места на каждом из островов, и что признано будет за лучшее и полезнейшее к спокойствию общества. Сочинив об оном подробное описание, представить ко мне; в потребных же обстоятельствах, ежели об чем вознадобится, советоваться со мною.

Ордер Ф. Ф. Ушакова капитану 2 ранга И. А. Шостаку о смягчении назначенного матросу И. Осипову наказания

16 апреля 1799 г.

В сходстве рапорта вашего высокоблагородия, от 21-го числа марта ко мне поданного, приговоренного учрежденною на вверенном вам фрегате скорорешительного военного суда комиссиею матроса 2 статьи Ивана Осипова за учиненное им во время сражения против артиллерии унтер-лейтенанта Тухалевского непослушание и дерзость по силе законов к лишению живота, а по уважению комиссии к сечению на всех судах кошками.

Я, уважая долгое его содержание под караулом, молодые лета и в надежде, что он таковой проступок заслужить может, но, к воздержанию его впредь от таковых дерзостей и непослушания, в пример прочим, рекомендую наказать на одном вверенном вам фрегате при собрании всей команды служителей кошками и сие наказание записать в тетрадь.

Письмо Ф. Ф. Ушакова В. С. Томаре о представлении депутатами сената и правления Ионических островов проекта организации управления республики и посылке депутации в Петербург и Константинополь для его утверждения

18 мая 1799 г., корабль «Св. Павел»

От депутатов всех освобожденных нами от французов прежде бывших венецианских островов, составляющих Сенат и правление в острове Корфу, представлен ко мне план об учреждении правления республики всех означенных освобожденных нами

островов, избираемый ими сходно с предписанием, обнародованным от святейшего патриарха Константинопольского по воле Блистательной Порты Оттоманской, с оного письма и плана, от них ко мне представленных, точные копии с перевода при сем препровождаю, на оное письмо по получении ответствовал я им: «Рассматривая оный план, нахожу с объявлением опубликованного святейшим патриархом Константинопольским манифестом согласным, а как сие учреждение правления и республики оных островов зависит от воли и конфирмации союзных российского и Блистательной Порты Оттоманской высочайших дворов, потому с прошением вашим об отправлении от вас к оным высочайшим дворам депутатов для испрошения конфирмации и воли всероссийского и Блистательной Порты государей императоров я согласен, тем паче что и Блистательная Порта Оттоманская требует от нас скорейшей присылки депутатов, и предлагаю отправлением оных не замедлить», которые вскорости отсель и отправятся с письма моего к оным депутатам, потому ж прилагаю точную копию.

Федор Ушаков

Письмо Ф. Ф. Ушакова В. С. Томаре о необходимости распространения установленного самоуправления на все Ионические острова и об обеспечении им покровительства России

18 мая 1799 г., корабль «Св. Павел»

В выписке именного его императорского величества указа, от 16 декабря [1]798 года к вам последовавшего, между прочим, значится: «Если оная (Порта) при подобном распоряжении убедительно настоять будет, как в записке ее, вам сообщенной, сказано, чтоб то учреждение ограничивалось в островах Корфу, Занте и Кефалонии, а острова Цериго и Цериготто, как находящиеся при самом входе в Архипелаг, следовательно, интересующие безопасность турецких владений, ей отданы были»; во оной записке, замечаю я, есть много выпущено, может быть, с намерением, упомянуто тут только об одних главных трех островах, а прочие выпущены и ничего об них не значит, а именно подле Кефалонии есть Малая Кефалония, или Итака именуемая, подле Корфу остров Паксо, а от Малой Кефалонии, недалеко Св. Мавры, и при нем много еще других малых островов, все они нами освобождены от французов, им даны от нас наши распоряжения, и теперь считаются вообще все вместе с

прочими и немаловажны, и вам все оные острова известны; то ж к сим островам по прежним вашим письмам город Парга, на албанском берегу находящийся, о котором я прежде сего описывался, беднейшее и бедственное состояние оных людей, ежели Парга достанется в их владение, бесподобно они беспокоятся; теперь учреждаем мы правление в островах, Паргу я сам собою не посмел включить в число оных, депутаты, оттоль приехавшие, отбою от них нет, от нас не отходят, проливают слезы и просят милосердия, чтобы их включить в то ж правление островов, прежде бывших Венецианских, я замечаю из зависти государя моего на сторону Порты, но что с ними последует, совсем я не понимаю; они с отчаяния до всякого бешенства и безумства дойтить в состоянии, а я ни к чему в помощь их приступить не смею.

Уведомьте меня, как и что об них определено будет, об островах же Цериго и Цериготто, сколь ни тяжело им будет перенести, может уже статься при необходимой нужде, но весьма нарушатся наши данные им обещания и мне глаз показать тут будет нельзя, почтется все нашим обманом и несдержанием слова, но да будет воля в том наших монархов, о прочих же островах, не упомянутых в записке, опасаюсь я, чтобы не последовало в заключениях какой-либо ошибки, начисто обо всех их говорить надобно, заключая тем и прочие малые острова, бывшие в Венецианском владении.

Я очень опасаюсь могущих быть после к нам недоверчивостей, а я всякое данное мною слово стараюсь сдержать верным, чрез что и имеют ко мне все наилучшую склонность и веру, это мне много помогает в моих деятельностях. Прошу покорнейше обо всем оном известить меня с подробными обстоятельствами, как чему быть должно; в Корфу и нигде в островах албанцев никак терпеть не могут. Я велел им в островах учредить свои войска, они уже учреждаются, весьма в малом только количестве, доходы здешних островов весьма малы, и войска много содержать не могут.

Следовательно, наших одних хотя и могли бы содержать, но албанцев 1500 человек и подумать нельзя, чтоб содержать могли, и одна мысль об албанцах здесь всех встревожит, потому и предупреждаю вас по секрету ото всех прочих, не объявляя здесь никому ничего, чтобы теперь таковым мнением не встревожили, ибо ничто еще обстоятельно не учреждено и не утверждено, я учреждаю все со всякой ласковостию и имею ото всех их великую доверенность; они почитают меня всегда и во всем справедливым, я и желаю удержать сию справедливость и доброе обо мне мнение, потому и прошу вас, милостивый государь, в том меня

подкрепить вашим сходным с сим расположением, и это, что они будут покровительством зависимы от Порты, их встревожит, чего никогда я им не поминал ни разу, всегда они ласкались, что будут под нашей защитой и покровительством или под общим союзных держав; при всем том, буде уже обойтись без чего нельзя, должно так быть. Ожидаю вашего благоприятного ко мне уведомления.

Федор Ушаков

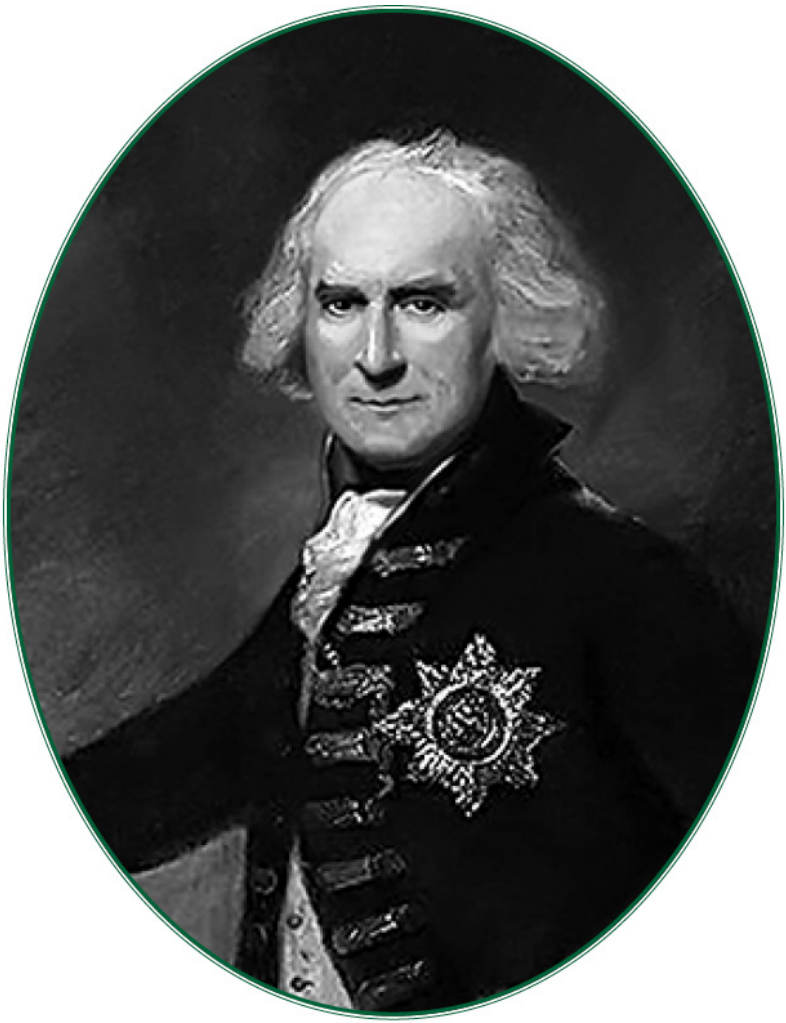
Рапорт Ф. Ф. Ушакова Павлу I об освобождении провинции Апулии отрядом судов А. А. Сорокина и о блокаде Анконы эскадрой П. В. Пустошкина

18 мая 1799 г.

Высочайший именной в[ашего] и[мператорского] в[еличества] указ минувшего марта от 27-го дня, в котором изображено: «Обеспеча плавание свое взятием Корфу, можете вы ныне гораздо с большим успехом исполнить данное от нас вам повеление, равно прикроете совершенно от покушений французских турецкие берега, взяв возможную осторожность от оставшихся в Анконе кораблей, делая над ними поиски, и стараться, чтобы не могли они выйти; равномерно пресечь по всему Адриатическому морю плавание для французских судов, препятствуя собираться в каковое-либо место транспортным их судам для помещения десантных войск; словом, стараться совершенно обеспечить от извергов сих все берега соединенных держав», я с глубочайшим благоговением имел счастье получить и всеподданнейше доношу: выполняя высочайшие в[ашего] и[мператорского] в[еличества] данные мне повеления, отделенною от меня эскадрою фрегатов и прочих судов под командою капитана Сорокина успешными действиями неаполитанского владения провинции Пулия[159] от французов освобождена, и оная ескадра продолжает еще свои успехи. Контр-адмирал Пустошкин также с отделенною от меня эскадрою, по первым известиям, почитаю, от сего времени более семи дней, дошел к Анконе и блокирует оную; также и посланные от него два фрегата с одним португальским кораблем к Триесту, почитаю, по тому ж непременно уже дошли; и Адриатическое море теперь от французов свободно, и всякая коммерция безопасна.

Я всевозможно поспешаю докончить исправление четырех кораблей; ожидаю в самой скорости провианта, необходимо надобного, и албанское войско, на соединенную эскадру с нами

следующее, и немедленно вместе с командующим турецкою эскадрою Кадыр-беем, присоединя с собою отделенную эскадру фрегатов, пойдем в повеленный путь к Сицилии, к Неаполю и в прочие места, где только надобность требовать будет.



Адмирал Александр Худ,
1-й виконт Бридпорт
(1726—1814)

Рапорт начальника десантного отряда майора А. Ю. Гамена П. В. Пустошкину о взятии города Фано

2 июня 1799 г.

Честь имею в[ашему] п[ревосходительству] донести и поздравить о взятии мною города Фано. По ордеру в[ашего] п[ревосходительства] от 29 мая отправился с отрядом войск, 100 русских солдат и 100 турок, в Пейзаро, где должен ожидать был цесарских войск. 31-го числа получил вторичный ордер, в котором изволили приказать: если будет помощь от жителей и найду за нужное итти к Фано, то следовать. Вчерашнего числа поутру в 6 часов со вверенным мне отрядом и частию жителей с двумя пушками выступил из Пейзаро к Фано, куда прибыли в 12-м часу и начали атаку с западной стороны.

Тогда, по согласию со мною, лейтенант Ратманов, увидя от неприятеля огонь по мне, лежа на шпринге, в самой ближней дистанции открыл канонаду, равно с цесарской лодки и двух жительских, вооруженных по 12-фун[товой] пушке, с фрегата капитана Зейнера, с тартаны и с баркаса корабля «Св. Михаила», подошедшего к самому берегу, действовали с выгодою.

С моей стороны атака производилась следующим образом: подойдя на дистанцию против западных ворот, открыл пальбу в оные из пушек; а как местоположение не позволяло учинить правильной атаки, то, избирая лучшие выгоды, отряжены были от меня капитан Чебышев и мичман Скаловский с российскими и турецкими войсками, которые прошли разными скрытными местами под самую крепость и начали неукротимую пальбу по неприятелю из ружей; а я с пушками, подвинувшись ближе к воротам, из коих неприятели производили пушечный огонь по мне и находящимся в разных местах войскам, принудили оную прекратить, производя сильную пальбу по воротам; в то же время капитан Чебышев и мичман Скаловский с войсками оказали величайшую неустрашимость.

В 3-м часу пополудни неприятель, увидя во многих местах из войск наших многих уже входящих на стены, оставили[160] крепость и ретировались в восточные ворота, числом их, по уверению жителей и по нашему замечанию при погоне, было около 500 челов[ек] с тремя полевыми пушками. Приметя расстройство неприятеля, тотчас приступили к воротам, которые вскоре с помощью жителей изломали; в продолжение оного времени неприятель успел из города выйти, за которым я, не останавливаясь в городе, гнался за мост реки, по восточную сторону города лежащей, а потом возвратился в город и оный занял. При сражении наших убитых не имеется; турецких убитых – 1 да раненых – 4.

При сем в[ашему] п[ревосходительству] честь имею рекомендовать за особое усердие и неустрашимые подвиги капитана Чебышева и мичмана Скаловского и нижних чинов

служителей, равно и турецкие войски.

Рапорт Ф. Ф. Ушакова Павлу I о преданности черногорского народа России

4 июня 1799 г., корабль «Св. Павел», при Корфу

Во исполнение высочайшего именного вашего императорского величества указа марта от 2-го числа послал я с письмом моим к митрополиту Черныя Горы Негошу флота капитан-лейтенанта, что ныне капитан 2 ранга, Клопакиса, который порученное ему дело исправил со всякой точностию.

Митрополит и весь народ черногорский всеподданнейшую и вернейшую приверженность имеют к вашему императорскому величеству. Письмо его марта от 17-го дня, мною полученное, письмо генерального консула в Рагузе графа Джика и при нем копию с письма же митрополита при сем всеподданнейше подношу.

Хотя объясняют они, между прочим, опасность, ими предвидимую, но при бытности эскадры в здешнем краю ничего подобного, по мнению моему, случиться не может, а особо, что французы в Венецианском заливе теперь не существуют. Флота капитан Клопакис, по сходству высочайшего мне повеления, из Рагузы отправился в Заро для осведомления о войсках генерал-лейтенанта Германа, прибыть туда следующих, а оттоль отправился в Триест и далее к господину фельдмаршалу графу Суворову, отколь с надлежащими сведениями я его вскорости ожидаю. О чем сим всеподданнейше доношу.

Адмирал Ушаков

Письмо русского консула в Мессине Анастасия Манса Ф. Ф. Ушакову о прибытии французской и испанской эскадр в Средиземное море и о действиях английских эскадр Сен-Винцента и Нельсона

6 июня 1799 г.

Пользуясь оказиею отправления отсель капитана Григория Шмита, дабы сообщить разные вести. Известно в[ашему] прев[осходительству], что французская эскадра, вышедшая из Бреста и состоящая в 19 кораблях, равным образом гишпанская, состоящая в 21 корабле[161], вошла в Средиземное море. Лорд

Сен-Винцент занял местоположение, которым воспользоваться мог, дабы гнаться за первою и тем воспрепятствовать соединению оной с гишпанскою.

По случаю сильной бури, причинившей разные повреждения эскадре гишпанской, от которой на некоторых кораблях мачты сбиты были, эскадра гишпанская принуждена была войти в Карфаген[162], а французская – в Тулон. Между тем лорд Нельсон, стоящий на высоте Маратима и узнавши там, как о входе неприятельских флотов во взаимные порты, так и [о] прибытии флота Сен-Винцента, который, конечно, доволен бы был блокировать по крайней мере французскую эскадру и тем воспрепятствовать соединению оной с гишпанскою или разбить одну и другую эскадру на особых сражениях; оный лорд Нельсон возвратился в Палермо, где предпринять он хотел действия свои противу Неаполя, где, за исключением немногих злодеев, жители сего города сердечно желают, чтобы прежнее законное правление восстановлено было.

Во время, когда кардинал Руффо выступил противу Неаполя, лорд Нельсон взял на свой флот 1500 человек, инфантерию и кавалерию, наследного принца, генерала Актона и других чиновников и 2-го числа сего месяца поутру отправился к Неаполю, дабы занять оный город. Таковы были известия, полученные здесь по вчерашнее число. Чрез прибывшее же в несколько часов из Палермо судно выведано, что лордом Нельсоном получено известие чрез отправленный к нему от лорда Сен-Винцента бриг, что флот французский вышел из Тулона.

По получении сего известия лорд Нельсон возвратился 3-го числа в Палермо, где высадил он наследного принца и всех взятых им людей, и приуготовляется теперь к походу. А сего числа поутру прибывший сюда курьер с письмами от господ Мусина-Пушкина-Брюса и лорда Нельсона к в[ашему] прев[осходительству] подал мне новости о прибытии флота французского в Геную, где ожидает в сикурс еще пять кораблей. Думают, что французский флот выйдет в море и продолжать будет плавание свое в Дарданеллы. Морские силы лорда Нельсона состоят в 18 линейных кораблях.

Письмо Ф. Ф. Ушакова В. С. Томаре о положении дел на русской и турецкой эскадрах в связи с предполагавшимся выходом судов на соединение с английской эскадрой

9 июня 1799 г., корабль «Св. Павел»

Почтеннейшее письмо вашего превосходительства из Буюк-Дере мая от 24-го числа, дубликатом писанное, вчерашний день я имел честь получить, а первое ко мне не дошло, и я не получал. О содержании оного о выходе французского флота из Бреста объявить честь имею о полученном мною: от командующего английскою эскадрою, при блокаде Мальты находящегося, получил я письмо, и по оному во все места, куда следовало, я сведения от себя послал.

Ожидаю эскадр, от меня посланных, от Бриндичей, Манфредонии и Анконы и, приуготовляясь, спешу соединенно со оными иттить в соединение к Нельсону, о чем к вашему превосходительству троекратно уже письмами моими с нарочными курьерами донесено и с письма господина капитана Бол копии к вам препровождены. Уповаю, что вы уже их и получили. Крайняя [нужда] только настоит, и, можно сказать, бедственное наше состояние с Кадыр-беем, что не имеем нужно надобного числа провианта, ежечасно ожидаем, но в привозе мало, да и то только привозят одни сухари нехорошие и негодный булгур, сколько ни худ, да и тот совсем испортился.

Что делать без провианту, я совсем не знаю, но надеюсь на Божескую помощь. Может быть, обещанный вами тот, который вновь назначен к нам на четыре месяца, не привезут ли его или не подвезут ли из Черного моря из наших портов, как вы меня известить изволили.

О распоряжении нашем со всеми обстоятельствами я имел уже честь к вам писать, и вам известно; при отправлении отсель так же аккуратно уведомить не премину. Стараться будем о соединении с Нельсоном и о защите всех мест, принадлежащих Блистательной Порте Оттоманской, и Корфу.

Не знаю, как мы можем соединиться с Нельсоном; в письме аглицкого капитана Бол означено: о рандеву можем мы узнать в Марселе, в Сицилии или в острове Маритимо, то есть на высоте Сицилии к стороне Гибралтара. Следовательно, уведомлен я только, что там узнать можно, куда пошел господин контр-адмирал Нельсон. Мнением моим я полагаю, для соединения с своей эскадрою и для соединения с эскадрами ж английскими, ежели они будут с лордами Бридпортом и с Винцентом к Гибралтару, там, как я думаю, должно ему соединиться, следовательно, он нас нигде в здешнем краю ожидать не будет, и французский флот остается между нами.

Между тем ожидаю еще вернейших известий из Сицилии. Хотел я послать туда нарочное судно, но [мои] обе эскадры так связаны, что малых судов легких при нас совсем нет, а без них так, как без души или без рук; от меня три судна посланные с

пленными французами в Тулон еще не возвратились, и об них неизвестно, два судна посланы от меня с эскадрою контр-адмирала Пустошкина, одно судно в посылке за деньгами в Патрас, и теперь одно только здесь на брандвахте.

У Кадыр-бея, к крайнему удивлению, от Порты при эскадре малых легких судов совсем нет, кроме малого числа канонирских лодок, которые ни в какую посылку не способны, кроме употребления при осаде. По уведомлению вашему ожидаем мы, не будут ли какие легкие суда к нам присланы, но теперь их нет.

Федор Ушаков

Рапорт Ф. Ф. Ушакова Павлу I о занятии неаполитанских владений и намерении выйти с эскадрой из Корфу в Мессину для соединения с английской эскадрой Нельсона

22 июня 1799 г.

После прибытия в Корфу эскадры контр-адмирала Пустошкина сейчас прибыла эскадра фрегатов от Манфредонии под командою капитана Сорокина. Имею счастие всеподданнейше проздравить в[аше] и[мператорское] в[еличество]: десантными войсками со оной эскадры под командою капитан-лейтенанта Белле с помощию обывателей при многих действиях неаполитанское владение от французов, карманиолов и бунтовщиков освобождено; войска в[ашего] и[мператорского] в[еличества] вошли в Неаполь, во многих местах разбили французов и бунтовщиков, к ним присоединились войска кардинала Руффо; Неаполь и укрепления оного взяты; оставался только замок Сант-Эльмо, который начат атакою, и совершенная надежда предвиделась в то ж время его взять.

Войска наши, состоящие из солдат и матрос до 600 человек, под командою капитан-лейтенанта Белле находящиеся, в городе и крепостях заняли караулы и содержание предосторожностей, и по крайней необходимости остались в Неаполе.

Я спешу пришедшие эскадры, сколько здесь есть, снабдить малым числом провианта и, нимало не медля, с оными в числе 6 кораблей, 4 фрегатов, 2 или 3 малых судов, тож и с турецкою эскадрою отправлюсь в Мессину и к Неаполю и оттоль – в соединение с английскою эскадрою на общее действие.

Капитан Сорокин и командиры, с ним находящиеся, оказали многие услуги добрыми и расторопными исполнениями данных от меня предписаниев. Капитан-лейтенант Белле и с ним все подкомандующие оказали многие беспримерные храбрые дела и

подвиги, и отличной дисциплиною и содержанием войск в добром порядке приобрели от всего Королевства Неаполитанского великое уважение.

В препровождении войск наших от Манфредонии в разные места и в Неаполь добрыми распоряжениями и советом великое участие имел неаполитанский министр Мишеру, отличным пособствованием его благоразумия оказал он величайшую услугу королевскому величеству и войскам в[ашего] и[мператорского] в[еличества], вспомоществуя им даже всеми продовольствиями в изобильном достатке, и капитан Сорокин относит ему справедливую похвалу и признательность.

За сим всеподданнейше доношу: министр Мишеру припискою ко мне в своем письме уведомляет, что контр-адмирал Нельсон с 18 кораблями, в том числе 5 трехдечных, 4 фрегатами и 3 бригами, прибыл к Неаполю, и сильные эскадры английские вошли в Средиземное море; гишпанский и французский флоты заперли и блокируют в Картагене[163], Кадиксе и на Генуэзском рейде, и что при оных морская сторона теперь безопасна.

Вид на крепость Сант-Эльмо.
Фотография Джоржио Зоммера

Рапорт Ф. Ф. Ушакова Павлу I о действиях эскадры П. В. Пустошкина и десантного отряда А. Ю. Гамена под Анконой

24 июня 1799 г., благополучный корабль «Св. Павел», при Корфу

Сего месяца 22-го числа господин контр-адмирал и кавалер Пустошкин с эскадрой от Анконы прибыл в Корфу благополучно для следования соединенно с ескадрой, мне вверенной, к Сицилии и далее к соединению с аглицкою эскадрою и рапортом своим донес: после взятия местечка и укрепления Фано майор Гамен с десантными войсками, под командою его находящимися, российских баталионных обер– и унтер-офицеров и рядовых двумя стами семьюдесят морских и артиллерийских двадцатью одним, турок ста пятидесятью, всего четыреста сорок одним, как в рапорте майора Гамена означено, 6-го числа в пять часов пополудни из Фано выступил он и отправился для атаки и взятия местечка и укрепления Сенигал, поблизости Анконы находящегося, и напервее расположился при реке Сезано в трех милях от Анконы; 7-го числа в восемь часов пополуночи, следуя к укреплению Сенигал, не доходя до оного, неприятель, вышед из укрепления, встретил их ружейной и пушечной пальбой, но в самой скорости был прогнат и заперся в укреплении; майор Гамен с десантными войсками и с помощью нескольких обывателей с живостью атаковал крепость, и началось жестокое сражение.

В то ж время с новокупленной бригантины и с судна тартаны произведена сильная канонада на неприятеля, так что он пушки свои принужден от войск наших обратить на бригантину и стрелять по оной ядрами и картечью, но действием с бригантины неприятель с уроном нескольких людей от пушек отбит, между тем майор Гамен с тремя пушками приступил к воротам крепости и старался оные разбить; посланный от него капитан Чебышев с гренадерами атаковал укрепление с правого фланга, а подпоручик Аполлонов с одною пушкою с левой стороны; неприятель пушки свои с бастиона, лежащего к морю, поворотил на наши войска и палил картечью, но бригантина производимой жестокой пальбою в том ему воспрепятствовала и вторично принудила пушки обратить противу себя; по продолжении полутора часа бою войски наши бросились на штурм к воротам и на стены и тотчас неприятеля разбили и обратили в бегство.

Бригантина старалась сняться с якоря, чтобы еще более вредить бегущего неприятеля близ берега, но по противному ветру сего произвесть было не можно. Неприятель в числе до пятисот человек ретировался в крепость Анкону. При сем деле с нашей стороны убитых: гренадер – 1, фузелер – 1, турок – один; раненых: капитан Чебышев ружейной пулею, тож гренадер и

фузелер – 13, турок – 4. Всего 18 человек. С неприятельской стороны убитых более тридцати, в плен взято два человека, на бастионе взято четыре пушки чугунных, две двадцатичетырех и две осьмифунтовые, пороху три бочонка, ящик со снарядами.

Господин контр-адмирал Пустошкин за неустрашимую храбрость, исправность, ревность и усердие рекомендует отлично десантного командира майора Гамена, также рекомендует за храбрость и усердие, ревность и расторопные действия турецкого капитана Зейнера, лейтенанта Ратманова, капитана Чебышева, мичманов Скаловского, Неронова и Куликовского, подпоручиков Аполлонова и Бардаша, унтер-офицеров Бриммерова батальона Попова, Кромаренкова, Скляренко и Протопопова, относит похвалу российским и турецким нижним чинам служителям и представляет просьбою своею донесением об оных вашему императорскому величеству, о которых и осмеливаюсь всеподданнейше представить, яко о достойных и заслуживающих благоволения.

Также господину командующему эскадрой контр-адмиралу и кавалеру Пустошкину отношу справедливость за доброе распоряжение. Он намерен был, сходно как и от меня в последнем повелении ему предписано, оставить при Анконе фрегаты «Навархию» и «Казанскую», но на оных провианта в наличии осталось весьма малое количество и оказались некоторые повреждения, потому и прибыл он со всеми ими в Корфу. Я в самой скорости приказал оные два фрегата исправить.

На фрегат «Навархию» отдан еще не доконченный работою новый шпиль в перемену испорченного, на фрегате «Казанской» переменено за гнилостию несколько бимсов, и оба поправлены конопатью; и сего числа фрегаты «Навархия», «Казанская Богородица», «Сошествие Св. Духа» и новокупленная бригантина, тож один фрегат, один корвет и одно из малых судов турецких под командою флота капитана 2 ранга и кавалера графа Войновича из Корфу отправились к Анконе для блокирования и взятия оной, также и для охранения коммерции в Венецианском заливе.

А я с эскадрою, мне вверенной, в числе шести кораблей, четырех фрегатов и двумя авизами соединенно с эскадрою Блистательной Порты на сих днях в самой скорости имеем отправиться к стороне Сицилии – в Мессину и далее в соединение с аглинскими эскадрами, о чем сим всеподданнейше доношу.

Адмирал Ушаков

Из рапорта Ф. Ф. Ушакова Павлу I о действиях отряда судов А. А. Сорокина и десантного отряда Г. Г. Белле в Италии и при взятии Неаполя[164]

24 июня 1799 г., корабль «Св. Павел»

Имел я счастие всеподданнейше донесть вашему императорскому величеству об успешных действиях эскадры, посланной от меня под командою флота капитана 2 ранга и кавалера Сорокина, обошедшей от стороны Адриатического моря неаполитанские берега и находящейся в Манфредонии, что действиями оной эскадры многие провинции от французов, якобинцев и бунтовщиков освобождены и установлен в них порядок и спокойствие[165].

Напоследок десантные морские войска с оной эскадры под командою флота капитан-лейтенанта и кавалера Белле вместе с войсками неаполитанского фрегата «Фортуна», при неаполитанском полномочном министре и кавалере Мишеру находящиеся, спомоществуемые путеводительством и распоряжением оного господина министра Мишеру, по многих действиях достигли столичного города Неаполя, во оный вошли, неприятеля разбили и городом Неаполем овладели.

Эскадра флота господина капитана Сорокина сего месяца 22-го дня от Манфредонии прибыла ко мне в соединение в Корфу для следования к дальнейшим предприятиям и исполнению. От флота капитана и кавалера Сорокина рапортом ко мне объяснено, [что] когда десантные войска наши в числе 15-ти штаб– и обер-офицеров, матросской команды – 117, солдатской, унтер-офицер и рядовых – 312, артиллерийской – 36, неаполитанских с фрегата «Фортуна» при одном унтер-офицере солдат – 30, всего 511 человек, с шестью пушками находились в близости уже Неаполя, остановились от оного в 35 милях, командующий оными капитан-лейтенант Белле чрез полномочного министра господина Мишеру был предуведомлен по верным известиям, что в Неаполе войска неприятельские и якобинцы, узнав приближение войск наших, пришли в великое замешательство и робость и что все приверженные и верные королю неаполитанскому тем ободрены и с восхищением ожидают войск наших на их освобождение от французов и бунтовщиков.

Господин министр Мишеру и флота капитан-лейтенант Белле просили командующего эскадрой прислать к ним, сколько наивозможно, в сикурс войска на вспоможение. Флота капитан

Сорокин, сообразуясь с данным ему от меня повелением и наставлениями, собрал военный совет, общо с господами командующими согласно положили, не упуская полезного случая, производить дальнейшие действия.

И сколько могли отделить с эскадры служителей, послали еще вдобавок к прежним при двух офицерах матросской команды 31, солдатской – 64, всего 97 человек, которые посланы по почте с повелением к капитан-лейтенанту Белле, как искусному и храброму офицеру, не пропустить полезного случая узнавать все обстоятельства от полномочного министра и кавалера Мишеру, брать от него советы и согласно с ним действовать всеми возможностями в освобождении Неаполя.

Июня 14-го числа флота капитан Сорокин получил от командующего десантным войском капитан-лейтенанта Белле рапорт об успехах вверенного ему войска, что город Неаполь покорен под власть его королевскому величеству, 3 июня, следуя с войсками к Неаполю, занимал он всегда авангард перед войском кардинала Руффо, приближаясь к замку Портеже, который занят был якобинцами; как скоро сии бунтовщики увидели приближающееся наше войско, оставя замок, из оного бежали; капитан-лейтенант Белле тотчас оный занял, поставил на нем флаг его величества короля обеих Сицилий и, оставя для гарнизону в нем потребное число из войск неаполитанских, продолжал поспешный марш к крепости Велини, дабы, не останавливаясь, атаковать и взять ее штурмом, зная, что находившиеся в ней неприятели в крайней робости; которая [крепость] по малом сопротивлении и взята, гарнизон, которые не успели уйтить, побиты[166], на оной крепости также поставлен флаг неаполитанский и оставлен из неаполитанских солдат гарнизон, сколько потребно.

Войска наши не умедлили поспешить занять мост Магдалены, который был укреплен к сопротивлению, и войскам к нему должно было проходить дорогою близ моря. К воспрепятствованию прохода нашим войскам с моря подле берега поставлены были вооруженных 30 канонерских лодок. Капитан-лейтенант Белле приказал вблизости в удобном месте сделать противу их батарею и, поставя на нее орудия, производил жестокую канонаду: две лодки канонерские потоплены, а прочие ретировались прочь, войска наши поспешно следовали на мост, разбили неприятеля в укрепленных местах и оным овладели.

С неприятельской стороны многие побиты на мосту, а прочие ретировались; на батареях, защищающих мост, найдено 4 тридцатитрехфунтовые пушки, а на мосту одна 36– и одна 18-фунтовая. С нашей стороны убитых не имеется, раненых:

гардемарин Голенищев, матрос два человека.

Капитан-лейтенант Белле в сих действиях отличает храбростью и искусством командующего десантными матросами господина лейтенанта Снаксарева и бывших в команде его мичманов Викорста, Никифорова и гардемарина Голенищева, а при солдатах командира – поручика Александера, подпоручика Воробьева, прапорщиков Иванина и Арабелли и командующего при артиллерии констапеля Чуяни, который содействовал весьма искусно и храбро и наносил великий вред неприятелю, похваляет всех нижних чинов в ревностных действиях, отличной храбростью, также рекомендует волонтера майора Кариди, который всегда находился при господине Белле и употреблен был в действиях, которые производил ревностно с храбростью.

3-го числа сего месяца войска наши храбрыми подвигами с большим уроном неприятеля овладели замком де-ле-Кермени, укрепились во оном и чрез то нашли себя властителями города Неаполя. 5-го и 6-го числа занимались деланием батарей против замков Ново и Делово, и 7-го числа, окончив работы при батареях, со оных производили жестокую канонаду против означенных замков.

Неприятели устрашены успехами действия наших орудиев, при немалой их потере принуждены просить договоров, что от них и принято; во время действия против оных замков с нашей стороны убитых: унтер-офицер – один, матрос – один; оной батареею командовал лейтенант Снаксарев и при нем находились мичманы Викорст, Никифоров и Карачинский, морских батальонов поручик Гремов; капитан-лейтенант Белле относит им за искусство и храбрость отличную похвалу. 9-го числа означенные замки сдались на договор, гарнизон из них отправлен в Тулон, затем остался один только замок Сант-Эльмо, который уже войсками нашими начат атакою.

От 4-го числа сего месяца от командующего десантными войсками особым рапортом донесено: предуведомлен он был, что якобинцы хотели его атаковать в ночное время; упреждая он таковое их намерение, отрядил от себя поручика Александера со ста человеками фузелер и гренодир и с 30-ю матросами, мичмана Викорста и с 2-мя пушками, для атакования неприятеля вместе с войсками кардинала Руффо, которые пошли в обход неприятеля с тылу, а поручик Александер повел отряд своего войска прямо против неприятеля, производя жестокий ружейный и пушечный огонь, и, как скоро приметил он робость и замешательство неприятеля, тотчас приказал отряду своему в толпу неприятеля, состоящего более тысячи человек, броситься и действовать штыками; сие произведено [с] столь живейшею храбростью и

мужеством, что в самое короткое время вся толпа разбита, триста человек положено на месте, в плен взято 60, одно знамя, пять полевых пушек и 25 обозных лошадей, остатки корпуса якобинцев рассеялись и истреблены сельскими жителями.

Во время сего сражения сержант Линев с храбростью и мужеством отнял у неприятеля знамя и заслуживает отличную похвалу. С нашей стороны убито: унтер-офицер – один, фузелер – один, матрос – один; ранены: унтер-офицер – один, фузелер – 6, канонир – один, раненых – 8 человек. За столь знаменитую битву от десантного и эскадренного командиров за ревностную храбрость и мужество рекомендованы отлично поручик Александер, мичман Викорст, справедливую похвалу относят всем служителям, бывшим при оном деле, за беспримерную их храбрость, мужество и рвение, которое они заслуживают.

После таковых успехов королевство Неаполитанское покорено и состоит в верности его величеству королю обеих Сицилий. Остается только замок Сант-Эльмо, который в надежном уже положении сдаться на капитуляцию, и отстоящие от Неаполя не в дальнем расстоянии замки Капуя и Гаетта, против оных войска кардинала Руффо туда же отправились, а за ними же пойдут и наши войска, и, по известиям, есть верная надежда о скорой сдаче оных…

Командующий эскадрою флота капитан 2 ранга и кавалер Сорокин исполнил данные от меня повеления и наставления во всех подробностях, поступал и все деятельности производил искусно, с храбростию, ревностию и усердием и заслуживает милостивое благоволение.

Полномочный неаполитанский министр господин кавалер Мишеру деятельностию своею, искусством и знанием во всех производствах означенных дел наибольшей частию участвовал в победах, по советам и по добрым расположениям которого командующий десантными войсками производил важнейшие действия и успехи, заслуживает отличную похвалу и благоволение. Письмо его ко мне вашему императорскому величеству во оригинале при сем всеподданнейше доношу…

Адмирал Ушаков

Кардинал Неаполя Фабрицио Руффо
(1744—1827)

Письмо А. В. Суворова Ф. Ф. Ушакову о сдаче французами крепости Александрии, сосредоточении главных сил французской армии у Генуи и необходимости усиления флотом блокады неприятельских берегов

16 (27) июля 1799 г., Боско близ Александрии

Милостивый государь мой Федор Федорович!

Александрийская цитадель, защищавшись одиннадцать дней упорно, наконец принуждена сдаться на дискрецию, а гарнизон военнопленным. Убито у него около 400, отправлено до 2700, в том числе до 200 офицеров; пушек и мортир больше ста, много снарядов и припасов. Мы потеряли до 80-ти убитых и раненых за двести. Цитадель первого класса, и третья наша параллель была на короне гласиса.

Обратя теперь виды свои на Геную, выступил я теперь в поход. Мне надлежит осилить некоторыми крепостями; трудности, препоны отнимают у меня довольно времени, как и изготовление к горному походу; провиант и припасы должны быть доставляемы на мулах, а после, когда достигнем берегов Ла-Ривьеры, то уже из Ливорно (ежели он за нами устоит) и морем. Главные силы неприятельские около Генуи: субсистенцию[167] они получали водою из Романии, ныне ж почти того лишены и должны ее иметь из одной Франции.

От Пониенты к Леванте, а паче от берегов Франции ваше высокопревосходительство покорнейше прошу принять попечительные и благоразумные, свойственные вам меры к пересечению ее, дабы оголодить сию распутно-зловредную армию. Извольте знать, что генуэзцы кормятся сами из чужих мест, то есть особливо и в большом виде припасы свои получали они из Африки и Архипелага.

Союзные флоты ныне господа моря и легко в том препятствия утвердить могут. О ежевременном по сему бдении ваше высокопревосходительство изволите наивозможнейше сообщить главнокомандующим прочих флотов адмиралам. Хотя о сем я писал лорду Нельсону, как и Порте Оттоманской чрез чрезвычайного аглицкого министра – Винтгама.

Я просил також его величество короля неаполитанского, чтобы повелеть изволил своему галерному флоту очищать итальянские берега от неприятельских корсеров, препятствовать потайному провозу из сих мест хлеба, охранять також учреждаемые хлебные наши магазейны в Ливорно и Пизе и прикрывать в свое время транспорты наши к армии по предписаниям.

Пребуду навсегда с совершенным почтением, милостивый государь мой, вашего высокопревосходительства покорнейший слуга

Граф Александр Суворов-Рымникский

Рапорт Ф. Ф. Ушакова Павлу I о невозможности выделить суда в помощь эскадре Сиднея Смита

19 июля 1799 г.

Высочайшим в[ашего] и[мператорского] в[еличества] от 20 мая указом повелено: по требованию командора Сиднея Смита, командующего эскадрами против Египта, для усиления его отделить мне 2 фрегата и послать к нему; на сие в[ашему] императорскому] в[еличеству] доношу, что из эскадры, мне вверенной, 3 фрегата – «Навархия» («Вознесение Господне»), «Богородица Казанская» и «Сошествие Св. Духа» – находятся в отделении в Венецианском заливе при блокаде Анконы; фрегат «Счастливый» с прочими малыми судами послан в Одессу для перевоза оттоль назначенных двух батальонов в Корфу; [так как] с остальных при эскадре находящихся 3-х фрегатов – «Св. Михаила», «Григория Великия Армении» и «Св. Николая» – вся морских батальонов команда и немалое число матрос и канонир, будучи в десанте от Манфредонии, прошли в Неаполь, то для забрания сих служителей сии фрегаты пойдут со мною чрез Сицилию в Неаполь.

Из письма Ф. Ф. Ушакова командующему турецкой эскадрой Кадыр-бею о мерах для предупреждения нападения Али-паши Янинского на о. Корфу

22 июля 1799 г.

Доходят до меня от разных многих людей неприятные известия и слухи, равно и вашему превосходительству таковые ж доходят в сведение и известны о некоторых важных чиновных людях, со стороны Албании будто бы есть намерение во время отсутствия эскадр наших сделать некоторое покушение против Дельвино, на остров и на крепости Корфу и чтобы оными овладеть, хотя сему не можно совершенно верить, но должно предпринять и иметь предосторожности; сообщая об оном к общей пользе империй Всероссийской и Блистательной Порты Оттоманской, прошу ваше превосходительство на время отсутствия нашего с эскадрами от Корфу определить от вверенной вам эскадры содержать брандвахтенный пост в узкости пролива при Дельвине, охранять оный пролив и сие место и вооруженных судов с войсками к Дельвину и к Корфу не допускать, приказать иметь всякую военную предосторожность и охранение под наистрожайшим взысканием за упущение, ежели что-либо последует подобное.

Как вашему превосходительству известно, что господина Али-паши суда наносят великий вред и беспокойство островам,

прежде бывшим венецианским, от французов нами освобожденным, о чем я к нему писал и к Блистательной Порте чрез министра в Константинополе представлено; прошу вас сделать распоряжение ваше о защите оных островов от таковых противозаконных поступков, судами Али-паши чинимых, и ни до каких важных дел не допустить.

Я о сем вашему превосходительству сообщаю с тем, что всякое таковое нечаянное последствие, ежели что-либо случится после сего моего к вам объяснения, останется совершенно на вашем отчете; потому и прошу фрегаты и корветы ваши, здесь остающиеся, распорядить так, чтобы они весь пролив при Корфу и острова, нами освобожденные, защищали от всяких нечаянных нападениев, хотя бы оно случилось и со стороны Албании; таковое предохранение следует в собственную пользу его султанского величества.

Ежели же в чем востребует надобность, командующие оными фрегатами могут требовать вспоможения от остающихся при Корфу наших кораблей, которые исправляются от худостей, однако на защиту здешних мест выттить могут; командующему оными флота капитану первого ранга и кавалеру Алексиано о сем от меня предписано; и со оного моего к вам представления копию препровожу я в Константинополь к российскому чрезвычайному посланнику и полномочному министру господину тайному советнику и кавалеру Василию Степановичу Томаре с просьбою, чтобы он о предприемлемых нами осторожностях отнесся к Блистательной Порте Оттоманской и предупредительно просил бы к сему войтить в надлежащее распоряжение в совершенной надежде на непоколебимую дружбу между империями Всероссийской и Блистательной Порты Оттоманской, благоприятство и доброе между ими согласие…

Федор Ушаков

Письмо Ф. Ф. Ушакова адмиралу Нельсону о прибытии соединенных эскадр в Мессину и о дальнейшем следовании для соединения с ним в Неаполе или Палермо

7 августа 1799 г.

Милостивый государь мой!

Имею честь уведомить ваше превосходительство, вчерашний день соединенные российские и Блистательной Порты эскадры пришли в Мессину, со мною 6 кораблей и 3 фрегата и 4 авиза, турецкой эскадры 4 корабля, 3 фрегата, 1 корвет и 1 кирлангич.

Мы приостановились на малое время в Мессине – взять пресной воды и несколько провианта. Два почтеннейшие письма вашего превосходительства вчерашний день здесь я получил и сходно с оными следую к вам в соединение.

Желаю только узнать, в Палермо ли с вами буду иметь свидание или в Неаполе. Об оном надеюсь на письмо мое к его сиятельству графу Мусину-Пушкину, вчерашний день посланное, получить извещение, в чем и ваше превосходительство прошу меня уведомить. Мне нужно зайтить в Неаполь за войсками, которые с эскадры моей там находятся, или отделенно от себя послать туда несколько судов. Как скоро получу я здесь пресную воду и провиант, немедленно подойду в то место, где вы находиться будете.

Письмо Ф. Ф. Ушакова В. В. Мусину-Пушкину-Брюсу об отправлении отдельных отрядов в Неаполь, к Генуе и к Анконе по просьбе неаполитанского короля и требованию А. В. Суворова

9 августа 1799 г.

Ваше сиятельство, милостивый государь, граф Василий Валентинович!

Имею честь уведомить: вследствие желания его неаполитанского величества и требования господина фельдмаршала графа Александра Васильевича Суворова-Рымникского в Неаполь на первый случай отправляю отсель 3 линейные фрегата под командою флота капитана и кавалера Сорокина, те самые, которые были в Бриндичах и Манфредонии, с которых войска находятся в Неаполе для блокирования Генуи.

Сходно с желанием фельдмаршала Суворова-Рымникского, посылаю отсель господина вице-адмирала и кавалера Пустошкина, с ним пойдут два корабля российские линейные и два авиза да турецкой эскадры корабль и 2 фрегата; всего в отделенной с ним эскадре будут находиться 7 судов. С достальными я и командующий турецкой эскадры имеем следовать в Палермо для потребных дальнейших исполнениев.

Со мною в Палермо пойдут 4 российские корабля и два авиза, турецких кораблей с нами будет 3, фрегат 1, 1 корвет и 1 кирлангич. Я постараюсь из Палермо эскадру господина вице-адмирала и кавалера Карцова препроводить в Неаполь; там удобнее будет выпользовать больных служителей, и она будет занимать содержанием потребный пост для осторожностей, а

затем и я с командующим турецкой эскадры расположения исполнениями [Так в документе], где больше польза и надобность требовать будет.

Касательно же до Анконы, я уже уведомил вас моим письмом, что три линейные фрегата и 1 авиза из эскадры, мне вверенной, под командою флота капитана и кавалера Войновича и с ним еще 1 фрегат, 1 корвет и 1 авиза турецкие, всего 7 судов наших, Анкону блокируют с давнего времени; сего отделения от эскадры весьма достаточно, ежели только какие бы ни были войска буде делают оной ескадре вспоможение с берегу, то Анкона, без сумнения, в самой скорости взята будет.

В бытность мою в Корфу троекратно получал я известия от приходящих судов, что оной нашею эскадрою Анкона с давнего времени обложена с моря крепкой блокадою. С берега и с воды беспрерывно производится сильная канонада на Анкону, но не слышно того, чтобы были там в помощь эскадре сухопутные войска. Как скоро они туда придут и сделают вспоможение эскадре, то непременно Анкона будет взята, и я в том не сомневаюсь, а затем и в здешней стороне надеюсь я на помощь Всевышнего, что мы не будем праздны.

Вышеозначенные от меня отделения в Неаполь и к Генуе отсюдова из Мессины отправятся непременно 11/22-го числа сего месяца. Вместе с ними и я выйду из Мессины и постараюсь как наискорее быть в Палермо и иметь удовольствие засвидетельствовать глубочайшее мое почтение и преданность его королевскому величеству, также иметь удовольствие видеться с вами, с Андреем Леонтьевичем[168] и с господином контр-адмиралом Нельсоном. В каковой надежде с нижайшим моим почтением и совершенною преданностью имею честь быть.

Письмо А. В. Суворова Ф. Ф. Ушакову о победе при Нови

11 (22) августа 1799 г., Асти

Милостивый государь мой Федор Федорович!

Я спешу сообщить вашему превосходительству о сильном поражении неприятеля. 4/15-го [числа] сего месяца показался он на хребтах гор около Нови, состоявший в 37 000 человеках, и выстроился в боевой порядок, имея с левой стороны за собою Гавию, а правым крылом простирался к Серравале. В таком положении был он атакован, совершенно разбит и обращен в бегство.

Урон его простирается, по признанию самих французов, до 20

000 человек. На месте убито свыше 6000 человек, в том числе и командовавший армиею генерал Жуберт, дивизионный генерал Ватранти, бригадный генерал Гаро; в плен взято 4 генерала: генерал-аншеф Периньян, дивизионные генералы Груши и Колли, бригадный генерал Партоно, а штаб-, обер-офицеров и рядовых близ 5000; разбежалось за 4000 человек; пушек отбито – 39, с порохом ящиков – 48.

Пребуду навсегда с совершенным почтением, милостивый государь мой, вашего превосходительства покорнейший слуга.

Из исторического журнала эскадры Ф. Ф. Ушакова о совещаниях Ф. Ф. Ушакова с Нельсоном

[25 августа] 1799 г.

…Между тем адмирал с господином вице-адмиралом Карцовым и командующим турецкой эскадры неоднократно еще виделись с лордом Нельсоном и с первым его сицилийского королевского величества министром Актоном, имели между собою военный совет об общих действиях. Главнокомандующий желал иметь действие общими силами противу Мальты, дабы как наивозможно скорее принудить ее к сдаче, но господин лорд Нельсон остался в прежнем положении о своей эскадре, что она должна иттить непременно частию в порт Магон, а прочие в Гибралтар; также объявлено, что и португальская эскадра непременно пойдет в Португалию.

При оных же обстоятельствах главнокомандующий получил вторичное письмо от его королевского величества, в котором объяснено формальное требование в рассуждении союза и верной дружбы его королевского величества с государем императором Всероссийским, чтобы адмирал с обеими союзными эскадрами отправился в Неаполь для восстановления и утверждения во оном спокойствия, тишины и порядка и прочих обстоятельств, в письме его величества объясненных, с которого копия при сем прилагается.

Письмо А. А. Сорокина Ф. Ф. Ушакову о прибытии с отрядом в Неаполь и о положении дел в нем

25 августа 1799 г.

Ваше высокопревосходительство, милостивый государь!

Простите, что осмеливаюсь писать письмом. Сейчас с

вверенным мне отделением прибыл благополучно в Неаполь и нашел оставленное там войско в хорошем порядке, что делает г[осподину] Белле великую честь. Король в бытность свою здесь приказал все наше войско одеть на свой счет, кои и одеты по старой форме. Я был у кардинала Руффо, который просил, чтобы еще наших людей прибавить на берег для лучшего порядка. Наши здесь от всех любимы, и кардинал ожидает вашего высокопревосходительства. Здесь идет суд над виновниками, кои наказываются по их проступкам.

Смею донести вашему высокопревосходительству, что мой фрегат уже начинает течь и в каждые сутки прибывает водою до 14 дюймов; при марсельном ветре было до 20-ти. Сия причина от червовины. Я справлялся в рассуждении килевания. Здесь есть все способы. Буду ожидать на это вашего повеления, а фрегат чем далее, то хуже становится. Простите, ваше высокопревосходительство, что осмелился так написать; а как что узнаю совершенно, то при первом случае донесу. В прочем, препоручая себя в вашу милость, с глубочайшим почтением и проч.

Из рапорта Ф. Ф. Ушакова Павлу I о взятии крепости Сант-Эльмо отрядом Г. Г. Белле

29 августа 1799 г.

По прибытии в Палермо получил я из Неаполя от капитана Белле августа от 19-го числа рапорт, коим доносит, что июня 19-го числа со вверенными ему десантными войсками приступил он к атаке крепости Сант-Эльмо вместе с английскими и португальскими войсками, высаженными с эскадры лорда Нельсона, и с поспешностью с левой стороны крепости построил батарею для четырех мортир и начал бомбардировать крепость.

После сего построил вторую батарею для четырех 33-фунтовых пушек и производил жестокую канонаду 25-го, 26-го и 27-го числа, в которое время противу оных на крепости разбил амбразуры, и пушки неприятельские остались без действия; 28-го и 29-го числа жестокой канонадою сделана брешь в крепости; в то ж время англичане и португальцы с другой стороны устроили в разных местах батареи и производили пальбу на крепость.

Неприятель, устрашась готовящегося на крепость штурма, выставил белый флаг, просил о договоре. Крепость от него нашими войсками вместе с союзными принята на капитуляцию. Гарнизон сдался военнопленным и отправлен в Тулон. Во время

сего действия с нашей стороны убитых: офицер – 1, рядовой – 1; раненых – 6. С неприятельской стороны убитых и раненых весьма в превосходном числе. Капитан Белле рекомендует за отличную храбрость и мужество определенного от него начальником на сих батареях лейтенанта Снаксарева и мичманов Викорста, Никифорова, Карачинского и артиллерии констапеля Туяни, равно и всех прочих офицеров и служителей.

Капитан Белле 8-го числа с порученными войсками из Неаполя отправился для осады крепости Капуя вместе с английскими и португальскими войсками. 10-го числа прибыл ко оной и на правой ее стороне по 13-е число устроил две батареи, с коих по 16-е число производилась беспрерывная канонада. 16-го числа неприятель требовал договора о сдаче крепости. 17-го числа капитаном Белле вместе с союзными начальниками войск оная крепость принята на капитуляцию.

Гарнизон взят военнопленным и отправлен в Тулон. Причем рекомендует за храбрость, ревность и усердие заслуживающими похвалу офицеров и нижних чинов служителей. Вследствие таковых успехов французы, бывшие в крепости Гаетте, предупредив формальную атаку, сдались также на капитуляцию, заключенную с главнокомандующим неаполитанских войск, и вместе с гарнизонами крепостей Сант-Эльмо и Капуя отправлены в Тулон. От сего времени королевство его величества короля обеих Сицилий остается свободно…

Письмо Кадыр-бея Ф. Ф. Ушакову об отказе матросов турецкой эскадры продолжать кампанию в Средиземном море

31 августа 1799 г.

Высокопревосходительный господин адмирал и кавалер Федор Федорович Ушаков!

Милостивый государь мой!

Я и вся эскадра Блистательной Порты Оттоманской, мне вверенная, будучи соединенно с российскою императорскою эскадрою, под начальством вашим состоящею, во все время продолжения общей нашей службы и действиев против неприятеля, исполняя высочайшие повеления, находились в беспрерывной дружбе и благоприятстве соответственно с обеих сторон, о чем многие доставлены вашему высокопревосходительству засвидетельствования от вышнего начальства Блистательной Порты.

Продолжение дружбы нашей и общего согласия между собою

теперь и навсегда существует с твердою надеждою об успешностях, какие, по общему согласию нашему были предприняты, но в исполнениях оных случились препятствия тем, что под командою моею на эскадре находящиеся нижние чины служители, будучи сверх обыкновения весьма долгое время на море, воспротивились дальнейшему походу, требуют усильно возвращения своего в Константинополь и перемены другими, объявляя, что в долговременном отсутствии жены и дети их терпят крайнюю бедность и недостатки, усиливаются даже до всякой крайности и требуют непременно возвращения, как вы сами вчерашний день были очевидные свидетели, и что никакие уговоры наши успеха не имеют по таковым важным обстоятельствам крайность понудила нас иттить с ними к Дарданеллам Константинопольского пролива[169], дабы сим удовлетворением избежать неминуемо худого происшествия.

Прошу ваше высокопревосходительство соответственно меня снабдить таковым же вашим писанием, что я и прочие командующие турецкой эскадры старались соответствовать общим нашим желаниям исполнять дела, какие мы с общего согласия предполагали, и возвращаемся не по желанию нашему, также и о том, что во всю нашу бытность вместе между нами существовала совершенная дружба, благоприятство и единомыслие. В прочем при засвидетельствовании дружеских наших почитаниев имею честь быть

Кадыр-бей

Письмо А. Я. Италинского А. В. Суворову о причинах отмены Ф. Ф. Ушаковым похода на Мальту и о следовании его эскадры к Неаполю

1 (12) сентября 1799 г., г. Палермо

Сиятельнейший граф, милостивый государь!

Господин адмирал Ушаков, по прибытии своем сюда с российскою и оттоманскою эскадрою августа 31 (сентября 11) дня, имел намерение итти в Мальту стараться принудить неприятеля к сдаче тамошней крепости. Опасное положение, в котором находится Неаполь по причине неутвердившегося еще в народе повиновения законам, заставило господина адмирала, исполняя волю и желание его неапольского величества, следовать к оному столичному городу.

Завтра вся эскадра российская, состоящая в 7 линейных кораблях, снимается с якоря, турецкая сего дня поутру пошла к

Дарданеллам. Служащие на ней матросы давно ропщут, что их задержали в экспедиции гораздо долее того, сколько они обыкновенно бывают в море; наконец, будучи здесь, совершенно взбунтовались, отрешили от команды адмиралов и прочих начальников и, презирая все уведомления, поплыли в отечество.

Господин адмирал Ушаков, по восстановлении спокойствия в Неаполе, желает предпринять выгнать французов из Рима и надеется иметь в том благополучный успех.

Отряды неаполитанского вооруженного народа взяли в Римской области города Риети и Веллетри. Имею честь быть и проч.

Обращение Ф. Ф. Ушакова к населению Рима с призывом содействовать освобождению Рима от французов

17 сентября 1799 г.

Со флотом его императорского величества всемилостивейшего государя моего императора и самодержца всея России, мне вверенным, исполняя высочайшие повеления, по освобождении от зловредных французов островов, прежде бывших Венецианских, установя в них спокойствие, благоденствие, тишину и порядок и сделав вспоможение Неаполитанскому королевству в изгнании из оного французов, в сходство воли и желания его величества короля обеих Сицилий прибыл я в Неаполь для восстановления такового ж спокойствия, тишины и порядка и сходно с высочайшими повелениями всемилостивейшего государя моего императора и его величества короля обеих Сицилий российские войска, мне вверенные, соединя с войсками неаполитанскими, посылаю в Римскую область для освобождения Рима и всей области Римской от зловредных и безбожных французов, для восстановления мира, спокойствия, тишины и порядка и для утверждения благоденствия всего римского народа – таково есть истинное намерение всемилостивейшего государя моего императора; к восчувствованию оного приглашаю храбрых римлян и весь римский народ сей области соединиться единодушно с войсками, мне вверенными, истребить злоковарных и безбожных французов или забрать их пленными.

Уверяю римлян и весь римский народ, что я весьма достаточные и превосходные силы имею для сего исполнения, но при всем том требую от самих римлян оказания верности и усердия своего к таковому благонамерению; и, как скоро войска,

от меня посланные, приблизятся к Риму, немедленно верным и благомыслящим римлянам выйти им навстречу, соединиться с ними, вступить в город и всею силою овладеть крепостью и французов истребить или забрать в плен; уверяю при том, что обыватели и все их имения войсками, мне вверенными, будет сохранено и я все наивозможные способы и старание употреблю всему оному народу доставить тишину и спокойствие при таковых объясненных мною благонамерениях. Имею несумненную надежду, что римляне и весь римский народ, приняв в рассмотрение сущую свою пользу, требование мое выполнят непременно.

Письмо Ф. Ф. Ушакова Г. Г. Кушелеву о направлении десанта в Рим и Чивита-Веккию и намерении англичан вести сепаратные переговоры с французами

20 сентября 1799 г.

Вашему сиятельству донесть честь имею: с ескадрами, мне вверенными, 7 кораблями, одним фрегатом и одним авизом, отправясь из Палермо сего месяца 2-го числа, и 7-го дня в Неаполь прибыл благополучно, при котором фрегаты «Св. Михаил», «Григорий Великия Армении» и шхуна № 1 также обстоят благополучно, но фрегаты имеют великую течь и следуют к исправлению, как от меня уже вашему сиятельству донесено.

Осмотрев и учредя в Неаполе все потребные надобности, высажены с эскадры войска в десанте 818 человек под командою батальонного командира господина полковника Скипора и посланы в Рим и Чивита-Веккию для освобождения и взятия оных; в Неаполе прежних войск, в десанте находящихся, и с прибавкою к ним с фрегатов солдат, матрос и канонир до шестисот человек да еще с эскадры прибавлено к ним матрос и канонир до 4-х сот для потребных надобностей, впрочем, обо всех обстоятельствах с подробностию всеподданнейшим рапортом донесено от меня его императорскому величеству, с которого копию при сем представить честь имею.

По случаю проезжающего из Палермо чрез Неаполь неаполитанского курьера к высочайшему двору более писать, даже и с приложениев к рапорту копиев снять не успел. Из донесения моего об английском командоре Трубриче соизволите усмотреть, сколь беспредельная надменность агличан и чрезвычайные поступки против союзников, дружбою к ним расположенным.

Я с самого начала, будучи еще в Константинополе, при конференциях бывших поступки и требования аглин-ского министра Шмита заметил; с того ж самого времени начинали они нас рассортировывать в разные места, дабы не могли успеть в каких-либо важных предприятиях.

Таковое замечание есть весьма справедливо, что впоследствии и в разных их требованиях в разные времена весьма было заметно; во все места требовали они нас в развалочку[170], и кто требовал, все один другому сами себе противуречили, а особо в то время, когда взяты нами острова, прежде бывшие Венецианские, а оставался Корфу блокированный; предвидели они, что без всей соединенной нашей эскадры, по недостатку у нас войска, не можем ее взять, тогда все меры со всех сторон употреблены были. Требовали от нас разных отделениев весьма не дельно и ненужных, словом сказать, желали всегда приводить в расстройку и невозможность.

Петр Кондратьевич Карцов также весьма ими не хвалится, а теперешний поступок Трубрича можно назвать весьма неприятным и даже дерзким. Похоже ли освобождать французов изо всей Римской области в то время, когда эскадра нарочно для того пришла в Неаполь, и войска от меня посланы к Риму и Чивита-Веккии, и могли бы взять их силою. Дело, которое он и маршал Буркард на себя взяли, ежели бы я в сие время послал от себя барабанщика и обещал бы им такую капитуляцию и чрез него можно бы сие сделать, столь французы сробели нашего приходу и предприятия, чего они уже давно опасались и об том знали. В прочем имею честь быть.

Письмо Ф. Ф. Ушакова А. В. Суворову о капитуляции французских войск в Риме и Чивита-Веккии и действиях русских войск под Анконой

25 сентября 1799 г., корабль «Св. Павел», при Неаполе

Ваше высокографское сиятельство, милостивый государь, граф Александр Васильевич!

Вашему высокографскому сиятельству донесть честь имею: по усиленному требованию и просьбе его величества короля обеих Сицилий 2-го числа сего месяца с эскадрами, мне вверенными, в числе 7-ми кораблей и 1-го фрегата, отправился я из Палермо и 7-го числа прибыл в Неаполь благополучно; да прежде прибытия моего в Неаполе находились оных же эскадр, мне вверенных, 3

линейных фрегата и 1 шхуна; требование его величества короля обеих Сицилий было в том, что не столь состоит от беспредельных тревожностей и беспокойств в крайней опасности от буйств и наглостей многочисленного народа, даже и от войск нерегулярных, чтобы все оное успокоить и привести в порядок, между тем с войсками эскадр, мне вверенных, соединя с оными войска неаполитанские, следовать к Риму и Чивита-Веккии для освобождения оных и Римской области от неприятелей.

По прибытии моем к Неаполю с господином статским советником и кавалером Италинским вошли мы во все подробные рассмотрения и обстоятельства; все беспокойства и беспорядки прекращены, потребные учреждения сделаны, и состоит спокойно. Между тем приготовлялись все потребные распоряжения, и войска эскадр, мне вверенных, соединенно с неаполитанскими к Риму и Чивита-Векки от меня посланы с повелением неприятелей, там находящихся, разбить, истребить или забрать пленными.

Но в самое сие время английский командор Трубрич, по прибытии моем в Неаполь, бывший тут с одним кораблем на рейде, отправился к Чивита-Веккии и, не объявя мне даже и на запрос мой своих предприятий, воспользовался силою войск наших, отправляемых к Риму и Чивита-Веккии, и предложил французам, в Чивита-Веккии и в Риме находящимся, самые выгодные и полезные для них при таковых обстоятельствах кондиции – отпустить их на капитуляцию; они, будучи устрашенные, воспользовались таковым предложением, и господином Трубричем вместе с находящимся под Римом с малым количеством войск неаполитанским генералом Буркардом заключена капитуляция, и, не дожидаясь приходу войск наших, французы из Рима и Чивита-Веккии отправлены во Францию со всем их экипажем, не яко военнопленные, с военным оружием и амуницией.

Я многократно отзывался с кардиналом Руффо, начальствующим в Неаполе, с господином Трубричем и генералом Буркардом, что таковые их поступки заключенной вредной капитуляции и отпуск вооруженных французов во Францию весьма вредны обстоятельствам и пользе союзных держав, упреждал благовременно кардинала Руффо, чтобы столь вредные переговоры и капитуляцию делать запретил; но за всем тем таковая капитуляция заключена и французы отпущены во Францию.

Из войск, от меня посланных к Риму и Чивита-Веккии, шестьсот человек российских и шестьсот неаполитанских стараюсь я отправить к Анконе для вспоможения отделенной от

меня эскадре, там находящейся под командою флота капитана и кавалера графа Войновича, которым местечки Сенигалл, Фано и Фьюмизино от французов отняты. Французы во всех оных местах разбиты и из Фано взяты на капитуляцию военнопленными; Анкона обложена блокадою и противу оной сделано четыре батареи, и действуют [они] с успехом. Надеюсь, когда войска наши, на вспоможение отсель отправляющиеся, туда прибудут, настоящим действием можно будет принудить Анкону к сдаче. О чем донеся, с наивсегдашним истинным моим высокопочитанием и совершенною преданностью имею честь быть, милостивый государь, вашего высокографского сиятельства покорнейший слуга

Федор Ушаков

Столица Мальты Ла-Валетта. *1801 г.*

Рапорт Н. Д. Войновича Ф. Ф. Ушакову об обстановке под Анконой и о предательских действиях австрийцев

17 октября 1799 г.

Ваше высокопревосходительство, милостивый государь.

Простите меня великодушно, что по сю пору не могли дойти к вам мои рапорты, как я из полученных мною ордеров усматриваю. Отправясь из Корфу с соединенною эскадрою и прибывши в сии места, я поспешил уведомить вас о происшествии наших действий. Трижды я писал, но всегда тщетно. Инсорженство и безначалие препятствовали всегда свободной

коммуникации. И неприятель, занимая великую часть сей страны, делал усердие мое безуспешным.

К тому [же] я получил известие из Ливорно, что вы пошли в Мальту. Напоследок господин кардинал Руффо не мог иначе со мною иметь корреспонденцию, как чрез посредство епископа Терамского, и чрез сие самое посредство я доставил ему мой ответ; полученные мною из Неаполя ваши повеления я не преминул исполнить. И между тем собирал все мои рапорты, дабы доставить вашему высокопревосходительству полное уведомление о действиях, от прибытия моего сюда по сие время учиненных. Для скорости послан был от меня к вам курьер с краткими уведомлениями.

Препровождаю вам письма от его сиятельства Александра Васильевича Суворова, недавно доставленные мне на имя ваше из Венеции морем. Я бы постарался оные прежде еще доставить чрез почту, если бы уверен был, что дойдут верно, морем же послать не имею судов. Также прилагаю перспективный план Анконы с означением блокады и карту мест и городов, отнятых у неприятеля оружием его императорского величества.

К сей карте приложена также таблица сих самых мест с показанием числа жителей, коих, считая в том числе и Анкону, находится в сей провинции около 300 000 душ; наконец, приложено несколько писем, составляющих в себе переписку между мною и недавно прибывшими австрийскими генералами.

Я застал всю сию страну занятою неприятелем. По отбытии эскадры, под командою господина вице-адмирала и кавалера Пустошкина состоящей, инсорженты были везде разбиты, партии их все были рассыпаны, и сам генерал Лагоц, убегая от неприятеля с малым числом за ним следовавших, находился в Фермо, окруженный французами, и, не в силах будучи действовать, просил от меня помощи. Я послал к нему фрегат «Казанскую» освободить его и дать его войску всякое пособие.

Прибытие эскадры и посланного фрегата ободрило во всей окружности жителей, чтобы последовать нам в наших действиях. И господин генерал Лагоц, получа от меня порох, снаряды, офицеров и часть войска, служившего для приведения в порядок неустроенного народного сборища, пришел в состояние противиться неприятелю. Между тем я, высадя десант в Пезаро, нашел там только 40 человек гусар под начальством австрийского офицера Будая и пять канонирских лодок под командою майора Поцции и пригласил их участвовать в наших действиях.

Таким образом войска наши, служившие ободрением и главною силою прочих, выгнали из сей провинции французов и, осадя Анкону, до прибытия австрийских войск 69 дней содержали

в теснейшей блокаде. Причем бывшие инсорженты все довольствованы были порохом и снарядами от нашей эскадры. Австрийский генерал Фрелих по прибытии своем вдруг захотел сделаться начальником всех мест, нашими войсками освобожденных.

Объявил словесно, что он прислан сюда командовать всеми войсками, при блокаде Анконы состоящими, посылал с переговором к неприятелю без моего сведения, делал всякие предложения и сношения, ни о чем меня не уведомя и не заботясь о моем на то согласии, и требовал сменить комендантов от мест, где они мною по просьбе жителей и по необходимости с малым гарнизоном поставлены были. Я старался всеми силами соблюсти с ним согласие касательно пользы общей, но требования его показались мне крайне удивительны, почему принужден был ему во всем оном отказать.

После прибыл Антон Кавалар, объявляя себя присланным от двора австрийского в характере гражданского и политического комиссара и, не видавшись со мною, не снесясь каким-либо образом, издал манифест и давал повеления, расстраивающие порядок, на время мною установленный, почему я нашел себя обязанным сему препятствовать и желал известиться, какие были его инструкции; я не искал ничего более, как только знать причину его поступков в рассуждении сей провинции.

Наконец, по долгом продолжении времени, господин Кавалар самолично меня словесно уведомил, что все учинено было по приказанию господина генерала Фрелиха, уверяя меня при том, что он, Кавалар, имеет предписания, данные ему от его величества императора австрийского, но на бумаге того не показал.

При том же объявил, что гораздо бы лучше было взять с берегу наши войска на эскадру и что вооруженные наши требакулы и лодки также теперь не нужны, потому что они имеют довольное количество войск и флотилий. Из чего я усмотрел, что единственное их намерение состоит в том, чтобы отделить нас совсем от сей экспедиции и захватить все себе. И сие было побудительною причиною, что я остался от эскадры при флотилии у берегу, дабы им препятствовать в их намерении.

Наконец, видя, что всякое продолжение могло бы более расстраивать согласие и, может быть, помешало бы некоторым образом в военных действиях и упозднило бы счастье сего угнетенного народа, убедился согласиться, чтобы господин Кавалар отправлял до времени должность политического и гражданского комиссара, не учреждая при том ничего нового без моего на то согласия, но я учинил сие только до получения

настоящих повелений от вашего высокопревосходительства; я вел себя во всем отлично, хотя мог бы иметь право распространить протекцию и власть имени российского далее Анконы, во всей стране, известной под именем уезда Фермского, ибо господин генерал Лагоц сам признавал, что от данной ему от меня помощи зависели его успехи, приведен мною будучи в возможность действовать; но со всем тем я нимало не вступился, что они делали свои распоряжения и политические учреждения в сем уезде, под власть его величества императора австрийского ими занятом, хотя народ показывал желание быть под российскою протекциею и хотя о том просили меня, но я явно им отказал и не хотел мешаться в дела, для меня несколько посторонние.

Я нарочно, чтобы быть уверенным о точном доставлении моих бумаг, послал курьером по способности и знанию языка надежного человека, именуемого Иван Сорини. Сей с начала вступления российских войск находился всегда усердствующим нашей стороне и знает все происшествия, о чем подробно ваше высокопревосходительство о всем точно уведомить может, коего так же, как ревностного к пользе его императорского величества и надежного во всем, вашему высокопревосходительству рекомендовать честь имею.

В прочем, ожидая на все вышеписанное повеления от вашего высокопревосходительства, с должным высокопочитанием честь имею быть вашего высокопревосходительства, милостивого государя покорный слуга

граф Войнович

Рескрипт Павла I Ф. Ф. Ушакову о возвращении русской эскадры в Черное море и выводе русских войск из Неаполитанского королевства

23 октября 1799 г., Гатчина

Господин адмирал Ушаков.

По открывшимся обстоятельствам признаем мы за нужное ввести эскадры, в вашу команду порученные, в Черное море, почему и повелеваем соединить с собою все отделенные эскадры, как то вице-адмиралов: Пустошкина и Карцова, равно и находящиеся в Венецианском заливе, и, забрав, вследствие уже данного вам повеления, буде еще не взята Мальта, мальтийский гарнизон и находящиеся в Неаполитанском королевстве войски наши, возвратиться к своим портам.

В Корфу и прочих островах могут введены быть турецкие

гарнизоны по выходе вашем: сия к ним доверенность наша будет принята Портою знаком нашего к ней дружественного расположения, почему и с их стороны не воспрепятствуется Карцова эскадре войтить для исправления в черноморские порты. Напротив того, всем других наций военным кораблям вход туда возбранен будет, о чем к министру нашему г[осподину] Томаре и писано. Пребываем к вам благосклонны

Павел

Письмо Ф. Ф. Ушакова адмиралу Нельсону о намерении следовать с эскадрой к Мальте

24 октября 1799 г.

Ваше превосходительство, милостивый государь мой!

Господин Италинский сообщил мне письмо вашего превосходительства от 24 октября.

Чувствую я, что освобождение Мальты есть великой важности в рассуждении интересов общего дела и безопасности Королевства обеих Сицилий. Знаю я, сколько приятно его величеству императору, августейшему моему государю, сие происшествие, всегда занимался я и ныне занимаюсь сим великим предметом.

В последнем моем письме имел я честь о сем изъясниться. Поспешаю сим вас уведомить, что решился я отправиться в Мальту с большею частью моей эскадры, сколь скоро три батальона гранодиров под командою князя Волконского прибудут в Неаполь и вместе с ним находящиеся в Риме войска эскадры моей. Командующий сими войсками, равно как и князь Волконский, поспешают походом своим сюда, как возможно скорее. Вчерашнего числа послал к ним о сем повеление чрез нарочного, думаю отправиться отсель в 15-е число сего месяца. Имею честь быть с совершенным высокопочитанием.

Письмо Ф. Ф. Ушакова Д. М. Волконскому с предписанием немедленно следовать с войсками в Неаполь для соединения с эскадрой

25 октября 1799 г.

Ваше превосходительство, милостивый государь мой,
князь Дмитрий Михайлович.

Письмо вашего сиятельства от 21-го числа сего месяца[171] с приложениями чрез присланного от вас нарочного офицера я имел честь получить и за доставление высочайших ко мне повелений и писем с приложениями покорнейше благодарю. Весьма желаю, чтобы ваше сиятельство благополучно и как можно скорее с войсками, вам вверенными, прибыли в Неаполь, чего нетерпеливо я ожидаю.

Также ожидаю сюда скорого приходу из Рима войск наших с эскадры, там находящихся. По прибытии вашем в Неаполь тотчас, и ни малейше не медля, отправимся мы с эскадрою к Мальте, сие есть необходимая надобность, требующая поспешности, но для сохранения людей в здоровье скорость похода зависеть будет от вашего расположения. В прочем с почтением моим и совершенною преданностию имею честь быть.

Письмо П. В. Пустошкина Ф. Ф. Ушакову об обстановке у Генуи и о намерении следовать в крейсерство к Генуэзским берегам

3 ноября 1799 г., корабль «Св. Михаил»

Милостивый государь, Федор Федорович.

Вашему высокопревосходительству от 24-го минувшего октября доносил я рапортом, что послал повеление на требакуле в Ливорно командиру корабля «Азия», но оное не застало сего корабля, который уже отправился в Неаполь.

Я с кораблями из порта Специи завтрашний день отправлюсь в крейсерство к Генуе по обстоятельствам, какие изволите усмотреть из приложенной при сем на италианском языке копии с сообщения моего, посланного к генералу Кленау, который вчера отправился из Сарзаны в Сестрию. Он будет действовать своим корпусом против неприятеля в прилегающих местах около Генуи, мне остается желать ему благоприятных успехов.

Действие австрийских войск под командою генерала Меласа около Ион теперь производится с желаемым успехом, как увидите из приложенной при сем реляции, которую я вчерась получил.

Ожидаю прибытия из Ливорно требакула и постараюсь, не удастся ли мне высадить сколько-нибудь солдат к сухопутному действию с войсками австрийскими, но доложу вам, что место крайне открыто. Донося о сем, имею честь быть с истинным моим высокопочтением и преданностью, милостивый государь, вашего высокопревосходительства покорный слуга

Павел Пустошкин

Рапорт Ф. Ф. Ушакова Павлу I о возвращении десантных войск полковника Скипора из Рима на эскадру

16 ноября 1799 г., корабль «Св. Павел»

Вашему императорскому величеству всеподданнейше доношу: десантные войска с эскадр, мне вверенных, находящиеся в Риме под командою полковника Скипора в рассуждении потребной в них надобности к следованию с эскадрою к Мальте, из Рима возвратились на эскадру благополучно; главнокомандующий в Риме неаполитанский господин генерал Населли письмом своим относит о них признательность свою, с величайшей похвалою и благодарностью объясняя, что таковое войско доброго поведения, которое наилучшим порядком, устройством и воздержностью своею привлекло к себе общее народное почтение и любовь, а наипаче господа офицеры и батальонные командиры – полковник Скипор, майор Боасель и находящийся с ними лейтенант Балабин, отличными поступками и добрым согласием и выполнениями заслуживают отличную похвалу и уважение.

Я также, отдавая им справедливость за наилучшие и расторопные их выполнения, осмеливаюсь всеподданнейше представить вашему императорскому величеству в милостивое благоволение.

Письмо В. С. Томары Ф. Ф. Ушакову об отзыве эскадры из Средиземного моря в черноморские порты и о дальнейших взаимоотношениях с Турцией

25 ноября (5 декабря) 1799 г., Константинополь

Здесь влагаю полученные мною 18-го сего течения на имя вашего высокопревосходительства высочайший рескрипт и указ Государственной Адмиралтейств-коллегии.

Таковым же высочайшим рескриптом повелено мне предуведомить Порту об отзыве в черноморские порты наши эскадры в командовании вашего высокопревосходительства, дав сей поступи вид ненадобности оной далее при берегах Италии и безопасности, в которой находится действительно Порта от всякого нападения на границы свои со стороны Франции за отдаленностию сей державы и настоящей ничтожностию морских ее сил, також и для необходимой починки эскадры, но как в том же рескрипте предвидится, что неприятели напрягут происки

свои к разорению союза между Россиею и Портою, почему предписано мне всемерно стараться удержать Порту в настоящей связи, и как наступившее уже зимнее время отъемлет всякую возможность эскадре нашей предпринять ныне же путь в Черное море, а должно ей необходимо, собравшись к отъезду, ожидать в Венецких ли островах или в Архипелаге (в Константинопольском же канале вовсе неудобно) открытия кораблеплавания на Черном море, которое, пресекаясь всегда в ноябре месяце, открывается здесь не прежде как по прошествии весеннего равноденствия, то и предлагаю вашему высокопревосходительству держать в непроницаемой тайне сии высочайшие повеления, как в рассуждении турков, так и островских жителей, которых расположения, равно как и турков, при открытии прежде времени оного, опасно, чтобы вовсе к нам переменились и, изготовляясь к исполнению получаемых ныне повелений, отписать к каймакаму-паше, что эскадра требует необходимо починки, которая в портах наших, по причине готовности всего нужного, тотчас исправиться может, и возвратится опять в самое краткое время, и требовать, дабы испросил он от его величества султана на сие соизволения, а между тем дать мне знать заранее, в каком именно месте назначаете вы быть зимою эскадре, сколько числом и каких в оной находится разных судов и к которому времени могут все готовы к отплытию, и затем, ведя со мною частую переписку, не трогаться с места без уведомления о том от меня.

В том же высочайшем рескрипте государь император, обращая вспять и назначенный в крепости Корфу гарнизон российский, повелевает предложить Порте содержать в оных турецкий гарнизон.

Государю императору при даче мне сего повеления не было еще известно, что Порта отступила от видов своих посредством введения гарнизона завладеть крепостьми на острове Корфу, пред которыми все силы Оттоманской империи трижды преломлены были, ибо о согласии Порты на отдачу тех крепостей в собственное сохранение обывателей, на вывод войск турецких изо всех областей Республики после войны и об обороте во благое всех дел островских доносил я только его императорскому величеству всеподданнейшею реляциею моею от 16 (27) октября, а вышесказанный высочайший его ко мне рескрипт последовал из Гатчины от 28 октября.

Рапорт П. В. Пустошкина Ф. Ф. Ушакову о бое у генуэзских берегов

27 ноября 1799 г., корабль «Св. Михаил»

Сего ноября 14-го числа, крейсируя с кораблями около берегов генуэзских, у мыса Мелли увидели под самым берегом идущие к Генуе несколько малых судов, а посему я авизу требакул «Константин» под командою господина поручика Погони, прибавя на оный Бриммерова баталиона десять гренадер, унтер-офицера и с ними подпоручика Скоробогатова, охотою на сей раз вызвавшегося, и совокупно австрийского корсера – фелюку «Любеппина», которая имела две 2-фунтовые пушки, ею управлял шкипер Никола Миркович, подошедшего того же числа и явившегося ко мне.

Отрядив оба сии судна к мысу Мелли, с тем чтобы в сию ночь у самых берегов неприятельских малым судам нанести вред и, сколько можно, захватить оные, я с кораблями держался тогда вдоль берега, от оного в умеренной дистанции, имея ветер от О, брамсельный.

На рассвете 15-го числа, находясь мы против мыса Онелья, увидели близ берега неприятельский транспорт, состоящий до двадцати фелюк, тартан, бригантин, небольших судов, которые лежали в бейдевинт левым галсом, требакул же наш у нас под ветром, у которого за кормой было на бакштове небольшое двухмачтовое судно.

Мы с кораблями легли правым галсом, дабы пресечь сему транспорту путь к Генуе, и в 7 часов все оные неприятельские суда спустились по ветру в порт Санкт-Маврицио и город Онело, отстоящих в тридцати италианских милях чрез горы от крепости Кони, и подошли близ берега и стали под укрепленные в сих местах батареи, дабы не упустить способного сего случая и воспользоваться удобным свежим ветром, которого перпендикуляр был в центре сих обоюдных неприятельских портов, спустились мы с кораблями последовательно и, подойдя на самую близкую дистанцию, открыли по сим местам и по судам живейшим и сильным огнем из деков канонаду, которую и по нас с шести батарей от французов производили.

Потом, приведя корабли на левый галс, легли от берега, чтоб выиграть ветер, и потом вторично таким же порядком: подойдя на ближнюю дистанцию, производили канонаду. И в оба раза нанесли неприятельским сим местам и судам видимый вред, и более десяти судов потоплено, в том числе один большой трехмачтовый новый транспорт.

Войска неприятельские, состоящие из кавалерии и пехоты, которые были на берегах у сих мест, и на судах видимые, обращены в беспорядке в бег к горам, а из прилегающих к сим от

других мест по берегу следующие со скоростью на сикурс кавалерию и пехоту, из чего заключить было можно причиненная сим местам ощутительная диверсия и вред.

Отошед с кораблями на две мили италианских расстояния от неприятельских батарей, легли на якоря на 28-ми саженях с тем намерением, дабы в ночь отрядить вооруженные баркасы и катера к берегу, чтобы взять несколько судов, но усилившийся с вечера ветер не позволил сего исполнить, и мы с кораблями, снявшись с якорей, легли в море левым галсом к Корсике. У нас на кораблях повреждение сделано только в такелаже и парусах; ранено на корабле «Симеоне и Анне» – трое; убитых, благодарение Богу, никого; на неприятельских батареях были пушки 24– и 36-фунтового калибра.

Спустясь несколько по ветру, в 9 часов подошел к нам и требакул, и рапортовали меня командир оного господин поручик Погони и подпоручик Скоробогатов, что они с требакулом и корсаром австрийским в ночь на 15-е число, подошед близ местечек Санкт-Стефа и Рива-Деталия, увидели под самым берегом три неприятельские небольшие судна, на которые сделали пальбу из своих пушек, и они тоже чинили [пальбу], но обращены потом в бег и пустились прямо на берег, и люди с них на оный сбежали.

Одно судно, которое имело две фунтовые пушки, груженное мукою, взяли в приз, а последние затопили и, отошед от берега, имея приз на бакштове, но усилившийся [в ночь] на 16-е число ветер не позволил иметь оного больше при требакуле, принуждены были оставить в море, сняв две пушки.

О чем имею честь рапортовать вашему высокопревосходительству и долгом почитаю свидетельствовать и рекомендовать о господах командирах кораблей: «Св. Михаила» – флота господина капитана Салтанова и «Симеона и Анны» – флота господина капитана Леонтовича, которые в оба сии раза канонады оказали неустрашимость, исправность и порядок в сем действии, которая [неустрашимость] также испытана и оказана от них была и прежде, как при штурме острова Видо, [так] и во время канонады и блокирования на Анкону; а при том [рекомендую] командира требакула поручика Погони и подпоручика Скоробогатова и бывшего на требакуле волонтера подпоручика Николаева, который дан был с корабля «Св. Михаила» в должность лоцмана, знающий места сих берегов, и усердного к службе его императорского величества, и при сем же случае рекомендую штурмана унтер-офицерского чина Козырева, находящегося при флагманской должности при сигналах и прочем, который исправляет во все время командования моего

все принадлежащее с крайним усердием, расторопностью, прилежностью и неусыпным старанием к службе его императорского величества. Покорнейше прошу оказавшим, как господам капитанам кораблей, [так] и вышеописанным господам обер– и унтер-офицерам представить его императорскому величеству на высокомонаршее его благоволение.

Вице-адмирал Пустошкин

[P. S.] При сем препровождаю вашему высокопревосходительству план канонады, произведенной с кораблей 15-го числа; за скоростию не успели лучше его обработать.

Рапорт П. В. Пустошкина Ф. Ф. Ушакову об осаде Генуи

11 декабря 1799 г.

Вашему высокопревосходительству от 1-го числа сего декабря последним моим рапортом имел честь донесть, что с кораблей высажен был десант двести человек Бриммерова баталиона с пристойным числом обер– и унтер-офицеров под командою господина майора и кавалера Гамена к совокупному действию с цесарскими войсками, под командою генерала Кленау состоящими, быв обнадежен, что Генуя скоро взята будет.

Но, к сожалению моему, доношу, что совсем вышло противное: 4 декабря господин Кленау, атаковывая неприятеля, пред Генуею совершенно был разбит и потерял до 3 тысяч, но более в плен взятых, нежели убитых. Из нашего десанту лишился я при сем случае: убиты 38, в плен попало 19, раненых 18, какие чины – при сем в списке значится.

Я при сем имею честь представить вашему высокопревосходительству копию с рапорта господина майора Гамена о происшествии атаки, бывшей сей день под командою господина Кленау. Изо всего происшествия изволите усмотреть, сколько возможность наша позволяла, я старался не упустить и подкреплять австрийского генерала, но доложу притом, что господин майор, быв отряжен вперед, не был подкрепляем и, можно сказать, к стыду сих австрийских войск, что кучами отдаются французам в плен, а другие, сидя на горах, не пошевелились и с места.

Господин Кленау письменно меня пред сим уведомил, что он усилен был 14 баталионами, пришедшими к нему от разных мест, число немалое с прежним, чем бы дождаться от стороны Нови

другого генерала, Гогенцоллерна, с которым он должен был сделать атаку в одно время, а притом, как слышно было, что генерал Меллас от стороны Кони будет действие производить на Ниццу почти в то же время, из всего и открывается, что господин Кленау поспешил, не дождался, не имея артиллерии, кроме 4 малых полевых пушек, которые он в ретираде и потерял, пустился атаковать, причем и разбит с большою потерею.

В сем действии атаки господин майор Гамен и господа офицеры и все солдаты показали отличное мужество и храбрость, быв употреблены впереди и в тесных местах оставлены цесарскими войсками, окружены неприятелем, сквозь которого, пробиваясь на штыках, быв преследуемы, порядком ретировались к местечку Сестрии, не оставляя раненых, а притом присовокупляя еще и спасая от плену 48 человек цесарских солдат, которых я сей же день отправил в Леричи к коменданту, в том числе раненых 8 человек.

О таком происшествии представляю вашему высокопревосходительству о всеподданнейшем донесении его императорскому величеству во всемилостивейшую и высочайшую его волю. При местечке Сестрии я на гребных судах наш десант перевез на корабли и еще цесарцев вышеписанных 48 человек не без трудности и могу доложить по справедливости, в сем случае весьма доволен исправностию и усердием к службе его величества, служащею к чести господ офицеров, отряженных на судах с их кораблей: «Св. Михаила» мичманов Папы – Егорова, Трусевича, Щеголева и Иванченкова, «Симеон[а] и Анны» лейтенанта Жоржа. Сие случилось в ночное и мрачное с мокротою время, а притом со стороны открытого моря.

9-го числа с кораблями зашел я в порто Сцепию, где сей получил от господина Кленау уведомление, что он теперь находится в Специи и следует в Сарзану. Копия с письма его при сем же представлена.

Послал я волонтера Шелковникова с нотою к французскому генералу о возврате мне пленных наших с объявлением, что от нас в разные времена пленные французы были отпущены. Что получу на сие, буду честь иметь донесть.

При сем случае [доношу, что]господин Шелковников отряжен был от меня с десантом на берег к сигналам, учрежденным к согласному содействию с сухого пути и от моря, исправлял с усердием и довольною исправностию.

Вице-адмирал Пустошкин

Рапорт Ф. Ф. Ушакова Павлу I об обстановке в Неаполе и

Римской области, предстоящей сдаче Генуи и о намерении оказать помощь адмиралу Нельсону при блокаде Мальты

13 декабря 1799 г., корабль «Св. Павел», при Неаполе

Высочайший именной указ вашего императорского величества от 8-го дня сего течения 11-го числа я с глубочайшим благоговением получил, в котором изображено, когда из открывающихся в Италии обстоятельств усмотрю я, что помощь флота вашего императорского величества уже более там не нужна, в таком случае, буде Мальта еще не будет взята от французов и скорой оной сдачи не предвидится, то, забрав туда назначенный гарнизон под командою генерал-майора Волконского, равно и назначенный для охранительной гвардии королю неаполитанскому [отряд] генерал-майора Бороздина, возвратиться к своим портам, дебаркируя[172] означенные войска в Одессе.

Всеподданнейше доношу: по уведомлениям известно, Италия от неприятелей почти вся уже освобождена, остается Генуя в блокаде с сухого пути войсками австрийскими, а с моря – отделенною от меня эскадрою под командою вице-адмирала Пустошкина; по письмам, значит, ожидают, что Генуя в скором времени сдастся на капитуляцию. Неаполитанское королевство и область Римская от неприятеля освобождены, но в Неаполе от бывшей прежней революции оказалось великое множество преступников, в том числе множество из знатных особ; все таковые преступники с начала освобождения Неаполя забраты под караул и содержатся в тюрьмах, над важнейшими из них производят следствия и беспрерывные казни, а некоторые отвозятся морем за границу.

По таковым обстоятельствам отчаянные родственники и друзья их предпринимают безрассудную дерзкость; и в последующее время в бытность уже мою при Неаполе двукратно важные и большие заговоры открыты и виновные забраты под караул; а как мне от его величества короля обеих Сицилий препоручено было иметь бдение, охранять ото всякой опасности, учреждать и сохранять в нем всякий порядок, тишину и спокойствие, что мною и выполнялось с успехами; я предвидел, что к лучшему спокойствию и тишине нужно бы было, ежели то возможно, общее прощение: представил я учтивейшим образом об оном чрез генерала Актона его королевскому величеству, и обещано благосклонно, что оное вскорости последует, но еще не получено.

Я при отправлении моем ныне от Неаполя еще напомянул о том письмом моим к генералу Актону, предвидя изо всех усмотрительностей, чем более продолжатся следствия, тем более умножается противников, безрассудно предприимчивых; и по всей справедливости осмеливаюсь всеподданнейше донесть: ежели не будет войск вашего императорского величества в Неаполе, королю для охранительной гвардии посланных, Неаполь можно почесть пропавшим, и ничто его защитить не может при таковых неприятных его обстоятельствах.

Остров Сардиния всегда состоит в чувствительной опасности, а наиболее от смежности с Корсикою. Мальта и по сие время состоит в блокаде англичанами, контр-адмирал лорд Нельсон письмами своими просил и просит неотступно нашего вспоможения, которое я и исполняю, как уже всеподданнейше имел счастие донесть.

В сие время забираю из Неаполя на корабли баталионы под командою генерал-майора князя Волконского-третьего, гарнизоном в Мальту назначенные, с ними отправляюсь, но с давнего времени крепкие и противные ветры препятствуют нашему походу и при первом благополучном ветре иду напервее в Мессину и Агусту, а оттоль войски переправлю в Мальту на эскадре господина вице-адмирала Карцова, дав им все подробные наставления и снабжение всеми потребностями; я желал со всеми теперь находящимися со мною кораблями действовать против Мальты, но корабли «Св. Павел», «Петр», «Захарий и Елисавета» и «Мария Магдалина» с давнего времени имеют худости и великую течь, которые в случившиеся крепкие ветры весьма умножились, а особо в корабле «Петре» даже до великой опасности, ибо сии корабли, кроме «Св. Павла», четыре года уже не килеваны, верхняя обшивка съедена червями и местами даже спадывает, в настоящей обшивке пенька в стыках и пазах ослабла; на всех оных четырех кораблях несколько бимсов и в других некоторых членах оказались большие гнилости и требуют перемены, на корабле «Св. Павел» ахтерштевень от первой петли кверху весь сгнил и едва только держится.

Все оное необходимо и непременно нужно исправить. Я несколько таковых необходимо надобных лесов беру в покупку из Неаполя на особое судно и из Мессины или Агусты пойду со оными кораблями в Корфу и употреблю старание там их исправить, как только надобность и обстоятельства позволят. Фрегаты «Михаил», «Николай» и «Григорий Великия Армении» также с давнего времени не килеваны. Верхняя обшивка, съеденная червями, сгнила и местами спадывает долой, стыки и пазы оказываются некоторые полы, а в других пенька ослабла,

оттого происходит в них великая течь.

На фрегате «Николай» ахтерштевень сверху до второй петли сгнил, и должно его срубить и приделать новую штуку, на оном и на фрегате «Григорий Великия Армении» по ветхости уже их несколько бимсов и других членов оказались гнилы и надломившись, потому следуют в перемену.

Все сии три фрегата остаются в Неаполе разоружены, исправляются починкою и приуготовляются к килеванию, исправление означенных кораблей и фрегатов, полагаю я, не прежде окончится, как в апреле месяце; между сего времени, считаю, Мальта может быть взята. Баталионы под командою генерал-майора Бороздина, королю обеих Сицилий охранительной гвардию назначенные, перевозятся из Корфу в Италию в Бриндичи, из Неаполя послан для вспомоществования им всеми потребностьми по военным делам министр и кавалер Мишеру, который и будет стараться препроводить их в Неаполь.

В бытность эскадр со мною в стороне Италии морскую провизию на эскадры получаю по необходимой в ней надобности из Мессины и из Неаполя, ибо от Порты Блистательной в присылке ее нет, я просил и повторял мои требования в Морею к тем, которые провианты для ескадр заготовляют, чтобы доставлено было его достаточное количество в Корфу в магазейны и чтобы к приходу эскадры был он там готовым; из Неаполя же получаемый провиант на их ли счет будет или на наш, представляю в высочайшее благоволение вашего императорского величества; в прочем по необходимой надобности покупаю на эскадру в Неаполе малое количество такелажа; пять или шесть якорей и разных несколько мелочных надобностей; необходимо надобилась парусина, но здесь в покупку достать не мог и уповаю, что такелаж, паруса и прочие надобности посылаются и скоро будут ко мне из портов Черного моря, которых по уведомлению повеление в Конторы главного командира Черноморских флотов я ожидаю.

Пока корабли и фрегаты будут исправляться в сие время, с глубочайшим благоговением ожидать буду высочайшего вашего императорского величества указа; когда Генуя будет взята, Мальта также, как уповаю, взята будет, после сего повелено ли будет мне с эскадрами возвратиться к своим портам, как в высочайшем указе мне предписано. В Мальте и в Неаполе по настоящим вышеозначенным обстоятельствам оставить ли войски или их забрать, также остров Корфу и прочие Ионические острова на каком основании должны остаться; войски, в Корфу назначенные, артиллерийские, под командою подполковника Гастфера ныне туда пришедшие, и баталион, с генерал-

лейтенантом Гоголевым прибыть имеющий, останутся ли в Корфу и на других островах, или всех их забрать с собою и доставить обратно.

Блистательная Порта Оттоманская и капитан-паша требовали с некоторого уже времени, чтобы я со своею эскадрою шел к Александрии, куда будущей весною и капитан-паша со флотом прибудет, но, в рассуждении зимнего ныне времени и означенных обстоятельств, сего выполнить было неудобно, ибо и действия там должны быть сухопутные с достаточным числом войска, а не морские. Всеподданнейше с глубочайшим благоговением осмеливаюсь просить в разрешение всех сих обстоятельств высочайшего указа вашего императорского величества.

Адмирал Ушаков

Ордер Ф. Ф. Ушакова Г. Г. Белле о назначении А. А. Сорокина старшим морским начальником в Неаполе и принятии мер по соблюдению дисциплины и сохранению здоровья личного состава

19 декабря 1799 г.

За отправлением моим с эскадрою при Неаполе остается старшим на фрегатах флота господин капитан 2-го ранга и кавалер Сорокин, под начальством которого и имеет состоять вы со всеми войсками десантными, при Неаполе ныне находящимися, и исполнение чинить по закону сходно с предписанием от меня господину флота капитану 2-го ранга и кавалеру Сорокину. Имейте наиприлежнейшее смотрение за войсками, вам вверенными, в исправлении их должности о соблюдении строгой военной дисциплины и наилучшего порядка, о сохранении служителей в здоровье.

Сделайте наилучшее распоряжение к предохранению оных войск от заразы венерической болезни. Надлежит их как наивозможно удерживать при своих местах и должности безотлучно и иметь за ними строгий присмотр. Все сие полагаю я на ваше благоразумие и прилежность и ревностное усердие по долгу службы.

Кампания 1800 г. в Средиземном море

Ордер Ф. Ф. Ушакова П. В. Пустошкину с требованием немедленного возвращения в Корфу со всеми войсками для соединения с эскадрой

№ 4 11 января 1800 г.

Секретно

От 16-го числа декабря я послал ордер мой к вашему превосходительству, уведомляя вас о высочайшем данном мне повелении, когда по открывающимся в Италии обстоятельствам не предвижу более надобности быть в сих местах, с эскадрами, мне вверенными, возвратиться в Черное море к своим портам. Ныне получил вторично высочайший именной его императорского величества указ, забрав эскадры и войска, мне вверенные, со оными возвратиться в Черное море к своим портам.

Предписываю вашему превосходительству по получении сего, нимало не медля, с эскадрами, вам вверенными, возвратиться в Корфу, где, исправляя корабли починкою, вас ожидать буду. Пошлите повеление ваше в Сардинию в Каллери к командующему поляки «Экспедициона» флота лейтенанту Македонскому, чтобы он, нимало не медля, непременно шел в Корфу к эскадре в соединение. Соблаговолите сие повеление содержать в глубоком секрете.

Господину лейтенанту Македонскому нет надобности объяснять об оном, а только велеть следовать в Корфу. Таковых повелениев пошлите к нему два или три дубликатных, дабы хотя одно дошло к нему верно; возвращаясь от Генуи, соблаговолите зайтить в Неаполь, взять там потребное число вам провианта и прочие надобности, как прежним повелением предписано.

Я с эскадрами в числе 7-ми кораблей и 1-го фрегата 8-го числа января прибыл в Корфу и начинаю исправление кораблей. На случай же, ежели вы прежних повелениев моих не получали, сие посылаю дубликатно; когда прибудете с кораблями в Неаполь, соблаговолите, ваше превосходительство, на оные забрать из обоза, оставленного от 3-х батальонов команды князя Волконского 3-го, все, что только можно поместить на корабли, также и служителей оных батальонов, ежели которые выздоровели от болезни, и тех, которые при обозе, забрать же и доставить в Корфу, а чего забрать не можно, дайте повеление фрегатским командирам, когда фрегаты оттоль пойдут в Корфу,

начисто все остальное забрали бы с собою, не оставляя там морских и сухопутных наших служителей ни одного человека, и весь остальной обоз, и экипаж, и их без остатка.

Ордер Ф. Ф. Ушакова лейтенанту Н. А. Тизенгаузену[173] об учреждении на о. Занте комиссии для контроля за расходованием общественных сумм

2 февраля 1800 г.

По неоднократно доходившим и ныне доходящим ко мне сильным жалобам Ионического сената на правительство острова Занте о невыполнении им многих сенатских повелениев и особливо о недаче по сие время аккуратного расчета в их денежных расходах с самого освобождения острова от французов, чрез что сенат не в состоянии иметь вкупе общую казну Республики и располагать оную для общей пользы, аккуратную поверку островским издержкам удобнее можно учинить в самых островах людьми, преисполненными патриотизма и сведения во учинении тех счетов, а потому и предписываю вашему высокоблагородию в бытность вашу на острове Занте учредить для помянутых счетов комиссию из людей, достоинствами и способностями к счетам отличных, дабы оные, сочиня как приход, так и расход островской с самого освобождения острова Занте россиянами от французов, и всех тех, ежели окажутся похитителями казенных денег, представить ко мне при рапорте вашем с нужным уличением их в похищении.

Письмо английского посланника в Турции Эльтона адмиралу Нельсону с сообщением о заключении в Эль-Ариша конвенции о выводе из Египта французских войск и намерении французов захватить Ионические острова

6 (18) февраля 1800 г., г. Константинополь

Милорд!

Я имел честь писать к вам в прошлую субботу с курьером, отправленным от российской миссии к адмиралу Ушакову.

Ныне имею случай писать по сношению к вам от стороны Порты с требованием вашей помощи к совершению пунктов капитуляции, установленной между великим визирем и генералом Клебером, для совершенного опорожнения Египта от французских войск.

Чрез прежнюю вашу со мною переписку я довольно уверен, сколь много вы купно со мною будете сожалеть, что условия, столь нами неожиданные, уступлены французам, но важность освобождения. Итак, я не сумневаюсь, что вы, милорд, конечно, присовокупите к важным услугам, вами Порте оказанным, старание доставить им ту помощь, кою они ныне требуют.

Я представляю сиру Сиднею Шмиту уведомить вас подробно о всех обстоятельствах конвенции и переправы. Порта собирает здесь сколько возможно судов для отправления в Египет. Но, по сведению моему, сия помощь и французские корабли в Александрии, как сказывают, три корабля линейных и пятьдесят транспортов, ни под каким видом недостаточны для сей потребности.

Намерение, оказанное французами в прежних переговорах с сир Сидней Шмитом, явно доказывают нетерпеливое их желание занять прежде большие[174] венецианские острова и держать Мальту; по поводу примеров измены, коими сей корпус войска в Египте отлично ознаменовал, требуется неусыпное старание к пресечению им средств воспользоваться каким-либо отверстием, могущим встретиться им на пути, к нарушению достоверности нашей полагаемой: и я остаюсь в полной надежде, что ваше, милорд, о них сведение и предосторожность не токмо воспрепятствует сему злу, но отлично будет вами наказано, если окажется с их стороны покушение.

Ордер Ф. Ф. Ушакова П. В. Пустошкину о следовании с эскадрой в Мессину для задержки французских судов, идущих из Египта

13 февраля 1800 г.

В именном высочайшем его императорского величества указе, от 30-го ноября последовавшем, изображено: «Господин адмирал Ушаков, узнав мы чрез министра нашего при Порте, тайного советника Томару о намерении Порты выпустить из Египта французские войска, почему и повелели, дабы он, когда сие предложение действительно сделано будет, поспешил вас уведомить, вы же, с своей стороны, тотчас о сем известите начальников английских эскадр, находящихся в крейсерстве около Мальты и берегов Италии, и расположитесь своим флотом так, чтобы, непременно встретя отправляемые из Египта войска, разбить оные и взять в плен, и старайтесь ни под каким образом не пропускать их во Францию.

Им непременно должно будет проходить или Мессинским проливом, или между Сицилии и Барбарского берега, которые места так узки, что когда учредятся порядочным образом крейсерства, то никак французы пройтить не могут, не будучи встречены и разбиты, тем паче что, по неимению военных кораблей отправление из Египта войск должно быть на многих транспортах, не весьма сильно вооруженных и не имеющих большой обороны. Все сие содержать в тайне, дабы прежде времени не могли узнать и взять предосторожности».

Господин полномочный министр и кавалер Томара в письме своем от 10/21 января уведомляет, что по содержанию сего высочайшего указа не преминет он ныне же отправить нарочно к коллежскому асессору Франкинию, находящемуся в лагере верховного визиря, приказ, дабы с хорошим, исправным кирлангичем доставил как можно поспешнее ко мне капитуляцию французов об упразднении[175] Египта, коль скоро оная заключена будет, и обстоятельно все другие сведения, до возвратного их пути касающиеся; господин Франкиний, отправляя кирлангич, прикажет шкиперу коснуться острова Цериго или Занте, дабы отобрать точное известие о месте пребывания моего с эскадрою, дубликат же сего уведомления, коль скоро получит оное Порта, Василий Степанович отправит из Константинополя ко мне с нарочным курьером чрез остров Корфу, в прочем верховный визирь особо и сам действует в разуме сих предписаний, о чем и государю императору ныне уже известно.

В приписке его объяснено также: английский посол, будучи известен о высочайшем мне повелении, в том же разуме пишет от себя к лорду Нельсону, дабы вместе со мною содействовал, письмо оного посла к Нельсону препроводил ко мне[176], прося, чтобы я, когда с ним увижусь, вручил ему самолично или верным образом к нему доставить.

Вследствие высочайшего повеления приготовил я эскадру господина вице-адмирала и кавалера Карцова к посылке, которая должна будет следовать к западному мысу Сицилии и к острову Маритимо и, снесясь о потребных к сему расположениях с лордом Нельсоном, учредить крейсерство между означенного острова Маритимо и Барбарского тунисского берега, а вашему превосходительству предписываю с вверенной вам эскадрою немедленно следовать в Мессину и там, будучи готовым, ожидать известий, к тому потребных, и моих повелениев, иметь бдительную осторожность, дабы французы из Египта тут не прошли и не пропустить их во Францию.

На сих днях прислано было ко мне от лорда Кайта, командующего ныне английскою эскадрою в Средиземном море,

нарочное малое судно с письмами, из разных мест ко мне присланными. При сей верной оказии препроводил я к нему для надлежащего исполнения вышеозначенное письмо, от англинского посла к лорду Нельсону писанное, и объяснился, сколько потребно было, о высочайшем мне предписании и общем действии против французов.

К господину статскому советнику и кавалеру Италинскому, в Палермо находящемуся, по секрету послал я обо всех сих подробностях и просил, чтобы он непременно в самой скорости увиделся с лордом Кайтом и Нельсоном, переговорил бы с ними обо всем, что надлежит, отобрал бы от них согласие, какое будет на то их распоряжение о действиях по оному обстоятельству, старался бы как наивозможно узнать, какие есть известия о Египте, производство там дел и об отправлении оттоль французов, ежели сделана будет капитуляция, и обо всем оном как наискорее поспешил бы меня уведомить.

Лорда Кайта также об оном я просил, чтобы вспомоществовать господину Италинскому в посылке ко мне нарочным легким судном. По сходству сего, как скоро ваше превосходительство прибудете в Мессину, тотчас отправьте от себя нарочного с письмом вашим в Палермо к господину Италинскому, требуя, чтобы он вас уведомил, виделся ли он с лордом Кайт[ом] и Нельсоном, какие сделаны между ними расположения о непропуске французов из Египта, о разбитии и о взятии их в плен, имеет ли он известие из Египта и о прочих подлежностях благоволите, ваше превосходительство, иметь старание как наивозможно чаще получать от него, господина Италинского, уведомления, также и изо всех других мест узнавать о нужных известиях и поступать по обстоятельствам, какие окажутся.

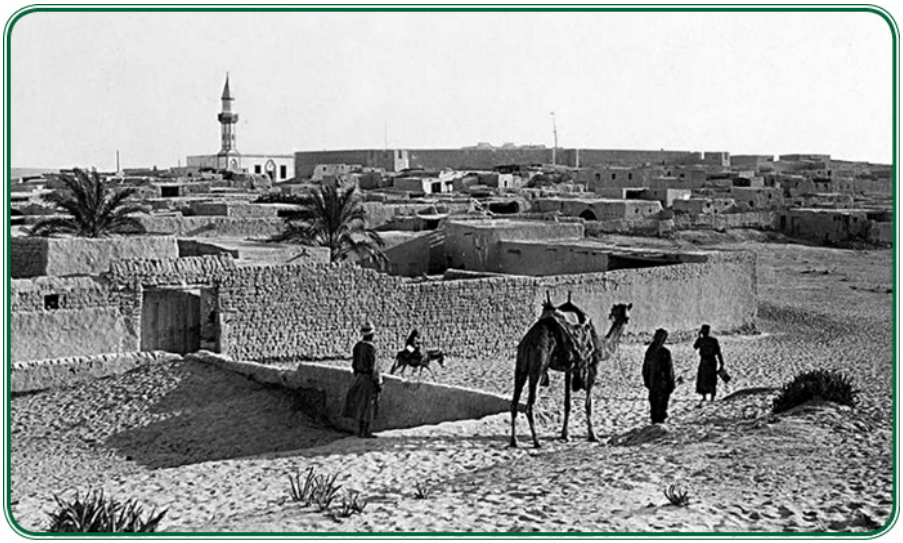
Сходно с высочайшим повелением, как выше означено, я надеюсь вскорости подробные получить уведомления чрез Константинополь от министра, и все, что надобно, уведомления при повелении моем к вам доставлю. Вице-адмирал и кавалер Карцов пойдет к Сицилии к острову Маритимо, как выше означено, и ежели по обстоятельствам надобность востребует, то и ваше превосходительство соединитесь с ним на общее действие.

Все это зависеть будет от обстоятельств и последствиев, какие получатся о том и о согласностях англичан сведения[177]. Я должен бы для сего исполнения следовать к Сицилии со всею вверенною мне эскадрою, но 4 корабля, со мною бывшие, от жестоких крепких ветров и волнения оказали в себе великую и опасную течь и повреждение, которые ныне при Корфу разоружены, сгружены и начинаются исправлением. Из них

корабль «Св. Петр» начали уже килеванием, а прочие приуготовляются.

По сим обстоятельствам означенное выполнение и расположено от меня эскадрам вашего превосходительства и г[осподи]на вице-адмирала и кавалера Карцова. О приходе вашем в Мессину и обо всем касательном, какие о чем сведения иметь будете, благоволите при всякой оказии меня уведомлять. Надеюсь я, что все сие кончится в скором времени, и после сего, как располагаю я, в апреле месяце, по сходству высочайшего мне повеления, со всеми ескадрами соединенно должен следовать чрез Константинопольский пролив в Черное море к своим портам для исправления кораблей и оттоль, по исправлении, вторично возвратиться в Средиземное море к выполнению сего.

Ежели означенные обстоятельства, до следования из Египта французов касающиеся, скоро окончатся, то непременно в начале апреля все эскадры должны быть здесь, в Корфу, о чем к сведению вашему сим даю знать. Но все это извольте содержать в глубоком секрете. Ежели же не будет капитуляции в Египте и откроются другие обстоятельства, так что вам в Мессине нужды уже не будет и не потребно, в таком случае тотчас извольте следовать ко мне в соединение в Корфу. Словом, время и обстоятельства все потребное вам оказать могут сообразно со всем вышеозначенным, что и как исполнять должно.



Город Эль-Ариш в начале XX в.

Предпринятая в самом конце XVIII в. попытка Франции захватить Египет при полном доминировании британского флота на Средиземном море изначально была обречена на провал. Боевые качества французской армии во главе с Наполеоном позволили добиться некоторых успехов, однако в целом положение французов в Египте было бесперспективным. Это, а также неустойчивое положение во Франции заставили Наполеона бросить армию и уехать из Египта. Сменивший его генерал Клебер 24 января 1800 г. в Эль-Арише, городе на берегу Средиземного моря, подписал соглашение с Турцией о перемирии и эвакуации французских войск из Египта на почетных условиях. Однако впоследствии английское правительство заставило Блистательную Порту аннулировать этот договор.

Ордер Ф. Ф. Ушакова А. А. Сорокину о прибытии к 1 апреля в Корфу для соединения всей эскадры

14 февраля 1800 г.

За всеми прежними повелениями моими еще вам повторяю, как наивозможно скорее исправить фрегаты, вам вверенные, и,

забрав из Неаполя всех служителей наших и сухопутных войск батальоны князя Волконского, не оставляя там никого и ничего нашего, то есть и от батальонов, что там осталось, все забрать, также забрать и из Рима больных наших, не оставляя, никого, и быть ко мне в соединение в Корфу, необходимо надобно, чтобы вы с эскадрою к первому или в первых числах апреля были здесь, так и располагайтесь, чтобы вы приходом вашим не опоздали.

При сем препровождаю ордер мой господину вице-адмиралу и кавалеру Пустошкину[178] о важном деле, по секрету писанный. Ежели он, господин вице-адмирал, из Ливорно в Неаполь еще не прибыл, до тех пор сей ордер удержите у себя, а о нем, ежели успеете, что он еще в Ливорно, пошлите от себя рапорт, объясня, что вы ордер, по секрету к нему писанный, имеете у себя до его прибытия в Неаполь, чтобы вручить ему самолично, но буде уже он из Неаполя отправился в Мессину, то как можно старайтесь скорее к нему переслать его в Мессину, и нужно доставить его с нарочным верно, [чтобы] оный ни под каким видом не был утрачен и доставлен бы был к нему верно, но ежели он из Мессины уже ушел в Корфу, то нельзя иначе доставить его к нему, как только что чрез вас возвратить оный ордер ко мне вернейшею же оказиею, но я надеюсь совершенно теперь застать его или в Неаполе, или в Мессине, исполните, как что удобнее.

При сем же посылаю к вам ордер мой, следующий в Анкону флота капитану графу Войновичу о нужном же деле к исполнению[179], отправьте оный от себя также непременно с нарочным. Ежели бы его также не случилось, то отдать к исполнению кто из наших штаб– или обер-офицеров старшим там состоит, курьеру вашему дождаться там в ответ на оный ордер рапорты и доставить их к вам; а вы испросите нарочитого же курьера или отправьте своего со оными делами и с вашими уведомлениями о всех нужных подробностях ко мне чрез Отранто.

Требую, чтобы вы как наивозможно чаще присылали ко мне свои рапорты и уведомления обо всех подлежностях, равно требуйте всегда писем ко мне от агента Манзо, он часто получает известия из Ливорно, из Флоренции, чтобы все их как можно чаще доставлять ко мне.

Я весьма недоволен вами, что по сие время со отправления моего из Неаполя ни одного рапорта от вас не получил и не получаю; предписываю употребить вашу прилежность присылать рапорты ваши ко мне чаще, еженедельно справляясь и узнавая обо всех новостях, известиях, подлежащих к сведению моему, и их ко мне доставлять.

Ордер Ф. Ф. Ушакова Н. Д. Войновичу об ускорении ремонта кораблей и немедленном следовании с ними в Корфу на соединение с эскадрой

14 февраля 1800 г.

В резолюцию на полученный мною от вас рапорт послал я ордер мой к вам от 22 ноября, под № 1251 писанный, со всеми обо всех надобностях подробными объяснениями и повелениями моими, что и как исполнять следует, но, к крайнему сожалению моему, после возвращения ко мне из Анконы флота лейтенанта Балабина во все прошедшее время и поныне никакого уведомления от вас ни о чем не получал и не имею, сумневаюсь я, дошло ли означенное мое повеление к вам, потому препровождаю при сем со оного и с приложениев при оном точную копию и требую, чтобы вы как наискорее дали мне знать, получили ли вы тот ордер и что как по тому исполнено, где находятся ныне фрегаты, в Триесте или в Анконе, и поправлены ли в худостях сколько возможно; я желал, чтобы вы поправили их в Анконе припасами, в магазинах при Анконе состоящими.

Надеюсь я, после объяснения моего австрийскому господину лейтенанту[180] Фрелиху, не осмелится он вам препятствовать исправлять фрегаты и должен вас снабдить всеми потребностями, к тому надобными. Не знаю также по сему делу и обстоятельствам об Анконе, дошли ли всеподданнейшие рапорты мои государю императору и письма мои с подробными обо всем объяснениями и приложениями в Вену к полномочному российскому министру графу Разумовскому, опасаюсь я, ежели хитростями какими с той или с другой стороны нам неприятствующих все сии депеши мои ежели пропадут и не дойдут, куда что следует, то и исполнение по оному останется все без действия.

Я прежде писал к вам, чтобы и вы, с своей стороны, обо всех худых и неприязненных поступках господина генерал-лейтенанта Фрелиха отнеслись в Вену к графу Разумовскому (или ныне на место его в Вену[181] находящемуся полномочному российскому министру Колычеву), писали ли вы к ним об оном, также я не известен. Весьма сожалею, что вы редко принимаетесь ко мне писать. Ежели бы вы писали многократно и чрез разные места, то, конечно, рапорты ваши дошли бы ко мне. Вы в Корфу к Алексиану и чрез него ко мне даже ни одного письма не переслали.

Другой месяц я нахожусь с эскадрою в Корфу и никакого сведения от вас не имею, кроме приходящих судов из Триеста;

с давнего времени сказывают, что два фрегата наших и два турецких находятся в Триесте, но там ли они ныне или в Анконе, вновь сведения не имею. Требую, чтобы вы скорее обо всем меня уведомили. Ежели же вас в Анконе сие повеление не застанет, то сие повеление мое по всей возможности выполнить тому, кому оно из российских штаб– и обер-офицеров дойтить может.

Я получил высочайшие повеления все эскадры, от меня отделенные, собрать в соединение ко мне, которое назначаю быть в Корфу, посему и послал я повеления мои вице-адмиралу Пустошкину, блокирующему Геную, и флота капитану 2 ранга Сорокину, с тремя фрегатами для исправления их в Неаполе находящемуся, немедленно с эскадрами, им вверенными, следовать в Корфу.

Необходимо надобно, чтобы к апрелю месяцу или по крайней мере в начале апреля, все эскадры были бы соединены в Корфу, сходно и вам предписываю поправить починкою, сколько наивозможно, фрегаты там, чтобы безопасно могли дойтить до Корфу, и старайтесь непременно в первых числах апреля быть сюда ко мне в соединение, забрав из Анконы и из Триеста принадлежащее и служителей наших, никого нигде там не оставлять.

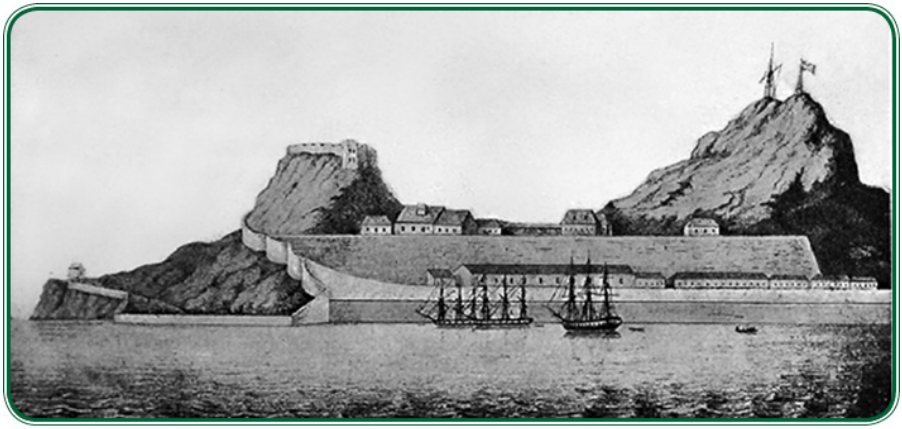
Лесов корабельных, сколько можете взять с собою из Фано на фрегаты, возьмите, доски дубовые больше всего нужны, прочий лес мы уже здесь получили, но все то хорошо, что можно доставить, ежели только не убыточно. Я позволяю вам для сбережения фрегатов в рассуждении их худости пушки большею частию или хотя бы все, буде нужно, положить на интрюм, разве оставить по вашему рассмотрению на своих местах весьма малое число, как вы заблагорассудите, но непременно старайтесь ничего нашего там не оставить и в начале апреля быть в Корфу.

Турецкие фрегаты и прочие суда, в эскадру вам вверенные, не оставьте также доставить сюда сохранно. Ни в одном вашем рапорте о турецких судах вы ко мне не рапортуете. А они состояли под вашим командованием, следовательно, и о них меня подробно уведомлять должны. Сие повеление мое посылаю я из Корфу с нарочным в Неаполь флота капитану Сорокину, а ему дал я повеление в самой скорости отправить к вам в Анкону с нарочным же курьером и, от вас получа рапорты, возвратиться в Неаполь, а оттоль господин Сорокин должен доставить ко мне.

Еще напоминаю по сему повелению, ежели графа Войновича в Анконе не случится, исполнить тому, кто начальствует в оном месте, а также о подлежностях доставить уведомление к нему и к прочим командующим фрегатам и особо о том, что должны фрегаты по крайней мере, ежели не могут успеть, прийти хотя в

первых числах апреля в Корфу; весьма нужно, ежели можно успеть, прийти безопасно ранее, чем скорее можно фрегатам сюда прийти, тем лучше и удобнее может исполниться высочайшее мне предписание о потребностях. Фрегаты здесь я могу исправить всеми надобностями, а в Анконе нужно поправить их столько, чтобы сюда дошли безопасно, но ежели удобно и возможно, то весьма хорошо, ежели там поправятся надежнее, исполните все оное по случаю возможности и обстоятельств, чего я ожидаю.

Ежели фрегатов неможно ничем исправлять в Анконе, то тем больше нужно скорее поспешить прибытием в Корфу, чтобы было время без замедления здесь их поправить.



Крепость на острове Корфу в конце XVIII в.

Записка Г. Г. Кушелева в Адмиралтейств-коллегию о необходимости обшивки кораблей медью

15 февраля 1800 г.

Государь император, усмотрев из донесений адмирала Ушакова, что суда на Черном море и в Средиземном до того повреждаемы бывают червями, что обшивка почти отваливается прочь и потому самые корабли подвергаются чрез то опасности, высочайше соизволил: все корабли и фрегаты 50– и 44-пушечные, имеющие строиться в тамошних портах, обшивать медью, для чего Адмиралтейств-коллегии, сделав распоряжение, откуда удобнее можно было получать медь, где оную приготовлять к делу сему и во что будет стоить каждого из оных судов таковая обшивка, представить на высочайшее усмотрение.

Рапорт Ф. Ф. Ушакова Павлу I об оставлении в Неаполе отряда М. М. Бороздина

17 марта 1800 г.

Высочайший именной вашего императорского величества указ, декабря от 25-го дня последовавший, в котором изображено: «Генерал-лейтенанта Бороздина с двумя батальонами, в команде его состоящими, для пребывания при особе его сицилийского величества оставить в Неаполе», и высочайше повелено ему явиться к нему сего марта 1-го числа, я с глубочайшим благоговением получил, который в самой скорости с теми двумя батальонами и переправлен от меня из Корфу в Бриндичи, а оттоль сии войска препровождаются нарочно присланным из Неаполя министром по военным делам кавалером Мишеру, о чем вашему императорскому величеству всеподданнейше доношу.

Письмо Ф. Ф. Ушакова Г. Г. Кушелеву о местонахождении русских эскадр в Средиземном море

17 марта 1800 г.

Ваше высокографское сиятельство, милостивый государь Григорий Григорьевич.

Почтеннейшее письмо вашего высокографского сиятельства января от 20-го дня с предписанием высочайшего его императорского величества повеления, чтобы я всякое содействие с цесарскими войсками оставил, о собрании всех отделенных эскадр и судов исполнить предписанное пред сим; о взятии Мальты высочайшее повеление сего марта 1-го числа я получил и употреблю всемерное старание о выполнении.

О полученном мною высочайшем указе, от 23 октября последовавшем[182], какое выполнение мною сделано, вашему высокографскому сиятельству января от 20-го числа я имел честь письмом моим донесть. На всякий случай в рассуждении нынешнего времени худой и опасной дороги, если бы до вас не дошло, представляю со оного точную копию. В каком состоянии вверенная мне эскадра находится, в оном означено – эскадра вице-адмирала и кавалера Карцова отправлена от меня из Корфу по прежним высочайшим повелениям к западной стороне Сицилии, к острову Маритимо, а вице-адмирал Пустошкин находится в Мессинском канале.

Обе сии ескадры будут в тех местах для выполнения

высочайшего повеления о непропуске французов из Александрии. В высочайшем указе, ныне мною полученном, значится, что о взятии Мальты пред сим послано ко мне повеление, но оное еще мною не получено; обо всем прочем отправленными от меня пред сим письмами чрез Константинополь со всякой подробностию донесено, и все то выполнять буду, что только возможно допустить. Фрегаты – три в Неаполе исправляются и три, при Анконе бывшие, – один ныне в Анконе, а два в Триесте по ветхости и худостям их, и по сие время не осмеливаются пуститься в море, к прибытию в соединение и ожидаются. О чем донеся, с наивсегдашним моим истинным почтением и преданностью имею честь быть.

Письмо Сената Ионических островов Ф. Ф. Ушакову с выражением признательности за хорошее управление островами

15 апреля 1800 г.

Его высокопревосходительство господин адмирал и кавалер Ушаков, освободитель и отец Соединенных Ионических островов, признает, что благоденствие оных зависит от точного наблюдения временной конституции правления, от повиновения к законам, от послушания к учрежденным магистратам и судебным местам, почему, дабы таковые существенные правила одержали верх на оных островах, при употреблении крайнего усердия и прозорливости назначил к островам бдительную и добродетельную особу в лице господина кавалера Тизенгаузена. Выбранный совершенно исполнил свои препоручения, и доказательством тому служит доброй порядок, умеренность и спокойствие, утвержденные на всех островах к общему удовольствию жителей, всерадостно восхищенных.

Сенат, во изъявление своей признательности за отеческое попечение высокого избирателя и за великодушные труды избранного, усердно желая иметь особ столь чистосердечных, верных и полезных, свидетельствует истинную признательность и похвалу, и свое намерение есть, чтоб жители, чувствующие доставленную им пользу, споспешествовать старалися мудрым мерам, предпринимаемым от сказанной особы, будучи он способом полезнейшим и спасительнейшим к событию правил вышеупомянутых во всем своем пространстве впредь до установления лучшей системы общего соединения островов, которая, ожидаемая в кратчайшее время, утвердится на

прочнейшем основании в самом просвещенном образе от августейших монархов союзных держав, нас покровительствующих.

С подлинным верно: адмирал Ушаков

Ордер Ф. Ф. Ушакова П. В. Пустошкину о возвращении его с эскадрой в Корфу для соединения с главными силами

16 апреля 1800 г.

Полномочный министр и кавалер Италинский, в Палермо находящийся, письмами своими уведомил меня, что обо всех касательностях, надлежащих до французов, из Египта отправляющихся, о непропуске их во Францию, имел сношение с лордом Нельсоном и с англинским министром и, отобрав от оных все сведения, к тому потребные, доставил письмами своими к вашему превосходительству. Я просил его, чтобы и впредь обо всем, к тому касательном, беспрерывно, имея осведомления, уведомлял вас с подробностию, не упуская всякого случая; что от него мне обещано.

Со стороны Константинополя какие уведомления имею я от чрезвычайного посла и полномочного министра и кавалера Томары, с письма его минувшего марта от 14/26-го числа и с приложенной при оном выписки из реляции к его императорскому величеству при сем по секрету препровождаю к вашему превосходительству точные копии, из которых, равно и из уведомлениев к вам господина министра Италинского, все обстоятельства явственны и вам достаточно будут известны; сходно оным и благоволите в исполнениях ваших сообразоваться.

Я уповаю, что по сим обстоятельствам проход и отправление французов из Египта совершенно уже воспрещены; и, как из писем оных министров явственно, что от англичан французскому генералу Клеберу чрез нарочное судно о том знать дано, посему полагать должно, что прежде получения от лондонского двора о том решимости, отправление французов из Египта непременно должно остановиться; и, когда ваше превосходительство об оном получите точное сведение, что отправление из Египта судов уже остановлено и они не предпринимают иттить оттоль прежде ожидаемых решимостей, в таком случае должны вы немедленно возвратиться в Корфу в соединение со мною, ибо на ескадре вашей провианта весьма недостаточно; да и Порта Оттоманская в ту сторону провиантов совсем не отправляет, и я весьма опасаюсь забрать в других местах провиантов в долг и в покупку, ибо на

сие денег никаких, определенных в отпуск, не имею, а притом корабли, вам вверенные, требуют починки и исправления, чего, кроме здешнего места, исполнить невозможно, здесь же имеем мы своих мастеровых людей и корабельного мастера.

За всем тем весьма желательно, чтобы грот-мачта на корабль «Симеон и Анна» была сделана там, где вы находитесь; ежели в Мессине с неаполитанских кораблей отпущена вам фок-мачта и буде она коротка, в таком случае можем здесь в Корфу ее переправить и наставить как следует; чтобы грот-мачту сделать вновь, дерев здесь мы не имеем, но на наставку и на переправку таковые есть в наличии, весьма также нужно, чтобы члены были годные (каковых здесь нет).

Весьма желаю я, чтобы скорее кончилось и получено бы было сведение, когда французы отправлением из Египта будут приостановлены, дабы ваше превосходительство как наискорее с кораблями пришли в Корфу для исправления и получения провианта, которого вскорости в доставление сюда ожидаю.

Франческо Хайес. Беженцы из Парги. *1831 г.*

Прошение депутатов г. Парги Ф. Ф. Ушакову об оказании покровительства этому городу и о присоединении его к Республике Ионических островов

21 апреля 1800 г., о. Корфу

Ваше высокопревосходительство!

Нижеподписавшиеся депутаты общества Парги представляем вашему высокопревосходительству глубочайшее прискорбие народа Парги, когда на сих днях дошла к знанию своему неожиданная и нечаянная весть, что установленное в Константинополе Блистательною Портою Оттоманскою уложение сообщено было одним депутатом островов, прежде бывших венецианских, и оное, не соединяя нас к сим островам, оставляет лишенных сего права.

Известно вашему высокопревосходительству состояние отечества нашего – Парги. Мы неоднократно представляли вам дела наши со времени даже, как соединенный флот российско-оттоманский направлял путь свой к сим местам для изгнания общего неприятеля, французов. Тогда же не преминули мы сами собою изгнать из крепости и уезда нашего сих неприятелей, употребив на то многообразные способы.

Твердо полагались мы на манифестах[183] всепресветлейших союзных государей, которыми доставление свободы наравне с прочими островами было нам обещано, ибо мы пребывали всегда в соединении с сими островами под покровительством прежде бывшего венецкого правительства, продолжавшимся более четырехсот лет, и в течение сего времени пользовались мы особливою вольностию.

Когда соединенный флот прибыл к Занте, предпочтительно от других явились мы у вашего высокопревосходительства, нижайше прося покровительство и защиту у единоверного милостивейшего государя, каковое покровительство искреннейше и усерднейше желали мы иметь счастие получить со многих веков.

Ваше высокопревосходительство тогда же пожаловали нам письмо одобрительное, по которому обещание ваше на соединение Парги к островам чинено было. И так, вместо того чтобы пользоваться теми же самыми преимуществами и правлениями, слышим мы ныне, что вовсе оставлены; для того предпочитаем мы паче смерть, нежели порабощение.

Прибегаем мы к благоутробному[184] покровительству вашего высокопревосходительства, нижайше прося милость и защиту, по сие время вами оказываемую, удостойте посылаемого от нас депутата рекомендациею вашею к высочайшему двору августейшего и милостивейшего государя всероссийского. Изъявите снисхождение ваше депутату нашему, отправляющемуся для донесения двору известных уже вам прав наших.

Окажите нам пособие для излияния на нас благодати и неизмеримого милосердия его императорского величества, яко преданнейших и вернейших своих подданных, и чтоб благоугодно было причислить наше общество к островам, бывшим венецким, и сим способом пользоваться тем же самым уложением, коим пользуются и все сии острова без изъятия. Таковым решением преимущества о вольности и правления наши будут нам доставлены сходно с обещаниями, от пресветлейших союзных государей учиненными.

Подписали:

Анастасий Василас Панайоти Зула Иван Мастраки-Десила Фоти Манияки депутаты

Переводил надворный советник Гр. Панеиодорос

Ордер Ф. Ф. Ушакова капитан-лейтенанту С. М. Телесницкому о борьбе с морскими пиратами в районе Ионических островов

30 апреля 1800 г.

Рапорт ваш от 23-го числа апреля я получил. Крайне сожалею, что разбойники на не значущих ничего четырех лодках допущены грабить суда Ионических островов. Благоволите от правительства приказать в самой скорости вооружить полугалерку, в ведомстве вашем при острове Занте находящуюся, снабдить ее всеми надлежностями, определить на оную от правительства ж отборных храбрых людей и исправного командира и послать оную для поиску тех разбойников.

Предписываю, чтобы оная полугалерка соединилась с двумя полугалерками же, в островах Кефалонии и Св. Мавры находящимися, и чтобы они непременно старались сыскать оных разбойников, перехватать и забрать в плен сильною рукою, ибо те разбойники уповательно на своих судах пушек к обороне не имеют, а полугалерки наши каждая имеет на себе пушки и удобно сие выполнить могут и тем доставить спокойствие островам. По исполнении сего благоволите ко мне отрапортовать.

Сожалею также, что правительство островов сделало упущение по своему долгу и президенции не старались о заготовлении благовременно провиантов, для всего общества потребных к продовольствию на всякое время. Дайте им знать об оном от меня и советуйте, чтобы все средства употребили чрез подряд или другие способы, иметь как наискорее провиант для обывателей острова Занте и содержать их по сей части в

спокойствии.

Письмо Ф. Ф. Ушакова В. С. Томаре о волнениях населения Ионических островов в связи с переменой правления на островах и об отношении его к туркам

2 мая 1800 г.

Милостивый государь мой, Василий Степанович.

В рассуждении нового плана правления островов и отмены прежнего за объявлением вашего превосходительства ко мне тремя словами на все мои письма, не объясняюсь я вновь о предвидимостях наисправедливейших и неизбежных худых последствиях, после сего какие бы меры старательностей я не предпринял бы, будут они тщетны. По сие время на установление в островах согласия, благоденствия, тишины и порядка всевозможные с моей стороны труды и способы употреблены.

По возвращении моем в Корфу послан был от меня вторично в острова флота господин капитан-лейтенант и кавалер Тизенгаузен с подробным от меня наставлением поправить все то, в чем, по сведению и видимостям, казался еще недостаток оь установлении порядка в правлениях, тишины и спокойствия; не можно довольно похвалить, сколь достаточно успел он выполнением с наивеличайшей усердной ревностию, ничего больше я не получал от всюдова, как похвалу и беспредельную благодарность, все были довольны, так что ежедневно повторяли к нам свою признательность.

Письмо вашего превосходительства, посланное к вице-президенту Сената Феотоки с тем объяснением, чтобы все вновь учрежденное с прошлого декабря отменить и не исполнять, опрокинуло все наши труды и старательности об общем спокойствии.

Этот лукавый и хитрый старик, однако, неразумный, при моей здесь бытности, даже не сказав мне ни слова, по всем островам циркулярно опубликовал оное письмо ваше и с некоторым прибавлением от себя нанес помешательство в последнем уже окончании дел господину Тизенгаузену, огорчил его чрезвычайно так, что господин Тизенгаузен с великой чувствительностью жаловался ко мне на его поступки, почувствовал себя больным и беспрестанно письмами своими просит позволения возвратиться ко флоту; все это хотел я поправить, но и затем просьба его повторяется о том же, и напоследок позволил я ему быть сюда.

В островах разнесшийся слух, чрез депутатов из Константинополя получаемый, о новом установлении правления и о других последствиях тревожит весь народ беспредельно, предвидимые из того следствия отвратить трудно, кроме как силою войск, но и то будет тщетно, всегда войски наши в островах быть не могут; острова сии предвижу я пропащими, народ по единоверию с нами, приверженный к России, даже никакой строгостью отделить от сей нации его невозможно, был уже здесь пример во время моего отсутствия (обыватели имеют от себя в Константинополе определенных [людей], которые обо всем их уведомляют, получа от них известие о переменах делающихся, о том, что некоторые места отданы будут туркам, пришли в отчаянность, взбунтовались, и вдруг вошли в город более пяти тысяч человек, тот же час хотели истребить турок и домы депутатов, а особо Каподистрии дом хотели разметать по камню, не слушали ни о чем никого: но как находился здесь генерал-лейтенант и кавалер Бороздин с войсками, он один мог унять их, употребя поступок с доброй манерою, и искусством отвратил все худые последствия и выслал народ из города, успокоя их, сказав, что все это неправда).

Господин Тизенгаузен пишет ко мне с Чефалонии, теперь тоже и важнее еще сделать предприемлют, и весь народ с великим роптанием сбираются партиями, и он не имеет столько сил и возможности сей отважный и предприимчивый больше других островов народ удержать от худого последствия, просит моего наставления, что ему делать; я писал к нему, всеми возможностями стараться все худости отвращать и удерживать народ в спокойствии и отнюдь не допустить ни до какой дерзкости, но он от чувствительностей, сделавших его больным, как выше означено, просит оттоль увольнения.

Получа письмо вашего превосходительства с объяснением трех слов, чтобы Бога ради кончить, не желал я ничего более писать и распространяться объяснениями, хотел сказать только то, что перемена прежнего, новый план и прочее, с тем последующее, повергает сии несчастные острова в вечное несчастие и совершенную гибель, к отвращению которых я, с моей стороны, никаких средств не имею, вашему превосходительству [о том] представляю. С письма и с рапорта, присланных ко мне от капитан-лейтенанта Тизенгаузена, также копии при сем прилагаю.

Прошу вас по меньшей мере писать в Сенат, [чтобы] все то, что мною и посланным от меня в острова установлено и приведено в порядок, оставить ненарушимо, может быть, хотя несколько времени сие поддержит людей в спокойствии, но, когда

новый план будет получен, совсем не знаю, что произойтить тут может; я, как и прежде к вам писал, по необходимости должен оставить судьбе и начальству здешнему, как они хотят; прежде нами утвержденное вновь мне опорочивать невозможно, и по справедливости в том никто ко мне вероятности иметь не будет.

Капитан-лейтенанту Тизенгаузену приказано было от меня ехать в Цериго и там сделать таковые же учреждения, восстановить тишину и порядок, и спокойствие, но вышеобъясненные обстоятельства сию посылку остановили, в каком теперь состоянии сей несчастный остров, изволите усмотреть из приложенной копии с рапортов господина Тизенгаузена и поручика Диаманти; ежели бы я и посланный от меня в острова господин Тизенгаузен и в сих островах устройствами не водворили тишину и спокойствие, и с ними то же бы было, Цериго зависит от учреждения нашего.

Но означенное письмо ваше к Феотоки и перемена плана остановили окончание дел наших, к спокойствию потребное, нельзя теперь удержать[185] противное новому плану и должно ожидать его, таковая вновь устроенная перемена плана лишила меня удовольствия видеть государя императора, деятельностями моими и от меня определенных довольным, и вновь учреждаемую республику сделала навсегда несчастной; от воли вашего превосходительства все сие зависело, и весьма возможно было в столь отдаленном месте отсюдова ошибиться и не предусмотреть коварных замыслов нескольких вредных обществу людей; которых отослали вы из Константинополя депутатов, те были доверенные от стороны народа, сверх их еще в Константинополе оставались несколько таковых же, но и они от прочих отделены, и предложения их не приняты во уважение.

Дворянство, некоторые надуты венецианской гордостию, нетерпимою всеми народами, от которой и падение сей республики последовало, утвердилось теперь преимущественно над другими классами к совершенной своей гибели; я все это предвидел и предупредил равным соединением второго класса с первым, к которому народ имеет полную доверенность, при оном положении могли бы быть стократ спокойнее, нежели при новом плане.

Я все это объясняю вашему превосходительству не для того, чтобы я чувствовал неприятность, противу меня случившуюся, но единственно объясняю по всей справедливости из одного чувствительного сожаления о злосчастии сей новой республики; ваше превосходительство одним словом могли бы удержать депутатов от перемены плана, только бы вы намерение их не похвалили и сказали бы, что это будет им вредно; свято уверяю,

было бы достаточно, все они весьма послушны к нашей нации и дерзкого ничего отнюдь не предприняли бы. Имею честь быть с наивсегдашним моим почтением и совершенною преданностию.

Федор Ушаков

Письмо Ф. Ф. Ушакова Н. А. Тизенгаузену о необходимости амнистии для установления порядка на островах

2 мая 1800 г.

Милостивый государь мой, Николай Александрович.

По рапорту вашему, от 22-го апреля писанному, в рассуждении штрафных, объявить честь имею: вам уже известно мое желание, особой честью почитаю, ежели мы установим правление и спокойствие на островах без потери людей. Те, которые делали хотя и важные проступки, должны быть наказаны, как с ними и сделано, справедливо. Но после, когда уже они восчувствовали наказание, чем легче простим мы их сверх их чаяния, надеюсь, больше почувствуют к ним милосердия, даже и все прочие большую приверженность еще к нам иметь будут.

Вам явственны резолюции мои, что я их обвиняю всегда, но предписываю простить от великодушности; непременное желание мое было и есть: всех таковых единовременно простить, так я к вам и в правительство всегда писал, ежели впадут они в погрешности в другой раз, тогда никак прощены не будут. Ежели не предвидите важной опасности от незначащего числа сих учинивших дерзкие глупости людей, и буде, простя их, можете все установить в тишине и порядке, особое удовольствие сим мне доставите.

Вы из писем моих совершенно уже должны быть уверены, что никакие письма против постановлениев ваших не принимаю я с другими мыслями, так только делаю им прощение от великодушия, и за честь почитаю, ежели можем установить дела наши по сделании некоторых штрафов напоследок поступком снисходительным. Повторяю, желание мое: все то, что не может быть совершенно опасно, на будущее время по таковым делам выполнить во всех островах и тем доставить мне удовольствие. В прочем с наивсегдашним дружеским почтением моим имею честь быть.

Нападение алжирских пиратов

Письмо Ф. Ф. Ушакова Махмет-бею[186] с требованием прекратить грабительские действия алжирских пиратов в Адриатическом море

11 мая 1800 г.

Милостивый государь мой!

Со всех мест устья Венецианского залива получаю я беспрерывные жалобы, что алжирские суда во многом количестве ловят, берут разбойническим образом и грабят всякие суда, какие только им попадаются в Венецианском заливе.

В прошлом 1799 году от меня и от Кадыр-бея за общим нашим паспортом, с нашими подписками и печатьми данным, посланное от нас из Корфу судно под российским купеческим флагом в Тулон для отвозу пленных нами французов, алжирские суда, невзирая на наш паспорт, взяли разбойническим образом, отвели в Алжир судно и товары со оного продали, а командира оного судна Павла Фоку и со служителями-греками Соединенных островов и ныне держат в плену; ныне же оные алжирские суда в числе до десяти, крейсируя в Венецианском заливе, грабят не только разных наций, даже наши суда, посылающиеся от меня с письмами и всеподданнейшими рапортами к государю императору чрез Отрант и Бриндичи, пресекли всю коммерцию со здешними островами, не допускают сюда судов пройтить из Неаполитанского королевства с разным хлебом и со пшеницею, по нашим требованиям сюда идущих, чрез что не только здешние островские жители терпят голод, ни же мы сами пшеницу и муку не можем доставить в покупку, а особо, что они берега между

Отранта и Бриндичи утеснили чрезвычайным образом и судами, и десантом высаживаемым, производят грабительство, а я по высочайшему мне от государя императора предписанию должен оных союзников наших вместе с Блистательною Портою защищать и охранять от французов и от всяких неприятелей, ибо они вместе войну имеют и общими силами с союзными державами действуют противу общих неприятелей – французов.

Следовательно, мы и Блистательная Порта Оттоманская имеет непременный долг их защищать и оборонять, а паче Блистательная Порта должна охранять их и воспретить тунисским и алжирским судам делать грабительство.

С письма, сейчас мною полученного из Летчи от российского консула Никаци, прилагаю точную копию и, сообщая обо всем оном, прошу, дабы благоволили вы сами с фрегатами Блистательной Порты иттить или послать от себя два фрегата к стороне Италии к Отранту и Бриндичам, сыскать оные алжирские десять судов, запретить им всякое грабительство и выслать их непременно из Венецианского залива вон с запрещением, чтобы они в здешнюю сторону не ходили, ибо здесь и в здешней стороне неприятельских судов совсем никаких нет; дайте им от себя об оном письменное приказание, объявя, ежели они будут ослушаны и далее производить будут грабительство, в таком случае я пошлю от себя отделенную эскадру, всех их велю забрать пленными, пошлю в Константинополь с представлением к Блистательной Порте для надлежащего с ними поступления и тем принужу их ограбленное в прошлом году наше судно и людей, также и прочее грабительство возвратить, ибо оно многократно от них требовано в возврат, но удовлетворения и по сие время не получено.

Я требую, чтобы вы, милостивый государь мой, по существующей между нациями дружбе исполнили сие непременно и рапортовали бы от себя к Блистательной Порте Оттоманской, а я о том же отнесусь жалобою моею представлением чрез полномочного российского министра, в Константинополе находящегося. В надежде удовлетворения вашего по моему требованию с наивсегдашнею моею дружбою имею честь быть.

Письмо Ф. Ф. Ушакова В. С. Томаре о мерах для предотвращения захвата Парги Али-пашой Янинским

11 мая 1800 г.

Милостивый государь мой, Василий Степанович. Депутаты из Парги беспрестанно наносят разные просьбы и жалобы, сколько я не удаляюсь, но они со слезами своими от ног не отходят. Какие письма сейчас ко мне подали, все оные во оригинале при сем препровождаю.

Из одних сих писем не можно почесть утвердительным намерения Али-паши, но, ежели оно произведено будет в действо, настоит опасность в том; его императорскому величеству, Блистательной Порте и вам известно, что в Парге на крепости подняты флаги российский императорский и Порты Блистательной и что оные остаются там до решимости государей императоров и тогда спущены будут, когда какое решение последует.

Народ Парги, так сказать, обожая флот российский, как я уже к вам писал, ни за что не согласится добровольно его спустить; в противном случае даже смерть предпочитают. Что с сим отчаянным народом теперь делать, пока не последует настоящая конфирмация и решимость государей императоров. Опасаюсь я, ежели Али-паша ими овладеет отважной дерзкостию, чтобы не нанес бесчестия флагу и не произошли бы неприятные последствия.

Предупреждая вас, милостивый государь, прошу объясниться с Блистательною Портою, чтобы никто прежде высочайшей конфирмации никаких беспокойств сему месту не наносили, а ежели же Али-паша по ослушности Блистательной Порты начнет неприязненные действия, не будет ли надобности с нашей стороны, сколько можно его в том удержать и отвращать или что и обо флаге российском ваше превосходительство предполагать соизволите, то наперед я предвижу, что прежде конфирмации и высочайшего повеления спустить его нельзя, да и обыватели не допустят, ибо они на поднятие его в Парге с начала прибытия соединенных эскадр позволение от меня и от Кадыр-бея общее получили, и тогда оба флаги вместе ими подняты на крепости, в таковом нежном[187] деле ожидаю вашего ответа, как что исполнять следует. В каковой надежде с наивсегдашним моим почтением и совершенною преданностию имею честь быть.

Рапорт Ф. Ф. Ушакова Павлу I об окончании военных действий между турками и французами в Египте, эвакуации французами Египта и о действиях русского флота в Средиземном море

14 мая 1800 г.

Вашего императорского величества полномочный министр и кавалер Томара, в Константинополе пребывающий, сообщением своим от 12 апреля меня уведомил об известиях, полученных им из лагеря верховного визиря от надворного советника Франкиния, что, по объявлении Клеберу определения Лондонского двора не выпускать французов из Египта, начаты там были вновь военные действия. Сражения хотя не было, но последовавшая между турецкими аванпостами и французами перепалка привела всю турецкую армию в такое смятение, что она, ограбя собственный свой лагерь, обратилась в бегство, и сам верховный визирь с остатками войск своих принужден был отступить к Газе.

Сколь неудача сия для Порты ни прискорбна, не теряет она, однако ж, надежды силою возвратить себе Египет, ибо Каир, за исключением крепости, занят уже турками, а равно и Дамиад, возвращенный вследствие капитуляции. Таковыми обстоятельствами отправление французов из Египта во Францию пресеклось, посему, а также и для того, что на эскадре вице-адмирала Карцова морского провианта остается малое количество, от 1-го числа мая послал я повеления к вице-адмиралам Пустошкину и Карцову с эскадрами возвратиться в соединение в Корфу, тож и фрегаты из Неаполя и из Анконы ожидаются.

От 23 апреля от него ж, г[осподи]на полномочного министра Томары, получил я вторичное сообщение, в котором означено: «За получением на сих днях двоих из Лондона эстафетов посол английский сообщил Порте, что двор его, не апробуя капитуляции, с Клебером заключенной, и поведения в сем деле командора Смита, ни от кого и никогда к тому не уполномоченного, соглашается, однако ж, на исполнение той капитуляции упразднением Египта и возвратом французов восвояси, для обеспечения коих на пути поручено послу английскому снабдить все плывущие из Египта с войсками французскими суда надлежащими паспортами, которые вместо английских эскортов служить будут.

Последствием сего определения Лондонского двора должно почитать примирение верховного визиря с Клебером, бесспорное упразднение Египта и таковой же возврат французов восвояси, на собственных своих и нанятых от Порты разных нациях транспортах в провожании военных турецких кораблей, а, может быть, и самого капитан-паши, отсюда уже отправляющегося с эскадрою к Египту».

Корабли ескадры, мне вверенной, находящиеся при Корфу, исправляются починками, провианта от Блистательной Порты сюда еще не доставлено, кроме по малому числу привозятся

сухари, а прочие провизии вскорости ожидаются, но, по осведомлению моему, в Морее для перевозу провианта судов готовых не состоит и по посланным повелениям ожидаются из островов; тож разных припасов, материалов и особо такелажа ожидаю привозу из черноморских портов; по приуготовлении же эскадры всеми потребностьми и по соединении с прочими со всевозможной прилежностью старание иметь буду выполнять высочайшие повеления вашего императорского величества сообразно обстоятельствам все и как только что возможно.

По последним известиям об Мальте значилось: после взятия англичанами в плен французского корабля «Гелионтельма», вышедшего из Мальты с тем, чтобы пройтить в Тулон для отвозу нескольких приверженных к французам мальтийцев и довольного количества разных вещей и чтобы оттоль возвратиться в Мальту, нагрузясь провиантом. Французы в Мальте в крепостях находятся весьма утесненными, но держались еще упорно, ныне же с давнего времени известия оттоль не имею. О чем сим всеподданнейше доношу.

Святой праведный воин
Федор Ушаков

5 августа 2001 г. адмирал Ушаков был причислен Русской православной церковью к лику святых как праведный воин Феодор Ушаков. В Деянии его говорится: «Сила его христианского духа проявилась не только славными победами в боях за Отечество, но и в великом милосердии, которому изумлялся даже побежденный им неприятель... милосердие адмирала Феодора Ушакова покрывало всех; он был воистину печальником народных нужд: подчиненных матросов и офицеров, всех страждущих и обездоленных, обращавшихся к нему, и всех освобожденных им за пределами России народов. И всем он благотворил, чем только мог, и народ сторицею платил ему ответной любовью. Вместе с этим он был великих добродетелей подвижник, ходатай и предстатель за русское воинство».

Предложение Ф. Ф. Ушакова Сенату Ионических островов о выяснении причин народного возмущения[188]

23 мая 1800 г.

Известно почтеннейшему Сенату и всему обществу островов Ионических, что, по освобождении их от общих неприятелей – зловредных французов, все наивозможные способы с моей стороны употреблены учредить во оных островах присутственные места, восстановить в них порядок и правосудие, примирить всякую несогласность, распри и беспокойствия, и тем водворить тишину и благоденствие народа.

Все сие производимо было надлежащим лучшим порядком, не упущена даже и присяжная должность во всех случаях, где только было потребно. Благоденствие же народное, тишина и порядок не могут существовать, ежели присутственные места не будут сохранять правосудия, тем паче при начале открытия присутственных мест; для того в конституции и положено: судей, неправосудными оказавшихся, переменить другими, достойными, и тем всякую несогласность, могущую произойтить от неправосудия, прекращать.

План конституции, учрежденный общим согласием островов, с прошением об открытии республики и о утверждении его, отправлен к высочайшим дворам на рассмотрение и

конфирмацию, которая и ожидается.

Я никогда не оставлял с моей стороны иметь попечительное старание о содержании спокойствия; в островах Кефалонии и Занте оказывались еще опасные возмущения и беспокойства, потому, согласно с просьбами, ко мне доходящими, и общим желанием во удовлетворение их, послал я в острова с полной от меня доверенностию флота господина капитан-лейтенанта и кавалера Тизенгаузена, предписал ему сходные вышеозначенным удержания[189] сделать во оных и сохранять спокойствие, тишину и порядок, и не до каких худых последствиев не допускать, что им произведено с наилучшим успехом, все бывшие возмущения, бунты и беспорядки прекращены и вновь начинавшиеся всегда отвращаемы были, как следует по надлежащему.

Объясня обо всем оном почтеннейшему Сенату, крайне сожалею я о беспокойствии, в острове Занте вновь ныне начинающемся, и о жалобах, ко мне доходящих, означенных в двух моих предложениях, пред сим в Сенат препровожденных. Из просьб же и жалоб ко мне заметно, [что] происходят они от трех президентов, из предложениев моих Сенату известных, которые касательны ответов по жалобам на них господина Тизенгаузена, они сами собою без согласия и без сведения конклава, вымышляют и сочиняют просьбы на господина капитан-лейтенанта Тизенгаузена и послали их ко мне и в Сенат именем правительства.

Напротив сего, доходят ко мне народные жалобы на оных господ президентов, следовательно, и нельзя усмотреть, в чем есть совершенная истина и правда; нужно узнать обстоятельно, отчего именно начались таковые несогласия и народные возмущения, необходимо должно сие исследовать; потому и предлагаю Сенату отправить отсель одного человека из Сената и предписать: общим собранием совета исследовать причины начинающегося неудовольствия и возмущения народного, дабы, узнав о них подробно, можно было приступить к надлежащему выполнению.

За сим объявить имею: правящий в острове Занте комендантскую должность флота господин капитан-лейтенант Телесницкий от 14-го числа сего месяца за прежними его донесениями вновь рапортом ко мне представил, что народное возмущение дошло уже до всякой крайности, и предвидится, что непременно оно последует, потому ко удержанию и отвращению оного требовал скорейшей присылки господина Тизенгаузена в остров Занте; по получении мною такового важного известия немедленно о надлежностях повеление к господину Тизенгаузену от меня послано.

Предложение Ф. Ф. Ушакова Сенату Ионических островов о снижении цен на хлеб

28 мая 1800 г.

Беспрестанно слышу я просьбы и жалобы народные, и большой частию от бедных людей, не имеющих пропитания, что в рассуждении чрезвычайной дороговизны хлеба совсем содержать себя не могут и находятся в бедственном состоянии. Священным долгом поставляю, предлагая напомянуть Сенату Ионических островов войтить в рассмотрение по сей важной части своей должности и приискать способы, чтобы мука и пшеница сюда доставляемы были в достаточном количестве, и тем цены привесть в таковую умеренность, чтобы можно было покупать людям среднего состояния и бедным.

Сенат должен был иметь рассуждение и приискать средства предупредительно, но если оные уже упущены, то хотя с нынешнего времени употребить свое старание и прилежность, и тем доставить удовлетворение просьбы, справедливо происходящей.

Рапорт Ф. Ф. Ушакова Павлу I о подготовке флота и десантных войск к походу на Мальту и последующему возвращению в Черное море

2 июня 1800 г.

Высочайший именной вашего императорского величества указ апреля от 10-го дня с глубочайшим благоговением сего числа я получил, в котором изображено: буде Мальта от французов соединенными эскадрами взята, следовать мне туда со всеми пятью баталионами сухопутных войск, то есть тремя баталионами под командою генерал-майора князя Волконского-третьего и двумя – генерал-лейтенанта Бороздина-первого, которых и оставить в Мальте для содержания гарнизона.

По условиям союзных дворов-генерал-майору князю Волконскому быть во оной комендантом, а генерал-лейтенанту Бороздину возвратиться своею особою на эскадре со мною в Россию, равно оставить в Мальте то количество кораблей и фрегатов, каковое для крейсерства нужно будет, с достальными следовать мне в Черное море и, отослав требующие исправления суда в Ахтиар, остаться в крейсерстве между Одессой и крымскими берегами, доколе крепкие ветры осеннего

равноденствия не принудят меня войтить для зимования в гавань.

Всеподданнейше доношу: Мальта и ныне еще содержится англичанами в блокаде и осаде. По известиям, от сего времени остается еще у французов в Мальте провианта на три или на четыре месяца, и, пока провиант они иметь будут, сумнительно, чтобы малым числом англичан, там находящимся, могла быть взята.

Я всеми возможностями стараюсь с поспешностию приуготовить эскадру, со мною в Корфу находящуюся, неусыпно производят[ся] работы исправления кораблей. Корабли «Св. Петр» и «Захарий и Елисавета» – килеванием, а «Мария Магдалина» полукилеванием исправлены и чем только возможно по крайней необходимости вооружены. Корабль «Св. Павел» также полукилеванием исправлен, прочими работами исправляется и вооружается такелажем.

Многие важнейшие исправления потребны оным кораблям, но лесов здесь в наличии нет, потому исправляется на них то только, что возможно. 30-го числа минувшего мая вице-адмирал Пустошкин с двумя кораблями из крейсерства своего прибыл в Корфу, так же сходно, как всеподданнейшими рапортами прежде всего донесено, вице-адмирала Карцова с эскадрою фрегатов из Неаполя и из Анконы ожидаю в соединение.

И ежели от Блистательной Порты без промедления доставлен будет сюда провиант, также и из черноморских портов такелаж, припасы и материалы с теми кораблями и фрегатами, которые как только возможно в состоянии будут иттить, старание иметь буду о взятии Мальты. Ежели обстоятельства позволят, не упущу всякие полезнейшие случаи наиусерднейше выполнять высочайшие вашего императорского величества мне повеления.

За всем сим всеподданнейше доношу: провианту от Блистательной Порты по сие время в Корфу еще ничего не доставлено, кроме малого числа сухарей и булгуру или круп, из пшеницы сделанных, прочее все ожидается. Я беспрерывно требую и употребляю старание о получении провианта, но в тех местах, откудова доставляется провиант, судов в наличии нет, ожидают их из островов. При отправлении отсель к Мальте нужно иметь весьма достаточное количество провианта и столько, чтобы стать могло на время, пока она взята будет.

Должно оставить его достаточное количество на первый случай войскам, там будущим, и для эскадры, которая останется для крейсерства, а затем, чтобы на прочих кораблях и фрегатах, к своим портам со мною отправиться имеющих, должно иметь его на проход по крайней мере до Константинополя или до своих портов.

Осмеливаюсь всеподданнейше донесть: эскадра, которая останется при Мальте, будет иметь нужду всегда в провианте, также и во всяких припасах и материалах; и, когда она находиться будет в крейсерстве поблизости Мальты и Сицилии в той стороне, по мнению моему, наверное полагаю, [что] от Блистательной Порты провиант туда доставляем не будет, разве особое условие о том последует; да и войски, в Мальте находиться имеющие, также нужду иметь будут в провианте и, отколь получать они его должны, ожидать будут высочайшего вашего императорского величества повеления.

По осведомлению моему чрез полномочного министра вашего императорского величества Италинского, мне известно: ежели из Сицилии и из Неаполя и будут они снабжаемы, то сие производимо будет на счет казны вашего императорского величества. Он, уведомляя меня, полагает: [с]ходнее бы было нам самим провизию заготовлять, для сего и [для] прочих потребностей нужно иметь достаточную сумму денег.

Ежели все означенные обстоятельства не воспрепятствуют отправлению нашему к Мальте, в таком случае необходимостию почитаю, весьма ветхие корабли и фрегаты отправить в Черное море предупредительно. И всевозможное старание иметь буду исполнять все неупустительно, что как возможно по обстоятельствам.

Эскадра кораблей и фрегатов ежели при Мальте останется, она потому ж следует к непременному скорейшему исправлению килеванием в рассуждении червоядия верхней обшивки, как прежде сего всеподданнейшими рапортами от меня донесено. И ко всему оному потребны леса, припасы, материалы и сумма денежной казны, да [и] мальтийцы, будучи весьма разорены, не имея пропитания, с надеждою от нашей же стороны ожидают пособия.

Адмирал Ушаков

Медаль Ушакова

Из письма Ф. Ф. Ушакова В. С. Томаре о разбойничьих действиях Али-паши Янинского и Мустафы-паши Дельвинского против христианского населения Химары и Шулии

13 июня 1800 г., при Корфу

Милостивый государь мой, Василий Степанович!
Бедственное и жалостное состояние, убедительная слезная

просьба и беспрерывные жалобы христианских народов, обитающих в стороне Албании при берегах Венецианского залива, простирающихся к Морее, противу которых Али-паша Янинский восстал всеми своими силами, вошел в их селения, бьет и истребляет всех до основания, принудил их противу себя обороняться, уговорил с собою соединиться Мустафу-пашу Дельвинского, который также послал к нему войска со своим братом, и, спомоществуя, жестоко со всею своею силою нападают на означенных народов, а те обороняются противу их с крайней отчаянностию, даже жены, дети, старые и малые принуждены все защищать себя от нападения и бедственного пострадания.

Последнее присланное ко мне ныне письмо от старшин Шулии при сем прилагаю. По таковым обстоятельствам и жалостному бедственному состоянию оных безвинно страждущих христианских народов долгом я почел писать к Али-паше Янинскому и к Мустафе-паше Дельвинскому и просить их, чтобы от напрасного кровопролития сих народов удержались, отвели бы свои войска от них и оставили бы их в покое, тем паче что из обстоятельств и по существу высочайших его султанского величества повелениев заметно, что таковые предприятия и начатое кровопролитие производятся противу воли и желания его султанского величества и Блистательной Порты Оттоманской.

Я многократно уже писал к вашему превосходительству и препровождал жалостные и слезные просьбы сих народов, что Али-паша с давнего уже времени принуждал их к обороне многократными на них нападениями и особо в самый торжественный праздник Воскресения Христова, когда множество народа Химары были в церквах для принесения молитв Господу Богу, в сие самое время войски, присланные от Али-паши, ухищренно, скрытым образом подошли к ним, окружили и захватили множество народа всякого возраста, не щадя жен и детей, с наивеличайшими жестокостями перевязали и увлекли их пленными.

Ничто не может сравниться с таковыми противузаконными поступками, и явным образом по видимостям и гласу народному почитать можно производимыми не только противными повелениями Блистательной Порты Оттоманской, но и нарушающими верность к его султанскому величеству, в защищение которых я долг имею употреблять наивозможное старание с моей стороны.

Потому и послал я письма мои к Али-паше Янинскому и к Мустафе-паше Дельвинскому, с которых точные копии к вашему превосходительству препровождаю, и прошу, яко полномочного министра двора его императорского величества

всемилостивейшего государя моего императора, иметь сношение с Блистательной Портою Оттоманскою и исходатайствовать высочайший указ его султанского величества о запрещении означенным пашам таковые кровопролитные действия противу христианских народов, безвинно и без наималейшего резона страдавших, удержать[190].

Нынешние обстоятельства Европы требуют общего дружественного согласия действовать соединенно противу общих неприятелей – французов, а не противу тех, которые состоят под покровительством его султанского величества, бывшие по сие время спокойными, которые помогали еще всегда противу общего неприятеля своими силами, когда только от них было требовано. Часть сих народов с наивеличайшей усердной ревностию верно служили на эскадрах соединенных при взятии Корфу и отпущены с заслуживаемою ими похвалою, об чем командовавшему тогда эскадрой Блистательной Порты Оттоманской капитан-бею Кадыр-бею известно.

Также известны ему и прочим бывшим начальникам на турецкой эскадре и тогдашние разные интриги и покушения Али-паши Янинского. Общими нашими предосторожностями они были отвращены и удержаны без действия, о чем вашему превосходительству для уведомления Блистательной Порты Оттоманской всегда извещаемо было.

Весьма нужно как наискорее ныне [прекратить] начавшееся означенное жестокое и великое кровопролитие. О чем повторяю мою просьбу, как наивозможно поспешить, и, что в резолюцию последует, не оставить меня скорейшим уведомлением. В каковой надежде с истинным моим наивсегдашним почтением и совершенной преданностию имею честь быть…

Федор Ушаков

Письмо Ф. Ф. Ушакова С. М. Телесницкому об установлении нового государственного управления на Ионических островах

28 июня 1800 г.

Милостивый государь мой, Степан Михайлович!

За исполнения ваши по должности и за попечительное старание о спокойствии острова Занте от бунтующих наичувствительнейше вас благодарю. Касательно же изволите писать ко мне, что вы доверенному от меня о учреждениях в островах порядка относитесь так, как к полномочному, – ему доверено от меня о потребностях по учреждениям в островах, а до

вас оно нимало не касается, я заметил и из прежних ваших донесениев, но за множеством дел позабыл.

Ныне получено уведомление чрез полномочного министра, что государем императором все постановления об островах конфирмованы; и новый план внутреннего правления в островах опробован. Я и прежде получения сего писал к Николаю Александровичу[191] и к господину сенатору Аллебранту, чтобы отнюдь никаких перемен в правлении не делали, чтобы все примирить и кончить миром к спокойствию и тишине и возвратиться, а отнюдь с нашей стороны ни в какие перемены не входить и ничего вновь не учреждать.

А до получения плана считаю все должно остаться, как было, что сделано гран-консилиумом. Я не мешаюсь ни во что, но советую им лучше теперь не делать никакую расстройку, дабы не замешался кто в противность высочайшему положению. Старайтесь с своей стороны вы также примирить, чтобы было мирно и спокойно, а паче всего посылки в Санкт-Петербург с новой просьбою ни под каким видом предпринимать не следует, и из таковой посылки, кроме вреда, ничего быть не может.

Теперь должно непременно стараться по новому плану или положению помоществовать в том, чтобы он принят был с уважением и чтобы противу отнюдь никто и ни в какое помешательство против оного не входили. В прочем с наивсегдашним моим почтением имею честь быть.

Рапорт Ф. Ф. Ушакова Павлу I о вторжении французских войск в Италию и о тяжелом продовольственном положении эскадры

2 июля 1800 г.

После всеподданнейшего донесения моего вашему императорскому величеству, июня 2-го числа чрез Константинополь отправленного[192], в Италии последовали величайшие перемены: наместник королевский принц Декасеро, в Неаполе находящийся, письмом своим от 20 июня с[его] г[ода] с нарочно присланным ко мне кабинет-курьером уведомил меня: французы вновь великими силами вошли в Италию, происходило самое кровопролитное сражение между Турином и Тортоною, на котором австрийцы потерпели величайший урон и последствием оного было перемирие, заключенное на самых печальных для Италии кондициях, ибо уступлены французам Миланская провинция, Туринское королевство и Генуэзская область, которая

австрийцами упразднена в 24-е число июня по завоевании оной столикими трудами. Таковые важные неприятные происшествия, кои происходили в Вышней Италии, и обыкновенная неверность французов, привыкших поступать военными хитростями и пользоваться изменами, по справедливости заставляют опасаться о[б] участи и Нижней Италии, угрожаемой новыми опасностями и нашествиями, которые могут там французы предпринять, а особливо на землях его сицилийского величества.

По сим обстоятельствам принц Декасеро, в надежде доброго согласия и союза, существующего между дворами вашего императорского величества и его величества короля обеих Сицилий, просит, чтобы я вместо отправления в другие краи, следовал со всеми эскадрами и войсками к Неаполю для защищения сих мест; его королевское величество также предупредительно чрез полномочного министра Италинского просил меня на случай опасности, ежели французы разобьют австрийские войска, чтобы я со всеми эскадрами и войсками был к Неаполю и вспомоществовал бы всеми силами в защищении владений его от неприятеля, также прошено от его величества, чтобы и англичане, даже оставя блокаду Мальты, всеми своими силами в том же ему вспомоществовали.

Я с достодолжной учтивостию ответствовал письмами моими, что я готовлю вспоможение для Неаполя, если не воспрепятствуют разные обстоятельства и неимение на эскадрах провианта и прочих потребностей.

Всеподданнейше вашему императорскому величеству доношу, что провианта на эскадры от Порты Блистательной при всех старательностях полномочного министра Томары по сие время доставлено малое только количество, ныне состоит в наличии на кораблях сухарей на один месяц, круп с небольшим на месяц да месяца на три горячего вина.

Порта Блистательная, как заметно из уведомлений, считает нас уже в походе, или то, что вскорости все пойдем к своим портам для исправления, потому и заготовления провиантов по осведомлениям в здешних местах впредь не полагается. Комиссар турецкий, в Корфу при магазинах находящийся, ныне объявил мне: сухари, сколько повелениями ему назначено к нам в отпуск, все доставлены и отпущены, и более теперь в доставление к нам не имеют.

Таковые и многие прочие обстоятельства понудили меня собрать военный совет, и оным, по рассмотрении всех подробностей в рассуждении потребностей исправления кораблей, снабжения всеми надобностями, в которых крайний во всем недостаток, неимение провианта к продовольствию и, не

предвидя никакой верной надежды, где бы на будущее время получать было можно к предохранению эскадр и войск вашего императорского величества в рассуждении настоящей важной сей опасности, согласно мнением своим положили: ескадр и войск в отдаленность к стороне Мальты, Сицилии и Неаполя, не подвергая их сомнительным обстоятельствам и опасности, послать неудобно, войска с генерал-лейтенантом Бороздиным, гвардиею его королевскому величеству определенные, и три фрегата под командою флота капитана 1 ранга Сорокина с находящимся с ними малым числом войск, оставшими[ся] от эскадры и при обозе князя Волконского, впредь до высочайшего о них повеления остаются при Неаполе, они и могут вспомоществовать содержанием тишины и спокойствия и соединенно с войсками его сицилийского величества быть защитою против неприятеля; артиллерийския и инженерная команда под начальством артиллерии подполковника Гастфера, который по высочайшему вашего императорского величества повелению за [от]бытием из Корфу генерал-лейтенанта Бороздина находится в крепостях Корфу комендантом, остается при оных впредь до высочайшего ж повеления сообразно высочайше опробованной конвенции, с которой от полномочного в Константинополе министра Томары прислана ко мне копия, также в рассуждении просьбы Республики Семи островов в предосторожность предвидимых ныне опасностей для охранения.

Со всеми прочими кораблями, фрегатами и войсками следовать чрез Архипелаг и Константинопольский пролив в черноморские порты для исправления, сходно как прежними высочайшими вашего императорского величества повелениями предписано. При нынешних последовавших обстоятельствах Генеральный военный совет сие предположение почитает полезным с таковою надеждою, что оно сходственно с прежними высочайшими повелениями и теперешними обстоятельствами, да и во время следования с эскадрами в Константинополь можно иметь надежду, что приходящие суда с провиантом из черноморских портов и отправляющиеся из Константинополя встретятся с эскадрами и предупредят опасность доставлением потребностей к продовольствию.

Посему не упустительно времени с тем числом провианта, сколько в наличии его состоит, и отправляюсь я из Корфу с 11 кораблями, 2 авизами, одним транспортом и 3 малыми судами из пленных в Константинополь и в Черное море к своим портам; о соединении со мною 3 фрегатов, в Анконе находящихся, к командующему оных флота капитану графу Войновичу несколько раз повеления от меня посланы, но ныне получил я от него

уведомление, что фрегаты исправляются еще от великих худостей и вскорости готовы будут, но не имеют провианта и денег на заплату за оные, посему послал я к ним фрегат «Поспешный», отделя из последнего провианта с кораблей, сухарей, на три фрегата на один месяц, круп на один с половиною месяц и денег 15 т[ыс.] талеров, с тем чтобы он, заплатя за забирание им в покупку провиант, взял бы с собою еще сухарей, сколько можно достать, и, нимало не медля, по получении повеления следовал в Корфу, и, взяв, что для надобности его оставлено, не останавливаясь, следовал бы за мною в Константинополь и в черноморские порты, фрегат же «Поспешный» предупредительно шел бы за нами в соединение.

Флота капитану Сорокину, в Неаполе с 3 фрегатами находящемуся, неоднократно от меня писано было немедленно быть в Корфу в соединение, но он исправлял фрегаты килеванием, новой обшивкою и переменою многих членов и досок новыми, затем уведомляет, что оные 3 фрегата исправлены благонадежно, недостает на них разных припасов, материалов, надежных парусов и такелажа, и по полученным от меня повелениям полагал он вскорости отправиться, остановку имел за неимением провианта и денег на расплату за исправление, но надеялся провиант скоро получить от правительства неаполитанского; я оставляю в Корфу повеление для него, буде он придет в Корфу, возвратиться по-прежнему в Неаполь, сходно как военным советом положено.

Сии 3 фрегата и войска генерал-лейтенанта Бороздина и оставшиеся при Неаполе имеют ожидать высочайшего императорского величества указа, определено ли будет им находиться там или что высочайшими повелениями предписано будет, оные 3 фрегата, если не доставлен будет к ним такелаж и паруса, должны будут все надобности получать в покупку в Неаполе; провиантом от правительства ли неаполитанского будут довольствованы или на счет казны вашего императорского величества, теперь мне не известно, я пишу об оном в Палермо к полномочному министру и кавалеру Италинскому, чтобы он имел попечительное старание о сих фрегатах и войсках, с ними находящихся, вспомоществовал бы им всеми потребностями и содержанием, не оставил бы их предостерегать по сведениям его обстоятельств потребным уведомлением и своим предписанием обо всем, что к тому следует; осмеливаюсь всеподданнейше донесть вашему императорскому величеству, на все таковые надобности определено ли будет им получать денежную казну от кого и сколько; имеют они ожидать по тому ж высочайшего ж указа.

С положенного мнения военного совета копию всеподданнейше доношу.

Орден Ушакова I степени

Орден Ушакова I и II степени был учрежден Указом Президиума Верховного Совета СССР от 3 марта 1944 г. для награждения офицеров Военно-Морского Флота «за выдающиеся успехи в разработке, проведении и обеспечении морских активных операций, в результате чего в боях за Родину была достигнута победа над численно превосходящим врагом». Орденский знак № 1 получил Командующий Краснознаменным Балтийским флотом В. Ф. Трибуц. Всего орден Ушакова I степени вручался 47 раз, включая награждения соединений и частей. Орден II степени присваивался 194 раза, в том числе 12 соединениям и частям ВМФ. Орден Ушакова сохранен в системе государственных наград Российской Федерации, однако статут его и официальное описание были утверждены только в 2010 г. и ни одно награждение еще не состоялось.

Инструкции Ф. Ф. Ушакова начальнику гарнизона о. Корфу подполковнику Гастферу в связи с уходом из Корфу русской эскадры

3 июля 1800 г.

На рапорт вашего высокоблагородия, вчерашнего числа ко мне поданный, в резолюцию объявить имею:

1-е. С командою оставайтеся вы при крепостях Корфу при должности, высочайше вам вверенной, тем паче что и команда, с вами находящаяся, наименована корфским артиллерийским гарнизоном, то сообразно повелению и исправлять должность по уставу. Но поелику город ныне имеет временное правление, то и сообразоваться постановлениям, быть имеющим, кои посредством господина полномочного министра и кавалера Томары, в Константинополе находящегося, сведомы вам будут, и потребные объяснения по сему предмету требовать вам от господина полномочного министра Томары, понеже он имеет доверие по части всех островов Республики по должности комендантской, о командах, о снабжении продовольствием, о сумме на исправление крепостей и артиллерии и обо всем, о чем должно, находясь уже вы старшим, обязаны лично доносить государю императору.

Следовательно, и разрешение обо всем получить имеете. В рассуждении предвидимой в нынешнее время необходимой надобности, по убедительной просьбе Сената Соединенных островов и по опробованной же его императорским величеством конвенции о сих островах, полагается оной конвенциею быть при Корфу российским и турецким войскам равным количеством для охранения крепостей от неприятеля. Сие полагается только на военное время, а после оные войска сняты быть имеют. По таковым обстоятельствам вы и остаетесь здесь, как выше означено.

2-е. Правительство здешнее и Сенат обязывается уверительно, что вы и все штаб-, обер-офицеры и служители, содержанием кому следуют порционы, а нижним чинам провиант и прочее к тому следующее, беспрекословно от Сената производимо будет. По получении сего извольте снестись с Сенатом, чтобы он письменно уверил вас таковым вернейшим обнадеживанием, что продовольствие ваше всегда в свое время и безостановочно чинено будет без наималейшего отлагательства. Спомоществование от Сената по отношениям вашим быть должно безо всякого сумнения. Об оном и о прочих надлежностях в Сенат отношение от меня сделано будет.

3-е. Обо флаге российском, до коих пор должен он быть на крепостях, получите уведомление от полномочного российского министра, в Константинополе находящегося; обо всех потребностях, что за нужное находите, извольте ныне же отнестись к нему, на которые и ответ получите непременно

непродолжительно.

4-е. С российским императорским генеральным консулом Бенаки, который остается в Корфу, сноситься обо всем и советоваться.

5-е. С командами турецкими и командирами оных поступать яко с союзниками, отдавая должную почесть чинам по уставу, и всемерно стараться о существующей связи обоих высочайших союзников.

6-е. Малое количество команды, с вами находящейся, обязывает вас иметь главным предметом к благоустройству города. И с крайней рассмотрительностью и в самонужнейших только случаях делать вспомоществование правительству по его требованиям о командировках, и то, когда разве последствия угрожать будут мятежом в городе. Впрочем, ни в какие разбирательства гражданских дел входить не должно, ибо оное следует правительству островов.

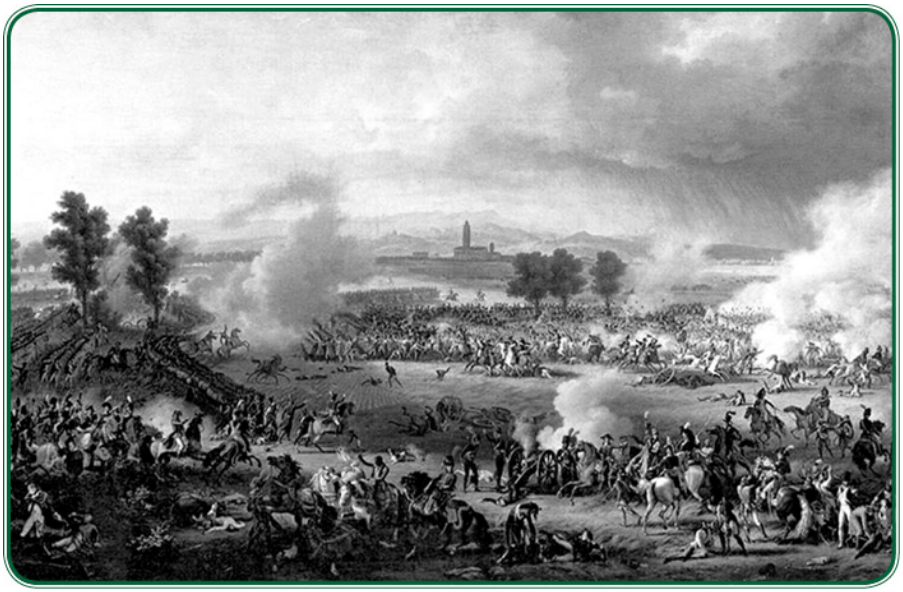
7-е. О сумме денежной отнестись к полномочному министру Томаре, что в резолюции от него предписано будет.

8-е. Ежели получено будет вами повеление от вышнего начальства отправиться отсюдова куда-либо, о потребной на то денежной казне также отнестись имеете и испросить благовременно решимость от означенного министра или от вышнего начальства.

9-е. В рассуждении англинского генерала господина Вилет не уповаю я, чтобы от него что-либо противное последовало. За всем тем обо всех случаях временное решение получать имейте от господина полномочного министра Томары. Он имеет в дела правительства [193], также он будет делать пособие, когда нужно в чем его представительство у Порты по делам с турками, быть могущим.

С другой стороны, должны вы также сноситься с полномочным министром и кавалером Италинским, в Палермо находящимся, и просить его о разных уведомлениях, к сведению вашему потребных, по части, вам вверенной. В первом артикуле упомянуто, что имеете право доносить обо всем государю императору, а для предполагаемой вами обороны должны сообразоваться с обстоятельствами и меры предпринимать с общего совета турок и Сената с начальниками земских войск.

Власть ваша должна простираться по силе устава военной части, всякая же предприимчивость и потребности должны быть с общего согласия с турками и правительством, а по части гражданской все надлежит здешнему правительству.



Луи-Франсуа Лежен. Битва при Маренго. *1802 г.*

Рапорт Ф. Ф. Ушакова Павлу I о военной обстановке в Италии после поражения австрийцев при Маренго и о выходе эскадры из Корфу в Черное море

5 июля 1800 г.

Вашему императорскому величеству всеподданнейше доношу: при самом отправлении моем с эскадрами из Корфу сего числа получил я высочайшее письмо его величества короля Обеих Сицилий, письмо генерала Актона и полномочного вашего императорского величества министра и кавалера Италинского, которыми требовано посылки эскадр и войск на вспоможение к Неаполю по тем же самым обстоятельствам, какие во всеподданнейшем рапорте моем от 2-го числа сего месяца объяснены[194].

Полномочный министр Италинский, препровождая ко мне условия, на которых 3/15 июня генерал Меллас заключил с генералом Бертье перемирие, объясняет, что оные, без сомнения, ратифицированы будут в Вене по малой мере без всякой важной отмены; французы, под видом радения о Цизальпинской восстановленной ими республике, прорезались сквозь земли, уступленные Австрии, к Адриатическому морю посредством промежутка, ограничивающего ж с одной стороны рекою, с другой – Анконою и Тосканою; между Тосканою и Анконою удержали они

за собою герцогство Урбино, которое составляет для них свободный вход в область Папскую, а через оную в королевство Неапольское, не подвергающий их необходимости нарушить пределы австрийского владения.

По таковым обстоятельствам желает его королевское величество, чтобы мы соединили войска с неаполитанскими и английскими войсками и защитили бы оными Неаполитанское королевство и область Папскую. По получении таковых писем вторично сего числа имел я по силе высочайшего вашего императорского величества устава военного флота военный совет; рассматривали обстоятельства и согласно мнение свое положили на том же основании, как и прежде, что эскадры по тем же самым обстоятельствам не могут следовать в отдаленность, тем паче что не имеют провианта и не предвидится надежды к получению оного.

С общего совета копию, также письмо его королевского величества и генерала Актона в оригинале и копию с условия, заключенного генералом Мелласом с генералом Бертье, всеподданнейше подношу и с эскадрами сего числа из Корфу отправляюсь чрез Константинопольский пролив в черноморские порты.

Обращение Ф. Ф. Ушакова к населению города Парги с призывом о признании нового управления городом

5 июля 1800 г.

При письме чрезвычайного посланника и полномочного министра господина тайного советника и кавалера Томары, в Константинополе находящегося, получил я копию с конвенции, заключенной между полномочными императорских дворов, утвержденной всеавгустейшими государями императорами, по которой острова, прежде бывшие венецианские, состоят вольной республикою, наподобие Рагузинской, правом верховной власти Порте Оттоманской подверженною.

Прежде бывшие Венецианской республики владения на твердой земле – Превеза, Парга, Воница и Бутринто в рассуждении прикосновения их к Албании поступают с принадлежностями их во владение Порты Оттоманской, но с величайшими выгодами противу всех прочих селений христианских, подданных Порте Оттоманской, ибо будут они на всех правах, на каких основаниях состоит Молдавия и Валахия, и еще для коммерции с другими выгодными предположениями в

оных местах начальство иметь будет. Один из турецких почтенных особ и именно послан уже от Блистательной Порты в оные селения – Абдуллах-эфендий.

Впрочем, все правительство состоять будет из обывателей оных мест, и с турецкой стороны никто другие не будут. По совершенной дружбе моей к оным местам, поступающим ныне в турецкое владение, и особо к Парге, всегда имеющей ко мне уважение, сею дружбою моею и искренностию уверяю, что таковое положение сих мест нахожу по всем нынешним обстоятельствам наилучшим, особо, что Блистательная Порта охранять будет их завсегда от соседственных пашей, не допустит их ни до какого разорения и притеснения, но паче всегда защищать их будет.

По таковым обстоятельствам долгом той же самой дружбы моей к оным местам с искренней признательностию и дружелюбием советую обывателям и всему народу Парги и прочих вышеозначенных селений повиноваться с добрым расположением воле и намерению обоюдных государей императоров, определенного турецкого начальника Абдуллах-эфендия, когда он прибудет в сии места, принять с надлежащей ему почестью и добрым к нему расположением и повиноваться ему с покорностью, яко полномочному начальнику от его султанского величества, в сии места определенному.

Таковое доброе повиновение народа сих селений Блистательною Портою принято будет во уважение и наиболее расположит ее к благодеяниям на все будущие времена. Провинция Шулии, как полномочный министр письмом меня уведомляет, поступает в соединение с Превезой, Паргою, Воницей и Бутринтою и будет состоять и пользоваться всеми теми же правами во всякой точности, равно как и означенные четыре селения, и потому всему обществу и народу провинции Шулии дружелюбно от искреннего желания моего всякого добра советую, также вместе с означенными селениями повиноваться охотным послушанием воле и благонамерению союзных государей императоров, и равномерно таковой почтительной с добрым уважением при сем сделать означенному полномочному начальнику от Блистательной Порты, определенному и посланному Абдуллах-эфендию, таково есть истинное мое желание и требование послушания от сих народов. С каковою верною надеждою имею честь быть с совершенною моею дружбою и приятством покорнейший слуга и доброжелатель.

Письмо Ф. Ф. Ушакова В. С. Томаре о подходе эскадры к Константинополю и об отзыве русских кораблей из Неаполя и

30 августа 1800 г., корабль «Св. Павел»

Милостивый государь мой, Василий Степанович!

Почтеннейшее письмо вашего превосходительства от 26-го числа сего месяца я сейчас получил, за уведомление о расположении салюта всепокорнейше благодарю. По сему положению все, что касается, мною выполнено будет. Также покорнейше благодарю за письма вашего превосходительства, которые получил я чрез консула в Дарданеллах. Там получил я на эскадры до полутора тысячи кантарей сухарей и до 10 тысяч ок красного вина; сухарей от 27-го числа на продовольствие служителей стать может на две недели, а красного вина на 6 дней. Весьма рад, что там меня не задержали. 27-го послал я из Дарданеллей вперед транспортные суда: «Григорий» – большого размера, брик «Александр», шхуну № 1 и два малые требакула. 28-го числа, поутру с эскадрами отправился я с 11 кораблями, одним фрегатом и тремя авизами, и сего дня со оными, подошед, на ночь остановился за противным ветром, немного не доходя Константинополя, за мысом Стефано.

Корабли и команда служителей благополучны. Завтра, надеюсь, я подойду в самую близость к Константинополю и, ежели ветер будет противный, остановлюсь тут у европейского берега, не входя в пролив, на том месте, где третьего году, вышед из Константинополя, останавливались, то есть между Семи башен и Константинополем. Крайнюю надобность имею я, не помедля, видеться с вашим превосходительством, весьма соизволите меня одолжить, ежели пожалуете, приедете на шлюпке ко мне на корабль, я буду очень близко от пролива и, сверх того, ежели можно будет, легкое судно отправлю к вам в пролив, как вам будет угодно пожаловать ко мне, прямо на шлюпке или на том судне.

Я от государя императора получил именное высочайшее повеление, мая от 22-го дня по секрету писанное, коим повелено, забрав все эскадры и войска сухопутные, даже и баталионы генерал-лейтенанта Бороздина с поспешностью следовать мне со всеми в черноморские порты, сходно как прежними повелениями предписано.

А как я из Корфу отправился предупредительно и, по известным вашему превосходительству обстоятельствам, вновь тогда последовавшим, три фрегата флота с капитаном Сорокиным и баталионы генерал-лейтенанта Бороздина остались в Неаполе, также в крепостях Корфу, по известности ж вам

обстоятельств, осталась артиллерийская команда под начальством подполковника Гастфера, всего до 150-ти человек, сходно с положением нового утвержденного плана о Республике Семи островов; обстоятельства тогдашние государю императору, уповаю я, были еще не известны, но ныне, получа я таковое высочайшее повеление, должен решиться его выполнить тем, что нужно в самой скорости послать от меня в Неаполь и в Корфу.

Сие высочайшее повеление получил я в нынешнее только время и теперь, по близости здешнего места, крайнюю надобность имею я напервее с вами посоветоваться и тогда уже писать туда, также и всеподданнейший рапорт государю императору. После того времени, как я отправился из Корфу, надеюсь, вновь какие есть обстоятельства вам известны, также и о том, что в Корфу означенная артиллерийская команда должна там остаться или писать, оттудова ее взять; каков всеподданнейший рапорт мой тогда отправлен государю императору о расположении моем и генерального военного совета, почему оставлены в Неаполе войска генерал-лейтенанта Бороздина и три фрегата, также и в Корфу артиллерийская команда, все в том рапорте означено подробно и вам известно из копии, при письме от меня приложенной, потому и не знаю, какая высочайшая резолюция на то последовать может.

Каковы теперь обстоятельства, по оным нужно будет угадать, чтобы не поступить несходно по высочайшему повелению, теперь мною полученному; должно все войска и суда изо всех мест начисто забрать, не оставляя нигде, но, может быть, когда государь император получит те мои всеподданнейшие рапорты, случится, что указать соизволит некоторые в тех местах оставить до времени, а особо при Корфу, ежели новый план ратификациею уже разменен, уповаю, и о войсках в Корфу там должно быть вновь что-либо упомянуто, и вам по сему делу более известно, нежели мне.

По сим обстоятельствам весьма желаю я видеться с вашим превосходительством прежде, нежели я буду писать всеподданнейшие рапорты, в Корфу и в Неаполь повеления. В надежде иметь удовольствие вскорости с вами видеться, с истинным моим почтением и совершенной преданностию имею честь быть

Федор Ушаков

P. S. Ежели противные ветры эскадры, мне вверенной, удержат столько, что я не могу вскорости дойтить до Буюк-Дере, опять провианта у меня на эскадре не будет, да и теперь только сухари, крупа и несколько горячего вина, в прочем ничего нет, по

сим обстоятельствам нужно, чтобы ваше превосходительство судну с провиантом, стоящему в Буюк-Дере, приказали в самой скорости выйтить из Константинополя к эскадрам, также прошу покорнейше, по меньшей мере на первый случай, испросить от Порты Блистательной присылки ко мне сухарей на сей раз хотя две тысячи кантарей, достаточное количество круп и красного вина, также прошу, чтобы снабжали нас свежим говяжьим мясом; ежели ветер будет противный, мы стоять будем на якорях весьма близко Константинополя, и все это производить возможно и удобно.

За сим также уведомить честь имею: три фрегата под командою флота капитана графа Войновича, уповаю, из Анконы пришли уже в Корфу, они крайне в худом состоянии и великого исправления требуют, граф Войнович пишет, что он там непременно их исправлять должен; думаю, что чрез сие он там замедлится, а провиантов в Корфу никаких совсем нет, я просил там находящегося кабиджи-пашу и сераскира, чтобы дали им хотя из худых сухарей несколько выбрать и сколько-нибудь оными снабдить, но господин генеральный консул Бенаки уведомил меня, что и в том совсем отказано.

Прошу покорнейше ваше превосходительство исходатайствовать повеление от Порты, чтобы те три фрегата в самой скорости снабдить провиантом, а ежели, паче чаяния, чего я не ожидаю, буде бы там они запоздали, должно их там довольствовать, иначе служители все умрут с голоду; прошу принять их в ваше покровительство и благорасположение и не оставить их без продовольствия.

Адмирал Ушаков

Рапорт Ф. Ф. Ушакова В. П. фон Дезину о прибытии эскадры в Константинополь и торжественной встрече, оказанной ей турецкими властями

13 сентября 1800 г.

Вашему превосходительству донесть честь имею: с ескадрами, мне вверенными, в числе 11 кораблей, одного фрегата, нескольких авизов и транспортных судов, сего сентября 10-е число прибыл я в Константинополь благополучно и остановился против Буюк-Дере для получения провианта и налития пресной воды.

Корабли, проходя Константинопольским проливом, находились в линии, следовали один за другим по положению

пролива в наилучшем виде, проходя султанский дворец при Бизектаже, в самой близости оного, где было присутствие его султанского величества с первыми чиновными особами, произведен от меня надлежащий салют и все почести оказаны, как следовало по условию с министерством, таковой приятный вид принят его султанским величеством с особым удовольствием и благоволением, по отзыву, чрез министерство известному.

И с приходу моего к Константинополю в разные времена присланы ко мне чиновники с поздравлением и с оказанием отличного его султанского величества благоволения и милости за заслуги, мною оказанные, между прочим с первым драгоманом Порты в знак высочайшего его султанского величества благоволения прислан ко мне челенг, алмазами украшенный, служителям нашим приказано производить свежее мясо и красное вино, которые ежедневно на флот доставляются, также велено снабдить и прочей провизиею, что потребно.

Какие со мною находятся корабли и прочие суда, ведомость вашему высокопревосходительству представить честь имею.

Из эскадр, мне вверенных, три фрегата под командою флота капитана Сорокина находятся в Неаполе и три же фрегата и два авиза под командою флота капитана графа Войновича – в Анконе, сходно с высочайшим указом посланы к ним от меня наистрожайшие подтвердительные повеления, чтобы шли к своим портам с наивозможной поспешностью, граф Войнович по многим от меня повелениям и по уведомлению его рапортом от 26 июля из Триеста, от него ко мне присланному, считаю, давно уже должен быть в Корфу, где он почитал необходимой надобностью еще исправлять фрегаты; я считаю, что уже и оттоль должно ему отправляться, и надеюсь, что он походом своим поспешит, ежели крайняя худость фрегатов его не остановит, на таковой случай предписал я ему, ежели который фрегат не может вскорости иттить, оставить и прочим следовать, а тот, по исправлении шел за ними же.

Письмо Ф. Ф. Ушакова Н. Д. Войновичу с запросом о причинах неисполнения им распоряжения о следовании эскадры в черноморские порты[195]

17 сентября 1800 г.

Милостивый государь мой, Николай Дмитриевич!

Крайне удивляюсь я вашему поведению и не знаю, что думать и как полагать об оном, что вы столь многие повеления мои с

прописанием в каждом высочайших именных указов, чтобы вы с фрегатами, вам вверенными, в самой скорости шли в Корфу в соединение со мною, не исполнили, даже и старательностей ваших об оном совсем незаметно.

Напоследок послал я к вам, также в сходство высочайшего указа, повеление на фрегате «Поспешный». Он давно возвратился, а вас и по сие время даже прибытия в Корфу не слышу и промедливаете последнее время в Триесте. Флот весь уже возвращается к своим портам и находится в Константинополе все летнее время. Беспрерывно пассатные северные были ветры, каждый раз в 5 дней могли вы быть из Анконы в Корфу, вы об оном не старались.

В мае имели вы на месяц у себя провианта, флота капитан Константинов настоял, чтобы вы шли или, по крайней мере, отпустили его с фрегатом. Вы не пошли и его не отпустили, все медлили на одном месте. Сколь бы фрегаты ни были худы, летним временем могли дойтить не более как в 5 дней, расчет и заплата могли бы последовать из Корфу, а фрегаты были бы исправлены, словом сказать, ежели бы фрегаты столь были худы, что здраены бы были от худостей, и тогда бы могли иттить в летнее время.

Вы за всеми моими повелениями не пошли и теперь еще медлите и можете совсем потерять фрегаты неизбежно понапрасну, доведете не только себя под суд, даже прочих командиров и офицеров, для чего они не истребовали от вас походу в Корфу, а при нынешнем случае к своим портам. Изволите усмотреть из ордеров моих секретных, сколь важно и нужно необходимо по получении сего ту минуту и иттить вам со всякой поспешностью к своим портам или, по крайней мере, в Константинополь.

Подтверждаю многократные вам повеления, чтобы шли непременно, от крепких ветров убегайте в закрытие на якорь и спасите фрегаты, вам вверенные, от всякой настоящей опасности, чтобы вы их не потеряли. На собственном отчете вашем они состоят и во всем на вашем ответе. Я крайне, по дружбе моей к вам, вас сожалею, что вы пропустили все удобное время и не старались выполнить высочайшее повеление.

Спасите теперь их и себя от несчастия и поспешите походом вашим, по крайней мере, в Константинополь, ежели опоздаете приттить к своим портам. Но буде вы теперь в Корфу, уповаю, что и до своих портов дойтить еще успеете. Объявите сие повеление прочим командирам и офицерам, они с вами же будут в строгом ответе. По совести объявляю вам, что вы навели на себя величайшее сумнение, как обо всем многие уже говорить

начинают, а оттоль и жалобы на вас будут; но за всем тем истинно и только вас сожалею и желаю всякого добра и благополучия. С каковыми истинным доброжелательством и с моим почтением имею честь быть.

Обращение Ф. Ф. Ушакова к жителям и Сенату Республики Семи Островов с призывом о прекращении разногласий и раздоров и восстановлении порядка

18 сентября 1800 г.

По прибытии моем в Константинополь с крайним сожалением узнал я чрез господина полномочного российского министра и кавалера Василия Степановича Томару и министров Блистательной Порты Оттоманской, что, по отбытии моем с флотом от оных островов, произошли в некоторых [островах] между обывателями [и] правительством неприятные расстройства; Сенат Семи островов объясняется, что некоторые правительства островские не повинуются его повелениям, а, напротив того, с другой стороны, негодуют, что Сенат будто бы делает притеснения и неследуемые требования и поступает без всякого уважения сурово и неправосудно; также от нижнего народа происходят неприличные и противузаконные роптания, а от некоторых непристойных людей даже дерзкости и смертоубийство.

По долгу дружбы моей к всему обществу сих островов, в рассуждении существующей народной ко мне любви и приверженности, как и всех правительств сих островов, объявить имею крайнее мое сожаление, что правительства островские не последовали наставлению моему и доброму совету, которые объяснены в письме, данном от меня президенции острова Занте июля 12-го числа, где между прочим объяснено: чтобы каждый имели[196] послушание к вышнему начальству правительства, приняли бы в полное уважение конвенцию и вновь государями императорами опробованный и утвержденный план и исполняли бы все, что положено по оным, непременно.

По долгу службы моей и согласно с желанием полномочного российского министра и министерства Блистательной Порты Оттоманской, еще сим напоминаю: все неприличные между собою распри и несогласности примирить, правительствам островов повиноваться вышнему правительству Сената, исполнять его повеления как должно.

А почтеннейшему Сенату Республики Семи островов советую

требования и повеления свои делать сходно с законными положениями и приличным уважением к присутственным местам, не нанося оскорбления, и строго наблюдать правосудие; народу нижнего класса всех островов советую непременно удержаться от всякого неприличного роптания и ни в какие непристойности не вдаваться, иметь совершенное послушание к установленному над ними правительству и повеления оных выполнять, как должно по закону, в противном случае неисполнители прав законных и дерзкие начинатели роптания подвергнут себя строжайшему взысканию вышней власти, утвержденной в Республике Семи Соединенных островов торжественным договором обоих великих монархов, связанных между собою узами неразрывной дружбы.

Препровождаю сие письмо в Сенат Республики Семи островов, с тем чтобы копии со оного посланы были во все острова к надлежащему исполнению. Я даю сей совет мой к таковому выполнению не только по существующей моей дружбе, но яко тот, который имел счастие освобождать оные острова от неприятелей, установлять правительство и содержать в них мир, согласие, тишину и спокойствие, и теперь с тою же дружбою имею попечительное старание, дабы и впредь существовало благоденствие в сих островах ненарушимо, и требую во оном послушания, как прежде сего оно было, и сие требование мое также сходно с желанием полномочных министров, в каковой надежде имею честь быть.

Рапорт Ф. Ф. Ушакова в Адмиралтейств-коллегию о прибытии с эскадрой из Константинополя в Ахтиар

27 октября 1800 г.

Государственной Адмиралтейств-коллегии донести честь имею: с вверенными мне эскадрами 23-го числа сего месяца отправился я из устья Константинопольского пролива в черноморские порты и вчерашний день ввечеру с 9 кораблями, 1 фрегатом и 2 авизами прибыл на Ахтиарский рейд благополучно. 26-го числа все сутки продолжался чрезвычайно жестокий крепкий от северо-запада ветер и великое волнение, временно с дождем и мрачностию, из бывших со мною судов корабли «Св. Петр», «Богоявление Господне», транспорт большого размера «Григорий» и малая требакула «Константин», будучи назади флота, за поздним ночным временем и темнотою с прочими на рейд притти не успели и остались при сделавшейся перемене ветра за Херсон[ес]ским мысом к юго-западной стороне, которых

вскорости ожидаю. О кораблях и прочих судах, какие со мною находились и пришли на Ахтиарский рейд, ведомость при сем представляю.

Ведомость

Корабли:
Прибыли на Ахтиарский рейд
«Св. Павел»
«Михаил»
«Исидор»
«Захарий и Елисавета»
«Троица»
«Мария Магдалина»
«Семион и Анна»
«Азия»
«Победа»
Фрегат «Поспешный»
Авизы:
«Панагия Апотуменгана»
Поляка «Экспедицион»
Корабли:
При крепком, жестоком ветре, ночной темноте и при случившейся перемене ветра с прочими на рейд войтить не успели и остались за Херсон[ес]ским мысом, которых сего числа в виду еще нет и ожидаются.
«Богоявление Господне»
«Св. Петр»
Транспорты:
«Григорий» большого размера
малый требакул
«Константин»

Письмо Ф. Ф. Ушакова Г. Г. Кушелеву о наградах, полученных им и офицерами эскадры от Республики Семи Островов и неаполитанского короля за освобождение островов от французов

5 ноября 1800 г.

Ваше высокографское сиятельство, милостивый государь мой, Григорий Григорьевич!

Почтеннейшие письма вашего высокографского сиятельства сентября от 24-го дня первое – с объявлением высочайшего его императорского величества благоволения, что его императорское величество всемилостивейше позволяет мне по просьбе депутатов Республики Семи Соединенных островов на принятие от правительства их шпаги, когда прислана ко мне будет; второе – с препровождением присланных от его сицилийского величества знаков орденов: Св. Фердинанда – флота капитанам 1 ранга Сорокину, 2 ранга Белле; кавалерских Св. Константина – лейтенанту Снаксареву, капитану Чебышеву и поручику Александру. Также удостоился я получить при высочайшем рескрипте его императорского величества от 14 сентября его сицилийского величества орден Св. Януария.

Все сии знаки высокомонаршей милости и благоволения приемлю я с глубочайшим благоговением и всеподданнейшую его императорскому величеству приношу благодарность. Таковые высокомонаршие милости и благоволение употреблю я всевозможное старание заслуживать и впредь быть достойным. Вашему высокографскому сиятельству также приношу всепокорнейшую благодарность и доношу: от правительства Республики Семи Соединенных островов получил я золотую шпагу, украшенную алмазами, и также получил от правительства острова Занте золотую шпагу с военною арматурою и лаврами с надписью, изображающею благодарность за избавление оных островов.

Письма вашего высокографского сиятельства и знаки орденов флота господину капитану Сорокину с прочими препроводил я при рапорте моем в Контору главного командира Черноморских флотов, прося, чтобы оные препровождены были в Константинополь к полномочному министру и кавалеру Томаре и от него доставить тем, кому надлежит. За сим, свидетельствуя вашему высокографскому сиятельству высокопочитание и совершенную преданность, с каковыми наивсегда имею честь быть.

1807–1817. Последние годы жизни и деятельности

Рескрипт Александра I петербургскому предводителю дворянства А. С. Строганову о возвращении Ф. Ф. Ушакову пожертвованного им на нужды войны алмазного челенга

2 января 1807 г., С.-Петербург

Граф Александр Сергеевич!

До сведения моего дошло, что между приношениями в дар Отечеству, предложенными в здешнем Дворянском собрании, адмирал Ушаков представил алмазную челенгу, турецким султаном ему пожалованную. Отдавая полную справедливость благородным чувствованиям, к таковому пожертвованию его побудившим, почитаю и что сей знак сохранен должен быть в потомстве его памятником подвигов, на водах Средиземного моря оказанных.

Посему и желаю я, чтобы вы объяснили адмиралу Ушакову благодарность мою за столь знаменитое пожертвование, возвратили ему сию вещь, которая…[197] будет свидетельствовать сверх военных его подвигов и примерное соревнование к благу любезного Отечества. Пребываю в прочем вам благосклонный

Александр

Письмо Ф. Ф. Ушакова товарищу министра морских сил вице-адмиралу П. В. Чичагову с подтверждением просьбы об увольнении его от службы

12 января 1807 г.

М[илостивый] г[осударь] Павел Васильевич.

Вследствие милостивого благоволения его имп[ераторского] велич[ества], в письме вашего превосход[ительст]ва мне объявленного, об узнании подробнее о душевной болезни моей, во всеподданнейшем прошении о увольнении меня при старости лет за болезнию моею от службы упомянутой, всеподданнейше мое донесение его имп[ераторскому] величеству при сем представить честь имею, всепокорнейше прошу ваше превосход[ительст]во представить его всемилостивейшему

государю императору и не оставить вашим благоприятством по моему прошению, от 19 декабря минувшего 1806 г. писанному, в каковой надежде имею честь быть с совершенным почтением и преданностью м[илостивого] г[осударя] в[ашего превосходительст]ва.

Ф. Ушаков

Из указа Александра I об увольнении от службы Ф. Ф. Ушакова

17 января 1807 г.

…Балтийского флота адмирал Ушаков по прошению за болезнью увольняется от службы с ношением мундира и с полным жалованием.

Император Александр I
(1777—1825)

Указ Адмиралтейств-коллегии Ф. Ф. Ушакову по случаю его увольнения от службы с изложением его служебных и боевых заслуг

4 июля 1807 г., С.-Петербург

Из Государственной Адмиралтейств-коллегии уволенному от службы флота господину адмиралу и разных орденов кавалеру Федору Федоровичу Ушакову, который находился начальником в

С.-Петербурге флотских команд; от роду ему 62-й год, из российских дворян; крестьян за им состоит мужска полу – 40 душ; в службе 1761 – кадетом в Морском корпусе; 1763 – гардемарином; 1764 – капралом; 1766 мая 1 мичманом; 1769 июля 30 лейтенантом; 1775 капитан-лейтенантом; 1782 января 1-го капитаном 2 ранга; 1784 января 1-го капитаном 1 ранга; 1787 мая 16-го бригадирского ранга; 1789 апреля 14-го контр-адмиралом; 1793 сентября 2-го вице-адмиралом; 1799 марта 25-го адмиралом; в походах был в Балтийском, Северном, Черном, Азовском, Атлантическом и Средиземном морях; кампаний регламентных сделал: до офицерства – одну, офицером под командою – шесть; сам командовал сорок шесть.

Деяния в течение службы господина адмирала суть следующие:

1772 года, усердием и искусством, снял припасы и материалы с утопленных на реке Доне транспортов, когда оные почитались пропавшими, доставя даже на места и самые суда, за что изъявлена ему благодарность от вышнего начальства.

1774 года, был при защищении от атаки Балаклавской гавани и крепости от турецкого десанта во время возмущения в Крыму.

1783, способствовал к прекращению свирепствовавшей в Херсоне заразительной болезни.

1788, сражаясь с турецким флотом, обратил оный в бегство с важным поражением.

1789, к удовольствию начальства и в усиление разделенного флота, вышел из Севастополя, с изготовленным самим им флотом, показался на водах Очакова для соединения с Лиманскою дивизиею и тем устранил неприятеля в открытое море.

1790 года, с 4 фрегатами и 11 крейсерскими судами обошел весь анатолийский берег; истребил и сожег множество транспортов и иных неприятельских судов, а паче при Синопе, Анапе и Самсоне, причиня крепостям и обитающим народам великий вред и распространя всюду страх; пленил немало разнородных судов, с 200 человек; потом, командуя всем Черноморским флотом, сражался июля 8-го числа против Еникальского пролива, с турецким превосходным флотом, который совершенно разбит и, гонимый, скрылся ночною темнотою к стороне Константинополя; после чего, вторично сражаясь августа 28-го и 29-го, разбил совершенно неприятельский турецкий флот, взял командовавшего пашу с некоторыми чиновниками в плен, коего корабль взорвало на воздух; один 74-пушечный корабль с разными мелкими судами и множеством людей достались победителю в плен; один такового

же ранга корабль с многими судами потоплены; а остатки разбитого и поврежденного флота спаслись бегством; в довершение сей победы перехвачены еще два судна с чиновниками, бежавшими из устья Дуная с флотами, из укреплениев и из Варны.

1791, сражаясь с турецким флотом, превосходным в числе линейных кораблей и иных судов, более пяти часов, разбил оный, поврежденный загнан к Константинопольскому проливу.

1798, присоединя к своему флагу многожды побеждаемый им турецкий тогда соединенный флот, действовал противу французов. Показавшись в Архипелаге, взял на острове Цериго две крепости, поместя пленных французов на фрегат, и по желанию обитателей острова дал им закон правления. Приближаясь 13 октября к острову Занте, действием флота и десантом овладел береговыми укреплениями, прикрывавшими город и крепость над оным, и с присоединением жителей город освобожден, а крепость взята на договор, по коему пленные французские войска отосланы в Константинополь; потом взяты крепости острова Цефалонии [то есть Кефалония], Итаки, Св. Мавры и островов Видо, на коем неприятельские войски разбиты, командующий генерал с 450 подчиненными взяты в плен, оставя более 200 убитых на месте, а бежавшие на гребных судах в крепость ядрами корабля «Богоявление» потоплены; в то же время на берегу острова Корфу десантом взята сильнейшая южная наружная пристройка, Салвадор.

Французы, на вылазках и против штурмовавших потеряв более 1200 человек убитыми, и из страха сдали крепость и город 1799 года февраля 22-го числа во власть победителя, получившего в Корфу многочисленную артиллерию, амуницию, арсенал, магазины с провиантом и иными припасами, знатное число мачтовых и корабельных лесов, один линейный корабль, фрегат и много мелких судов; а в другом порте – Гуви, взяты два ветхие корабля, разные припасы, мачтовые и корабельные леса; войска французские, при 4 генералах, числом более 3000 человек, обезоруженные по условию, отправлены во Францию с обязательством до окончания войны ни против победителей, ни их союзников не служить; во время же блокады сего знатного острова все окружающие оный малые острова освобождены от французов, после сего одним отрядом освобождал от французов крепость и город Бриндичи и весь берег [Италии] до Манфредонии; другим отрядом совокупно с турецкими канонерскими лодками освобождал берег от Отранта до Бриндичи; блокировал город Анкону, обеспечивал коммерцию союзников и увенчал свои доспехи, заставя неприятеля

ретироваться из Бриндичи; а соединенные его десантные войски с обывателями страны прошли вовнутрь провинции Пулии [то есть Апулии], гоня и рассеивая всюду французов и неаполитанских якобинцев, вошли в столичный город Неаполь, предшествуемый калабрийцами, тесня заседавших в укреплениях неприятелей, и напоследок, разбив оных, завладели замком Де-ла-Кармело, через что, став властелинами столицы, с присоединившимися жителями распространили покорения замков Лово, и Делово, поражая сильно противившихся; а на конец обложена была сильнейшая в Неаполе крепость Св. Эльмо, где гонимые французы заперлись, думая найти свою безопасность, но, утесненные со всех сторон войсками, усиленными еще присоединением англичан и жестокостию обложенных батарей, сдались на капитуляцию, и тем столица совершенно стала освобождена, те же подкомандные адмирала войски, соединясь с англичанами и взяв крепости Гаетту и Капуа, даровали свободу Неаполитанскому королевству, поелику особым и содействующим сим доспехам отрядом вице-адмирала Пустошкина в то же время очищены от неприятелей берега от Манфредонии к Анконе и далее до крепостей Фано и Сенигаллии в Папской области; самая Анкона держалась в тесной осаде; Адриатическое море от крейсеров французских очищено, и коммерция стала свободною, и победитель-адмирал, по убеждению короля обеих Сицилий восстановил в его народе тишину, спокойствие и законный порядок, дав везде в покоренных им островах закон, принятый народами, благоговеющими своему освободителю, который увенчал свои действия учреждением Республики Семи Ионических островов, управляемой Сенатом, в городе Корфу пребыванием.

Отличия и награды его за службу.

За ревностное усердие его к службе, искусство в делах и отличную деятельность в военных подвигах, храбрость и мужество награжден он знаками отличий Св. равноапостольного князя Владимира 4 ст[епени] 1785 сентября 22-го; 3 степени января 1-го 1788; Большого креста 2 степени июля 29-го 1790; великомученика Победоносца Георгия 4 класса октября 22-го 1788; Большого креста 2 класса сентября 16-го 1790 года; и при оном пожаловано ему в Могилевской губернии 500 душ крестьян; Св. Александра Невского ноября 21-го 1791 года; потом того же ордена бриллиантовыми знаками декабря 21-го дня 1798 года; Св. Иоанна Иерусалимского с присовокуплением к нему командорского в 2000 ежегодного дохода; того же декабря 21-го дня 1798 года; его величества короля обеих Сицилий св. Януария; от его султанского величества в 1798, в 1799 и в 1800 годах двумя алмазными челенгами, двумя табакерками, одною с

бриллиантами, другою с алмазами; собольею шубою и пятью медными полевыми пушками, со всеми принадлежащими к ним припасами и материалами.

Пушки те самые, которые с ним были в десанте против неприятелей; от Сената Семи островов, в Корфу состоящего, в знак благодарности за их избавление и освобождение поднесен ему меч, украшенный алмазами с приличною к тому надписью, от правительства острова Занте, также поднесены ему щит и меч в знак благодарности с приличною надписью за их освобождение, с изображением на щите действия флота; от правительства прочих островов, им освобожденных, поднесены ему золотые медали с приличною надписью.

В штрафах не бывал, аттестовался всегда достойным, а сего года января 17-го дня по высочайшему повелению по прошению за болезньми уволен от службы с мундиром и полным жалованием, во свидетельство чего ему сей его императорского величества указ и дан в С.-Петербурге июля 4 дня 1807 года.

У сего указа Государственной Адмиралтейств-коллегии печать

Место печати

Адмирал и Кавалер Е…[198] *фон Дезин. Адмирал и кавалер Михайла Макаров, Вице-адмирал и кавалер Карцов. Тайный советник и кавалер граф Г. Чернышев. Контр-адмирал и кавалер Гаврила Сарычев. Правитель канцелярии пятого класса и кавалер Игнатьев. Столоначальник Телепнев. Помощник столоначальника Артемьев.*

Данной об отставке указ господину адмиралу и разных орденов кавалеру Федору Федоровичу Ушакову.

Пожертвование Ф. Ф. Ушакова 1-му Тамбовскому пехотному полку[199]

19 июля 1812 г.

Месяц и число – Июля 19-го

От кого именно поступило – Адмирала Федора Федоровича Ушакова

Число душ – 118

Рубли – 2000

Копейки —

Письмо адмирала Ф. Ф. Ушакова Тамбовскому губернскому дворянскому собранию с благодарностью за избрание его начальником внутреннего ополчения Тамбовской губернии и о невозможности по состоянию здоровья принять эту должность

29 июля 1812 г.

Почтеннейшему Дворянскому собранию донесть честь имею:

За избрание меня губернским начальником над новым внутренним ополчением по Тамбовской губернии, за благосклонное, доброе обо мне мнение и за честь сделанную приношу всепокорнейшую мою благодарность.

С отличным усердием и ревностью желал бы я принять на себя сию должность и служить Отечеству, но с крайним сожалением за болезнью и великой слабостью здоровья принять ее на себя и исполнить никак не в состоянии и не могу. Посему и прошу почтеннейшее Дворянское собрание меня от оной уволить и избрать, кого за благо рассуждено будет, другого.

Прошу также верить, что я действительно, будучи ныне при совершенной старости лет, находясь в болезни и всегдашней, по летам моим, великой слабости здоровья, должности понесть и в Тамбовское сословие дворянства явиться не могу.

Адмирал и кавалер Федор Ушаков

Донесение Темниковского уездного предводителя дворянства Тамбовскому губернатору о пожертвовании Ф. Ф. Ушаковым 540 рублей на содержание и лечение больных солдат

15 января 1813 г.

Имея честь вашему превосходительству донести, что, по получении мною от здешнего господина городничего исчисления, от уездного лекаря к нему доставленного, о продовольствии больных военнослужащих, проходившими командами в городе Темникове оставленных, в коем значится, что на 60 человек труднобольных требуется в сложности по 18 рублей на день, а на месяц – 540 рублей, относился я по изъявленному благодетельному расположению к таковым пособиям [к] его высокопревосходительству господину адмиралу и кавалеру Федору Федоровичу Ушакову, вследствие чего его высокопревосходительство и представил вышеписанную сумму для продовольствия больных военнослужащих на один месяц –

540 рублей, в мое распоряжение.

Сею суммою препроводил я из оной половинное количество на двухнедельное содержание с сего числа с расходною книгою к здешнему уездному лекарю для взноса издержек на больных в оную с надлежащей потребностью под надзором г[осподина] городничего; и по добровольно изъявленному желанию здешним протоиереем не токмо присматривать за больными, но и поместить их в его дома.

Темниковский предводитель дворянства
Александр Никифоров

Письмо Ф. Ф. Ушакова обер-прокурору Синода А. Н. Голицыну о пожертвовании денег в помощь пострадавшим от неприятеля в Отечественную войну 1812 г.

11 апреля 1813 г.

По сообщенному вашим сиятельством к тамбовскому и шитскому епископу Ионе отношению, вследствие высочайшего ее императорского величества государыни императрицы Елисаветы Алексеевны благоволения, и с оного последовавшим пастырским его обращением к пастве приглашаются благородное и купеческое сословия к содействию богоугодных дел ее императорского величества, к денежным пожертвованиям на вспомоществование ближним страждущим от разорения злобствующего врага, последовавшим при нынешней настоящей войне истреблением жилищ и ограбленных всех их имуществ, бедствующим и странствующим, не имея жилищ, одежды и пропитания, и чтобы желающие последовать богоугодным делам ее императорского величества, денежные пожертвования свои сами от себя отсылали в Санкт-Петербург к вашему сиятельству или к другим трем особам, императрицею назначенным.

На основании учреждения сохранной казны при объявлении моем августа 27-го дня 1803 года взнесено мною Императорского Воспитательного дома в С.-Петербургский опекунский совет, денег государственными ассигнациями двадцать тысяч рублей на год и более за условленные проценты по пяти рублей со ста, из которых с того времени ни капитальной суммы, ни процентов, на оную следующих, нисколько не получал, а по сходству моего объявления проценты ежегодно должны быть приписываемы к капитальной сумме.

Я давно имел желание все сии деньги без изъятия раздать бедным, нищей братии, не имущим пропитания, и ныне, находя

самый удобнейший и вернейший случай исполнить мое желание, пользуясь оным по содержанию вышеозначенного объяснения в пожертвование от меня на вспомоществование бедным, не имущим пропитания.

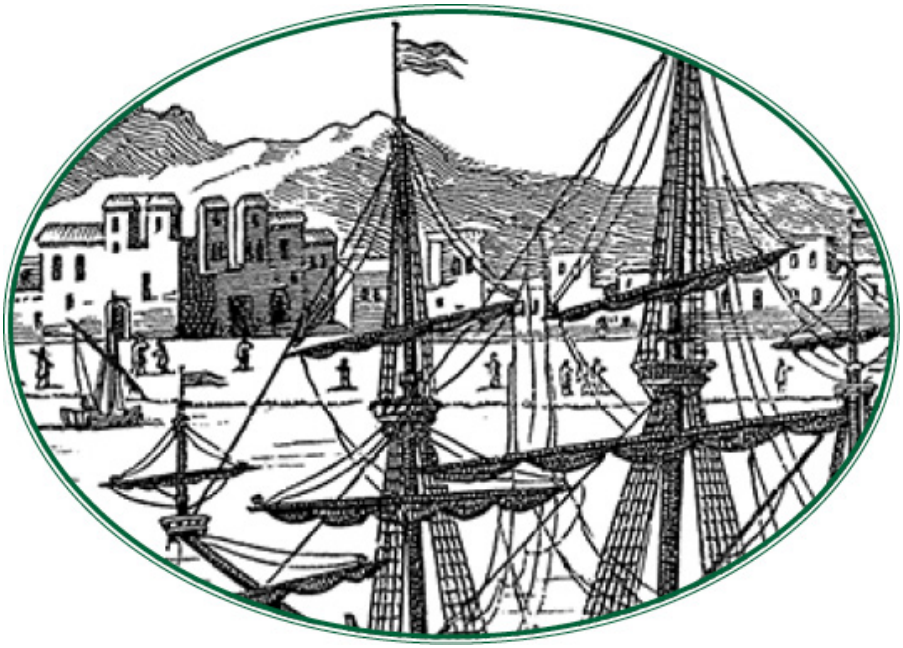
Полученный мною от С.-Петербургского опекунского совета на вышеозначенную сумму денег двадцать тысяч рублей билет сохранной казны, писанный 1803 года августа 27-го дня под № 453, и объявление мое на получение денег при сем препровождаю к вашему сиятельству. Прошу покорнейше все следующие мне по оному из Опекунского совета сохранной казны деньги, капитальную сумму и с процентами за все прошедшее время истребовав, принять в ваше ведение и распоряжение по узаконению и в нынешнее же настоящее [время] сумму употребить их в пользу разоренных, страждущих от неимущества бедных людей.

В приеме оных денег из Опекунского совета сохранной казною наместо меня расписаться и прочее учинить, что как следует, во всем оном я вам верю, спорить и прекословить не буду. На объявлении моем в Опекунский совет при положении денег в сохранную казну какова печать моя положена, таковую ж и на сем верющем письме прилагаю. Прошу покорнейше о получении сего письма и билета сохранной казны не оставить меня вашим уведомлением Тамбовской губернии в город Темников.

С истинным моим почтением и проч.

Адмирал и кавалер Федор Федоров сын Ушаков

Подлинная доверенность засвидетельствована Тамбовской губернии в Темниковском уездном суде.



М. И. Ратманов, в молодости принимавший участие в Средиземноморском походе Ф. Ф. Ушакова, в 1802 г. был назначен в экспедицию Ивана Федоровича Крузенштерна старшим офицером на корабль «Надежда». В ходе первой в истории русского флота кругосветной экспедиции в ноябре 1803 г. русские корабли пересекли экватор, в феврале следующего года обогнули мыс Горн, а в июле достигли Петропавловска-Камчатского. Затем через Индийский и Атлантический океаны, обогнув с севера Великобританию, 5 августа 1806 г. экспедиция возвратилась в Кронштадт. До самой смерти Макар Иванович служил во флоте, дойдя до звания контр-адмирала. Его именем названы остров в Беринговом проливе – самая восточная точка России, а также мыс на Новой Земле.

notes

Примечания

1

Это жизнеописание составлено первым биографом прославленного русского адмирала Ростиславом Карповичем Скаловским (1811–1873) – генерал-майором флота, теоретиком пароходного дела и главным редактором журнала «Морской сборник».

2

Сведения о месте рождения Ушакова у Скаловского даны неверно. Ушаков родился 13 февраля 1745 г. в сельце Бурнаково (ныне Рыбинский район Ярославской области), крещен в церкви «Богоявления на острову» в селе Хопылево. Отцом его был Федор Игнатьевич Ушаков (1710–1781), сержант лейб-гвардии Преображенского полка в отставке, а дядей – старец Феодор Санаксарский.

З

Ревизская душа – единица учета мужского населения Российской империи XVIII–XIX вв.

4

В списке произведения в мичмана 4 мая 1766 г. первыми тремя были: Федор Калугин, Яков Бухарин, подпрапорщик Федор Путятин. Капрал Федор Ушаков идет четвертым.

5

Пинка – парусное коммерческое судно в Северной Европе. В XVIII в. пинки использовались на Балтийском море в качестве военных судов.

6

Дубель-шлюпка – небольшое парусно-гребное военное судно, появившееся на вооружении русского флота в 1737 г. (в правление Анны Иоанновны), когда фельдмаршал Миних готовился в Очаковский поход. Могли иметь от 9 до 20 пар весел, длиной были от 17 до 25 м, шириной 4,5–6 м, осадкой до 2 м. Водоизмещение не превышало 50 тонн, экипаж – до 50 человек. На борту было до 15 орудий (фальконеты, единороги, гаубицы, пушки).

7

До 1772 г. все суда Дунайской флотилии были трофейными (призовыми). Собственные суда стали строить после того, как командование флотилией принял заслуженный английский офицер на русской службе адмирал Ноульс. По его проектам было построено четыре двенадцатипушечных шхуны (длиной около 30 м, шириной 8 м и глубиной 3,63 м), а позднее – другие суда, но уже для Азовской флотилии.

8

Так в те времена было принято называть группу греческих островов в Эгейском море: Эвбея, Хиос, Крит и др.

9

Речь идет о герое русско-турецких войн XVIII в. князе Алексее Петровиче Щербатове (1750–1796). За покорение Арабата он был произведен в секунд-майоры, а генерал-майором стал только в 1796 г.

10

Первым русским военным судном, пересекшим Черное море, стал в 1772 г. 12-пушечный призовой турецкий галиот под командой лейтенанта Вельяшева; вторым – 8-пушечная дубель-шлюпка, под начальством лейтенанта Баскакова; третьим – галиот «Перемирieносец», под начальством капитана 2 ранга Кинсбергена, привезший известие А. Н. Сенявину от графа Румянцева о заключении перемирия с Портой. (*Прим. автора*)

11

По спискам Азовской флотилии, корабль «Модон» имел 20 пушек. (*Прим. автора*)

12

Заслуженный морской офицер, известный обширными познаниями своими и искусством, принят был в службу нашу из английской и принес много пользы русскому флоту. (*Прим. автора*)

13

Василий Яковлевич Чичагов (1726–1809) – прославленный российский мореплаватель, адмирал (с 1782 г.), командовавший Балтийским флотом против шведского в 1789 г.

14

Фрегат «Северный Орел» куплен был в Англии в 1770 г., и вместе с эскадрой контр-адмирала Арфа присоединился к флоту Спиридова в Архипелаге. (*Прим. автора*)

15

В июле 1770 г. ко флоту адмирала Спиридова в Архипелаге были присоединены фрегаты, купленные в Триесте и Анконе: «Победа», «Слава», «Парос» и «Св. Павел». «Констанция» же в 1771 г. обращен в фрегат из рагузинского [построенного в городе Рагузе] судна. (*Прим. автора*)

16

В особенности предписано было не заходить в Лиссабон. Когда в предшествовавшем 1780 г. эскадры Борисова и Палибина были там, то посланник наш, граф Нессельроде, уведомил, что португальцы недовольны, потому что было более шести судов, как положено условием со всеми дружественными державами. (*Прим. автора*)

17

Число больных возросло до 700 человек, и было много умерших. Находили, что чрезмерная жара препятствовала выздоровлению; зима же была необыкновенно холодна и сурова. (*Прим. автора*)

18

Участник первой Архипелагской экспедиции Г. А. Спиридова Федот Алексеевич Клокачёв (1739–1783) в 1776 г. был произведен в контр-адмиралы и назначен командующим Азовской флотилией и портами. За время его командования на Дону были заложены Новохоперская и Гнилотоновская верфи, где началось строительство 44-пушечных фрегатов. Клокачев стал первым кавалером ордена св. Георгия среди русских моряков.

19

Граф Марк Войнович (1750–1807) – уроженец Черногории, поступивший на русскую службу во время пребывания нашего флота в Архипелаге под начальство адмирала Спиридова. В 1771 г. командовал фрегатом «Слава».

20

Титул самый почетный, даваемый знаменитейшим военачальникам и равнявшийся императорскому. (*Прим. автора*)

21

На корабле «Св. Мария Магдалина» потеряны были все мачты и бушприт; оба якоря сорваны с бортов, разломаны корма и руль, переломлен румпель и в трюме было 41 футов воды. Капитан Тиздель, носимый в этом положении по морю шесть дней и увлекаемый в Константинопольский пролив, решился наконец потопить корабль со всем экипажем, когда увидел невозможность избавиться от плена; но офицеры не согласились на это предложение, и корабль, достигнув Буюк-Дере, отдался во власть неприятеля. (*Прим. автора*)

22

50-пушечные фрегаты назывались тогда кораблями. (*Прим. автора*)

23

Джон Пол Джонс – известный американский герой, сражавшийся за независимость Штатов и прославленный в романах Фенимора Купера. Он был рекомендован императрице Екатерине II французским правительством, вступил на русскую службу в начале 1788 г. и оставил ее в начале 1790 г. (*Прим. автора*)

24

Фрегат «Николай» (капитан-лейтенант Данилов), подойдя к 64-пушечному турецкому кораблю, ставшему на мель, вскоре заставил его спустить флаг, но в это время принц Нассау, недовольный тем, что корабль сдается парусному фрегату, а не его гребной флотилии, приказал снова открыть пальбу и этим привел турок в такое отчаяние, что они предпочли умереть, но не сдаваться, почему мы вынуждены были зажечь корабль брандерными шлюпками. Другой, корабль паши, ставший на мель, видя это, также не решился сдаться и был зажат нашими судами. Таким образом потеряны были для нас два хороших корабля. (*Прим. автора*)

25

«*С наветра*» и «*с подветра*» – морские термины, указывающие направления относительно корабля, соответственно, то, *откуда* ветер дует, и то, *куда* он дует.

26

«Я сам удивляюсь проворству и храбрости моих людей, – писал Ушаков, – они стреляли в неприятельский корабль не часто и с такой сноровкой, что, казалось, каждый учится стрелять по цели… Прошу наградить команду, ибо всякая их ко мне доверенность совершает мои успехи; равно и в прошедшую кампанию одна только их ко мне доверенность спасла мой корабль от потопа, когда штормом носило его по морю…» (*Прим. автора*)

27

За успешное выполнение этого поручения Д. Н. Сенявин получил из рук Потемкина орден Св. Владимира 4-й степени с бантом, и был первым, получившим этот орден с присоединением к нему банта. (*Прим. автора*)

28

Гвильйомо Лоренцо был до того времени мальтийским корсаром в течение четырех-пяти лет и известен как непримиримый враг турок и греков, которых всегда считал собаками. Ненависть его к грекам простиралась до того, что в прошлую войну, по приказанию графа Орлова, он был пойман и содержался в цепях за пиратство на греческих водах. (*Прим. автора*)

29

Лоренцо командовал фрегатом «La Fama», а один из корветов, «La parfaite Alliance», был под командой графа Георгия Войновича, родного брата графа Марка Войновича. (*Прим. автора*)

30

Переделанный в Херсоне из пленной турецкой галеры, взятой флотилией на Лимане 1 июля 1788 г. (*Прим. автора*)

31

На учреждении в Николаеве адмиралтейства и верфи последовало высочайшее соизволение в следующем 1790 году, и тогда же учрежден в нем уезд и присутственные места. Вскоре после того поблизости города, в Витовке и Богоявленске, открыта Земледельческая школа под управлением профессора Леванова. (*Прим. автора*)

32

Потемкин в особенности чтил имя угодника, в день которого покорен был Очаков, и потому вблизи Николаева он основал монастырь, назвав его Спасо-Николаевским; в Очакове замок Гассан-паши переименовал в Николаевский, и вновь сформированному полку в своей армии дал название «Свято-Николаевского». (*Прим. автора*)

33

В архиве Николаевского порта хранится собрание подлинных писем Князя Потемкина к строителю этого города статскому советнику Михаилу Леонтьевичу Фалееву, из которых заимствуем эти строки.

34

Репетичное судно – судно, состоящее при флоте или эскадре для репетования, т. е. повторения, сигналов вслед за флагманским кораблем во время боя. Для этого репетичное судно держалось вне линии кораблей, на виду у всех. Обычно репетичное судно было достаточно крупным, с хорошей мореходностью и достаточно высоким рангоутом. Типичный репетичный корабль XVIII в. – русский «Полоцк».

35

Черкесами в XVIII – начале XIX в. называли жителей Украины.

46-пушечные корабли были с большими орудиями. (*Прим. автора*)

37

50-пушечные корабли построены были на вид фрегатов. (*Прим. автора*)

38

Корабль «Св. Георгий» настиг один из турецких кораблей, более прочих упавший за русскую линию, и имел возможность завладеть им, но большая часть неприятельского флота начала спускаться к нему на помощь. (*Прим. автора*)

39

Корабль этот был лучший во флоте по своей постройке, артиллерии и легкости хода. (*Прим. автора*)

40

Саит-бей до того рассчитывал на помощь своего флота, что, прибыв на корабль русского адмирала, в первых же словах выразил негодование на робость и малодушие капудан-паши Гуссейна. (*Прим. автора*)

41

Совершенно новый корабль этот в первый только раз вышел тогда в море; он имел всю артиллерию медную, и в нижнем деке были у него 38-фунтовые, а в верхнем – 18-фунтовые орудия. (*Прим. автора*)

42

Храбрый Саит-бей за избавление свое от неминуемой гибели обязан был пленным русским матросам, находившимся на его корабле, которые, увидев турецкого адмирала в опасности, успели, сквозь дым и пламень, вывести его на верхнюю палубу, и закричали уже отвалившим шлюпам нашим, чтобы они возвратились для принятия почетного пленника. (*Прим. автора*)

43

Суда эти были совершенно новые, и два из них только в том году спущены на воду. (*Прим. автора*)

44

Флот составляли следующие суда. Корабли: «Рождество Христово», «Мария Магдалина», «Св. Владимир» (флагманские), «Св. Павел», «Преображение Господне», «Леонтий Мученик», «Александр Невский», «Св. Георгий», «Св. Андрей», «Иоанн Богослов», «Петр Апостол», «Навархия» («Вознесение Господне»), «Царь Константин» и «Федор Стратилат». Фрегаты: «Иероним», «Нестор Преподобный», «Макроплия Св. Марка» и «Григорий Великия Армении»; брандер один, репетичных кораблей – четыре, бомбардирское – одно, и крейсерских – 17. (*Прим. автора*)

Гатишериф – султанский указ.

46

Тогда был праздник Рамазан-байрам, и почти все турецкие матросы беспечно веселились на берегу. Капудан-паша приведен был в такое замешательство быстрым движением русского флота и выгодою выигранной им наветренной позиции, что, не успев даже собрать с берега всех матросов своих, приказал судам отрубить канаты и вступить под паруса. (*Прим. автора*)

47

Адмирал сначала сделал сигнал прибавить парусов, а потом – нести все возможные паруса. (*Прим. автора*)

48

Это были варварийские [африканские] суда. Саит-али, видя нерешительность капудан-паши, отделился от него, вышел вперед и начал строить новую линию. (*Прим. автора*)

49

При повороте его, корабль «Рождество Христово» подошел к нему под самую корму и, действуя продольными выстрелами, требовал сдачи; но другие суда неприятельские успели заслонить пашу Саит-али. (*Прим. автора*)

50

Когда суда эти подошли на помощь кораблю «Рождество Христово», последний имел против левого своего борта два неприятельские фрегата; вице-адмиральский корабль, выдвинувшись вперед, стрелял по нему из кормовых пушек, а другой корабль находился по другую его сторону, так что положение русского адмирала было некоторое время весьма опасное. (*Прим. автора*)

51

Брюнн Сент-Катерин Старший впоследствии вступил на русскую службу, в которой достиг звания генерал-лейтенанта и инспектора корпуса корабельных инженеров. (*Прим. автора*)

52

Первый корабль в Черноморском флоте, скрепленный медными болтами и обшитый медью, был 74-пушечный «Правый», построенный в Херсоне в 1805 г. (*Прим. автора*)

53

Тогда же устроена была землечерпательная машина, посредством которой, для опыта, углублена до 45 футов, на 40 сажен в длину и 1 сажень в ширину, двухсотсаженная банка, находившаяся в Ингуле. (*Прим. автора*)

Камели – плоскодонные суда при верфях и гаванях, предназначенные для проводки судов с большой осадкой через мелкие участки. 4–6 камелей окружали и плотно сжимали корабль, набирали насосами воду в себя, погружались под корабельные бока, затем спускали воду, всплывая и поднимая корабль так, что он мог пройти через мелкое место. Когда корабль снова оказывался на глубоком месте, камели отводили.

55

В исходе 1793 года высочайше повелено корабли, имеющие 50 пушек и менее, именовать фрегатами. (*Прим. автора*)

Одна из гор вблизи Севастополя до сих пор называется его именем. (*Прим. автора*)

57

Главная пристань в Севастополе, начатая Ф. Ф. Мекензи и законченная Войновичем, в память последнего названа была Графской. (*Прим. автора*)

58

Высочайшим указом от 20 февраля 1797 г. повелено было: «Штабы от генералитетов отобрать и им более не быть»; вследствие чего адъютант Ф. Ф. Ушакова, лейтенант Ушаков, был от него отчислен. (*Прим. автора*)

Найдено, что порох не только не терял силы своей в пещерах этих от близости к воде, но приобретал еще большую силу, вероятно, от селитры, в изобилии заключающейся в тех горах. (*Прим. автора*) С 1787 по 1826 г. Севастополь назывался Ахтиаром.

60

В ноябре 1797 г. высочайше повелено было: «Все места, в Крыму находящиеся, называть прежними их именами». (*Прим. автора*)

61

Известный филантроп, англичанин Джон Говард, проездом в Константинополь оказался в Херсоне во время этой болезни и принимал самое деятельное участие в оказании помощи страждущим; но, посещая ежедневно больницы, тюрьмы, остроги и пр., он вскоре сам стал жертвой эпидемии и похоронен близ Херсона, где ему поставлен памятник. (*Прим. автора*)

62

Фрегат «Царь Константин» возвратился в Севастополь в апреле 1797 г. (*Прим. автора*)

63

Высочайшим повелением от 11 апреля 1797 г. запрещено было всем пограничным начальникам дозволять иностранцам въезд в Россию без особого высочайшего разрешения. (*Прим. автора*)

Вскоре место Вильсона занял контр-адмирал Кумани. (*Прим. автора*)

65

Сигналы, «сочиненные» Ушаковым для эскадры своей на предстоящую кампанию, равно и «сигналы для опознания», препровождены были предварительно на рассмотрение адмирала Мордвинова и им вполне одобрены. (*Прим. автора*)

66

Указом 31 октября 1798 г. повелено было все армейские гарнизонные полки и батальоны именовать фамилиями их шефов. (*Прим. автора*)

67

Назначенная комиссия донесла, что корабль «Св. Петр», построенный три года тому назад, хотя и требует килевания, но еще в поход идти может; прочие же все суда могут быть починены своими средствами. (*Прим. автора*)

В доме его найдено было несколько полевых орудий и до 7000 ружей, сабли и пр. (*Прим. автора*)

69

Другая часть турецкой эскадры, назначенной для соединения с русской, находилась у Дарданелл еще до прибытия последней в Константинополь. (*Прим. автора*)

70

Относительно снабжения Турции ядрами из России, в высочайшем рескрипте от 25 сентября 1798 г. на имя господина Томары сказано: «Что же касается до ядер, требуемых от меня в образе покупки, повеления мои даны, о коих канцлер мой граф Безбородко вас известит». (*Прим. автора*)

Впоследствии турецкие начальники уклонялись от этого обстоятельства о равных салютах, что заставило Ушакова настоятельно требовать исполнения условий. В особенности противился капудан-паша Кучук-Гуссейн, находя такое постановление своего правительства унизительным для его высокого звания и несогласным с достоинством Порты; однако и он должен был уступить сильному влиянию русского посланника. (*Прим. автора*)

72

Русский посланник в Константинополе доносил императору от 11 октября 1798 г.: «Я слышал от драгомана Порты, что за прибытием соединенных эскадр к о-ву Хиос греки, по обыкновению, завидев на берегу галонджиев (турецких матросов), заперли дома и лавки. Вице-адмирал Ушаков представил турецкому командующему, что если соединение обеих эскадр имеет производить подобное в обывателях действие, то лучше обеим эскадрам условиться о местах соединения и плыть порознь. Турецкий вице-адмирал так хорошо это принял, что объявил подчиненным своим смертную казнь за первую жалобу, без исследования, и велел отворить лавки и дома обывателям. За тем последовала ярмарка, на которой русские, турки и греки смешались, приятствуя друг другу». (*Прим. автора*)

73

В донесении от 17 ноября господин Томара говорит: «Обыватели острова Св. Мавры договаривались о сдаче с Али-пашой, но узнав о приближении эскадры Вашего Императорского Величества, прекратили переговоры с ним и сдались вице-адмиралу Ушакову. Сие последовало без всего неудовольствия со стороны Али-паши, который отзывается Порте, что имеет в готовности войска и три вооруженные им легкие судна на услуги вице-адмирала Ушакова». (*Прим. автора*)

74

Дмитрий Николаевич Сенявин, бывший генерал-адъютант князя Потемкина [в данном случае – почетное звание и должность старшего адъютанта при, например, фельдмаршале] и впоследствии адмирал и генерал-адъютант [с 1808 г. – почетное звание, указывающее на близость к монарху]. (*Прим. автора*)

Правление, учрежденное адмиралом, было в последствии высочайше одобрено; также и господин Томара доносил государю, от 16 декабря 1798 г., что «все учреждения вице-адмирала Ушакова в островах прежде бывших венецианских, Портой опробованы». (*Прим. автора*)

76

Александр Николаевич Васильев, впоследствии генерал-майор и обер-интендант Черноморского флота, скончался в 1853 году. (*Прим. автора*)

77

«Леандр» взят был после весьма кровопролитного сражения, в котором англичане имели 30 убитых и 60 раненых. (*Прим. автора*)

По другим известиям, полученным несколько позднее, эскадра из двух кораблей, нескольких фрегатов и транспортов намеревалась доставить в Корфу до 10 тысяч войска, и из Тулона также ожидалась эскадра с войском. Слухи эти неминуемо должны были увеличить озабоченность блокирующего отряда. (*Прим. автора*)

79

Они посланы были, как сказано прежде, во время следования флота от острова Кефалония к Св. Мавре, 29 октября. (*Прим. автора*)

Судно это названо было «Макарий». (*Прим. автора*)

81

Павел Васильевич Пустошкин, товарищ Ушакова по выпуску из Морского корпуса, был главным начальником в Таганрогском порту, потом командовал арьергардом во флоте Ушакова в 1790 и 1791 гг., был награжден орденом Св. Георгия 3-й степени. В 1793 г. произведен в контр-адмиралы и состоял членом Черноморского адмиралтейского правления. В чине вице-адмирала оставил службу в 1807 г.; умер в 1828 г. (*Прим. автора*)

82

Мишеру, с английским бригом, оставался при флоте до 21 февраля и присутствовал при взятии укреплений Видо и Корфу. (*Прим. автора*)

83

Маркиз де Галло отправлялся в Петербург с поручениями короля своего к императору Павлу. (*Прим. автора*)

Это последнее поручение было первоначально послано отряду Пустошкина, но повеление опоздало. (*Прим. автора*)

85

Англичане издевались над этой оплошностью, и Нельсон писал Спенсеру Смиту, посланнику в Константинополе, что русские «не слишком щегольски» позволили французскому кораблю уйти; между тем, спустя два с половиной месяца, а именно около половины апреля, английская эскадра выказала гораздо большую оплошность, позволив убежать из Александрии четырем французским фрегатам и стольким же корветам. (*Прим. автора*)

86

Ядра в то время калились на решетках, изобретенных французским генералом Шампьоном, командовавшим войсками в римских владениях Франции. (*Прим. автора*)

87

«Турки, на батареях с нашими бывшие и против вылазок в сикурс от нас посылаемые, поделали в деревнях великие разорения и истребления в церквях…» (Письмо к Томаре, 13 марта 1799 г.). (*Прим. автора*)

88

В одном английском журнале того времени («Annual Register», 1799) сказано, что в капитуляции этой «нисколько не выказывалось то азиатское варварство, какого опасались друзья Французской революции от союза турок с русскими». (*Прим. автора*)

89

Главнокомандующий, вскоре по прибытии к Корфу, уведомлен был русским посланником в Неаполе о желании короля неаполитанского, чтобы французы и суда их не были отпускаемы на договоры в Анкону или какие бы то ни было места Италии. Хотя Ушаков отвечал готовностью исполнить волю эту, но сделал исключение в отношении генерала Шабо и его штаба, без сомнения, вследствие особых обстоятельств. (*Прим. автора*)

Впоследствии действительный тайный советник. (*Прим. автора*)

91

Письмо Томаре 22 мая 1799 г.

92

Эта инструкция является частью протокола, который велся на корабле «Богоявление Господне» в 1797 г.

То есть бакштаги.

94

Иван Григорьевич Чернышёв (1717/1726—1797) – генерал-фельдмаршал флота, президент Адмиралтейств-коллегии.

Этим орденом Ф. Ф. Ушаков был награжден в 1784 г. за успешную деятельность по борьбе с чумой в Херсоне.

96

Пометы Ушакова на письмах Войновича сделаны для князя Потемкина, к которому 11 июля 1788 г. Ушаков обратился с письмом о недоброжелательном к нему отношении со стороны Войновича. Вся переписка с последним, охватывающая время похода и встречи с турецким флотом, с пометами Ушакова, была приложена к письму.

Т. е. вытяжная.

98

См. предыдущий документ.

Слова «к ветру» приписаны сверху Ф. Ф. Ушаковым.

100

Слова «и он» приписаны на полях Ф. Ф. Ушаковым.

101

Подчеркнуто в подлиннике. К этому своему письму Ф. Ф. Ушаков приложил всю свою переписку с Войновичем, предварительно пронумеровав ее.

102

Кирлангич – черноморское парусно-гребное судно для посыльной и разведывательной службы. Обычно одно– или двухмачтовое с косыми парусами, длиной около 22 м, шириной 7,6 м, осадкой 2,4 м.

Эгейского.

Т. е. должностных лиц разных чинов: штурманов, шкиперов, клерков и пр.

105

То есть сигналы.

Лансон – речное одно– или двухмачтовое транспортное судно.

107

Чектырме – небольшое черноморское грузовое парусное судно.

108

Черкессами в XVIII – начале XIX в. назвали украинцев.

109

Шайка – небольшое гребное судно, разновидностью которого является казацкая чайка.

110

См. рапорт Ф. Ф. Ушакова Г. А. Потемкину от 28 мая 1790 г.

111

Так называлось Эгейское море.

112

В Двуякорной бухте вблизи Феодосии.

113

Такое же письмо одновременно послано Ф. Ф. Ушаковым В. С. Попову.

Чертежи взятых призовых судов не приложены.

115

Имеется в виду письмо, написанное раньше в тот же день.

116

Этот расчет представляет собой справку, составленную Ф. Ф. Ушаковым для Г. А. Потемкина в соответствии с действующими статьями Морского устава Петра Великого.

То есть «сколько».

118

Дата установлена в соответствии с «Описанием дел Архива Морского министерства». СПб., 1900. Т. X. Стр. 296.

119

После назначения Ф. Ф. Ушакова командующим флотом в 1790 г.

120

Начальник дворцовой охраны, один из высших придворных чинов.

121

В декабре 1796 г. П. В. Пустошкин был назначен командующим Черноморским гребным флотом вместо вице-адмирала де Рибаса.

То есть текущего месяца.

123

Беломорскими назывались следующие суда: пришедшие в Черное море из Средиземного или Эгейского (Белого); выстроенные по их образцу; поступившие с началом войны на русскую службу вместе со своими владельцами – греками. В большинстве своем в соответствии со скоростью хода и грузоподъемностью они использовались в качестве крейсерских (корсарских) или транспортных судов.

124

Фрегат «Царь Константин» под командой капитан-лейтенанта Лелли, выйдя в ноябре 1796 г. из Очакова в Севастополь, вследствие штормовых погод и противных ветров, был занесен к берегам Турции, вынужден был из-за значительных повреждений зайти в Босфор, где и остался на зимовку.

125

Так в подлиннике.

Рапорт такого же содержания был послан Ф. Ф. Ушаковым Адмиралтейств-коллегии.

127

Адмиралтейств-коллегия признала действия Ф. Ф. Ушакова правильными. См. рапорт Г. Г. Кушелева Павлу I от 21 июня 1798 г.

128

В правление Павла I, в 1797 г., Севастополь был переименован в Ахтиар – так называлось поселение рядом с древним Херсонесом и Севастопольская бухта до начала строительства города в 1784 г. Город оставался Ахтиаром до 1826 г., когда ему было возвращено название, выбранное Екатериной II.

129

Экспедиция Бонапарта в Египет в составе свыше 900 транспортов, под прикрытием эскадры из 13 линейных кораблей и большого числа фрегатов и других судов, вышла из французских портов (Тулон, Марсель) в мае 1798 г. Захватив по пути 12 июня Мальту, экспедиция в двадцатых числах июня прошла мимо Крита и 29–30 июля прибыла в Александрию, где и произвела высадку десантной армии в составе около 25 тысяч человек.

Рапорты не приложены.

Червонец – 3 руб. 70 коп.; *ефимок* – 1 руб. 75 коп.

132

Лейтенант Е. П. Метакса, грек по национальности, получив образование в России, по окончании Морского корпуса был выпущен в 1790 г. офицером и определен в Черноморский флот, где участвовал под начальством Ф. Ф. Ушакова в войне с Турцией. В 1798 г., будучи лейтенантом на корабле «Мария Магдалина», как знающий греческий и турецкий языки, исполнял функции офицера связи при турецком адмирале Кадыр-бее и переводчика во время переговоров с правителем Албании и Эпира Али-пашой Янинским. Оставил интересные записки об Ионической кампании 1798–1800 гг., изданные в 1915 г.

133

А. Олешев и К. фон Икскуль – мичманы, разжалованные за продажу казенного пороха в матросы. Ф. Ф. Ушаков назначил их ординарцами лейтенанта Е. П. Метаксы, чтобы дать им возможность службой заслужить прощение.

134

См. предыдущий документ.

135

Рапорт Ф. Ф. Ушакова того же содержания был послан в Государственную Адмиралтейств-коллегию и в Контору главного командира черноморских флотов.

136

Островом Св. Мавры на русских картах назывался остров Лефкас.

Пиастр – турецкая монета, около 60 коп.

138

Во время войны с Турцией 1787–1791 гг. командовали крейсерскими судами на Черном море.

139

Самая высокая гора на острове Св. Мавры.

140

В «Записках» Е. Метаксы к этому месту дано следующее примечание: «Они все перебрались на матерой берег, опасаясь наказания, а более еще мщения оскорбленных ими жителей».

Гласис – насыпь перед наружным рвом крепости.

Шермиция – перестрелка, стычка.

То есть задерживаются, откладываются.

Т. е. революционерами. «*Карманьола*» – название революционной песни, сложенной в 1792 г, в Париже.

145

Исторический журнал на эскадре велся историографом флота лейтенантом С. М. Телесницким.

146

Рисунок не прилагается.

147

Островок не в дальнем расстоянии от острова Видо, лежащий к западу от крепостей, на коем при венецианах, при французах состоял карантин. (*Прим. документа*)

148

Который в скором времени помер. (*Прим. документа*)

149

По недостатку на эскадрах десантных войск, кроме комплектного числа служителей, Блистательная Порта фирманом своим подписала всем губернаторам Албании доставить каждому к соединенным эскадрам в Корфу по 3000 албанцев для осады с сухого пути крепостей и иметь их в готовности предупредительно, до прибытия оных эскадр, дабы за оными не иметь остановки в действиях. (*Примечание документа*)

150

Эти фрегаты в составе отряда капитана 2 ранга А. А. Сорокина были выделены из эскадры в помощь англичанам для блокады берегов Египта и Сирии.

151

Гоцо – небольшой остров, расположенный вблизи о. Мальта.

152

Непосредственно, прямо.

То есть текущего месяца.

154

Арматор – владелец торгового судна; в данном случае имеются в виду жители Ионических островов, которые, вооружив свои суда, использовали их в качестве каперов против морской торговли и перевозок противника.

155

Это письмо в переводе и без указания даты помещено в приложениях к «Запискам» капитан-лейтенанта Е. Метаксы, изданным в 1915 г. под редакцией В. Ильинского. Из сопоставления с другими документами следует, что письмо это было написано в конце декабря 1798 г. или в начале января 1799 г. Поскольку точно определить дату его написания невозможно, оно помещено непосредственно перед ответным письмом Ф. Ф. Ушакова верховному визирю.

156

Русский посланник граф А. К. Разумовский в письме к А. В. Суворову от 22 марта 1799 г. считал необходимым, «имея целью успех в действиях для общей пользы», предложить вице-адмиралу Ушакову отрядить «часть войска для наблюдения за Анконою, и […] для защищения продовольствий, итальянской армии доставляемых».

157

Слово неразборчиво.

158

Капитан судна, шкипер.

159

То есть Апулия.

160

Так в документе.

161

Так в документе.

162

То есть в испанский порт Картахену.

То есть Картахене.

Аналогичное письмо было послано В. С. Томаре.

165

См. рапорт Ф. Ф. Ушакова Павлу I от 22 июня 1799 г.

166

Так в документе.

167

То есть продовольствие.

168

Так в документе. Должно быть: «с Андреем Яковлевичем», т. е. с А. Я. Италинским.

169

Так в документе.

170

Так в документе.

171

В этом письме от 21 октября 1799 г. князь Д. М. Волконский извещал Ф. Ф. Ушакова о движении своего отряда к Риму.

То есть высадив войска с судов на берег.

173

Лейтенант Н. А. Тизенгаузен после занятия о. Занте был назначен комендантом этого острова и представителем русского морского командования для наблюдения за правильностью действий органов самоуправления острова.

Так в документе. Вероятно, бывшие.

175

Так в документе.

176

См. письмо английского посланника Эльтона от 6 февраля 1800 г.

177

Так в документе.

178

См. ордер Ф. Ф. Ушакова П. В. Пустошкину от 13 февраля 1800 г.

179

См. следующий документ.

180

Так в документе. Должно быть: генерал-лейтенанту.

181

Так в документе.

182

См. Рескрипт Павла I Ф. Ф. Ушакову от 23 октября 1799 г.

183

Так в документе.

184

Так в документе.

185

Так в документе.

Махмет-бей – представитель турецкого правительства по дипломатической части.

187

Так в документе. Очевидно, описка писаря, должно быть – «нужном».

«Народное возмущение» подогревалось деятельностью англичан, стремившихся внушить жителям островов, что главной целью России является завладение Архипелагом и единственным препятствием на пути к этому является Британия. Главным проводником этой политики был английский консул на о. Занте Форести, который в своей деятельности опирался на группу влиятельных зантиотов английской ориентации.

189

Так в документе.

190

Так в документе.

Н. А. Тизенгаузену.

192

См. рапорт Ф. Ф. Ушакова Павлу I от 2 июня 1800 г.

193

Так в документе.

194

См. См. рапорт Ф. Ф. Ушакова Павлу I от 2 июля 1800 г.

195

Письмо того же содержания послано командиру фрегата «Сошествие Св. Духа» капитану 1 ранга К. К. Константинову.

196

Так в документе.

197

Слово не разобрано.

198

Так в документе.

199

Пожертвование сделано Ф. Ф. Ушаковым в связи с Отечественной войной 1812 г.